

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Базарнов М.А., Журов А.Н., Феднева Н.Л.</i> Виды преступлений против собственности в российском законодательстве (конец XV – первая половина XVII в.): историко-правовой анализ	6
<i>Барсегян С.Г., Гостев С.С., Левкина Е.С.</i> Устав уголовного судопроизводства 1864 г. – первая российская кодификация уголовно-процессуального права	11
<i>Бочаров В.В.</i> Периодизация истории государственности в контексте развития либертарно-юридической теории В.С. Нерсисянца	16
<i>Ковалева В.В.</i> Правовое регулирование в сфере биотехнологий	21
<i>Алексеев Н.А., Липски С.А.</i> Проблемы правового регулирования комплексного развития сельских территорий	27
<i>Смирнов В.А., Павлюк И.В., Овчинников В.А.</i> Правовые основы и особенности деятельности органов религиозной организации (на примере канонических подразделений Русской Православной Церкви)	31
<i>Шейко В.В.</i> Формирование критериев отбора экспертных организаций при реализации государственных закупок	36
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ	
<i>Арбит В.В.</i> Согласительные процедуры в административном правотворчестве	40
<i>Баскаков А.С.</i> Конституционно-правовые основы как категория современной юриспруденции	48
<i>Батурина А.В.</i> Правовая идеология в России в условиях угроз национальной безопасности	54
<i>Клементьев И.Е.</i> Эволюция канадской модели федеративных отношений	58
<i>Курьякова В.Ф.</i> Сравнительно-правовой анализ международного и российского законодательства: понятие территории объектов культурного наследия и прилегающих земель	65
<i>Липски С.А.</i> Меры правового характера, обеспечивающие реализацию Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации	72

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российская таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багда Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОВ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Щукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагеева Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминального права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.10.2024

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Монько В.С.</i> Перспективы нормативно-правовой регламентации использования искусственного интеллекта в государственном управлении	78	<i>Мулгачев Д.Н.</i> Правовые проблемы по антикоррупционным искам прокуратуры: вопросы теории и практики	172
<i>Мясников Д.В.</i> Ограничения правосубъектности в отношении мигрантов в российском трудовом законодательстве	84	<i>Находкин А.А.</i> Законные интересы заказчика на результаты разработки программ для ЭВМ	176
<i>Степанов А.М.</i> Преступность в сфере миграции: проблемы формирования терминологического аппарата	87	<i>Парилова Е.В.</i> Опционные конструкции: правовая природа и значение для финансового рынка	180
<i>Холопов А.В.</i> Визуализация аналитического содержания доказательственной информации в уголовном судопроизводстве	93	<i>Плохих С.А.</i> К вопросу о публичных цифровых платформах	184
<i>Мясников Д.В.</i> Правовой статус иностранных трудящихся в российском законодательстве	99	<i>Пожидаев Ю.П.</i> Регулирование имущественных правоотношений собственников инвестиционного пая и управляющей компании	188
<i>Чепис Д.С.</i> Правовые особенности доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям в странах Европейского Союза	102	<i>Сомова О.В., Моисеенко С.А.</i> Расширение пределов гражданско-правовой ответственности владельца агрегатора: на примере нарушения интеллектуальных прав при реализации контрафактной продукции	194
<i>Эрдэнэбат Ууганцэцэг, Буриад Лхагварачаа.</i> Правовое регулирование социального обеспечения в Монголии: аспекты противодействия бедности	107	<i>Стебаев А.А.</i> Регламентация содержания права пользователя программы для ЭВМ	198
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ		<i>Туманова А.Е.</i> Модель регулирования цифровых экосистем кредитных организаций в целях обеспечения экономического суверенитета Российской Федерации	201
<i>Байкалов Л.Г.</i> Правовые условия дифференциации стандартов добросовестного поведения приобретателя движимой вещи, находящейся в реестре уведомлений о залоге	114	<i>Штраубэ В.Л.</i> Актуальные проблемы правового регулирования охраны труда в РФ	210
<i>Ван Лу.</i> Эволюция правовой модели договорного регулирования брачно-семейных отношений в Российской Федерации	119	УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Вронская М.В., Бавина Е.М.</i> Развитие российского гражданского законодательства о машино-месте как объекте недвижимости	124	<i>Агафонов А.В.</i> Основания уголовно правового запрета склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте	215
<i>Выборова Я.Е.</i> Цифровой рубль как третья форма национальной валюты	129	<i>Аринкина Р.Р.</i> Понятие и правовое регулирование учетно-регистрационной деятельности органов предварительного расследования	221
<i>Иванов В.В.</i> Ограничения применения правовых моделей поддержки технологического предпринимательства	133	<i>Бельшков Д.С.</i> Обеспечение допустимости доказательств при получении образцов для сравнительного исследования в уголовном процессе	226
<i>Ильин И.В.</i> Вопросы состязательности сторон в гражданских делах по спорам об авторстве на изобретение, полезную модель, промышленный образец	140	<i>Боянщина В.В., Сыровацкая Ю.Е.</i> Развитие правовой модели определения категории незаконной миграции на основании оценки последствий для безопасности общества	231
<i>Конев Д.В.</i> К вопросу о допустимости экзекватуры судебных решений об обращении в доход Российской Федерации имущества публичного должностного лица	143	<i>Гантемиров К.Р.</i> Выявление законодательных подходов уголовно-правового регулирования защиты патентных прав в странах Ближнего Востока	235
<i>Кукушкин Р.К.</i> Актуальность принципа состязательности в современном гражданском процессе	148	<i>Горюнов И.В.</i> Проблемы производства отдельных следственных действий в условиях военного положения	239
<i>Кулаковский В.В.</i> Отрицательный сервитут: от ГГУ до законодательства Эстонии и Грузии	153	<i>Дерябин А.С.</i> Трансформация уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам в Российской Федерации	244
<i>Луговенко К.А., Гриб В.Г.</i> Правовое регулирование продвижения лекарственных препаратов блогерами в социальных сетях	158	<i>Егоров А.Н.</i> Качественный признак соучастия: теория и судебная практика	247
<i>Мотасова Д.Д.</i> Правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов на современном этапе	164	<i>Иванов А.А.</i> К вопросу об особенностях процессуального порядка окончания дознания с обвинительным актом и обвинительным постановлением	252

<i>Крюков А.В.</i> Необходимость квалификации ущерба, причинённого кражей юридическому лицу, как значительного	255
<i>Кучерков И.А.</i> Процессуальные особенности расследования организованной преступности во Франции	258
<i>Левандовская М.Г.</i> Условия применения единообразного подхода к конструированию квалифицирующего признака публичной демонстрации совершения преступлений против личности	263
<i>Чупрова А.Ю.</i> К вопросу об уголовной ответственности за использование технологии deepfake в криминальных целях	268
<i>Крюков А.В.</i> Освобождение от уголовной ответственности за преступления против порядка управления по примирению с потерпевшим	273
<i>Шогенова Ф.О., Алим Р.М.</i> Актуальные проблемы противодействия экстремистским и террористическим направлениям в исправительных учреждениях РФ	276

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Атмурзаев И.З.</i> Реализация в международном праве свободы доступа к информации социально уязвимых групп населения: на примере детей и инвалидов	282
<i>Горбунов Н.С.</i> Генезис международного сотрудничества в сфере обеспечения продовольственной безопасности	287
<i>Недова Н.С., Захарья И.Т.</i> Международный опыт противодействия коррупции	294
<i>Рахманов Р.А.</i> Взаимодействие Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (FATF) с региональными группами по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем в области национальных правовых практик по борьбе с отмыванием доходов	297

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Bazarnov M.A., Zhurov A.N., Fedneva N.L.</i> The concept and types of crimes against property in Russian legislation (late XV – first half of the XVII c.)	6
<i>Barseghyan S.G., Gostev S.S., Levkina E.S.</i> The Charter of Criminal Procedure of 1864 is the first Russian codification of criminal procedural law	11
<i>Bocharov V.V.</i> Periodization of the history of statehood in the context of the development of the libertarian-legal theory of V.S. Nersesyants	16
<i>Kovaleva V.V.</i> Legal relation in the field of biotechnologies... ..	21
<i>Alekseenko N.A., Lipski S.A.</i> Problems of legal regulation of integrated rural development..... ..	27
<i>Smirnov V.A., Pavlyuk I.V., Ovchinnikov V.A.</i> Legal basis and features of the activities of religious organization bodies (using the example of canonical divisions of the Russian Orthodox Church)..... ..	31
<i>Sheiko V.V.</i> Formation of criteria for selecting expert organizations in the implementation of public procurement	36

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Arbit V.V.</i> Conciliation procedures in administrative law-making..... ..	40
<i>Baskakov A.S.</i> Constitutional legal framework as a category of modern jurisprudence	48
<i>Baturina A.V.</i> Legal ideology in Russia in the context of threats to national security	54
<i>Klementyev I.E.</i> The evolution of the Canadian model of federal relations	58
<i>Kuryakova V.F.</i> Comparative legal analysis of international and Russian legislation: the concept of the territory of cultural heritage objects and adjacent lands	65
<i>Lipski S.A.</i> Legal measures ensuring the implementation of the State Program for the effective involvement in the turnover of agricultural land and the development of the reclamation complex of the Russian Federation	72
<i>Monko V.S.</i> Prospects for legal regulation of the use of artificial intelligence in public administration..... ..	78
<i>Myasnikov D.V.</i> Restrictions on legal capacity in relation to migrants in Russian labor legislation..... ..	84
<i>Stepanov A.M.</i> Crime in the field of migration: problems of terminology formation	87
<i>Kholopov Alexey Vasilievich</i> , Visualization of the analytical content of evidential information in criminal proceedings	93
<i>Myasnikov D.V.</i> Legal status of foreign workers in Russian legislation	99
<i>Chepis D.S.</i> Legal features of access to assisted reproductive technologies in the countries of the European Union	102

<i>Erdenebat Uugantsetseg, Buriad Lkhagvaragchaa.</i> Legal regulation of social security in Mongolia: aspects of combating poverty..... ..	107
---	-----

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Baykalov L.G.</i> Legal conditions for differentiation of standards of good faith conduct of the purchaser of movable property included in the register of notifications of pledge..... ..	114
<i>Van Lu.</i> Evolution of the legal model of contractual regulation of marriage and family relations in the Russian Federation..... ..	119
<i>Vronskaya M.V., Bavina E.M.</i> The development of Russian civil legislation on parking space as a real estate object..... ..	124
<i>Vyborova Ya.E.</i> The digital ruble as the third form of the national currency	129
<i>Ivanov V.V.</i> Limitations of legal models for supporting technological entrepreneurship	133
<i>Ilyin I.V.</i> Issues of adversarial nature of the parties in civil cases on disputes over authorship of an invention, utility model, industrial design..... ..	140
<i>Konev D.V.</i> On the Admissibility of Exequatur of Court Decisions allowing appropriation of the Property of a Public Official to the Income of the Russian Federation itself	143
<i>Kukushkin R.K.</i> The problems of the principle of consistency in the civil process	148
<i>Kulakovskii V.V.</i> Negative easement: from the BGB to the legislation of Estonia and Georgia..... ..	153
<i>Lugovenko K.A., Grib V.G.</i> Legal regulation of promotion of medicinal products by bloggers in social networks..... ..	158
<i>Motasova D.D.</i> Legal regulation of the use of unmanned aerial vehicles at the present stage	164
<i>Mulgachev D.N.</i> Legal problems with anti-corruption lawsuits of the prosecutor's office: questions of theory and practice	172
<i>Nakhodkin A.A.</i> The legitimate interests of the customer on the results of computer software development..... ..	176
<i>Parilova E.V.</i> Option constructions: legal nature and significance for the financial market	180
<i>Plokhikh S.A.</i> Issue of public digital platforms	184
<i>Pozhidaev Yu.P.</i> Regulation of property relations between owners of investment shares and the management company	188
<i>Somova O.V., Moiseenko S.A.</i> Expanding the Limits of Civil Liability of the Owner of an Aggregator: Using the Example of Violation of Intellectual Property Rights in the Sale of Counterfeit Products	194
<i>Stebaev A.A.</i> Regulation of the content of the user's right to a computer program..... ..	198
<i>Tumanova A.E.</i> A model for regulating digital ecosystems of credit institutions in order to ensure the economic sovereignty of the Russian Federation..... ..	201

Shtraube V.L. Current Issues in Labor Protection Legal Regulation in the Russian Federation..... 210

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Agafonov A.V. Grounds for criminal prohibition of persuading an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sport 215

Arinkina R.R. Organizational and legal bases of accounting and registration activities of the preliminary investigation bodies 221

Belyshkov D.S. Ensuring the admissibility of evidence in obtaining samples for comparative research in criminal proceedings 226

Boyandina V.V., Syrovatskaya Yu.E. Development of a legal model for determining the category of illegal migration based on an assessment of the consequences for public security 231

Gantemirov K.R. Identification of legislative approaches to criminal law regulation of the protection of patent rights in the countries of the Middle East 235

Goryunov I.V. Problems of Conducting Individual Investigative Actions in a State of Martial Law 239

Deryabin A.S. Transformation of criminal-legal counteraction to financial pyramids in the Russian Federation 244

Egorov A/N. The Qualitative Feature of Complicity: Theory and Judicial Practice 247

Ivanov A.A. On the issue of the specifics of the procedural order of the end of the inquiry with the indictment and the indictment 252

Kryukov A.W. The need to qualify the damage caused by theft to a legal entity as significant 255

Kucherkov I.A. Procedural features of the investigation of organized crime in France 258

Levandovskaya M.G. Conditions for applying a uniform approach to constructing a qualifying feature for public demonstration of the commission of crimes against a person 263

Chuprova A.Yu. On the issue of criminal liability for the use of deepfake technology for criminal purposes 268

Kryukov A.W. Exemption from criminal liability for crimes against the procedure of the department for reconciliation with the victim 273

Shogenova F.O., Makhov A.R. Current problems of countering extremist and terrorist trends in correctional institutions of the Russian Federation 276

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Atmurzaev I.Z. Implementation of freedom of access to information for socially vulnerable groups in international law: the example of children and disabled people 282

Gorbunov N.S. The genesis of international cooperation in the field of food security 287

Nedova N.S., Zakharya I.T. International experience in combating corruption 294

Rakhmanov R.A. Interaction of the Financial Action Task Force on Money Laundering (FATF) with regional groups on combating the laundering of proceeds of crime in the field of national legal practices to combat money laundering 297

Виды преступлений против собственности в российском законодательстве (конец XV – первая половина XVII в.): историко-правовой анализ

Базарнов Максим Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: pechkinru@yandex.ru

Журов Андрей Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: zhurov67@mail.ru

Феднева Наталья Львовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: nfedneva@gmail.com

Статья посвящена анализу преступлений против собственности в российском законодательстве в период становления и развития Московского государства (конец XV – первая половина XVII в.). Авторами прослеживается эволюция законодательных решений, рассматриваются мнения российских ученых по теоретическим проблемам квалификации преступлений против собственности, а также дается характеристика мерам государственного принуждения, которые применялись к правонарушителям за совершение преступлений против собственности. Акцентируется внимание на том, что в XVI в. законодатель зафиксировал новые квалифицирующие признаки, усиливающие ответственность за совершение имущественных преступлений. Подчеркивается, что для Судебника 1550 г. и Соборного уложения 1649 г. характерна более детальная, по сравнению с прежними законодательными актами, разработка вопросов установления уголовной ответственности за преступления против собственности с учетом квалифицирующих признаков, личности преступника, а также способов и форм совершения данных преступлений.

Ключевые слова: собственность, право собственности, уголовное право, преступления против собственности, кража, грабеж, разбой, поджог, мошенничество, повреждение чужого имущества, уголовная ответственность.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что в Российской Федерации преступления против собственности на протяжении многих лет имеют наибольший удельный вес в структуре зарегистрированных преступлений и в значительной мере отражают общее состояние и тенденции динамики преступности. В связи с этим изучение генезиса преступлений против собственности является актуальной проблемой, имеет научную ценность и практическую значимость.

Одной из самых динамично развивающихся отраслей права в период создания единого государства являлось уголовное право, отражающее реалии общественной и государственной жизни Московской Руси, а также закрепляющее новые тенденции и подходы к восприятию и оценке правовых явлений. В первую очередь это выражалось в отказе от рассмотрения преступных деяний как частных явлений, наносящих вред отдельному лицу и являющихся личным делом потерпевшего и его обидчика. В формирующемся праве единого Московского государства правонарушения стали рассматриваться как общественно опасные и формально запрещенные деяния. Меняется смысл и цели наказания: оно приобретает публично-правовое значение. В Судебнике 1497 г. традиционно высокий интерес законодателя был проявлен к имущественным преступлениям [11, с. 341–416]. В Судебнике отсутствовала стройная система преступлений, но преступления против собственности были отнесены к числу наиболее опасных преступных деяний, подрывающих основы общественного и государственного устройства. Подтверждением данного тезиса является вынесение смертной казни церковному татю, головному татю, татю, пойманному «вьдругие», татю, впервые пойманному с поличным, но признанному татем «ведомым».

Основными статьями, устанавливающими ответственность за совершение кражи, являлись пять статей Судебника – с 10 по 14. Л.В. Черепнин считал, что данные статьи представляют собой часть существовавшего в Московском государстве устава, целью которого являлась борьба с кражами [6, с. 199]. Согласно Судебника татьба, являясь тайным хищением чужого имущества, могла быть как простой, так и квалифицированной. При совершении квалифицированной кражи всегда присутствовалиотягчающие обстоятельства. Квалифицированные виды кражи выделялись по объекту

преступного посягательства (церковная и головная татьба), по повторяемости (неоднократно совершенная кража) и по субъекту (кража, совершенная ведомым лихим человеком). Максимально суровое наказание выносилось за совершение церковной и головной татьбы. Исходя из текста Судебника и судебных приговоров церковную татьбу можно трактовать как покушение на церковное имущество, либо как святотатство в широком смысле слова, то есть помимо кражи подразумевались действия, связанные с поруганием святынь и нарушением прав церкви. Несмотря на неоднозначную трактовку понятия головной татьбы, большинство исследователей считают, что речь идет либо о краже холопов, либо о краже людей для продажи их в холопство [5, с. 135; 8, с. 224–226].

Под простой кражей предусматривалась уголовно-наказуемое деяние, совершенное лицом в первый раз. Простая кража подразумевала отсутствие обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность. Судебник различал два вида простой кражи. Кража, при которой вор был задержан с поличным, наказывалась торговой казнью с возмещением убытков потерпевшему. Однако статья 13 предусматривала смертную казнь для вора, совершившего кражу в первый раз, если пять или шесть «добрых» людей «взмолвили», что «он тать ведомой и преж того неодинакова крадывал», то есть так называемая процедура «облихования» порождала особого субъекта – «ведомого лихого человека».

Упоминаемое понятие «поличное» получило различную трактовку у исследователей. Ряд ученых считают, что поличное означало имущество, похищенное у потерпевшего из-под замка [7, с. 323; 10, с. 78]. Другие же исследователи высказывали мнение о том, что поличное представляло собой украденную вещь, которая была найдена у вора с соблюдением процессуального порядка (присутствие выборных судей и пристава) и тем самым поличное уличало его в совершении преступления [3, с. 412; 17, с. 394]. Таким образом, одни авторы придают поличному уголовно-правовое значение, расценивая его в качестве специфического предмета преступления, а другие рассматривают поличное в уголовно-процессуальном смысле, характеризуя его как вещественное доказательство.

Особое место среди преступлений против собственности занимали грабеж и разбой. По степени общественной опасности они являются более тяжкими преступлениями чем кража. Грабеж упоминается только в статье 48 без определения каких-либо особых признаков. В иных правовых актах рассматриваемого периода также не дается характеристика объективных и субъективных признаков состава грабежа. Поэтому четко уяснить сущность данного преступления и ответить на вопрос о том, входил ли признак применения насилия к потерпевшему в юридическую конструкцию грабежа, не представляется возможным.

Грабеж и разбой – два вида преступлений против собственности, которые имеют схожие черты,

но различаются по ряду существенных признаков. В Судебнике не проведена грань между юридически значимыми признаками разбоя и грабежа, что не позволяет определить суть этих преступлений. Исходя из анализа статей Судебника, законодатель московского периода понимал под разбоем открытое, явное нападение с целью завладения чужим имуществом, которое сопровождалось либо угрозой применения насилия, либо насильственными действиями в отношении жертвы, а также особым субъектом (субъектами). Субъектами разбоя являлись разбойники, которые могли быть объединены в банду, то есть присутствует организованная устойчивая преступная группа с иерархическим составом. Как правило, совершение разбоя было для данных лиц постоянным способом добычи средств для существования.

В Судебнике фигурирует два понятия, связанные с уничтожением имущества огнем – «зажигательство» и «пожег». «Зажигательство» рассматривается исследователями как вид государственного преступления, выражающийся в поджоге города или крепости с целью сдачи неприятелю или дестабилизации обстановки и провокации мятежа. «Пожегом» предположительно являлось уничтожение или повреждение чужого имущества из-за неосторожного обращения с огнем и, возможно, даже умышленный поджог, но не повлекший тяжких последствий.

В качестве особого вида преступлений против собственности Судебник закрепил нарушение границ земельных участков и перепашку чужой земли. Криминализацией данного деяния законодатель хотел обеспечить в сфере земельных отношений устойчивую ситуацию, то есть функционирование легального механизма владения и распоряжения земельным участком, что положительно влияло на экономический оборот и социальную политику. Наказание за уничтожение или повреждение межевых знаков и за запашку чужой земли носило сословный характер. Вид и размер наказания зависел от того, на чью землю было совершено посягательство. Нарушение земельных владений великого князя, боярина или монастыря влекло за собой не только материальное взыскание, как в случае, когда «христиане промежу себя в одной волости или в селе кто у кого между переорет или перекосит», но и телесное наказание виновного кнутом.

Перечень имущественных преступлений в Судебнике 1550 г. во многом совпадал с тем, который был в Судебнике 1497 г. [4]. В то же время появились и были закреплены новые составы преступлений, такие как мошенничество и несоблюдение правил клеймения и регистрации лошадей. Наказание за совершение мошеннических действий было аналогичным наказанию за кражу – «а мошеннику та же казнь, что и татю» (статья 58). Однако суть данного противоправного действия в историко-правовой и уголовно-правовой науке имела различную трактовку. По мнению ряда ученых, в том числе И.Я. Фойницкого, «мошенничество» явля-

лось «карманной кражей», разновидностью татьбы, «обманное, ловкое (иногда внезапное) похищение чужого имущества» или карманная кража [16, с. 181–182]. Термин «мошенник» автор отождествлял с древнерусским словом «мошна», то есть кошелек. Данной точки зрения также придерживался Л.С. Белогриц-Котляревский. По мнению последнего мошенники «это воры, срезавшие у потерпевших в людных местах с пояса кошелек с деньгами» [2, с. 311]. Другие же исследователи имели иной взгляд и интерпретировали мошенничество как хищение чужого имущества с помощью обмана. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что «в ст. 58 Судебника речь шла о мошенниках именно как о преступниках, обманным путем завладевших чужим имуществом» [3, с. 412]. В указанной статье дважды упоминается слово «оманщик», то есть «обманщик»: «а мошеннику та ж казнь, что и татю. А хто на оманщике взыщет и доведет на него, ино у ищеи иск пропал. А оманщика, как его ни приведут, ино его бита кнутьем». Таким образом, анализируя целиком текст статьи 58 можно сделать вывод о синонимичности терминов «мошенник» и «обманщик». Изучая последующие нормативные памятники и в качестве подтверждения своей точки зрения, М.Ф. Владимирский-Буданов ссылался на статью 112 Судебника 1589 г., в которой также употреблялись как синонимы термины «мошенник» и «оманщик»: «а хто на мошеннике или на оманщике взыщет того, что его оманул, и хоти его трою днем изымаешь и доведешь на него, ино его бита кнутом ... » [4].

Если в Судебнике 1497 г. объективные и субъективные признаки грабежа не были закреплены, то Судебник 1550 г. этот законодательный пробел во многом устранил. В статье 25 закреплялось положение о том, что при обвинении лица в грабеже и «бое» наказания должны были назначаться отдельно за каждое преступление. Л.С. Белогриц-Котляревский, анализируя статьи Судебника, делал вывод: если «захват собственности сопровождался нанесением насилия лицу, является не одно преступление – грабеж, а два – бой и грабеж» [1, с. 29–33]. Ряд ученых, отмечая наличие в статьях о грабеже термина «насильством», делали вывод, что грабежу, как и разбою, был присущ признак насилия, а разница между этими преступлениями заключалась лишь в их субъекте: «разбой совершают разбойники», а «насильственное отнятие имущества, совершенное не разбойниками, есть грабеж» [9, с. 172–173; 13, с. 314–315]. Д.Г. Тальберг объяснял данную ситуацию несформированностью и нечеткостью правовых понятий той эпохи, что приводило к их широкой трактовке. Так, грабеж нередко употреблялся «в актах XVI–XVII веков в смысле вообще насилия, притеснения, а иногда вымогательства» [14, с. 84–88]. Понятие «насильство» используемое вместе с грабежом могло означать не применение преступником физического насилия, а то, что он действовал противоправно.

Что касается нарушения порядка клеймения и регистрации лошадей, то оно имело место,

во-первых, когда лицо, купившее или выменявшее лошадь, ее «до такова ж дни не запятнает и в книги не запишет» (ст. 95 Судебника 1550 г.), а во-вторых, когда клеймо ставилось на «непродажную» или «доморощенную» лошадь (ст. 96).

Накопленный к середине XVII в. нормативный материал, изданный после Судебников, часто содержащий положения, противоречащие друг другу, а также обострение классовых и сословных противоречий к середине XVII в. побудило правительство срочно заняться кодификацией законодательства. Большое число спорных нормативных актов, а также актов, носящих казуальный характер, не приведенных в систему, создавало существенные трудности при их применении на практике судебными учреждениями. Неудовлетворительное состояние законодательства вызывало недовольство помещного дворянства, которое требовало четкого решения и закрепления вопросов расширения прав на помещные земли и закрепощения крестьянства. К дворянству присоединялись посадские люди, настаивающие на ликвидации белых слобод и включения их в государственное тягло, возврате отторгнутых городских земель. Смутное время породило большое количество споров о земле, в первую очередь, это касалось правовой регламентации земельных пожалований, дарованных Лжедмитрием I, Лжедмитрием II и польским королем Сигизмундом III. Все эти проблемы нуждались в единообразном правовом регулировании, на основе которого суды могли бы разрешать возникающие споры. Поэтому летом 1648 г. на совместном заседании Боярской думы и Освященного собора было принято решение о создании нового систематизированного закона, который должен был способствовать установлению порядка в государстве, единству права и правоприменительной практики на территории Российского государства. Развитие товарно-денежных отношений, формирование новых типов форм собственности привело к обособлению в Соборном уложении 1649 г. сферы имущественных отношений и формированию развитой системы преступлений против имущества [12].

Татьба в Соборном уложении подразделялась на простую и квалифицированную. Предметом кражи могло выступать любое имущество, в частности, в ряде статей говорится о похищении сельскохозяйственной продукции с поля, из сада, с огорода, улей с пчелами с пасеки. Стоимость похищенного не оказывало влияния на квалификацию деяния: когда крадут вещи большой стоимости или когда вор срывает в чужом саду «плоды такой ценности, которую нельзя было, может быть, и перевести на деньги» [1]. Наиболее опасными видами кражи (квалифицированная кража) были повторная татьба, похищение церковного имущества и татьба, сопряженная с убийством.

Соборное уложение предусматривало ответственность за совершение грабежа и разбоя. В статье 91 главы XXI рассматривался следующий случай, произошедший во время стихийного бедствия: «а будет тот, у кого то поличное вынято, ска-

жет, что он взял то поличное на пожаре, или из воды вынял, а не грабежом, и в приказе являл и записал, и сыщется про то допряма, что то поличное не грабежом взято, и тому, кто за то поличное поимается, велети у него то поличное выкупить, а выкупу дати против торговой цены вполы», то есть, если человек доказывал, что имущество им было взято из огня или воды без грабежа, о чём он своевременно заявил в Разбойный приказ, то оно оставалось в его владении, а собственнику предоставлялось право вернуть это имущество, выплатив человеку, его спасшему, половину стоимости имущества.

Разбойные действия могли быть произведены с отягчающими обстоятельствами или без таковых. Отягчающими обстоятельствами при разбое являлись повторность, совершенное убийство, поджог или когда разбой был исполнен «ведомо лихим» человеком.

Мошенничество в Уложении приравнивалось к татьбе, совершенной впервые. Наказание устанавливалось аналогичное, что и за первую кражу (глава XXI, статья 11). Наряду с общей нормой об ответственности за мошенничество Уложение включало несколько специальных норм, в которых раскрывались отдельные его виды.

Ряд норм Уложения, в силу бесспорной актуальности данной проблемы для Московского государства, посвящен установлению ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества вследствие пожара. Дифференциация ответственности происходила с учетом трех факторов: место пожара, наличия и отсутствия вины лица и формы вины, если была доказана виновность лица. При пожаре в лесу или на поле учитывалось: «нарошным делом», «по недружбе» или «без хитрости» был нанесен ущерб (глава X, статья 223, 224). «Безхитростные» действия лиц, приведшие к пожару, не подлежали ответственности («дело учинится без хитрости, и на нем пени и исцова иску не имати»), если же присутствовала вина, то лицо отвечало в гражданско-правовом порядке («а такое пожарное разорение взяти пеня, что государь укажет, а исцу велети на них доправити убытки по сыску»). Особое внимание законодателя было привлечено к пожарам, произошедшим в жилых массивах. При неумышленном пожаре, лицо у которого загорелся дом и огонь перекинулся на другие дома, не привлекался к ответственности. Если человек был нанимателем дома и «в договоре у него будет, что ему того двора «не зажечь, и от огня беречь», собственник дома был вправе потребовать стоимость сгоревшего дома. Умышленный поджигатель («кто некия ради вражды, или разграбления зажжет у кого двор, и после того он будет изыман, и сыщется про него допряма, что пожар он учинил нарочным делом) карался смертной казнью в форме сожжения («зажигалщика казнити зжечь»).

Уложение, как и Судебники, предусматривало ответственность за порчу межи на землях различ-

ных субъектов земельной собственности – государственной, боярской и дворянской, крестьянской.

Таким образом, завершая анализ видов преступлений против собственности, следует сделать следующие выводы. Период Московского государства может быть охарактеризован как время становления уголовного права, в частности, той его части, которая предусматривала ответственность за совершение преступлений против собственности. Как было отмечено, особенностью Судебника 1497 г. являлось то, что нем законодатель установил различия между видами повторной кражи. В Судебнике 1550 г. впервые в русскому праву закреплён состав мошенничества. В Соборном Уложении 1649 г. законодательные предписания, рассматривающие различные виды посягательств на собственность, приобрели конкретизацию и систематизацию.

Литература

1. Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве-краже по русскому праву. Киев, 1880.
2. Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права: общая и особенная часть. Харьков, Киев: Южно-рус. кн-во Ф.А. Иогансона.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. СПб., 1887.
5. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). Москва, 1982.
6. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв.ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. М.: Норма, 2017.
7. Калачев Н.В. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным. 1842.
8. Кольчева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). М., 1971.
9. Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права: Московское государство. СПб., 1890.
10. Линовский В.В. Исследование начал уголовного права. Одесса, 1847.
11. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / под ред. Л.В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1955.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. I. № 1.
13. Сергеевич В.И. Лекции и исследования под древней истории русского права. СПб., 1910.
14. Тальберг Д.Г. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж): историко-догматическое исследование. СПб., 1880.
15. Упоров И.В. Регламентация грабежа как преступления против собственности в Соборном

Уложениях 1649 г. // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. № 1–2 (7).

16. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. М.: Закон, 2011.
17. Числов П.И. История русского права московского и петербургского периодов. М., 1902.

THE CONCEPT AND TYPES OF CRIMES AGAINST PROPERTY IN RUSSIAN LEGISLATION (LATE XV – FIRST HALF OF THE XVII C.)

Bazarnov M.A., Zhurov A.N., Fedneva N.L.

V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the analysis of crimes against property in Russian legislation during the formation and development of the Moscow state (the end of the XV – the first half of the XVII century). The authors trace the evolution of legislative decisions, consider the opinions of Russian scientists on the theoretical problems of qualifying crimes against property, and also characterize the measures of state coercion that were applied to offenders for committing crimes against property. ownership. Attention is focused on the fact that in the XVI century. The legislator has fixed new qualifying signs that strengthen responsibility for committing property crimes. It is emphasized that the Judicial Code of 1550 and the Cathedral Code of 1649 are characterized by a more detailed, in comparison with previous legislative acts, development of issues of establishing criminal liability for crimes against property, taking into account qualifying characteristics, the identity of the offender, as well as methods and forms of committing these crimes.

Keywords: property, ownership, criminal law, crimes against property, theft, robbery, arson, fraud, damage to other people's property, criminal liability.

References

1. Belogrity-Kotlyarevsky L.S. On theft-theft under Russian law. Kiev, 1880.
2. Belogrity-Kotlyarevsky L.S. Essays on the course of Russian criminal law: general and special part. Kharkov, Kiev: Yuzhno-Rus. book by F.A. Ioganson.
3. Vladimirovsky-Budanov M.F. Review of the history of Russian law. Kiev, 1907.
4. Vladimirovsky-Budanov M. F. A textbook on the history of Russian law. St. Petersburg, 1887.
5. Zimin A.A. Russia at the turn of the XV–XVI centuries (essays on socio-political history). Moscow, 1982.
6. The history of court and justice in Russia: in 9 volumes / ed. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. M.: Norm, 2017.
7. Kalachev N.V. On criminal law according to the Judicial Code of Tsar John Vasilyevich // Legal notes published by Peter Redkin. 1842.
8. Kolycheva E.I. Serfdom and serfdom (late XV–XVI century.). M., 1971.
9. Latkin V.N. Lectures on the external history of Russian law: The Moscow State. St. Petersburg., 1890.
10. Linovsky V.V. The study of the principles of criminal law. Odesa, 1847.
11. Monuments of Russian law. Issue 3: Monuments of law of the period of formation of the Russian centralized state of the XIV–XV centuries / edited by L.V. Cherepnin. M.: Gosyurizdat, 1955.
12. The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. I. N. 1.
13. Sergeevich V.I. Lectures and studies of the ancient history of Russian law. St. Petersburg, 1910.
14. Talberg D.G. Forcible theft of property under Russian law (robbery and robbery): a historical and dogmatic study. St. Petersburg, 1880.
15. Uporov I.V. Regulation of robbery as a crime against property in the Cathedral Code of 1649 // New word in science: development prospects. 2016. № 1–2 (7).
16. Foinitsky I. Ya. Fraud under Russian law. Comparative research. Moscow: Zakon, 2011.
17. Chislov P.I. The history of Russian law of the Moscow and St. Petersburg periods. M., 1902.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. – первая российская кодификация уголовно-процессуального права

Барсегян Сурен Григорьевич,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: barseg196@mail.ru

Гостев Сергей Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: dragon9006@list.ru

Левкина Екатерина Сергеевна,

преподаватель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: elevkina2007@yandex.ru

Статья посвящена анализу одного из этапов развития российского процессуального права и законодательства, связанного с проведением судебной реформы 1864 г. и изданием первого в России кодифицированного уголовно-процессуального акта – Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В статье дана характеристика подготовительной работы над судебными уставами, исследуются основные идеи, составившие концепцию судебной реформы 1864 г. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. является подлинным образцом отечественного законодательства и правовой культуры, оставившим свой след истории российского права. Благодаря Уставу в уголовное судопроизводство были внедрены такие принципы и институты как гласность, устность, состязательность, презумпция невиновности, право обвиняемого не свидетельствовать против самого себя и право на юридическую помощь, суд присяжных и т.д. Авторами были рассмотрены общие положения Устава, а также основные стадии уголовного процесса, которыми являлись предварительное расследование, предание суду, приготовительные распоряжения к суду, рассмотрение дела, исполнение приговора.

Ключевые слова: судебная реформа, кодификация права, Устав уголовного судопроизводства, уголовный процесс, принципы и институты уголовного процесса, принцип законности, адвокатура, прокуратура, суд присяжных, институт судебных следователей.

Среди реформ Александра II именно судебная реформа являлась преобразованием, благодаря которому был создан эффективный механизм защиты личности и собственности. Устав уголовного судопроизводства, являющийся одной из правовых основ судебной реформы, был важнейшим событием в истории российского уголовного процесса, поскольку сформировал институциональные основания современного российского уголовного процесса, в рамках которых, невзирая на все исторические пертурбации, он развивается последние полтора века.

Принятию Судебных уставов 1864 г. предшествовала длительная и трудоемкая работа, которая включала создание проектов, их обсуждение в различных ведомствах, доработку и приведение их в единое целое. Во второй половине 50-х гг. в Государственный Совет вносятся проекты по реорганизации судебной системы. В 1861 г. государственный секретарь В.П. Бутков в своем докладе Александру II указывает на необходимость определиться «в утверждении основных начал» судопроизводства. Император поручает В.П. Буткову совместно с председателем Государственного Совета Д.Н. Блудовым подготовить подробный доклад о порядке рассмотрения в Государственном Совете проектов судебных преобразований. Автором повторного доклада был С.И. Зарудный, определивший три базовых постулата, которые легли в основу предстоящей работы по преобразованию судебной части: 1) извлечение из старых проектов главных основных начал, 2) передача дела судебной реформы из Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии в Государственную канцелярию и 3) о привлечении к делу ученых-правоведов и специалистов-практиков. 23 октября 1861 года доклад был утвержден. На основании доклада Государственная Канцелярия совместно с ведущими российскими юристами начала работы по формированию «основных начал» судебных преобразований. К сентябрю 1862 г. работа была закончена и «Основные положения преобразования судебной части в России» были утверждены императором Александром II 29 сентября 1862 г. [3]. В этот же день при Канцелярии Государственного совета была создана «Комиссия для составления законоположений о преобразовании судебной части», во главе которой был поставлен В.П. Бутков. В январе 1863 г. Комиссия завершила работу и было принято решение привлечь к обсуждению разработанных материалов не только чиновников различных ведомств, но и юридическое сообщество и представителей образованной ча-

сти российского общества. «Основные положения» были опубликованы в российской печати: на них поступило 446 замечаний, которые были учтены при составлении проектов будущих законов о судебной реформе. Для создания законодательной базы были созданы три комиссии, возглавляемые ведущими представителями российской правовой науки: уголовную комиссию возглавил Н.А. Буцковский, гражданскую – С.И. Зарудный, судопроизводства – А.М. Павловский.

Поступив на рассмотрение во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии и к министру юстиции, проекты также прошли через обсуждение сенаторов и обер-прокуроров. Последнее было организовано министром юстиции Д.Н. Замятиным, который самолично рассмотрев проекты Уставов, оставил замечания, составившие 500 страничный том. В декабре 1863 г. проекты были обсуждены в Государственном совете [8].

20 ноября 1864 г. был утвержден Устав уголовного судопроизводства [5]. В Уставе уголовного судопроизводства были закреплены демократические принципы уголовного процесса. В статье 1 было указано, что привлечение к уголовной ответственности возможно только в судебном порядке и на основании норм Устава уголовного судопроизводства. Был зафиксирован принцип отделения судебной власти от администрации, что реализовывалось через выделение судебных следователей, а также провозглашение независимости и несменяемости судей. Задержание и арест осуществлялись на основании закона (статья 8). Вводился принцип индивидуализации уголовной ответственности (статья 15). Принцип презумпции невиновности прямо не был зафиксирован в Уставе, но по ряду косвенных признаков он действовал. Так, если проанализировать статьи с 3 по 5 Устава, то принцип презумпции невиновности проявлялся в распределении бремени доказывания вины подсудимого (прокурор, частные обвинители, потерпевшие, полиция и иные административные лица). Также сторона защиты имела право доказывать невиновность обвиняемого всеми законными способами. И, наконец, было введено в жизнь одно из старейших правовых положений, существовавшее еще в римском праве: сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

В Уставе на смену формальной теории доказательств пришла оценка доказательств на основании внутреннего судейского убеждения, которое формировалось на основе анализа судьями письменных и вещественных доказательств, показаний свидетелей и заключений экспертов, доводов стороны обвинения и защиты, показаний подсудимых. Судебное разбирательство стало открытым и гласным по большинству дел, некоторые дела из соображений нравственности или по причине угрозы общественной или государственной безопасности могли быть рассмотрены в закрытом порядке. Процесс был устным, что означало необходимость непосредственного заслушивания всех причастных

к делу. Судебная стадия уголовного процесса была состязательной, тогда как стадия предварительного расследования характеризовалась розыскными чертами. Наличие принципа состязательности в судебном процессе вызвало потребность в создании института адвокатуры. Был создан суд присяжных, рассматривающий преступления, за которые в законе были определены наказания, соединённые с лишением или ограничением прав состояния. Реорганизованная прокуратура выступала как независимая структура, не входящая в состав судебного ведомства. Она являлась стороной обвинения и осуществляла надзор за деятельностью следователей в ходе предварительного следствия.

Закрепленный в Уставе принцип законности, повлек за собой необходимость четкой правовой регламентации всех процессуальных действий и их субъектов. Для каждой стадии уголовного процесса были закреплены задачи, круг участников, порядок процессуальной деятельности. Еще раз было подтверждено выделение дознания и предварительного следствия как форм предварительного расследования.

Целью дознания являлось установление факта преступления. Производство дознания возлагалось на полицию, которая осуществляла следственные и процессуальные действия. Полученные в ходе дознания сведения не имели юридической силы и являлись дополнительными материалами, которые передавались следователю с уведомлением прокуратуры.

В некоторых случаях на полицию возлагалась задача по осуществлению предварительного следствия. По мнению Л.Л. Соловьевой, полиция «в области уголовного процесса являлась: 1) исполнителем некоторых следственных действий, поручаемых ей мировым судьей, следователем, прокурором; 2) публичным обвинителем при мировых судах; 3) участником в производстве предварительного следствия» [7].

Предварительное следствие находится в исключительном ведении судебного следователя. Органы полиции могли оказать содействие судебным следователям при производстве следствия. Правда, в некоторых случаях, полиция имела право осуществлять предварительное следствие без судебного следователя, а следователь мог вести розыскные мероприятия.

Для открытия предварительного следствия требовалось «законный повод» и «достаточное основание». Необходимо обратить внимание на тот факт, что в Уставе не было четко определено понятие «достаточного основания», то есть существовала широта усмотрения следователя при трактовке этого понятия и открытия следственных действий. Нельзя было прекратить следствие по мотивам отсутствия подозреваемого или из-за того, что обвиняемый скрылся от следствия. Прекращение следствия находилось в ведение суда: следователь для приостановки следствия обращался через прокурора в суд.

Статьи с 278 по 287 закрепляла правовой статус органов прокуратуры при производстве предварительного следствия. Статья 278 закрепляла принцип отделения судебной власти от власти обвинительной: производить следствие прокуроры не имели право. Неукоснительное выполнение требований прокурора следователем требовалось лишь в том случае, если они были направлены в пользу обвиняемого (например, при освобождении из-под стражи). Если же прокурор настаивает на заключении обвиняемого под стражу, а следователь не согласен с доводами прокурора, то именно в этом случае он докладывал об этом суду.

Следствие могло начаться по жалобе частного лица, полиции, присутственных мест, явки с повинной и, наконец, дело могло быть возбуждено следователем или прокурором. Ограничение усмотрения следователя в вопросе возбуждения предварительного следствия содержалось в статье 313, где было сказано, что «судебный следователь приступает к следствию по собственному усмотрению лишь в том случае, когда застигнет совершающееся или только совершившееся преступное деяние».

К уголовно-процессуальным действиям следователя относились: осмотр и освидетельствование (в том числе через экспертов и врачей), обыски и выемки в домах, отыскание и сохранение вещественных доказательств, вызов и допрос обвиняемого, свидетелей, установление меры пресечения для явки обвиняемого и т.д. Все следственные действия осуществлял лично следователь.

Российский уголовный процесс носил смешанный характер: на стадии предварительного расследования господствовали розыскные начала, на стадии судебного разбирательства присутствовала состязательность. Отсюда вытекала особая роль следователя. В.П. Даневский писал: «принципиальный недостаток предварительного следствия коренится в инквизиционном начале, проникающем эту стадию процесса, противоречащему состязательному принципу, который проходит весьма заметно через окончательную стадию уголовного судопроизводства».

По мнению Л.Л. Соловьевой, «инквизиционный характер деятельности следователя раскрывался в тройственной роли, которой он был наделен в соответствии с законом» [7]. Согласно Устава уголовного судопроизводства следователь мог выступать в качестве судьи, стороны обвинения и стороны защиты. Статьи 323, 324, 328, 438 наделяли следователя правомочиями судьи: имел право штрафовать и снять штраф с понятых, экспертов, свидетелей. Б.Л. Бразоль писал, что «деятельность следователя, оставаясь инквизиционной с точки зрения конечной ее цели, осложнилась стремлением противоположного характера, а именно желанием провести и на предварительном следствии принцип состязательного начала, с сообщением органам следственной власти судьейского беспристрастия». Поддерживал Б.Л. Бразоля в этом вопросе и О.А. Нильсен, который считал, что «ничто не вредно так для правосудия, как стремление

во что бы то ни стало обнаружить и уличить обвиняемого, так как судебный следователь при этом условии перестает быть беспристрастным судьей и следствие теряет полноту...».

Ведение судебного следствия требовало от следователя составления ряда официальных бумаг, так называемым актов предварительного следствия, к которым относились протоколы, постановления и повестки. На основании статьи 467 каждое главное действие следствия требовало письменного оформления. В постановлениях обязательно было указание время их составления, поводы и основания предпринимаемых действий. С одной стороны, подобный формализм можно было расценить как характерную черту инквизиционного процесса, но с другой стороны, если вдуматься и вспомнить предыдущее состояние следствия, когда постановления и протоколы оформлялись не только без соблюдения законных требований, но и безграмотно, неряшливо, когда на протоколах неграмотные люди ставили кресты, то данное требование Устава нужно воспринять как прогресс.

Сведения, занесенные в протокол, подлежали оглашению тем лицам, которые значились в них. Статья 470 допускала подпись за неграмотных третьих лиц, кому они доверяют.

В Устае были четко зафиксированы права подсудимого (обвиняемого). Ему были обязаны огласить причины задержания, если в течении суток следователь не смог его допросить, об этом составлялся протокол и бремя объяснения возлагалось на полицию (статьи 398–400). Обвиняемый имел право присутствовать при проведении всех следственных действий, следователь не имел права с помощью ухищрений или угроз добиваться показаний от обвиняемого, обвиняемый имел право отказаться от дачи показаний. Обвиняемый имел право давать показания на родном языке и для него приглашался переводчик, также дело обстояло и с глухонемыми и вообще лицами, не могущими передавать свои мысли на словах. Действия следователя обвиняемый мог обжаловать в суде.

По окончании следствия следователь представлял обвиняемому следственное производство на ознакомление и, если у того отсутствовали возражения, передавал материалы прокурору, который составлял заключение о предании обвиняемого суду в форме обвинительного акта. Обвинительный акт или заключение о прекращении или приостановлении дела прокурор передавал окружному суду, если речь не шла о преступлении, связанном с лишением или ограничением прав состояния, или судебной палате, если предполагалось более тяжкое правонарушение.

Судебное следствие начиналось с распорядительного заседания окружного суда, где рассмотрению подлежали все сомнительные моменты. Далее определялся круг свидетелей для вызова в суд, утверждался состав суда, присяжные и т.д. Именно на этой стадии был допущен защитник (адвокат), который имел право встреч с подсудимым без посторонних лиц, знакомиться с материалами

дела и делать из него выписки в присутствии секретаря суда.

В судебном разбирательстве участвовали три коронных судьи, обвинитель, защитник, подсудимый и потерпевшие. Если предусматривалось наказание, связанное с лишением всех прав состояния, то участвовали присяжные заседатели. Допускался отвод судей, как потерпевшим, так и подсудимым с указанием весомых причин.

Судебное разбирательство было открытым, за исключением ряда дел, в которых затрагивались вопросы религии и морали.

Судебное следствие начиналось с оглашения обвинительного заключения, затем производились допрос обвиняемого, свидетелей, заслушивалось мнение экспертов, могли быть оглашены протоколы об осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках. Молчание подсудимого не расценивалось как признание вины.

Судебное следствие заканчивалось заключительными прениями, в которых принимали участие (в зависимости от обстоятельств дела) прокурор, частный обвинитель, гражданский истец, защитника и подсудимый. В обвинительной речи прокурор описывал обстоятельства обвинения на основе проведенного судебного следствия и свое заключение о свойстве и степени вины подсудимого. Если дело рассматривается без участия присяжных прокурор дополнительно сообщал о мере наказания для подсудимого. Если дело слушалось с участием суда присяжных, то вынесению приговора предшествовал вердикт присяжных о виновности или невиновности подсудимого. После вынесения обвинительного вердикта присяжных прокурор оглашал меру наказания. Защитник выдвигал возражения, затем последнее слово предоставлялось подсудимому. Приговор составлялся судьями в совещательной комнате.

Суд мог смягчить наказание на одну или две степени, ходатайствовать перед императором о смягчении наказания в размере, «выходящем из пределов судебной власти, или о помиловании подсудимого, вовлеченного в преступление несчастным для него стечением обстоятельств» (статья 775).

После оглашения приговора предоставлялся двухнедельный срок на его обжалование. По неокончательным приговорам (приговоры мировых судов и окружных судов без участия присяжных) была возможна подача апелляционной жалобы со стороны подсудимого, прокурора и частного обвинителя (статьи 856–858). Согласно статьи 854 приговоры, вынесенные окружным судом с участием присяжных и приговоры судебной палаты, являлись окончательными и могли быть отменены в кассационном порядке по предоставленным прокурора или по жалобам лиц, участвующих в деле. Апелляционными инстанциями являлись съезды мировых судей и судебные палаты. Кассационное рассмотрение жалоб и протестов осуществляли департаменты Сената.

Если приговор не был обжалован в установленный срок, он вступал в законную силу и подлежал

исполнению. Оправдательный приговор исполнялся сразу по объявлении краткой его резолюции (статья 789).

Надзор за исполнением приговора осуществляла прокуратура (статья 948). Полиция занималась взятием под стражу и отправкой осужденных в места заключения (статья 950). Губернское правление отдавало распоряжение о взятии в казну или опеку имущества осужденных, формировало партии каторжан и ссыльных (статья 951). Духовное ведомство снимало с осужденных духовный сан или степень священства (статья 952), судебные приставы производили денежные взыскания, как наложенные в наказание, так и присужденные в удовлетворение потерпевшим вреда и убытков (статья 954). Статья 963 регулировала исполнение приговора.

Судебная реформа 1864 г., по мнению отечественных и зарубежных ученых, является наиболее продуманной из реформ 60–70-х гг. XIX в., а издание Устава уголовного судопроизводства 1864 г., несомненно, самым большим ее достижением. В ходе судебной реформы не только было реализовано отделение гражданского процесса от уголовного, но, что является наиболее существенным, это разделение было закреплено в отдельных кодексах – Уставе уголовного судопроизводства и Уставе гражданского судопроизводства. Поэтому Устав уголовного судопроизводства по праву может быть назван первой полноценной кодификацией уголовно-процессуальных норм.

Если анализировать историко-правовое значение Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и его влияние на последующее развитие отечественного уголовно-процессуального права, то одним из главных его достижений является выделение «Общих положений». Ведь недаром в Советском государстве при проведении судебно-правовой реформы первой половины 20-х гг. были использованы основные идеи и положения судебной реформы 1864 г. Все последующие российские уголовно-процессуальные кодификации включали в свой состав «Общие» или «Основные» положения, что не наблюдалось у зарубежных аналогов. Таким образом, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. повлиял не только на суть, но и на форму наших уголовно-процессуальных кодексов.

Литература

1. История суда и правосудия в России: в 9 т./ отв.ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 2: Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV – 70-е годы XVII века): монография / отв.ред. Н.М. Золотухина, В.М. Сырых. М.: Норма, 2017.
2. Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М.: Юридическая литература. 1967.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXVII. № 38761.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXIX. № 41475.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41476.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией проф. О.И. Чистякова. Москва: Юридическая литература. Т. 8: Судебная реформа / отв. ред. тома д.ю.н., проф. Б.В. Виленский. М., 1991.
7. Соловьева Л.Л. Становление института судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века (на материалах Рязанской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губернии). Дисс. ... к.ю.н. Владимир, 2007.
8. Судебная власть в России: история, документы: в 6 томах. Том 1. Начала формирования судебной власти О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин; науч. ред. Е.А. Скрипилев; Национальный общественно-научный фонд, Институт развития права и судебной практики. Москва: Мысль, 2003.
9. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 2. 2-е издание, дополненное. С.-Петербург: в типографии 2 отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912.

THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEDURE OF 1864 IS THE FIRST RUSSIAN CODIFICATION OF CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Barseghyan S.G., Gostev S.S., Levkina E.S.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article is devoted to the analysis of one of the stages in the development of Russian procedural law and legislation related to the judicial reform of 1864 and the publication of the first codified criminal procedure act in Russia – the Statute of Criminal Proceedings of 1864. The article describes the preparatory work on judicial statutes,

examines the main ideas that formed the concept of judicial reform in 1864. The Statute of Criminal Proceedings of 1864 It is a genuine example of domestic lawmaking and legal culture, which has left its mark on the history of Russian law. Thanks to the Statute, such principles and institutions as transparency, oral, adversarial, presumption of innocence, the right of the accused not to testify against himself and the right to legal assistance, jury trial, etc. were introduced into criminal proceedings. The authors considered the general provisions of the Statute, as well as the main stages of the criminal process, which were preliminary investigation, trial, preparatory orders for trial, consideration of the case, execution of the sentence.

Keywords: judicial reform, codification of law, Statute of criminal proceedings, criminal procedure, principles and institutions of criminal procedure, principle of legality, advocacy, prosecutor's office, jury trial, institute of judicial investigators

References

1. The history of court and justice in Russia: in 9 volumes / ed. V.V. Ershov, V.M. Strykh. Vol.
2. Legislation and justice in the Moscow state (late XV – 70s of the XVII century): monograph / ed. N.M. Zolotukhin, V.M. Strykh Moscow: Norma, 2017. 2.Koni A.F. The history of the development of criminal procedure legislation in Russia // Koni A.F. So-br. soch.: in 8 vols. Vol. 4. M.: Legal literature. 1967.
3. The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XXXVII. No. 38761.
4. The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XXXIX. № 41475
5. The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XXXIX. 2. No. 41476.
6. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes / under the general editorship of Prof. O.I. Chistyakov. Moscow: Legal literature. Vol. 8: Judicial reform / ed. of volume D. yu.n., prof. B.V. Vilensky. M., 1991.
7. Solovyova L.L. The formation of the Institute of judicial investigators in the Russian Empire in the second half of the XIX century (based on the materials of the Ryazan, Orel, Voronezh and Tambov provinces). Diss. ... Candidate of Law Vladimir, 2007.
8. Judicial power in Russia: history, documents: in 6 volumes. Volume 1. The beginning of the formation of judicial power O.E. Kuta-fin, V.M. Lebedev, G. Yu. Semigin; scientific ed. E.A. Skripilev; National Socio-Scientific Foundation, Institute for the Development of Law and Judicial Practice. Moscow: Mysl, 2003.
9. Judicial statutes of November 20, 1864: with a statement of the reasoning on which they are based: Part 2. 2nd edition, supplemented. St. Petersburg: in the printing house of 2 branches of Its Own E.I.V. Chancellery, 1867.
10. Foynitsky I. Ya. Course of criminal proceedings. St. Petersburg, 1912.

Периодизация истории государственности в контексте развития либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца

Бочаров Виктор Васильевич,

аспирант, Ростовский государственный университет путей сообщения

E-mail: victor.bocharow@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные аспекты развития либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца в контексте теоретического осмысления проблемы государственности. Дается краткая характеристика основных теоретических положений либертарно-юридической теории, а также указывается связь этих положений с вопросами научно-теоретического осмысления феномена государства как социального института. Хотя для либертарно-юридической теории традиционно характерен сильный акцент на осмыслении сущности права как социального явления, идейно-теоретическое содержание этой концепции правопонимания позволяет перейти к рассмотрению более широкого круга вопросов, связанных с феноменами государства и государственности. Критические отзывы в адрес либертарно-юридической теории традиционно подчеркивают низкую новизну в понимании природы государства, однако развитие идеи правовой государственности способно восполнить пробелы в этой доктрине. В статье обосновывается необходимость расширения идейного ядра либертарно-юридической теории за счет разработки новаторских решений в области классификации форм и периодизации истории государства в рамках дальнейшего изучения идеи правовой государственности.

Ключевые слова: правовая государственность, закон, справедливость, либертарно-юридическое правопонимание, юридическая доктрина.

Появление либертарно-юридического правопонимания стало одним из наиболее примечательных событий в постсоветской истории российской философии права. Хотя генезис идейного ядра либертарно-юридической теории восходит к 70-м гг. прошлого столетия, когда ее автор, В.С. Нерсесянц, стал развивать в своих работах идею о необходимости разграничения права и закона, наиболее продуктивное развитие это направление правопонимания получило уже в постсоветской философско-юридической литературе. Традиционно в фокусе внимания В.С. Нерсесянца и последователей его теории находились вопросы о сущности права как социального явления, о природе свободы как меры прогресса права в государственно-правовой истории человеческого общества. Сама по себе идея государственности рассматривалась в рамках либертарно-юридической теории опосредованным образом, преимущественно в контексте проблематики построения правового государства и реализации его основных функций.

Указанные обстоятельства позволяют рассматривать идею государственности как актуальное направление для дальнейшего развития либертарно-юридической теории, а реконструкция базовых положений этого направления правопонимания в отношении проблематики государственности следует рассматривать как значимую и своевременную задачу, позволяющую обозначить путь для углубления и расширения теоретического содержания либертарно-юридической доктрины.

Существо всякой теории правопонимания преимущественно сводится к решению вопроса о природе права как регулятора общественных отношений. Опосредованным образом правопонимания также выступает определенной «призмой» для рассмотрения вопросов функционирования государства, извечного спутника права как социального института. Обозначенная способность правопонимания предлагать определенные научно-теоретические решения для анализа процессов бытия государства открывает перспективы для обогащения юридического знания новыми взглядами на природу такого сложного социального явления как государственность.

В современной юридической науке сущность государственности определяется неоднозначным образом. Консенсусной следует признать точку зрения, согласно которой государственность не тождественна государству как таковому, а является обособленным явлением, исследование которого позволяет перейти на новый уровень теоретической абстракции в рамках правовой науки.

Сама возможность определения понятия «государственность» связана с его отграничением от понятия «государства», поскольку отождествление этих понятий превращает государственность в синоним государства и устраняет его значимость для языка теоретической юриспруденции. Представление о том, что государственность как является политической и правовой жизни общества превосходит государство как таковое, является средством обогащения содержания этого понятия. Отмечая неплототворность отождествления государства и государственности, А.Б. Венгеров видит в государственности «определенное состояние общества, государство, взятое в эволюции» [2, с. 19].

С его точки зрения государственность представляет собой более объемное понятие, которое позволяет рассматривать природу государства как социального явления не в конкретно-исторический момент времени, а на протяжении всей исторической дистанции его существования. Именно объединение в понятии государственности разнородных аспектов бытия государства – политических институтов и условий жизнедеятельности народа – позволяет говорить о синтезе в его рамках разнорядковых характеристик (признаков) функционирования государства. Представители этого подхода часто определяют природу государственности через такие понятия как «состояние» или «качество», которые позволяют следить за основными параметрами существования государства, как в актуальный исторический момент времени, так и в прошлые моменты эволюции государства.

Признаки государственности связываются в науке с национальной самобытностью, традициями и национальной ментальностью. Это позволяет рассматривать природу государственности в широком культурном и социальном контексте развития конкретного государства, что позволяет определять роль и значение духовных аспектов политической жизни общества. Для государственности ключевое значение приобретают идейные, ценностные и духовно-нравственные параметры жизни общества, которые в своей совокупности формируют уникальный исторический облик государства.

Если признаки государства принято описывать через перечисление основных параметров его институциональной природы – суверенитета, наличия политической власти, территории и проч., то признаки государственности описываются посредством перечисления таких атрибутов как базовые институты, традиции, сверхценности, а также инвариантность и комплементарность различных аспектов государственности.

Эти черты государственности как сложного и многомерного социального явления позволяют перейти к рассмотрению вопроса об отношении основных теоретических положений либертарно-юридической теории к проблеме государственности. В первую очередь необходимо отметить, что либертарно-юридическая теория В.С. Нерсесянца фокусирует свое внимание на идее о том,

что право должно служить инструментом обеспечения и защиты свободы индивидов. Постулаты либертарно-юридической теории позволяют констатировать, что правопонимание должно основываться на принципе прогресса свободы, что предполагает отказ от произвола государства и признание независимости личности, а функционирование правовых механизмов способствует развитию и сохранению личной свободы индивида.

Дифференциация права и закона, постулируемая либертарно-юридической теорией, стала ответной реакцией на господствующий в советской юриспруденции легистский тип правопонимания, сводящий право к формализованному законодательству советского государства. Различные вариации юспозитивизма констатируют, что право и закон идентичны, поскольку право существует лишь в форме конкретных законодательных актов и норм, поддерживаемых государственным аппаратом, что подчеркивает обособление правовых норм от их морального содержания. Позитивисты рассматривают законы как объективное выражение правовых норм, не акцентируя внимания на вопросах справедливости и морали.

Для либертарно-юридической теории принципиальное значение приобретает вопрос о прогрессе свободы, который играет важную роль в понимании легитимности правовых норм. Прогресс свободы трактуется как основной критерий оценки правовых систем и институтов, как цель правового развития общества и государства. Право противопоставляется в рамках этого правопонимания властно-распорядительному произволу суверена, которое может при определенных обстоятельствах облекаться в форму закона.

Подчеркивая важность индивидуальной свободы, эта теория способствует переосмыслению традиционных представлений о суверенном действии государства и результативности механизма правового регулирования. Прогресс свободы становится стимулом для совершенствования законодательства, поскольку прогресс свободы, согласно либертарному подходу, может быть измерен расширением возможностей для осуществления личных прав без внешнего вмешательства.

С другой стороны, закон рассматривается как формализованное выражение права. Здесь прогресс свободы преимущественно связан с эффективностью и справедливостью применения законодательства, а не только с индивидуальной автономией, поскольку регулятивная значимость закона просматривается «в адекватном, ясном и определенном формулировании в виде норм законодательства уже сложившихся или явно складывающихся ... форм и норм права (мер свободы)» [7, с. 155].

Индивидуалистический ракурс либертарно-юридического правопонимания формирует возможности для интерпретации идеи государственности в рамках этой теории. Прогресс свободы в рамках либертарно-юридического подхода позволяет рассматривать институт государства как

способ актуализации личной свободы или несвободы индивида на разных исторических этапах развития идеи государственности. В Эпоху Модерна, по мысли В.С. Нерсесянца, осуществляется переход к индивидуально-гражданскому типу государственности, при котором «человек является субъектом права и государства как самостоятельный политический индивид (как отдельный гражданин), а не как член определенного этноса или сословия» [9, с. 244].

Ранее ему предшествовал сословный тип государственности, основой которого являются религиозно-нравственные нормы, а «восприятие самодержавной власти монарха напрямую связано с религиозно-богословскими представлениями о человеческой природе, грехе, христианской эсхатологии» [10, с. 67].

Прогресс свободы, обуславливающий индивидуалистический крен в развитии идеи государственности позволяет утвердиться идее формального равенства, одного из столпов либертарно-юридической доктрины, обозначающего «равенство людей как индивидов», когда «все равны в возможности приобретать собственность (в пределах равного для всех закона, его дозволений и запретов)» [8, с. 215].

Поскольку содержание идеи государственности выражает некоторую сумму культурных инвариантов, характеризующих национальные особенности развития института государства на протяжении всей его истории, то основные ценности индивидуальной свободы могут составлять ядро этой идеи. Само же государство при этом становится институционализированным гарантом свободы индивида.

Единство права и правового государства в рамках либертарно-юридической теории позволяет перейти к рассмотрению идеи правовой государственности как концентрированному выражению правового характера государства, выступающего фундаментом нормативного порядка в общества. Правовая государственность вступает онтологической основой институционализации индивидуальной свободы, а правовой закон выражает меру воплощения в формализованном праве равенства и справедливости общественного устройства. Напротив ослабление правовой государственности приводит к сокращению объема индивидуальной свободы и расширению практики «применения силовых регуляторных инструментов», к стремлению «правлящих бюрократий воспользоваться ситуацией возникшего нормативного вакуума для формирования и расширения сферы властного произвола» [5, с. 19].

Развитие правовой государственности, оцениваемой на соответствие критерию прогресса свободы, может быть определено как последовательное замещение этактистского содержания идеи государственности установками на обеспечение реализации индивидуальной свободы, максимизации свободы индивида, участвующего во всем многообразии общественных отношений. В замещении ценностей этактизма ценностями свободы

личности как ядра идеи правовой государственности просматривается результат последовательного процесса самоограничения государства, обозначающего «правообразующий интерес как итог коммуникации социальных стремлений на основе формального равенства» [1, с. 107].

Либертарно-юридическая теория вводит разграничение между государственностью и правовой государственностью, поскольку не каждое государство заслуживает обозначения как правовое государство. Основной аргумент заключается в том, что одно дело – существование государства как структуры власти, и совсем другое – обеспечение действия права как меры свободы индивида, в которой власть государства ограничена правовыми законами, защищающими свободы граждан. Эта мера является разной для государства «в архаичном аграрном обществе и в современном индустриальном или постиндустриальном обществе, для государства авторитарного и демократического, для государства с вековыми традициями конституционализма и государства посттоталитарного и т.д.» [6, с. 44].

Здесь необходимо отметить, что идея правовой государственности открывает для либертарно-юридической теории возможности для теоретической разработки новых подходов к пониманию истории государства как социального института, периодизации этой истории, а также новых классификаций форм государства, выходящих за рамки устоявшихся подходов.

Правовая государственность рассматривается как более прогрессивная и развитая форма государственного устройства, при которой законы не только защищают нормативный порядок, но и гарантируют права и свободы граждан. В рамках правовой государственности граждане должны обладать несокращаемой мерой личной свободы, поскольку, как указывает В.А. Четвернин, «всякое государство называется государством постольку, поскольку власть в нем хотя бы минимально ограничена, связана правами, минимальной неотъемлемой свободой подвластных» [11, с. 107].

Эта мера свободы должна быть защищена, вне зависимости от воли правительства, поэтому правовая государственность предлагает сбалансированное сочетание власти и свободы, где правительство подчинено праву, а право – интересам общества и личности. Либертарно-юридическая теория стимулирует дискурс о необходимости перехода от просто государственной власти к более ответственному управлению социальными процессами.

Идея правовой государственности в контексте либертарно-юридической теории является предметом для оживленных дискуссий и критики в юридической литературе, поскольку она стремится связать понятие правовой государственности с концепцией справедливости. Либертарно-юридическая теория утверждает, что справедливость является частью правовой реальности и, следовательно, она интегрирована в правовую

государственность. Однако многие критики считают это подходом излишне идеалистическим, утверждая, что юриспруденция должна фокусироваться на более осязаемых и измеримых аспектах права [4, с. 317].

Либертарно-юридическая теория рассматривает справедливость как компонент правовой действительности, в отличие от традиционных представлений, которые видят справедливость скорее как моральный или этический идеал.

Таким образом, правовая государственность, как её понимают либертарные теоретики, должна включать механизмы, гарантирующие справедливость в рамках конкретных правовых норм. Это вызывает критику со стороны тех, кто беспокоится, что обобщенная идея справедливости может затруднить реализацию более гибких и прагматичных решений в области правового регулирования.

В юридической литературе высказывается мнение, что либертарно-юридическая теория сталкивается с проблемами в дефинировании государства как социального института, так как она рассматривает государство исключительно как организацию, предназначенную для поддержания социальной жизни свободных индивидов [3, с. 84].

Однако такое упрощение не позволяет этой теории обеспечить существенный вклад в развитие науки о государстве.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что для восполнения пробелов в либертарно-юридическом подходе требуется разработка более сложных концепций правовой государственности, которая, в отличие от узкого видения государства как организации для поддержания порядка, предлагает оригинальные подходы к вопросам периодизации истории и классификации форм государства. Это позволит расширить научное понимание функций государства как социального института, обеспечивающего баланс между индивидуальной свободой и публичными интересами. Таким образом, синтез идей либертарно-юридической теории и концепции правовой государственности может открыть новые горизонты для научно-юридического исследования государственно-правовых феноменов.

Литература

1. Агамиров К.В. Взаимное самоограничение публичной власти и граждан как условие справедливости и достижения равновесного состояния между ними // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6. С. 102–115.
2. Венгеров А.Б. Будущее российской государственности // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политика, 1997. № 1. С. 18–28.
3. Егоров А.А. Либертарно-юридическая теория права и государства: анализ основных положений и аргументированная критика // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 1 (31). С. 73–86.

4. Кудашев М.А. Критика отечественных либертарно-юридических теорий с позиций правового позитивизма // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 3 (89). С. 312–319.
5. Лапаева В.В. Либертарно-юридическая философия права как инструмент осмысления актуальных социально-правовых проблем // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6. С. 11–37.
6. Ленский А.А. Понятие правового государства в контексте либертарно-юридической теории права В.С. Нерсесянца // Право. Экономика. Безопасность. 2016. № 2 (8). С. 43–45.
7. Нерсесянц В.С. Выступление на заседании круглого стола «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979. № 7. с. 70–72 // Российский юридический журнал. 2019. № 1 (124). С. 153–157.
8. Нерсесянц В.С. Кант и Сократ: концепция морали // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 198–216.
9. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Норма, 2012. 547с.
10. Тарасов О.И. Монархический дискурс в современном российском консерватизме // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2014. № 5(42). С. 64–69.
11. Четвернин В.А. Понятие права и государства. М.: Дело, 1997. 120с.

PERIODIZATION OF THE HISTORY OF STATEHOOD IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE LIBERTARIAN-LEGAL THEORY OF V.S. NERSESYANTS

Bocharov V.V.

Rostov State Transport University

The article examines the current aspects of the development of the libertarian legal theory of V.S. Nersesyants in the context of theoretical understanding of the problem of statehood. A brief description of the main theoretical provisions of the libertarian legal theory is given, and the connection of these provisions with the issues of scientific and theoretical understanding of the phenomenon of the state as a social institution is indicated. Although the libertarian legal theory is traditionally characterized by a strong emphasis on understanding the essence of law as a social phenomenon, the ideological and theoretical content of this concept of legal understanding allows us to move on to considering a wider range of issues related to the phenomena of the state and statehood. Critical reviews of the libertarian legal theory traditionally emphasize the low novelty in understanding the nature of the state, but the development of the idea of legal statehood can fill the gaps in this doctrine. The article substantiates the need to expand the ideological core of the libertarian legal theory by developing innovative solutions in the field of classifying forms and periodization of the history of the state within the framework of further studying the idea of legal statehood.

Keywords: legal statehood, law, justice, libertarian legal understanding of law, legal doctrine.

References

1. Agamirov K.V. Mutual self-restraint of public authorities and citizens as a condition of justice and achieving an equilibrium state between them // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 16. No. 6. P. 102–115.
2. Vengerov A.B. The future of Russian statehood // Bulletin of the Moscow University. Ser. 18. Sociology and Politics, 1997. No. 1. P. 18–28.

3. Egorov A.A. Libertarian-legal theory of law and the state: analysis of the main provisions and reasoned criticism // Citizen. Elections. Power. 2024. No. 1 (31). P. 73–86.
4. Kudashev M.A. Criticism of domestic libertarian legal theories from the standpoint of legal positivism // Academic Law Journal. 2022. Vol. 23. No. 3 (89). P. 312–319.
5. Lapaeva V.V. Libertarian-legal philosophy of law as a tool for understanding current socio-legal problems // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 16. No. 6. P. 11–37.
6. Lensky A.A. The concept of the rule of law in the context of the libertarian legal theory of law by V.S. Nersesyants // Pravo. Economy. Safety. 2016. No. 2 (8). P. 43–45.
7. Nersesyants V.S. Speech at the round table meeting “On understanding Soviet law” // Soviet State and Law. 1979. No. 7. pp. 70–72 // Russian Law Journal. 2019. No. 1 (124). P. 153–157.
8. Nersesyants V.S. Kant and Socrates: the concept of morality // Historical psychology and sociology of history. 2015. Vol. 8. No. 1. P. 198–216.
9. Nersesyants V.S. General theory of law and the state: textbook for students of higher educational institutions. M.: Norma, 2012. 547p.
10. Tarasov O.I. Monarchical discourse in modern Russian conservatism // Scientific information journal Army and Society. 2014. No. 5(42). P. 64–69.
11. Chetvernin V.A. The concept of law and the state. M.: Delo, 1997. 120p.

Ковалева Виктория Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой,
Северо-Кавказский филиал Российский государственный
университет правосудия
E-mail: v.v.kovaleva@list.ru

Развитие биотехнологий детерминирует изменение существующих и появление новых правоотношений, которые требуют соответствующего правового регулирования. Современные биотехнологии включают в себя такие направления как искусственная репродукция, генетические исследования, применение аддитивных технологий в трансплантологии, в каждом из которых существуют проблемы ввиду их новизны и сложности. Данные правоотношения исследуются в отдельных отраслях и институтах права: гражданского, уголовного, медицинского, вместе с тем недостаточно исследований с общетеоретических позиций, которые позволят определить общие закономерности регулирования правоотношений в целях выработки необходимых рекомендаций для оптимального правового регулирования.

В исследовании использовались диалектический, системный, функциональный, формально-юридический методы.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий должно осуществляться посредством отдельного федерального закона. Любые законодательные предложения в такой особенной сфере как семья, материнство и детство, должны соответствовать тем ценностным ориентациям, которые зафиксированы в Конституции Российской Федерации. Правовое регулирование генетических исследований, применения аддитивных технологий в трансплантологии в отсутствие норм должно осуществляться принципами права, как более гибкими регуляторами. На основе принципа предосторожности в настоящий момент необходимо устанавливать в нормативных правовых актах запреты и меры юридической ответственности в сфере биотехнологий.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, биотехнологии, искусственная репродукция, генетические исследования, аддитивные технологии.

Введение

Стремительное технологическое развитие преобразует все сферы жизни, важнейшей из которых, имеющее особое значение для общества, являются биотехнологии, охватывающие собой такие направления как искусственная репродукция, генная инженерия, использование в трансплантации аддитивных технологий. Безусловно, новость о том, что первый ребенок с ДНК от трех людей родился после того как врачи провели революционную процедуру ЭКО, которая направлена на предотвращение наследования детьми неизлечимых заболеваний [1], с одной стороны, поражает, обнадеживает, так как можно предотвратить различные заболевания в будущем, с другой стороны, настораживает, так как расширяет возможности по улучшению человека, и обостряет проблемы, связанные с евгеникой, вследствие этого актуализируются проблемы регулирования правоотношений в исследуемой нами сфере. Деятельность человека по улучшению своей адаптивности к окружающему миру, связанная с изменениями экологии и научно-техническим развитием всегда имеет как положительное значение, так и негативное, поэтому правовое регулирование должно оптимально осуществляться с тем, чтобы предотвратить негативные последствия и способствовать положительным тенденциям в исследуемой сфере, что детерминирует не только поиск новых юридических инструментов, но и их эффективной функциональной связи, которая, с одной стороны, должна максимально обеспечивать реализацию права в данной сфере, с другой стороны, способствовать развитию технологий.

Более того, существует много вопросов, ответы на которые пока не даны в нормативных правовых актах. Так, например, исследователи в области искусственной репродукции пишут, что развитие вспомогательных репродуктивных и репрогенетических технологий требует обеспечение надлежащей защиты прав лиц, использующих данные технологии [2, с. 3].

Кроме того, в юридической литературе отмечают, что наука и техника уже стоят на пороге создания эффективной технологии биопринтинга, позволяющей создавать посредством 3D печати органы и ткани человека, уже успешно апробируются технологии печати кровеносных сосудов, нервной ткани, ушных раковин и т.д. [3, с. 7], при этом, как отмечают, ученые, появляется тренд по коммодификации человеческого тела и его частей, которые рассматриваются как товар [3, с. 5], в связи с этим одними из ключевых становятся проблемы, связанные с регулированием правоотношений, возникающих как в процессе создания органов человека

посредством аддитивных технологий, так и распоряжения ими.

В свою очередь ученые в области генных технологий пишут о том, что сторонники свободной «генетической перезагрузки», встретив солидное сопротивление со стороны разумно допустимого контроля, пошли на компромисс, суть которого заключается в том, что право не вмешивается в науку, уступка была сделана лишь относительно этики, однако, как отмечают авторы, практика этического контроля показывает, моральные нормы с поставленными задачами не справляются [4, с. 9]. Следует отметить, что право и возникло только потому, что иные социальные регуляторы, особенно мораль, не дали человечеству ответы на стоящие перед ним вызовы, и на новом технологическом ветке развития, вновь возникают проблемы, требующие специфического регулирования, прежде всего, правового.

Таким образом существует целый комплекс нерешенных вопросов правового регулирования в области биотехнологий, ввиду этого целью настоящего исследования является определение общих закономерностей и тенденций регулирования в исследуемой сфере, для достижения которой необходимо на основе анализа юридической литературы, нормативных правовых актов выявить ключевые проблемы в сфере биотехнологий.

Теоретические основы. Методы

Объектом настоящего исследования являются правоотношения, возникающие в результате развития биотехнологий. Предметом выступает правовое регулирование правоотношений в области биотехнологий. Методологической основой настоящего исследования является диалектика, общенаучные методы, такие как: логический, системно-структурный подход, функциональный. При анализе нормативных правовых актов и решений высшей судебной инстанции был применен формально-юридический метод.

Результаты исследования

Современные биотехнологии как было отмечено выше многогранны, мы остановимся на проблемах регулирования правоотношений, связанных с репродуктивными, генетическими и аддитивными технологиями.

Репродуктивные технологии используются достаточно давно, вместе с тем они развиваются, вследствие чего постоянно возникают вопросы, связанные с необходимостью оптимального правового регулирования, для ответа на которые необходимо обратиться к анализу юридической литературы. Е.Е. Богданова, Д.А. Белова, подробно исследовав проблему искусственной репродукции, выделили четыре основные проблемы. Во-первых, недостаточность правового регулирования суррогатного материнства. Во-вторых, необходимость расширения круга субъектов на приме-

нение вспомогательных репродуктивных технологий. В-третьих, неопределенность понятийно-категориального аппарата, отсутствие необходимых дефинитивных норм. В-четвертых, проблемы, связанные с использованием репрогенетических технологий, связанных с исследованием генома эмбриона человека [2, с. 3–6].

В свою очередь А.Т. Боннер пришел к выводу, что существующая практика применения действующих правовых норм Семейного кодекса и правовых актов в сфере здравоохранения показывает в них несовершенство и наличие в них серьезных противоречий и проблем [5, с. 311].

Ученые, исследующие проблемы суррогатного материнства пишут о необходимости законодательной дефиниции суррогатного материнства [6, с. 22]. Необходимо отметить, что дефиниция суррогатного материнства была закреплена еще в 2011 г. в п. 9 ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7], поэтому представляется некорректным писать об отсутствии легального определения суррогатного материнства в 2021 году, при этом необходимо отметить, что данная дефинитивная норма корректировалась с учетом развития соответствующих технологий и возникающих ввиду этого проблем. Знаковым в этом смысле является Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], которым были внесены существенные изменения в Семейный кодекс РФ и Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», посредством которого дополнена дефиниция суррогатного материнства, установлено, что право на применение вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства не распространяется на мужчину и женщину, не состоящих в браке, важной является новелла, что и суррогатная мать, и генетические родители должны иметь гражданство Российской Федерации. Таким образом, правовое регулирование меняется, отвечает на развитие технологий и запросы общества. Особенно в условиях геополитических трансформаций, определяющих ценностное развитие нашей цивилизации, которая исходит из традиционного понимания семьи. Ввиду этого, любые законодательные предложения в такой особенной сфере как семья, материнство и детство, должны соответствовать тем ценностным ориентациям, которые зафиксированы в Конституции Российской Федерации, в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ [9], в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [10]. В связи с этим легальная дефиниция «мать», об отсутствии которой пишут ученые [2, с. 6], требует тщательного внимания и проработки.

Следует отметить, что одной из проблем суррогатного материнства по мнению ученых является приоритет в приобретении родительских прав у суррогатной матери в отношении рожденного ею ребенка, что является основной для злоупотреблений с ее стороны. При этом ученые считают, что данный вопрос должен быть решен посредством правового регулирования. Следует отметить, что в данном случае особое значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [11]. В настоящий момент ответ на данный вопрос однозначно не решен. Профессор В.В. Момотов по этому поводу пишет: «В нормативных рамках действующего правового регулирования в настоящее время отсутствие согласия суррогатной матери на запись родителями ребенка его генетических родителей может быть преодолено исключительно решением суда. Обязательное участие в таких случаях суда выступает гарантией защиты в том числе прав и законных интересов суррогатной матери» [12]. Таким образом, при решении такого сложного вопроса, однозначный ответ на который не может быть дан в нормативных правовых актах на данном этапе, используется судебная практика. В связи с этим возникает вопрос о возможности однозначного и определенного правового регулирования этих вопросов, как верно отмечает профессор Т.Я. Хабриева, для новых сфер регулирования существуют следующие закономерности развития российского права: сначала в доктрине обосновывается качественно новый институт, затем он внедряется в практику судебных органов (в первую очередь Верховного Суда РФ) и под влиянием подходов судебной практики формируется новое понимание положений действующего законодательства – судебная доктрина [13, с. 29]. Затем устоявшаяся судебная доктрина «вплетается» в ткань правового регулирования с помощью правотворческих решений, основанных на практике рассмотрения дел определенной категории судами. Безусловно, это закономерность формирования правового регулирования, но у нее есть один недостаток – время, которое необходимо для его создания, а граждане ждут решения вопросов «здесь и сейчас», но полагаем на данном этапе ускорить процесс не представляется возможным, так как это достаточно «чувствительная» сфера, которая касается будущего поколения, за каждым таким решением стоит судьба конкретного человека и семьи.

Еще одной острой проблемой в сфере репродуктивных технологий являлась регистрация детей, рожденных таким способом, ввиду этого важным является принятие Правительством РФ Постановления от 31.05.2023 № 882 «Об установлении потенциальных родителей в качестве генетической матери и генетического отца, а равно одинокой женщины в качестве генетической матери» (вместе с «Правилами установления потенциальных

родителей в качестве генетической матери и генетического отца, а равно одинокой женщины в качестве генетической матери») [14], это Постановление «сняло» много вопросов, связанных с установлением материнства и отцовства.

Далее рассмотрим основные проблемы, связанные с регулированием правоотношений, возникающих в сфере генетических исследований. Так Н.А. Алексеева пишет, что в настоящий момент не урегулированы вопросы о возможности применения генотерапии, в том числе замены гена с дефектом, когда родившийся ребенок уже не будет его содержать, при этом в будущем лекарствами станут не просто продукты, а наши собственные генные инструкции 15, с. 25]. Следует отметить, что это сфера представляет собой особый, с более высокой степенью вмешательства, способ решения многих проблем, связанных со здоровьем в будущем, в данном случае важно обеспечить защиту личностных (соматических) прав человека, не допустить злоупотреблений со стороны ученых, связанных с соблазном улучшить человеческую природу.

Другой острой проблемой, как отмечает А.А. Пестрикова, является базы генетической информации, которые вызывают наибольшую обеспокоенность в связи с доступом к ней государственных и правоохранительных органов, так как информация, полученная в ходе научного исследования, долгое время не представляла угрозы раскрытия, поскольку чаще всего была обезличена, но сегодня в связи с расшифровкой генома и возможностями повторной идентификации информации ставится вопрос о необходимости правовой защиты и такой информации [16]. Этот вопрос, безусловно, требует соответствующего решения, так как персональные данные, особенно такие уязвимые как генетическая информация постоянно находятся в поле зрения криминальных структур, ввиду широкого потенциала их использования в незаконных целях, поэтому, ограничение к ним доступа в современном цифровом обществе является приоритетной задачей государства, решение которой требует соответствующих правовых и технических решений.

Исследуя проблему генетических исследований И.Я. Козаченко пишет, что генетически уже можно формировать физические свойства человека «под ключ», и как следствие неизбежное ожидание: евгенические опыты по генетическим манипуляциям со способностями человека и эксперименты в области синтетической биологии [4. С. 10]. Авторы монографии пришли к выводу о необходимости криминализации деяний, в частности: любое генетическое вмешательство без уведомления о модификация таковом и его последствиях; похищение, умышленное уничтожение, умышленная подмена криоконсервированного человеческого эмбриона, нарушение правил хранения, транспортировки и разморозки криоконсервированного эмбриона, повлекшее по неосторожности их гибель; похищение и вымогательство человеческих гамет; созда-

ние или живых организмов и вирусов в целях поставления в опасность жизни и здоровья человека, экономики и экологического благополучия территории [4, с. 187–188]. Мы разделяем позицию авторов, так как появление новых отношений требуют защиты, обеспечение которой возможно посредством установления соответствующих охранительных норм.

Таким образом, в области генетических исследований необходимы правотворческие решения и принятие как отдельных норм, так и новых нормативных правовых актов.

Следующая область в сфере биотехнологий, заслуживающая внимания – это активно развивающиеся 3D-технологии, используемые для трансплантологии. Следует отметить, что данное направление в отличие от двух предыдущих находится на начальном этапе. Как зафиксировано в Стратегии развития аддитивных технологий в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 14.07.2021 № 1913-р [18] к формирующимся рынкам будущего относятся 3D-биопечать органов. При этом ученые уже активно обсуждают вопросы, связанные с использованием таких технологий. Так, например, отмечается, что одной из проблем, требующих регулирования является получения человеческих клеток, используемых при 3D-печати органов и тканей, при этом речь идет о способных к дифференциации и возобновлению стволовых клетках, источником которых может служить эмбрион, использование эмбриональных стволовых клеток обостряет в том числе и биоэтический аспект применения аддитивных технологий, поскольку затрагивает дискуссию относительно правовой природы эмбриона [17]. Полагаем данная проблема, так как она связанная с искусственной репродукцией, регулирование которой находится на достаточно высоком уровне, может быть решена уже сейчас посредством установления соответствующего запрета на применения эмбриональных клеток.

Ввиду комплексного характера исследуемых нами правоотношений следует согласиться с Ф.В. Цомартовой, по мнению которой точные жесткие правила более последовательно регулируют простые отношения, однако применительно к сложным и все более усложняющимся социальным взаимодействиям принципы права большую эффективность, так как точность в единичных правилах увеличивает неточность сложной системы правил [19, с. 53]. Верным является вывод авторов о том, что правовое регулирование, основанное на принципах, снимает не нужную регуляторную нагрузку, отличается большей гибкостью, поощряет эксперименты, более адаптивно к изменениям, что делает его более подходящим для таких быстроразвивающихся и высокорисковых секторов как биомедицина [19, с. 129]. Особую актуальность ввиду этого приобретает принцип предосторожности, появление которого является закономерностью развития общества, так как появляющиеся отношения, включают в себя риски, в том числе эк-

зистенциональные. Отсюда медицинский постулат «*Primum non nocere*» вплетается в «ткань» правового регулирования, и означает, что регулировать нужно аккуратно, чтобы не допустить еще более негативных последствий.

Результаты исследования

Рассмотренные нами проблемы правового регулирования в сфере биотехнологий позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий должно осуществляться посредством отдельного федерального закона, который будет охватывать и медицинские и семейные аспекты этих комплексных по своей природе правоотношений. В данном случае действует закон диалектики – перехода количественного в качественное, по нашему мнению, нормы права, регулирующие эти правоотношения должны быть систематизированы и изложены в одном законе, что обеспечит эффективность их регулирования. Во-вторых, регулирование правоотношений, связанных с генетическими исследованиями и применением аддитивных технологий в трансплантологии, пока находится в стадии развития, и на сегодняшний день появляющиеся правоотношения в отсутствие необходимых норм следуют регулировать принципами права. При этом, считаем, что установление конкретных запретов в рассматриваемых сферах и установление соответствующей юридической ответственности в случае их нарушения может быть определено в рамках реализации принципа предосторожности.

Литература

1. В Британии родились первые дети от трех родителей. URL: <https://ria.ru/20230510/deti-1870750136.html> (дата обращения: 23.08.2024)
2. Богданова Е.Е., Белова Д.А. Искусственная репродукция человека: поиск оптимальных моделей правового регулирования. Москва: Проспект, 2022. 216 с.
3. Концептуальные основы правового регулирования отношений в сфере создания и использования биопринтных человеческих органов: монография. Москва: Проспект, 2022. 224 с.
4. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика: монография / под ред. И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеева. Москва: Проспект, 2023. 200 с.
5. Боннер А.Т. Правовые проблемы искусственного оплодотворения: монография / отв. ред. И.И. Черных. Москва: Проспект, 2020. 328 с.
6. Право и современные технологии в медицине: монография / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. Москва: РГ-Пресс, 2021. 368 с.
7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» //

- Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 22 ноября 2011.
8. Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 19 декабря 2022.
 9. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022.
 10. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022.
 11. Российская газета: офиц. сайт: <https://rg.ru/2017/05/24/detiproishozhd-dok.html> (дата обращения 28.08.24)
 12. Момотов В.В. Биозтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex russica. 2019. № 1. КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=hxzfFA&base=CJI&n=119833&dst=100035&field=134#rBBmDoTsl0wnnuu61> (дата обращения 28.08.2023). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
 13. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов; отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 384 с.
 14. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 01.06.2023.
 15. Генетические технологии и право в период становления биоэкономики: монография / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. Москва: Проспект, 2020. 632 с.
 16. Пестрикова А.А. Проблемы получения информированного согласия при проведении геномных и генетических исследований // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=QjYjDoTuoOK4UXGI&cacheid=E5006A8F3A947897305AA77A579159D3&mode=splus&rnd=hxzfFA&base=CJI&n=140932#RDAqDoT0vBAH2jsr> (дата обращения 28.08.2023). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
 17. Чукарев В.А. Уголовно-правовая охрана человека от посягательств на его анатомические и физиологические свойства: Монография. – Москва: Прометей, 2022. 212 с. КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=QjYjDoTuoOK4UXGI&cacheid=314EFB0AAAF228E8D29083D8E0B910962&mode=splus&rnd=hxzfFA&base=CMB&n=19069#iDouDoTCy2R54TVx> (дата обращения 28.08.2023). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
 18. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 16.07.2021.

19. Право и биомедицина: монография / отв. ред. Ф.В. Цомартова. Москва: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 136 с.

LEGAL RELATION IN THE FIELD OF BIOTECHNOLOGIES

Kovaleva V.V.

North Caucasus Branch, Russian State University of Justice

The development of biotechnologies determines the change in existing and the emergence of new legal relations that require appropriate legal regulation. Modern biotechnologies include such areas as artificial reproduction, genetic research, the use of additive technologies in transplantology, each of which has problems due to their novelty and complexity. These legal relations are studied in certain branches and institutions of law: civil, criminal, medical, however, there is not enough research from general theoretical positions that will allow us to determine the general patterns of regulation of legal relations in order to develop the necessary recommendations for optimal legal regulation.

The study used dialectical, systemic, functional, formal-legal methods.

The study led to the conclusion that the legal regulation of assisted reproductive technologies should be carried out through a separate federal law. Any legislative proposals in such a special area as family, motherhood and childhood must correspond to the value orientations that are enshrined in the Constitution of the Russian Federation. Legal regulation of genetic research and the use of additive technologies in transplantology in the absence of norms should be carried out by the principles of law, as more flexible regulators. Based on the precautionary principle, it is currently necessary to establish prohibitions and measures of legal responsibility in the field of biotechnology in legal acts.

Keywords: law, legal regulation, biotechnology, artificial reproduction, genetic research, additive technologies.

References

1. The first children from three parents were born in Britain. URL: <https://ria.ru/20230510/deti-1870750136.html> (date of access: 23.08.2024)
2. Bogdanova E.E., Belova D.A. Artificial reproduction of a person: the search for optimal models of legal regulation. Moscow: Prospekt, 2022. 216 p. (In Russ.)
3. Conceptual bases of legal regulation of relations in the field of creation and use of bioprinted human organs: monograph. Moscow: Prospekt, 2022. 224 p. (In Russ.)
4. Genetic research: legislation and criminal policy: monograph / ed. AND I. Kazachenko, D.N. Sergeev. Moscow: Prospekt, 2023. 200 p. (In Russ.)
5. Bonner A.T. Legal problems of artificial insemination: monograph / ed. ed. I.I. Chernykh. – Moscow: Prospekt, 2020. 328 p. (In Russ.)
6. Law and modern technologies in medicine: monograph / ed. ed. A.A. Mokhov, O.V. Sushkov. – Moscow: RG-Press, 2021. 368 p. (In Russ.)
7. Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ (as amended on 08.08.2024) “On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru), November 22, 2011.
8. Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru), December 19, 2022.
9. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022.
10. Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022.
11. Rossiyskaya Gazeta: official. website: <https://rg.ru/2017/05/24/detiproishozhd-dok.html> (date of access 08/28/24)
12. Momotov V.V. Bioethics in the context of legislation and law enforcement (surrogate motherhood) // Lex russica. 2019. No. 1. ConsultantPlus: website. URL: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=hxzfFA&base=CJI&n=119833&dst=100035&field=134#rBBmDoTsl0wnnuu61> (accessed 08/28/2023). Access mode: for registered users. (In Russ.)

13. Doctrinal foundations of the Jurisprudence of the Supreme Court of the Russian Federation: Monograph / T.Y. Khabrieva, A.I. Kovler, R.A. Kurbanov; edited by T.Y. Khabrieva; The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. – 384 p. (In Russ.)
14. Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>, 01.06.2023.
15. Genetic technologies and law during the formation of bioeconomy: monograph / otv. ed. A.A. Mokhov, O.V. Sushkov. Moscow: Prospect, 2020. 632 p. (In Russ.)
16. Pestrikova A.A. Problems of obtaining informed consent during genomic and genetic research // Actual problems of Russian law. 2022. No. 1. ConsultantPlus: website. URL: <https://dsml.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=QjYjDoTuoOK4UX-Gl&cacheid=E5006A8F3A947897305AA77A579159D3&mode=splus&rnd=hxzfFA&base=CJl&n=140932#RDAqDoT-0vBAH2jsr> (accessed 28.08.2023). Access mode: for registered users. (In Russ.)
17. Chukreev V.A. Criminal legal protection of a person from encroachments on his anatomical and physiological properties: Monograph. Moscow: Prometheus, 2022. 212 p. ConsultantPlus: website. URL: <https://dsml.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=QjYjDoTuoOK4UX-Gl&cacheid=314EF-B0AAF228E8D29083D8E0B910962&mode=splus&rnd=hxzfFA&base=CMB&n=19069#iDouDoTCy2R54TVx> (accessed 28.08.2023). Access mode: for registered users. (In Russ.)
18. Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>, 16.07.2021.
19. Law and biomedicine: monograph / ed. By F.V. Tsomartova. Moscow: ILSL: Norma: INFRA-M, 2021. 136 p. (In Russ.)

Проблемы правового регулирования комплексного развития сельских территорий

Алексеенко Н.А.

аспирант, кафедры аграрного и земельного права, и безопасности жизнедеятельности, Государственный университет по землеустройству
E-mail: nadezhda.alekseenko.98@mail.ru

Липски Станислав Анджеевич,

д.э.н., доцент, врио проректора по научной работе, заведующий кафедрой аграрного и земельного права, и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»
E-mail: lipski-sa@yandex.ru

В статье анализируются, изменения градостроительного законодательства, направленные на становление комплексного развития территории (далее – КРТ). Анализ положений Градостроительного кодекса Российской Федерации, Земельного кодекса Российской Федерации, постановлений и др. нормативных актов показывает, что существует правовая основа для начала и осуществления мероприятий КРТ не только на землях населённых пунктов, но и на землях сельскохозяйственного назначения с помощью адаптации действующего законодательства, и использования методов землеустройства.

Ключевые слова: комплексное развитие территории, градостроительная деятельность, комплексное развитие сельских территорий, устойчивое развитие сельских территорий, правовое регулирование, землеустройство.

Современные процессы урбанизации формируют значительные вызовы в области обеспечения качества городской среды и комфорта проживания в устоявшихся районах застройки. В настоящий момент перед государством стоит задача оптимизации существующих подходов к развитию городских пространств в условиях новой экономической реальности. В то время как ранее приоритет отдавался территориальному расширению, в текущих условиях акцентируется внимание на обеспечении компактного роста. Города, которые развивались преимущественно экстенсивным образом, сталкиваются с проблемами, такими как снижение количества зеленых зон и возрастающая необходимость значительных капиталовложений в транспортную и иную инфраструктуру.

Правовое регулирование комплексного развития территорий было введено относительно недавно. До этого применялись различные подходы [9], однако со временем возникла необходимость в создании законов для систематического управления этими вопросами.

Создание и обновление комфортных условий для жизни человека объявлено частью устойчивого развития территорий. Ранее в соответствии Градостроительным кодексом Российской Федерации (далее – ГраДК РФ) [1] существовало комплексное освоение территорий (далее – КОТ) и развитие застроенных территорий (далее – РЗТ). В реальности оказалось затруднительно применение РЗТ и КОТ ввиду разности их предназначения, где каждый объект обладает индивидуальностью и спецификой. Застройка в городах представляет собой использование комбинированного подхода, и в этом случае невозможно использовать только РЗТ или КОТ, так как такое разделение ведет к формированию нескольких земельных участков, которые лишь сокращают площадь застройки и снижают ее инвестиционную привлекательность.

В современных условиях, когда в пределах городской черты практически отсутствуют свободные территории, реновация всё более утверждается в качестве практически единственного подхода, обеспечивающего девелоперским компаниям конкурентоспособность на рынке [10, с. 190].

Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития России до 2030 года» в рамках национальной цели «Комфортная и безопасная среда для жизни» определена задача улучшения жилищных условий не менее 5 миллионов семей ежегодно и увеличение объема жилищного строительства не менее чем до 120 миллионов квадратных ме-

тров в год, а также улучшение качества городской среды в полтора раза [4]. Одним из эффективных инструментов достижения указанной национальной цели должно стать комплексное развитие территории. В 2020 году был принят Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 494-ФЗ [3], закрепивший отдельную главу о комплексном развитии территорий (далее – КРТ).

Согласно п. 43 ст. 1 ГрадК РФ, КРТ – совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории и направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности и территорий общего пользования поселений, городских округов.

Финансирование КРТ осуществляется за счёт как бюджетных, так и внебюджетных источников, что позволяет создать устойчивый и результативный подход к развитию территорий. Вместо РЗТ и КОТ в ч. 1 ст. 65 Град РФ установлены следующие виды КРТ: комплексное развитие территории жилой застройки; комплексное развитие территории нежилкой застройки; комплексное развитие незастроенной территории; комплексное развитие территории по инициативе правообладателей.

В связи с развитием КРТ субъектам Российской Федерации значительно расширили полномочия в сфере реализации комплексных градостроительных проектов (застроенных и незастроенных участков) [6].

Принятый закон предоставляет возможность включения в границы комплексного развития территорий не только объектов, прямо названных в законодательстве, но и иных, не ограниченных перечнем объектов, при условии их расположения в пределах одного элемента планировочной структуры, такого как квартал или микрорайон. Эластичность данного законодательного акта предоставляет возможность корректировать стратегии

развития, принимая во внимание специфические особенности каждого района, что в свою очередь способствует разработке более действенных и целостных градостроительных планов [8, с. 8].

Правовой режим КРТ включает в себя следующие существенные новеллы:

1. Реализовывать КРТ могут на всех уровнях власти путем заключения соответствующего договора, также право имеют юридические лица.
2. Для выбранной территории под КРТ требуется разработка нового проекта планировки и межевания с последующим утверждением.
3. Параметры осуществляемой застройки допускают возможность несоответствия действующему зонированию, поскольку они вносят изменения в Генеральный план в соответствии с утверждённой проектной документацией.
4. Расширены полномочия в отношении изъятия объектов, расположенных на территории, предназначенной для КРТ.
5. Установлен регламентированный порядок проведения торгов для заключения договора на осуществление КРТ.

В соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации (далее ЗК РФ) [2] и ГрадК РФ мероприятия по КРТ в основном разрабатываются для земельных участков внутри населённых пунктов. Это связано с тем, что основной целью таких мероприятий является улучшение планировки и инфраструктуры именно этих территорий, что способствует их развитию и благоустройству. Что касается земель других категорий, то, законодательного запрета на осуществления КРТ на них нет, но существует правовой вакуум в отношении порядка проведения КРТ за пределами земель населенного пункта. В первую очередь это относится к сельскохозяйственным землям, вместе с коммуникациями, дорогами, зданиями и сооружениями для производства и хранения сельхозпродукции.

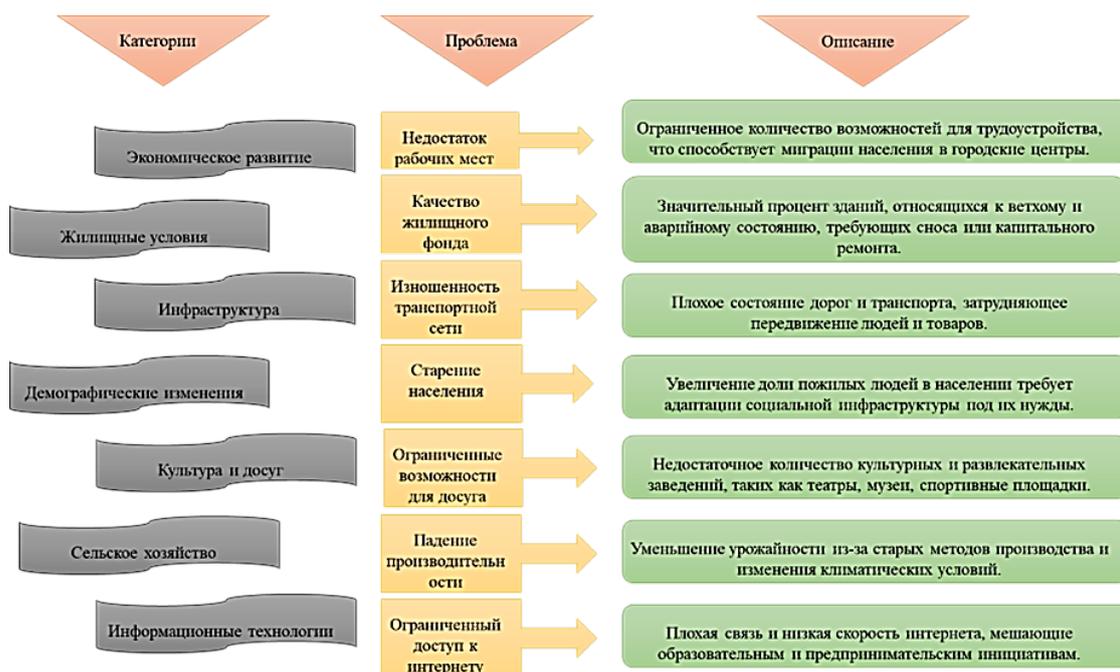

Рис. 1. Проблемы развития сельских территорий в Российской Федерации

Анализ положений законодательства позволяет заключить, что ими все-таки допускается возможность реализации КРТ на землях сельскохозяйственного назначения. В настоящее время действует Государственная программа комплексного развития сельских территорий, утвержденная постановлением Правительства РФ от 31 мая 2019 года № 69633[5] и ведомственная целевая программа [7] направленные на модернизацию сельских территорий с обновлением всей инфраструктуры отвечающей современным стандартам.

Улучшение сельских территорий представляет собой жизненно важный процесс, обладающий многогранным значением. В России сохраняется тенденция отставания сельской местности по разным сферам (см. рис. 1), решение назревших проблем осуществимо через реализацию КРТ. Развитие инфраструктуры в сельской местности является важным инструментом для повышения жизненного уровня, экономической активности и устойчивого развития.

На землях сельскохозяйственного назначения можно успешно применять механизмы комплексного развития, которые уже зарекомендовали себя в населённых пунктах, при условии адаптации действующего законодательства. В процессе разработки нормативных документов необходимо обратить внимание на специфику правового режима сельскохозяйственных земель.

По аналогии с тем, как в 2020 г. ГрадК РФ был дополнен главой 10, следовало бы предусмотреть такую же подробную регламентацию и для комплексного развития сельских территорий (далее – КРСТ) – либо дополнив кодекс еще одной главой о них, либо, что было бы правильнее – включить эти положения в новую редакцию Федерального закона «О землеустройстве», который сейчас находится в высокой степени готовности для внесения в Госдуму. Эти главы (разделы) могли бы включать в себя общие положения регулирования КРСТ: цели, задачи, критерии, порядок отбора сельской территории под застройку. Отдельные статьи должны регулировать контроль и мониторинг за осуществлением КРСТ. Целесообразным будет создать единую базу данных территорий нуждающихся в проведении КРСТ. Инициатива по реализации КРСТ должна проходить через общественные слушания, оценку воздействия на окружающую среду, анализ социально-экономических последствий и тд.

Если все это удастся увязать с землеустройством, то легализация такой его составляющей как КРСТ будет в полной мере соответствовать роли, которое землеустройство всегда играло в нашей стране как механизм определения границ территории, где будет реализовываться комплексное развитие с учетом специфики сельскохозяйственных земель. Ведь именно землеустройство предотвращает перегрузку земель и помогает выбрать наилучшие места для инфраструктуры, а также учитывает природные и экологические факторы, что

способствует сохранению экосистем и устойчивому развитию.

Таким образом, КРТ представляет собой мощный механизм, который можно использовать в сельской местности с помощью методов землеустройства. Важнейшей составляющей данных процессов является усовершенствование нормативно-правовой базы, направленной на разработку полноценной и последовательной документации, адекватно учитывающей специфику сельскохозяйственных земель. Особое внимание следует уделить разработке методических указаний, которые будут способствовать надлежащему проведению землеустройства в условиях КРСТ.

Литература

1. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий»// СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 33. 4
4. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития России до 2030 года»// Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. N 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
6. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2021 г. № 1184 «Об утверждении Правил принятия Правительством Российской Федерации решения о комплексном развитии территории и согласования такого решения с субъектом Российской Федерации, в границах которого расположена территория, подлежащая комплексному развитию, и о внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 29. Ст. 5680
7. Приказ Минсельхоза России от 23 июня 2021 г. № 405 «Об утверждении ведомственной целе-

вой программы «Обеспечение государственного мониторинга сельских территорий»». URL: <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minselhoza-Rossii-ot23.06.2021-N-405/> (дата обращения: 05.10.2024).

8. Галь, М.Е. Совершенствование правовых механизмов комплексного развития территорий / М.Е. Галь // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 3(270). – С. 8–11. – EDN DWTWHE.
9. Особенности оценки развития и управления территориями поселений / А.В. Севостьянов, М.Д. Сафарова, Т.В. Гудзь [и др.]. Том 3. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Государственный университет по землеустройству, 2001. – 220 с
10. Шibaева, Н.А. Комплексное развитие сельских территорий как основа устойчивого развития регионов России / Н.А. Шibaева, М.А. Кatalnikova // Друкеровский вестник. – 2023. – № 2(52). – С. 185–192. – DOI 10.17213/2312–6469–2023–2–185–192. – EDN GGLEBE.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INTEGRATED RURAL DEVELOPMENT

Alekseenko N.A., Lipski S.A.

State University of Land Management

The article analyzes the changes in urban planning legislation aimed at establishing of integrated territory development (hereinafter – IPD). The analysis of the provisions of the Town Planning Code of the Russian Federation, the Land Code of the Russian Federation, resolutions and other normative acts shows that there is a legal basis for the launch and implementation of CDD activities not only on residential lands, but also on agricultural lands through the adaptation of existing legislation and the use of land management methods.

Keywords: integrated territorial development, urban planning, integrated rural development, sustainable rural development, legal regulation, land management.

References

1. “Urban Planning Code of the Russian Federation” dated 12/29/2004 N 190-FZ (ed. from 08.08.2024) [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – Access mode: <http://www.consultant.ru>
2. Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated 10/25/2001 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus”. – Access mode: <http://www.consultant.ru>
3. Federal Law No. 494-FZ dated December 30, 2020 “On Amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to ensure the integrated development of territories”// SZ RF. 2021. No. 1 (Part 1). Article 33.4
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 474 dated 07/21/2020 “On the National Development Goals of Russia until 2030”// ConsultantPlus Legal Reference System. – Access mode: <http://www.consultant.ru>
5. Resolution of the Government of the Russian Federation dated May 31, 2019 No. 696 “On approval of the State program of the Russian Federation “Integrated Development of rural areas” and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation” (with amendments and additions) Consultant-Plus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>
6. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1184 dated July 14, 2021 “On Approval of the Rules for the Government of the Russian Federation to Make a Decision on the Integrated Development of the Territory and Coordination of such a decision with the Subject of the Russian Federation, within whose borders the Territory subject to Integrated Development is Located, and on Amending the Regulations on the Government Commission for Regional Development in the Russian Federation” // NW RF. 2021. No. 29. St. 5680
7. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated June 23, 2021 No. 405 “On approval of the departmental target program “Ensuring state monitoring of rural areas””. URL: <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minselhoza-Rossii-ot23.06.2021-N-405/> (date of access: 05.10.2024).
8. Gal, M.E. Improvement of legal mechanisms for the integrated development of territories / M.E. Gal // Property relations in the Russian Federation. – 2024. – № 3(270). – Pp. 8–11. – EDN DWTWHE.
9. Features of assessment of development and management of settlement territories (2001) A.V. Sevostyanov, M.D. Safarova et al. Volume 3. – Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher professional Education State University of Land Management,. – 220 p.
10. Shibaeva, N.A. Integrated development of rural areas as a basis for sustainable development of Russian regions / N.A. Shibaeva, M.A. Katalnikova // Drucker’s Bulletin. – 2023. – № 2(52). – Pp. 185–192. – DOI 10.17213/2312–6469–2023–2–185–192. – EDN GGLEBE.

Правовые основы и особенности деятельности органов религиозной организации (на примере канонических подразделений Русской Православной Церкви).

Смирнов Вадим Анатольевич,

кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой теологии и религиоведения, Кемеровский государственный институт культуры; Митрополит Кемеровский и Прокопьевский
E-mail: teologia@kemguki.ru

Павлюк Иван Васильевич,

старший преподаватель, Кузбасская православная духовная семинария
E-mail: pavluk.iv@gmail.com

Овчинников Владислав Алексеевич,

д.и.н., профессор, профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет
E-mail: rpscsib@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с нормативным регулированием основных аспектов организационного устройства и функционирования религиозных организаций в Российской Федерации. На основе Федерального Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», Гражданского кодекса РФ, внутренних локальных актов РПЦ детерминируется содержание основных механизмов формирования религиозных организаций, институционализации их внутренней структуры, определяются основные звенья системы управления ими, полномочия органов церковных организаций. Выявлены особенности канонических подразделений РПЦ в качестве особой категории юридических лиц.

Отмечается, что религиозные организации, относящиеся к некоммерческим унитарным организациям, представляют особый вид юридических лиц в российском праве. Их существенной особенностью является то обстоятельство, что, в отличие от правового регулирования деятельности большинства коммерческих организаций, федеральное законодательство не определяет структуру, наименование и компетенцию органов управления в религиозной организации.

Констатируется, что кроме светских нормативных правовых актов (Гражданского кодекса, федеральных законов), а также устава соответствующей религиозной организации, к источникам правового регулирования деятельности организаций подобного рода следует относить их внутренние установления. Осуществляется развернутый анализ норм, закрепленных уставами религиозных организаций, представляющими собой учредительные документы религиозных организаций; формулируется вывод о соответствии их содержания требованиям ст. 10 Федерального Закона 1997 г., определяющим, необходимость наличия в уставе сведений о наименовании, месте функционирования, организационной форме, структуре, управлении, целевой направленности и направлениях деятельности организации религиозного характера, механизме формирования и роспуска религиозных организаций.

Обосновывается положение, в соответствии с которым управленческими органами церковных организаций являются вышестоящие, с точки зрения иерархии, управленческие структуры, представляющие собой иные юридические лица. В соответствии с внутренними установлениями Церкви, в первую очередь, централизованные религиозные организации, к которым отнесены конкретные подразделения РПЦ. Детерминируются специфические характеристики нормативных оснований деятельности управленческих структур канонических подразделений Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: орган юридического лица, религиозная организация, внутренние установления, приход, епархия, монастырь.

Юридическое лицо представляет собой, по мнению многих ученых, юридическую фикцию, искусственную конструкцию, придуманную законодателем [2, с. 116]. Еще в Римском праве считалось, что образование юридического лица происходит из ничего на основании воли государства и той же волей может превратиться в ничто [12, с. 3]. Римские правоведы признавали, что корпорация как юридическое лицо вступает в правовые отношения с иными юрлицами посредством управомоченных на то в определенном законом порядке физических лиц [10, с. 65]. Исходя из этого, юридическое лицо можно рассматривать в качестве, своего рода, правовой фикции, которая становится участником правоотношения посредством создаваемых ею органов внутреннего управления, которые, в свою очередь, состоят из лиц физических. Это правило подтверждается и в действующих нормах. В п. 1 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом [1, ст. 3301].

Ныне действующее отечественное законодательство детерминирует конкретные условия, предъявляемые к процессу создания органов внутреннего управления юрлица и делегированным последним полномочиям. П. 2.1. ст. 53 ГК РФ определяет, что порядок образования и компетенция органов юридического лица определяются Гражданским кодексом, законом и учредительным документом юридического лица. Однако, при этом Гражданский кодекс регламентирует данные вопросы предельно схематично, в самых общих чертах. Согласимся с мнением о том, что четкая правовая регламентация применительно к органам управления религиозными организациями осуществляется на основе специализированных законов и уставов организаций, представляющих собой документы учредительного характера.

Особо отметим, тот факт, что в юридической науке дискуссионным является вопрос определения содержания термина «орган юридического лица», его правовой природы. Одна категория исследователей полагает, что речь идет о части юридического лица. По мнению других исследователей, при определении правовой природы этого субъекта правоотношений вполне логично использование правила о представительстве [3, с. 28; 14, с. 13; 13, с. 122]. Более того, в российском законодательстве

также не сформировалось устойчивого мнения на сей счет: на современном этапе законодатель предпочитает использование достаточно расплывчатой формулировки органа, как составляющей юридического лица.

Законодатель разделяет все юридические лица по цели на коммерческие и некоммерческие. Поставленные цели детерминируют и виды деятельности, что в совокупности позволяет выбрать ту или иную организационно-правовую форму создаваемого юридического лица. При этом, как пишет С.В. Соловьева, в отношении всех организационно-правовых форм законодатель установлен конкретный набор управленческих моделей, в соответствии с которыми детерминируется которая определяет структуру органов управления юридического лица и их взаимоотношения [14, с. 198].

Нам представляется, что наиболее корректным определением содержания понятия «орган юридического лица» является формулировка, предложенная С.Д. Могилевским. Согласно его мнению, разделяемому, помимо нас, многими отечественными исследователями, Он считает, что таковым может считаться организационно оформленная часть юридического лица, представленная либо одним, либо несколькими физическими лицами, образуемая в соответствии с порядком, определенным законом и учредительными документами, обладающая определенными полномочиями, реализация которых осуществляется в пределах собственной компетенции, которая посредством принятия специальных правовых актов, виды которых определяются законодательством, реализует волю юридического лица [4, с. 122].

Религиозные организации представляют особый вид юридических лиц в российском праве. Относятся они к некоммерческим унитарным организациям. В отличие от правового регулирования деятельности большинства коммерческих организаций (см. напр., главу VII «Общее собрание акционеров» и главу VIII «Совет директоров (наблюдательный совет) общества и исполнительный орган общества» Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [7, ст. 1], главу VI «Управление в обществе» Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [8, ст. 785]) законодатель не определяет структуру, наименование и компетенцию органов управления в религиозной организации.

Порядок формирования и функционирования организаций религиозной направленности определяется специализированным Федеральным законом 1997 г.,¹ чьи положения подлежат преимущественному применению, а также нормами Гражданского кодекса Российской Федерации.

Способы создания и институционализации органов религиозных организаций, их управленче-

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (далее – Закон о свободе совести) [Прим. авторов].

ские функции и механизмы постановки решений определяются в соответствии со светскими законодательными предписаниями. Речь идет, в первую очередь, о ст. 123.26 ГК РФ (п. 2.) и ст. 8 Закона о свободе совести (п. 8.1.). Общие нормативные основы, в свою очередь, дополняются и детализируются внутренними локальными актами религиозных организаций, в частности, их уставами. Подобное сочетание норм, изложенных в федеральных законах и внутренних локальных актах, обеспечивает нормативные основания взаимодействия религиозных организаций и персональным составом их управленческих органов [6, ст. 4465].

Содержание данного нормативного акта, представляющего собой документ учредительного характера, определяется на основе ст. 10 упомянутого Федерального закона. В обязательном порядке устав должен включать в себя сведения о названии религиозной организации, месте ее функционирования, организационно-правовой форме. В уставе определяются целевое назначение организации, соответствующие ей задачи и направления деятельности, механизм формирования и прекращения деятельности. Устав институционализирует организационную и управленческую структуру, определяя при этом способы формирования и правомочия руководящих и исполнительных органов, устанавливает механизм корректировки нормативных основ их функционирования. Отдельной регламентации в уставе подвергаются вопросы финансово-хозяйственной деятельности. Так, Уставы в обязательном порядке фиксируют источники происхождения финансовых средств, формирование имущества религиозных организаций. В уставах должен быть определен и порядок использования средств соответствующих фондов организаций при их ликвидации, либо реорганизации.

В соответствии со ст. 10 ФЗ в устав конкретной церковной организации, в случае необходимости, могут вноситься положения, отсутствующие в типовом варианте. Это, в частности относится к организациям, принадлежащим либо к иностранным, либо российским централизованным религиозным организациям. В этих случаях в уставе должны быть отражены их названия.

Вместе с уставом религиозной организации государство санкционирует юридическое значение внутренних установлений, условием практического применения которых является их не противоречие федеральным законам. Показателем особого отношения российского государства к внутренним предписаниям клерикальных организаций является использование Федеральным законом 1997 г. термина «уважает» [6, ст. 15].

Обратим особое внимание на то обстоятельство, что ст. 4 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» определяет, что создание религиозного объединения и его функционирование происходит на основании ее иерархической и институциональной структуры, а избрание, заме-

на и назначение религиозного персонала осуществляется на основании внутренних установлений.

Вместе с тем, действующая правовая норма не требует, чтобы внутренние установления были оформлены в виде какого-либо письменного документа, признавая устное предание и неписанные правила частью внутренних установлений [5, с. 367]. Хотя стоит отметить, что в таком случае непросто доказать наличие и суть таких установлений представителям государства.

К внутренним установлениям Русской Православной Церкви, согласно содержанию п. 4 гл. I Устава Русской Православной Церкви, помимо самого Устава, необходимо отнести Священное Предание и Священное Предание, правила и каноны (Святых апостолов и святых отцов, Вселенских и Поместных Соборов), а также решения Священного Синода и Поместных и Архиерейских Соборов, и Патриаршие указы [11, с. 23]:

Фактически, когда мы говорим о внутренних установлениях Русской Церкви мы имеем в виду внутреннее церковное право. Речь идет о самостоятельной правовой системе, обособленность которой основана на наличии собственных предмета и методов правового регулирования, содержание которых отлично от соответствующих категорий в светском законодательстве [9, с. 362].

В любом случае, вполне очевидно, что нормативные основы формирования и функционирования органов управления клирикальных организаций существенно отличаются от правовых основ деятельности прочих юридических лиц. Корпус источников правового регулирования здесь значительно шире, а внутренние установления самих организаций играют не менее значимую роль, чем нормы ГК и специализированных законов.

Исходя из трех видов религиозных организаций, выделяемых Законом о свободе совести, считаем необходимым рассмотреть положение органов наиболее многочисленных канонических подразделений Русской Православной Церкви. В соответствии с содержанием ст. 8 Федерального Закона 1997 г. к их числу следует отнести православный приход (местную религиозную организацию), епархию, представляющую собой централизованную религиозную организацию, и епархиальные монастыри, функционирующие в качестве религиозных организаций, созданных последней (п.п. 3, 4, 6 ст. 8).

К внутренним установлениям, регулирующим данные вопросы относятся Устав Русской Православной Церкви и типовой устав соответствующего канонического подразделения.

Устав прихода, имеющий типовой характер, определяет систему управленческих органов, свойственных этому юрлицу. Возглавляет эту систему архиерей соответствующей Епархии. Помимо него в систему органов управления приходом включены его настоятель, коллегиальные органы в лице приходского собрания и совета прихода, наделенного правами исполнительного органа, включая его председателя. В данную систему встроена

и ревизионная комиссия, наделенная контрольными полномочиями [11, с. 379].

Типовой устав второго канонического подразделения Русской Православной Церкви – епархии – формирует следующую систему органов управления:

1. Высший руководящий орган – Поместный Собор РПЦ, представляющий собой высший руководящий орган;
2. Архиерейский Собору орган, осуществляющий функции высшего руководящего органа в епархии в период, когда заседания Поместного Собора не проводятся;
3. Священный Синод, осуществляющий функции руководящего органа в епархиях на постоянной основе, руководимый Патриархом;
4. органы самой епархии, к числу которых следует отнести собрание епархии, Епархиального архиерея фактического руководителя религиозной организации и канонического подразделения РПЦ), совет и управление епархии (последние – в качестве исполнительных органов, действующих на постоянной основе – *В.С., И.П., В.О.*) [11, с. 355].

В состав органов третьего канонического подразделения РПЦ – монастыря, в соответствии с нормами его типового Устава, включены Священный Синод и возглавляющий его Патриархом Московский и всея Руси (высший (руководящий) орган), Епархиальный архиерей, Игумен (руководитель монастыря). В состав органов монастыря также входит Духовный собор, формируемый при Игумене как орган совещательного назначения.

Сказанное выше позволяет установить ряд особенностей функционирования органов религиозной организации на основе соответствующих правовых предписаний.

Во-первых, Гражданский кодекс Российской Федерации, специализированные федеральные законы и учредительный документ организации не исчерпывают перечень источников правового регулирования деятельности органов религиозных организаций. К числу последних следует отнести и их внутренние установления, которые являются неотъемлемым компонентом церковного права.

Во-вторых, особенностью управления в религиозных организациях является иерархическая принадлежность высших органов управления ими иным юрлицам. Речь идет об органах управления более крупных централизованных религиозных организаций, в структуру которых включены канонические подразделения РПЦ (приходы, епархии, монастыри).

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданское право: В 4 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Е.А. Суханова. – М.: ВолтерсКлувер, 2006. – 720 с.
3. Крашенинникова, И.С. Орган юридического лица: правовая природа, понятие, признаки // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 27–32.
4. Могилевский, С.Д. Органы управления хозяйственными обществами. Правовой аспект. – М.: Дело, 2001. – 360 с.
5. Шахов, М.О., Чернега, О.А. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / под ред. Р.В. Маранова. – М.: Славянский правовой центр, 2011. – 624 с.
6. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.
7. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 1.
8. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.
9. Павлюк, И.В. Православное церковное право в правовой системе России: историко-правовой аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 4. С. 358–364. doi.org/10.21603/2542-i840-2021-5-4-358-364.
10. Римское частное право / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2000. – 448 с.
11. Собрание документов Русской Православной Церкви: В 2 т. Т. 1: Нормативные документы. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. – 544 с.
12. Суворов, Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1900. – 351 с.
13. Тарасевич, Н.С., Цыганков, А.Ю. Орган юридического лица: правовая природа, понятие, признаки // Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник». 2023. № 1. С. 117–125.
14. Габов, А.В., Гутников, О.В. Юридические лица в российском гражданском праве: В 3 т. Т. 1: Общие положения о юридических лицах. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. – 384 с.

LEGAL BASIS AND FEATURES OF THE ACTIVITIES OF RELIGIOUS ORGANIZATION BODIES (USING THE EXAMPLE OF CANONICAL DIVISIONS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH).

Smirnov V.A., Pavlyuk I.V., Ovchinnikov V.A.
Kemerovo State Institute of Culture; Kuzbass Orthodox Theological Seminary;
Kemerovo State University

The article examines issues related to the regulatory framework for the main aspects of the organizational structure and functioning of religious organizations in the Russian Federation. Based on the Federal Law “On Freedom of Conscience and Religious Associations”, the Civil Code of the Russian Federation, and internal local acts of the Russian Orthodox Church, the content of the main mechanisms for the formation of religious organizations, the institutionalization of their internal structure, the main links in the management system, and the powers of the bodies of church organizations are determined. The features of the canonical divisions of the Russian Orthodox Church as a special category of legal entities are identified.

It is noted that religious organizations related to non-profit unitary organizations represent a special type of legal entities in Russian law. Their essential feature is the fact that, unlike the legal regulation of the activities of most commercial organizations, federal legislation does not determine the structure, name, and competence of the governing bodies in a religious organization.

It is stated that in addition to secular normative legal acts (the Civil Code, federal laws), as well as the charter of the relevant religious organization, the sources of legal regulation of the activities of organizations of this kind should include their internal regulations.

A detailed analysis of the norms enshrined in the charters of religious organizations, which are the constituent documents of religious organizations, is carried out; a conclusion is formulated on the compliance of their content with the requirements of Art. 10 of the Federal Law of 1997, which determines the need for the charter to contain information on the name, place of operation, organizational form, structure, management, target orientation and areas of activity of an organization of a religious nature, the mechanism for the formation and dissolution of religious organizations.

The position is substantiated according to which the governing bodies of church organizations are higher, from the point of view of hierarchy, management structures, which are other legal entities. In accordance with the internal regulations of the Church, first of all, centralized religious organizations, to which specific divisions of the Russian Orthodox Church are assigned. The specific characteristics of the normative bases for the activities of the administrative structures of the canonical divisions of the Russian Orthodox Church are determined.

Keywords: body of a legal entity, religious organization, internal regulations, parish, diocese, monastery

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one): Federal Law of 30.11.1994 № 51-FZ (as amended on 25.02.2022). In: Collection of Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. № 32. Art. 3301.
2. Sukhanov, E.A. (Ed.). (2006). Civil Law. In 4 volumes. Volume 1: General Part. Moscow: WoltersKluwer. – 720 p.
3. Krashennikova, I. S. (2017). Legal entity body: legal nature, concept, features. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 4, 111–112.
4. Mogilevsky, S. D. (2001). Governing bodies of business entities. Legal aspect. Moscow: Delo. – 360 p.
5. Shakhov, M. O., & Chernega, O. A. (2011). Scientific and practical commentary to the Federal Law «On Freedom of Conscience and Religious Associations». Moscow: Slavic Legal Center. – 624 p.
6. On freedom of conscience and religious associations: Federal Law of September 26, 1997 № 125-FZ (as amended on June 11, 2021). In: Collected Legislation of the Russian Federation. 29.09.1997. № 39. Art. 4465.
7. On joint-stock companies: Federal Law of December 26, 1995 № 208-FZ (as amended on February 25, 2022) In: Collected Legislation of the Russian Federation. – 01.01.1996. № 1. Art. 1. 26.12.
8. On Limited Liability Companies: Federal Law of 08.02.1998 № 14-FZ (as amended on 02.07.2021) In: Collected Legislation of the Russian Federation. 16.02.1998. № 7. Art. 785.
9. Pavlyuk, I.V. (2021) Orthodox Church Law in the Legal System of Russia: Historical and Legal Aspect. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences, 5 (4), 358–364. doi:10.21603/2542-i840-2021-5-4-358-364.
10. Novitsky, I.B., & Peretersky, I.S. (Ed.). (2000). Roman Private Law. Moscow: Jurisprudence. – 448 p.

11. Collection of documents of the Russian Orthodox Church. In 2 volumes. (2013). V. 1. Regulatory documents. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church. – 544 p.
12. Suvorov, N.S. (1900). On legal entities under Roman law. Moscow: Printing house of A.I. Snegireva. – 351 p.
13. Tarasevich, N.S., & Tsygankov, A. Yu. (2023). Body of a legal entity: legal nature, concept, features. Scientific online journal «Stolypin Bulletin», 1, 117–125.
14. Gabov A.V., & Gutnikov O.V. (2015). Legal entities in Russian civil law. In 3 volumes. V. 1. General provisions on legal entities. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M. – 384 p.

Формирование критериев отбора экспертных организаций при реализации государственных закупок

Шейко Вадим Владимирович,

Руководитель отдела экспертиз, Автономная некоммерческая организация «Экспертно-правовой центр «Прометей»
E-mail: vadim-sheiko@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности экспертизы исполнения государственных контрактов по сравнению с судебной экспертизой. Несмотря на их совпадения в функциональной сфере, эти две формы экспертной деятельности имеют различия, которые определяются их законодательным регулированием. В статье анализируется развитие института экспертизы государственного контракта, его законодательная основа и ответственность эксперта в сфере государственных закупок. Кроме того, предлагаются рекомендации по совершенствованию процесса выбора экспертных организаций для нужд государственного сектора для улучшения практики проведения соответствующих экспертиз. Автор предлагает внедрить более прозрачные и объективные критерии отбора, усилить контроль за квалификацией и опытом экспертных организаций, а также разработать систему независимой оценки качества их работы. Все эти меры направлены на повышение качества проведения соответствующих экспертиз, увеличение их надежности и обоснованности, что в конечном итоге способствует повышению эффективности и законности государственных закупок.

Ключевые слова: судебная экспертиза, государственные контракты, закупки, экспертиза госконтракта, государственные нужды, муниципальные нужды, контроль, бюджетные средства, ответственность, коррупция, экспертиза, эффективность.

Экспертная деятельность играет ключевую роль в правовом поле, обеспечивая объективность и всестороннюю оценку в различных правовых и административных процедурах. Институт судебной экспертизы имеет долгую историю, превышающую столетие. Он функционирует в строгом соответствии с федеральным законодательством, прежде всего с 73-ФЗ о судебной экспертной деятельности. Регламентация осуществляется также за счет многочисленных подзаконных актов, приказов ведомств и распоряжений. Это обеспечивает высокую степень формализации и стандартизации процесса судебной экспертизы.

В отличие от судебной, экспертиза исполнения государственных контрактов является значительно более молодым институтом. Его упоминание впервые встречается в законодательстве в 2005 году с принятием Федерального закона № 94-ФЗ, который регулирует размещение заказов для нужд государственных и муниципальных учреждений. Законодательное обособление и признание данного института произошло значительно позже, в 2013 году, с введением в действие 44-ФЗ. Именно тогда были четко обозначены статус эксперта и экспертной организации в контексте исполнения государственных контрактов.

Несмотря на законодательное признание, институт экспертизы исполнения госконтрактов получил широкое распространение относительно недавно. Лишь с 2018 года экспертиза стала частью повседневной практики благодаря расширенному перечню ситуаций, требующих ее применения, особенно при закупках у единственного поставщика. Это нововведение способствовало повышению внимания к качеству и достоверности экспертных заключений.

Ответственность экспертов по статье 200.6 Уголовного кодекса Российской Федерации, касающейся заведомо ложного экспертного заключения в сфере государственных закупок, представляет собой важную тему для правоприменительной практики. В статье «Ограничения правоприменения нормы об уголовной ответственности за заведомо ложное экспертное заключение в сфере государственных закупок», опубликованной в журнале «Юридическая наука» (№ 5, 2023), нами был проведен сравнительный анализ ответственности судебного эксперта по статье 307 УК и эксперта, работающего в области закупок, по статье 200.6 УК [1. с 32]. Были проанализированы объекты и субъекты преступления, а также выявлены особенности объективной и субъективной сторон этих преступлений. Статья подчеркивает необходимость

уточнения термина «заведомо ложное экспертное заключение» в контексте госзакупок и предлагает установить четкие критерии для его оценки и определения.

На данный момент судебная практика по применению статьи 200.6 УК РФ остается ограниченной: нет зафиксированных случаев привлечения экспертов, проводящих экспертизу исполнения госзаказов, к ответственности за сознательно ложные заключения. Встречаются эксперты, допускающие недобросовестное выполнение своих обязанностей, но это не всегда связано с заведомой ложностью заключений. Специалисты Экспертно-правового центра «Прометей» постоянно проводят рецензии на заключения, которые выполнены не на должном уровне. Все чаще происходят ситуации, когда вследствие уменьшения количества прямых контрактов тендеры на проведение экспертиз выигрывают либо компании-однодневки, либо аффилированные фирмы, либо эксперты с недостаточной квалификацией [2. с 25]. Это подчеркивает необходимость введения квалификационного отбора для включения таких организаций в списки, из которых заказчики смогут выбирать подходящие экспертные организации для проверки исполнения государственного контракта.

Процедуры выбора экспертов судьями и государственными заказчиками различаются. Судьи, как независимые лица, оценивают компетентность экспертов на основе их квалификационных документов, перечень которых определен законом № 73-ФЗ, а также на основании предоставленной информации об опыте проведения подобных экспертиз. Государственные заказчики, напротив, не имеют такой гибкости: они обязаны следовать законодательным требованиям, устанавливающим общие условия для всех участников процесса государственных закупок. Законом не определен четкий перечень требований к экспертам, за исключением случаев, где необходимы лицензии или участие в саморегулируемых организациях. Установление дополнительных требований может быть расценено как ограничение конкуренции и служить основанием для их исключения из конкурсной документации при проведении аукционов на выбор экспертных организаций.

Таким образом, существует необходимость регламентирования и уточнения законодательства в части требований к экспертам в сфере государственных закупок, чтобы усилить доверие к проводимым экспертизам и минимизировать количество некачественных заключений.

Основное и, наверное, самое принципиальное различие состоит в том, что законодатель не обязывает эксперта по госконтракту единолично проводить экспертизу исполнения контракта, как это предписано законом № 73-ФЗ о государственной судебно-экспертной деятельности. Экспертиза исполнения государственных контрактов нередко осуществляется комиссией экспертов с различными специальностями, при этом возможно также привлечение специализированных лабораторий.

Например, при проведении экспертизы исполнения контракта на строительство комплекса зданий могут быть привлечены строители разных направлений: специалисты по вентиляции и кондиционированию, водоснабжению и канализации, конструкторы и другие.

Спектр областей испытаний велик, и большинству экспертов невозможно быть аккредитованными во всех сферах. В рамках судебной экспертизы привлечение сторонних организаций не допускается, тогда как при экспертизе исполнения контракта возможно привлечение субподрядчиков и соисполнителей. Этот аспект необходимо учесть при разработке дальнейшего регулирования в области экспертиз исполнения государственных контрактов.

Судебные эксперты часто сталкиваются с ограничениями в сборе дополнительной информации по проводимой экспертизе, включая использование интернет-ресурсов и привлечение специализированных лабораторий. Эти ограничения отрицательно сказываются на качестве экспертиз. В некоторых случаях вопросы исследуются поверхностно или эксперты вовсе приходят к выводу о невозможности предоставить ответы на поставленные задачи. Один из примеров касается дела, в котором эксперт сторонней организации оценивал объем и качество выполненных работ по ремонту помещений в школе. Инструменты эксперта были ограничены рулеткой, дальномером и строительным правилом. В этом госконтракте наряду с общестроительными работами проводились и электротехнические работы. На вопрос о том, как эксперт будет проверять и оценивать качество этих работ, он ответил, что визуально. В итоге не была дана оценка качества электротехнических работ, не проведены замеры сопротивления и не установлено наличие цепи между заземлителями и заземленными элементами.

Следует отметить, что этот эксперт не имел права проводить такую проверку, так как у него отсутствовал допуск Ростехнадзора на работу с электроустановками. В данном случае налицо правовая коллизия. Эксперт, действуя на основании определения суда в соответствии с законом № 73-ФЗ, прибывает на объект для проведения осмотра. Инженер, отвечающий за безопасность в учреждении, не должен допускать эксперта к электроустановкам без соответствующих разрешений, что приводит к тупиковой ситуации. Этот момент также требует внимания законодателя.

В практике достаточно часто наблюдается, что подрядчики и поставщики выступают инициаторами в привлечении специалистов для проведения независимой экспертизы по поводу качества поставленных товаров или выполненных работ. Несмотря на это, согласно действующему законодательству, инициировать проведение такой экспертизы имеет право исключительно заказчик. У поставщиков таких прав нет. Образовавшаяся правовая коллизия ставит заказчика в непростое положение. Экспертное заключение, хоть и предо-

ставлено подрядчиком в качестве доказательства надлежащего выполнения обязательств по контракту, не обладает официальным статусом. Это создаёт дополнительные сложности для заказчика, которому приходится всякий раз изобретать, каким образом реагировать на такие предоставленные документы, которые формально не имеют юридической силы. Данная ситуация ясно демонстрирует необходимость внесения изменений в нормативную базу для устранения подобного рода правовых противоречий.

Одним из ключевых изменений должно стать обязательство экспертов по госконтрактам перед началом проведения экспертизы давать подписку о предупреждении об уголовной ответственности по статье 200.6 УК РФ. Это шаг не только повысит уровень ответственности экспертов, но и будет способствовать их дисциплинированности, серьезности и профессионализму при выполнении экспертных заключений.

Кроме этого, необходимо четко закрепить на законодательном уровне требования к экспертам, которые занимаются экспертизой исполнения государственных контрактов. Аналогичные требования уже установлены статьей 13 Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», и их адаптация для сферы государственных контрактов повысит квалификационный уровень экспертов. Это, в свою очередь, позволит улучшить качество проводимых экспертиз и повысит доверие к их результатам.

Введение системы регулярного обучения и повышения квалификации экспертов по госконтрактам поможет поддерживать высокий уровень профессионализма и компетентности специалистов. Так же, как и в судебной экспертизе, необходимо установить стандарты и процедуры контроля за качеством проведенных экспертиз. Важно создать механизмы для независимой оценки результатов экспертиз и оперативного разрешения возникающих разногласий и споров.

Одним из важных направлений развития должно стать внедрение специализированных аттестаций и сертификации экспертов, что обеспечит их соответствие современным требованиям и международным стандартам. Необходимо предусмотреть возможность привлечения аккредитованных внешних специализированных лабораторий и организаций при проведении экспертизы исполнения госконтрактов. Это позволит повысить точность и достоверность результатов, а также объективно оценивать качество выполненных работ.

Также стоит рассмотреть введение системы мониторинга и отчетности, включающей проведение аудитов и инспекций качества проведенных экспертиз. Это поможет своевременно выявлять и исправлять недостатки [3, с. 17], обеспечивая надлежащую реализацию государственных контрактов.

Важным элементом должно стать развитие нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность экспертов в сфере госконтрактов.

Детализация обязанностей и прав экспертов, процедур проведения экспертиз, а также введение мер ответственности за некачественную или некомпетентную работу будут способствовать соблюдению высоких стандартов.

Необходимо также создавать условия для обмена опытом и лучшими практиками между экспертами в различных сферах, вовлекая в процесс профессиональные сообщества и организации. Это будет способствовать развитию экспертного сообщества, обмену знаниями и повышению общего уровня квалификации специалистов.

Итак, интеграция положительных аспектов судебной экспертизы в процесс экспертизы исполнения государственных контрактов, таких как обязательность подписки о предупреждении об уголовной ответственности, четкие требования к квалификации экспертов, регулярное обучение и сертификация, контроль качества и обмен лучшими практиками, позволит существенно повысить уровень проводимых экспертиз. Это обеспечит надежность и прозрачность результатов, что в конечном итоге приведет к большей эффективности и качеству реализации государственных контрактов.

Литература

1. Корнилов, А.Р. Ограничения правоприменения нормы об уголовной ответственности за заведомо ложное экспертное заключение в сфере государственных закупок / А.Р. Корнилов, В.В. Шейко // Юридическая наука. – 2023. – № 5. – С. 31–34.
2. Захаренко, Д.С. Исполнение государственного (муниципального) контракта, заключенного по итогам публичной закупки: правоприменительные проблемы / Д.С. Захаренко // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 22–28.
3. Захаренко, Д.С. Экспертиза исполнения государственных контрактов на выполнение работ: тенденции развития / Д.С. Захаренко // Современная юриспруденция: Актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXX Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 января 2021 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 16–18.

FORMATION OF CRITERIA FOR SELECTING EXPERT ORGANIZATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC PROCUREMENT

Sheiko V.V.

Expert and Legal Center "Prometheus"

The article discusses the specifics of the examination of the execution of government contracts in comparison with forensic examination. Despite their overlap in the functional sphere, these two forms of expert activity have differences that are determined by their legislative regulation. The article analyzes the development of the institute of public contract expertise, its legislative framework and the responsibility of an expert in the field of public procurement. In addition, recommendations are offered to improve the process of selecting expert organizations for the needs of the public sector in order to improve the practice of conducting relevant examinations. The

author suggests implementing more transparent and objective selection criteria, strengthening the control over qualifications and experience of expert organizations, and developing a system for independent evaluation of their work. All these measures aim to improve the quality of conducting relevant expertise, increase their reliability and justification, which ultimately contributes to increasing the efficiency and legality of public procurement.

Keywords: forensic examination, government contracts, procurement, examination of the state contract, state needs, municipal needs, control, budget funds, responsibility, corruption, expertise, efficiency.

References

1. Kornilov, A.R. Limitations of the application of the norm on criminal liability for knowingly false expert opinion in the field of public procurement / A.R. Kornilov, V.V. Sheiko // *Legal science*. – 2023. – No. 5. – P. 31–34.
2. Zakharchenko, D.S. Execution of a state (municipal) contract concluded following a public procurement: law enforcement problems / D.S. Zakharchenko // *Legal Bulletin of the Kuban State University*. – 2021. – No. 1. – P. 22–28.
3. Zakharchenko, D.S. Expertise in the execution of government contracts for the performance of work: development trends / D.S. Zakharchenko // *Modern jurisprudence: Current issues, achievements and innovations: collection of articles from the XXX International scientific and practical conference, Penza, January 25, 2021*. – Penza: “Science and Education” (IP Gulyaev G.Yu.), 2021. – P. 16–18.

Согласительные процедуры в административном правотворчестве

Арбит Виктор Владимирович,

адъюнкт, Уральский юридический институт МВД России
(Екатеринбург)

E-mail: arbit.viktor@mail.ru

Целью исследования выступает анализ согласительных процедур как современного явления административно-правового регулирования, предназначенного для атипичных правовых ситуаций, возникающий при регулировании общественных отношений. На основе анализа нормативных правовых актов, регулирующих процесс принятия и издания проектов правовых актов, были сформулированы обстоятельства, в которых согласительная процедура является обязательным этапом. Анализ согласительной процедуры при принятии проектов правовых актов был осуществлен на основе ведомственных приказов Министерства внутренних дел Российской Федерации, с учетом особенностей иных органов государственной власти. На основе конкретных примеров рассмотрены различные процессы согласования проектов правовых актов.

В рамках исследования рассмотрены аспекты согласительной процедуры при наличии разногласий и противоречий, также при наличии проблемных и пробельных ситуаций, возникающих в рамках как равных, так в субординационных и квазисубординационных отношениях. Определены моменты, когда согласительная процедура выступает как элемент, который по своей сути не носит под собой характер устранения противоречий или разногласий.

Ключевые слова: согласительная процедура, проект правового акта, устранение противоречий и разногласий, внутриведомственное согласование, субординационные отношения, квазисубординационные отношения.

Современные меры административно-правового регулирования, по своей сути, предполагают императивный характер воздействия на общественные отношения, то есть предполагают однозначность предписаний, полную регламентацию отношений, а также строго установленные статусы субъектов.

Подобное императивное регулирование предназначено для наиболее распространенных ситуаций, однако данный метод не предполагает регулирование нетипичных ситуаций, выходящих за рамки возможных решений, predeterminedенных имеющимися методами административно-правового воздействия. В истории развития методов административного воздействия с целью регулирования атипичных ситуаций была разработана теория административно-правового договора. Однако, соглашаясь с мнением Осинцева Д.В., который в своих исследованиях отмечал, что административный договор – это средство устранения правовых пробелов и сомнений о легитимности статуса представителей органов власти, их действий, а также конкретизация имущественных и социально-бытовых вопросов, касающихся несения службы, что в полном объеме регламентировано бюджетными и административными схемами [1, с. 16]. В связи с чем данный метод не представляет собой средство регулирования атипичных правовых ситуаций. Необходимость регулирования данных ситуаций и привело к возникновению согласительных процедур, как универсального средства регулирования.

Согласительные процедуры – это один из способов урегулирования позиций, возникающих между субъектами в определенных обстоятельствах. Так согласительные процедуры могут возникать в связи с противоречиями, разногласиями между взаимодействующими субъектами, наличием пробельных обстоятельств, проблемных ситуаций. Помимо этого согласительная процедура может возникать при обстоятельствах ограниченности полномочий в отношении определенного, конкретного вида деятельности, а также в случае если орган публичной власти по своей сути обладает единоличными полномочиями на регулирование, изменение и реформирование определенного вида деятельности, так называемой «монополией», но при этом ему необходимо предоставить доступ для возможности участия в данной деятельности.

Еще одним случаем, когда согласительная процедура необходима выступает факт «двойной» монополии на осуществление и регулирование определенного вида деятельности. В таком случае у субъектов возникает интерес или необходимость на осуществление данного вида деятельности.

Противоречие представляет собой отсутствие соответствия между одним и другим либо явной несовместимостью одного с другим по причине того, что они исключают друг друга [2]. Подобные действия и порождают необходимость включения согласительных процедур для разрешения возникших конфликтов. В данном случае противоречие представляет собой факт наличия двух или более норм, которые исключают друг друга, но при этом регулирование осуществляется в рамках одного объекта права.

Разногласие это наличие расхожести или отсутствие согласия [2]. Данная причина возникает в случае, когда регулирование правоотношений осуществляется несколькими нормами или законодательными актами, но эти нормы осуществляют регулирование правоотношений такими нормами, которые противоречат друг другу.

Противоречия и разногласия возникают в связи с наличием нескольких актов, которые направлены на урегулирование одного предмета. Такие акты могут в целом быть противоречивыми друг другу, а также включать отдельные нормы-противоречия и нормы-разногласия.

Пробельность актов подразумевает наличие необходимости регулирования того или иного правоотношения, но при этом отсутствует правовой механизм урегулирования вновь возникших правоотношений [3, с. 156]. Пробельность возникает в связи с возникновением правоотношений или модификацией ранее имеющихся правоотношений до такого, что прошлые нормы не могут координировать их, а значит необходимо каким-либо образом осуществлять регулирование отношений. Такая ситуация возникает в моменты принятия актов стратегического планирования, которые устанавливают задачи в определенных сферах, а механизмы регулирования еще не проработаны.

Согласительные процедуры также могут быть применимы при наличии проблемных обстоятельств. Проблемные обстоятельства возникают в том случае, когда правоотношение по своей сути должно иметь механизм регулирования данных отношений, но по какой-либо причине данный механизм не был принят. В таком случае субъектам участникам правоотношений необходимо каким-либо образом осуществлять взаимодействие. Проблемные ситуации возникают в том, случае, когда отношения возникают стихийно, не исходя из деятельности органов государственной власти, а путем деятельности общества, общественных организаций или иных участников публичных правоотношений, не обладающих властными полномочиями.

Необходимость согласования возникает и в случае, когда для урегулирования деятельности необходимо принятие правового акта, но деятельность охватывается не только в рамках одного органа или подразделения. Ограниченность полномочий по регулированию деятельности обязывает органы, организации и подразделения согласовывать правовые акты, в той части, в которой регулирова-

ние затрагивает их деятельность. В данном случае правовой акт, прежде чем вступить в силу проходит через процедуру согласования.

Правом на издание нормативных правовых актов обладают как органы государственной власти, так и органы власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления. Федеральные органы исполнительной власти издают нормативные правовые акты на основании закрепленного положения в федеральном конституционном законе, федеральном законе, актах Президента РФ и различных постановлениях Правительства РФ о полномочии на издание нормативного правового акта или группы актов [4].

Издание правовых актов как средство устранения противоречий, разногласий, пробельности и проблемности является универсальным средством, правом на которое обладают все органы публичной власти. В результате чего сам механизм принятия правовых актов по своей сути имеет универсальный характер, имея лишь небольшие отличия в составе согласующих субъектов, отчего необходимости в рассмотрении процесса согласования правовых актов во всех видах органов публичной власти нет. В связи этим данный механизм проанализирован на примере системы МВД России, с указанием на ключевые отличия, имеющиеся в других органах публичной власти.

МВД России обладает правом на издание и разработку нормативных правовых актов согласно Положению о Министерстве внутренних дел Российской Федерации [5]. Процедура издания правовых актов в сфере деятельности МВД России урегулированы ведомственным нормативным правовым актом, а именно приказ № 880 МВД России.

Приказом установлено, что правоотношения по изданию правового акта могут возникать как между должностными лицами, подразделениями, органами системы МВД России, имеющими равнозначные статусы, в рамках координационных отношений, так и между органами, должностными лицами, подразделениями и т.д., состоящими в субординационных отношениях – подчинения [6].

Правовой акт может быть подготовлен совместно с иными государственными органами, органами местного самоуправления, образовательными организациями и иными органами, организациями или должностными лицами, если их интерес затрагивает предмет регулирования правового акта. Такие отношения выступают в качестве квазисубординационных отношений, так, как прямого постоянного подчинения перед ответственными исполнителем не прослеживается, но факт, что изданный правовой акт наделит данный субъект той или иной обязанностью – присутствует [5].

Подготовку проекта нормативно-правового акта можно разделить на несколько этапов.

Первоначальным этапом является выбор и назначение лиц, ответственных за подготовку проекта нормативно-правового акта. Назначение подразделения, ответственного за подготовку проекта правового акта осуществляется начальником

территориального органа исходя из направления деятельности и предмета регулирования приказа, процедура согласования назначения ответственного подразделения не предусмотрена, а значит необходимо только решение руководителя.

Подготовка наиболее важных, сложных и значительных по объему проектов, а также разработка проектов правовых актов, которые будут издаваться совместно с иными органами требуют создания рабочей группы. Такая рабочая группа обязательна для издания проекта правового акта совместно с иными органами, которые не относятся к системе МВД России и при этом по выполняемым функциям и правовому статусу эти субъекты могут быть равны между собой. Привлечение равных по статусу и функционалу органов, экспертов образовательных и научных организаций требует процедуры согласования, но по своей сути привлечение подобного рода лиц не является процедурой согласования, ведь согласование необходимо для устранения имеющихся противоречий, а также в случае, если предмет правового регулирования проекта затрагивает каким бы то ни было образом деятельность таких органов и организаций, а в данном случае ученые и специалисты образовательных организаций выступают лишь как эксперты.

После этапа назначения непосредственных исполнителей следует этап информационного обеспечения проекта. На данном этапе ответственным лицом, группой определяется круг заинтересованных подразделений, с которыми должно осуществляться согласование проекта, к примеру, проект правового акта по обеспечению общественного порядка при массовом мероприятии включает в себя необходимость распределения сотрудников в соответствии с выполняемыми функциями, а значит руководители заинтересованных подразделений должны определить в какой функциональной группе должны состоять сотрудники. На данном примере наглядно продемонстрировано, что полномочиями по наполнению и функционалу групп обладают только руководители соответствующих подразделений, ответственный исполнитель в силу своих полномочий не может утвердить их состав и наполнение, а значит необходимо согласование проекта с непосредственными руководителями подразделений. Помимо заинтересованных подразделений определяются лица, деятельность которых предмет регулирования проекта правового акта затрагивает, среди них можно выделить представителей органов общественной безопасности субъектов РФ, представителей комиссий по делам несовершеннолетних, административных комиссий, представителей органов исполнительной власти смежных по функционалу – Росгвардии, МЧС, ФНС, Роспотребнадзор, Росрыбнадзор и т.д.

Инициативой по изданию правового акта обладает территориальный орган МВД России на районном уровне [7], а также подразделения системы органов внутренних дел. Согласно приказу МВД России № 460 [8] подразделение по охране дипломатических представительств и консульств

иностранных государств имеет право на внесение предложений по организации и улучшению деятельности собственного подразделения, аналогичное положение закреплено и в приказе МВД России № 888 [9], где подразделение делопроизводства и режима имеет право вносить предложения по совершенствованию собственной деятельности. Внесение предложений осуществляется путем обобщения правоприменительной практики и выявлении наиболее проблемных сфер деятельности подразделения, после чего предложение отправляется в вышестоящий орган, которому подчинено подразделение или территориальный орган, после чего начальником вышестоящего органа определяется правовой документ, которым имеющаяся проблема может решиться, в конце ответственным исполнителем за подготовку проекта правового акта назначается инициатор самого предложения.

Территориальные органы МВД России могут создавать правовые акты, затрагивающие положение органов, не входящих в систему МВД. Иные органы исполнительной власти с целью удовлетворения интересов данных органов обладают правом на создание и взаимодействие с референтными группами [10], однако в рамках нормотворческой деятельности МВД России такого права не предусмотрено, тем не менее согласно Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти [11] одним из механизмов взаимодействия является организация работы с референтными группами. Референтные группы должны создаваться на основании утвержденного плана реализации Концепции. МВД России данный план не реализовывала, так как отсутствует соответствующий нормативный правовой акт, а значит не может включать в свою работу деятельность по взаимодействию с референтными группами. Стоит отметить, что работа по привлечению референтных групп является нецелесообразной, так как согласно положениям федерального закона «О полиции» распоряжения полиции являются обязательными для исполнения всеми лицами, если эти распоряжения никоим образом не затрагивают законные интересы лиц, организаций или органов. К тому же при необходимости данные лица могут входить в рабочую группу, а значит необходимость по созданию референтной группы отпадает.

Согласование проекта правового акта в ходе координационных отношений включается в себя согласование: с начальником подразделения, где непосредственно был подготовлен проект, данная инстанция согласования служит для проверки проекта с целью исключения неисполнимых или необоснованных положений, необходимость издания проекта в таком виде, правильность формулировок и т.д., а значит можно сделать вывод о том, что согласование с начальником подразделения не является согласованием как процедурой, ведь как уже ранее упоминалось, согласование представляет собой деятельность по устранению имеющихся противоречий и разногласий, а та деятельность, которую осуществляет начальник подразделения

представляет собой лишь контрольную деятельность по соблюдению необходимых положений при разработке проекта правового акта. После чего, проект направляется на согласование с соисполнителями – начальниками иных структурных подразделений, если они были участниками разработки проекта, а также если иным подразделениям было выдано предписание или исполнение проекта нормативно-правового акта относится к их компетенции им направляется проект для согласования, такого рода деятельность уже может представлять собой именно согласование, ведь предмет правового регулирования проекта может затрагивать компетенции и деятельность равнозначных по функционалу подразделений и служб.

Проект также согласовывается с заместителями начальника территориального органа, которые могут быть как ответственными соисполнителями, так и, если деятельность ответственных им подразделений является предметом регулирования акта либо же им было дано соответствующее поручение. Подобного рода согласование также не является таковым, ведь если проект согласовывается с иными подразделениями, по причине недостаточности полномочий, наличие общего предмета регулирования, тогда как заместители начальника территориального органа в рамках осуществления своих полномочий курируют эти подразделения, значит функционал данных должностных лиц заключается в контрольно-проверочной деятельности и ознакомлении, что подчиненные им подразделения не имеют возражений.

К тому же в ходе координационных отношений необходимо согласовывать проект с подразделениями, исходя из предмета регулирования проекта, такими подразделениями являются финансовое, тыловое, кадровое и правовое подразделения. Деятельность данных подразделений не подпадает под процедуру согласования, ведь, анализируя с какой целью необходимо согласовывать проект с данными подразделениями можно сделать вывод о том, что это лишь обеспечивающие подразделения, а значит они должны лишь предоставить информацию смогут ли они обеспечить исполнение положений согласовываемого правового акта или нет. Подобного рода действия должны быть осуществлены еще на стадии внесения предложений и сбора информации для принятия проекта правового акта. Таким образом, необходимость согласования с данными подразделениями – это лишь процедура ознакомления.

Необходимость согласования проекта правового акта в рамках координационных отношений является важной частью деятельности по его изданию, данная процедура предусмотрена в приказе по причине ограниченности полномочий одного подразделения, являющегося ответственным исполнителем, по отношению к другим подразделениям, а положения, регулируемые правовым актом затрагивают полномочия подразделений по направлениям их деятельности. Так, к примеру, подразделение по координации деятельности участко-

вых уполномоченных полиции не может принимать решение о количестве лиц, участвующих в охране общественного порядка при проведении массового мероприятия, из другого подразделения. Аналогичным примером может послужить организация проведения мероприятия по профилактике преступлений и правонарушений, в данном случае подразделение прорабатывает мероприятие, но возможность осуществления данного мероприятия другим подразделением исходя из специфики его деятельности необходимо согласовывать с заинтересованными службами. Также примером может послужить издание правового акта в сфере проведения мероприятий, связанных с противодействием выращиванию запрещенных растений, в данном случае ответственный исполнитель в лице подразделения по борьбе с незаконным оборотом наркотиков имеет право на осуществление одного вида деятельности, но возникает необходимость привлечь иные подразделения, осуществляющие патрулирование.

Можно сделать вывод, что согласование проекта правового акта среди подразделений, имеющих смежные характер деятельности, полномочия и функционал необходимо в том случае, когда полномочия одного ответственного исполнителя не позволяют придать полномочия другой службе в понуждающем порядке в связи с ограниченностью компетенций.

Процедура согласования правовых актов в рамках субординационных отношений включает в себя участие подчиненных субъектов и все ранее указанные инстанции, которые необходимы для согласования проекта правового акта, но к ним добавляются следующие лица:

- начальник подразделения, деятельность которого затрагивает предмет регулирования правового акта;
- заместитель начальника и/или начальник подчиненного органа – в случае, если они являются соисполнителями или предмет регулирования правового акта затрагивает деятельность подчиненных им подразделений.

Необходимость данной процедуры обусловлена проверкой возможности осуществления положений правового акта в случае, если территориальный орган будет являться непосредственным исполнителем. Это необходимо в связи с тем, что подчиненный орган выступает как один из исполнителей положений самого правового акта, а закрепление полномочий которые, могут быть невыполнимыми либо выполнение данных положений является нецелесообразным по определенным причинам, как например, наличие положений в уже ранее изданном правовом акте либо урегулирование таких положений вышестоящим по силе нормативным правовым актом является нецелесообразным.

Процедура согласования правового акта в рамках субординационных отношений не отличается от ранее указанной нами, однако проблемой является необходимость согласования проекта правового

акта с подчиненными территориальными органами. Так как в данном случае это также не является согласованием, ведь хоть и имеется совпадение, наложение функций между руководствующим и подчиненным органом, но исходя из типового положения о территориальном органе на районном уровне подчиненный орган является только лишь исполнителем, тогда как вышестоящий территориальный орган является руководителем.

Исходя из положений федерального закона «О полиции», выполнение приказов и распоряжений вышестоящих субъектов является обязательным для нижестоящих, а значит такое положение как согласование проекта правового акта с нижестоящими территориальными органами не является обязательным, да и вообще не требуется [12]. А значит такую процедуру не стоит считать согласованием – это сбор информации, касающейся исполнимости положений правового акта, что относится к первоначальному этапу подготовки проекта правового акта.

Согласование проекта при субординационных отношениях является таким же важным элементом устранения противоречий и разногласий, как и согласование между координационными субъектами, так как при вступлении в силу правового акта без его согласования с подчиненными субъектами при выявлении принципиальных противоречий, разногласий или невыполнимости отдельных положений или акта в целом признает такой проект нецелесообразным и бессмысленным в рамках деятельности полиции в выполнении возложенных на нее задач, однако не стоит относить подобного рода процедуру к согласованию.

Таким образом в рамках системы МВД России невозможна процедура согласования с нижестоящими, подчиненными органами.

Стоит отметить, что в рамках подготовки проекта правового акта могут направляться предложения для включения в правовой акт от подчиненных субъектов. Данная процедура не является согласованием, так как согласование, по своей сути, является процедурой устранения разногласий и противоречий, а вот рассмотрение предложений – это лишь процедура рассмотрения возможности включения тех или иных положений.

Последняя рассматриваемая нами процедура согласования правового акта является согласование правового акта в ходе квазисубординационных отношений, которые возникают между субъектами, не находящимися в прямом подчинении между собой, но в рамках своей деятельности МВД России имеет право отдавать распоряжения органам и организациям, которые являются обязательными для исполнения.

Совместные акты могут быть выпущены только в том случае, если предмет регулирования проекта напрямую затрагивает деятельность территориальных органов МВД России, как например если правовой акт в своих положениях предусматривает особенности деятельности подразделений полиции в определенных ситуациях, как например

совместный приказ Минздрава Свердловской области и ГУ МВД России по Свердловской области [13]. Также подобные приказы могут издаваться и по совместной деятельности, к примеру, в сфере профилактики – приказ ГУ МВД России по Челябинской области и Минобразования Челябинской области [14].

Стоит отметить, что между субъектами Российской Федерации и МВД России могут заключаться соглашения. В Постановлении Правительства от 8 декабря 2008 года № 924 [15] отсутствует конкретизация процедуры согласования проекта правового акта, однако пункт 3 устанавливает, что согласование такого проекта является обязательным между инициатором соглашения и другой заинтересованной стороной. Одним из согласующих звеньев выступает именно территориальный орган МВД России. Однако такая процедура не может являться согласительной, ведь передача полномочий по составлению протоколов по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ, является лишь формальной процедурой, так как анализ законов об административных правонарушениях субъектов РФ говорит о том, что большинство правонарушений входят в сферу деятельности, находящейся в ведении субъектов РФ и муниципалитетов.

Переданные для составления протоколов составы по своей природе являются составами, которые направлены на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, а выполнение этого полномочия является прерогативой федеральных органов исполнительной власти, в частности МВД России. Таким образом, документ носит название «соглашение», однако не является таковым, ведь по своей сути это процедура делегирования полномочий, которые обязано осуществлять МВД России.

В ходе сотрудничества в рамках квазисубординационных отношений согласование необходимо в том случае, когда орган обладает монополистическими полномочиями по регулированию деятельности, но для возможности регулирования иным органом необходимо предоставить полномочия органу исполнительной власти в части, которая затрагивает его деятельность. Также согласование необходимо и в тех отношениях, когда органы исполнительной власти обладают единоличным правом на регулирование деятельности, возникает ситуация неопределенности, когда отсутствие четкого разделения полномочий порождает необходимость согласования деятельности.

К примеру, в ходе принятия проекта правового акта необходимо осуществление оценки регулирующего воздействия, проводимое Министерством экономического развития. Оценка регулирующего воздействия осуществляется как в ходе публичных обсуждений, так и непосредственно Минэкономразвитием по строго установленным критериям.

Оценка регулирующего воздействия необходима для установления положительных и отрица-

тельных аспектов принятия правового акта, выявление факта избыточных или необоснованных полномочий и пр. Фактически на стадии публичного обсуждения осуществляется деятельность по согласованию проекта правового акта, так в рамках публичного обсуждения в соответствующие заинтересованные органы направляется уведомление о публичном обсуждении проекта, после чего выбранные органы могут не согласиться с представленными предложениями, при этом обосновав причину.

Все предложения, поступившие в ходе публичных обсуждений в обязательном порядке подлежат рассмотрению. Разработчиком проекта правового акта предложения могут быть учтены, учтены частично или отклонены. В случае частичного учета или отклонения разработчик проекта обязан мотивированно обосновать по какой причине те или иные предложения не учитываются. Включая все учтенные предложения разработчик дорабатывает проект правового акта, в том случае если вносимые предложения учтены и содержат необходимость изменения или доработки проекта. Так в рамках квазисубординационных отношений органом исполнительной власти в рамках оценки регулирующего воздействия осуществляется согласительная процедура в случае, когда орган обладает монополизационными полномочиями по регулированию данной деятельности.

Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти предусматривает механизм вовлечения общественности, а в частности органов, организации и объединений, на которые решения федерального органа исполнительной власти распространяются. Планы реализации данной концепции предполагают помимо общественного обсуждения участие работы с референтными группами. В референтную группу могут входить граждане, исходя из определенного признака, как например, пенсионеры, студенты сельское население и пр., частные компании и организации, органы государственной власти субъектов РФ, территориальные органы и пр. Основной задачей группы является обсуждение проектов решений органа государственной власти, а также общественно значимых нормативных правовых актов.

Учет предложений по проекту правового акта осуществляется в протоколе заседания референтной группы, в котором отражается предложение группы по указанным в проекте положениям, а также реакция федерального органа исполнительной власти с мотивированным решением.

Стоит отметить, что заседание референтной группы может происходить как в момент общественного обсуждения проекта, до него или после завершения процесса обсуждения. Учет мнения субъектов, на которые будет распространяться решения органа власти является обязательным, но при этом разработчиком проекта не обязательно вносить правки, которые были предложены референтной группой, то есть при несогласии группы с ка-

ким-либо положением проекта не влечет за собой обязательную процедуру доработки, а значит работа с референтными группами не является процедурой согласования, так как обязательным критерием согласительной процедуры выступает принятие решения при учете мнения заинтересованных лиц.

В ходе согласительной процедуры проекта правового акта необходимо установление четкой границы окончания, что будет означать переход к этапу доработки проекта акта и его дальнейшее опубликование. В связи с этим необходимо выделить признаки окончания процедуры согласования:

1. Учет предложений, поступивших в ходе процесса согласования: предложения, учтенные в ходе процедуры согласования отражены в окончательной редакции проекта правового акта, а также отсутствует необходимость повторного обсуждения проекта, с учетом внесенных правок.
2. Наличие резолюции на листе согласования проекта, свидетельствующая об удовлетворенности заинтересованных субъектов в принимаемых положениях.
3. Соблюдены необходимые формально-установленные процедуры, к примеру, срок согласования, компетентный субъект согласования проекта и пр.
4. Получение заключения об оценке регулирующего воздействия, в случае принятия правового акта федерального уровня.

Таким образом анализ согласительных процедур правового акта в рамках квазисубординационных отношений говорит нам о том, что процедура согласования проекта правового акта между субъектами, не имеющими отношения подчинения, общий функционал и цели деятельности также является обязательной. Обязательность обуславливается необходимостью урегулирования правоотношений, возникающих в связи с сопряжением функций по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка. В связи с чем мы можем сделать вывод о том, что процедура согласования правового акта необходима не только в случае непосредственного исполнения положений правового акта, но и в случае делегирования схожих функций иным органам, организациям и подразделениям.

Таким образом, процедура согласования проекта правового акта является обязательным этапом при издании правового акта. Согласование необходимо с целью устранения разногласий и противоречий, возникающих в связи предметом регулирования проекта правового акта, к тому же процедура согласования является неотъемлемой частью нормотворческой деятельности при издании правового акта, в том случае, когда регулирование общественных отношений осуществляется органом единолично, но самостоятельно данный субъект не вправе регулировать вновь возникшие общественные отношения. При этом стоит отметить, что не каждая процедура, закрепленная в праве как согласительная является таковой.

Литература

1. Осинцев Д.В. Методы административно-правового воздействия: автореф. дисс ... докт. юр. наук. Екатеринбург, 2013. 54 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01007925570.pdf (дата обращения 14.07.2024).
2. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка [Электронный ресурс] <https://gramota.ru> (дата обращения 14.07.2024)
3. Муцалов Ш. Ш., Идилов Ш.К., Теоретические аспекты понятия пробелов в праве // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 7–2(97). С. 156–159.
4. Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 (ред. от 19.02.2024) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (дата обращения 14.07.2024)
5. Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (дата обращения 14.07.2024)
6. Приказ МВД России от 26 декабря 2018 г. № 880 (ред. от 04.09.2023) «Об утверждении Правил подготовки правовых актов в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318001/ (дата обращения 14.07.2024)
7. Приказ МВД России № 355 от 5 июня 2017 г. «Об утверждении типового положения о территориальном органе внутренних дел» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71717864/> (дата обращения 07.07.2024)
8. Приказ МВД России от 26 мая 2008 г. № 460 «Об утверждении Типового положения о подразделениях по охране дипломатических представительств и консульств иностранных государств территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12161002/> (дата обращения 07.07.2024)
9. Приказ МВД России от 23 декабря 2020 г. № 888 «Об утверждении типового положения о подразделении делопроизводства и режима территориального органа МВД России» [Электронный ресурс] URL: <https://15.mvd.pf/document/22635761> (дата обращения 07.07.2024)
10. Приказ ФАС № 187/24 от 22 марта 2024 г. «Об утверждении плана взаимодействия и переня участников референтных групп Федеральной антимонопольной службы на 2024 год» [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/documents/689535> (дата обращения 10.07.2024)
11. Распоряжение Правительства РФ от 30 января 2014 г. № 93-р «Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru> (дата обращения 15.07.2024 г.)
12. Федеральный закон от 11 февраля 2011 г. «О полиции» № 3-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 15.07.2024)
13. Соглашение между Минздравом Свердловской области и ГУ МВД России по Свердловской области от 21 сентября 2017 г. № 1492, № 1604-п «О совершенствовании учета дорожно-транспортных происшествий и пострадавших в них» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446477091?section=text> (дата обращения 20.07.2024)
14. Совместный приказ ГУ МВД России по Челябинской области и Министерства образования и науки Челябинской области от 04 апреля 2018 № 01/958 и № 294 «Об организации работы по профилактике безопасности дорожного движения в образовательных организациях Челябинской области» [Электронный ресурс]. URL: https://nsch3-korkino.educhel.ru/documents/other_documents/doc/1112819 (дата обращения 20.07.2024)
15. Постановление Правительства РФ от 8 декабря 2008 г. № 924 «О порядке заключения и вступления в силу соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения 20.07.2024 г.)

CONCILIATION PROCEDURES IN ADMINISTRATIVE LAW-MAKING

Arbit V.V.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The purpose of the study is to analyze conciliation procedures as a modern phenomenon of administrative and legal regulation, designed for atypical legal situations arising in the regulation of public relations. Based on the analysis of normative legal acts regulating the process of adoption and publication of draft legal acts, the circumstances in which the conciliation procedure is a mandatory stage were formulated. The analysis of the conciliation procedure for the adoption of draft legal acts was carried out on the basis of departmental orders of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, taking into account the peculiarities of other public authorities. Based on specific examples, various processes of approving draft legal acts are considered.

Within the framework of the study, aspects of the conciliation procedure are considered in the presence of disagreements and contradictions, as well as in the presence of problematic and gap situations arising within the framework of both equal and subordinated and quasi-subordinated relations. The moments are defined when the conciliation procedure acts as an element that, in its essence, does not have the character of eliminating contradictions or disagreements.

Keywords: conciliation procedure, draft legal act, elimination of contradictions and disagreements, interdepartmental coordination, subordination relations, quasi-subordination relations.

References

1. Osintsev D.V. Methods of administrative and legal influence: author's abstract. diss ... doctor of law. sciences. Ekaterinburg, 2013. 54 p. URL: https://new-dissler.ru/_avtoreferats/01007925570.pdf (accessed on 14.07.2024).
2. Morkovkin V.V., Bogacheva G.F., Lutskaya N.M. Large universal dictionary of the Russian language [Electronic resource] <https://gramota.ru> (accessed on 14.07.2024)
3. Mutsalov Sh. Sh., Idilov Sh. K., Theoretical aspects of the concept of gaps in law // International research journal. 2020. No. 7–2 (97). P. 156–159.
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 13, 1997 No. 1009 (as amended on February 19, 2024) "On Approval of the Rules for the Preparation of Regulatory Legal Acts of Federal Executive Bodies and Their State Registration" // SPS ConsultantPlus. [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (date of access July 14, 2024)
5. Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No. 699 "On Approval of the Regulation on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulation on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for a Subject of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (date of access 14.07.2024)
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 26, 2018 No. 880 (as amended on 04.09.2023) "On approval of the Rules for preparing legal acts in territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus. [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318001/ (date of access 14.07.2024)
7. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 355 dated June 5, 2017 "On approval of the model regulation on the territorial internal affairs body" [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/71717864/> (date accessed 07.07.2024)
8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated May 26, 2008 No. 460 "On approval of the Model Regulation on the units for the protection of diplomatic missions and consulates of foreign states of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/12161002/> (date of access 07.07.2024)
9. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 23, 2020 No. 888 "On approval of the standard regulation on the office work department and regime of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia" [Electronic resource] URL: <https://15.мвд.рф/document/22635761> (date of access 07.07.2024)
10. Order of the FAS No. 187/24 dated March 22, 2024 "On approval of the interaction plan and the list of participants in the reference groups of the Federal Antimonopoly Service for 2024" [Electronic resource]. URL: <https://fas.gov.ru/documents/689535> (date of access 10.07.2024)
11. Order of the Government of the Russian Federation of January 30, 2014 No. 93-r "Concept of openness of federal executive bodies" [Electronic resource]. URL: <http://static.government.ru> (date of access 15.07.2024)
12. Federal Law of February 11, 2011 "On Police" No. 3-FZ [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (date of access 15.07.2024)
13. Agreement between the Ministry of Health of the Sverdlovsk Region and the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Sverdlovsk Region dated September 21, 2017 No. 1492, No. 1604-p "On improving the recording of road accidents and victims in them" [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446477091?section=text> (date accessed 20.07.2024)
14. Joint order of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Chelyabinsk Region and the Ministry of Education and Science of the Chelyabinsk Region dated April 4, 2018 No. 01/958 and No. 294 "On the organization of work on the prevention of road safety in educational organizations of the Chelyabinsk Region" [Electronic resource]. URL: https://nsch3-korkino.educhel.ru/documents/other_documents/doc/1112819 (date of access 20.07.2024)
15. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 8, 2008 No. 924 "On the procedure for concluding and entering into force of agreements between federal executive bodies and executive bodies of constituent entities of the Russian Federation on the transfer of the exercise of part of their powers to each other" [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/> (date of access 20.07.2024)

Конституционно-правовые основы как категория современной юриспруденции

Баскаков Артём Сергеевич,

аспирант кафедры конституционного права юридического факультета им. М.М. Сперанского, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС при Президенте РФ)
E-mail: baskakov.artiom@list.ru

В статье рассмотрены дефиниции понятия «конституционно-правовые основы». Определена также и более общая категория – «правовые основы». Выделено несколько подходов в понимании конституционно-правовых основ: в рамках узкого подхода конституционно-правовые основы практически отождествляются с понятием «конституционные нормы». Некоторые авторы склонны отождествлять понятие «конституционно-правовые основы» и понятие «Конституция», так как конституционно-правовые основы отражены именно в положениях Конституции как основы политики государства и его законодательной деятельности. Категория «конституционно-правовых основ» в широком смысле должна пониматься как система ценностей и норм, создающая с помощью принципов и иных юридических средств базу и систему правовых норм, формирующих социально-правовые институты. Автор статьи предлагает следовать более широкому подходу в понимании термина. Сделан вывод о том, что категория «конституционно-правовые основы» обнаруживает сходства со многими другими юридическими категориями (конституционные нормы, конституционно-правовые принципы, конституционные ценности). Описан характер взаимосвязи между тремя вышеописанными категориями. Сделан вывод о том, что ключевой чертой конституционно-правовых основ выступает их системность.

Ключевые слова: правовые основы, конституционно-правовые основы, конституционное право, конституция, системность, конституционные нормы, конституционные принципы, конституционные ценности.

В контексте текущих трансформаций Основного Закона и отраслевых сегментов законодательного массива особенно актуальным представляется рассмотрение фундаментальных категорий юриспруденции. Одной из подобных категорий выступает концепция конституционно-правовых основ. Несмотря на то, что данный термин является одним из важнейших в теории и практике права, единства мнений в его дефиниции пока не наблюдается. В данной связи представляется необходимым обобщить и проанализировать существующие подходы к определению конституционно-правовых основ, существующие в современной русскоязычной литературе.

В словарях и научной литературе понятие «основа» принято трактовать с общефилософских позиций. А.К. Билялов определяет основу как ключевую, главную сторону объекта или явления, которая «существенным образом влияет на все другие необходимые стороны и связи объекта, обуславливает соответствующее их изменение, направление функционирования и развития» [3, с. 142].

К.А. Струсь определяет правовые основы в качестве желательных моделей социального развития общественных отношений, фиксируемых на уровне законодательства «посредством закрепления норм, отличающихся высокой степенью генерализации (учредительных норм, норм-принципов, норм-целей, правовых средств реализации полномочий)». Характерной чертой правовой основы является ее направленность на правила поведения, что обуславливает ее идеолого-нравственную и регулятивную функции [15, с. 8]. В дополнение исследователь также отмечает охранительную, информационно-психологическую, мотивационную, побудительную и культурно-воспитательную функции правовых основ [15, с. 10].

К.А. Струсь, кроме того, выделяет признаки, дифференцирующие правовые основы от смежных категорий правовой науки (нормы, правила, законы, принципы и проч.): (1) научная обоснованность и наличие методологического базиса; (2) системность нормативно-правового регулирования – реализация правовых основ в деятельности органов государственной власти, в определенных моделях федеративных отношений, на уровне муниципалитетов, институтов гражданского общества, в разных сферах общественных отношений; реализация на различных уровнях иерархически соподчиненных актов национального законодательства; (3) концептуальность как ориентирование на идею об обеспечении прогрессивного социального развития; (4) доктринальность – официально обозна-

ченные правовые принципы и постулаты, на базе которых конструируются и внедряются механизмы реализации правовых основ; (5) целесообразность – правовые основы выражают «прогнозируемый результат правового воздействия, то, к чему стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности»; (6) инструментальная и организационная обеспеченность [15, с. 10].

В издании И.В. Гойман-Калинского, Г.И. Иванец и В.И. Червонюк содержится дефиниция понятия «правовая основа государственной и общественной жизни»: «понятие, призванное отразить те правовые явления <...> которые вносят упорядоченность, организованность и дисциплину в общественную жизнь, обеспечивают, основанную на незыблемых началах законности, деятельность государственных и общественных организаций, должностных лиц» [20].

В более поздней публикации К.А. Струсь в соавторстве с Н.А. Попандопуло представляют более развернутое определение правовых основ. Во-первых, правовые основы представляются авторами как «совокупность общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения справедливости и определяющих содержание правового регулирования»; во-вторых, правовые основы есть установленный порядок и механизм реализации субъективных прав и юридических обязанностей; в-третьих, правовые основы можно понимать в качестве систематизированного набора нормативно-правовых актов, используемых для упорядочивания конкретного сегмента общественных отношений [17, с. 93].

Последнее из вышеописанных определений достаточно часто встречается в научной литературе. Нормативно-правовые акты, в конечном итоге, становятся воплощением и выражением правовых основ. При этом спектр документов, где отражены правовые основы, весьма широк: нормативные акты, коллективные договоры, правоприменительные решения, регламенты, прецеденты, рамочные решения, директивы и проч. [16, с. 87].

Данный тезис позволяет К.А. Струсь и Н.А. Попандопуло ранжировать правовые основы по критерию юридической силы и, соответственно, правовых актов, в которых они зафиксированы: (1) первичные (базовые) правовые основы, представленные в документах «основополагающего характера, которые обладают высшей юридической силой в правовой системе», сущность и цель которых заключается в выражении правовой доктрины и детерминирования общих принципов правового регулирования; (2) вторичные (производные) правовые основы, выраженные в документах, разработанных и утвержденных по необходимости положений первичных основ и в соответствии с ними [15, с. 87].

По мнению авторов, первичные правовые основы представлены документами основополагающего, учредительного характера – в т.ч. Конституцией. Следовательно, можно, опираясь на вышепредставленную классификацию, соотнести или

даже отождествить понятия «первичные правовые основы» и «конституционно-правовые основы». То, что именно Конституция выступает ключевые и приоритетным «носителем» правовых основ, свидетельствует сама ее сущность и дефиниции, представленные в юридической литературе. Так, к примеру, в пособии Л.С. Булгаковой с соавт. конституция определяется как основной закон государства и общества, закон, фиксирующий фундаментальные общественные отношения, характеризующий основы государственного строя, правового статуса человека и гражданина, организации государственной власти и органов местного самоуправления [9, с. 10].

О.Н. Горбунова, в свою очередь, также определяет конституционно-правовые основы как содержащиеся в Конституции РФ нормы, являющиеся базой для развития иных отраслей законодательства [18, с. 30]. Е.А. Ровинский [14] и А.О. Миняев [11], рассматривая применительно к деятельности государства вопрос о конституционных основах, определяют смысл этого понятия, с одной стороны, как конституционные принципы, а с другой – как совокупность норм, закрепленных в Конституции РФ. По мнению исследователей, конституционные основы обозначают нормы Конституции РФ, непосредственно закрепляющие основы устройства общества и государства, а также различных общественных отношений, которые непосредственно конституционным правом не регулируются [14, с. 15].

Согласно В.В. Гришину, конституционные основы реализованы как в Основном законе, так и в других актах законодательства, положения которых опираются на конституционные тезисы (к примеру, конституционные основы местного самоуправления) [7, с. 51].

А. А. Белкин определяет конституционные основы в качестве самостоятельной категории конституционного права, содержание которой отражает то обстоятельство, что реальные отношения, исполняющие в общественной жизни роль основ, закрепляются и охраняются юридическими – конституционными – средствами [2, с. 3].

А.М. Голощапов склонен в принципе отождествлять понятие «конституционно-правовые основы» и понятие «Конституция». Конституционно-правовые основы, по мнению автора, отражены именно в положениях Конституции как основы политики государства и его законодательной деятельности [6, с. 171]. В.П. Покатова предлагает расширить понимание термина посредством включения в него, помимо Конституции, положений, закрепленных отдельными законодательными актами о реализации публичной власти в стране [13, с. 9].

Ф.Н. Абдуллоев также говорит о том, что в ряде источников семантика категории «конституционно-правовые основы» сужается до контекстов правоприменительной и правоохранительной деятельности и интерпретируется как совокупность принципов организации и деятельности судов или как демократические принципы правосудия [1, с. 101].

Существует также и наиболее широкий подход к рассмотрению категории «конституционно-правовые основы» – именно он наиболее распространен в современных публикациях, учебниках, диссертационных и монографических исследованиях. Согласимся с Ф.Н. Абдуллоевым в том, что конституционно-правовые основы как юридическая категория «по содержанию и кругу охвата норм намного шире, нежели принципы организации и деятельности судебной системы или же судебных органов» [1, с. 101].

Категория «конституционно-правовых основ» в широком смысле должна пониматься как система ценностей и норм, создающая с помощью принципов и иных юридических средств базу и систему правовых норм, формирующих социально-правовые институты.

Согласно В.Д. Филимонову, категория «конституционно-правовые основы» определяется как постановления и требования Конституции, общепризнанные принципы и нормы международного права, выражающие условия для конструирования отраслевых законодательных норм, объясняющих их и разрешающих противоречия общественной жизни посредством «определения социальной справедливости, установления и содержания предусмотренных ими правил поведения» [19, с. 189].

Ф.Н. Абдуллоев представляет, в свою очередь, следующую дефиницию: конституционно-правовые основы – это «правовые нормы фундаментального характера, закрепленные в Конституции, имеющие высшую юридическую силу, которые устанавливают, определяют или регулируют важнейшие вопросы основ государственного устройства, правовое положение личности, назначение, функции и компетенции государственных органов» [1, с. 102].

Таким образом, понятие «конституционно-правовые основы» имеет широкое применение в юридической науке, что обусловлено его важностью для функционирования правовой системы. Анализ дефиниций данного понятия выявляет различные подходы к его пониманию в зависимости от контекста применения, предмета исследования и специфики правовой системы.

Одним из классических подходов к определению правовых основ является понимание их как комплекса норм права, которые закреплены в нормативно-правовых актах и регулируют ту или иную сферу общественных отношений. В этом смысле правовые основы можно рассматривать как исходную, фундаментальную нормативную базу, которая определяет содержание и направления правового регулирования.

Другие исследователи акцентируют внимание на принципиальном аспекте правовых основ, определяя их как систему основных правовых принципов и идей, которые определяют направление развития правовой системы в целом

Наконец, ряд авторов подчеркивают институциональный аспект правовых основ, указывая на то, что они включают в себя не только нормы и принципы, но и механизмы их реализации через со-

ответствующие правовые институты. Например, правовые основы правосудия включают в себя не только нормы уголовного и гражданского процесса, но и институты судебной системы, которые обеспечивают их применение.

Категорию конституционных-правовых основ нужно, по нашему мнению, рассматривать в широком смысле, так как установление конституционных (конституционно-правовых) основ регулирования общественных отношений предполагает: а) необходимость обособления комплексного межотраслевого нормативного массива; б) определение единых целей, ценностей и принципов для данной нормативного массива, регулирующего соответствующие общественные отношения; в) правотворческое и правоприменительное согласование норм этой отрасли и иных отраслей права, задействованных в регулировании общественных отношений, исключение противоречий между ними. Такое согласование достигается, в частности, за счет уточнения предмета правового регулирования соответствующих отраслей права, определения системы отраслевого законодательства, отграничения друг от друга различных отраслей законодательства.

Как следует из вышеизложенного, категория «конституционно-правовые основы» обнаруживает сходства со многими другими юридическими категориями. Особенно часто, как показывают вышепредставленные дефиниции, конституционные основы сопоставляются с конституционными нормами. Так, А.А. Белкин говорит о том, что понятие конституционных основ в большей степени соотносится с конституционными нормами – по сущности, конституционная основа является собой определенную часть норм Конституции [2, с. 3].

Конституционные нормы А.Д. Дроздова и И.И. Демченко определяют как государственно-властные предписания, «веления высшей государственной власти», основанные на конституционно-правовых основах и формирующие в результате конструктивное поведение субъектов в рамках конституционно-правовых отношений [8, с. 30]. Конституционно-правовые нормы, согласно Ю.И. Глебовой, представляют собой обязательные правила поведения, устанавливаемые государством и направленные на регулирование отношений в контексте конституционного права [10, с. 9].

Кроме того, налицо взаимосвязь между понятиями «конституционно-правовые основы» и «конституционно-правовые принципы». В некоторых авторских дефинициях можно встретить подход, отождествляющий два этих понятия. Так, Н.А. Богданова определяет конституционные принципы как идеи, «имеющие фундаментальное значение для развертывания конституционно-правового знания, в основу которых кладется та или иная мировоззренческая позиция» [4, с. 189].

Многие авторы сравнивают категории «конституционно-правовые основы» и «конституционные ценности» и указывают на причинно-следственную связь между ними: именно ценно-

сти позволяют конструировать конституционно-правовые основы, выступая для них универсальным критерием, мериллом, критерием оценки конкретного положения правовой основы той или иной конституционной ценности.

Конституционные ценности В.М. Бурла определяет как некое «логическое обобщение, которое отражает наиболее значимые устойчивые свойства и признаки группы явлений конституционно-правовой действительности», итогом эволюции и документальной фиксации конституционной аксиологии [5, с. 13]. Следовательно, фиксация конституционных ценностей, а также принципов и выступает в конечном итоге конституционно-правовой основой. Основа, в свою очередь, вербализируется в виде конституционной нормы и нормы иных законодательных актов, опирающейся на конституционные положения. Таков, на наш взгляд, характер взаимосвязи между тремя вышеописанными категориями.

Возвращаясь к определению сущности конституционно-правовых основ, следует еще раз подчеркнуть потребность в следовании широкому подходу: конституционно-правовые основы не следует отождествлять лишь с положениями Основного закона – эти основы присутствуют и во многих иных актах законодательства, которое, в свою очередь, по принципу естественной иерархии исходит из конституционной аксиологии.

Ключевой чертой конституционно-правовых основ выступает их системность – их органическая взаимосвязь и взаимодействие. Конституционно-правовое регулирование осуществляется комплексно. И.В. Гойман-Калинской с соавт. указывает на то, что правовая основа не является собранием «случайных» правовых реалий – все они дополняют и взаимно обогащают друг друга, формируя в результате единое политико-правовое пространство [20]. С.А. Мосин в данной связи говорит о том, что системность конституционно-правовых основ обеспечивается, помимо прочего, и тем, что конституционные нормы, принципы, ценности, презумпции, институты, механизмы и др. «насыщаются конкретным содержанием в многочисленном законодательстве» [12, с. 149].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В научной литературе пока не наблюдается единства мнений по вопросу дефиниции понятия «конституционно-правовые основы». Получить косвенное представление о семантике данного термина можно исходя из более общей категории «правовые основы».
2. Можно выделить несколько подходов в понимании конституционно-правовых основ: в рамках узкого подхода конституционно-правовые основы практически отождествляются с понятием «конституционные нормы». Некоторые авторы склонны отождествлять понятие «конституционно-правовые основы» и понятие «Конституция», так как конституционно-правовые основы отражены именно в положе-

ниях Конституции как основы политики государства и его законодательной деятельности. Категория «конституционно-правовых основ» в широком смысле должна пониматься как система ценностей и норм, создающая с помощью принципов и иных юридических средств базу и систему правовых норм, формирующих социально-правовые институты. Мы предлагаем следовать более широкому подходу в понимании термина.

3. Категория «конституционно-правовые основы» обнаруживает сходства со многими другими юридическими категориями (конституционные нормы, конституционно-правовые принципы, конституционные ценности). Фиксация конституционных ценностей, а также принципов и выступает в конечном итоге конституционно-правовой основой. Основа, в свою очередь, вербализируется в виде конституционной нормы и нормы иных законодательных актов, опирающейся на конституционные положения.
4. Ключевой чертой конституционно-правовых основ выступает их системность – их органическая взаимосвязь и взаимодействие. Системность конституционно-правовых основ обеспечивается тем, что конституционные нормы, принципы, ценности, презумпции, институты, механизмы и др. насыщаются конкретным содержанием в актах законодательства.

Литература

1. Абдуллоев, Ф.Н. Понятие конституционно-правовых основ: предназначение, функции и формирование Верховного Суда Республики Таджикистан / Ф.Н. Абдуллоев // Вестник Педагогического университета. – 2015. – № 1–1 (62). – С. 100–106.
2. Белкин, А.А. Конституционные основы общественного строя и политики / А.А. Белкин // Актуальные вопросы укрепления правовой основы государственной и общественной жизни: межвуз. сб. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – С. 3–12.
3. Билялов, А.К. Об определении категорий «основа» и «обоснованное» / А.К. Билялов // Философские науки. – 1976. – № 5. – С. 142–143.
4. Богданова, Н.А. Система науки конституционного права / Н.А. Богданова: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – С. 189.
5. Бурла, В. М. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации / В.М. Бурла // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 19(3). – С. 11–26.
6. Голощапов, А.М. Конституционные основы становления государственно-правовой стратегии / А.М. Голощапов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 38–41.
7. Гришин, В.В. Конституционные основы организации местного самоуправления в Российской Федерации / В.В. Гришин // Известия ВУЗов.

Поволжский регион. Общественные науки. – 2023. – № 1(65). – С. 48–60.

8. Дроздова, А.Д. Особенности и классификация конституционно-правовых норм / А.Д. Дроздова, И.И. Демченко // Образование и право. – 2019. – № 5. – С. 30–35.
9. Конституционное право в определениях, таблицах и схемах: учебное пособие. В 2 ч. Ч. 1 / Л.С. Булгакова, О.А. Гуреева, М.Б. Кабанова, В.В. Лавров, Я.К. Чепенко; под общ. ред. Я.К. Чепенко. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 75 с.
10. Конституционное право России: учебное пособие / Ю.И. Глебова. – Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – 228 с.
11. Миняев, А.О. Конституционные основы экологического права / А.О. Миняев: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 15.
12. Мосин, С.А. Некоторые аспекты исследования характеристик основополагающих конституционных установлений / С.А. Мосин // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 16. – С. 148–150.
13. Покатова, В.П. Конституционно-правовые основы водных отношений в Российской Федерации / В.П. Покатова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – С. 9.
14. Ровинский, Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права / Е.А. Ровинский. – М., 1960.
15. Струсь, К.А. Понятие и признаки правовых основ / К.А. Струсь // Современное право. – 2012. – № 3. – С. 8–11.
16. Струсь, К.А. Категория «Правовые основы»: к вопросу о классификации / К.А. Струсь, Н.А. Попандопуло // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. – № 32. – С. 85–88.
17. Струсь, К. А. К вопросу о содержании категории «Правовые основы» / К.А. Струсь, Н.А. Попандопуло // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. – № 28. – С. 91–95.
18. Финансовое право: учебник / под ред. О.Н. Горбуновой. – М.: Юристъ, 1996. – С. 30.
19. Филимонов, В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М., 2008. – С. 189–190.
20. Элементарные начала общей теории права / под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Червонюка. – М.: КолосС, 2003.

CONSTITUTIONAL LEGAL FRAMEWORK AS A CATEGORY OF MODERN JURISPRUDENCE

Baskakov A.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The article considers the definitions of the concept of constitutional legal framework. A more general category – legal framework is also defined. Several approaches to understanding the constitutional legal framework are highlighted: within the narrow approach, the constitutional legal framework is practically identified with the concept

of constitutional norms. Some authors are inclined to identify the concept of constitutional legal framework and the concept of Constitution, since the constitutional legal framework is reflected in the provisions of the Constitution as the basis for state policy and its legislative activity. The category of constitutional and legal foundations in a broad sense should be understood as a system of values and norms that creates, with the help of principles and other legal means, a basis and system of legal norms that form socio-legal institutions. The author of the article suggests following a broader approach to understanding the term. It is concluded that the category of constitutional legal framework reveals similarities with many other legal categories (constitutional norms, constitutional and legal principles, constitutional values). The nature of the relationship between the three categories described above is described. It is concluded that the key feature of constitutional and legal foundations is their interconnection.

Keywords: legal basis, constitutional and legal basis, constitutional law, constitution, systematicity, constitutional norms, constitutional principles, constitutional values

References

1. Abdulloev, F.N. The concept of constitutional and legal foundations: purpose, functions and formation of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan / F.N. Abdulloev // Bulletin of the Pedagogical University. – 2015. – No. 1–1 (62). – P. 100–106.
2. Belkin, A.A. Constitutional foundations of social system and politics / A.A. Belkin // Current issues of strengthening the legal basis of state and public life: interuniversity. collection. – Leningrad: Publishing house of Leningrad. University, 1982. – P. 3–12.
3. Bilyalov, A.K. On the definition of the categories “basis” and “reasonable” / A.K. Bilyalov // Philosophical sciences. – 1976. – No. 5. – P. 142–143.
4. Bogdanov, N.A. The system of the science of constitutional law / N.A. Bogdanov: dis. ... Doctor of Law. – М., 2001. – P. 189.
5. Burla, V. M. “Constitutional Values” as a Scientific Category: Problems of Definition, Formalization, Systematization / V.M. Burla // Actual Problems of Russian Law. – 2024. – No. 19 (3). – P. 11–26.
6. Goloshchapov, A.M. Constitutional Foundations of the Formation of State and Legal Strategy / A.M. Goloshchapov: dis. ... Cand. Law. – М., 2004. – P. 38–41.
7. Grishin, V.V. Constitutional Foundations of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation / V.V. Grishin // News of Higher Education Institutions. Volga Region. Social Sciences. – 2023. – No. 1(65). – P. 48–60.
8. Drozdova, A.D. Features and classification of constitutional legal norms / A.D. Drozdova, I.I. Demchenko // Education and law. – 2019. – No. 5. – P. 30–35.
9. Constitutional law in definitions, tables and diagrams: a tutorial. In 2 parts. Part 1 / L.S. Bulgakova, O.A. Gureeva, M.B. Kabanova, V.V. Lavrov, Ya.K. Chepenko; under the general editorship of Ya.K. Chepenko. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2023. – 75 p.
10. Constitutional law of Russia: a textbook / Yu.I. Glebova. – Orenburg: Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin University (MSAL), 2022. – 228 p.
11. Minyaev, A.O. Constitutional foundations of environmental law / A.O. Minyaev: author’s abstract. dis. ... cand. sciences (law). – Moscow, 2003. – P. 15.
12. Mosin, S.A. Some aspects of the study of the characteristics of fundamental constitutional provisions / S.A. Mosin // Theory and practice of social development. – 2014. – No. 16. – P. 148–150.
13. Pokatova, V.P. Constitutional and legal foundations of water relations in the Russian Federation / V.P. Pokatova: author’s abstract. dis. ... cand. sciences (law). – Moscow, 2003. – P. 15. jurid. sciences. – Ekaterinburg, 2009. – P. 9.
14. Rovinsky, E.A. Basic issues of the theory of Soviet financial law / E.A. Rovinsky. – М., 1960.
15. Strus, K.A. Concept and features of legal foundations / K.A. Strus // Modern law. – 2012. – No. 3. – P. 8–11.
16. Strus, K.A. Category “Legal foundations”: on the issue of classification / K.A. Strus, N.A. Popandopulo // Issues of modern jurisprudence. – 2013. – No. 32. – P. 85–88.

17. Strus, K.A. On the Contents of the Category "Legal Foundations" / K.A. Strus, N.A. Popandopulo // Issues of Modern Jurisprudence. – 2013. – No. 28. – P. 91–95.
18. Financial Law: Textbook / edited by O.N. Gorbunova. – M.: Yurist, 1996. – P. 30.
19. Filimonov, V.D. Criminal Liability under Russian Legislation / V.D. Filimonov. – M., 2008. – P. 189–190.
20. Elementary Principles of the General Theory of Law / edited by Doctor of Law, Professor V.I. Chervonyuk. – M.: KolosS, 2003.

Батурина Алиса Витальевна,

аспирант, Университет при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС

В статье рассматривается правовая идеология как основа консолидации российского общества в условиях внутренних и внешних угроз национальной безопасности, осуществляется поиск причин отсутствия в России государственной идеологии, объясняется необходимость ее формирования в условиях угроз национальной безопасности с аргументацией того, что в качестве таковой может выступать правовая идеология. Автор акцентирует внимание на исторических и современных вызовах, стоящих перед государством, таких как терроризм, экстремизм, коррупция, нелегальная миграция и межэтнические конфликты. Особое внимание уделяется идеологическому вакууму, который, по мнению автора, угрожает национальной безопасности России, а также обсуждается необходимость формирования новой государственной идеологии. В статье предлагается использовать правовую идеологию как инструмент для укрепления единства общества и обеспечения стабильности государства. Автор утверждает, что правовая идеология, основанная на патриотизме, традиционных духовно-нравственных ценностях и правах человека, может стать ключевым элементом в противодействии угрозам безопасности. Предлагается уточнение статьи 13 Конституции Российской Федерации для создания условий, при которых государство сможет участвовать в формировании идеологического пространства, не нарушая принципов идеологического многообразия. Автор также подчеркивает необходимость синтеза правовой и государственной идеологии для дальнейшего развития правового демократического государства.

Ключевые слова: государственная идеология, правовая идеология, право, национальная идея, угрозы национальной безопасности.

В России во все времена государственная власть уделяла вопросам обеспечения национальной безопасности первостепенное значение. Обусловлено это было осознанием того, что угроза национальной безопасности такому уникальному государству, обширному по своей территории с весьма многочисленным, а также многонациональным и многоконфессиональным составом населения, могла исходить, буквально, откуда угодно, как изнутри, так и извне. К сожалению, приходится признать, что на современном этапе развития нашей страны ввиду радикального обострения в XXI веке имеющихся геополитических противоречий цели и задачи обеспечения безопасности Российской Федерации не только не утратили своей актуальности, а скорее даже наоборот – обрели новый смысл.

При этом в программных документах, например, в документах стратегического планирования, а также в соответствующей научной литературе, публикациях правового, социально-экономического, политического характера, говоря о внутренних угрозах национальной безопасности, в качестве таковых, как правило, упоминаются такие деструктивные и общественно-опасные явления, как терроризм и экстремизм (различные формы и виды его проявления), коррупция, нелегальная миграция, незаконный оборот оружия и наркотиков, межэтнические и межконфессиональные конфликты и т.д.

И лишь немногие авторы относят к внутренним угрозам отсутствие единства и сплоченности в обществе, причиной чего, по мнению тех же авторов, является отказ от признания на государственном уровне ценностных ориентиров, если хотите идеологии, которая послужила бы не только основой консолидации власти и населения, но и явилась неким ориентиром, целью, на достижение которой было бы направлено будущее развитие страны [7]. Так, например, А.Г. Хабибулин, известный фундаментальными оценками теории общественно-экономической формации, однозначно утверждает, что «отсутствие идеологического начала в деятельности государства угрожает национальной безопасности страны» [8].

Подтверждение этим словам мы могли наблюдать в относительно недавнем прошлом, когда существовавший идеологический вакуум в нашем обществе постепенно заполнялся идеями и идеалами не только чуждыми отечественным духовно-нравственным ценностям, но и откровенно враждебными, не отвечающими национальным интересам Российской Федерации и даже угрожающими им целеполаганиями, например, такими, как нивелирование в народе чувства патриотизма и любви к Родине, исключительно потребительское от-

ношение к жизни, возведенное в абсолютизм безусловное верховенство потребностей и интересов индивида (личности) над потребностями и интересами общества и государства.

И тут, как мы полагаем, вполне закономерно поставить извечные вопросы о том, почему именно так произошло и что теперь с этим делать?

Для ответа на эти вопросы считаем целесообразным для начала обратиться к Конституции Российской Федерации, в части 2 статьи 13 которой закреплено, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Ориентируясь на эту конституционную норму, у многих сложилось понимание того, что в Основном законе нашей страны установлен безусловный запрет на формирование в России государственной идеологии. Однако, как мы полагаем, все не так однозначно [7].

Если внимательно ознакомиться с содержанием всей статьи 13 Конституции Российской Федерации, то можно сделать вывод о том, что она посвящена необходимости закрепления в отечественной общественной жизни идеологического многообразия. Результатом такого подхода как раз и явилось установление запрета на обязательный характер какой-либо одной идеологии, в том числе государственной.

Как мы знаем, причинами, обусловившими появление в 1993 г. в Конституции Российской Федерации статьи с таким содержанием, стал предшествующий этому многолетний советский период истории нашего государства, на всем протяжении которого в качестве доминанты в сфере воспитания и образования выступали политические идеи (принципы) марксизма-ленинизма. Указанные принципы пронизывали буквально все сферы государственной и общественной жизни, через их призму осуществлялась оценка всего и вся, а несоответствие им пусть даже по формальным аспектам служило основанием для неприятия, отторжения, а иногда и порицания. Вполне естественно, что такой догматический подход, неукоснительное следование которому к тому же еще нередко обеспечивалось силой государственного принуждения со временем не мог не вызывать безусловное отторжение в обществе позднего советского периода, тем более, если принимать во внимание тот факт, что зачастую указанные принципы весьма кардинально расходились с реалиями обычной жизни людей. Результатом всего этого как раз и явилось закрепление в Конституции Российской Федерации необходимости идеологического многообразия, а также запрета на установление какой-либо одной идеологии в качестве обязательной. В связи с этим мы полагаем, что разработчики Конституции Российской Федерации фактически ставили знак равенства между идеологией обязательной и идеологией государственной, имея в виду, что любая государственная идеология по опыту советского прошлого так или иначе будет насильственно насаждаться населению страны.

Однако, если исходить из того, что государство наряду с любым другим субъектом общественных отношений сможет участвовать в формировании идеологического пространства, допуская его многообразие и воздерживаясь от применения принудительных государственных механизмов в насаждении своей идеологии, то вполне справедливо говорить о том, что государство имеет полное право быть полноценным участником этого процесса. А для того, чтобы не возникало в связи с этим каких-либо вопросов о соответствии такого подхода положениям Конституции Российской Федерации, полагаем целесообразным уточнить в ней содержание части 2 статьи 13, исключив упоминание о «государственной идеологии», сохранив при этом запрет на обязательный характер какой-либо одной идеологии вообще. Тем самым будет обеспечена основа для создания в России разнообразных, не нарушающих при этом закон, идеологических концепций при наличии у государства возможности участия в этом процессе. Хотя при этом мы отдаем себе отчет в том, что, как справедливо заметил А.Л. Бредихин, преодолеть указанное конституционное несоответствие удастся «не в ближайшей перспективе новым поколением людей» [2].

Теперь попытаемся ответить на вопрос о том, что может быть положено в основу формирования государственной идеологии, которая в свою очередь способствовала бы дальнейшему сплочению и консолидации столь разнородного (многонационального, многоконфессионального, мультикультурного) общества, существующего в России.

Оглянувшись в историю, мы увидим, что на определенном временном этапе в качестве идеологического оплота сплоченности народа в противостоянии с внешней угрозой выступала религия, причем не какая-нибудь, а православие. Однако в период СССР религия уже не могла выступать в качестве цементирующей общество силы, так как под давлением советской власти фактически перешла на полуполегалное положение. Во время Великой Отечественной войны всеобщему духовному подъему и объединению способствовало осознание необходимости защиты Родины от напавшего на нее врага во имя жизни будущих поколений, для которых пытались построить новое общество с коммунистическими идеалами – идеалами равенства и братства. На современном этапе коммунистическая идеология утратила свою привлекательность, а любые религиозные объединения в соответствии с частью 2 статьи 14 Конституции Российской Федерации отделены от государства и равны перед законом. По другому, пожалуй, и быть не могло, поскольку любое преобладание одной религии над другой, любой государственный протекционизм в отношении какого-нибудь одного религиозного объединения в ущерб другому неизбежно привели бы к возникновению и росту внутренних общественных противоречий и конфликтов на религиозной почве.

Какие же сегодня ценностные ориентиры могут выступать в качестве объединяющей основы, в том числе для формирования государственной идеологии в целях противодействия внешним и внутренним угрозам национальной безопасности? На наш взгляд, эти ценности очевидны – это права и свободы человека, которые нашли свое закрепление в главе 2 Конституции Российской Федерации. И хотя эти ценности не всегда занимали важное место в национальной идее русского народа, из века в век сохраняющего патерналистское отношение к государству, заключающееся в основном на страхе подчинении граждан государству при отсутствии доверия и уважения к нему, а также в пассивном отношении населения к политическим процессам в стране, в отсутствии осознанной гражданской позиции, их закрепление в Конституции Российской Федерации послужило важной отправной точкой в процессе формирования тех целей, которые стремится достичь Россия в своем развитии [2].

Поскольку основные права и свободы человека, обязательства государства по их защите нашли свое отражение не где-нибудь, а в Основном законе нашей страны, сами механизмы обеспечения и защиты указанных прав и свобод регламентированы законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, мы можем говорить о том, что в качестве государственной идеологии, объединяющей общество и власть, должна выступать именно правовая идеология. В свою очередь право, как уникальный общественный феномен, общественная категория выступает не только как универсальный регулятор значительной части общественных отношений, но и как механизм закрепления и отражение основных ценностных ориентиров, к достижению которых должно стремиться наше общество и государство.

Недаром, А.И. Клименко, внесший значительный вклад в разработку многих философско-теоретических аспектов правовой идеологии, в частности, ее природы, содержания и функционально-структурных характеристик, такие понятия как «правовая идеология» и «государственная идеология» фактически отождествляет, а точнее не проводит между ними какой-либо существенной разницы [5].

В этом же направлении рассуждает и О.Н. Городнова, говоря о том, что «не следует отрицать роль взаимосвязи идеологии и права», а также то, что «практически правовая идеология трансформируется в государственную идеологию», поскольку государство транслирует идеологические концепции не только через образовательный, культурный, религиозный и политический контент, но и чрез право. Как верно отмечает указанный автор, «закрепление официальной правовой идеологии на государственном уровне повлечет за собой необходимость определения и следования правовой идеологии на отраслевом уровне» [3,4].

Однако некоторые авторы, говоря о том, что государственная и правовая идеология понятия

близкие, все-таки их разделяют, утверждая, что оба они имеют единый фундамент, называемый национальной идеей. В связи с этим ими делается вывод о необходимости синтеза данных феноменов и оформлении государственно-правовой идеологии как единой системы государства и права [1].

Мы же полагаем, что вне зависимости от отождествления правовой и государственной идеологии друг с другом или от признания ее в качестве единого феномена (государственно-правовой идеологией) данная идеология может быть использована в качестве фундамента и для правовой системы, и для государства, что будет способствовать выработке единых государственно-правовых ценностей в условиях нарастающих угроз национальной безопасности Российской Федерации. Основной же целью функционирования правовой идеологии станет создание на территории Российской Федерации правового демократического государства, а в основу ее концепции будут положены идеи патриотизма, нравственности, традиционных духовно-нравственных ценностей, права, национального самосознания, которые станут определяющими в дальнейшем развитии Российской Федерации.

Литература

1. Балашов О.В. Особенности формирования государственно-правовой идеологии в России // Вестник Поволжского института управления. – 2023. – Том 23. – № 2. – С. 115–122. 8
2. Бредихин А.Л. Национальная идея: государственно-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 3. – С. 20. ДУБЛЬ 5го! 4
3. Городнова О.Н. Свобода воли и ее роль в уголовно-правовом соучастии // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № . 2. – С. 191–197. 7
4. Городнова О.Н. Современная правовая идеология: понятие и актуальные проблемы ее совершенствования // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 3 (49). – С. 81–86. 6
5. Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества: монография. // М.: Норма. – 2017. – 384 с. 5
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: <http://pravo.gov.ru>, (дата обращения 6. 10.2022). 3
7. Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. – 2021. – № 4. – С. 5–17. 1
8. Хабибулин А.Г. Идеология – основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 21–24. 2

LEGAL IDEOLOGY IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF THREATS TO NATIONAL SECURITY

Baturina A.V.

University at the EurAsEC Interparliamentary Assembl

The article examines legal ideology as the basis for consolidation of Russian society in the context of internal and external threats to national security, searches for the reasons for the absence of a state ideology in Russia, explains the need for its formation in the context of threats to national security, arguing that legal ideology can act as such. The author focuses on historical and modern challenges facing the state, such as terrorism, extremism, corruption, illegal migration and interethnic conflicts. Particular attention is paid to the ideological vacuum, which, in the author's opinion, threatens Russia's national security, and the need to form a new state ideology is discussed. The article proposes to use legal ideology as a tool for strengthening the unity of society and ensuring the stability of the state. The author argues that legal ideology based on patriotism, traditional spiritual and moral values and human rights can become a key element in countering security threats. It is proposed to clarify Article 13 of the Constitution of the Russian Federation to create conditions under which the state can participate in the formation of ideological space without violating the principles of ideological diversity. The author also emphasizes the need for a synthesis of legal and state ideology for the further development of a legal democratic state.

Keywords: state ideology, legal ideology, law, national idea, threats to national security.

References

1. Balashov O.V. Features of the formation of state and legal ideology in Russia // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. – 2023. – Vol. 23. – No. 2. – P. 115–122. 8
2. Bredikhin A.L. National idea: state and legal aspect // State power and local self-government. – 2021. – No. 3. – P. 20. TAKE 5th! 4
3. Gorodnova O.N. Free will and its role in criminal-legal complicity // Bulletin of the Chuvash University. – 2012. – No. 2. – P. 191–197. 7
4. Gorodnova O.N. Modern legal ideology: concept and current problems of its improvement // Bulletin of the Russian University of Cooperation. – 2022. – No. 3 (49). –P. 81–86. 6
5. Klimenko A.I. Legal ideology of a modern politically organized society: monograph. // M.: Norma. – 2017. – 384 p. 5
6. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). [Electronic resource] // Consultant plus. URL: <http://pravo.gov.ru>, (date of access 6.10.2022). 3
7. Lazarev V.V. Ideology of constitutional reform of the legal system of the Russian Federation // Journal of Russian Law. – 2021. – No. 4. – P. 5–17. 1
8. Khabibulin A.G. Ideology is a fundamental factor in social development // The World of Politics and Sociology. – 2019. – No. 6. – P. 21–24. 2

Клементьев Игорь Евгеньевич,

студент магистратуры «Публичное право», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: igorklementyev777@yandex.ru

Работа посвящена рассмотрению канадской модели федерализма в её исторической ретроспективе. Автор последовательно анализирует основные реперные точки и этапы становления канадского федерализма. Значительное внимание уделяется анализу нормативной базы, регулирующей федеративные отношения в Канаде: Акт о Британской Северной Америке 1867 г., Конституционный Акт 1982 г. и т.д. Автор также обращает внимание на вызовы, с которыми сталкивается канадский федерализм. Среди таковых вызовов наибольшую опасность для единства федерации представляют сепаратистские настроения в провинции Квебек.

Автор приходит к выводу о децентрализованном характере канадской федеративной модели, что подтверждается как конституционными положениями, так и научными исследованиями. Кроме того, автор выявляет основные причины децентрализованной характера федерации, среди которых большую роль играют этноязыковой дуализм и экономико-географические факторы. Автор также указывает на то, что степень (де)централизации федеративной модели не была постоянной на протяжении канадской истории.

Ключевые слова: федерализма, Канада, канадский федерализм, модель федерализма, Квебек.

Введение

Канада и Россия, являясь по многим параметрам похожими странами (суровый климат, большая площадь территории, многонациональный состав населения), нередко сравниваются между собой по критерию государственно-территориального устройства. При этом Канада обычно приводится в качестве примера более децентрализованной, а Россия – более централизованной федерации. Вместе с тем канадская модель федерализма как целостная система – включая историю её становления, её правовое оформление и внутренние механизмы – исследована в нашей стране недостаточно подробно. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел, что в дальнейшем позволит вести более предметную дискуссию как о сравнении российского и канадского федерализма, так и о возможности рецепции того или иного зарубежного опыта в России (применительно к федеративным отношениям).

Целью настоящего исследования является выявление основных отличительных черт канадской модели федерализма. Последнее предполагает выполнения следующих задач:

- 1) описание истории становления Канадской федерации;
- 2) выявление основных нормативных положений, регулирующих федеративные отношения в Канаде;
- 3) выявление проблем (уязвимостей) на современном этапе развития канадского федерализма.

Акт о Британской Северной Америке 1867 г.

Территории Северной Америки, являвшаяся сначала французским (1534–1763), затем английским (с 1763 г.) колониальным владением, уже в XVIII веке представляла собой пространство *существования* переселенцев из разных стран. Наиболее многочисленными этнокультурными группами были переселенцы из Франции и Великобритании, причем обе группы стремились сохранить определенную степень обособленности. Последнее проявлялась как в приверженности различным правовым семьям (континентальное право и общее право), так и в различных языках (французский и английский), различных конфессиях (католицизм и протестантизм). Указанные различия сами по себе неизбежно вели к необходимости поиска компромиссов между различными группами переселенцев. Значимую роль здесь играли и колониальные власти, так как именно актами английского парламента регулиро-

вались основы федеративного устройства Канады на протяжении XVIII–XX веков.

А.Д. Гуляков отмечает, что к середине XIX века сложилось немало предпосылок создания той или иной формы федеративного объединения на территории Канады [2, с. 214]. При этом основными факторами, ускорившими этот процесс, можно считать, во-первых, военную угрозу со стороны США, во-вторых, экономические факторы, выразившиеся в потребности решения совместными усилиями ряда насущных задач, включая строительство железных дорог и иной инфраструктуры [2, с. 216].

Как отмечает И.Н. Ившина, «процесс юридического оформления Канадской федерации является договорным и связан с деятельностью трех конференций – Шарлоттаунской, Квебекской и Лондонской» [4, с. 20]. Результаты этих конференций легли в основу принятого парламентом Великобритании в 1867 г. **Акта о Британской Северной Америке** (впоследствии переименован в Конституционный Акт 1867 г.) [11]. Этот Акт имел (и имеет до сих пор) в Канаде высшую юридическую силу, так что, в сущности, выполнял функции конституции [14, с. 138–143]. Канадский конституционалист Ю. Форси утверждает, что Акт 1867 г. не только учреждал канадскую федерацию (как единый доминион), но также закладывал фундамент для формирования канадской нации [12, с. 8]. Примечательно, что сам акт разрабатывался не в английском парламенте, а в самой Канаде на проводившихся там конференциях, посвященных вопросу создания нового политического образования с той или иной степенью (де)централизации. В течение этих конференций предлагались различные модели построения Канады – и как централизованного, и как крайне децентрализованного государства. По итогу был реализован компромиссный вариант.

По мнению Н. Эрони, канадская федерация формировалась с постоянной оглядкой на американскую модель, однако последняя воспринималась не как положительный, но как отрицательный пример (вследствие происходившей там Гражданской войны) [7]. Дж. Макдональд, первый премьер-министр Канады, считал необходимым избежать «первоначальной ошибки», допущенной в США, когда значительный объем прав закреплялся за штатами, а федеральному центру оставалось небольшое число полномочий. Схожей позиции придерживается Д. Верни, отмечая, что «Канада начиналась как квазифедерация; с самого начала у нее было сильное национальное правительство. Только некоторые перечисленные полномочия были конституционно отданы провинциям» [19, с. 87]. Таким образом, по мысли Д. Верни, Канада постепенно и не без определенных трудностей двигалась от квазифедерации (с элементами унитаризма) к федерации.

Важно отметить, что Акт 1867 г. не предполагал создание Канады как суверенного государства. Канада оставалась частью Британской империи, но приобретала статус *доминиона*, причем с элементами федеративного устройства. Кроме того,

согласно Акту 1867 г., в Канаде устанавливается конституция, *схожая по существу с британской конституцией* [11]. Последнее означает имплементацию в Канаде Вестминстерской системы [18], которая характеризуется наличием конституционной монархии и парламента, формирующего правительство. В соответствии со ст. 17 Акта 1867 г., Канада получала двухпалатный парламент, состоящий из Сената и Палаты Общин. Исполнительная власть признавалась за Британской королевой (ст. 9), однако фактически королеву представлял генерал-губернатор (ст. 10).

В Канаде практически не подвергалась сомнению британская традиция ответственности правительства перед нижней палатой парламента. Канадский Сенат как верхняя палата парламента, представляющая провинции, в этой системе оказывался менее влиятельным, чем, например, Сенат в США. Взамен этого в Канаде применялся механизм проведения встреч и консультаций между министрами федерального и провинциального уровня. В 1970-е гг. это явление получило наименование «исполнительный федерализм» (*executive federalism*) [19, с. 92].

Видится важным отдельно обратить внимание на то, каким образом формировался федеральный Сенат. Во-первых, Сенат не избирался: сенаторы назначались генерал-губернатором (в настоящее время они *de facto* назначаются премьер-министром), причем назначались пожизненно. Во-вторых, Сенат *не* представлял провинции равномерно (последние имели различное число сенаторов). Таким образом, Сенат Канады являлся (и является по сей день) не столько федеральным (представляющим регионы), сколько национальным (представляющим нацию в целом) органом. Как отмечает Д. Верни, такая композиция Сената являлась одним из признаков того, что сложившаяся модель взаимоотношений между центром и провинциями была не вполне федеративной [19, с. 94]. Интересным видится и то, что, в соответствии со ст. 26 Акта о 1867 г., в Сенат по решению короны могут быть назначены дополнительные четыре или восемь сенаторов (это потенциально могло повлиять на итоги голосования).

С приведенными рассуждениями соглашается Н. Эрони, по утверждению которого Актом 1867 года была сформирована относительно *централизованная* федерация – если принимать во внимание большие законодательные полномочия парламента доминиона и способность правительства доминиона назначать всех вице-королевских представителей и судей, а также полномочия генерал-губернатора резервировать федеральные и провинциальные законопроекты для утверждения королевой [7, с. 21–22].

Принципиальным вопросом для любой федерации является разграничение полномочий между центром и регионами, причем по списку полномочий каждого из уровней власти можно делать первые выводы о том, насколько централизованной является данная модель федерализма. В разделе

VI Акта 1867 г. представлено распределение полномочий между центральной властью (доминионом) и провинциями. В ст. 91 представлен список из 29 полномочий центральной власти, среди которых: публичный долг и публичная собственность, регулирование торговли и коммерции, налогообложение, публичные заимствования, почта, милиция, армия, флот и вопросы обороны, перепись населения и статистика, жалование госслужащих, морское побережье и внутреннее рыболовство, паромная переправа, валюта, банковское дело, денежная эмиссия, меры измерений и весов, уголовное право, пенитенциарная система и др. Статья 92 закрепляет исключительные полномочия провинций, среди которых можно отметить поправки к конституции провинции, прямое налогообложение для целей провинции, заимствования в интересах провинции, жалование провинциальным служащим, устройство больниц, тюрем, благотворительность, местное самоуправление и др.

Как отмечает Гуляков А.Д., Акт 1867 г. следует считать более сложно построенным документом, чем, например, Конституцию США 1787 г., так как первый конкретизирует очень многие вопросы, относящиеся к жизни конкретных провинций [2, с. 220]. Примечательно, что ст. 94 Акта говорит о необходимости единообразия законов в Онтарио, Новой Шотландии и Нью-Брансуике, но не говорит о необходимости такового в провинции Квебек (проявление «особого» статуса этой провинции) [2, с. 221]. Следует подчеркнуть, что Акт 1867 г. не предусматривает наличие совместной компетенции центра и провинций, что, как отмечает С.Ю. Данилов, объясняется стремлением избежать конфликтов по этому вопросу [3, с. 32].

Следует более подробно остановиться на факторах, оказавших значительное влияние на формирование канадской модели федерализма.

Во-первых, как и во многих федерациях, формировавшихся полностью или частично «снизу», различные части Британской Северной Америки были заинтересованы в совместном сосуществовании и в решении общих вопросов. Во-вторых, большое значение (в восприятии современников) имела военная угроза со стороны США. В-третьих, сложно преувеличить важность этнического и языкового дуализма – сосуществования на территории Канады английской и французской этноязыковых групп, что вело к практической невозможности формирования жесткой централизованной федеративной модели.

Особенно интересным видится то обстоятельство, что канадский федерализм формировался не в рамках суверенного государства Канады, а в рамках Британской империи. Как отмечает А.Д. Гуляков, «Канадская федерация начиналась как некая эрзац-колониальная конструкция», которая изначально предполагалась как весьма централизованное образование, однако впоследствии двинулась в сторону децентрализации, причем сама Британия принимала деятельное участие в формировании Канадской федерации [2, с. 224].

В 1871 г. английский парламент принял еще один Акт о Британской Северной Америке, который позволял Канаде формировать в своем составе новые провинции. Как отмечает Н. Эрони, принятие в состав Канады новых провинций впоследствии подкрепило «идею о том, что федерация по своей сути носит агрегативный характер» [7, с. 24], то есть создана в результате объединения различных провинций – а не в результате, например, деволуции унитарного государства.

Этапы развития канадского федерализма

Историю канадского федерализма, которую мы отсчитываем с принятия Акта 1867 г., можно условно разделить на несколько этапов.

Во-первых, это этап «*колониального федерализма*» (1867–1896), в течение которого генерал-губернатор (представитель королевы в доминионе) и лейтенант-губернаторы (представители генерал-губернатора в провинциях) являли своего рода имперскую вертикаль, так что вся политическая конструкция Канады имела выраженный колониальный характер [16, с. 458]. При этом отношения доминиона и провинций сами по себе напоминали отношения между метрополией и колониями [1, с. 105].

В период «*классического федерализма*» (1896–1939) федеральный центр стал меньше вмешиваться в дела канадских провинций, а самостоятельность провинций в определенной степени увеличилась, так что два уровня власти «сосуществовали как бы в отдельных плоскостях» [2, с. 226]. Этому способствовала, в том числе, передача провинциям обширных федеральных земель, на которых впоследствии были найдены полезные ископаемые (что увеличило экономический вес провинций) [2, с. 227]. Интересно, что уже в первой трети XX века контроль метрополии над доминионом начал ослабевать: премьер-министр становился более значимой фигурой, чем генерал-губернатор, а вето федерального центра на законы провинций применялось всё реже [3, с. 50].

Значимой вехой в обретении Канадой независимости стало принятие Вестминстерского статута 1931 г. [17], который закреплял значительную самостоятельность британских доминионов в их внутренних и внешних делах. Так, в ст. 3 Статута говорится о том, что законы доминионов не могут быть отменены по причине их противоречия существующим или будущим Актам английского парламента, а в преамбуле Статута и в ст. 4 сказано, что Акты английского парламента не распространяются на доминионы (кроме как по запросу и с согласия доминиона). К доминионам и их частям больше не применялся термин «колония» (ст. 11).

Период Второй мировой войны можно условно назвать временем «*чрезвычайного федерализма*», когда влияние федерального центра значительно усилилось ввиду участия Канады в войне и, соответственно, необходимости консолидации (централизации) ресурсов для военных целей.

Послевоенный период в Канаде нередко называют «*кооперативным федерализмом*». Кооперативный федерализм «выражается в тесных контактах и дискуссиях чиновников обоих уровней власти, приводящим к корректировке законодательства; в делегировании регулятивных функций провинциальным агентствам; в расходовании федеральных средств на нужды провинций и муниципалитетов» [2, с. 231]. В этот период, например, был принят Канадский Билль о правах (1960 г.), который закрепил на общенациональном уровне ряд гражданских и политических прав.

Несмотря на ряд положительных аспектов, «кооперативный федерализм» вызывал различные реакции современников. Так, премьер-министр Квебека М. Дюпlessи очень критически оценивал резкое усиление федерального центра, произошедшее по итогу двух мировых войн. В 1953 г. Дюпlessи была создана Королевская комиссия по изучению конституционных проблем. Результаты работы Комиссии подтверждали чрезмерное усиление федерального центра, присвоение им значительной части налоговых поступлений, стремление центра к унификации провинций (в культурном, образовательном аспектах), вторжение центра в компетенцию провинций путем предоставления провинциям субсидий под определенными условиями [9].

Одной из заметных вех развития канадского федерализма можно считать принятие Закона об официальных языках 1969 г. [15], признавшего статус официальных за английским и французским языками. Последнее имело большое значение применительно к стремлению Квебека к сохранению этноязыковой самобытности.

Вместе с тем эта и иные меры, принимаемые федеральным правительством, не могли в полной мере предотвратить конституционно-правовой кризис в 1970–1990-е годы [2, с. 238]. Причиной кризиса было явное стремление ряда провинций, в авангарде которых стоял Квебек (см. далее), изменить сложившийся федеративный *status quo* в пользу провинциального уровня власти, вернуть на этот уровень ряд полномочий, перехваченный центром различными способами во второй трети XX века. Этот период можно условно называть началом «*конкурентного федерализма*» в Канаде [10, с. 50–51]. Последний предполагает увеличение самостоятельности провинций и конкуренции между ними по уровню развития и привлекательности для жителей и переселенцев.

Акт о Канаде 1982 г.

Новой страницей в истории канадской модели федерализма стало принятие **Акта о Канаде 1982 г.** [11]. Этот документ стал последним Актом парламента Соединенного королевства, распространяющегося на Канаду. В п. 2 преамбулы Акта о Канаде 1982 г. сказано, что «ни один акт парламента Соединенного Королевства, принятый после вступления в силу Конституционного Акта 1982 года, не распростра-

няется на Канаду как часть ее законодательства». В канадской юридической науке изменения, осуществленные Актом 1982 г., обычно именуется как «*patriation*» [12, с. 12] («репатриация», возвращение Конституции в Канаду).

Составной частью Акта о Канаде (как акта английского парламента) является **Конституционный Акт 1982 г.**, включающий, в том числе, Канадскую Хартию прав и свобод. Интересно, что текст Конституционного Акта 1982 г. представлен одновременно на английском и французском языках.

Конституционный Акт 1982 г. внес несколько значимых изменений в Канадскую Конституцию.

Во-первых, был установлен *порядок внесения изменений в Конституцию*. До 1982 г. никакого специального порядка внесения поправок просто не существовало, так как конституцию мог изменять только английский парламента [7, с. 22]. Последнее являлось одной из причин, почему некоторые исследователи, включая Д. Верни, именовали Канаду образца второй половины XIX века квазифедерацией.

Конституционным Актом 1982 г. устанавливалось четыре юридических формулы внесения изменений в текст конституции [12, с. 12–13]. Анализ этих формул позволяет сделать вывод о том, что федеративный характер устройства Канады проявляется и в этом вопросе: внесение наиболее значимых поправок (касающихся офиса королевы, генерал-губернатора, официальных языков) требует согласия всех провинций, а внесение поправок, затрагивающих конкретную провинцию, не может быть осуществлено без ее непосредственного одобрения. Примечательно, что впоследствии, в 1996 г., канадский парламента принял *Акт о поправках к конституции*, в соответствии с которым «ни один министр короны не может вносить предложение о принятии резолюции, санкционирующей внесение поправки в Конституцию Канады ... если только поправка не была предварительно одобрена большинством провинций» [6]. Этот Акт был призван еще раз подчеркнуть важность участия провинций в основополагающих конституционных поправках.

Вторым значимым изменением, которые привнес в Канадскую Конституцию Акт 1982 г., было принятие *Канадской Хартии прав и свобод*. Положения Хартии (как составной части Конституции) могут быть изменены только посредством второй формулы (требуется согласие 2/3 провинций) или третьей формулы (требуется согласие провинций, интересы которых затрагиваются). Значимость принятия Хартии, как отмечает канадский конституционалист Ю. Форси, выражается в том, что положения этого Акта, закрепляя ряд прав и свобод, в то же время сокращают возможности Канадского парламента или провинциальных легислатур самостоятельно ограничивать эти права.

Третьим важным изменением, привнесленным Актом 1982 г., была передача провинциям значительных полномочий, касающихся природных ресурсов. Каждая провинция теперь могла контро-

лирование их экспорт, а также устанавливать косвенные налоги на продукцию шахт, нефтяных и газовых скважин, лесов, электростанций и т.д. [11].

Четвертым существенным изменением было введение в действие части «Выравнивание и региональные различия». Последняя закрепляла право федерации (при содействии провинций) осуществлять перераспределение благ и ресурсов от более богатых провинций в пользу менее богатых.

Говоря о последующем периоде развития канадской модели федерализма, важно подчеркнуть, что, начиная примерно со второй трети XX века проявились тенденции ее еще большей *децентрализации*. Как отмечает И.Н. Ившина, «практика реализации принципа федерализма, а также многочисленные конституционные конвенции явочным порядком привели к перераспределению властных полномочий в пользу провинций Канады» [4, с. 21]. Отдельно отмечается, что процесс децентрализации был постепенным и носил эволюционный характер.

Имели место и определенные трудности. Так не удалась проекция конституционных изменений, предусмотренных Мичским соглашением (Lake Meech Accord) в 1987 г. и Шарлоттаунским соглашением (Charlottetown Accord) в 1992 г. Указанные изменения были призваны осуществить децентрализацию Канадской федерации, что побудило бы Квебек ратифицировать Конституционный Акт 1982 г. В силу ряда причин эти изменения так и не вступили в силу [10, с. 52].

Квебекский вопрос

Описывая канадскую модель федерализма, нельзя не остановиться отдельно на *квебекском сепаратизме*. Последний был вызван рядом причин, среди которых можно выделить следующие: 1) резкое усиление федерального центра во время и после Второй мировой войны, что нарушало сложившуюся практику взаимоотношений между центром и провинциями; 2) исторически сложившаяся культурно-языковая самобытность Квебека; 3) опасения жителей Квебека по поводу возможного растворения их культуры и языка в общеканадском контексте. Отдельно стоит обратить внимание на экономический фактор: Квебек является относительно слабо заселенной территорией с «высокой подушевой обеспеченностью сырьевыми ресурсами» (полезными ископаемыми), в результате чего у Квебека появляется стремление к обособлению [5, с. 173, 354].

В 1980 г. (еще до принятия Акта 1982 г.) в Квебеке состоялся референдум по вопросу о независимости: за независимость проголосовало около 40% избирателей, против отделения – около 60% [8, с. 47]. Всего через 15 лет (в 1995 г.) состоялся еще один референдум, на котором голоса разделились почти поровну, а сторонники сохранения единой Канадской федерации выиграла с незначительным перевесом. При этом за сохранение федерации голосовали в том числе и те, кто хоть и поддерживал расширение самостоятельности

и автономности Квебека, но стремился к таковому без отделения от Канады. Еще одним примером сложности взаимоотношений между Квебеком и федеральным центром является то, что Конституционный Акт 1982 г. до настоящего времени так и не был ратифицирован Квебеком.

Приведенные факты говорят о том, что определенные сложности в урегулировании разногласий между центром и провинциями существуют даже в такой в целом благополучной стране, как Канада. При этом, как отмечают А. Ганьон и Г. Лафрест, решение противоречий между федерацией и Квебеком требует развитого политического воображения, политических компромиссов и взаимных уступок – только таким образом может получиться урегулировать разнонаправленные интересы федерального центра и провинции [13, с. 489].

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа канадской модели федерализма, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, как было показано в настоящей работе, канадская модель федерализма является весьма *децентрализованной*. Последнее нередко объясняется *этнокультурным дуализмом* – сосуществованием англоговорящих и франкофонных групп, каждая из которых стремится к сохранению собственной самобытности (последнее же исключает возможность сверхцентрализации).

При этом не менее значимыми следует считать *экономико-географические факторы*, на которые обращает внимание экономист М.М. Мошиашвили: «обитаемая часть страны [Канады. – И. Е.] «стелется» здесь вдоль американской границы, заселенные регионы экономически связаны с прилегающими штатами США больше, чем друг с другом, что является фундаментом деконцентрированной организации экономики, общества и федерации» [5, с. 354]. Относительная слабость экономических связей между канадскими провинциями ведет к тому, что у последних возникает меньше задач, требующих решения совместными усилиями, а значит отпадает потребность в концентрации значительных ресурсов и полномочий на уровне федерального центра. Как было показано в настоящей работе, в те исторические моменты, когда таковая концентрация требовалась (во время Второй мировой войны), в Канаде можно было наблюдать центростремительные тенденции. Последующее (с 1970-х гг.) ослабление федерального центра являлось следствием отпадения необходимости в консолидации столь обширных ресурсов на федеральном уровне.

Во-вторых, стоит обратить внимание на специфичность *условий формирования* канадской модели федерализма. Так, Канадская федерация была учреждена Актом о Британской Северной Америке 1867 г. (актом метрополии), и долгое время развивалась именно в рамках Британской империи, оказывавшей на развитие Канады существенное влия-

яние. Последнее имело место вплоть до принятия Акта о Канаде 1982 г., провозгласившего полную независимость Канады и осуществившего «репатриацию» канадской конституции.

В-третьих, канадская модель федерализма (как и любая другая) не может быть признана идеальной. Ярким подтверждением этого тезиса является проблема *квебекского сепаратизма*, бросающая вызов самому факту существования Канады в ее современном изводе. Более того, проблема Квебека может рассматриваться как лакмусовая бумажка, отражающая эффективность или неэффективность канадской модели федерализма применительно к разрешению внутренних противоречий. Тот факт, что до настоящего момента она продолжает существовать и развиваться без катастрофических внутренних конфликтов говорит о том, что эта модель позволяет так или иначе урегулировать разногласия – между провинциями и центром, между отдельно взятыми провинциями. В то же время существует определенное пространство для совершенствования сложившейся к настоящему моменту федеративной модели – например, путем признания большей автономии за Квебеком и некоторыми другими провинциями. Последнее позволило бы снять часть противоречий и одновременно сохранить Канадскую федерацию в ее нынешнем составе.

Литература

1. Авдеева О. А., Макеева Н.В. Канадский федерализм: особенности формирования // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 3 (11). С. 103–107.
2. Гуляков А.Д. Становление и развитие федерализма: сравнительное историко-правовое исследование основных федеративных моделей (конец XVIII-начало XXI века): дисс... докт. юрид. наук. Саратов, 2021.
3. Данилов С.Ю. Эволюция канадского федерализма. М.: Высшая Школа Экономики, 2012.
4. Ившина И.Н. Становление и развитие канадского федерализма. автореферат дисс... канд. юрид. наук // СПб: СПбГУ, 2004.
5. Мошиашвили М.М. Экономические архетипы или Почему экономики устроены по-разному. М.: [б.и.], 2020.
6. An Act respecting constitutional amendments 1996. [Electronic resource] available at URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-36.7/Full-Text.html> (access date: 18 October 2024).
7. Aroney N. The formation and amendment of federal constitutions in a Westminster-derived context // International Journal of Constitutional Law. 2018. Vol. 16. № 1. P. 17–53.
8. Balthazar L. Quebec and the Ideal of Federalism // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1995. Vol. 538. № 1. P. 40–53.
9. Belanger C. Tremblay Report and Provincial Autonomy in the Duplessis Era // [Electronic re-

source] available at URL: <http://faculty.marianopolis.edu/c.belanger/quebechistory/readings/tremblay.htm> (access date: 18 October 2024).

10. Cameron D., Simeon R. Intergovernmental relations in Canada: The emergence of collaborative federalism // Publius: The Journal of Federalism. 2002. Vol. 32. № 2. P. 49–72.
11. Consolidation of Constitution Acts, 1867 to 1982 // Government of Canada. [Electronic resource] available at URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/index.html> (access date: 18 October 2024).
12. Forsey E.A. How Canadians Govern Themselves // Ottawa: Library of Parliament, 2020.
13. Gagnon A. G., Laforest G. The future of federalism: lessons from Canada and Quebec // International Journal. 1993. Vol. 48. № 3. P. 470–491.
14. Keith A.B. Imperial Unity and the Dominions // Oxford: Clarendon Press, 1916.
15. Official Languages Act 1969. [Electronic resource] available at URL: <https://www.uottawa.ca/clmc/official-languages-act-1969> (access date: 18 October 2024).
16. Smith D.E. Empire, Crown and Canadian Federalism // Canadian Journal of Political Science. 1991. Vol. 24. № 3. P. 451–473.
17. Statute of Westminster 1931. [Electronic resource] available at URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1931/4/pdfs/ukpga_19310004_en.pdf (access date: 18 October 2024).
18. Studlar D. T., Christensen K. Is Canada a Westminster or consensus democracy? A brief analysis // PS: Political Science & Politics. 2006. Vol. 39. № 4. P. 837–841.
19. Verney D.V. Federalism, federative systems, and federations: the United States, Canada, and India // Publius: The Journal of Federalism. 1995. Vol. 25. № 2. P. 81–98.

THE EVOLUTION OF THE CANADIAN MODEL OF FEDERAL RELATIONS

Klementyev I.E.
HSE University

The paper is devoted to the consideration of the Canadian model of federalism in its historical retrospect. The author consistently analyzes the main reference points and stages of the formation of Canadian federalism. Considerable attention is paid to the analysis of the regulatory framework governing federal relations in Canada: The British North America Act of 1867, The Constitution Act of 1982, etc. Moreover, the author draws attention to the challenges faced by Canadian federalism. Among such challenges, separatist sentiments in the province of Quebec pose the greatest danger to the unity of the federation. The author makes a conclusion about the decentralized nature of the Canadian federative model, which is confirmed by both constitutional provisions and scientific papers. In addition, the author identifies the main reasons for the decentralized nature of the federation, among which ethno-linguistic dualism, economic and geographical factors play an important role. The author also points out that the degree of (de)centralization of the federative model has not been constant throughout Canadian history.

Keywords: federalism, Canada, Canadian federalism, model of federalism, Quebec.

References

1. Avdeeva O. A., Makeeva N.V. Canadian federalism: features of formation // Bulletin of Penza State University. 2015. No. 3 (11). pp. 103–107.

2. Gulyakov A.D. The formation and development of federalism: a comparative historical and legal study of the main federal models (late XVIII-early XXI century): diss... doct. Jurid. sciences'. Saratov, 2021.
3. Danilov S.Y. The Evolution of Canadian Federalism. Moscow: Higher School of Economics, 2012.
4. Ivshina I.N. Formation and development of Canadian federalism. abstract of the dissertation... cand. Jurid. sciences' //St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2004.
5. Moshiazhvili M.M. Economic archetypes or Why economies are arranged differently. M.: [s.n.], 2020.
6. An Act respecting constitutional amendments 1996. [Electronic resource] available at URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-36.7/FullText.html> (access date: 18 October 2024).
7. Aroney N. The formation and amendment of federal constitutions in a Westminster-derived context //International Journal of Constitutional Law. 2018. Vol. 16. № . 1. P. 17–53.
8. Balthazar L. Quebec and the Ideal of Federalism //The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1995. Vol. 538. № . 1. P. 40–53.
9. Belanger C. Tremblay Report and Provincial Autonomy in the Duplessis Era // [Electronic resource] available at URL: <http://faculty.marianopolis.edu/c.belanger/quebechistory/readings/tremblay.htm> (access date: 18 October 2024).
10. Cameron D., Simeon R. Intergovernmental relations in Canada: The emergence of collaborative federalism //Publius: The Journal of Federalism. 2002. Vol. 32. № . 2. P. 49–72.
11. Consolidation of Constitution Acts, 1867 to 1982 // Government of Canada. [Electronic resource] available at URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/index.html> (access date: 18 October 2024).
12. Forsey E.A. How Canadians Govern Themselves //Ottawa: Library of Parliament, 2020.
13. Gagnon A. G., Laforest G. The future of federalism: lessons from Canada and Quebec //International Journal. 1993. Vol. 48. № . 3. P. 470–491.
14. Keith A.B. Imperial Unity and the Dominions // Oxford: Clarendon Press, 1916.
15. Official Languages Act 1969. [Electronic resource] available at URL: <https://www.uottawa.ca/clmc/official-languages-act-1969> (access date: 18 October 2024).
16. Smith D.E. Empire, Crown and Canadian Federalism //Canadian Journal of Political Science. 1991. Vol. 24. № . 3. P. 451–473.
17. Statute of Westminster 1931. [Electronic resource] available at URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1931/4/pdfs/ukpga_19310004_en.pdf (access date: 18 October 2024).
18. Studlar D. T., Christensen K. Is Canada a Westminster or consensus democracy? A brief analysis //PS: Political Science & Politics. 2006. Vol. 39. № . 4. P. 837–841.
19. Verney D.V. Federalism, federative systems, and federations: the United States, Canada, and India //Publius: The Journal of Federalism. 1995. Vol. 25. № . 2. P. 81–98.

Сравнительно-правовой анализ международного и российского законодательства: понятие территории объектов культурного наследия и прилегающих земель

Курьякова Венера Фердинандовна,

преподаватель кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

В статье приводится сравнительно-правовой анализ международного и российского законодательства по вопросу понятия территории объектов культурного наследия и прилегающих земель. Автор отмечает, что правовая охрана объектов культурного наследия в любом государстве обеспечивается законами о сохранении культурных объектов, цель которых состоит в сохранении выдающегося исторического и культурного наследия нации, содействии научным исследованиям, воспитании патриотизма и традиций, а помимо этого построении духовной и нематериальной цивилизации. Кроме того, в данной статье подчеркивается важность создания буферной зоны вокруг территории объектов культурного наследия, что позволяет сформировать ландшафтную зону, а как следствие предотвратить застройку его новыми зданиями и сохранить (обеспечить) экологическую безопасность. Для проведения сравнительного анализа законодательств автором выбраны страны СНГ. В результате автор пришел к выводу о том, что правовое регулирование в странах СНГ демонстрирует значительное разнообразие и адаптацию к уникальным национальным условиям и потребностям, а внедрение международных стандартов охраны культурного наследия в национальное законодательство говорит о стремлении стран СНГ к соблюдению общепризнанных принципов и практик в данной области. Следовательно, правовое регулирование земель объектов культурного наследия в странах СНГ – это динамичный процесс, направленный на сохранение культурной идентичности и поддержание баланса между развитием и охраной.

Ключевые слова: буферная зона, объект культурного наследия, территория объекта культурного наследия, защитная зона, зоны охраны ОКН, охранная зона, зона регулирования застройки, зона охраняемого природного ландшафта, правовой режим территории памятника.

Глобализация представляет собой один из наиболее масштабных и всеобъемлющих процессов, происходящих в современном мире. Она оказала значительное влияние на все аспекты жизни человека, в том числе отразилась и на защите культурного наследия (далее – КН). Следует подчеркнуть, что КН, будучи связующим звеном с прошлым, служит источником вдохновения и помогает людям осознавать свои культурные истоки и выступает ориентиром для размышлений о будущем. В современном обществе культурное наследие играет важную роль в формировании коллективного сознания и сохранении национальной самобытности.

С конца XIX до середины XX века, когда в мире были на подъеме национально-освободительные движения, многие важные объекты КН (далее – ОКН) были созданы как символы национальных государств. Следовательно, государственная охрана культурного наследия (далее – ГОКН) представляет собой один из значимых элементов внутренней политики государства, на территории которого оно фактически находится. Рассматриваемая деятельность является неотъемлемой частью функции государства, ориентированных на сохранение, защиту и популяризацию культурных ценностей, что способствует существенному укреплению национальной идентичности и общественному развитию.

Но в 1959 году Египет и Судан представили ЮНЕСКО доклад о чрезвычайной ситуации, с просьбой помочь защитить нубийские руины, которым грозила опасность затопления из-за строительства Асуанской плотины. В следующем году ЮНЕСКО обратилась к миру с призывом организовать международную операцию по спасению нубийских руин. Под влиянием этого инцидента государства обратились к ЮНЕСКО за поддержкой международного сообщества для защиты своего КН. Например, Флоренция и Венеция в Италии, которые пострадали от серьезных наводнений в 1966 году, а также Боробудур в Индонезии и древние руины Карфагена в Тунисе были взяты под охрану на международном уровне.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (ЮНЕСКО, 1972 г.) (далее – Конвенция 1972 г.) гласит: «Охрана редкого и незаменимого достояния, независимо от того, какому народу оно принадлежит, важна для людей всего мира. Учитывая выдающуюся значимость того или иного культурного или природного наследия, необходимо охранять его как часть Мира». Первоначальная цель системы всемирного на-

следея (Список всемирного наследия и Фонд всемирного наследия), созданной Конвенцией, состоит в том, чтобы определить, какие объекты имеют глобальное универсальное значение и обеспечить защиту в международном масштабе.

Правовая охрана ОКН в любом государстве обеспечивается на законодательном уровне. Отметим, что законы о сохранении культурных объектов направлены на сохранение выдающегося исторического и КН нации, содействие научным исследованиям, воспитание патриотизма и традиций, а помимо этого построение духовной и нематериальной цивилизации. Законы устанавливают критерии и объем КН, который подлежит государственной охране. В указанный объем включаются древние культурные объекты, архитектурные сооружения, храмы, а помимо этого предметы, обладающие определенной ценностью (например, исторической, художественной или научной). Подобные законы направлены на обеспечение защиты и сохранение наследия, играющего значимую роль в формировании культурной идентичности и исторической памяти общества. В рамках отраслевого законодательства, под ОКН предусматривается включение и таких значимых объектов, которые отражают общественную жизнь различных исторических эпох и этнических групп. Под такими объектами понимаются материальные свидетельства культурного и социального развития, позволяя исследовать многообразие исторических процессов и взаимодействие различных сообществ. Следовательно, охрана подобных объектов способствует сохранению КН, а помимо этого и углублению понимания исторической динамики и этнокультурного разнообразия общества.

В п. 4 ст. 15 Конституции РФ определено, что общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры РФ составляют часть ее правовой системы. Если международный договор устанавливает правила, отличные от тех, что предусмотрены национальным законом, то применяются положения данного договора.

Упомянутая ранее Конвенция 1972 г. была ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 09.03.1988 № 8595-XI [20] (далее – Конвенция). Положения данной Конвенции интегрированы в законы РФ, регулирующие вопросы объектов КН.

В ст. 25 ФЗ № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» [10] (далее – ФЗ № 73) определено, что ОКН, представляющие выдающуюся универсальную ценность, могут быть отнесены к объектам всемирного КН согласно порядку, установленному Конвенцией 1972 г. Детализация исполнения положений Конвенции изложена в Руководстве по выполнению Конвенции 1972 г. [16] (далее – Руководство). Важным аспектом является то, что Конвенция 1972 г. и Руководство определяют понятие КН и устанавливают рамки для ограничения его использования на соответствующих территориях. Это создает дополнительный уровень защиты ОКН

[16], оказывающий прямое воздействие на земельные отношения.

Руководство по выполнению Конвенции 1972 г. сформулировало и закрепило точное определение границ ОКН [16]. В п. 101 Руководства определено, что границы ОКН должны охватывать участки, прилегающие к территории, имеющей выдающуюся универсальную ценность. В Руководстве понятие буферных зон (далее – БЗ) ОКН несколько схоже с таким термином, как историко-культурные зоны охраны ОКН, изложенном в нормах ФЗ № 73. Подчеркнем, что понятие БЗ встречается исключительно в ГОСТ Р 58204–2018 [17].

Отметим, что БЗ должна включать окружение номинированного объекта, важные панорамы и иные территории и (или) атрибуты, являющиеся функционально важными для ОКН и его охраны. В Руководстве указано, что определение такой территории реализуется посредством конкретных механизмов и обязательно содержит подробную информацию относительно размера, характеристик, разрешенного использования БЗ, а помимо этого и карты, указывающей конкретные границы ОКН и его БЗ [16].

Границы БЗ определяются в полном соответствии с пространственной формой каждой территории ОКН, находящейся под ее охраной, в сочетании с текущим статусом землепользования и строительства.

Следует особо отметить, что БЗ вокруг территории ОКН представляет определенное расстояние с целью формирования ландшафтной охранной зоны, чтобы предотвратить застройку его новыми зданиями и сохранить экологическую безопасность [16].

Когда Конвенция 1972 г. была принята, в ней не упоминалось содержание БЗ. В Руководстве же она была определена как естественная или искусственная среда, которая влияет на физическое пространство наследия, или пути, по которым наследие воспринимается. При установлении границ номинируемого объекта при необходимости могут применяться БЗ. В пересмотренной редакции Руководства 1988 г. предлагалось, что «БЗ может быть определена как территория, окружающая объект наследия, которая обеспечивает дополнительную защиту объекта наследия посредством строгих ограничений на использование» [16]. В процессе развития международного законодательства по ОКН произошло постепенное расширение определения и роли БЗ, что сделало критерии их разграничения необходимым элементом системы защиты ОКН.

В редакции Руководства 2004 г. подчеркивается важная роль БЗ, культурного и природного фонда Всемирного наследия: «БЗ можно определить как экологическую зону, которая оказывает значительное воздействие на объект, включая физическое состояние и уровень восприятия» [16]. БЗ включает социальное взаимодействие, духовные реакции, использование природных ресурсов и перемещение населения. В редакции Руководства 2005 г.

отмечено, что конкретные элементы БЗ ОКН указываются сразу при подаче декларации о присвоении статуса ОКН. Подчеркивается, что БЗ – это важная часть охраны и сохранения исторических памятников. Это обуславливается тем, что именно она способствует предотвращению потенциальных угроз и вредных воздействий на объект.

Изменения в концепции охраны наследия во всем мире способствовали постоянному усилению роли БЗ КН. По мере интенсификации сохранения ОКН и ускорения возможных динамических факторов, роль БЗ наследия становится более заметной. Методологическая основа охраны и управления БЗ включает комплексное планирование, визуальный анализ, ландшафтную стратегию, развитие ОКН и т.д.

Грамотное управление БЗ ОКН должно основываться на трех ключевых аспектах. Во-первых, нужно обеспечить сохранение ценности наследия как культурного потенциала, что подразумевает защиту уникальных характеристик и исторической значимости этого объекта. Во-вторых, важно осуществлять интегрированное руководство, учитывающее сохранение наследия и потребности городского развития, что позволит гармонично сочетать охрану культурных ресурсов с современными требованиями «urban planning». В-третьих, нужно разработать и внедрить правовые механизмы, обеспечивающие эффективное управление БЗ, что включает создание правовой базы, а помимо этого и механизмов контроля за соблюдением всех установленных требований.

В процессе обеспечения ГООКН определение границ территорий всегда имело довольно большое и важное значение. Разграничение территорий памятников истории и культуры, и их БЗ ОКН основано на выявлении, а помимо этого и интерпретации «целостности» и «аутентичности» объектов всемирного наследия. Обычно территорией памятника является та территория, которая несет основной историко-культурный потенциал наследия. Определение границ территории ОКН обязательно включает и площадь, обеспечивающая адекватное восприятие и понимание его истинной значимости в будущем. При этом в особое внимание нужно принимать влияние хозяйственной и иной деятельности человека на этот объект. Это положение распространяется и на БЗ наследия, которая играет значимую роль в обеспечении защиты и сохранении культурных ценностей от каких-либо негативных воздействий внешней среды.

В редакции Руководства 2007 г. подчеркивается, что границы и критерии БЗ памятника должны быть подняты на юридический уровень. В Руководстве 2008 г. указывается необходимость акцентировать внимание на роли БЗ в устранении и регулировании потенциальных угроз культурному наследию. В 2009 году Центр всемирного наследия ЮНЕСКО провел семинар по вопросу БЗ наследия. В опубликованном документе говорится: «БЗ – это важный инструмент защиты всемирного наследия и они напрямую связаны с управлением объек-

тами наследия. Понимание роли БЗ культурного наследия постепенно углубляется с изменениями в концепциях охраны и управления наследием. Уже в 2019 году обозначено, что «все аспекты руководящих принципов устойчивого развития должны быть интегрированы в систему реализации защиты наследия, включая природное и культурное наследие, их БЗ и более широкие территории» [18]. Большой акцент делается на использовании интегрированного и комплексного подхода по вопросу управления и планирования культурным наследием.

По нашему мнению, создание унифицированного подхода к охране ОКН в отечественном законодательстве должно основываться на следующих ключевых принципах.

Во-первых, введение унифицированного подхода к определениям «БЗ», «защитная зона» и «зоны охраны», позволит устранить разночтения и обеспечить согласованность правовых норм на разных уровнях.

Во-вторых, разрозненность отечественного законодательства в исследуемой области приводит к правовой неопределенности и затрудняет реализацию эффективных мер по охране КН.

В-третьих, нужно учитывать физические характеристики объектов, а помимо этого и их историко-культурное значение, социальную значимость и экологический контекст, что позволит создать более полное и адекватное представление о необходимости и способах охраны конкретных ОКН.

Наконец, в процессах определения и содержания границ зон охраны ОКН необходима прозрачность процедур, которая предоставит возможность повысить легитимность принимаемых решений и укрепить общественное доверие к мерам по охране КН. Следовательно, реализация данных принципов будет способствовать созданию эффективных правовых механизмов для сохранения КН на долгосрочную перспективу.

Следовательно, формирование и развитие национального законодательства в области охраны ОКН РФ должно опираться на обязательства, взятые страной в рамках ЮНЕСКО, Совета Европы и иных международных организаций. При этом нужно принимать во внимание интересы государства, что позволит обеспечить баланс между международными стандартами и национальными приоритетами в сфере сохранения КН.

Так, «среди многообразия международных документов Совета Европы следует выделить Европейскую конвенцию об охране археологического наследия 1970 г. СССР присоединилась к ней 14.02.1991. Но в 1992 году Конвенция 1970 г. была пересмотрена Советом Европы, и в 2011 году принят ФЗ от 27.06.2011 № 163-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной)» [19].

Проведем сравнительный анализ законодательства иных стран в отношении рассматриваемой проблемы. Конституции стран СНГ закрепляют за государством обязанность охраны культур-

ного и исторического наследия своих стран (ст. 44 Конституции РФ [5], ст. 61 Конституции РУ [4], ст. 54 Конституции РБ [1], ст. 37 Конституции РК [2], ст. 44 Конституции РТ [3]).

Анализируя позицию Республики Беларусь (далее – РБ) в отношении территорий ОКН и прилегающих к ним земель, нужно подчеркнуть, что в стране реализуется значительное количество мероприятий, направленных на изучение и сохранение историко-культурного наследия. Важный аспект рассматриваемой деятельности – организация системы контроля, обеспечивающая максимально эффективное управление и защиту КН.

Законодательное регулирование отношений, связанных с использованием территорий памятников истории и культуры, а помимо этого и прилегающих к ним земель, осуществляется через ряд нормативных актов. К основным из них относятся «Кодекс РБ о земле» [8] и «Кодекс РБ о культуре» [9]. Дополнительно важную роль в рассматриваемом контексте играют положения законодательства, касающиеся архитектурной, градостроительной и строительной деятельности [11], обеспечивающие комплексный подход к охране и использованию КН, а помимо этого Указы и стратегические программы в сфере культуры Президента РБ.

Можно назвать такие документы, как Закон «Об охране историко-культурного наследия РБ» [12], «О библиотечном деле в РБ», «О музеях и музейном фонде РБ», «Об архивном деле и делопроизводстве в РБ», а помимо этого и «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в РБ» [11]. С 2016 года данные законы интегрированы в единый законодательный акт – Кодекс РБ о культуре [9], что способствовало систематизации и унификации правового регулирования в исследуемой сфере.

Согласно Кодексу, к территории недвижимой материальной ИКЦ относится территория, занятая данной ценностью и (или) её частью, связанная с ними исторически и функционально (ч. 2 п. 1 ст. 105 Кодекса).

Под частью материальной ИКЦ понимается отдельный объект (элемент) или его обособленная доля (участок) в составе данной ценности (подп. 1.17 п. 1 ст. 1 Кодекса).

Особенностью является комплексная ИКЦ, включающая исторически связанные недвижимые материальные ИКЦ с территориями, занятой комплексной ценностью и (или) ее составной частью.

Земельные участники историко-культурного значения являются материально недвижимыми ценностями. Для обеспечения их защиты формируются специальные зоны, а именно охранные зоны, зоны регулируемой застройки, зоны охраны природных ландшафтов и культурного слоя, охватывающие сами земли и прилегающие территории. Правовым режимом рассматриваемых зон предусматриваются определенные ограничения или вообще полный запрет на деятельность, способной нанести некоторый вред сохранению этих ИКЦ.

В целом, законодательство охраны среды материальных недвижимых ценностей в РБ схоже с правовым режимом историко-культурных зон охраны ОКН РФ. Это касается управления, контроля, защиты, ответственности, мер наказаний и общих определений.

С января 2023 г. наблюдается комплексный подход в решении вопросов по разработке проектов зон охраны недвижимых ОКН органами власти, внесены изменения в Госпрограмму «Культура Белоруссии» на 2021–2023 гг., а помимо этого утверждены планы-графики по разработке проектов зон охраны ОКН на 2022–2025 гг. для обоснования определяемых в проекте зон охраны границ территории КН, зон охраны и их границ, а помимо этого режимов их содержания и использования.

Рассмотрим кратко законодательство Республики Узбекистан (далее – РУ) в сфере ОКН и прилегающих территорий. В указанной РУ располагаются уникальные памятники истории и культуры разных эпох, стилей и направлений, включая объекты всемирного наследия (например, исторические центры Хивы и Самарканда). В общем, в РУ находится 8 138 объектов материальной и нематериальной культуры.

Законодательство РУ опирается на международные нормы права в области охраны ОКН и прилегающих территорий (ст. 17 [4]). Среди ратифицированных документов – Конвенция 1972 г., Международная конвенция об охране нематериального КН (2003 г.), Конвенция о мерах по запрету и предупреждению незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (1970 г.). Законодательство РУ в сфере охраны и использования земель национального КН включает нормы, установленные Земельным [7] и Градостроительным кодексами [6], а помимо этого Законом «Об охране и использовании ОКН» [14], Положением «О порядке ведения Государственного кадастра ОКН РУ», Положением «Об историко-культурной экспертизе ОКН» [15]. Представленные правовые акты регулируют вопросы защиты, использования и реставрации ОКН, а помимо этого устанавливают порядок ведения государственного кадастра ОКН и проведения историко-культурной экспертизы. Следовательно, ключевой момент – это особый правовой режим земель объектов материального культурного наследия (далее – ОМКН) РУ, регламентированный земельным законодательством, а помимо этого и отраслевыми правовыми актами. Эти акты устанавливают особый порядок правового регулирования, учитывающих целевое назначение земель – охрану самих земельных участков и расположенных на них ОКН.

Земли историко-культурного назначения РУ включают территории, занятые ОМКН (ст. 71).

Правовой режим земель ОМКН регулируется нормами, цель которых состоит в их рациональном использовании, управлении и охране.

Земельное законодательство РУ устанавливает, что для сохранения особенностей ОМКН и их исторической среды на прилегающих террито-

риях формируются специальные охранные зоны, зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности, а помимо этого зоны охраняемого природного ландшафта (ст. 75). Установление правового режима территории ОМКН и сопряженных с ней зон охраны – важный элемент градорегулирования, способствующий сбалансированному развитию территорий с учетом ИКЦ объектов. В рассматриваемом аспекте правовое регулирование земель ОКН в РУ демонстрирует интеграцию национальных отличительных особенностей, а помимо этого и международных стандартов охраны КН.

В настоящее время законодательство РУ об ОКН, как и в других странах СНГ (например, РБ), использует единый термин «историко-культурное наследие».

Таким образом, правовое регулирование в странах СНГ, несмотря на общие корни, унаследованные от советской правовой системы, демонстрирует значительное разнообразие и адаптацию к уникальным национальным условиям и потребностям. Установление правового режима ОКН и связанных с ними зон охраны – ключевой аспект градорегулирования, способствующий гармоничному развитию территорий, учитывая их ИКЦ. Важно подчеркнуть, что внедрение международных стандартов охраны КН в национальное законодательство стран СНГ говорит о стремлении к соблюдению общепризнанных принципов и практик в исследуемой области. Это укрепляет правовую основу для защиты ОКН, а помимо этого способствует созданию устойчивых и гармоничных городских пространств, где историческое наследие становится неотъемлемой частью современного развития. Следовательно, правовое регулирование земель ОКН в странах СНГ представляет собой динамичный процесс, направленный на сохранение культурной идентичности и поддержание баланса между развитием и охраной.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года, (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения 30.08.2024).
2. Конституция Республики Казахстан, принята на референдуме 30 августа 1995 года, внесены изменения и дополнения 7 октября 1998 года, 21 мая 2007 года, 2 февраля 2011 года, 10 марта 2017 года, 23 марта 2019 года, 8 июня 2022 года, 17 сентября 2022 года. – URL: <https://constitution.kz/> (дата обращения 30.08.2024).
3. Конституция Республики Таджикистан, в редакции референдума от 26.09.1999 г., от 22.06.2003 г., от 22.05.2016 г. – URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения 30.08.2024).
4. Конституция Республика Узбекистан от 1992 года, новая редакция принята путем всенародного голосования на референдуме Республики Узбекистан, проведенном 30.04.2023 (Национальная база данных законодательства, 01.05.2023 г., № 03/23/837/0241). – URL: <https://constitution.uz/ru> (дата обращения 30.08.2024).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. (дата обращения 30.08.2024).
6. Градостроительный кодекс Республики Узбекистан (Национальная база данных законодательства, 22.02.2021, № 03/21/676/0142, 07.06.2022, № 03/22/775/0477; 30.06.2022, № 03/23/871/0797; 29.11.2023, № 03/23/880/0905). – URL: <https://lex.uz/docs/5307955#5309288> (дата обращения 30.08.2024).
7. Земельный кодекс Республики Узбекистан; Национальная база данных законодательства 25.10.2023, № 03/23/871/0797; 09.11.2023, № 03/23/876/0839). – URL: <https://lex.uz/ru/docs/149947> (дата обращения 30.08.2024).
8. Кодекс Республики Беларусь о земле № 425-З от 23 июля 2008 г. – URL: etalonline.by (дата обращения 30.08.2024)
9. Кодекс Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 года № 413-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2022 г.) – URL: ПАРАГРАФ-WWW (zakon.kz) (дата обращения 30.08.2024).
10. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 21.12.2021). – СПС Консультант Плюс (дата обращения 30.08.2024).
11. Закон Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 300-З «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь». – URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=h10400300> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения 30.08.2024).
12. Закон Республики Беларусь № 1940-XII (Закон Республики Беларусь от 13 ноября 1992 г. № 1940-XII «Об охране историко-культурного наследия» – URL: etalonline.by (дата обращения 30.08.2024).
13. Закон Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 300-З «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» – URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=h10400300> – Нацио-

нальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения 30.08.2024).

14. Закон Республики Узбекистан «Об охране и использовании объектов культурного наследия» от 30.08.2001 № 269-II, опубликован Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2001 г., № 9–10, ст. 180; Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2004 г., № 25, ст. 287; 2005 г., № 37–38, ст. 277; 2009, № 41, ст. 440; 2013 г., № 18, ст. 233; 2017 г., № 24, ст. 487; Национальная база данных законодательства, 19.04.2018, № 03/18/476/1087; 18.05.2022, № 03/22/770/0424; 30.06.2022, № 03/22/782/0576). – URL: <https://lex.uz/docs/10375> (дата обращения 30.08.2024).
15. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию охраны и использованию объектов культурного наследия», Приложение № 3, 4 (Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2002 г., № 14, ст. 113; 2004 г., № 22–23, ст. 267; 2005 г., № 27, ст. 191; 2014 г., № 30, ст. 372; 2017 г., № 19, ст. 345). – URL: <https://lex.uz/docs/285209#286549> (дата обращения 30.08.2024).
16. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия от 01.10.2016. – URL: docs.cntd.ru (дата обращения 30.08.2024).
17. ГОСТ Р 58204–2018. Национальный стандарт Российской Федерации. Проект охранных зон объекта всемирного наследия. Состав и содержание. Общие требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 21.08.2018 № 505-ст). – СПС Консультант плюс (дата обращения 30.08.2024).
18. Культура и цели устойчивого развития. Руководство по локальным действиям – URL: <https://euroasia-uclg.ru/upload/iblock/d38/kultura-i-tseli-ustoychivogo-razvitiya.pdf> (дата обращения 30.08.2024).
19. Лавров В.В. Актуальные проблемы охраны и использования объектов природного и культурного наследия: учебное пособие для магистратуры. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016–71 с.
20. Сведения о ратификациях получены с сервера Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unesco.org> (дата обращения 30.08.2024).

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF INTERNATIONAL AND RUSSIAN LEGISLATION: THE CONCEPT OF THE TERRITORY OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS AND ADJACENT LANDS

Kuryakova V.F.

V.F. Yakovlev Ural State Law University

The article provides a comparative legal analysis of international and Russian legislation on the issue of the concept of the territory of cultural heritage objects and adjacent lands. The author notes that the legal protection of cultural heritage sites in any state is pro-

vided by laws on the preservation of cultural sites, the purpose of which is to preserve the outstanding historical and cultural heritage of the nation, to promote scientific research, to foster patriotism and traditions, and in addition to that to build a spiritual and non-material civilization. In addition, this article emphasizes the importance of creating a buffer zone around the territory of the objects of cultural heritage, which allows to form a landscape zone, and as a consequence to prevent the development of its new buildings and to preserve (ensure) environmental safety. For the comparative analysis of the legislations the author selected the CIS countries. As a result, the author came to the conclusion that legal regulation in the CIS countries demonstrates significant diversity and adaptation to unique national conditions and needs, and the introduction of international standards for the protection of cultural heritage into national legislation indicates the desire of CIS countries to comply with generally recognized principles and practices in this area. Consequently, the legal regulation of cultural heritage land in the CIS countries is a dynamic process aimed at preserving cultural identity and maintaining a balance between development and protection.

Keywords: relocation of cultural heritage sites, historical urban environment, termination of the existence of the boundaries of the OKN territory, change of the boundaries of the OKN territory, legal regime of the monument territory, protection zones.

References

1. The Constitution of the Republic of Belarus of 1994 (with amendments and additions adopted at the republican referendums of November 24, 1996, October 17, 2004 and February 27, 2022). – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus> (date of access 08/30/2024).
2. The Constitution of the Republic of Kazakhstan, adopted by referendum on August 30, 1995, amended and supplemented on October 7, 1998, May 21, 2007, February 2, 2011, March 10, 2017, March 23, 2019, June 8, 2022, September 17, 2022. – URL: <https://constitution.kz/> (date of access 08/30/2024).
3. The Constitution of the Republic of Tajikistan, as amended by the referendum of September 26, 1999, June 22, 2003, May 22, 2016 – URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (date of access 08/30/2024).
4. The Constitution of the Republic of Uzbekistan of 1992, new version adopted by popular vote at the referendum of the Republic of Uzbekistan, held on 30.04.2023 (National Legislation Database, 01.05.2023, No. 03/23/837/0241). – URL: <https://constitution.uz/ru> (date of access 30.08.2024).
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) The official text of the Constitution of the Russian Federation with amendments of 14.03.2020 is published on the Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. (date of access 30.08.2024).
6. Urban Development Code of the Republic of Uzbekistan (National Legislation Database, 22.02.2021, No. 03/21/676/0142, 07.06.2022, No. 03/22/775/0477; 30.06.2022, No. 03/23/871/0797; 29.11.2023, No. 03/23/880/0905). – URL: <https://lex.uz/docs/5307955#5309288> (date of access 30.08.2024).
7. Land Code of the Republic of Uzbekistan; National Legislation Database (10/25/2023, No. 03/23/871/0797; 11/09/2023, No. 03/23/876/0839). – URL: <https://lex.uz/ru/docs/149947> (accessed on 08/30/2024).
8. Land Code of the Republic of Belarus No. 425-Z of July 23, 2008 – URL: etalonline.by (date of access 08/30/2024)
9. Culture Code of the Republic of Belarus of July 20, 2016 No. 413-Z (with amendments and additions as of 07/21/2022) – URL: [PARAGRAPH-WWW \(zakon.kz\)](https://zakon.kz) (date of access 08/30/2024).
10. Federal Law of June 25, 2002 No. 73-FZ “On Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation” (as amended on December 21, 2021). – SPS Consultant Plus (date of access 08/30/2024).
11. Law of the Republic of Belarus of July 5, 2004 No. 300-Z “On architectural, urban planning and construction activities in the Republic of Belarus”. – URL: <https://pravo.by/docu->

- ment/?guid=11031&p0=h10400300 – National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus (date of access 08/30/2024).
12. Law of the Republic of Belarus No. 1940-XII (Law of the Republic of Belarus of November 13, 1992 No. 1940-XII “On the Protection of Historical and Cultural Heritage” – URL: etalonline.by (date of access 08/30/2024).
 13. Law of the Republic of Belarus of July 5, 2004 No. 300-Z “On Architectural, Urban Planning and Construction Activities in the Republic of Belarus” – URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=h10400300> – National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus (date of access 08/30/2024).
 14. Law of the Republic of Uzbekistan “On the Protection and Use of Cultural Heritage Sites” dated 08/30/2001 No. 269-II, published by the Bulletin of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, 2001, No. 9–10, Art. 180; Collection of Legislation of the Republic of Uzbekistan, 2004, No. 25, Art. 287; 2005, No. 37–38, Art. 277; 2009, No. 41, Art. 440; 2013, No. 18, Art. 233; 2017, No. 24, Art. 487; National Legislation Database, 19.04.2018, No. 03/18/476/1087; 18.05.2022, No. 03/22/770/0424; 30.06.2022, No. 03/22/782/0576). – URL: <https://lex.uz/docs/10375> (date of access 30.08.2024).
 15. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan “On measures to further improve the protection and use of cultural heritage sites”, Appendix No. 3, 4 (Collection of Legislation of the Republic of Uzbekistan, 2002, No. 14, Art. 113; 2004, No. 22–23, Art. 267; 2005, No. 27, Art. 191; 2014, No. 30, Art. 372; 2017, No. 19, Art. 345). – URL: <https://lex.uz/docs/285209#286549> (date of access 30.08.2024).
 16. Guidelines for the implementation of the World Heritage Convention of 01.10.2016. – URL: docs.cntd.ru (date of access 30.08.2024).
 17. GOST R 58204–2018. National standard of the Russian Federation. Project of protected zones of the World Heritage site. Composition and content. General requirements (approved and put into effect by the Order of Rosstandart dated 21.08.2018 No. 505-st). – SPS Consultant Plus (date of access 30.08.2024).
 18. Culture and goals of sustainable development. Guide to local actions – URL: <https://euroasia-uclg.ru/upload/iblock/d38/kultura-i-tseli-ustoychivogo-razvitiya.pdf> (date of access 30.08.2024).
 19. Lavrov V.V. Actual problems of protection and use of objects of natural and cultural heritage: a textbook for the master’s degree. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation, 2016–71 p.
 20. Information on ratifications was obtained from the server of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization [Electronic resource]. – URL: <http://www.unesco.org> (date of access 30.08.2024).

Меры правового характера, обеспечивающие реализацию Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации

Липски Станислав Анджеевич,

д.э.н., доцент, врио проректора по научной работе, заведующий кафедрой аграрного и земельного права и безопасности жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»,
E-mail: lipski-sa@yandex.ru

С 2021 г. реализуется Госпрограмма вовлечения в оборот заброшенных земель. Как сама проблема забрасывания ранее освоенных угодий, так и ход реализации этой программы во многом зависят от надлежащего правового обеспечения. Цель статьи – исследовать, как факторы правового характера повлияли на ситуацию с использованием/неиспользованием сельхозугодий, и какие меры можно предложить сейчас для скорейшего достижения целей указанной программы.

Ключевые слова: изъятие, земельные участки, сельскохозяйственные угодья, приватизация, законодательство, землеустройство.

Очевидно, что выполнение установок Главы нашего государства относительно увеличения производства продукции АПК – на 25% к 2030 г. в сравнении с уровнем 2021 г.¹ требует активизации работ по реосвоению заброшенных сельхозугодий и передачи их более эффективным правообладателям. Между тем, общая по стране площадь неиспользуемых земель сельхозназначения сейчас составляет 43,32 млн га (11,4% всех земель данной целевой категории), а практически по всем регионам наблюдается сокращение площадей земель сельхозназначения².

Значимость обозначенной проблемы подтверждают и действия высших органов исполнительной власти – Правительства страны и федерального Минсельхоза – вот уже 3 года реализуется специальная Госпрограмма эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации³ (далее – Госпрограмма).

Проблема забрасывания ранее освоенных плодородных земель имеет ряд причин. Это, например, факторы экономического и организационно-хозяйственного и иного характера⁴ – по прошествии более чем трех десятилетий с момента массовой приватизации сельхозугодий уже можно судить, что передача главного средства сельхозпроизводства (предполагалось разделить на доли почти все сельхозугодья страны, но и фактически приватизированное – две трети их общей площади) была не вполне обоснованным шагом, и аналогия с «большой» приватизацией иных средств производства (в промышленности, жилищно-коммунальной сфере) все-таки

¹ Пп. г) п. 6 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Рос. Газ. – 2024–11 мая.

² Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2022 году. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2023. – 372 с.; Волков С.Н., Хлыстун В.Н. и др. Основные направления использования земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации на перспективу. – М.: Гос. университет по землеустройству. 2018. – 344 с.

³ Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 731) // Собр. законодат. Рос. Федерации – 2021 – № 21 – ст. 3583.

⁴ Вершинин В.В., Липски С.А. О состоянии плодородия земель сельскохозяйственного назначения и мерах по его воспроизводству. // Международный сельскохозяйственный журнал, 2017. № 6, С. 14–17.

не полная. Во-первых, земельные доли и соответствующие им угодья так и не удалось превратить в акции-приватизационные чеки, соответственно оборот долей и земель, в счет которых они были образованы, оказался затруднен. Во-вторых, проблемы правового характера (см. – далее) привели к парадоксальному экономическому результату – то, что было образовано для упрощения «движения» земель от одних лиц к другим (от неэффективных и неспособных организовать их использование – к новым, более удачно вписавшимся в изменившиеся социально-экономические реалии реформированного АПК), стало помехой – все 1990-е гг. значительно проще было перераспределить недолевые, оставшиеся в госсобственности земли, а не то, что оказалось вовлечено в приватизационные процессы (в те годы агрохолдинги осуществляли земельную экспансию, главным образом, за счет неприватизированных угодий)¹. Причем, препятствовавшие этому правовые проблемы оказались настолько серьезны, что решить их не представлялось возможным, так как все 1990-е гг. и вплоть до принятия в конце 2001 г. нынешнего Земельного кодекса – действовавшие тогда редакции Основного закона страны содержали положения либо прямо запрещавшие оборот приватизированных участков и земельных долей, либо (с конца 1993 г.) допускали его только в соответствии с нормами федерального закона, а вплоть до 2001–2002 гг. такого закона просто не было. В-третьих, кроме как «революционной» атмосферой и желанием придать необратимость параллельно проводимым общественно-политическим преобразованиям («осчастливив» почти все сельское население, превратив селян в земельных собственников) вообще трудно объяснить, зачем было делить устоявшиеся земельные массивы и используемые в сельхозпроизводстве рабочие участки между миллионами сельских тружеников, большинство из которых никогда не занималось собственным агробизнесом и не имело таких намерений.

Также экономическая причина – это то, что не самые оптимальные решения начала 1990-х гг. усугубили ошибки еще советского периода, когда какая-то часть сельхозугодий была излишне распахана (особенно в северных и северо-западных регионах), предоставление же аграриям хозяйственной самостоятельности (чего не было в советский период) привело к прекращению ведения на них оказавшегося в новых условиях нерентабельным сельхозпроизводства.

Другая причина – это степень финансовой устойчивости агрохозяйств, то в какой мере они «вписались» в новую экономическую реальность наличием и качеством управленческих структур, обеспечивающих деятельность хозяйства. Конечно же – это

¹ Липски С.А. Земельные доли: путь к оптимизации землепользования или препятствие при перераспределении земель // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – 2001. – № 2–3. – С. 36–41; Румянцев Ф.П. О судьбе невостребованных земельных долей. // Хозяйство и право. 2012. № 5. С. 111–115.

наличие общей долевой собственности на землю, отсутствие действующего механизма перераспределения земель обанкротившихся сельхозорганизаций, а также обоснованных и утвержденных проектов образования земельных участков, что должно гарантировать их дальнейшее юридически обоснованное использование. В значительной мере это вызвано принижением роли землеустройства и неопределенностью перспектив его развития.

Крайне неудовлетворительная ситуация с кадастровым учетом сельхозучастков, особенно – находящихся в долевой собственности; в сведениях госреестра недвижимости нет данных о сельхозугодьях (а механизм принудительного изъятия заброшенных земель долгое время требовал этих сведений).

В результате именно недостатки правового сопровождения аграрно-земельной реформы 1990-х гг.,² привели к тем сложностям в современном сельхозземлепользовании, которые сейчас приходится преодолевать. Речь идет и о том, что для решения сиюминутных задач тогда была применена вся мощь нормативно-правовых регуляторов, без какого-либо указания на ограниченность по времени действия вводимых тогда реформаторских норм.

В последующем в ходе банкротств и ликвидации агрохозяйств, которым доли были переданы на тех или иных правах (проданы, внесены в уставный капитал или в доверительное управление, в аренду – это допускалось до 2003 г.), а также в случае перехода прав к наследникам, не заинтересованным в осуществлении сельхоздеятельности (или отсутствии наследников), земельные доли оставались невостребованными. Такими же стали доли, с которыми граждане-собственники не знали (не могли, не хотели) как распорядиться и не распоряжались на протяжении трех десятилетий. Причем со временем число таких долей меняется – часть в результате проводимой с 2011 г. работы утрачивает этот статус и переходит к муниципалитетам³, но при этом в силу непринятия наследства после смерти правообладателей долей, а также как результат работы по выявлению новых невостребованных долей – такой статус приобретают новые. К 2023 г. по стране в целом невостребованными оставались 1,3 млн земельных долей общей площадью 11,8 млн га. Кроме того, реоформление (формирование) участков из невостребованных долей и постановка их на кадастровый учет требуют значительных финансовых и временных затрат, что, в свою очередь, существенно осложняет пере-

² Адаменко А.П. и др. Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография. – М.: РФ-Пресс, 2019. Т. 2. – 608 с. Устюкова В.В. Правовое регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения в субъектах Российской Федерации. // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2004, № 7, С. 60–71.

³ Лукьянчикова С.Н. «Исключительная приватизация»: как не допустить злоупотребление правом при приобретении невостребованных земельных долей в льготном порядке. // Правовые вопросы недвижимости. 2016. № 2. С. 37–40.

дачу таких участков новым, более эффективным собственникам и арендаторам¹.

Сюда же следует отнести и проблемы в правоприменении – то, что запрещено и наказуемо по законодательству, тем не менее, нарушается и имеет место быть. Как раз сами факты неиспользования участков (нет возможности использовать – надо отказать) или несоблюдения их назначения либо вида разрешенного использования, об этом и свидетельствуют.

Также негативным фактором стала распространенная практика передачи участков в краткосрочную аренду (законодательство это допускает), когда арендаторы не заинтересованы принимать меры по сохранению и восполнению плодородия почв, и даже применяя удобрения, химические мелиоранты и средства защиты растений, зачастую делают это бессистемно, не соблюдая системы землепользования и севооборотов².

До сих пор не решен, казалось бы, давно оговоренный вопрос о сельхозрегламентах (это как бы некий аналог градостроительных регламентов, но для сельхозтерриторий), которые определяли бы все рекомендуемые и допустимые варианты сельхозземлепользования для определенных территорий.

Также не завершен процесс разграничения госсобственности на земли сельхозназначения, причем именно для данной категории земель он идет медленнее всего. Из установленных законом критериев разграничения здесь не всегда удается «привязать участок к расположенному на нем (и определяющему его последующую юридическую судьбу объекту), так целый ряд гидротехнических сооружений до сих пор не имеют собственника и являются бесхозными. Также в процессе разграничения госсобственности на землю возникают споры,

До сих пор продолжают судебные дела, связанные с оспариванием решений и расторжением сделок, на основании которых участки были приватизированы или куплены у частных лиц³.

Действующий организационно-правовой механизм вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых и невостребованных земель сельхозназначения до сих пор остается точечным (основанным на фактах, выявленных инспекторами в ходе госземнадзора), и во многом зависимым от вводимых ограничений по осуществлению контрольно-надзорных мероприятий. При этом

¹ Организационно-экономические механизмы вовлечения в оборот, использования и охраны сельскохозяйственных земель: Монография / под научн. ред. В.Н. Хлыстун и А.А. Мурашевой. – М.: ФГБОУ ВО ГУЗ, 2020. – 568 с.

² Хлыстун В.Н. и др. Правовые аспекты вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых и невостребованных земель сельскохозяйственного назначения: Монография. – М.: ГУЗ, 2020. – 296 с.

³ Конокотин Н.Г., Конокотин Д.Н., Фаткулина А.В. Некоторые правовые вопросы продовольственной безопасности и вовлечения неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения в оборот // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 5. С. 59–65.

чения, которыми руководствуются названные инспектора, длительное время (2012–2020 гг.) оставались трудноприменимыми на практике.

Поэтому правовой компонент в проблеме заброшенных угодий, если и не решающий, то ключевой.

С точки зрения правового обеспечения решение проблемы заброшенных земель возможно либо через создание условий, способствующих добровольному отказу нерадивых хозяев от таких земель (налоговое регулирование, запрет для них участия в мерах господдержки даже по другим участкам таких землепользователей и др.), либо путем изъятия выбывших из сельхозоборота земель с целью последующей их продажи добросовестным правообладателям, желающим заниматься сельскохозяйственным производством. Механизм отказа от прав достаточно полно регламентирован нормами действующего законодательства, по нему наработана и правоприменительная практика⁴. А вот процедура принудительного изъятия участков традиционно вызывает множество споров как среди контрольно-надзорных органов, являющихся инициаторами данной меры принуждения, так и среди судейского сообщества.

Причем, законодательных решений федерального уровня не просто достаточно, а скорее в данной сфере наблюдается повышенный динамизм, затрагивающий ключевые положения механизма, обеспечивающего переход заброшенных сельхозземель к более рачительным и эффективным хозяевам. Помимо федерального законодателя очень много зависит и от исполнительной власти, которая не только исполняет решения законодателя, но и сама в рамках регуляторных полномочий дополняет и развивает его решения. Например, важнейший для данной сферы нормативный регулятор – признаки неиспользования сельхозземель законодатель как раз поручил утвердить федеральному Правительству⁵, что и было им уже дважды реализовано⁶. Да и правительственная Госпрограмма, даже не являясь по своей сути нормативным актом, задавая плановые показатели и пути их достижения позволяет решить проблему заброшенных земель более эффективно, экономически обоснованно и технологически правильно.

В то же время эта Госпрограмма (несколько отличаясь по форме от прежних программ в аграрно-

⁴ Хлыстун В.Н. и др. Правовые аспекты вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых и невостребованных земель сельскохозяйственного назначения: Монография. – М.: ГУЗ, 2020. – 296 с.

⁵ П. 2 ст. 4 Закона об обороте сельхозземель

⁶ постановления Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2012 г. № 369 «О признаках неиспользования земельных участков с учетом особенностей ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности в субъектах Российской Федерации» (утратило силу в 2020 г.) // Собр. законодат. Рос. Федерации – 2012 – № 18 – ст. 2230 и от 18 сентября 2020 г № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» // Собр. законодат. Рос. Федерации. – 2020 – № 39 – ст. 6059.

земельной сфере) не дает четких методически понятных разъяснений, в ней нет однозначных всесторонних рекомендаций (критериев) по выбору вовлекаемых в нее участков и массивов земель, не говорится о порядке действий при вовлечении и реосвоении угодий, о правилах их оценки, а также об эффективности осуществляемых действий, она по сути лишь является организационной основой. Госпрограмма в существующей редакции даже не подразумевает вопрос проведения подготовительных работ, создания банка земель, определение очередности их вовлечения. В связи с чем, в процессе и по итогу осуществления подготовительных работ в целом и инвентаризации, в частности, отсутствует понимание какие именно участки выбыли из сельхозоборота и по какой причине, в каком они состоянии и что выгодно вовлекать с точки зрения финансовых затрат. Элементом, усложняющим текущую ситуацию, также становятся региональные особенности территории, которые требуют корректировки возможных управленческих решений.

В качестве предложений по усовершенствованию правового механизма передачи заброшенных угодий более эффективным собственникам и арендаторам предлагаются следующие.

1. По общему правилу земельные участки (в т.ч. изъятые по причине их неиспользования или образованные за счет не востребованных долей) предоставляются по результатам торгов (с их справедливыми и прозрачными процедурами). Но, как показывает правоприменительная практика, не урегулированным остался вопрос о порядке действий когда на участие в торгах не подано одной заявки. Актуальность данной проблемы подтверждается результатами опроса среди работников муниципалитетов, проведенного Общероссийским конгрессом муниципальных образований – 60 из 69 респондентов в разных регионах ответили, что данная проблема является пробелом в земельном праве¹. В таких случаях следовало бы применить известный способ правового регулирования, устанавливающий преимущественное право приобретения за первым заявителем. Тем более что аналогичный подход уже реализован в земельном законодательстве.

2. Также заброшенные угодья можно предложить передавать в безвозмездное пользование (без торгов).

3. Действующим с 2003 г. принципом оборота земель сельхозназначения является то, что регионы (или муниципалитеты по решениям региональных законодателей) наделены преимущественным правом покупки подаваемых участков². В целях реализации данного принципа продавцы участков обязаны извещать региональные (или местные)

органы о таком их намерении; по каждой потенциальной сделке ведется переписка (заклучения, уведомления и т.п.). Между тем, чаще всего реализации публичной властью этого преимущественного права не происходит. Так, по данным Тюменской областной Думы в этом регионе за два года (2021–2022 гг.) в порядке реализации этого права был выкуплен только один участок (из 1 382 обработанных извещений о продаже)³. Поскольку это сугубо региональное полномочие, то представляется правильным делегировать на этот уровень не только принятие конкретных распорядительных решений, но и определение номенклатуры участков, по которым обязательно либо необязательно уведомлять об их предстоящей продаже. В качестве критериев при этом могут быть размер и местоположению участков, а также их состав по угодьям.

4. Федеральный законодатель многое изменил в механизмы принудительного изъятия заброшенных сельхозземель. Однако к числу пока еще нерешенных вопросов следует отнести, то что на заброшенном участке могут быть капитальные строения. И дело не в сложностях демонтажа такого объекта или рекультивации пятна застройки – все действующие правила не применяются участкам, на которых есть строения (кроме фермерских жилых и хозяйственных построек)⁴.

5. Нельзя не отметить то обстоятельство, что положения ст. 31 Федерального закона «О мелиорации»⁵ «Перевод мелиорированных земель в иные земли, изъятие мелиорированных земель», являются бланкетными (отсылка к федеральному земельному законодательству). Их следовало бы конкретизировать в двух направлениях. Во-первых, расширить ее сферу регулирования – все мелиорированные земли в силу своего статуса должны включаться в состав особо ценных продуктивных угодий. Во-вторых, поскольку большая часть мелиоративных систем эксплуатируется федеральными учреждениями, то в отношении изменения их принадлежности к соответствующей целевой категории крайне актуален принцип «второго ключа» за федеральным Минсельхозом.

6. Следует признать ошибочным решение федерального законодателя оказаться с 2008 г. от возмещения потерь сельхозпроизводства при легальном выбытии сельхозугодий⁶. В современных условиях такие потери следует возмещать (зачислять в соответствующий местный бюджет) когда либо меняется на несельскохозяйственное целевое назначение сельхозугодий и оленьих пастбищ, либо участки, в состав которых они входят, изымаются для использования их в целях, не свя-

³ Источник: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/347093-8> (дата обращения 14.10.2024)

⁴ Абз. 2 п. 1 ст. 1 Закона об обороте сельхозземель.

⁵ Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель» (с послед. дополн. и изм.) // Собр. законодат. Рос. Федерации – 1996 – № 3 – ст. 142.

⁶ Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газ. – 2006–23 дек.

¹ Источник: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/202929-8> (дата обращения 14.10.2024)

² Рыженков А.Я. Принципы оборота земель сельскохозяйственного назначения и их правовое значение // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2017. № 6. С. 101–109.

занных с ведением сельского хозяйства. Возложить возмещение вызванных этим потерь следует не только на лиц, которым эти земли предоставляются под несельскохозяйственные цели, но на лиц, в интересах которых устанавливаются охранные, санитарно – защитные зоны, ограничивающие сельхозпроизводство. Срок возмещения не должен превышать 3 месяцев. Если выбытие участков из сельхозпроизводства сопряжены с их возмездным предоставлением (продажи или передела в аренду), то такие потери следует включать в продажную цену или в первый платеж арендной платы. Объективное исчисление величины потерь возможно исходя из стоимости освоения (реосвоения) новых земель взамен изымаемых, а также с учетом качества сельхозугодий. При этом средства от возмещения потерь сельхозпроизводства должны быть целевыми, т.е. использоваться исключительно на освоение (реосвоение) новых земель, проведение работ по их охране и повышению плодородия почв.

7. Реализовывать Госпрограмму невозможно без информационного обеспечения. Сейчас в данной сфере есть два основных источника информации — государственный реестр земель сельхозназначения (ГРЗСЗН) и Единая федеральная информационная система о землях сельхозназначения (ЕФИС ЗСН), но если правовой статус ГРЗСЗН определен Законом, то в отношении ЕФИС ЗСН, более часто упоминаемой в процессе работы по передаче заброшенных угодий новым более эффективным хозяевам, – нет. В этой связи можно предложить включить в тот же Закон, норму о соотношении между собой ГРЗСЗН и ЕФИС ЗСН. Например, дополнить специальную статью 15.1 «Государственный реестр земель сельскохозяйственного назначения» положением о том, что это реестр ведется посредством ЕФИС ЗСН (т.е. реестр – юридически значимые сведения, а информационная система – инструмент, а не так как сейчас, когда первый ведется с использованием второй). Здесь дело не просто в соподчинении одного другому – в рамках целенаправленной политики по цифровизации отрасли сельского хозяйства путем внедрения государственных информационных систем (ГИС) наряду с ЕФИС ЗСН начато ведение также Федеральной государственной информационной системы прослеживаемости зерна и продуктов переработки зерна (ФГИС Зерно) и Федеральной государственной информационной системы в области семеноводства сельскохозяйственных растений (ФГИС Семеноводство)¹. Все три ГИС направлены на систематизацию и учет достоверных сведений о производстве сельхозпродукции и об используемых для этих целей землях. Их интеграция позволит связать по каждому направлению отраслевые данные, которые за-

¹ Это предусмотрено положениями ст. 17.1 Закона Российской Федерации от 14 мая 1993 года № 4973-1 «О зерне» (с послед. дополн. и изм.). // Рос. газ. – 1993–29 мая и ст. 21 Федерального закона от 30 декабря 2021 года № 454-ФЗ «О семеноводстве» // Рос. газ. – 2022–11 янв.

тем будут получать сельхозтоваропроизводители по всей цепочке агропроизводства, начиная с этапа производства семян в привязке к конкретному участку, на котором возделываются те или иные сельхозкультуры.

8. В ходе выполнения работ по реосвоению заброшенных угодий может потребоваться трансформация угодий – их перевод из одного вида в другой с целью последующего более рационального и экономически и экологически обоснованного использования, но сейчас это никак не регламентируется. Этот вопрос требует надлежащего законодательного обеспечения, с обязательным закреплением приоритета при такой трансформации увеличения общей площади сельхозугодий, их улучшения и более интенсивного использования, создания благоприятных пространственных условий землепользования, ликвидации мелкоконтурности угодий, раздробленности, вклиниваний, вкрапливаний и дальнотельности, размещения комплекса природоохранных, противозерозионных и мелиорированных мероприятий, строительства жилых и производственных зданий и сооружений, дорог, мелиоративных объектов, консервации и резервирования земель. То есть, только посредством такой трансформации должен осуществляться переход от фактического состава, структуры и площадей угодий землепользования к проектному.

9. Наконец, важнейшей мерой, без реализации которой имеется определённый риск не достичь ожидаемых от Госпрограммы результатов, является использование потенциала землеустроительной службы, что сейчас во многом зависит от завершения согласований и скорейшего принятия новой редакции Федерального закона «О землеустройстве».

Литература

1. Адаменко А.П. и др. Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография. – М.: РГ-Пресс, 2019. Т. 2. – 608 с.
2. Вершинин В.В., Липски С.А. О состоянии плодородия земель сельскохозяйственного назначения и мерах по его воспроизводству. // Международный сельскохозяйственный журнал, 2017. № 6, С. 14–17.
3. Волков С.Н., Хлыстун В.Н. и др. Основные направления использования земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации на перспективу. – М.: Гос. университет по землеустройству. 2018. – 344 с.
4. Конокотин Н.Г., Конокотин Д.Н., Фаткулина А.В. Некоторые правовые вопросы продовольственной безопасности и вовлечения неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения в оборот // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 5. С. 59–65.
5. Липски С.А. Земельные доли: путь к оптимизации землепользования или препятствие при

перераспределении земель // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – 2001. – № 2–3. – С. 36–41.

6. Лукьянчикова С.Н. «Исключительная приватизация»: как не допустить злоупотребление правом при приобретении невостребованных земельных долей в льготном порядке. // Правовые вопросы недвижимости. 2016. № 2. С. 37–40.
7. Организационно-экономические механизмы вовлечения в оборот, использования и охраны сельскохозяйственных земель: Монография / под научн. ред. В.Н. Хлыстуна и А.А. Мурашевой. – М.: ФГБОУ ВО ГУЗ, 2020. – 568 с.
8. Румянцев Ф.П. О судьбе невостребованных земельных долей. // Хозяйство и право. 2012. № 5. С. 111–115.
9. Рыженков А.Я. Принципы оборота земель сельскохозяйственного назначения и их правовое значение // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2017. № 6. С. 101–109.
10. Хлыстун В.Н. и др. Правовые аспекты вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемых и невостребованных земель сельскохозяйственного назначения: Монография. – М: ГУЗ, 2020. – 296 с.
11. Устюкова В.В. Правовое регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения в субъектах Российской Федерации. // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2004, № 7, С. 60–71.

LEGAL MEASURES ENSURING THE IMPLEMENTATION OF THE STATE PROGRAM FOR THE EFFECTIVE INVOLVEMENT IN THE TURNOVER OF AGRICULTURAL LAND AND THE DEVELOPMENT OF THE RECLAMATION COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION

Lipski S.A.

University of land use planning

Since 2021, the State Program for the involvement of abandoned lands in the turnover has been implemented. Both the problem of abandonment of previously developed lands and the course of implementation of this program largely depend on proper legal support. The purpose of the article is to explore how legal factors have influenced the situation with the use/non-use of farmland, and what measures can be proposed now to achieve the goals of this program as soon as possible.

Keywords: seizure, land plots, agricultural land, privatization, legislation, land use planning.

References

1. Adamenko A.P. et al. Actual problems of business, corporate, environmental and labor law: monograph. – М.: RG-Press, 2019. Vol. 2. – 608 p.
2. Vershinin V.V., Lipski S.A. On the state of fertility of agricultural lands and measures for its reproduction. // International Agricultural Journal, 2017. No. 6, pp. 14–17.
3. Volkov S.N., Khlystun V.N. et al. The main directions of use of agricultural lands in the Russian Federation for the future. – М.: State University of Land Management. 2018. – 344 p.
4. Konokotin N.G., Konokotin D.N., Fatkulina A.V. Some legal issues of food security and the involvement of unused agricultural lands in circulation // Property relations in the Russian Federation. 2024. No. 5. P. 59–65.
5. Lipski S.A. Land shares: the path to land use optimization or an obstacle to land redistribution // Real estate and investments. Legal regulation. – 2001. – No. 2–3. – P. 36–41.
6. Lukyanchikova S. N. “Exclusive privatization”: how to prevent abuse of rights when acquiring unclaimed land shares on a preferential basis. // Legal issues of real estate. 2016. No. 2. P. 37–40.
7. Organizational and economic mechanisms for the involvement in circulation, use and protection of agricultural land: Monograph / under the scientific ed. V.N. Khlystun and A.A. Murasheva. – М: FGBOU VO GUZ, 2020. – 568 p.
8. Rummyantsev F.P. On the fate of unclaimed land shares. // Economy and law. 2012. No. 5. Pp. 111–115.
9. Ryzhenkov A. Ya. Principles of agricultural land turnover and their legal significance // Property relations in the Russian Federation, 2017. No. 6. Pp. 101–109.
10. Khlystun V.N. et al. Legal aspects of involving unused and unclaimed agricultural lands in economic circulation: Monograph. – М: GUZ, 2020. – 296 p.
11. Ustyukova V.V. Legal regulation of agricultural land turnover in the constituent entities of the Russian Federation. // Property relations in the Russian Federation, 2004, No. 7, pp. 60–71.

Перспективы нормативно-правовой регламентации использования искусственного интеллекта в государственном управлении

Монько Василиса Сергеевна,

аспирант Отдела административного законодательства
и процесса Института законодательства и сравнительного
правоведения
E-mail: vasilisa.monko@mail.ru

В статье рассматриваются особенности внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в систему государственного управления, а также правовые стороны этого процесса. Особое внимание уделено роли ИИ в оптимизации государственных услуг и принятии управленческих решений, обеспечивающих более качественную работу государственных структур. Описываются основополагающие направления использования ИИ, затрагивая автоматизацию обработки данных, внедрение голосовых ассистентов и аналитических систем. Также поднимаются вопросы необходимости обновления нормативно-правовой базы для обеспечения безопасного и прозрачного использования ИИ в государственном управлении (в том числе, на примере отдельной сферы – земельных отношений).

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное управление, цифровизация, правовое регулирование, автоматизация, государственные услуги, голосовые ассистенты, нормативно-правовая база, безопасность данных, технологии ИИ.

В условиях активной цифровизации государственного управления и постоянного роста объемов данных, которые являются основой этого процесса, возникает необходимость внедрения более современных технологий для их обработки. Использование искусственного интеллекта (ИИ) позволяет государственным органам более результативно выполнять свои функции, в том числе в области предоставления услуг населению. ИИ способен автоматизировать обработку огромных массивов данных, применяя механизмы, сходные с человеческим мышлением, что ускоряет и упрощает принятие управленческих решений. С учетом того, что ИИ постоянно совершенствуется, его роль в оптимизации государственного управления с каждым годом становится все более значимой.

Применение ИИ в системе государственного управления особенно актуально в условиях растущего влияния цифровых технологий на общество. Использование искусственного интеллекта уже сейчас может способствовать решению ряда задач, стоящих перед государственными органами, а также существенно упростить выполнение рутинных операций. В то время как игнорирование возможностей ИИ может привести к технологическому отставанию государственных структур, своевременное его внедрение позволит оптимизировать процессы принятия решений и повысить качество управления на всех уровнях [1]. Внедрение ИИ требует особого внимания к вопросам юридической ответственности, защиты данных и прав граждан, затрагиваемых при автоматизации государственных процессов.

В связи с активным развитием технологий искусственного интеллекта и растущей необходимостью их вовлечения в различные сферы государственного управления, особенно остро встает вопрос совершенствования законодательства. В 2024 году обновление стратегии развития ИИ, подписанное Президентом России, демонстрирует значимость этой темы на государственном уровне, что подтверждает актуальность обсуждения правовых особенностей, касающихся внедрения ИИ [2]. Стратегия, направленная на развитие ИИ до 2030 года, предусматривает экономические преобразования, а также учет новых сложностей, связанных как с внешними факторами, так и с внутренними запросами граждан.

Одним из ведущих направлений, где внедрение ИИ уже активно обсуждается и планируется, является сфера оказания государственных услуг. Недавно Министр цифрового развития, Максуд Шадаев, объявил о планах внедрения технологий ИИ

в работу платформы «Госуслуги», что станет важным шагом в цифровизации взаимодействия между гражданами и государством [3]. Одной из главных новаций будет использование языковых моделей ИИ для упрощения получения информации и оформления услуг. Подобные технологии могут сделать процесс проактивным: граждане смогут получать документы и другие услуги автоматически, без необходимости личного обращения. Функционирование портала находится под постоянным контролем Минцифры, однако качество услуг, предоставляемых через портал, проверяется соответствующими государственными органами, ответственными за их оказание, гарантируя, что предоставление услуг осуществляется на должном уровне, а пользователи получают своевременные и корректные ответы на свои запросы [4].

Кроме того, уже сейчас активно развивается использование виртуальных помощников на сайтах государственных учреждений в России. Несколько крупных российских компаний разрабатывают и внедряют своих виртуальных ассистентов. Среди таких разработчиков – «Яндекс» с голосовым помощником «Алиса», Mail.ru Group с «Марусей», а также «Сбер», представивший целое семейство виртуальных помощников под брендом «Салют».

Примером использования ИИ в государственном секторе можно назвать голосового ассистента «Виктория», разработанного для службы 122 в Ленинградской области. Данный помощник направлен на повышение качества оказания медицинских услуг. С его помощью граждане могут вызвать врача на дом, что значительно облегчает процесс взаимодействия с медицинскими учреждениями. На данный момент «Виктория» успешно обработала около миллиона заявок, что свидетельствует о высоком потенциале использования таких технологий в сфере государственного управления [5].

Кроме голосовых ассистентов, искусственный интеллект также находит применение в автоматизации процесса перевода и составления документов для нужд государственных органов. Подобные технологии позволяют существенно сократить время на обработку документации и повысить точность выполнения задач, что в свою очередь способствует повышению общему качеству работы государственных структур.

К тому же, одним из основополагающих нововведений в использовании ИИ для оказания государственных услуг является возможность автоматизированного заполнения форм без участия граждан. Искусственный интеллект анализирует запросы пользователей и на основе полученных данных самостоятельно заполняет необходимые поля, предоставляя готовые результаты для проверки. Данное решение направлено на упрощение процесса получения услуг и повышение их доступности для граждан. Помимо этого, электронный ассистент сможет подробно описывать процедуры, требующие особого внимания и точности, например, в области недвижимости или иммиграции.

Ввиду перечисленной актуальности, считаем крайне важным обеспечение правового регулирования применения ИИ в различных процессах государственного управления.

В России законодательные основы для развития искусственного интеллекта и цифровых технологий заложены на федеральном уровне. Важную роль в этом процессе играет Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 года № 1632-р, которая определяет ИИ как одну из главных технологий, используемых в различных сферах, в том числе и для государственного управления и контрольно-надзорных функций [6]. Искусственный интеллект также входит в число приоритетных направлений развития страны в рамках Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 [7]. Кроме того, в рамках отдельных сфер существуют свои регулирующие акты, закладывающие перспективы развития ИИ в конкретной области, например, в транспортной безопасности планируется внедрение бортовых систем с элементами ИИ.

Переходя к правовой базе сферы государственного управления, отметим, что в настоящее время процесс оказания государственных услуг и взаимодействие граждан с государственными органами регулируются рядом нормативно-правовых актов, одним из которых является Постановление Правительства РФ № 861 от 24 октября 2011 года. Согласно этому документу, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций (Минцифры) несет ответственность за управление и развитие Единого портала государственных услуг, также известного как «Госуслуги». Минцифры обеспечивает функционирование портала в соответствии с требованиями Государственной программы «Информационное общество», особенно в рамках подпрограммы «Информационное государство». Контроль за качеством предоставления услуг осуществляется органами, ответственными за их оказание. Однако для полноценного введения в эксплуатацию технологий искусственного интеллекта в государственные сервисы необходимо внести значительные изменения в существующую правовую базу. Поскольку использование ИИ требует четких и актуальных правовых норм, их отсутствие может затормозить внедрение этих технологий. Именно поэтому нужно улучшать нормативные акты, чтобы они соответствовали новым реалиям системы оказания государственных услуг.

Основной преградой на пути широкого внедрения искусственного интеллекта в государственные структуры является недостаточное законодательное регулирование. Проблемы, с которыми сталкивается государство, можно разделить на две категории: «проблемы формы» и «проблемы содержания». Проблемы формы связаны с отсутствием законодательных актов, которые определяли бы правовой статус ИИ-систем, их роль в принятии

решений и взаимодействии с гражданами. Проблемы содержания касаются вопросов ответственности за действия, совершаемые искусственным интеллектом, и защиты данных, обрабатываемых такими системами. В отсутствие соответствующего законодательства Россия рискует замедлить внедрение ИИ в государственное управление, что может негативно сказаться на качестве работы государственных органов и уровня предоставляемых услуг. Тем не менее вопрос улучшения представляет некую сложность в связи с тем, что необходимо учесть вопросы юридической ответственности за решения, принимаемые с помощью ИИ, а также возможные риски, связанные с защитой персональных данных.

Для модернизации нормативно-правового регулирования в сфере применения искусственного интеллекта в государственном управлении необходимо пересмотреть основные положения действующих правовых актов, таких как Постановление Правительства РФ от 24 октября 2011 года № 861 [8]. В частности, важно обновить нормы, касающиеся реестров государственных услуг, с целью внедрения автоматизированных систем ИИ для сбора, анализа и обработки данных.

Кроме того, необходимо внести изменения в регулирование деятельности оператора федерального реестра, который находится под контролем Министерства цифрового развития. Важно предусмотреть разработку и внедрение технологий ИИ в инфраструктуру Единого портала госуслуг. Основным шагом станет создание стандартов и методических рекомендаций для оценки работы ИИ, а также механизмов контроля за его функционированием, что обеспечит безопасность и надежность систем, работающих на базе искусственного интеллекта.

Наконец, для оптимизации процессов публикации и распространения данных стоит обновить подпункты, касающиеся этих элементов, с акцентом на использование алгоритмов ИИ, позволяя автоматизировать процедуры публикации информации и сделать доступ к ней более удобным для пользователей. Таким образом, модернизация законодательства должна быть направлена на создание правовых основ для безопасного и результативного использования технологий ИИ в государственном управлении, что улучшит качество взаимодействия между гражданами и государственными структурами.

Для успешного вовлечения искусственного интеллекта в систему государственных услуг необходимо разработать отдельный нормативный акт, который будет закреплен в рамках Постановления Правительства РФ от 24 октября 2011 года № 861. Подобный документ должен определить основополагающие принципы использования ИИ, такие как прозрачность, безопасность и защита данных граждан. Перечисленные принципы обеспечивали равноправный доступ ко всем государственным услугам, независимо от категории граждан. Благодаря указанному технологии ИИ будут способ-

ствовать повышению качества и доступности услуг для широкого круга пользователей, минимизируя риски, связанные с утечкой данных и несанкционированным доступом.

Далее проведем анализ по совершенствованию законодательства, связанного с ИИ, в одном из приоритетных государственных направлений, выделенных Министерством цифрового развития (Минцифры). В данной сфере особое внимание уделяется применению нейронных сетей и других технологий ИИ для работы с географическими информационными системами (ГИС), позволяя автоматизировать процессы анализа и интерпретации данных о земельных участках. Вовлечение данных дистанционного зондирования Земли с информацией из ГИС создаст условия для более точного планирования территориальных ресурсов, что особенно важно в рамках государственного управления, давая возможность принимать более обоснованные решения в сфере распределения земель, что, в свою очередь, улучшит качество территориального развития и его соответствие реальным нуждам общества.

Методы искусственного интеллекта уже доказали свою результативность в управлении земельными ресурсами, особенно в крупных городах. Как отмечает О.Н. Панамарева, такие технологии значительно повышают точность анализа данных и ускоряют процессы принятия решений на уровне государственного управления [9]. В сфере управления земельными ресурсами современные технологии могут значительно ускорить и облегчить процессы урбанистического планирования. Применение искусственного интеллекта и аналитических систем позволяет учитывать все особенности городской инфраструктуры, такие как транспортная доступность, плотность застройки и наличие социальной инфраструктуры, что особенно актуально в больших городских агломерациях, где планирование должно быть максимально точным. В этой связи Министерство цифрового развития активно разрабатывает систему рекомендаций, которая сможет определять оптимальные места для строительства новых школ, детских садов и поликлиник, опираясь на комплексный анализ данных.

Использование предиктивной аналитики в земельных отношениях помогает государственным органам более точно моделировать архитектурные планы, основываясь на исторических и актуальных данных. Подобные технологии дают возможность прогнозировать развитие территорий, а также предотвращать потенциальные проблемы, связанные с застройкой и инфраструктурой. Внедрение подобных систем ИИ уже активно применяется как в России, так и за рубежом, позволяя увеличить качество планирования и управления земельными ресурсами. Примером может служить Москва, где с начала года нейронные сети помогли выявить более 800 нарушений в сфере земельных и имущественных отношений. Анализируя миллионы снимков, ИИ смог повысить точность контроля за законностью использования земель до 90%,

предотвращая тем самым незаконное строительство и улучшая управление городской средой [10].

Какие направления необходимо рассмотреть для совершенствования законодательства с учетом внедрения искусственного интеллекта и анализа больших данных? Действующее Постановление Правительства РФ от 24 августа 2019 года № 1086, касающееся создания и ведения федерального фонда данных дистанционного зондирования Земли, нуждается в модернизации для учета современных технологий ИИ.

Первое направление изменения касается дополнения пункта 2 «Создание федерального фонда». Необходимо включить положение о внедрении ИИ для автоматизации процессов сбора, обработки и анализа данных, ускоряя тем самым работу с большими объемами информации. Благодаря этому изменению повысится оперативность обработки данных и улучшится качество результатов, что особенно важно для принятия государственных решений на основе данных дистанционного зондирования. Подобное улучшение станет первым шагом в трансформации фонда в высокотехнологичную платформу для анализа данных в режиме реального времени.

Вторым шагом должно стать изменение пункта 3 «Ведение федерального фонда», где необходимо предусмотреть использование алгоритмов машинного обучения для классификации и каталогизации данных. Предложенное улучшит точность метаданных, а также облегчит доступ к информации для всех пользователей фонда. Вместе с тем, стоит внедрить механизмы интеллектуального поиска на основе ИИ, позволяющие осуществлять более точный поиск по различным параметрам, ускоряя тем самым работу с данными и повышая их доступность для пользователей. Применение интеллектуального поиска сократит затраты времени на анализ информации и повысит результативность использования фонда.

Третье направление касается повышения уровня безопасности данных. Важно добавить положения о внедрении ИИ для мониторинга безопасности фонда и предотвращения несанкционированного доступа. ИИ может анализировать поведение системы, выявлять аномалии и предотвращать угрозы в режиме реального времени, обеспечивая значительную защиту данных, что особенно важно для государственного управления, где безопасность информации играет основополагающую роль. Главным шагом также станет реформа пунктов 7 и 8, касающихся процессов предоставления данных. Внедрение автоматизированных ИИ-систем для обработки запросов на данные позволит ускорить процесс, уменьшить количество ошибок и повысить качество обслуживания пользователей.

Подведем итоги. Проблема формального регулирования в области искусственного интеллекта заключается в отсутствии четкой и структурированной системы правовых норм. В настоящее время основное регулирование базируется на ограниченном количестве основных законов, тогда как

более детальные факторы, касающиеся внедрения ИИ в конкретных сферах, в частности в территориальном планировании, регулируются на уровне подзаконных актов, что создает трудности для понимания и применения законодательства, поскольку отсутствует единая концепция, обеспечивающая логическую последовательность правовых норм.

Значительное внимание должно быть уделено созданию и разработке новой отрасли права, которая бы регулировала все стороны применения искусственного интеллекта. Данный процесс требует всестороннего подхода, включая как внедрение новых норм, так и изменение уже существующих правовых механизмов. Без четкой регламентации будет сложно гарантировать, что использование ИИ будет соответствовать интересам государства и граждан, а также обеспечит защиту прав всех участников процесса.

Таким образом, развитие правовой базы для регулирования искусственного интеллекта должно быть поэтапным и системным. Новая отрасль права должна учитывать вопросы, связанные с использованием ИИ в понимании электронных технологий, а также должна быть коррелирована с нормами гражданского, административного, налогового и финансового права. Предложенный обширный подход позволит обеспечить согласованность правового регулирования и результативность внедрения ИИ в государственные структуры.

Литература

1. Харисова, З.И. Искусственный интеллект в государственном управлении / З.И. Харисова, О.А. Филиппов, Д.А. Федоров // Информационные технологии интеллектуальной поддержки принятия решений (ITTDS'2020): Труды VIII Всероссийской научной конференции (с приглашением зарубежных ученых). В 2-х томах, Уфа, 06–09 октября 2020 года. Том 1. – Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2020. – С. 26–29.
2. Указ Президента РФ от 15.02.2024 N 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом».
3. На портал Госуслуги интегрируют технологию искусственного интеллекта – URL: <https://спроси.дом.пф/news/na-portal-gosuslugi-integriruyut-tekhnologiyu-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения 10.09.2024).
4. Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 N 861 (ред. от 25.04.2024) «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» (вместе с «Положением о федеральной государственной информационной системе «Федеральный реестр государственных и му-

ниципальных услуг (функций)», «Правилами ведения федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)», «Положением о федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», «Требованиями к региональным порталам государственных и муниципальных услуг (функций)», «Положением о федеральной государственной информационной системе «Единая система предоставления государственных и муниципальных услуг (сервисов)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.09.2024).

5. Ларан, А.А. Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в государственном управлении / А.А. Ларан // Современные научно-исследовательские решения в условиях технологических и цифровых новаций: Материалы ХLI Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 03 декабря 2021 года. Том Часть I. – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), 2021. – С. 605–609.
6. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения: 10.09.2024).
7. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 10.09.2024).
8. Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 N 861 (ред. от 18.07.2024) «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» (вместе с «Положением о федеральной государственной информационной системе «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)», «Правилами ведения федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)», «Положением о федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», «Требованиями к региональным порталам государственных и муниципальных услуг (функций)», «Положением о федеральной государственной информационной системе «Единая система предоставления государственных и муниципальных услуг (сервисов)» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120963/ (дата обращения: 10.09.2024).

9. Панамарева О.Н. Технологии искусственного интеллекта в географических информационных системах для автоматизированных систем управления территориально-экономическими процессами // Вестник государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова. 2013. № 3 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-geograficheskikh-informatsionnyh-sistemah-dlya-avtomatizirovannyh-sistem-upravleniya> (дата обращения: 10.09.2024).
10. Косоруков А.А. Технологии искусственного интеллекта в современном государственном управлении // Социодинамика. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennom-gosudarstvennom-upravlenii> (дата обращения: 10.09.2024).

PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PUBLIC ADMINISTRATION

Monko V.S.

Institute of Legislation and Comparative Law

This article examines the features of the introduction of artificial intelligence (AI) into the public administration system, as well as the legal aspects of this process. Particular attention is paid to the role of AI in optimizing public services and making management decisions that ensure better performance of government agencies. The fundamental areas of AI use are described, touching upon the automation of data processing, the introduction of voice assistants and analytical systems. The issues of the need to update the regulatory framework to ensure the safe and transparent use of AI in public administration are also raised (including, using the example of a separate area – land relations).

Keywords: artificial intelligence, public administration, digitalization, legal regulation, automation, public services, voice assistants, regulatory framework, data security, AI technologies.

References

1. Kharisova, Z.I. Artificial Intelligence in Public Administration / Z.I. Kharisova, O.A. Filippov, D.A. Fedorov // Information Technologies for Intelligent Decision-Making Support (ITTDS'2020): Proceedings of the VIII All-Russian Scientific Conference (with invitation of foreign scientists). In 2 volumes, Ufa, October 06–09, 2020. Volume 1. – Ufa: Ufa State Aviation Technical University, 2020. – P. 26–29.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 15.02.2024 N 124 “On Amendments to the Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 N 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” and to the National Strategy approved by this Decree”.
3. Artificial intelligence technology will be integrated into the State Services portal – URL: <https://споси.до.пф/news/na-portal-gosuslugi-integriruyut-tehnologiyu-iskusstvennogo-intellekta/> (date of access 09/10/2024).
4. RF Government Resolution No. 861 of 24.10.2011 (as amended on 25.04.2024) “On federal state information systems providing electronic provision of state and municipal services (implementation of functions)” (together with the “Regulations on the federal state information system “Federal register of state and municipal services (functions)”, “Rules for maintaining the federal state information system “Federal register of state and municipal services (functions)”, “Regulations on the federal state information system “Unified portal of state and municipal services (functions)”, “Requirements for regional portals of state and municipal services (functions)”, “Regulations on the federal state information system “Unified system for the provision of state and

- municipal services (services)”) (as amended and supplemented, entered into force on 27.04.2024) // SPS “ConsultantPlus” (date of access 10.09.2024).
5. Laran, A.A. Prospects and problems of using artificial intelligence in public administration / A.A. Laran // Modern research solutions in the context of technological and digital innovations: Proceedings of the XLI All-Russian scientific and practical conference, Rostov-on-Don, December 03, 2021. Volume Part I. – Rostov-on-Don: Southern University (IUBiP), 2021. – P. 605–609.
 6. Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 N 1632-r “On approval of the program “Digital Economy of the Russian Federation” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (date of access: September 10, 2024).
 7. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 N 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (date of access: September 10, 2024).
 8. Resolution of the Government of the Russian Federation of October 24, 2011 N 861 (as amended on July 18, 2024) “On federal state information systems ensuring the provision of in electronic form of state and municipal services (implementation of functions)” (together with the “Regulation on the federal state information system “Federal register of state and municipal services (functions)”, “Rules for maintaining the federal state information system “Federal register of state and municipal services (functions)”, “Regulation on the federal state information system “Unified portal of state and municipal services (functions)”, “Requirements for regional portals of state and municipal services (functions)”, “Regulation on the federal state information system “Unified system for the provision of state and municipal services (services)” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120963/ (date of access: 10.09.2024).
 9. Panamareva O.N. Artificial intelligence technologies in geographic information systems for automated control systems of territorial and economic processes // Bulletin of the State University of Maritime and River Fleet named after Admiral S.O. Makarov. 2013. No. 3 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-geograficheskikh-informatsionnyh-sistemah-dlya-avtomatizirovannyh-sistem-upravleniya> (date of access: 10.09.2024).
 10. Kosorukov A.A. Artificial Intelligence Technologies in Modern Public Administration // Sociodynamics. 2019. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennom-gosudarstvennom-upravlenii> (date of access: 10.09.2024).

Ограничения правосубъектности в отношении мигрантов в российском трудовом законодательстве

Мясников Дмитрий Валентинович,

студент магистратуры, Государственный университет
управления

E-mail: eto-on@bk.ru

Автор в статье исследует проблемы несоответствия механизмов, определяющих юридический статус иностранных работников в РФ. На практике складывается ситуация, когда правовой статус трудового мигранта остается неопределенным, что вызывает споры в науке. Это во многом актуализирует по мнению исследователя изучение трудового мигранта в качестве особого субъекта правового регулирования. Современное отечественное законодательство в вопросах регулирования правоотношений с мигрантами реализуется в соответствии с принципом, в соответствии с которым иностранцы правомочны пользоваться правами наравне с россиянами. Исследователи более детально изучают отдельные нормы административного права, регламентирующие совокупность трудовых отношений, касающихся иностранных граждан, тем самым определяя их специальную правосубъектность в системе трудовых отношений и указывает на наличие ограничений в правосубъектности. Это во многом обусловлено наличием пробелов в регулировании деятельности мигрантов в РФ, что требует пересмотра сущности иностранного работника в РФ. Отрицательные значения подобных пробелов следует решить путем правотворчества.

Ключевые слова: иностранный работник, миграционный поток, трудовая миграция, трудовое законодательство, административные барьеры.

Введение

Современная ситуация в мировом сообществе развивается в условиях массовой миграции миллионов людей в поисках работы. Интеграционные сдвиги в мире во многом побуждают миллионы людей мигрировать в поисках работы и новых мест для жизни. Для обеспечения стабильности на рынке труда необходимо внедрять правовые инструменты, регулирующие данные процессы. Большие потоки мигрантов существенно деформировали рынок труда России, который расширен за счет трудовых мигрантов из 100 стран мира. Сложным остается вопрос правового регулирования, поскольку в РФ длительный период законодатель более комплексно не исследовал данный вопрос. Законодатель в ТК РФ определил отдельные аспекты регулирования правоотношений в сфере занятости. Причем данная правовая проблема является системной, поскольку требует решения при помощи внедрения поправок к трудовое и административное право. Одной из ключевых проблем остается регулирование правового статуса иностранца, занятого в РФ трудовой деятельностью. На практике это позволяет рассматривать иностранных граждан в качестве субъекта правоотношений. Отдельные аспекты регулирования правоотношений между иностранцев в России за последние годы исследуются в контексте поправок в ТК РФ и иные нормативные акты РФ и СНГ.

Методология исследования

В работе для исследования проблемы был применен метод правового анализа и количественного анализа миграционных потоков в РФ. На основе анализа нормативной базы и статистики МВД РФ за последние годы были определены основные проблемы ситуации. Проблемы регулирования правоотношений мигрантов трудящихся в РФ во многом касаются вопросов ограничений правоспособности таких лиц [6, с.356]. Во многих странах мира сформирован особый государственный режим, определяющий перечень прав и обязанностей, закрепленных за иностранцами наравне с гражданами страны. Как показывает практика, этот вопрос предполагает наличие ограничений для иностранцев в отдельных отраслях экономики. Действительно, юридический статус иностранцев в сфере трудовых правоотношений различный. Это во многом обуславливает важность юридического регулирования положения иностранных трудящихся. Как показывает практика, административное право ограничивает правосубъектности иностранных граждан, что позволяет

защитить отечественный рынок и рабочих. Эксперты отмечают, что конструктивное правовое регулирование правоотношений мигрантов в российском правовом поле вызывает споры. Именно правовые ограничения статуса иностранных граждан позволяет обеспечить финансовую стабильность на рынке труда. В исследовании правоведа Мирошника А.Н. отмечается, что на практике частыми являются противоречия, касающиеся вопросов регулирования трудовой деятельности мигрантов. Одним из спорных моментов в правоправедении остается проблема единой трактовки категории «иностраный работник», что отражено в ФЗ от 25.07.2022 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан РФ». Так, законодатель в ст. 2 Закона № 115 – ФЗ понятие «иностраный работник» трактуется в качестве гражданина иностранного государства, осуществляющего трудовую деятельность в РФ. Наряду с этим законодатель в ст. 327.1 ТК РФ отмечает, что между работником -иностранцем и работодателем для возникновения отношений должен быть заключен договор на неопределенный срок в соответствии ст. 59 ТК РФ – «срочный трудовой договор». Законодатель тем самым разводит понятия «иностраный работник» по закону № 115-ФЗ и «работник». Это объясняется рядом факторов. Во-первых, в законодательстве отмечается, что иностранец может осуществлять деятельность при наличии гражданского договора. Также законодатель указывает на законное осуществление деятельности этим лицом, но в то же время временно проживающий в РФ иностранец неправомерно заниматься трудовой деятельностью. Это указывает на важность конкретизации данной категории «иностраный работник» и «временно пребывающий». Наряду с этим пробелом нерешенным остается вопрос квотирования иностранцев, работающих в РФ. По мнению правоведа Мирошник А.Н. до сих пор системно не определены основания для привлечения иностранцев. Эксперт отмечает, что для совершенствования системы квотирования иностранцев важно конкретизировать систему критериев квотирования. Причем данная система должна быть научно обоснована в соответствии с методикой расчета количественной иностранной рабочей силой. Этот вопрос также не проработан в российском законодательстве. Помимо этого, эксперты указывают на ряд проблем. Во-первых, в РФ нет единой правовой базы, которая адаптировала иностранцев к российскому правоприменению. Для этого важно разработать систему «вторичной социализации» для лиц, осуществляющих трудовую деятельность в рамках бессрочного трудового соглашения. Совокупность данных проблем показывают важность пересмотра инструментария их решения работодателем, органами опеки и попечительства, МВД РФ. Для этого важно повысить уровень языковой компетенции и правовой культуры. Для разрешения данной проблемы в РФ с 2011 года реализуется программа образовательных курсов для мигрантов по истории, русскому языку, культуре России. Эта мера реализуется в разных регионах страны.

В данном контексте важно внедрить рекомендации, которые включают обязательства по обеспечению таких лиц. При наличии в ТК РФ компонентов, которые регулируют правоотношения недостаточным остается решенным остается вопрос внедрения административно-правовых механизмов. На мой взгляд, сегодня важно разработать меры институционального характера, а также разработать федеральный закон, регулирующий правоотношения в трудовой сфере.

Правовое положение иностранцев существенно определяется статусом иностранного лица, вынужденного переселенца или иностранного военнослужащего или студента. Законодатель рассматривает вынужденного переселенца в качестве беженца, который получил убежище в РФ временно [4, с.161]. Как правило, данная категория лиц незащищены. Законодатель в этом случае в ст. 8 ФЗ «О беженцах» указывает право на труд по найму или предпринимательство наравне с гражданами РФ. Это положение позволяет утверждать, что эта категория лиц относится к общей категории иностранцев. Законодатель определил срок пребывания в РФ рамками действия свидетельства о получении убежища. Законодатель отмечает, что правовой статус мигранта изменчив. Как правило, если трудовой мигрант прибыл из стран с безвизовым режимом, то его деятельность может регламентироваться нормами Договора о ЕАЭС. Так, в ст. 97 данного соглашения указывается, что трудовая деятельность данной категории лиц определяется нормами международного права и национального законодательства[3, с. 15–16] Также следует выделить ряд особенностей таких трудящихся в РФ: период временного пребывания трудящегося определяется действием самого соглашения; при этом следует отметить, если трудовой договор досрочно расторгается до истечения 90 суток с момента въезда в РФ, то иностранный трудящийся правомочен в течение 15 суток заключить новый трудовой договор или договор ГПХ, без обязанности выезда из страны в рассматриваемый период; трудящиеся освобождаются от обязательной регистрации в течение месяца 30 суток с даты въезда; если период пребывания в РФ не превышает 30 суток с даты въезда, трудящийся освобождается от обязательства применять миграционную карту.

Заключение

Таким образом, правовое регулирование вопросов правового статуса иностранцев трудящихся в РФ существенно отличается. Законодатель указывает на наступление ответственности в случае нарушения законодательства государства, в результате чего может быть аннулирован патент на труд в соответствии со ст. ст. 32 ТК РФ. Безусловно, положения о трудовой правосубъектности иностранного работника не находят отражения в российском праве. Для иностранных работников установлены правила трудоустройства в соответствии с российским законодательством, однако, определенные правовые

ограничения заниматься трудовой деятельностью определены международными соглашениями.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.04.2021).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.04.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 14.04.2021).
3. ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (дата обращения: 14.04.2021).
4. Бализей А.А., Кудрявцева Л.В. К вопросу о коллизиях в правовом регулировании труда иностранных работников в Российской Федерации // *Фундаментальные и прикладные науки сегодня: материалы Международной научно-практической конференции* – North Chalerston, 12–13 сентября 2016. – С. 162–165.
5. Кириченко Л.В. Проблемы правового регулирования использования труда иностранных граждан в РФ // *Территория науки*. – 2015. – № 2. – С. 176–179.
6. Иванчак А.И. Трудовой договор с иностранным гражданином: новации российского законодательства // *Московский журнал международного права*.-2015.-№ 3. – С. 161–176.
7. Майстренко Г.А. Правовой статус иностранных граждан в сфере трудовых отношений: российский опыт // *Образование и право*.- 2021.-№ 5.- С. 356–361.

RESTRICTIONS ON LEGAL CAPACITY IN RELATION TO MIGRANTS IN RUSSIAN LABOR LEGISLATION

Myasnikov D.V.

State University of Management

The author of the article examines the problems of inconsistency of mechanisms determining the legal status of foreign workers in the Russian Federation. In practice, a situation arises where the legal status of a labor migrant remains uncertain, which causes controversy in science. This largely actualizes, according to the researcher, the study of a labor migrant as a special subject of legal regulation. Modern domestic legislation in matters of regulating legal relations with migrants is implemented in accordance with the principle according to which foreign citizens enjoy rights equally with citizens of the Russian Federation. However, the expert pays special attention to administrative law, which regulates labor relations of foreign citizens, determining their special legal capacity in the system of labor relations and indicates the presence of restrictions in legal capacity. This is largely due to the presence of gaps in the regulation of migrants' activities in the Russian Federation, which requires a revision of the essence of a "foreign worker" in the Russian Federation. The negative implications of such gaps should be resolved through lawmaking.

Keywords: foreign worker, migration flow, labor migration, labor legislation, administrative barriers.

References

1. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended on 01.07.2020) [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed on 14.04.2021).
2. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 30.04.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 01.05.2021) [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (accessed on 14.04.2021).
3. Federal Law "On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation" dated July 18, 2006 No. 109-FZ (last ed.) [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (date of access: April 14, 2021).
4. Balizey A.A., Kudryavtseva L.V. On the issue of collisions in the legal regulation of labor of foreign workers in the Russian Federation // *Fundamental and applied sciences today: materials of the International scientific and practical conference* – North Chalerston, September 12–13, 2016. – P. 162–165.
5. Kirichenko L.V. Problems of legal regulation of the use of labor of foreign citizens in the Russian Federation // *Territory of science*. – 2015. – No. 2. – P. 176–179.
6. Ivanchak A.I. Employment contract with a foreign citizen: innovations in Russian legislation // *Moscow Journal of International Law*.-2015.-№ 3. – P. 161–176.
7. Maistrenko G.A. Legal status of foreign citizens in the field of labor relations: Russian experience // *Education and Law*.- 2021.- № 5.-P. 356–361.

Преступность в сфере миграции: проблемы формирования терминологического аппарата

Степанов Андрей Михайлович,

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России, подполковник полиции, начальник отдела ОП #1 УМВД России по городу Омску
E-mail: marina-st-6401@mail.ru

В статье рассматривается проблема выработки единой терминологии, которая позволяла бы учитывать и оценивать состояние миграционной преступности в России. Обращается внимание на то, что имеющиеся сегодня в распоряжении исследователей статистические сведения являются обрывочными, не позволяющими должным образом противодействовать преступлениям, совершаемым мигрантами и в их отношении, а также иным преступным деяниям, относящимся к сфере миграции.

Ключевые слова: иностранный гражданин, мигрант, миграция, миграционная преступность, преступность в сфере миграции.

Российская Федерация занимает четвертое место в мире по количеству жителей иностранного происхождения (иммигрантов), уступая только США, Германии и Саудовской Аравии [1]. Общая численность международных мигрантов в России оценивается в среднем в 10 млн чел., около 90% из них – это граждане бывших союзных республик. Вопросы эффективного управления миграцией с каждым годом приобретают все большую остроту, поскольку последствия миграции проявляются в различных сферах и могут быть как положительными, так и отрицательными. С одной стороны, миграционные процессы способны обеспечивать экономический рост. С другой – нельзя исключать обострение политических, социальных и криминальных рисков. Особую опасность для общества и государства представляет миграционная преступность, причем, не всегда нужны ее высокие количественные показатели. Как верно замечено А.Г. Хабибулиным и К.Р. Мурсалимовым, в отдельных случаях, особенно, в условиях крайне высокой этносоциальной напряженности даже одно преступление, совершенное мигрантом (мигрантами), может влечь за собой массовые беспорядки и международные конфликты [2, с. 3].

Выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 26 марта 2024 г., Президент РФ назвал миграцию важной сферой, беспокоящей миллионы людей. При этом вопрос борьбы с преступлениями мигрантов был обозначен им, как один из актуальных [3].

Миграционная преступность – это широко обсуждаемая тема не только в России, но и за рубежом. Вот только единства в том, какие деяния объединяет данная категория, нет ни в одной стране. В отечественной науке для обозначения отдельной группы преступлений, связанных с миграцией и мигрантами, используются термины «миграционная преступность», «преступность в сфере миграции», «преступность, связанная с миграционными процессами», «этническая преступность» и др. Каждый из названных терминов каждый автор раскрывает по-своему.

Стоит признать, что наибольшее распространение имеет понятие «миграционная преступность».

К примеру, А.В. Шкилевым сформировано следующее определение миграционной преступности: «это социальное исторически изменчивое общественно опасное относительно массовое явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных за определенный период мигрантами, объединенными на территории России общностью криминальной сферы и интересов» [4, с. 22–23].

Равным образом, А.Н. Каменева в качестве миграционной преступности предлагает рассматривать «совокупность общественно опасных деяний, запрещенных действующим уголовным законом под угрозой наказания и совершаемых особым субъектом, которым выступает мигрант» [5, с. 17].

П.А. Насуров трактует миграционную преступность шире, как «преступные деяния, совершаемые мигрантами (группой мигрантов или этнической группой) на территории стран-реципиентов или на межгосударственном (транснациональном) уровне, а также в отношении мигрантов (законных и незаконных) общественно опасные деяния на территории принимающих государств или стран транзита» [6, с. 9]. Схожего мнения придерживаются А.Г. Корчагин и В.В. Сонин. Они считают, что миграционная преступность – это системное негативное явление, содержащее в себе два достаточно самостоятельных элемента: преступления, совершаемые мигрантами, и преступления, совершаемые против мигрантов» [7, с. 1069].

Ключевая разница приведенных дефиниций состоит в том, что первые два исследователя ограничиваются включением в миграционную преступность исключительно тех преступлений, которые совершают мигранты, тогда как остальные – добавляют к ним преступления, которые совершаются в отношении мигрантов. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что МВД России при описании состояния преступности в России оперирует категорией «преступления, связанные с иностранными гражданами и лицами без гражданства». Тем самым, обеспечивается отражение в официальной статистике данных о числе преступлений, совершенных иностранными гражданами (лицами без гражданства) и в отношении иностранных граждан (лиц без гражданства) [8].

Еще один часто применяемый научный термин – «преступность в сфере миграции». Он также не имеет единообразного определения. Зачастую с его помощью обособляются только четыре преступления, уголовная ответственность за совершение которых установлена в ст.ст. 322–322.3 гл. 32 («Преступления против порядка управления») Уголовного кодекса Российской Федерации [9] (далее – УК РФ). Та же А.Н. Каменева к преступлениям в сфере миграции относит совокупность виновно и общественно опасных деяний, совершаемых в процессе незаконного пересечения границы РФ, а равно в связи с массовой организацией данного процесса и иными незаконными регистрационными действиями в отношении мигрантов, запрещенными УК РФ под угрозой наказания [10, с. 26]. Аналогичная точка зрения обосновывается в работе Т.Н. Уторовой [11, с. 29]. Но есть и иная позиция, отстаиваемая, в частности, Ю.С. Магнutowым. Составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 322–322.3 УК РФ он характеризует лишь как один из элементов преступности в сфере миграции. В числе иных преступных деяний, совершаемых в сфере миграции, им выделяются: служебные преступления, способствующие незаконной

миграции; преступления с особым субъектом – иностранный гражданин; преступления, в которых иностранный гражданин обладает статусом потерпевшего [12, с. 93].

Некоторую степень новизны в части используемой терминологии имеет подход, выработанный А.А. Бабич. «Вся совокупность преступных посягательств, которые совершаются мигрантами и в отношении мигрантов, а равно иные преступления, обусловленные миграционными процессами» именуется ею «преступностью, связанной с миграционными процессами» [13, с. 5]. По сути, такое видение изучаемого в настоящей статье вида преступности во многом совпадает с соображениями Ю.С. Магнutowа и может быть принято во внимание.

В дополнение к сказанному стоит отметить, что отечественному законодательству не известны понятия «миграция» и «мигрант». В итоге в науке их определения – это еще одна тема многолетних дискуссий. В федеральных законах и иных правовых актах граждане, въезжающие на территорию России, именуется «иностранными гражданами» и «лицами без гражданства». Эти термины применяются, например, в целях миграционного учета указанных лиц [14, ст. 1, ч. 2 ст. 2] и регулирования их трудовой деятельности [15, гл. 51].

Имеющаяся терминологическая разобщенность приводит, в частности, к тому, что оценка современного состояния миграционной преступности становится проблематичной задачей, решить которую не могут не то чтобы частные лица, а даже ответственные за противодействие такой преступности правоохранительные органы.

Так, 1 июля 2024 г. министр внутренних дел РФ В. Колокольцев в рамках заседания Правительственной комиссии по профилактике правонарушений выступил с заявлением о «закреплении тенденции снижения количества преступлений со стороны иностранных граждан». В частности, в 2024 г. почти на 8% сократилось количество тяжких и особо тяжких преступлений, которые были совершены иностранцами. Такие показатели глава МВД России объяснил проведением «комплексной профилактической работы» [16]. Спустя несколько дней после заседания, в котором принимал участие В. Колокольцев, официальный представитель МВД России И. Волк раскрыла более точные цифры позитивной статистики. Она сообщила, что число преступлений, совершенных иностранными гражданами, с начала 2024 г. снизилось на 6,4%, из них особо тяжких преступлений стало меньше на 11,1% (количество убийств и покушений на убийство сократилось на 18%, посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу личности – на 8,5%, грабежей – на 30%) [17].

В свою очередь, председатель Следственного комитета России А. Бастрыкин на оперативном совещании по итогам работы территориальных следственных органов, проходившем 16 июля 2024 г., привел иные данные. Согласно озвученной им информации, за I полугодие 2024 г. в суды поступило

на треть больше уголовных дел о преступлениях мигрантов, чем за аналогичный период предыдущего года. Конкретно по видам преступлений было обращено внимание на рост на 55% числа преступлений экстремистского характера, совершенных мигрантами, на 25% – числа развратных действий в отношении детей и на 5% – числа изнасилований [18].

Разница между приведенными сведениями очевидна, при этом неясна причина их столь явного расхождения. Скорее всего, речь следует вести об использовании различных количественных и качественных показателей для подтверждения собственной позиции в контексте каждого конкретного публичного выступления. Если руководство МВД России последовательно доказывает, что проблема миграционной преступности имеется, но с ней ведется активная борьба, то руководство СК России делает акцент на обострении ситуации с миграционной преступностью. А. Бастрыкин все чаще поднимает данный вопрос, дополнительно указывая, что в официальные статистические отчеты включаются только те цифры, которые касаются уголовных дел о предварительно расследованных преступлениях (когда лица, совершившие преступления, установлены). В результате за «рамками» отчетности остаются нераскрытые преступления, к которым также могут быть причастны иностранные граждане и лица без гражданства, соответственно, «фактический уровень преступности мигрантов является значительно большим», – заключает он [19].

О том, что миграционная преступность характеризуется высокой степенью латентности, сегодня пишут многие ученые. К примеру, Н.С. Курышева отмечает, что преступлением, совершенным мигрантом-иностранцем, отражаемым в статистике, считается исключительно раскрытое преступление, по которому установлена личность преступника, притом, что нераскрытые преступления также могут быть совершены иностранными гражданами, но их учет в качестве таковых невозможен вплоть до установления конкретного преступника [20, с. 33]. К аналогичным выводам приходят И.Н. Архипцев [21, с. 26], А.Г. Корчагин [7, с. 1064] и другие специалисты.

В этом плане интерес представляет замечание, сделанное А.С. Ахмадуллиным, о неучете в официальных статистических данных о преступности международных мигрантов деяний тех лиц, которые относительно недавно приобрели гражданство РФ. По его словам, существенная доля таких «новообращенных» граждан не знает русского языка, культуры и истории, продолжает жить своими анклавами, не социализируется в российское общество, между тем, остается неизвестным, сколько человек из них совершили преступления, но не попали в статистику, поскольку иностранными гражданами (апатридами) уже не являются [22, с. 475].

Если проанализировать сведения о миграционной ситуации в России, аккумулируемые и ежегод-

но публикуемые на интернет-портале СНГ, то можно увидеть, что за последние три года гражданство РФ получили почти 2 млн иностранных граждан (735 385 чел. в 2021 г., 691 045 чел. в 2022 г., 378 534 чел. в 2023 г.) [23]. Уместно допустить, что определенная часть этих лиц могла принимать участие в совершении преступлений на территории РФ, однако, их подсчет в настоящее время невозможен.

Это обстоятельство также свидетельствует об искажении реальной картины динамики миграционной преступности в России.

Представляется, что для обоснования гипотезы о возможности различной интерпретации показателей миграционной преступности, достаточно провести сравнительное исследование всего двух источников, содержащих открытые официальные данные о привлечении к уголовной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства. Это отчеты ГИАЦ МВД России «О состоянии преступности в России» и отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ «О демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации».

Согласно отчетам МВД России за январь-декабрь 2019 – январь-июль 2024 гг. видны заметные колебания количества зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. Если с 2019 г. по 2022 г. данный показатель рос – от 34 917 преступлений (в 2019 г.) до 40 154 преступлений (в 2022 г.), то начиная с 2023 г. он стал снижаться. Всего за 2023 г. было зарегистрировано 38 936 преступлений со стороны иностранных граждан и лиц без гражданства (–3%). В отчете за I полугодие 2024 г. отражены сведения о 23 847 таких преступлениях, в сравнении с 25 074 преступлениями за тот же период 2023 г. (–4,9%) (см. рисунок 1).

Рис. 1. Число зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в 2019–2024 гг. (по данным МВД России) [8]

В то же время из отчетов Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2019–2023 гг. следует, что за исключением 2020 г., когда количество осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства сократилось на 19,3%, в последующие три года (с 2021 г. по 2023 г.) имело место

быть исключительно их увеличение (см. рисунок 2). Анализ данных, приведенных на втором графике, показывает закрепление негативной тенденции, а не положительной, о которой отчитывается МВД России.

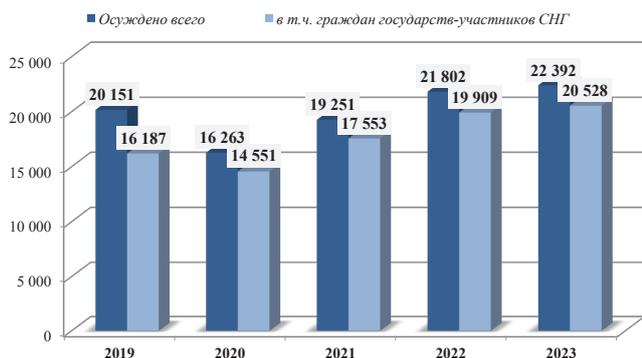

Рис. 2. Число осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства в 2019–2023 гг. (по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ) [24]

Помимо этого, следует учитывать, что характеристика миграционной преступности в России во многом зависит от того, каким содержанием конкретный исследователь наполняет само понятие «миграционная преступность». Это лишь преступления, совершенные мигрантами, или это преступления, совершенные как мигрантами, так и в их отношении, или это любые преступления, совершенные в сфере миграционных правоотношений, включая организацию и содействие незаконной миграции.

На уровне Генеральной прокуратуры России решено применять широкий подход в целях обеспечения законности в сфере миграции. Так, в соответствии с приложением к Приказу Генерального прокурора РФ от 12 апреля 2024 г. № 273, прокурорам субъектов РФ предписано передавать в Генеральную прокуратуру РФ сведения, в частности, о «профилактике правонарушений и. преступлений, совершаемых мигрантами и в отношении них»; а также об «анализе криминогенной обстановки в сфере миграции и тенденциях ее развития», включая результаты проверок по сообщениям о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также о преступлениях, связанных с нарушением миграционного законодательства». По тексту самого Приказа под последней из названных категорий преступлений понимаются «преступления, связанные с организацией незаконной миграции и фиктивной регистрацией (постановкой на миграционный учет) лиц указанной категории по месту жительства (пребывания)» (п.п. 2.3, 2.4, 2.18). В контексте вышеизложенного примечателен и п. 2.7 Приказа. В нем перед прокурорами поставлена задача «незамедлительно организовывать рассмотрение информации о правонарушениях иностранных граждан, лиц без гражданства и лиц, принятых в гражданство РФ, опубликованной в СМИ и размещенной в сети «Интернет», вызвавшей общественный резонанс» [25]. Т.е. в рассматриваемом ведомственном акте

помимо прочего подразумевается, что правонарушения, совершаемые лицами, принятыми в гражданство РФ, также способны оказывать негативное влияние на состояние законности в сфере миграции.

Вместе с тем, при реализации Приказа Генерального прокурора РФ от 12 апреля 2024 г. № 273 могут возникнуть сложности, вызванные опять же отсутствием унифицированного определения терминов «миграция», «мигрант», «миграционная преступность». Эти категории широко используются в Приказе, причем, наряду с уже устоявшимися и имеющими под собой правовую основу понятиями «иностранец» и «лицо без гражданства», но без какого-либо их разграничения.

Все описанные в настоящей статье обстоятельства подтверждают необходимость выработки единого подхода как к вопросу учета преступлений, которые должны составлять содержание миграционной преступности, так и к исследованию этого негативного социального явления. Не вызывает сомнений, что без соответствующих показателей уголовной статистики, способных отражать полную картину миграционной преступности на территории РФ, научное познание данной разновидности преступности и противодействие ей всегда будут оставаться малоэффективными.

Литература

1. Immigration by Country 2024 // World Population Review. [El. resource]. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/immigration-by-country>
2. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Противодействие преступности в сфере миграции: правообразующие тенденции // Миграционное право. 2023. № 1. С. 2–4.
3. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры // Официальный интернет-портал Президента России. 26.03.2024. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/73735>
4. Шкилев А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 31 с.
5. Каменева А.Н. Противодействие миграционной преступности: некоторые вопросы // Миграционное право. 2024. № 2. С. 16–18.
6. Насуров П.А. Криминальные последствия незаконной миграции и меры их предупреждения: по материалам Республики Таджикистан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 23 с.
7. Корчагин А.Г., Сонин В.В. Миграционная политика в решении миграционных проблем в России // Право и политика. 2010. № 6. С. 1063–1071.
8. Состояние преступности в России (архивные данные за 2019–2023 гг., январь–июль 2024 г.) // Официальный интернет-портал МВД России. [Эл. ресурс]. URL: <https://xn -- b1aew. xn -- p1ai/folder/101762>

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4916.
10. Каменева А.Н. Актуальные проблемы квалификации и направления противодействия преступлениям, совершаемым в сфере миграции // Миграционное право. 2021. № 1. С. 25–27.
11. Уторова Т.Н. Компаративный анализ уголовной ответственности за преступления в сфере миграции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 29 с.
12. Магнутов Ю.С. Общественно опасные деяния, сопряженные с нарушением миграционного законодательства, как составная часть преступности в сфере миграции: особенности юридико-технического конструирования и правовой оценки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2. С. 93 (92–96).
13. Бабич А.А. Влияние миграционных процессов на преступность и её предупреждение (по материалам Российской Федерации и Республики Казахстан): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 31 с.
14. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285; 2024. № 1 (ч. 1). Ст. 29.
15. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4964.
16. Владимир Колокольцев провел заседание Правительственной комиссии по профилактике правонарушений // Официальный интернет-портал МВД России. 01.07.2024. [Эл. ресурс]. URL: <https://xn -- b1aew.xn -- p1ai/news/item/52163311>
17. МВД назвало число высланных с начала года из страны мигрантов // РБК. 13.07.2024. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/07/2024/6692adc69a794719b81228ac?ysclid=m1gz4ru9ax234202833>
18. Председатель СК России провел оперативное совещание по итогам работы территориальных следственных органов в первом полугодии 2024 года // Официальный интернет-портал Следственного комитета РФ. 16.07.2024. [Эл. ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1900153/?type=main&dates=15.07.2024%20-%2016.07.2024>
19. Петров И. Набеги вечные: почему растет преступность среди мигрантов // Известия. 17.07.2023. [Эл. ресурс]. URL: <https://iz.ru/1543883/ivan-petrov/nabegi-vechnye-pochemu-rastet-prestupnost-sredi-migrantov?ysclid=m1gyf5orhn939087278>
20. Курышева Н.С. Проблемы предупреждения преступности мигрантов-иностранцев // Миграционное право. 2021. № 4. С. 31–36.
21. Архипцев И.Н. Уголовно-правовые и криминологические средства противодействия преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 35 с.
22. Ахмадуллин А.С. Об учете преступлений, совершенных иностранцами // Образование и право. 2023. № 11. С. 472–476.
23. Миграционная ситуация в государствах-участниках СНГ по годам: Миграционная ситуация в Российской Федерации // Интернет-портал СНГ. [Эл. ресурс]. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3717/>
24. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019–2023 годы // Официальный интернет-портал Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Эл. ресурс]. URL:
25. Приказ Генпрокуратуры России от 12.04.2024 № 273 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» // Законность. 2024. № 6.

CRIME IN THE FIELD OF MIGRATION: PROBLEMS OF TERMINOLOGY FORMATION

Stepanov A.M.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article considers the problem of developing a unified terminology that would allow taking into account and assessing the state of migration crime in Russia. Attention is drawn to the fact that the statistical information available to researchers today is fragmentary, which does not allow for proper counteraction to crimes committed by and against migrants, as well as other criminal acts related to migration.

Keywords: foreign citizen, migrant, migration, migration crime, crime in the field of migration.

References

1. Immigration by Country 2024 // World Population Review. [El. resource]. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/immigration-by-country>
2. Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Combating crime in the field of migration: law-forming trends // Migration law. 2023. No. 1. P. 2–4.
3. Expanded meeting of the board of the Prosecutor General's Office // Official Internet portal of the President of Russia. 03.26.2024. [El. resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/73735>
4. Shkilev A.V. Criminal-legal and criminological aspects: Abstract. dis. ... Cand. of Law. N. Novgorod, 2006. 31 p.
5. Kameneva A.N. Combating migration crime: some issues // Migration law. 2024. No. 2. P. 16–18.
6. Nasurov P.A. Criminal consequences of illegal migration and measures to prevent them: based on the materials of the Republic of Tajikistan: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2008. 23 p.
7. Korchagin A.G., Sonin V.V. Migration policy in solving migration problems in Russia // Law and Politics. 2010. No. 6. P. 1063–1071.
8. The state of crime in Russia (archival data for 2019–2023, January–July 2024) // Official Internet portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. [Electronic resource]. URL: <https://xn -- b1aew.xn -- p1ai/folder/101762>

9. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954; 2024. No. 33 (Part 1). Art. 4916.
10. Kameneva A.N. Actual problems of qualification and directions of counteraction to crimes committed in the sphere of migration // Migration law. 2021. No. 1. P. 25–27.
11. Utorova T.N. Comparative analysis of criminal liability for crimes in the sphere of migration: Abstract of Cand. of Law. Sciences. M., 2019. 29 p.
12. Magnutov Yu.S. Socially dangerous acts associated with violation of migration legislation as an integral part of crime in the field of migration: features of legal and technical design and legal assessment // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2. P. 93 (92–96).
13. Babich A.A. The influence of migration processes on crime and its prevention (based on materials from the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan): Abstract. dis. ... candidate of legal sciences. M., 2023. 31 p.
14. Federal Law of 18.07.2006 No. 109-FZ “On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation” (as amended on 25.12.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 30. Art. 3285; 2024. No. 1 (Part 1). Art. 29.
15. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 3; 2024. No. 33 (Part 1). Art. 4964.
16. Vladimir Kolokoltsev held a meeting of the Government Commission on Crime Prevention // Official Internet Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 01.07.2024. [Electronic resource]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/52163311>
17. The Ministry of Internal Affairs named the number of migrants expelled from the country since the beginning of the year // RBC. 13.07.2024. [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/07/2024/6692adc69a794719b81228ac?ysclid=m1gz4ru9ax234202833>
18. The Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation held an operational meeting on the results of the work of territorial investigative bodies in the first half of 2024 // Official Internet portal of the Investigative Committee of the Russian Federation. 16.07.2024. [Electronic resource]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1900153/?type=main&dates=15.07.2024%20-%2016.07.2024>
19. Petrov I. Eternal raids: why crime among migrants is growing // Izvestia. 17.07.2023. [Electronic resource]. URL: <https://iz.ru/1543883/ivan-petrov/nabegi-vechnye-pochemu-rastet-prestupnost-sredi-migrantov?ysclid=m1gyf5orhn939087278>
20. Kuryшева N.S. Problems of preventing crime of foreign migrants // Migration law. 2021. No. 4. P. 31–36.
21. Arkhitektsev I.N. Criminal-legal and criminological means of combating crime of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation: Abstract of Author's diss. ... Cand. of Law. Sciences. Krasnodar, 2013. 35 p.
22. Akhmadullin A.S. On the registration of crimes committed by foreigners // Education and Law. 2023. No. 11. P. 472–476.
23. Migration situation in the CIS member states by year: Migration situation in the Russian Federation // CIS Internet portal. [Electronic resource]. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3717/>
24. Consolidated statistical information on the state of criminal records in Russia for 2019–2023 // Official Internet portal of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL:
25. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 12.04.2024 No. 273 “On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws in the field of migration” // Legality. 2024. No. 6.

Визуализация аналитического содержания доказательственной информации в уголовном судопроизводстве

Холопов Алексей Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: alekseiholopov@yandex.ru,

Статья посвящена вопросам исследования профессиональными и непрофессиональными (присяжными) субъектами уголовного судопроизводства доказательственной информации, представляющей собой большие массивы разнородных данных, полученных, например, в результате проведения компьютерно-технических экспертиз. В статье приводятся обоснования необходимости применения метода визуализации данных в виде графических схем, наглядно отображающих аналитическое содержание доказательственной информации. Автором описывается реализация метода визуализации данных с помощью программно-технических средств, используемых в уголовном судопроизводстве.

Автор приходит к выводу, что визуализация аналитического содержания больших массивов доказательственной информации является одной из составных частей информационно-аналитической деятельности профессиональных субъектов уголовного судопроизводства, направленной на обеспечение познания преступления как на досудебных, так и судебных стадиях рассмотрения уголовных дел.

Ключевые слова: визуализация данных; аналитическое содержание; графические схемы; информационно-аналитическая экспертиза; познание преступления; уголовное судопроизводство.

В процессе досудебного и судебного рассмотрения уголовных дел может быть получена информация, которая может быть раскрыта и исследована только с помощью метода визуализации. Аналитическое содержание этой информации может быть доступно для изучения только при использовании метода визуализации данных, таких как графики, диаграммы, схемы, гистограммы, картограммы и т.д.

Именно создание наглядного, зрительно воспринимаемого образа, такого как графическая схема, позволяет субъекту познания воспринять, изучить и оценить содержание представленной доказательственной информации.

Исследуя особенности наглядного представления доказательственной информации и особенности познания преступления в судебных разбирательствах с участием присяжных заседателей, мы считаем необходимым рассмотреть некоторые теоретические положения, связанные с понятием «визуализация данных».

Термин «визуализация» можно считать синонимом наглядности, поскольку в английском языке слова «visuality, visibility, visual» означают наглядность.

Визуализация представляет собой «способ графического представления смысла, изложение события невербальным способом. Визуальный контент быстрее попадает в сознание реципиента, запоминается, вызывает определенные ассоциации, стойкие стереотипы» [16].

С позиции педагогики визуализация следует понимать как «способ получения и обобщения знаний на основе зрительного образа понятия, события, процесса, явления, факта и т.п., основанный на ассоциативном мышлении и системном структурировании информации в наглядной форме» [5].

Если говорить о визуализации с технологической точки зрения, то «речь идет о визуальном представлении результатов научных исследований с помощью средств компьютерной графики. Научная визуализация переводит результаты научных исследований, выраженные в численной форме, в видимые, наглядные образы. (...) Главная цель – увидеть то, что раньше нельзя было увидеть. Иначе говоря, увидеть невидимое» [3].

По сути, визуализацию данных, можно непосредственно рассматривать как один из методов анализа информации, основанный на реализации принципа наглядности. Как отмечает Т. Манцнер, с психологической точки зрения, «визуализация дает возможность перенести часть нагрузки, которую получают познавательные процессы и па-

мать, на систему восприятия, используя грамотно спроектированные изображения как форму внешних представлений» [8, с. 28–29]. В этом смысле, визуализацию данных, следует рассматривать как, своего рода, психологический прием в применении метода анализа, позволяющий организовать и ускорить восприятие больших массивов информации субъектом познания.

В случае отсутствия визуализации данных, их содержание и смысл становятся крайне затруднительными, а в некоторых случаях и вовсе невозможными для восприятия, исследования и оценки как профессиональными субъектами уголовного судопроизводства (следователи, прокуроры, эксперты, судьи и защитники), обладающими юридическим образованием и опытом в области криминологии, уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, так и непрофессиональными участниками, т.е. присяжные заседатели.

В данном случае необходимо различать способность субъектов познания к осуществлению так называемой внешней и внутренней визуализации. Например, внешнюю визуализацию следует рассматривать как деятельность субъекта познания по созданию и представлению (демонстрации) зрительно воспринимаемых наглядных образов с помощью различных научно-технических средств и методов. Внутренняя визуализация, прежде всего, связана с психологическими процессами, происходящими в сознании субъекта познания по формированию мысленного наглядного образа (мысленной модели) на основе воспринятой информации.

Профессиональные участники уголовного судопроизводства, обладающие знаниями в области криминалистики, способны осуществлять внутреннюю визуализацию, то есть формировать мысленную модель события преступления на основе изученных материалов уголовного дела.

Присяжным заседателям, напротив, доказательственную информацию необходимо представлять в максимально наглядном виде, поскольку их способность к внутренней визуализации снижена из-за отсутствия специального образования и соответствующих знаний и навыков в области уголовного судопроизводства.

«Это коренное свойство суда присяжных», как писал, выдающийся русский юрист Анатолий Федорович Кони, которое выражается в том, что «присяжные заседатели решают дела, по внутреннему убеждению, которое складывается свободно и независимо, согласно с тем, что они видят и слышат на суде. (...) Оно слагается под влиянием внутренней переработки той массы разнородных впечатлений, которые производит на них разбирательство дела» [7, с. 212].

В юриспруденции, визуализацию данных можно рассматривать как графический язык в праве, о котором В.Б. Исаков пишет, что «визуализация в аналитике – это представление аналитического содержания в наглядной, образной форме. Являясь вспомогательным по отношению к тексту

средством раскрытия информации, визуализация позволяет выделить главные, системообразующие идеи, показать актуальность интеллектуальной разработки, максимально полно донести информацию до слушателей» [6]. Далее, В.Б. Исаков рассматривает разновидности схематического отображения информации, например, ассоциативные схемы (интеллектуальные карты), структурно-логические схемы, объектно-онтологические схемы, организационно-технические схемы, методологические схемы.

В целом, приведенные выше разновидности схем, также можно назвать аналитическими схемами (а в некоторых случаях аналитическими моделями), позволяющими для удобства субъекта познания при исследовании какого-либо объекта графически визуализировать его элементы, структуру, иерархию, систему взаимосвязей, причинно-следственные связи, классификации, хронологию развития и т.д.

Графическое представление аналитических данных, также следует рассматривать как способ систематизации и организации результатов исследования больших массивов информации с последующим созданием наглядных форм отображения.

Систематизация представляет собой «мыслительную деятельность, в процессе которой изучаемые объекты организуются в определенную систему на основе выбранного принципа» [11], а также «деятельность, заключающаяся в научно-обоснованной классификации и ранжировании совокупности конкретных объектов. [ГОСТ 1.1-2002]» [14].

Исходя из особенностей процессов познания преступления присяжными как непрофессиональными субъектами уголовного судопроизводства Р.А. Мухаметжанова отмечает, что «присяжным заседателям доказательства должны представляться в системе. Во взаимосвязи, в заранее определенной последовательности» [10, с. 80].

Однако в судебных разбирательствах может возникнуть ситуация, когда без использования метода визуализации данных доказательственная информация, может быть, не воспринята и не познана как профессиональными, так и непрофессиональными субъектами уголовного судопроизводства.

Преимущественно такая информация представляет собой большие массивы данных, полученных в ходе предварительного следствия, которые могут быть систематизированы и организованы в виде списков, перечней, классификаций, таблиц и т.д. Восприятие и познание причинно-следственных связей и закономерностей в больших массивах данных в силу их сложности и количества может быть затруднено, а в некоторых случаях невозможно. Именно в этом случае необходимо применение метода визуализации данных для представления в наглядной, т.е. зрительно воспринимаемой форме, отражающей аналитическое содержание доказательственной информации, позволяющей её

исследовать профессиональным и непрофессиональным субъектам уголовного судопроизводства.

Приведем лишь некоторые примеры использования в уголовном судопроизводстве доказательственной информации аналитического характера в виде большого массива данных, в которых, на наш взгляд, наиболее целесообразно применение метода визуализации данных:

1. Массивы данных, предоставленная оператором сотовой связи, в виде детализированной распечатки (выписки в цифровом виде) исходящих и входящих телефонных звонков абонента за определенный период времени с указанием географических координат (биллинг телефонных соединений абонента).

Необходима визуализация данных в виде: графических схем (графов) соединений, отражающих количество и частоту соединений между интересующими следствием абонентами, схема круга общения абонента, схема отображения на карте местности точек телефонных соединений абонента, анимация маршрута движения абонента на карте местности и т.д.;

2. Массивы данных, полученные в результате проведения компьютерно-технических экспертиз в виде детализированной распечатки (выписки в цифровом виде) деятельности лица в файловых системах, а также деятельности в локальных сетях и сети интернет, социальных сетях и т.д.

Необходима визуализация данных в виде графических схем (графов), отображающих за интересующий период времени действия с файлами или массивами файлов, графическая визуализация деятельности в сети интернет, например, построение так называемого социального графа пользователей в социальных сетях «ВКонтакте» или «Телеграмм» и т.д.

3. Массивы данных, полученные в результате проведения экспертных исследований экономической и бухгалтерской деятельности организации в виде детализированной распечатки (выписки в цифровом виде) финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц.

Необходима графическая визуализация данных (схемы, графики, диаграммы), отображающая за интересующий период времени финансово-хозяйствующую деятельность юридического лица, например, графическая схема движения денежных средств между юридическими лицами, схема документооборота предприятия и т.д.

В приведенных примерах метод визуализации данных делает аналитическое содержание доказательственной информации доступными для восприятия. При этом такую наглядную форму представления возможно рассматривать как своего рода графический метод анализа, непосредственно позволяющий субъектам познания преступления аналитически исследовать доказательственную информацию.

Рассмотрим некоторые программно-технические средства реализации метода визуализации

данных, которые могут быть использованы на досудебных и судебных стадиях для создания наглядных зрительно воспринимаемых изображений в виде графических схем различного уровня сложности, отображающих аналитическое содержание доказательственной информации.

Одной из наиболее распространенных технологий визуализации данных в виде различных аналитических схем являются компьютерные программы для создания так называемых интеллектуальных и концептуальных карт (Microsoft Visio, Edraw Mindmap, Xmind, Freeplane и др.). Метод интеллектуальных карт (англ. mind map; другие названия – интеллект-карты, диаграмма связей, ментальная карта, ассоциативная карта, схема мышления, карты мышления, картирование мышления) представляет собой «инструмент, позволяющий эффективно структурировать и обрабатывать информацию... (...) инструмент для решения таких задач, как проведение презентаций, принятие решений, планирование своего времени, запоминание больших объемов информации, проведение мозговых штурмов, самоанализ, разработка сложных проектов» [12].

Данный метод основан на том, что «информация представлена в виде импровизированного радиуса, в центре которого располагается некий ключевой образ, далее идут «лучи» следующей по важности информации. (...) Мышление в момент использования ментальных карт резко активизируется. Центральное звено и его ветви составляют иерархически, картинки в мозгу воссоздают ассоциативный ряд, пространственно-образное мышление» [2].

Другим похожим методом графического наглядного представления аналитической информации является концепт-карты (concept-mapping, др. названия – карта концептов или диаграмма концептов), т.е. «представление концепций в графическом виде, картирование концепций» [15].

Основное отличие метода концепт-карт от интеллект-карт заключается в том, что они не ограничиваются в организации и визуализации информации в виде древовидных структур (структур графа).

Методы интеллект-карт и концепт-карт, можно рассматривать как наглядную реализацию процесса аналитического системного мышления в виде, как правило, создания графических схем различного типа, с помощью которых осуществляется структурирование (систематизация и организация) информации.

Отметим, что в отечественной судебной практике подобные методы наглядного представления аналитических данных, практически не применяются.

Напротив, имеются примеры зарубежного опыта, о котором Эйприл Тэннер и Дэвид Дэмпиер пишут, что «концептуальные карты полезны на этапе анализа, потому что они могут быть использованы для создания хронологии событий из показаний свидетелей и их сопоставление с другими дока-

зательствами. Кроме того, концептуальные карты помогают прояснить, как доказательные элементы связаны друг с другом. Все доказательства могут быть размещенными в одном месте и их визуальное изображение (фотографии) доступными через гиперссылки. (...) Следователь сможет показать суду, какие именно задачи были выполнены для получения доказательств, какие доказательства были найдены, и приняты меры для обеспечения их подлинности» [1].

Заметим, что в России существуют предложения по использованию интеллектуальных карт в процессе доказывания. Так, В.А. Мещеряков отмечает, что «использование подобных интеллектуальных карт будет очень эффективно при оценке обоснованности предъявленного обвинения на судебной стадии уголовного преследования. Изучив материалы уголовного дела, можно достаточно быстро «разметить» типовую интеллектуальную карту для соответствующей статьи УК фактическими данными, добытыми на предварительном следствии, отражая процессуальные формы закрепления соответствующих доказательств» [9, с. 367].

Кроме этого, государственным обвинителем в судебных разбирательствах, в особенности с участием присяжных, с помощью интеллектуальных карт и концепт-карт, может быть наглядно представлена следующая доказательственная информация в виде графических аналитических карт-схем, например, карта-схема, отображающая систему прямых и косвенных доказательств по уголовному делу, карта-схема устройства организации преступного сообщества, карта-схема события преступления.

Конечно же, следует отметить некоторые проблемы в применении данного метода визуализации данных в деятельности государственного обвинителя, например, отсутствие соответствующих теоретических знаний и практических навыков в создании подобных аналитических схем, нехватка рабочего времени, судебское ограничение (запрет) на наглядное представление доказательственной информации в судебных разбирательствах с участием присяжных.

По нашему мнению, один из вариантов решения указанных проблем видится в привлечении как на досудебных, так судебных стадиях, соответствующего специалиста для визуализации данных с последующим процессуальным оформлением его деятельности в виде заключения специалиста (ст. 74 УПК РФ).

Полагаем, что с процессуальной точки зрения, наиболее приоритетным вариантом на всех стадиях уголовного судопроизводства, является использование метода визуализации данных, при производстве экспертиз, применяемый как один из способов наглядного (иллюстративного) представления результатов экспертного исследования.

Полагаем, что метод визуализации данных целесообразно применять, именно в рамках экспертных исследований, результаты которых дают возможность наглядного представления доказательственной информации аналитического характера.

Это также связано с тем, что в ходе расследования преступлений, как указывалось ранее, могут быть получены большие массивы разнородных данных (например, о деятельности преступника в сети Интернет), для обработки которых необходимо использовать специальное программное обеспечение, позволяющее автоматизировать процессы систематизации, анализа и визуализации доказательственной информации в максимально удобной для восприятия наглядной форме.

В этой связи, следующим средством исследования доказательственной информации в виде больших массивов данных с визуализацией их аналитического содержания, является информационно-аналитическая экспертиза, проводимая в экспертно-криминалистических подразделениях Следственного комитета Российской Федерации.

Информационно-аналитическая экспертиза ориентирована на проведение анализа больших массивов данных с визуализацией результатов с помощью такого специального программного обеспечения (далее – СПО) как «Следопыт», «Октопус», «Зверобой».

Так, СПО «Следопыт», прежде всего, ориентировано «на проведение анализа биллинговой информации, на основе исследования которой возможно получить полную и наглядную картину о передвижении и поведении исследуемого объекта (лица или группы лиц) вне зависимости от размытости на временном отрезке и природы входных данных» [13].

Следует отметить, что помимо указанного СПО, при производстве компьютерно-технических экспертиз, могут быть использованы компьютерные программы отечественной разработки, также обладающие аналитическим функционалом в визуализации данных, например, компьютерная программа «Аналитический Центр Криминалист», входящая в состав СПО «Мобильный Криминалист», компьютерная поисковая система «Сeus», программно-аппаратный комплекс «Сегмент».

Эксперт в области информационно-аналитической экспертизы М.А. Гудкова к возможным результатам проведения такого экспертного исследования относит: «обнаружение общих признаков у ряда преступлений; выявление общих групповых признаков у исполнителей для обобщения серий и исключения случаев, не относящихся к серии преступлений; определение возможного состава соучастников преступления, их информационных связей; выявление информации о событиях и их участниках, скрытых от следствия; помощь в идентификации объекта исследования (например, криминальной сети), понимании природы его деятельности, определении последовательности событий, связанных с этой деятельностью (например, выявление схемы финансовых транзакций для вывода украденных денежных средств за рубеж и т.п.), а также помощь в оценке роли и места каждого события; определение маршрутов передвижения участников преступления; подтвержде-

ние или опровержение показаний участников или свидетелей преступления об их действиях, местонахождениях и передвижениях» [4, с. 156–157].

Представление результатов информационно-аналитического экспертного исследования в формате, соответствующем решаемой задаче, может быть реализовано в виде: «иллюстрационных таблиц с изображениями графов связей абонентов; приложений с графическими изображениями участков местности с нанесенными маршрутами и направлениями перемещения устройств между зонами приема сигнала базовых станций; сведений о направлениях перемещения устройств между зонами приема сигнала базовых станций, зафиксированные в виде видеозаписи рабочего окна специализированного программного обеспечения, используемого для построения графической модели перемещения устройства на местности в интерактивном режиме; приложений, содержащие данные в табличном виде» [4, с. 159].

Следует отметить, что указанные выше возможности информационно-аналитической экспертизы в области исследования больших массивов данных также могут быть эффективно применены для обработки результатов компьютерно-технических, бухгалтерских и финансово-экономических исследований.

Таким образом, визуализацию данных, представляющую собой наглядное отображение аналитического содержания больших массивов доказательственной информации в форме графических схем различного уровня сложности, следует рассматривать как информационно-аналитическую деятельность профессиональных субъектов уголовного судопроизводства. Такая деятельность направлена на создание модели события преступления, с помощью которой профессиональными субъектами осуществляется познание преступления «для себя», и тем самым, обеспечивается его познание «для других», т.е. для не профессиональных субъектов уголовного судопроизводства – прижизненных заседателей.

В завершение данной статьи, подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что в сфере юридического образования назрела насущная потребность в разработке учебного курса, который бы способствовал формированию у будущих юристов глубоких теоретических знаний и практических навыков в области информационно-аналитической деятельности, в частности, в контексте уголовного судопроизводства.

Литература

1. April Tanner, David Dampier. Concept mapping for digital forensic investigations. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/221352807_Concept_Mapping_for_Digital_Forensic_Investigations (дата обращения: 30.09.2024).
2. Ахмедова Э.М. Актуальные аспекты использования технологии интеллект-карт (mind-map) в педагогическом процессе // МНКО. 2020. № 2 (81). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-aspekty-ispolzovaniya-tehnologii-intellekt-kart-mind-map-v-pedagogicheskom-protse> (дата обращения: 30.09.2024).
3. Бондарев А. Е., Галактионов В.А. Анализ развития концепций и методов визуального представления данных в задачах вычислительной физики // Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша Российской академии наук: сайт. URL: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2009-53> (дата обращения: 30.09.2024).
4. Гудкова, М.А. Актуальные вопросы информационно-аналитических исследований / М.А. Гудкова // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 3(21). С. 155–160.
5. Иоффе А.Н. Визуализация в истории и обществознании – способы и подходы // Преподавание истории в школе, 2012. № 10. С. 3–6.
6. Исаков В.Б. Графический язык в праве // Юрилингвистика. 2020. № 17 (28). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/graficheskiy-yazyk-v-prave> (дата обращения: 30.09.2024).
7. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. / А.Ф. Кони; ред. В.Г. Базанов. Москва: Юридическая Литература. 1966–1969. Т. 4 / сост., коммент. М.М. Выдря; авт. предисл. И.Д. Перлов, 1967. 543 с.
8. Манцнер, Т. Визуализация данных: полный курс для начинающих специалистов / Тамара Манцнер; [перевод с английского М.А. Райтман]. Москва: Эксмо, 2023. 464 с.
9. Мещеряков В.А. Визуализация процесса доказывания на основе электронных интеллектуальных карт // Вестник Воронежского государственного университета. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2013. № 2 (15). С. 363–367.
10. Мухаметжанова Р.А. Особенности участия государственного обвинителя в судебном следствии в присутствии присяжных заседателей // Следственная практика: науч.-практ. сб. / гл. ред. А.Ф. Козусев. М., 2012. Вып. 187. С. 78–93.
11. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР. Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. 2009. [Электронный ресурс] URL: https://methodological_terms.academic.ru/1815 (дата обращения: 30.09.2024).
12. О Интеллект-картах. [сайт] URL: <http://www.mind-map.ru/> (дата обращения: 30.09.2024).
13. Семейство программных продуктов «Следопыт» // URL: <https://baltinfocom.ru> (дата обращения: 30.09.2024).
14. Справочник технического переводчика. Интент. 2009–2013. [Электронный ресурс] URL: https://technical_translator_dictionary.academic.ru/229761 (дата обращения: 30.09.2024).

15. Универсальный англо-русский словарь. Академик.ру. 2011. [Электронный ресурс] URL: https://universal_en_ru.academic.ru/754888/concept-mapping (дата обращения: 30.09.2024).
16. Шевченко В.Э. Визуальный контент как тенденция современной журналистики // “Медиа-скоп”. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. Ломоносова. Вып. № 4 М. МГУ. 2014. URL: <http://www.mediascope.ru/issues/524> (дата обращения: 30.09.2024).

VISUALIZATION OF THE ANALYTICAL CONTENT OF EVIDENTIAL INFORMATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kholopov Alexey Vasilievich,

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor of the Russian Federation

The article is devoted to the issues of research by professional and non-professional (jurors) subjects of criminal proceedings of evidentiary information, which is large arrays of heterogeneous data obtained, for example, as a result of computer-technical examinations. The article provides justification for the need to apply the method of data visualization in the form of graphic diagrams that clearly display the analytical content of evidentiary information. The author describes the implementation of the data visualization method using software and hardware used in criminal proceedings.

The author comes to the conclusion that visualization of the analytical content of large arrays of evidentiary information is one of the components of the information and analytical activities of professional subjects of criminal proceedings, aimed at ensuring knowledge of the crime both at the pre-trial and judicial stages of consideration of criminal cases.

Keywords: data visualization; analytical content; graphic diagrams; information-analytical examination; knowledge of crime; criminal proceedings.

References

1. April Tanner, David Dampier. Concept mapping for digital forensic investigations. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/221352807_Concept_Mapping_for_Digital_Forensic_Investigations (дата обращения: 30.09.2024).
2. Akhmedova E.M. Actual aspects of using mind-map technology in the pedagogical process // MNKO. 2020. No. 2 (81). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-aspekty-ispolzovaniya-tehnologii-intellekt-kart-mind-map-v-pedagogicheskom-protseesse> (date of access: 09/30/2024).
3. Bondarev A. E., Galaktionov V.A. Analysis of the development of concepts and methods of visual representation of data in problems of computational physics // Keldysh Institute of Applied Mathematics of the Russian Academy of Sciences: website. URL: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2009-53> (date accessed: 30.09.2024).
4. Gudkova, M.A. Actual issues of information and analytical research / M.A. Gudkova // Investigation of crimes: problems and solutions. 2018. No. 3 (21). P. 155–160.
5. Ioffe A.N. Visualization in history and social science – methods and approaches // Teaching history at school, 2012. No. 10. P. 3–6.
6. Isakov V.B. Graphic language in law // Jurislinguistics. 2020. No. 17 (28). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/graficheskiy-yazyk-v-prave> (date accessed: 30.09.2024).
7. Koni A.F. Collected Works: in 8 volumes / A.F. Koni; ed. V.G. Bazanov. Moscow: Legal Literature. 1966–1969. Vol. 4 / compiled, commented by M.M. Vydrya; author’s foreword I.D. Perlov, 1967. 543 p.
8. Manzner, T. Data Visualization: a complete course for beginners / Tamara Manzner; [translated from English by M.A. Reitman]. Moscow: Eksmo, 2023. 464 p.
9. Meshcheryakov V.A. Visualization of the process of proof based on electronic smart cards // Bulletin of the Voronezh State University. Voronezh: Voronezh. University Publishing House, 2013. No. 2 (15). Pp. 363–367.
10. Mukhametzhanova R.A. Features of the participation of the public prosecutor in the trial in the presence of jurors // Investigative practice: research and practical collection / ed.-in-chief A.F. Kozusev. Moscow, 2012. Issue 187. Pp. 78–93.
11. New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching). – Moscow: IKAR Publishing House. E.G. Azimov, A.N. Shchukin. 2009. [Electronic resource] URL: https://methodological_terms.academic.ru/1815 (date of access: 30.09.2024).
12. About Mind Maps. [website] URL: <http://www.mind-map.ru/> (date of access: 30.09.2024).
13. The Pathfinder software family // URL: <https://baltinfocom.ru> (date of access: 30.09.2024).
14. Technical Translator’s Handbook. Intent. 2009–2013. [Electronic resource] URL: https://technical_translator_dictionary.academic.ru/229761 (date of access: 30.09.2024).
15. Universal English-Russian Dictionary. Academician.ru. 2011. [Electronic resource] URL: https://universal_en_ru.academic.ru/754888/concept-mapping (date of access: 30.09.2024).
16. Shevchenko V.E. Visual content as a trend in modern journalism // “Mediascope”. Electronic scientific journal of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University. Issue No. 4 М. MSU. 2014. URL: <http://www.mediascope.ru/issues/524> (date of access: 30.09.2024).

Мясников Дмитрий Валентинович,

студент магистратуры, Государственный университет
управления

E-mail: eto-on@bk.ru

В статье автором рассмотрены правовые основы статуса иностранных трудящихся в РФ в контексте поправок в законодательстве. Правовое регулирование вопросов занятости мигрантов в России трудящихся-иностранцев определяется международными соглашениями между странами СНГ и ЕВРАЗЭС. Основной акцент исследователь изучает проблемы получения права иностранцев вступать в трудовые отношения в соответствии с российским законодательством. Автор основное внимание уделяет поправкам в международных правовых актах, регламентирующих условия и особый порядок трудоустройства иностранных трудящихся. Выделение основных признаков правового статуса иностранного трудящегося позволило автору определить позицию законодателя РФ к трудовому статусу таких лиц. С опорой на изменения в трудовом законодательстве эксперт подчеркивает порядок трудоустройства иностранных рабочих из стран СНГ. Теоретически автор исследует вопросы регулирования правоотношений между иностранными рабочими с учетом их статуса иностранного лица в современных условиях в России, перенося акцент на изменение их правового статуса. В своем исследовании автор указывает инструменты заключения и расторжения трудового договора с иностранцем, на основе чего предложен меры по улучшению инструментария регулирования трудовой деятельности иностранцев в РФ.

Ключевые слова: трудовые отношения, иностранный трудящийся, миграционный поток, трудовая миграция, правовое регулирование иностранных трудящихся в РФ.

Введение

Современная ситуация в мировом сообществе развивается в условиях массовой миграции миллионов людей в поисках работы. Большие потоки мигрантов трудоспособного населения во многом обуславливают важность правового регулирования правового статуса иностранных рабочих. Это касается вопросов регулирования аспектов трудоустройства, условий труда по международным соглашениям. Вопросы регулирования правоотношений между иностранными рабочими с учетом статуса иностранного лица в современных условиях приводят к внесению многочисленных поправок в трудовое законодательство, регулирующее порядок трудоустройства мигрантов из стран СНГ, а также их правовой статус.

Методология исследования

В современном мире в условиях глобализации усиливаются тенденции миграции рабочих во всем мире. Максимальное такое движение прослеживается в странах ЕС и РФ, в которых сегодня формируются различные барьеры для создания единого социально-экономического пространства. Современные тенденции глобализации и интеграции указывают на различия в развитии правовых инструментов защиты прав трудящихся из разных стран мира. Сегодня многие компании привлекают специалистов из разных стран мира, а соответственно, многие работодатели и компании заинтересованы в создании единого правового режима доступа иностранцев к трудовым отношениям [6, с.356]. Во многих странах мира сформирован особый государственный режим, определяющий перечень прав и обязанностей, закрепленных за иностранцами наравне с гражданами страны. Как показывает практика, этот вопрос предполагает наличие ограничений для иностранцев в отдельных отраслях экономики. Действительно, юридический статус иностранцев в сфере трудовых правоотношений различный. Это во многом обуславливает важность юридического регулирования положения иностранных трудящихся.

Эксперты отмечают, что юридический статус субъекта трудовых отношений в науке рассматривается в качестве собирательного понятия, которое включает в себя правосубъектность, совокупность трудовых прав, обязанностей и гарантий, и обязанностей исполнения обязанностей. В концепции правоведов А.Н. Мирошника указывается, что правоспособность и дееспособность физического лица – наемного рабочего возникает одновременно, что позволяет разграничить с данным понятием в отношении физлица. Эксперт отмеча-

ет, что иностранное лицо может выступать в качестве субъекта трудовых правоотношений по достижении совершеннолетия. В основном закон РФ законодатель в ст. 62 указывает на равенство прав и обязанностей с гражданами РФ. В ГК РФ законодатель в ст. ст. 1196, указывает на аналогичное равенство россиян и иностранцами в вопросах. Таким образом, в отношении иностранцев в РФ устанавливается государственно-национальный режим с определенными изъятиями. Это позволяет сделать вывод о том, что Конституция указывает на равенство иностранцев и граждан РФ в праве на труд, что находит подтверждение в ст. 37 Основного закона страны, а именно право свободно распоряжаться способностями к труду; право выбирать профессию и т.д. [1]. В данном случае законодатель регламентирует и гарантирует данное право.

Вопросы юридического статуса *иностранного гражданина в РФ отражены в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», в ст. 4 которого законодатель характеризует принцип предоставления такому лицу прав, что не противоречит законодательству страны. Важно отметить, что законодатель выступает в качестве гаранта реализации совокупности прав в области трудоустройства, которые непосредственно отражены в Конституции РФ. К ним следует отнести право свободно распоряжаться своими способностями к труду; выбирать профессию.* По мнению экспертов ст. 37 Конституции РФ напрямую указывает на важность соблюдения данных прав. Помимо этого ст. 13 ФЗ № 115 указывает, что лица, которые временно находятся и проживают в РФ правомочны заниматься трудовой деятельностью в РФ в соответствии с выданным патентом и законодательством. Наряду с этим эксперты указывают на возможность ограничения данных прав при выполнении лицом деятельности на основании соответствующей квалификации и профессии. При этом это положение не идет вразрез с основными принципами, тем самым, не нарушая права на труд и выбора деятельности. При этом прослеживается разница между правами на труд россиян и иностранцев, так как иностранные лица могут осуществлять трудовую деятельность в соответствии с миграционным учетом.

Правовое положение иностранцев существенно определяется статусом мигранта, вынужденного переселенца или иностранного военнослужащего или студента. Например, вынужденный переселенец – это беженцы, получившие временное убежище в РФ. [4, с. 161]. Как правило, данная категория лиц незащищены. Законодатель в этом случае в ст. 8 ФЗ «О беженцах» указывает право на труд по найму или предпринимательство наравне с гражданами РФ. Это означает, что в данной категории лиц применимы общие правила о положении иностранных работников. При этом срок их пребывания в РФ определена и ограничена периодом действия свидетельства о получении убежи-

ща. Важно подчеркнуть, что экономические мигранты, прибывшие в поисках работы в РФ представлены физическими лицами, иностранными гражданами и лицами без гражданства могут осуществлять деятельность в РФ. На основании данного критерия будут отличаться статусы иностранных граждан. При этом их правовой статус имеет свои особенности. Как правило, если трудовой мигрант прибыл из стран с безвизовым режимом, то его деятельность может регламентироваться нормами Договора о ЕАЭС. Так, в ст. 97 данного соглашения указывается, что трудовая деятельность данной категории лиц определяется нормами международного права и национального законодательства[3, с. 15–16] Также следует выделить ряд особенностей таких трудящихся в РФ: период временного пребывания трудящегося определяется действием самого соглашения; при этом следует отметить, если трудовой договор досрочно расторгается до истечения 90 суток с момента въезда в РФ, то иностранный трудящийся правомочен в течение 15 суток заключить новый трудовой договор или договор ГПХ, без обязанности выезда из страны в рассматриваемый период; трудящиеся освобождаются от обязательной регистрации в течение месяца 30 суток с даты въезда; если период пребывания в РФ не превышает 30 суток с даты въезда, трудящийся освобождается от обязательства применять миграционную карту.

Заключение

Таким образом, правовой статус иностранцев трудящихся в РФ существенно отличается. Например, для граждан стран СНГ имеются преимущества в сравнении с другими странами. В российском праве созданы условия по применению национального режима трудоустройства таких граждан с указанием определенных ограничений. Сегодня законодатель вводит ограничения для иностранцев в сфере трудоустройства, а именно: быть на госслужбе; замещать должности в составе экипажа судна под гос.флагом РФ; быть командиром военного или воздушного судна; быть членом экипажа военного корабля РФ; занимать должность в структурах, связанных с обеспечением безопасности РФ. При этом трудовая правосубъектность иностранца в сфере трудоустройства включает помимо трудовых прав, но и обязанностей. При этом совокупность трудовых обязанностей иностранных работников, работающих по ТК РФ аналогичны трудовым обязанностям граждан РФ. Законодатель в нем относит: добросовестное исполнение обязанностей в соответствии с ТК РФ; соблюдение правил внутреннего трудового распорядка; информирование о возникновении ситуаций, которые представляют угрозу для жизни. Законодатель указывает на наступление ответственности в случае нарушения законодательства государства, в результате чего может быть аннулирован патент на труд в соответствии со ст. ст. 32 ТК РФ. Безусловно, положения о трудовой правосубъектности иностранного работника не находит

отражения в российском праве. Для иностранных работников установлены правила трудоустройства в соответствии с российским законодательством, однако, определенные правовые ограничения заниматься трудовой деятельностью определены международными соглашениями. Например, невозможно иностранному лицу законно заниматься трудом в РФ, не достигнув 18 лет, тогда как граждане России получают данное право в 16 лет. При этом правовой статус иностранного работника сегодня регулируется отдельными положениями. Как указывают эксперты до введения Главы 50.1 ТК РФ актуальным остается вопрос систематизации законодательства о статусе иностранных работников. В тоже время сегодня необходимо пересмотреть положения о правах и свободах иностранных работников.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 14.04.2021).
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.04.2021).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.04.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 14.04.2021).
4. ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (дата обращения: 14.04.2021).
5. Иванчак А. Правовой статус иностранного гражданина в сфере труда: понятие и структура // Право и управление. XXI век.-2012.-1. –С. 47–54.
6. Иванчак А.И. Трудовой договор с иностранным гражданином: новации российского законодательства // Московский журнал международного права.-2015.-№ 3. – С. 161–176.
7. Майстренко Г.А. Правовой статус иностранных граждан в сфере трудовых отношений: россий-

ский опыт//Образование и право.- 2021.-№ 5.- С. 356–361.

LEGAL STATUS OF FOREIGN WORKERS IN RUSSIAN LEGISLATION

Myasnikov D.V.

State University of Management

In the article, the author examines the legal basis for the status of foreign workers in the Russian Federation in the context of amendments to the legislation. Legal regulation of employment of migrants in Russia, foreign workers, is determined by international agreements between the CIS countries and the Eurasian Economic Community. The researcher focuses on the problems of obtaining the right of foreigners to enter into labor relations in accordance with Russian legislation. The author pays special attention to amendments to international legal acts regulating the conditions and special procedure for the employment of foreign workers. Highlighting the main features of the legal status of a foreign worker allowed the author to determine the position of the Russian legislator to the labor status of such persons. Based on changes in labor legislation, the expert emphasizes the procedure for the employment of foreign workers from the CIS countries. Theoretically, the author examines the issues of regulating legal relations between foreign workers, taking into account their status as a foreigner in modern conditions in Russia, shifting the emphasis to changing their legal status. In his study, the author indicates the tools for concluding and terminating an employment contract with a foreigner, on the basis of which measures are proposed to improve the tools for legal regulation of the activities of foreigners in the Russian Federation.

Keywords: labor relations, foreign worker, migration flow, labor migration, legal regulation of foreign workers in the Russian Federation.

References

1. Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on 29.05.2014) (as amended on 01.10.2019) [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed on 14.04.2021).
2. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended on 01.07.2020) [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed on 14.04.2021).
3. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 30.04.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 01.05.2021) [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (accessed on 14.04.2021).
4. Federal Law "On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation" dated 18.07.2006 No. 109-FZ (last ed.) [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (accessed on 14.04.2021).
5. Ivanchak A. Legal status of a foreign citizen in the sphere of labor: concept and structure // Law and management. XXI century.-2012.-1. –P. 47–54.
6. Ivanchak A.I. Employment contract with a foreign citizen: innovations in Russian legislation // Moscow journal of international law.-2015.-№ 3. – P. 161–176.
7. Maistrenko G.A. Legal status of foreign citizens in the sphere of labor relations: Russian experience // Education and law.-2021.-№ 5.-P. 356–361.

Правовые особенности доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям в странах Европейского Союза

Чепис Дмитрий Сергеевич,

аспирант кафедры юридических дисциплин, Образовательное частное учреждение высшего образования «Московский инновационный университет»
E-mail: dchepis@gmail.com

Вспомогательные репродуктивные технологии играют важную роль в обеспечении прав граждан на репродуктивное здоровье и возможность создания семьи, особенно в условиях бесплодия. В странах Европейского союза правовые подходы к регулированию доступа к ВРТ значительно различаются, что обусловлено рядом причин. В статье автором проанализированы различные национальные подходы стран ЕС к регулированию ВРТ, предложено категорийное разграничение моделей регулирования ВРТ на либеральную и ограничительную, проводится сравнительный анализ либеральной и ограничительной моделей регулирования ВРТ на примере Испании, Бельгии, Германии, Италии и Франции.

Ключевые слова: репродуктивные права, суррогатное материнство, Европейский союз, репродуктивный туризм, вспомогательные репродуктивные технологии, биоэтика, биомедицина.

В настоящее время вспомогательные репродуктивные технологии занимают особое место в современной медицине, предоставляя возможности для преодоления проблем бесплодия, которые затрагивают миллионы семей по всему миру. Демографические проблемы, снижение показателей рождаемости, увеличение среднего возраста рождения женщиной первого ребенка – вопросы, затрагивающие общества многих государств мира. В частности, ООН в своих прогнозах до 2050 г. придерживается негативных тенденций относительно уровня рождаемости ребенка на одну женщину, а также постепенного сокращения численности населения в Европе¹. Вместе с тем, из отчетов статистической службы ЕС Eurostat за 2023 г. можно установить, что демографические проблемы стран ЕС усугубляются: на протяжении последних 15 лет наблюдается общее падение рождаемости². В данной связи развитие ВРТ, их внедрение и обеспечение возможности их применения служит не только частным интересам субъектов по реализации естественного права на семью и родительство, но и способны удовлетворить запросы государства и общества.

В странах Европейского союза законодательство в области ВРТ отражает как общие этические нормы, так и культурные, социальные и религиозные особенности каждой из стран. В то время как одни государства ЕС, такие как Бельгия и Испания, демонстрируют «мягкий» подход, предоставляя широкие возможности для использования ВРТ как гетеросексуальным, так и однополым парам и одиноким людям, другие, такие как Германия и Италия, накладывают значительные ограничения, зачастую исходя из религиозных или культурных соображений.

Итак, целью настоящей статьи является анализ ключевых характеристик правового регулирования ВРТ в странах Европейского союза, а также сравнительный анализ предлагаемых автором сравнительных категорий: либеральных и ограничительных моделей доступа к ВРТ. Важным аспектом является рассмотрение правовых и этических вопросов, таких как коммерческое суррогатное материнство, донорство яйцеклеток и спермы, а также защита прав эмбрионов, что составляет основу

¹ Глобальные вопросы повестки дня: народонаселение [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/population> (дата обращения: 14.10.2024)

² Demography of Europe – 2023 edition [Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/interactive-publications/demography-2023#fewer-births-more-deaths> (дата обращения: 14.10.2024)

международных дискуссий о будущем репродуктивных технологий и прав человека.

Законодательства разных стран подходят к непосредственному определению ВРТ и их видов по-разному, в связи с чем выявить унифицированное толкование представляется проблематичным. Согласно международному глоссарию ВОЗ вспомогательными репродуктивными технологиями являются все методы репродукции человека, при которых отдельные этапы или весь процесс зачатия и раннего развития эмбрионов происходит вне организма – в пробирке (*in vitro*) [1]. В качестве наиболее распространенных методов ВРТ необходимо упомянуть искусственную инсеминацию спермой донора, экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), перенос эмбрионов. Кроме того, к ВРТ относятся также инъекция сперматозоида в цитоплазму ооцита, донорство спермы и яйцеклеток, сурrogатное материнство, преимплантационная диагностика наследственных болезней, криоконсервация половых клеток, медицинское взаимодействие на презембриональной стадии.

Несмотря на значимость ВРТ, на данный момент отсутствует какой-либо фундаментальный международный акт, регулирующий базовые положения о вспомогательных репродуктивных технологиях. Так, Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины 1997 г. [6] является первым международным договором, регулирующим вопросы биомедицины и биоэтики, включая права человека в сфере медицины и биотехнологий. В контексте репродуктивных прав и ВРТ Конвенция устанавливает ключевые принципы, направленные на защиту прав человека и предотвращение злоупотреблений в области биомедицины, например, запрещает использование человеческого тела и его частей (включая эмбрионы и клетки) для получения финансовой выгоды (ст. 21); запрещает манипуляции с генами эмбрионов в рамках ВРТ, которые могут повлиять на наследственные характеристики (ст. 13); подчеркивает необходимость этического и уважительного обращения с эмбрионами в рамках ВРТ (ст. 18). В целом, Конвенция устанавливает строгие этические принципы, направленные на защиту достоинства, прав и интересов человека, ограничивает использование биомедицинских технологий для целей, которые могут нанести вред отдельным лицам или обществу. Аналогичные общие принципы отражены во Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека 2005 г. [3]

В то же время Хартия основных прав Европейского союза 2007 г. – ключевой документ, закрепляющий основные права и свободы граждан Европейского союза, в том числе в области личных и семейных прав¹. В контексте репродуктивных прав и ВРТ, Хартия включает ряд положений, такие как равный доступ к репродуктивным услугам (ст. 21, 23); обязательство государств-членов обе-

спечить доступность репродуктивных технологий (ст. 35), а также устанавливает ограничения, направленные на предотвращение злоупотреблений в области ВРТ, включая запрет на клонирование и эвгенику. Принимая во внимание рекомендательные акты Совета Европы (в частности, Рекомендация Комитета Министров Совета Европы от 22 сентября 2004 г. № R (2004)10, Рекомендация Комитета Министров Совета Европы от 15 марта 2006 г. Res (2006)4), некоторые исследователи считают в достаточной мере проработанным и комплексным правовое регулирование ЕС в области биомедицины [4].

Что касается непосредственной реализации права на ВРТ гражданами ЕС, то стоит отметить, что доступ к ВРТ в странах ЕС значительно варьируется, отражая различия в национальных правовых и культурных традициях, этических нормах и политике в области здравоохранения. Эти различия автор условно разделил на две основные обобщенные исследовательские категории: либеральную и ограничительную. Эти модели отражают фундаментальные различия в подходах к регулированию репродуктивных прав граждан и характерных особенностях законодательства отдельных стран в области здравоохранения и биоэтики. Рассмотрим основные характеристики обеих моделей на примере таких стран, как Испания, Бельгия, Германия, Италия и Франция.

Либеральная модель права на доступ к ВРТ отличается инклюзивностью и стремлением обеспечить репродуктивные права для широкой категории граждан, независимо от их пола, семейного положения или сексуальной ориентации. Эта модель характерна для стран, где общество демонстрирует высокий уровень толерантности и признания разнообразия форм семейных отношений. Среди основных целей либеральной модели следует выделить:

- расширение прав граждан на репродуктивный выбор, при котором государство стремится обеспечить равный доступ к ВРТ для всех, вне зависимости от личных или социальных характеристик, включая одиноких женщин и однополые пары;
- минимизация социальных барьеров, в рамках которой государство поддерживает идею о защите права на использование ВРТ от дискриминации по признаку сексуальной ориентации или семейного положения. Важную роль в этом играет законодательная поддержка ЛГБТ+ сообществ и предоставление услуг одиноким гражданам;
- финансовая доступность ВРТ, поскольку государство финансирует процедуры ВРТ за счет государственных программ здравоохранения, что обеспечивает широкие возможности для граждан, независимо от их материального положения².

¹ Charter of Fundamental Rights of the European Union [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT> (дата обращения: 14.10.2024)

² Assisted reproduction in Spain, outcome and socioeconomic determinants of access [Электронный ресурс]. – URL: <https://>

Ярким представителем либеральной модели права на доступ к ВРТ в ЕС является Испания. Закон 14/2006 «О вспомогательных репродуктивных технологиях»¹ направлен на обеспечение равного доступа к ВРТ для всех категорий лиц, что позволяет Испании быть популярным направлением для репродуктивного туризма². Ключевыми чертами испанской политики в области ВРТ являются широкий доступ к ВРТ для любых пар (независимо от семейного положения); допущение анонимного донорства яйцеклеток и спермы; софинансирование процедур ВРТ государственной системой здравоохранения.

Бельгия также предлагает широкий доступ к ВРТ для всех категорий населения. Государственные программы финансируют процедуры ЭКО, а законодательство разрешает как анонимное, так и открытое донорство репродуктивного материала, суррогатное материнство. Модель Бельгии стремится к обеспечению равного доступа и поддержке семейных и индивидуальных репродуктивных прав³.

По мнению автора в странах с либеральной моделью наблюдается значительное общественное принятие репродуктивных прав для всех, включая ЛГБТ+ пары и одиноких женщин. Общество, как правило, воспринимает ВРТ как часть медицинских услуг, необходимых для защиты репродуктивного здоровья и прав граждан, что поддерживается законодательством и медицинскими практиками.

В отличие от рассмотренного ранее подхода ограничительная модель основывается на идее строгого контроля за доступом к ВРТ, а также на строгом следовании религиозным и этическим нормам. В странах с этой моделью доступ к ВРТ, как правило, предоставляется только гетеросексуальным парам и сопровождается рядом строгих ограничений на использование некоторых репродуктивных технологий. Обобщенные характеристики ограничительной модели включают в себя:

- ограничение доступности для сохранения традиционных ценностей. Подобные государства стремятся защитить традиционную семью и предотвратить использование ВРТ для создания «нетрадиционных» форм семейных отношений;
- этические нормы и защита эмбрионов. В ряде стран ВРТ регулируются с учетом строгих норм защиты эмбрионов, что ограничивает возмож-

ности для их использования, создания и замораживания. Это часто основано на религиозных или культурных убеждениях о статусе эмбриона как живого существа;

- снижение медицинских и правовых рисков. Строгий контроль за ВРТ также связан с необходимостью ограничения коммерциализации этих технологий и защиты как участников процедур, так и будущих детей.

Немецкое законодательство по ВРТ отличается высокой степенью регулирования и считается одним из самых строгих в ЕС. Действующий с 1990 г. Закон о защите эмбрионов⁴ устанавливает императивные нормы по защите эмбрионов, включая полный запрет на донорство яйцеклеток и суррогатное материнство. Доступ к ВРТ для однополых пар и одиноких женщин ограничен, равно как имеет количественное ограничение создание эмбрионов в процессе ЭКО и их замораживание. Приведенные ограничения, как правило, отражают этические и религиозные отношения общества к обсуждаемой проблематике [7].

Италия демонстрирует один из самых консервативных подходов к ВРТ в Европейском союзе. Закон 40/2004 «О медицинских репродуктивных технологиях»⁵ в изначальной редакции запрещал донорство биоматериала (в настоящее время оно разрешено с рядом ограничений). Процедурами ВРТ могут воспользоваться только гетеросексуальные пары, состоящие в браке или в стабильных отношениях, имеющие медицинское доказательство бесплодия. Также не допускается замораживание эмбрионов.

До недавнего времени Франция следовала ограничительной модели, но с принятием в 2021 г. Закона о биоэтике⁶ продемонстрировала переход от ограничительной модели к более инклюзивной. В рамках реформ 2021 г. Франция расширила доступ к ВРТ, включив одиноких женщин и однополые пары. Новое регулирование затронуло нормы об использовании донорского материала, экспериментальные репродуктивные технологии и защиту эмбрионов. Тем не менее, суррогатное материнство осталось под запретом.

Таким образом, обе условные модели доступа к ВРТ в странах ЕС отражают глубинные различия в правовых и этических взглядах на роль ВРТ в обществе [5]. Либеральная модель характерна стремлением к максимальной инклюзивности, предоставляет равные права на доступ к репродуктивным технологиям для лиц любых категорий, тогда как ограничительная модель сосре-

equityhealthj.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12939-021-01438-x (дата обращения: 15.10.2024)

¹ Ley 14/2006, de 26 de mayo, sobre técnicas de reproducción humana asistida [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2006-9292> (дата обращения: 15.10.2024)

² Spain becoming a leading destination in fertility tourism [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tourism-review.com/fertility-tourism-developing-fast-in-spain-news10817> (дата обращения: 15.10.2024)

³ Belgian Law on Medically Assisted Reproduction and the Disposition of Supernumerary Embryos and Gametes. European Journal of Health Law 14 (2007) 251–260 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1163/092902707X232971?ysclid=m2aa8ji7kz790092392> (дата обращения: 15.10.2024)

⁴ Gesetz zum Schutz von Embryonen (Embryonenschutzgesetz – ESchG) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/eschg/BJNR027460990.html> (дата обращения: 15.10.2024)

⁵ LEGGE 19 febbraio 2004, n. 40, Norme in materia di procreazione medicalmente assistita [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2004-02-19;40> (дата обращения: 15.10.2024)

⁶ LOI n° 2021-1017 du 2 août 2021 relative à la bioéthique [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000043884384> (дата обращения: 15.10.2024)

доточена на сохранении традиционных семейных ценностей, строгом регулировании доступа к технологиям с целью защиты этических норм и эмбрионов, наблюдается более выраженная оппозиция либерализации доступа к ВРТ для одиноких женщин и нетрадиционных сообществ. В указанных актах прослеживается не только общее закрепление различных репродуктивных прав граждан, но также регламентируются вспомогательные репродуктивные технологии, устанавливаются требования к хранению и использованию биоматериала, определяются процедуры привлечения к ответственности, а также содержатся общие положения о финансировании соответствующих медицинских организаций.

Что касается реализации права на ВРТ в Российской Федерации, то, в отличие от предложенных либеральной или ограничительной моделей доступа к процедурам ВРТ в ЕС, а также отсутствия единого регулирования, в РФ существует централизованная регламентация ВРТ, которая включает элементы обеих градаций.

Основным документом, регулирующим ВРТ в РФ, является Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [10], который позволяет широкий доступ к ВРТ для гетеросексуальных пар, одиноких женщин, а также разрешает коммерческое суррогатное материнство, что выделяет РФ на фоне большинства европейских стран, где суррогатное материнство либо запрещено, либо ограничено. Однако однополые пары не имеют права на использование ВРТ, что отражает более консервативный подход государства к вопросам семейных отношений. В части правовых и этических аспектов защиты эмбрионов в различных странах ЕС применяются практически противоположные подходы: от запрета на суррогатное материнство, донорство яйцеклеток, создание и заморозку «избыточных» эмбрионов в Германии, до аналогичных дозволений в Испании и Бельгии. В РФ замораживание эмбрионов разрешено и широко используется в репродуктивной медицине, при этом российское законодательство не содержит столь строгих норм защиты эмбрионов, что делает процедуры ВРТ более гибкими и доступными для пациентов.

Одновременно с этим, следует согласиться с критическим мнением Сёмкиной И.А. [9], поскольку действующее нормативное регулирование сферы вспомогательных репродуктивных технологий представляется явно недостаточным, даже с учетом положений приказа Минздрава России от 30 июля 2020 г. № 803н [8], так как имеющиеся правовые нормы не предоставляют должной проработки вопросов применения ВРТ в аспекте семейных правоотношений [2].

Право на доступ к ВРТ в странах Европейского союза представляет собой сложную и разнообразную область регулирования, отражающую глубоко укоренившиеся культурные, религиозные и социальные ценности отдельных государств-членов. Либеральные модели, характерные для та-

ких стран, как Испания и Бельгия, поддерживают расширение репродуктивных прав, что свидетельствует о прогрессивных подходах, направленных на максимизацию репродуктивных возможностей и защиту прав граждан. Ограничительные модели, представленные в Германии и Италии, акцентируют внимание на защите традиционных семейных ценностей и прав эмбрионов, что обусловлено в значительной степени религиозными и этическими соображениями. Эти страны ограничивают доступ к ВРТ для гетеросексуальных пар с медицинскими показаниями, отражая консервативные взгляды на репродукцию и семейные отношения.

Различия в правовых подходах доступа к ВРТ в странах Европейского союза подчеркивают значимость локальных правовых и этических норм в формировании национальных законодательств и, безусловно, должны приниматься во внимание российскими специалистами при нормативном регулировании репродуктивных прав. Европейский опыт показывает, что баланс между защитой прав граждан на репродуктивные технологии и этическими нормами является ключевым аспектом формирования правовой политики в этой области.

Литература

1. Аншина М.Б., Долгушина Н.В., Колода Ю.А., Корсак В.С., Савина В.М., Смирнова А.А. Терминология ВРТ: Международный глоссарий. Проблемы репродукции. 2019;25(1):6–15.
2. Белова Д.А. Правовой режим репродуктивного биологического материала // *Lex russica*. – 2021. – Т. 74. – № 7. – С. 111–121. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.111-121.
3. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19.10.2005) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 14.10.2024).
4. Головащук А.П. Правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в зарубежных странах / А.П. Головащук // *Закон и жизнь*. – 2016. – С. 29–32.
5. Колодяжная А.И. Новеллы в правовом регулировании суррогатного материнства в государствах Европы // *Актуальные проблемы российского права*. – 2022. – Т. 17. – № 8. – С. 150–156. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.150-156.
6. Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164). Заключена в г. Овьедо 04.04.1997. Российская Федерация не является участником Конвенции [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/2562155/?ysclid=m296cdg4mm343030413> (дата обращения: 14.10.2024).
7. Котляров И.И., Козлова А.А. Международно-правовое регулирование защиты прав человека в сфере биомедицины в рамках Совета Ев-

ропы. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(7):200–204.

8. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/?ysclid=m2ad08oeow139743942 (дата обращения: 15.10.2024).
9. Семкина И.А. Вспомогательные репродуктивные технологии: зарубежное законодательство и практика применения // Образование и право. – 2021. – № 11. – С. 295–301.
10. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259&ysclid=m2agfcgpps893460387> (дата обращения: 15.10.2024).

LEGAL FEATURES OF ACCESS TO ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES IN THE COUNTRIES OF THE EUROPEAN UNION

Chepis D.S.

Moscow Innovative University

Assisted reproductive technologies play an important role in ensuring citizens' rights to reproductive health and the possibility of starting a family, especially in infertility conditions. In the countries of the European Union, legal approaches to regulating access to ART vary significantly, due to a number of reasons. In the article, the author analyzes various national approaches of the EU countries to ART regulation, proposes a categorical differentiation of ART regulation models into liberal and restrictive, and conducts a comparative analysis of liberal and restrictive ART regulation models on the example of Spain, Belgium, Germany, Italy and France.

Keywords: reproductive rights, surrogacy, European Union, reproductive tourism, assisted reproductive technologies, bioethics, biomedicine.

References

1. Anshina M.B., Dolgushina N.V., Koloda Yu.A., Korsak V.S., Savina V.M., Smirnova A.A. ART Terminology: International Glossary. *Reproduction Problems*. 2019;25(1):6–15.
2. Belova D.A. Legal regime of reproductive biological material // *Lex russica*. – 2021. – Vol. 74. – No. 7. – P. 111–121. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.111-121.
3. Universal Declaration on Bioethics and Human Rights (adopted by the resolution of the General Conference of UNESCO on the report of Commission III at the 18th plenary meeting on 19.10.2005) [Electronic resource]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (date of access: 14.10.2024).
4. Golovashchuk A.P. Legal regulation of assisted reproductive technologies in foreign countries / A.P. Golovashchuk // *Law and Life*. – 2016. – P. 29–32.
5. Kolodyazhnaya A.I. Novellas in the legal regulation of surrogacy in European states // *Actual problems of Russian law*. – 2022. – Vol. 17. – No. 8. – P. 150–156. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.150-156.
6. Convention on Human Rights and Biomedicine (ETS No. 164). Concluded in Oviedo on 04.04.1997. The Russian Federation is not a party to the Convention [Electronic resource]. – URL: <https://base.garant.ru/2562155/?ysclid=m296cdg4mm343030413> (date of access: 14.10.2024).
7. Kotlyarov I.I., Kozlova A.A. International legal regulation of the protection of human rights in the field of biomedicine within the framework of the Council of Europe. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020; (7): 200–204.
8. Order of the Ministry of Health of Russia dated July 31, 2020 No. 803n “On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions to their use” // SPS “ConsultantPlus” [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/?ysclid=m2ad08oeow139743942 (date of access: October 15, 2024).
9. Semkina I.A. Assisted reproductive technologies: foreign legislation and practice of application // *Education and Law*. – 2021. – No. 11. – P. 295–301.
10. Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ “On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation” [Electronic resource]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259&ysclid=m2agfcgpps893460387> (date of access: 15.10.2024).

Правовое регулирование социального обеспечения в Монголии: аспекты противодействия бедности

Эрдэнэбат Ууганцэцэг,

докторант юридической аспирантуры Университета внутренних дел Монголии
E-mail: Uugaa3030@gmail.com

Буриад Лхагварагчаа,

доктор (Ph.D), директор Института иностранных языков Университета внутренних дел Монголии
E-mail: Ragchaa1215@gmail.com

Предметом проведенного исследования являются вопросы, связанные с действиями правительства Монголии, которые нацелены на борьбу с бедностью. Цель статьи – провести анализ политики социального обеспечения в Монголии, ее составляющих, полученных результатов и перспектив развития. Методы исследования: систематизация, сравнительный анализ, обобщение, прогнозирование. Результаты: в процессе анализа установлено, что в последние годы правительство Монголии реализует различные меры и проекты в рамках политики социального обеспечения. Эти инициативы направлены на увеличение реальных доходов граждан и сокращение бедности. Вследствие их реализации уровень малообеспеченных граждан снизился, также увеличились денежные доходы граждан. Новизна проведенного исследования заключается в разработке авторских предложений по совершенствованию политики социального обеспечения в Монголии для сокращения бедности. Полученные в статье результаты и выводы могут использоваться органами власти различного уровня для разработки государственных программ повышения благосостояния населения. Выводы: для борьбы с бедностью в Монголии необходимо повышать уровень образования граждан, расширять инвестиции в интеллектуальную собственность, внедрять комплексную политику социального обеспечения для перехода от социального обеспечения к заработной плате.

Ключевые слова: бедность, социальное обеспечение, занятость, политика, обучение, промышленность.

Введение

Понятие социального обеспечения и сфера его деятельности различаются в зависимости от этапа исторического развития каждой страны, значения, придаваемого целям развития и благосостояния, а также эволюции государственной структуры предоставления услуг. Истоки социального обеспечения восходят к концу 19-го века, когда великая социальная, экономическая, политическая, индустриализация, урбанизация, рост населения и даже подъем капитализма привели к возникновению «семейных сетей, благотворительных организаций, феодальных ассоциаций и кланов, городской администрации, а также прекращение традиционных форм опеки, предлагаемых церквями, связаны с необходимостью удовлетворения новых социальных потребностей и ресурсов в связи с этими изменениями [1, с. 114].

В документе, подготовленном Организацией Объединенных Наций, «Планирование социального обеспечения в рамках национальных планов развития»: Социальное обеспечение – это, по сути, организованная деятельность, направленная на то, чтобы дать возможность отдельным лицам, группам и сообществам улучшать свои условия, участвовать в меняющихся ситуациях и деятельности по развитию, а также адаптироваться к обществу.

Закон о социальном обеспечении Монголии и политика долгосрочного развития «Видение 2050» включают цели повышения эффективности социального обеспечения в сфере сокращения бедности. Закон о социальном обеспечении предусматривает реализацию программ денежных пособий (пособий по бедности) и продовольственных талонов для членов семей и граждан, нуждающихся в социальной поддержке и помощи. Гражданами, имеющими право на эти льготы и программы, являются члены домохозяйств, отобранные из числа домохозяйств, уровень жизни которых находится ниже черты бедности на тот момент, внесенные в единую базу данных домохозяйств по методике, совместно утвержденной Национальным статистическим комитетом и центральным государственным административным органом.

Эффективность программ социального обеспечения, направленных на сокращение бедности, сегодня ограничена. По сравнению с другими странами с низким и средним уровнем дохода, Монголия тратит относительно большую сумму денег на программы социального обеспечения. Из-за характера большинства программ, особенно программ пособий на детей, большинство бедных семей мо-

гут получить доступ к социальному обеспечению. Однако объем социальных пособий, поступающих гражданам с низкими доходами, по-прежнему недостаточен, что ограничивает возможности социального обеспечения по сокращению бедности [5, с. 138].

Национальное статистическое управление определило нормы и стандарты с участием академических учреждений в соответствии с Законом от 8 января 1998 года об определении минимального уровня жизни малообеспеченных граждан.

Статья 5 Закона Об определении минимального прожиточного уровня населения Монголии предусматривает, что “минимальный прожиточный минимум населения определяется Национальным статистическим комитетом исходя из минимального уровня потребления”.

Методы исследования: систематизация, сравнительный анализ, обобщение, прогнозирование.

Результаты

Реализуемая в стране политика социального обеспечения увеличивает доходы уязвимых слоев общества страны, снижает уровень бедности и способствует процветанию страны. Таким образом, “социальное обеспечение – это социальная услуга, направленная на детей-сирот, матерей-одиночек, пожилых людей и людей с ограниченными возможностями, принадлежащих к группам, нуждающимся в социальной защите и уходе” по определению Азиатского банка развития. Правительство Монголии реализует политику социального обеспечения, направленную на улучшение условий жизни граждан и обеспечение их жизни. В частности, когда Монголия перешла к рыночной экономике, возникла острая необходимость реализации политики социального обеспечения, направленной на защиту уязвимых слоев общества от негативных последствий переходной экономики и снижение рисков, с которыми они могут столкнуться. На основании этого требования правительство Монголии определило будущую цель социального обеспечения как “улучшение качества жизни монгольского народа и сокращение бедности вдвое в 2004–2023 годах на основе радикального реформирования системы социального обеспечения и социального обеспечения” [6, с. 20].

Политика социального обеспечения, проводимая правительством Монголии, ориентирована на реализацию целей, поставленных в комплексной политике национального развития. Ярким свидетельством этого является разработка и реализация множества проектов и программ, направленных на повышение уровня жизни и сокращение бедности за счет поддержки занятости граждан. Например, в результате реализации “Атрын III аян” в 2008–2010 годах удалось обеспечить 100 процентов необходимой пшеницы, картофеля и 53,2 процента овощей за счет внутреннего производства, что улучшило продовольственное обеспечение населения, сокращение безработицы и бед-

ности в сельской местности. Кроме того, можно упомянуть такие политические программы, как «Программа поддержки занятости», «Программа зеленой революции», «Государственная политика для скотоводов», реализуемые с целью повышения уровня жизни населения.

Помимо национальных программ, направленных на повышение уровня жизни граждан, Национальный совет занятости утвердил и реализует “Программы поддержки занятости”. Он включает в себя:

1. Программа подготовки к родам;
2. Программа организации профессионального обучения;
3. Программа поддержки занятости пастухов;
4. Программа поддержки самозанятых, партнерских и кооперативных граждан;
5. Программа поддержки работодателей;
6. Программа поддержки занятости граждан старше 40 лет;
7. Монгольская программа с владельцем.

Наряду с этими проектами в бюджете финансируются инвестиции, направленные на повышение уровня жизни населения. Например, в 2009 году в целях улучшения продовольственного снабжения и удовлетворения внутренних потребностей продукцией национального производства в национальную программу развития сельского хозяйства “Атрын III аян” было инвестировано 30,3 млрд тугриков, из государственного бюджета инвестировано 18,9 млрд тугриков на внедрение передовых технологий. Фонд развития Монголии инвестировал 4,9 миллиарда тугриков на строительство и восстановление системы и 3,4 миллиарда тугриков на скважину. В результате в сфере сельского хозяйства были проведены технологические и экономические реформы, которые способствовали снижению безработицы и бедности на селе. В 2010 году государственный бюджет инвестировал в общей сложности 34,4 миллиарда тугриков в пищевую промышленность, сельское хозяйство и легкую промышленность, в том числе 8,7 миллиарда тугриков в сельскохозяйственные технологии и инновации [2, с. 73]. Также в целях поддержки малого и среднего предпринимательства в период с 2006 по 2010 годы из государственного бюджета было выделено 63,0 млрд тугриков, а льготные кредиты были предоставлены более чем 3000 гражданам.

В рамках бюджетной политики, разрабатываемой и реализуемой Правительством Монголии, одной из форм использования различных методов и стимулов помимо инвестиций для улучшения отраслей экономики и уровня жизни населения являются налоговые льготы и освобождение от налогов. Например, в 2008 году был принят Закон «О расходовании средств Фонда развития Монголии», и пастухам и людям, имеющим животных, было выделено 5000 тугриков за килограмм кашемира, всего 30,5 миллиардов тугриков (Парламент, 2008). А для оборудования, запасных частей и ирригационных систем, используемых в сельском хо-

зйстве, решение об освобождении оборудования, средств защиты растений и удобрений от таможенных пошлин и НДС стало необходимой поддержкой для развития этого сектора и увеличения реальных доходов животноводов. В результате этих мер выросло внутреннее производство, увеличилась занятость, улучшился уровень жизни граждан [4, с. 21].

В рамках политики социального обеспечения, направленной на увеличение реальных доходов населения и сокращение бедности, правительство Монголии в последние годы реализует множество мер и проектов. С 2004 года увеличение расходов фондов социального обеспечения в виде денежных выплат гражданам способствовало негативным последствиям повышения уровня жизни граждан, раздуванию инфляции, формированию денежного менталитета населения. За период с 2004 по 2023 год стоимость социального обеспечения увеличилась в 30,4 раза, однако количественных и качественных показателей для выражения его результатов недостаточно. Поэтому правительству необходимо ограничить распределение богатства горнодобывающей промышленности в форме наличных денег, улучшить образование граждан, инвестировать в интеллектуальную собственность, развивать экономику за счет улучшения способности людей работать и развивать комплексную политику социального обеспечения, направленную на переход от социального обеспечения к заработной плате [3, с. 280].

Структура государства всеобщего благосостояния в США характеризуется сопротивлением крупномасштабной экспансии правительства и плюралистическим сочетанием частных и государственных услуг. В сфере социального обеспечения частные организации сосуществуют с теми же полномочиями, что и государственные учреждения, а в сфере социального обеспечения США добровольные группы граждан берут на себя ведущую роль в решении местных проблем. Из-за этого социальная помощь стала большим бизнесом, и за последние 30 лет число коммерческих корпораций по оказанию социальных услуг, предоставляющих социальную помощь через рынок, резко возросло.

Политика благосостояния США во многом определяется такими ценностями, как уверенность в своих силах, труд и всеведение рынка. Поскольку политики считали, что уязвимые люди должны быть более независимыми, поддержка государственных программ социального обеспечения была сокращена, чтобы помочь им выбраться из зависимости. Хотя эти сокращения позволили сэкономить деньги в краткосрочной перспективе, они оказались не очень эффективными. Поскольку сокращение социальных программ могло привести к увеличению затрат, дети, не имеющие доступа к основным услугам, начали требовать программ по решению проблем, связанных со здоровьем матери и ребенка, бедностью, неграмотностью и дезорганизацией семьи.

Германия предоставляет бесплатную медицинскую страховку людям, чьи доходы падают ниже порога, ежегодно устанавливаемого правительством. Гражданам с доходами выше определенного порога предоставляется возможность участвовать в системе медицинского страхования на добровольной основе или выбрать частную систему страхования. Программа социальной помощи, реализуемая немецким государством, обеспечивает поддержку расходов на проживание, доплаты к пенсиям в зависимости от потребностей для пожилых людей, медицинское обслуживание и инвалидность, чтобы обеспечить нормальную жизнь гражданам, которые не могут удовлетворить свои собственные потребности, имеют ограниченные ресурсы, и не могут участвовать в других системах страхования и социального обеспечения, предоставляя услуги по уходу и поддержке, такие как денежная помощь людям [7, с. 165].

Раздел 2 статьи 25 Конституции Японии гласит, что «государство стремится улучшать и поддерживать социальное благосостояние, социальную безопасность и здоровье во всех сферах жизни». В закон о социальном обеспечении включено оказание помощи уязвимым группам населения с низким уровнем жизни, людям с ограниченными возможностями, детям до 18 лет, родителям-одиночкам, пожилым и малообеспеченным людям.

Чтобы справиться со снижением рождаемости и старением населения, а также увеличить количество и качество социальных услуг в Японии, были изменены три основные структуры социального обеспечения, действовавшие с 1945 года. Во-первых, правительство изменило систему социального обеспечения с защитной на контрактную. В рамках контрактной системы услуги предоставляются на основании договора между потребителем и поставщиком услуг, позволяющего потребителю выбирать услугу.

Второй крупной структурной реформой стало включение частного сектора в рынок социального обеспечения. Концепция НПМ (нового государственного управления), которая была в моде в то время в Японии, была применена к сектору социального обеспечения. Небольшое количество организаций, таких как местные органы власти и ассоциации социального обеспечения, предоставляли социальные услуги в соответствии с принципом, что социальные услуги должны предоставляться государственными учреждениями.

Третьей структурной реформой стала децентрализация. Пакет законов о децентрализации был принят в 2000 году, и с тех пор децентрализация продвинулась не только в сфере социального обеспечения, но и во всех областях политики. Чтобы адаптировать услуги социального обеспечения к местным условиям, было подчеркнута участие местных органов власти в работе системы, были расширены местные полномочия по предоставлению услуг и контролю над предприятиями, а также было передано национальное финансирование.

В дополнение к этим трем крупным реформам, в ответ на диверсификацию вопросов социального обеспечения, была создана система защиты жертв правонарушений. Для создания этой системы были приняты Закон о предотвращении жестокого обращения с детьми (2000 г.), Закон о предотвращении домашнего насилия (2001 г.), Закон о предотвращении жестокого обращения с пожилыми людьми (2005 г.) и Закон о предотвращении лиц с ограниченными возможностями (2011 г.) [9, с. 74].

В нашей стране доходы семей не ясны. Невозможно оценить доходы людей в неформальном секторе, таких как пастухи, самозанятые люди, люди с сезонной и временной работой, и получить реальный доход домохозяйства. Поэтому уровень жизни домохозяйства оценивается с использованием «Методологии расчета замещения доходов» на основе международной методологии, которая является приемлемой или основанной на потреблении в нашей стране. Этот метод используют страны Латинской Америки, Восточной Европы и Юго-Восточной Азии, экономические условия которых схожи с нашей страной. Основная особенность этого метода в том, что с его помощью можно узнать, кто и в каком регионе живет с низким уровнем жизни, поэтому он имеет преимущества перед другими методами. «Методология расчета замещающего дохода» была совместно одобрена Центральной государственной административной организацией и Национальным статистическим комитетом, отвечающей за социальное обеспечение и пересмотрена в соответствии с соответствующими законами и постановлениями. Эта база данных поддерживается Главным департаментом труда и социального обеспечения. Организация собирает данные о домохозяйствах с уровнем потребления ниже уровня бедности в 29,6 процента и передает их в провинции и столицы, работая с этими домохозяйствами над сокращением бедности.

Охват Единой базы данных домохозяйств Монголии составляет около 80 процентов, что выше показателей Единой базы данных домохозяйств других зарубежных стран с низким и средним уровнем дохода. Охват социальной регистрацией составляет менее 5 процентов в Китае, Мали и Сьерра-Леоне, тогда как в Доминиканской Республике и Пакистане он превышает 80 процентов. Среди стран Восточной Азии Монголия имеет самый высокий охват Единой базы данных домохозяйств и выше, чем Филиппины, на 75 процентов. Это намного выше, чем в странах Восточной и Центральной Азии, таких как Турция (50 процентов) и Грузия (36 процентов). Большинство стран с высоким охватом имеют обширные системы регистрации потенциальных бенефициаров, хотя Чили и Колумбия имеют высокий охват за счет включения на основе запросов или смешанных систем регистрации. В странах Восточной и Центральной Азии, а также во многих странах Южной Америки действуют системы регистрации по запросу. В целом, в странах с высоким охватом социальной регистрации больше программ, использующих ее или бо-

лее широкое использование. Например, более 70 программ используют Национальный социально-экономический регистр (NSR) в Пакистане, 80 программ используют Социальный регистр домохозяйств (SNR) в Чили, а 52 программы используют Listahanan на Филиппинах. В Доминиканской Республике и Монголии широко распространена социальная регистрация, но мало программ, которые ее используют. (например, 9 для Доминики и 5 для Монголии). Трудно подсчитать и сравнить затраты на исследование методов замещения доходов для данной ситуации и времени. Структура затрат может варьироваться от страны к стране и даже от одной страны к другой в течение определенного периода времени. Затраты часто путают с дополнительными инвестициями в данные и информационные системы. В любом случае важно оценить базовую стоимость обследования. На Филиппинах, согласно исследованию Листаханана, семья тратит 3,34 доллара США, в Индонезии – 2,66 доллара США, в Пакистане – около 2,2 доллара США, в Бразилии – 2,1 доллара США, а в Турции и Колумбии – 1,3 доллара США. долларов. Но согласно опросу Монголии 2019 года, на одно домохозяйство было потрачено 3,4 доллара США. Затраты можно снизить за счет масштабирования и технологий сбора данных. Например, стоимость сбора данных на этапе SISBEN III в Колумбии составила 2,50 доллара на семью, но при переходе на сбор цифровых данных она уменьшилась 1,27 доллара на семью на этапе SISBEN IV [8, с. 42].

Монголия вложила значительные средства в развитие системы определения целевых групп для социального обеспечения. Согласно действующей системе, уровень жизни домохозяйства определяется на основе баллов, полученных в соответствии с методикой расчета доходов, а не данных, собранных в ходе исследования определения уровня жизни домохозяйства. Опрос проводится один раз в три года, а необходимые данные обновляются между ними.

Несмотря на значительные инвестиции в создание интегрированной базы данных домохозяйств, адресность программ социального обеспечения остается ограниченной. Целевая программа денежных трансфертов, предусмотренная законом о социальном обеспечении, еще не реализована. Большинство программ социального обеспечения ориентированы на конкретные социальные группы, такие как дети, граждане с ограниченными возможностями, пожилые люди, матери-одиночки и лица, осуществляющие уход. За исключением Программы продовольственных талонов и Программы детских денег, эти программы не используют совокупные данные о домохозяйствах. Кроме того, недавние изменения сделали программу детских денег более общей, а не ориентированной на бедность, что ограничило сферу использования объединенной базы данных домохозяйств [2, с. 74]. Таким образом, только Программа продовольственных талонов остается основной программой социального обеспечения, ориентированной

на бедность, которая активно использует базу данных домохозяйств (помимо программ социального обеспечения, только несколько государственных услуг, таких как медицинское страхование, юридические услуги и экстренная помощь, используют базу данных домохозяйств для таргетинга). Таким образом, хотя Единая база данных домохозяйств имеет потенциал для предоставления ключевых услуг социальной регистрации и координации доступа ко всем программам социального обеспечения, она по-прежнему используется недостаточно.

Объединенная база данных домохозяйств используется для выявления относительно ограниченного числа лиц, имеющих право на участие в программе. Следующие программы определяют право на участие в программе на основе оценок в базе данных домохозяйств:

Программа продовольственных талонов. Право на участие в программе продовольственных талонов, программе социальной защиты бедных, основано на баллах, но она охватывает относительно небольшой процент населения. В программе продовольственных ваучеров могут участвовать домохозяйства с баллом 292,5 менее в Улан-Баторе и домохозяйства с баллом 310 или менее в других районах. Его цель – охватить беднейшие 10% населения. В настоящее время программа продовольственных талонов предоставляет льготы примерно 8 процентам от общей численности населения, или 44 500 домохозяйствам (около 242 000 граждан). Программа продовольственных ваучеров предоставляет ваучеры на питание, эквивалентные 16 000 тугриков (6 долларов США) в месяц для взрослых и 8 000 тугриков (3 доллара США) в месяц для детей [4, с. 22].

Программа «Детские деньги». Право на участие в программе «Детские деньги» зависит от того, включено ли домохозяйство в Единую базу данных домохозяйств и от набранного балла. С июня 2022 года программа детских денег превратилась в общую программу денежных пособий, охватывающую более 1,1 миллиона детей в Монголии (более 95% населения этого возраста). Однако в период с 2019 по 2022 год программа детских денег была нацелена на нижние 60–80 процентов всех домохозяйств в базе данных домохозяйств. Однако участие в объединенной базе данных домохозяйств остается одним из требований программы детских денег. Программа «Детские деньги» предоставляет 20 000 тугриков (около 7,5 долларов США) в месяц каждому ребенку в возрасте от 0 до 18 лет.

Медицинское страхование: Закон о медицинском страховании предоставляет бедным семьям бесплатное медицинское страхование через Министерство здравоохранения. Программа охватывает нижние 25 процентов домохозяйств. Чтобы иметь право на участие в этой программе, домохозяйства должны иметь балл ниже 410. В 2022 году в этой программе охвачено 359 тысяч граждан (13 процентов от общей численности населения).

Юридические услуги и консультации. Министерство юстиции предоставляет бесплатные юридические услуги и консультации семьям с баллами ниже 410, используя базу данных семей. Цель программы – охватить беднейшие 25 процентов населения. За первые пять месяцев 2022 года более 1800 граждан получили бесплатные юридические услуги и 4900 человек получили бесплатную юридическую консультацию.

Экстренная поддержка: База данных семей используется для оказания единовременной поддержки родителям-одиночкам и бездомным, вышедшим из тюрьмы или являющимся родителями-одиночками с четырьмя и более детьми. Сюда также могут подать заявку нижние 25 процентов домохозяйств (с баллом ниже 410) единой базы данных домохозяйств. В рамках этой программы за первые пять месяцев 2022 года 124 заключенных получили в общей сложности 148,8 млн тугриков (56 000 долларов США), а 20 родителей-одиночек получили в общей сложности 24 миллиона тугриков (9 000 долларов США) [1, с. 110].

Заключение

Правительство Монголии продолжает осуществлять множество мер, направленных на увеличение реальных доходов граждан и сокращение бедности, однако бедность существенно не снизилась. Политика социального обеспечения, реализуемая правительством, не только превратилась в средство выполнения предвыборных обещаний, но и имеет негативные последствия, такие как завышенная инфляция, негативные социальные явления и нехватка источников государственных инвестиций. Другими словами, денежные средства, распределяемые в форме социального обеспечения, создают мышление обналичивания, а не инвестирования в будущие поколения нашей страны.

Лучше не предоставлять социальное обеспечение тем, кто в нем нуждается, и не раздавать денежные средства гражданам, а согласовывать политику социального обеспечения с инвестиционной политикой, направленной на улучшение условий жизни и реальных доходов граждан, и тратить деньги, потраченные на социальное обеспечение и на инвестиционные расходы на поддержку экономического роста.

Закон о социальном обеспечении предусматривает ответственность в соответствии с действующим законодательством, если будет доказано, что домохозяйство предоставило ложную информацию для получения права на участие в категорию определенных программах социального обеспечения. Однако, несмотря на то, что балл домохозяйства определяет право на участие в программе талонов на питание, те же правовые положения, что и выше, не применяются в случае намеренного предоставления ложной информации в опросе для определения уровня жизни домохозяйства. Действующие соответствующие законы и правила слабы и неэффективны. Поскольку потенциальным бене-

фициарам терять особо нечего, отказ от принятия судебных мер может увеличить вероятность преднамеренного введения в заблуждение.

С точки зрения эффективности правительству Монголии следует рассмотреть возможность использования единой базы данных домохозяйств для различных целей. Помимо покрытия фиксированных затрат на сбор данных и ведение общей базы данных о домохозяйствах в рамках нескольких программ, использование общей базы данных о домохозяйствах в рамках нескольких программ может стать важным способом использования социального обеспечения для сокращения бедности в соответствии с Законом о социальном обеспечении. Благодаря использованию базы данных в нескольких программах положительные отзывы повышают качество интегрированной базы данных по домохозяйствам. Новые и существующие программы социального обеспечения должны активно использовать интегрированные базы данных домохозяйств, чтобы лучше ориентироваться на бенефициаров. В прошлом центральная база данных домохозяйств рассматривалась для использования при выплате пособий по бедности (которые так и не были введены), предоставлении бесплатных учебников и раздаче домохозяйствам улучшенных печей. Аналогичным образом, государственные программы, реализуемые другими министерствами, могут активно использовать интегрированную базу данных домохозяйств для выявления бенефициаров.

Меры по изменению поведения в сочетании с вышеуказанными изменениями могут помочь снизить уровень мошенничества. Меры по изменению поведения могут помочь снизить уровень мошенничества при проведении обследований доходов домохозяйств. Сюда входит распространение информации о предоставлении ложных сведений при обследовании уровня жизни домохозяйств, введение ответственности и мер, предусмотренных аудиторской проверкой и соответствующими законами, а также подписание заявления о достоверности отчетности (неэтично устно информировать бенефициаров о намеренном введении дезинформации) и т.д. такие меры могут быть реализованы. В Монголии хорошо реализованы методы распространения информации и формирования сообщений, поэтому этот инструмент можно использовать в небольшом эксперименте для уменьшения количества поставщиков ложной информации.

Литература

1. Алтанчимэг З., Имидеева И.В. Факторы, влияющие на миграцию монголов в Южную Корею // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2023. № 1–2. С. 102–118.
2. Анисимова Л.Ю., Северьянов М.Д. Трансформация системы социального обеспечения семьи в Монголии в конце XX – начале XXI вв // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4 (46). С. 70–75.

3. Бадараев Д.Д. Демографическая динамика и модернизационные изменения в системе жизнеобеспечения монгольского общества // Власть. 2021. Т. 29. № 5. С. 278–284.
4. Бадараев Д.Д., Будаев Б.С., Ойдов Х. Неформальная занятость в горнорудной отрасли Монголии и республики Бурятия // Теория и практика общественного развития. 2021. № 2 (156). С. 19–25.
5. Гэрэлбаатар Д., Гантуул А. Обеспечение общественной безопасности в Монголии // Академическая мысль. 2022. № 4 (21). С. 136–139.
6. Ёндон У., Даваадорж Н.Э. Измерение качества жизни как показатель социальной эксклюзии в Монголии // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. № 4. С. 18–25.
7. Малахов А.А. Причины бедности как моральное основание и обоснование государственной социальной политики борьбы с бедностью // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 1 (82). С. 162–167.
8. Преснякова Л.В. Проблемы бедности и реализация социальной политики // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 49. С. 41–45.
9. Сухарев О.С. Бедность, неравенство, национальное богатство: эмпирический анализ и следствия для политики // Экономические стратегии. 2022. Т. 24. № 4 (184). С. 70–81.

LEGAL REGULATION OF SOCIAL SECURITY IN MONGOLIA: ASPECTS OF COMBATING POVERTY

Erdenebat Uugantsetseg, Buriad Lkhagvaragchaa
University of Internal Affairs of Mongolia

The subject of the conducted research is the issues related to the actions of the Mongolian government, which are aimed at poverty alleviation. The purpose of the article is to analyze the policy of social security in Mongolia, its components, the results obtained and prospects for development. Research methods: systematization, comparative analysis, generalization, forecasting. Results: in the process of analysis it was found that in recent years the Mongolian government has been implementing various measures and projects within the framework of social security policy. These initiatives are aimed at increasing the real incomes of citizens and reducing poverty. As a consequence of their realization, the level of low-income citizens has decreased, also the monetary incomes of citizens have increased. The novelty of the conducted research lies in the development of the author's proposals for improving social security policy in Mongolia to reduce poverty. The results and conclusions obtained in the article can be used by authorities at various levels to develop state programs to improve the welfare of the population. Conclusions: in order to fight poverty in Mongolia, it is necessary to increase the level of education of citizens, expand investment in intellectual property, and implement a comprehensive social security policy for the transition from social security to wages.

Keywords: poverty, social security, employment, policy, training, industry.

References

1. Altanchimeg Z., Imydeeva I.V. Factors influencing the migration of Mongols to South Korea // Scientific review. Series 1: Economy and law. 2023. No. 1–2. P. 102–118.
2. Anisymova L.Yu., Severyanov M.D. Transformation of the family social security system in Mongolia at the end of the 20th – beginning of the 21st century // Problems of social and economic development of Siberia. 2021. No. 4 (46). P. 70–75.

3. Badaraev D.D. Demographic dynamics and modernization changes in the life support system of the Mongolian society // *Vlast*. 2021. Vol. 29. No. 5. P. 278–284.
4. Badaraev D.D., Budaev B.S., Oydov H. Informal employment in the mining industry of Mongolia and the Republic of Buryatia // *Theory and practice of public development*. 2021. No. 2 (156). P. 19–25.
5. Gyerbaatar D., Hantuul A. Ensuring social security in Mongolia // *Akademicheskaya mysl*. 2022. No. 4 (21). P. 136–139.
6. Yondon U., Davaadorzh N.E. Measuring quality of life as an indicator of social exclusion in Mongolia // *Eastern vector: history, society, state*. 2023. No. 4. P. 18–25.
7. Malakhov A.A. The causes of poverty as a moral basis and justification of the state social policy of combating poverty // *Voprosy national and federal relations*. 2022. Vol. 12. No. 1 (82). P. 162–167.
8. Presnyakova L.V. Problems of poverty and realization of social policy // *Innovations. Science. Education* 2022. No. 49. P. 41–45.
9. Sukharev O.S. Poverty, inequality, national wealth: empirical analysis and implications for politics // *Economic strategies*. 2022. Vol. 24. No. 4 (184). P. 70–81.

Правовые условия дифференциации стандартов добросовестного поведения приобретателя движимой вещи, находящейся в реестре уведомлений о залоге

Байкалов Леонид Георгиевич,

студент магистратуры Юридического института, Сибирского федерального университета
E-mail: lenyabaykalov@gmail.com

В статье анализируется стандарт добросовестного поведения приобретателей¹ движимых вещей, находящихся в залоге и учтённых в реестре уведомлений о залоге движимого имущества, выработанный российской судебной практикой. Такой стандарт выражается в должном поведении приобретателей движимых вещей – приобретатели перед совершением сделки должны проверить наличие движимой вещи в реестре уведомлений о залоге движимого имущества. При этом Верховный Суд РФ формулирует данный стандарт в форме презумпции: “предполагается, что третьи лица осведомлены о наличии обременения”². Избранная Верховным Судом РФ формулировка свидетельствует о том, что стандарт добросовестного поведения приобретателей движимых вещей, выражающийся в проверке реестра уведомлений о залоге движимого имущества, может быть занижен. Иными словами, Верховный Суд РФ указывает, что в гражданском обороте имеются такие ситуации, когда приобретатель движимой вещи, не проверив реестр, будет считаться добросовестным. Автором предлагается дифференцировать установленный стандарт в зависимости от того, кто является приобретателем движимой вещи, а также учитывать то, какая движимая вещь находится в реестре.

Ключевые слова: залог, залог движимых вещей, реестр уведомлений о залоге движимого имущества, добросовестное поведение приобретателей движимых вещей, осведомлённость приобретателей движимых вещей.

Догматическое представление о залоговом праве предполагает его юридическое действие не только по отношению к стороне обязательственного правоотношения (должнику, залогодателю), но и ко всем иным третьим лицам, не участвующим в относительной связи должника и кредитора [1, с. 632; 2, с. 40]. Такой выход за пределы принципа относимости обязательственной связи характеризует залоговое право как право вещной правовой природы, которому свойственно право следования (*ius sequelae*) за вещь. Обязательным условием действия залогового права *erga omnes* (т.е. по отношению ко всем третьим лицам) является придание такому праву эффекта публичности. Отсутствие эффекта публичности залогового права и распространение его действия по отношению ко всем третьим лицам, не знающим о наличии обременения над вещью, подрывает все представление о справедливости права.

В разные исторические периоды эффект публичности залогового права достигался различными способами. К примеру, в Эллинистическом Египте и многих греческих городах устанавливали камни на земельный участок или наносили надписи на стене дома [3, с. 63].

На сегодняшний день эффект публичности в отношении третьих лиц для залога движимых вещей в российском позитивном праве может достигаться четырьмя способами. Во-первых, залогодержатель может наложить замок и печать на предмет залога (а. 1 п. 2 ст. 338 ГК РФ) [4]; во-вторых, залогодержатель может наложить знаки, свидетельствующие о залоге (твёрдый залог) (а. 2 п. 2 ст. 338 ГК РФ); в-третьих эффект публичности может быть достигнут посредством передачи движимой вещи во владение залогодержателя (ручной заклад, *ripnus*, посессорный залог)³. И, наконец, в-четвёртых, предмет залога может быть учтен в реестре уведомлений о залоге движимого имущества (далее – реестр) (п. 4 ст. 339.1 ГК РФ). Определение стандарта (в том числе должного) добросовестного поведения приобретателей движимых вещей, зафиксированных в последнем способе, и будет являться целью настоящего исследования.

Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 367 [5] внесены изменения в ГК РФ в части правового регулирования залога. Одним из таких изменений явилось установление возможности учёта

¹ В настоящей статье под приобретателем мы имеем в виду контрагента залогодателя, который приобретает заложенную движимую вещь по сделке

² а. 3 п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 “О применении судами правил о залоге вещей”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451067/ (дата обращения: 06.09.2024)

³ По общему правилу предмет залога находится во владении залогодателя, если иное не предусмотрено законом или договором (п. 1 ст. 338 ГК РФ).

залога движимых вещей в специальном реестре, который именуется “реестр уведомлений о залоге движимого имущества” (п. 4 ст. 339.1 ГК РФ). Данный реестр ведётся нотариусами и входит в единую информационную систему нотариата (п. 3 ч. 1 ст. 34.2 Основ) [6]. Кроме того, реестр ведётся в электронной форме¹: каждый желающий может осуществить поиск по определённым параметрам и обнаружить, что движимая вещь находится в залоге. Осуществить поиск можно по трём параметрам: по регистрационному номеру уведомления, по субъекту (залогодателю) и по объекту (предмету залога). В последнем случае, если предметом залога является транспортное средство, то лицу, осуществляющему поиск доступны параметры, идентифицирующие автомобиль (VIN, PIN, номер шасси, номер кузова). Также любой желающий может обратиться к нотариусу за выпиской из реестра, которая будет содержать сведения о залогодателе и залоге движимого имущества (ч. 2 ст. 103.7 Основ).

Сама по себе регистрация движимой вещи в таком реестре не носит правоустанавливающего значения для сторон залогового правоотношения, как, например, при залоге недвижимой вещи. Она лишь служит достижению эффекта публичности в отношении третьих лиц, не участвующих в относительной связи должника и кредитора. До учёта движимой вещи в реестре залоговое право существует только между сторонами залогового правоотношения и противопоставить такое право третьим лицам они не вправе, за исключением случаев, если третье лицо знало или должно было знать о существовании залога ранее этого (а. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ).

В некоторых странах подобные реестры регистрации движимых вещей, находящихся в залоге, отсутствуют, однако эффект публичности обеспечивается иными способами. К примеру, согласно § 1205 ГГУ залог движимой вещи может быть установлен не иначе как передачей вещи кредитору (посессорный залог) и согласием сторон (договор). Такая консервативность к залому движимых вещей (исключительно в форме ручного залога) влечёт невозможность залогодателя пользоваться вещью и сопровождается обязанностью залогодержателя сохранять предмет залога и заботиться о нём (§ 1215 ГГУ). В немецкой практике залог движимой вещи в значительной степени заменен невладелецкой передачей права собственности в виде обеспечения [7, с. 2069].

Пригодность такого реестра, а также сфера его действия для залога движимых вещей может быть предметом обсуждений. Аргументом *contra* может послужить то обстоятельство, что сделки с движимым имуществом имеют высокую динамику и заглянуть в реестр даже осторожному приобретателю не всегда придёт в голову. Так, к примеру, французский цивилист Л.Ж. де ла Морандьер ещё в начале 60-х годов прошлого столетия указы-

вал: “Следует заметить, что равным образом была бы полезна также гласность сделок по поводу имущества движимых, но её, как правило, трудно организовать, ибо движимости не имеют твёрдого места нахождения и должны быстро, без лишних формальностей, переходить из рук в руки” [8, с. 603]. Австрийские специалисты полагают, что сфера применения реестра движимого обеспечения по кругу лиц должна ограничиваться только предпринимателями, которые устанавливают такое обеспечение [9, с. 169].

Не может не вызывать опасений проблема идентификации движимой вещи в реестре. Если предметом залога является транспортное средство, то потенциальному приобретателю доступен широкий выбор параметров поиска (VIN, PIN, номер шасси, номер кузова), однако как быть с тем, если предметом залога выступает иная движимая вещь? В таком случае на сайте реестра доступен один параметр поиска: “идентификатор”. Но и здесь может обнаружиться проблема, поскольку не всякая движимая вещь содержит некое буквенно-цифровое обозначение (идентификатор). По всей видимости, в таком случае приобретателю остаётся только обратиться за выпиской к нотариусу и постараться описать предмет залога².

Не стоит забывать, что приобретателю движимой вещи доступна также возможность поиска по залогодателю. Но и здесь возможны юридические риски для приобретателя. Может произойти ситуация, которая уже была описана в юридической литературе [10, с. 58–59]. Эта ситуация, заключается в том, что движимая вещь, которая не имеет идентификационного номера может перейти по цепочке сделок через одного или нескольких приобретателей. Конечный приобретатель, приняв действия по поиску залогодателя не обнаружит никакой информации в реестре, поскольку приобретает движимую вещь не у залогодателя.

Согласно а. 3 п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда от 27.06.2023 N 23 “О применении судами правил о залоге вещей” при наличии соответствующей записи об учете залога вещи в реестре уведомлений, предполагается, что третьи лица осведомлены о наличии обременения. Далее Пленум указывает на то, что третьи лица должны принять дополнительные меры, направленные на проверку юридической судьбы вещи и обеспеченного обязательства. Иными словами, наличие учета предмета залога в реестре даёт основания полагать, что приобретатель знает о том, что вещь находится в залоге. Такая презумпция возлагает на приобретателей движимых вещей обязанность по проверке реестра.

Правовым последствием несоблюдения требуемого стандарта поведения является тот факт, что залогодержатель сохраняет свои права на вещь и, как следствие, может обратиться на неё взыскание, несмотря на смену собственника вещи (п. 1 ст. 353 ГК РФ).

¹ URL: <https://www.reestr-zalogov.ru/> (дата обращения: 08.09.2024)

² Согласно п. 4 ч. 2 ст. 103.4 Основ в уведомлении должно содержаться описание заложенного имущества.

Так, между залогодержателем-банком и заемщиком был заключён кредитный договор. В обеспечение обязательства перед банком заемщик предоставил транспортное средство Toyota Corolla. Сведения о залоге транспортного средства были внесены в реестр. Впоследствии заемщик продал транспортное средство покупателю. Поскольку заемщик не исполнил обязательство по кредитному договору, банк обратился в суд с иском к покупателю об обращении взыскания на автомобиль. Суд указал следующее: “при заключении договора купли-продажи автомобиля ответчик не проявил должной заботливости и осмотрительности и не совершил действий по проверке автомобиля на наличие обременений в виде залога на сайте нотариальной палаты, доступ к которому открыт для всех. В такой ситуации, оснований к тому, чтобы признать покупателя добросовестным приобретателем транспортного средства, а также оснований для прекращения залога не имеется”¹.

В случае же, если приобретатель соответствует стандарту добросовестного поведения залог прекратится по основанию, предусмотренному пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ.

Исходя из приведённого разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда наличие записи об учете залога вещи в реестре предполагает, что третьи лица осведомлены о наличии обременения. Это значит, что такое предположение может быть опровергнуто. Но в какой ситуации приобретатель может оставаться добросовестным (извинительно не зная) тогда, когда заложенная движимая вещь зафиксирована в реестре?

Анализ российской судебной практики показывает, что суды неохотно идут на исключения из презумпции осведомлённости, когда движимая вещь учтена в реестре, что говорит о высоком стандарте добросовестного поведения приобретателей движимых вещей (во что бы то ни стало проверить реестр).

В одном из дел, рассмотренных Верховным Судом² залогодержатель-банк (А) и заемщик (В) заключили кредитный договор. В обеспечение кредита (В) предоставил транспортное средство Nissan Pathfinder в качестве залога. Сведения о залоге транспортного средства были внесены в реестр. После чего, заемщик в лице поверенного заключил договор купли-продажи транспортного средства, находящегося в залоге, с (С). (С), в свою очередь, продал транспортное средство (D). Банк обратился с иском об обращении взыскания на транспортное средство к (D).

Нижестоящие суды ссылались на п. 7 договора купли-продажи, заключённого между (С) и (D), согласно которому продавец гарантирует, что до заключения договора отчуждаемый автомобиль ни-

кому не продан и не обещан в дар, не заложен, спора о нем не имеется, под арестом не значится и отказали в удовлетворении требований банка. Однако Верховный суд отменил решения нижестоящих инстанций, указав, что данные условия договора не свидетельствуют о том, что (D) приняла все меры, которые мог и должен был принять любой разумный субъект гражданского оборота, действующий осмотрительно и добросовестно. ВС РФ также отметил: “Поскольку обстоятельств, препятствующих (D) получить сведения из реестра уведомлений, при рассмотрении дела судами не установлено, выводы о том, что она является добросовестным приобретателем нельзя признать обоснованными”.

Таким образом, (D) необходимо было проверить реестр по объекту (предмету залога), поскольку залогодатель был ей не известен, ведь она совершила сделку с покупателем залогодателя. Можно сделать вывод, что отсутствие параметра “залогодатель” в реестре не имеет значения для признания недобросовестным приобретателя вещи.

Также стоит отметить любопытный факт, следующий из этого дела: (В) продал автомобиль (С) за низкую стоимость (300.000 рублей). Сам же (С) продал транспортное средство (D) за 1.050.000 рублей. Можно предположить, что (С) знал о том, что транспортное средство находится в залоге у банка, однако обманул (D), указав в условиях договора, что автомобиль не заложен.

Думается, что в такой ситуации (D) могла бы привлечь к ответственности (С) за эвизию по правилам п. 1 ст. 461 ГК РФ. При этом (С) не сможет доказать, что “покупатель должен был знать о наличии оснований, по которым изымается товар третьими лицами”, поскольку практика Верховного Суда³ запрещает принимать возражения продавца, который намеренно скрывал от покупателя информацию о наличии обременения.

Иными словами, в стандарт добросовестного поведения должного знания об основаниях изъятия товара по п. 1 ст. 461 ГК РФ не входит проверка реестра в том случае, если продавец заверяет покупателя об отсутствии каких-либо обременений в отношении передаваемого товара⁴.

В другом деле с идентичной сюжетной линией нижестоящий суд указал: “Приобретая транспортное средство, Тишкин Р.А. не знал и не мог знать о существовании залога, так как отсутствие VIN не позволило ему проверить транспортное средство в реестре уведомлений о залоге движимого имущества”. Верховный суд отменил решение нижестоящей инстанции, указав: “В уведомлении отсутствовал VIN – идентификационный номер транспортного средства, поскольку технические характеристики транспортного средства не пред-

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.06.2022 по делу № 88–10773/2022. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.09.2024)

² Определение СКГД ВС РФ от 13.08.2019 по делу № 46-КГ19–18. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.09.2024)

³ Определение СКЭС ВС РФ от 03.03.2022 № 305-ЭС21–18687. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.09.2024)

⁴ Определение СКГД ВС РФ от 23.11.2021 по делу № 16-КГ21–27-К4. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.09.2024)

полагают наличие VIN номера, однако ответчик имел возможность установить наличие записи о залоге по номеру рамы (шасси) и номеру двигателя и получить у нотариуса соответствующую выписку из реестра уведомлений о залоге движимого имущества¹.

Можно сделать вывод, что отсутствие какого бы то ни было параметра в реестре (будь то невозможность указать залогодателя из-за того, что он неизвестен конечному приобретателю, или будь то отсутствие VIN номера у транспортного средства) не может стать тем обстоятельством, которое занизит для приобретателя стандарт добросовестного поведения.

На примере другого дела, рассмотренного Верховным Судом², можно увидеть насколько важно кредитору-залогодержателю внести предмет залога в реестр как можно быстрее. Так, 4 декабря 2014 г. (А) заключило кредитный договор с обеспечением в виде залога транспортного средства с (В) (заемщик). 15 апреля 2016 г. (В) продал транспортное средство (С). Информация о залоге автомобиля внесена в реестр 29 декабря 2016 г. А 10 февраля 2017 г. (С) продал автомобиль (D). После чего (А) обратился в суд к (D) об обращении взыскания транспортное средство.

Верховный суд сделал вывод, что сделка между (В) и (С), совершённая до учета залога в реестре, прекратила залог, поскольку приобретатель являлся добросовестным лицом (пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ). После данной сделки «имущество лишается признаков предмета залога, в том числе и в случае внесения его в дальнейшем в реестр уведомлений о залоге движимого имущества Федеральной нотариальной палаты, а последующие приобретатели такого имущества не несут обязанностей залогодателя, независимо от их осведомленности о том, что ранее в момент отчуждения имущества добросовестному приобретателю оно было заложено».

В дальнейшем Верховный Суд закрепил данную позицию в а. 5 п. 39 Постановления Пленума от 27.06.2023 N 23 «О применении судами правил о залоге вещей». Данная позиция текстуально выражена следующим образом: «При наличии добросовестного приобретателя заложенной движимой вещи последующее внесение в реестр уведомлений записи о её залоге на основании заявления залогодержателя не влечет восстановления залога; дальнейшее отчуждение вещи происходит без обременения».

Таким образом, несмотря на то, что во всех анализируемых делах предметом залога является автомобиль, не исключена ситуация, при которой предметом залога будет выступать иное движимое имущество. Думается, что с учётом тех параметров

поиска, которые имеет приобретатель, ему будет достаточно сложно (если не невозможно) найти искомым вещь. Поэтому абсолютизировать такой высокий стандарт добросовестного поведения на все движимые вещи будет несправедливо для приобретателей.

Также исключением из такого стандарта добросовестного поведения должны стать потребительские правоотношения, о чём совершенно верно указала А.А. Маковская в интервью А.В. Егорову [11, с. 17]. Потребитель, приходя в магазин, не ожидает того, что приобретаемый товар будет находиться в залоге. Распространение презумпции осведомлённости в этом случае представляется крайне несправедливым. Думается, что на такой позиции стоит Верховный Суд уже сегодня. Так, в одном из дел, где автосалон продал потребителю заложенную вещь, Верховный Суд³ указал нижестоящим инстанциям: «При этом судебные инстанции не указали в силу каких норм права или обстоятельств дела потребитель должен быть более осмотрителен при заключении договора, чем субъект предпринимательской деятельности, осуществляющий торговлю данным видом товара». Думается, что в данном деле Верховный Суд намекнул на заниженный стандарт добросовестного поведения к потребителю. Но следует иметь в виду, что в этом деле суд рассматривал требование покупателя к продавцу, а не залогодержателя к приобретателю.

Литература

1. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. – М.: Статут, 2002. 800 с.
2. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. – М.: Статут, 2012. 535 с.
3. Церковников М.А. Регистрация сделок с недвижимостью во Франции: принцип противопоставимости // Вестник ВАС. 2012. № 3. С. 61–83.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Федеральный закон от 21.12.2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6687.
6. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11.02.1993 г. № 4462–1 (ред. от 08.08.2024) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

¹ Определение СКГД ВС РФ от 15.12.2020 по делу № 74-КГ20–5-К9, 2–8260/2019. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.09.2024)

² Определение СКГД ВС РФ от 04.05.2021 по делу № 53-КГ21–1-К8, 2–2569/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.09.2024)

³ Определение СКГД ВС РФ от 25.01.2022 по делу № 49-КГ21–41-К6 URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.09.2024)

7. German Civil Code: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). Vol. I: Books 1–3: § § 1–1296. Article-by-Article Commentary / Ed. By G. Dannemann, R. Schulze, J. Watson (Assistant Ed.). München: C.H. Beck; Baden-Baden: Nomos, 2020. 2322 p.
8. Морандьер Л. Жюллио де ла. Гражданское право Франции. В 3 т. Т. 3 / Вступ. ст. Е.А. Флейшиц; Пер. с фр. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 748 с.
9. Егоров А.В. Учётная регистрация залога: первые результаты реформы / Об обеспечении обязательств: Сборник статей к юбилею С.В. Сарбаша. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. 2017. С. 156–200.
10. Бевзенко Р.С., Егоров А.В. Поправки о залоге. Новые возможности для маневра. М.: Акцион-Медиа, 2015. 288 с.
11. Маковская А.А. “Я подозреваю, что Пленум немного погорячился... Очевидно, что в той части, где речь идёт о старых положениях ГК, постановление Пленума ВАС РФ нельзя было отменять...” // Цивилистика. 2023. № 4. С. 4–20.

LEGAL CONDITIONS FOR DIFFERENTIATION OF STANDARDS OF GOOD FAITH CONDUCT OF THE PURCHASER OF MOVABLE PROPERTY INCLUDED IN THE REGISTER OF NOTIFICATIONS OF PLEDGE

Baykalov L.G.

Siberian Federal University

The article analyzes the standard of good-faith behavior of purchaser of movable property pledged and recorded in the register of notifications of pledge of movable property, developed by Russian judicial practice. Such a standard is expressed in the proper behavior of purchasers of movable property – purchasers must check the presence of a movable property in the register of notifications of pledge of movable property before making a transaction. At the same time, the Supreme Court of the Russian Federation formulates this standard in the form of a presumption: “it is assumed that third parties are aware of the existence of an encumbrance”. The wording chosen by the Supreme Court of the Russian Federation indicates that the standard of good-faith behavior of purchasers of movable property, expressed in checking the register of notifications of pledge of movable property, can be understated. In other words, the Supreme Court of the Russian Federation indicates that in civil circula-

tion there are situations when the purchasers of a movable property, without checking the register, will be considered good faith. The author proposes to differentiate the established standard depending on who is the purchaser of the movable property, and also to take into account what movable property is in the register.

Keywords: pledge, pledge of movable property, register of notifications of pledge of movable property, good-faith behavior of purchasers of movable property, awareness of purchasers of movable property.

References

1. Pobedonostsev K.P. A Course on Civil Law. Vol. 1. Moscow, 2003. 800 p.
2. Agarkov M.M. Selected Works on Civil Law: in 2 vol. Vol. 2. Moscow, 2012. 535 p.
3. Tserkovnikov M.A. Registration of real estate transactions in France: the principle of opposability // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 3. P. 61–83.
4. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
5. Federal Law dated December 21, 2013 No 367-FZ “On Amendments to Parts One of the Civil Code of the Russian Federation and recognition of individual legislative acts (provisions of legislative acts) of the Russian Federation as invalid // Collected Legislation of the Russia Federation. 2013. No. 51. Art. 6687.
6. “Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries” dated February 11, 1993 No. 4462–1 (as amended on August 8, 2024) // Statement of the National People’s Congress and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. No. 10. Art. 357.
7. German Civil Code: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). Vol. I: Books 1–3: § § 1–1296. Article-by-Article Commentary / Ed. By G. Dannemann, R. Schulze, J. Watson (Assistant Ed.). München: C.H. Beck; Baden-Baden: Nomos, 2020. 2322 p.
8. Morandiere L. Julliot de la, Fleischitz E.A. (trans.). Civil Law of France. In 3 vols. Vol. 3. Moscow, 1961. 748 p.
9. Egorov A.V. Accounting Registration of Collateral: the First Results of the Reform. In: On Securing Obligations: collection of articles for the anniversary of S.V. Sarbash. Moscow, 2017. P. 156–200.
10. Bevzenko R.S., Egorov A.V. Amendments on pledge. New opportunities for maneuver. Moscow, 2015. 288 p.
11. Makovskaya A.A. “I suspect that the Plenum got a little carried away... It is obvious that in the part where the old provisions of the Civil Code are concerned, the resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation could not be cancelled // Civil Law. 2023. No. 4. P. 4–20.

Эволюция правовой модели договорного регулирования брачно-семейных отношений в Российской Федерации

Ван Лу,

аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: Luwang670@gmail.com

При рассмотрении тех или иных правовых режимов или правовых категорий всегда актуальным является исторический анализ их появления в нормах российского права. Брачный договор не является тому исключением.

Договорное регулирование брачно-семейных отношений в Российской Федерации не имеет глубоких исторических корней и начинается свою историю только в 1996 году. Однако брачные договоры в России достаточно распространены. Анализ правоприменительной практики показал, что в Российской Федерации брачные договоры заключаются не только для установления надлежащего правового режима имущества, но и для вида, с целью сберечь имущество от взыскания кредиторами, что явно противоречит гражданско-правовой природе таких договоров. Именно гражданско-правовая природа брачных договоров позволяет судам применять к таким договорам установленные Гражданским кодексом Российской Федерации правила о недействительности сделок.

Решение существующей проблемы лежит в плоскости развития у населения правовой грамотности и правовой культуры, а не в плоскости изменений законодательства, поскольку признание брачного договора недействительной сделкой говорит о явном непонимании сторонами его сущности и значения в брачно-семейных отношениях.

Ключевые слова: брачный договор, договорные начала, советский период, дореволюционный период, злоупотреблением правом, недействительность сделок, нотариальная форма.

Современное российское семейное право характеризуется наличием договорных начал, однако сама возможность использования договорных конструкций в семейных отношениях весьма ограничена даже несмотря на то, что с 1996 года положения Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) содержат правила правового регулирования такого правового института, как институт брачного договора. Существующие тенденции об ограниченности договорных начал в семейном праве имеют исторические корни.

В допетровские времена правоотношения по поводу имущества супругов могли закрепляться в форме рядной записи, устанавливающей одновременно личные и имущественные права и обязанности супругов (обязательства как по самому браку, так и обязательства по самому имуществу). Однако такие рядные записи не являются аналогами брачного договора, поскольку на законодательном уровне обязанность по формированию таких записей отсутствовала.

В правовой литературе существуют отдельные позиции о том, что рядные записи можно считать неким аналогом брачного договора, поскольку их содержание фактически определяло режим общей собственности супругов [8]. С указанным мнением нельзя согласиться в целом, поскольку с одной стороны возможность определить и закрепить имущественные права супругов действительно допускалась, однако с другой стороны в законодательстве Российской Империи никаких прямых указаний на возможность определить посредством брачного либо иного договора режим собственности супругов закреплено не было. Исходя из этого, рядные записи можно скорее отнести к обычаям, сложившимся в брачно-семейных отношениях, нежели к актам, определяющим права и обязанности супругов на договорной основе.

Теперь акцентируем внимание на том, как регулировался вопрос общей собственности супругов в дореволюционном семейном праве. В дореволюционном российском семейном праве существовало понятие раздельной собственности супругов, однако договорный режим имущества супругов отсутствовал. При этом речь идет не только о брачном договоре, устанавливающим режим раздельной собственности супругов, а каком-либо другом аналогичном акте [14]. Так, в Своде законов Российской Империи (ст.ст. 105 и 109 том 1 Законы гражданские) указывалось на то, что имущественные отношения между супругами построены на началах раздельности. При этом факт заключения брака не влечёт за собой общности имуществ су-

прыгов. Имущество же, принадлежавшее супругам как до вступления в брак, так и в момент брака составляло отдельную собственность каждого из супругов.

В российской правовой литературе дореволюционного периода отмечалось, что русскому брачно-семейному праву чужды и не известны договорные начала, определяющие режим супружеской собственности [6, 8, 14], как это было принято в других странах, например, Франции и Германии. Исходя из этого можно констатировать, что даже несмотря на то, что режим собственности супругов определялся соглашением между ними, сама природа такого соглашения не имела договорных начал.

Советский период в специализированной литературе именуют периодом квазичастного права. В указанный период гражданское законодательство было подвержено системным изменениям, в том числе посредством исключения из законодательных норм основных частноправовых начал. Именно в советский период подотрасль гражданского права – право семейное, стало самостоятельной отраслью права, поскольку подразумевалось, что со временем будет устранено все право гражданское как право чуждое советскому обществу и советской идеологии [6].

Кардинальные изменения в советский период произошли и в части законодательного определения имущественных прав и обязанностей супругов. Так, именно в этот период в брачно-семейных отношениях закрепляется категория «общее имущество супругов». В частности, статья 10. Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 года содержала указание на то, что режим раздельного имущества распространяется на имущество супругов, принадлежавшее им до вступления в брак. То имущество супругов, которое было нажито в период брака, признается общим имуществом супругов. При этом размер доли, принадлежащей каждому супругу в общем имуществе, в случае спора определялся судом.

Закрепление новой правовой категории «общее имущество супругов» и по сути нового правового режима в Кодексе законов о браке, семье и опеке 1926 года было вызвано ущемлением положения тех женщин, которые не имели дохода, в части прав на семейное имущество. По сути женщина, добровольно отказавшаяся от работы и карьеры в пользу ведения домашнего хозяйства и семьи, в случае развода оказывалась в затруднительном положении, особенно в том случае, если у нее не было имущества, нажитого до брака. Как справедливо отмечается по данному поводу в специализированной литературе, до введения режима общего имущества супругов в нормы советского законодательства все имущество семьи считалось собственностью мужа, поскольку приобреталось на заработанные им средства, если он был единственным членом семьи, имеющим заработок, а женщина при разводе в таком случае оставалась ни с чем [8].

Вместе с тем, несмотря на закрепление в Кодексе законов о браке, семье и опеке 1926 года режима общего имущества супругов, договорные начала, регламентирующие специфику режима имущества супругов, установлены не были. Не нашлось место договорным началам в брачно-семейных отношениях и спустя 40 лет в Кодексе о браке и семье РСФСР, утвержденном 30.07.1969 года и действующем до принятия в Российской Федерации СК РФ [7, 8].

Таким образом, можно констатировать, что длительное время господствующим мнением в правовой литературе применительно к праву семейному являлось мнение о том, что оно лишено договорных начал. Такая позиция подкреплялась отсутствием соответствующих правил в нормах законодательства. С появлением брачных договоров избегать применения конструкции договора в семейном праве стало невозможно.

Так, согласно ст. 40 СК РФ под брачным договором понимается соглашение лиц, вступающих в брак (супружество), или соглашение супругов, которое определяет имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. В ст. 41 СК РФ определен момент, в который допустимо заключение брачного договора (как со дня подачи в регистрирующий орган заявления о государственной регистрации брака и вплоть до государственной регистрации заключения брака, так и в любое время в период брака), а также момент вступления такого договора в силу – брачный договор, заключенный до государственной регистрации заключения брака, вступает в силу со дня государственной регистрации заключения брака.

Немаловажным аспектом является и форма заключения брачного договора. Так, согласно ч. 2. ст. 41 СК РФ брачный договор заключается в письменной форме и подлежит обязательному нотариальному удостоверению. При этом в иных статьях СК РФ содержится указание то, что общие правила правового регулирования брачного договора в части порядка расторжения или изменения, признания его недействительным, определяются в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Вышеприведенные положения ст. 40 и ст. 41 СК РФ позволяют сделать вывод о том, что брачный договор может исполняться исключительно теми лицами, которые вступили в брак, поскольку момент вступления в силу брачного договора напрямую связан с фактом государственной регистрации заключения брака. Кроме того, на брачный договор распространяются правила о сделках, закрепленные российским гражданским законодательством.

Следующий момент, который видится весьма интересным, относится к нотариальному удостоверению брачного договора. Исходя из вышеприведенных норм СК РФ брачный договор, заключенный при отсутствии необходимого нотариального удостоверения, является ничтожным. Такой

вывод прямо следует из ч. 3 ст. 163 ГК РФ, нормативные предписания которой указывают на то, что если нотариальное заверение сделки в соответствии с законодательством является обязательным и при этом не совершено, то несоблюдение требования о нотариальном удостоверении влечет ничтожность сделки. Если незаверение у нотариуса брачного договора влечет ничтожность такого договора, то возникает вопрос относительно правовых последствий признания сделки недействительной – правила о двусторонней реституции (возврат сторон в первоначальное положение).

С другой стороны, ГК РФ содержит положения ч. 1 ст. 165, прямо указывающей на то, что при условии, если сделка, требующая нотариального удостоверения, фактически исполнена сторонами или одной из сторон и она по своему содержанию не противоречит законодательству и не нарушает прав третьих лиц, то суд по заявлению заинтересованной стороны вправе признать сделку действительной. В этом случае последующее нотариальное удостоверение сделки не требуется.

Отсюда возникает объективный вопрос, применимы ли положения ч. 1 ст. 165 ГК РФ для сторон брачного договора? Ответ на этот вопрос не так однозначен. С одной стороны, применительно к брачному договору нормативные предписания ч. 1 ст. 165 ГК РФ трудноприменимы, поскольку возникает проблема, связанная с моментом фактического исполнения брачного договора одной из его сторон, особенно в том случае, если предметом брачного договора выступает распределение имущества между супругами, а не совершение определенных действий в отношении имущества.

Думается, что применить положения ч. 1 ст. 165 ГК РФ для сторон брачного договора возможно только тогда, когда определили права и обязанности в отношении имущества таким образом, когда из объема прав и обязанностей вытекает необходимость совершения определенных действий в определенный период времени и такие действия можно потом квалифицировать как частичное или полное исполнение сделки. При этом из действий второй стороны должно явно усматриваться уклонение от совершения сделки.

Отсутствие нотариального заверения брачного договора может быть связано с различными причинами, однако правовые последствия отсутствия нотариального заверения при невозможности применения ч. 1 ст. 165 ГК РФ связаны с признанием всего имущества, нажитого в браке, совместно нажитым имуществом. За счет такого имущества могут покрываться долги одного из супругов (или общие долги супругов) [9, 10, 11].

При этом на практике наиболее типична обратная ситуация, когда брачный договор заключается специально, чтобы обеспечить сохранность имущества при наличии долгов у одного из супругов [12, 13]. Практически каждый иск, связанный с признанием брачного договора недействительными, при наличии у одного из супругов долговых обязательств судом удовлетворяется. Для более

точного понимания причины оспаривания брачного договора рассмотрим правоприменительную практику по данному вопросу.

Так, согласно Постановления Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2023 № 18АП-11691/2023 по делу № А76–9075/2021 истец (кредитор одного из супругов) [3] обратилась в суд с иском о признании брачного договора, заключенного между супругами, недействительным, поскольку по мнению истца договор был заключен для вида, чтобы не платить по обязательствам и скрыть имущество. При этом, по заявлению кредитора, должник о наличии брачного договора не уведомлял.

Как было установлено судом из материалов дела, супруги заключили спорный брачный договор до возникновения обязательств, а закон не требует уведомлять потенциальных контрагентов о наличии брачного договора. Недействительным может быть признан только тот брачный договор, обстоятельства заключения которого могут свидетельствовать о злоупотреблении правом.

Таким злоупотреблением, исходя из правоприменительной практики, может быть отсутствие разумных экономических мотивов – супруги заключили соглашение до возникновения обязательств. Так, например, в деле № А40–167814/2020 [4] кредитор заявил о недействительности брачного договора, по которому право на значительную часть совместно нажитого имущества перешло к супруге должника. Судом позиция кредитора была поддержана, поскольку супруги не доказали экономическую целесообразность договора. Кроме того, о злоупотреблении правом свидетельствовал тот факт, что брачный договор был заключен сразу после обращения кредитора в суд и спустя 20 лет после регистрации брака.

С одной стороны, для заключения брачного договора по российскому законодательству не имеет значения количество лет нахождения супругов в браке. С другой стороны, совокупность обстоятельств – количество лет в браке и момент заключения брачного договора свидетельствуют о том, что брачный договор заключен для вида, без намерения создать соответствующие ему правовые последствия, так как сами цели брачного договора не достигнуты и стороны сделки не собирались их достичь.

В деле № А40–92535/2017 [5] также речь идет о действиях супругов и наличии долговых обязательств у сторон брачного договора. Так, согласно материалам дела, в ходе банкротства должника, должник и его супруга расторгли брачный договор без согласия финансового управляющего. Это позволило жене претендовать на раздел совместно нажитого имущества и часть средств от его реализации.

Изучив материалы дела, суд пришёл к выводу о том, что в действиях супругов усматривается злоупотребление правом, поскольку основная цель расторжения брачного договора – признание за супругами общей собственности, а следовательно,

и изъятие имущества, принадлежащего должнику по брачному договору из конкурсной массы.

Таким образом, можно констатировать, что брачные договоры в Российской Федерации достаточно распространены, даже несмотря на то, что договорное регулирование брачно-семейных отношений не имеет глубоких исторических корней. При этом брачные договоры в Российской Федерации заключаются не только для установления надлежащего правового режима имущества, но и для вида, с целью сберечь имущество от взыскания кредиторами, что явно противоречит гражданско-правовой природе таких договоров. Именно гражданско-правовая природа брачных договоров позволяет судам применять к таким договорам установленные ГК РФ правила о недействительности сделок.

Решение существующей проблемы лежит в плоскости развития у населения правовой грамотности и правовой культуры, а не в плоскости изменений законодательства, поскольку признание брачного договора недействительной сделкой говорит о явном непонимании сторонами брачного договора его сущности и значения в брачно-семейных отношениях.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2023 № 18АП-11691/2023 по делу № А76–9075/2021. СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/66046708/> (дата обращения: 15.10.2024).
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.01.2023 № Ф05–32698/2021 по делу № А40–167814/2020 «О признании недействительным брачного договора». СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=461178#Y9LYLRUZiMe1mlpA> (дата обращения: 15.10.2024).
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.04.2023 № Ф05–7650/2018 по делу № А40–92535/2017 «О признании соглашения о расторжении брачного договора недействительной сделкой и применении последствий ее недействительности». СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=471542#DOOZLRUwBU-9hOtxu1> (дата обращения: 15.10.2024).
6. Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования //

Антология уральской цивилистики. 1925–1989: Сб. статей. – М.: Статут, 2001. – С. 54–68.

7. Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. – М.: Юстицинформ, 2023. – 672 с.
8. Мыскин А.В. Брачный договор в системе российского частного права. – М.: Статут, 2012. – 172 с.
9. Орлов А.В. Актуальные правовые проблемы взыскания долга у физического лица // Юрист. – 2019. – № 10. – С. 59–70.
10. Румак В. Потенциал Семейного кодекса не используется до конца [Интервью с М.В. Антокольской] // Закон. – 2018. – № 6. – С. 6–16.
11. Слепакова А.В. Правоотношения собственности супругов. – М.: Статут, 2005. – 444 с.
12. Тимкин А.А. Институт брачного договора в России: проблемы практики применения // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 4. – С. 94–99.
13. Чефранова Е.А. Правовые вопросы уведомления кредиторов о заключении, изменении и расторжении брачного договора // Нотариальный вестник. – 2022. – № 4. – С. 5–14.
14. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. – М.: Статут, 2003. – 250 с.

EVOLUTION OF THE LEGAL MODEL OF CONTRACTUAL REGULATION OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Van Lu
Peoples' Friendship University of Russia

When considering certain legal regimes or legal categories, the historical analysis of the appearance of such regimes and categories in the norms of Russian law is always relevant. The prenuptial agreement is no exception. Contractual regulation of marriage and family relations in the Russian Federation has no deep historical roots and begins its history only in 1996. However, prenuptial agreements are quite common in the Russian Federation. At the same time, an analysis of law enforcement practice has shown that in the Russian Federation, prenuptial agreements are concluded not only to establish the proper legal regime of property, but also for the purpose of protecting property from collection by creditors, which clearly contradicts the civil nature of such contracts. It is the civil law nature of marriage contracts that allows courts to apply the rules on the invalidity of transactions established by the Civil Code of the Russian Federation to such contracts. The solution to the existing problem lies in the development of legal literacy and legal culture among the population, and not in the plane of legislative changes, since the recognition of a marriage contract as an invalid transaction indicates a clear misunderstanding by the parties to the marriage contract of its essence and significance in marital and family relations.

Keywords: prenuptial agreement, contractual principles, Soviet period, pre-revolutionary period, abuse of law, invalidity of transactions, notarial form.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on July 31, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.

3. Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated September 26, 2023 No. 18AP-11691/2023 in case No. A76-9075/2021. SPS "Garant" URL: <https://base.garant.ru/66046708/> (date of access: October 15, 2024).
4. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated January 26, 2023 No. F05-32698/2021 in case No. A40-167814/2020 "On Invalidation of a Marriage Contract". SPS "ConsultantPlus" URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=461178#Y9LYLRUZiMe1mlpA> (date of access: 15.10.2024).
5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 12.04.2023 No. F05-7650/2018 in case No. A40-92535/2017 "On recognizing the agreement on termination of the marriage contract as an invalid transaction and applying the consequences of its invalidity." SPS "ConsultantPlus" URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=471542#DO0ZLRUwBU9hOtxu1> (date of access: 15.10.2024).
6. Alekseev S.S. Unilateral transactions in the mechanism of civil law regulation // Anthology of Ural civilistics. 1925-1989: Collection of articles. – M.: Statut, 2001. – P. 54-68.
7. Convergence of private law regulation of public relations through the prism of the effectiveness of law: monograph / K.A. Abdul-laeV, A.V. Abramova, E.A. Abyzova et al.; ed. by A.N. Levushkin, E. Kh. Nadyseva. – M.: Yustitsinform, 2023. – 672 p.
8. Myskin A.V. Marriage contract in the system of Russian private law. – M.: Statut, 2012. – 172 p.
9. Orlov A.V. Actual legal problems of debt collection from an individual // Jurist. – 2019. – No. 10. – P. 59-70.
10. Rumak V. The potential of the Family Code is not fully utilized [Interview with M.V. Antokolskaya] // Law. – 2018. – No. 6. – P. 6-16.
11. Slepakova A.V. Legal relations of property of spouses. – M.: Statut, 2005. – 444 p.
12. Timkin A.A. Institute of marriage contract in Russia: problems of application practice // Property relations in the Russian Federation. – 2024. – No. 4. – P. 94-99.
13. Chefranova E.A. Legal issues of notifying creditors about the conclusion, amendment and termination of a marriage contract // Notarial Bulletin. – 2022. – No. 4. – P. 5-14.
14. Shershenevich G.F. Science of civil law in Russia. – M.: Statut, 2003. – 250 p.

Развитие российского гражданского законодательства о машино-месте как объекте недвижимости

Вронская Мария Владимировна,

доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
E-mail: m.vronskaya@mail.ru

Бавина Елена Михайловна,

магистрант Института права Владивостокского государственного университета
E-mail: elen-bavin@yandex.ru

Рост общественных парковок возле многоквартирных жилых домов (и связанный с ними рост социальной конфликтности) привел к появлению спроса на расширение частнособственнических прав, т.е. на создаваемые при строительстве индивидуальные парковочные места для автотранспорта. Все это подвигло девелоперов (застройщиков), стремящихся повысить привлекательность продаваемого жилья, к строительству комплексов машино-мест вместе с жилыми объектами. Однако достаточно четко правовой режим комплексов машино-мест в законодательстве долгое время урегулирован не был, в связи с чем и у застройщиков, и у граждан возникло значительное число проблем как при осуществлении их гражданских прав на машино-места, так и в их защите. Цель научного исследования – проанализировать и обобщить юридические ситуации, возникающие в связи с созданием и включением в гражданский оборот объекта недвижимости – машино-места, определить общие подходы к его исследованию. Предметом исследования стали общественные отношения в период с 2001 г по настоящее время, связанные с возникновением данного объекта гражданских прав, его государственной регистрацией, гражданским оборотом (куплей-продажей, арендой, наследованием, иным переходом в порядке правопреемства), и прекращением, а также с охраной и защитой гражданских прав на данный объект.

Ключевые слова: объект недвижимости, машино-место, транспортное средство, здание, сооружение, ограждающая конструкция, объект государственного кадастрового учета, объект субъективного гражданского права, объект государственной регистрации

Введение

Рост городов, повлекший и рост числа автотранспортных средств индивидуального назначения, объективно повлек и рост спроса на места хранения таких транспортных средств, который уже не мог быть удовлетворен кооперативным гаражным строительством (что было показано в диссертации М.В. Аксеновой, еще в 2001 году предложившей в качестве альтернативы существовавшей тогда «гаражной экономике» развитие многоэтажных комплексов машино-мест [1, с. 111]). Поэтому гаражное строительство было постепенно заменено расширением платных стоянок, а недостатки последних, в свою очередь – привели к расширению общественных парковок непосредственно возле жилых зданий (при этом лишь в одном исследовании было обращено внимание на экономические проблемы, возникающие при нарастании свободной установки автомобилей вдоль проезжей части – п.п. 2.4.1 и 2.4.3 диссертации В.Н. Попова 2007 года [2, с.с. 84, 96]).

В свою очередь, рост общественных парковок возле многоквартирных жилых домов (и связанный с ними рост социальной конфликтности) привел к появлению спроса на расширение частнособственнических прав, т.е. на создаваемые при строительстве индивидуальные парковочные места для автотранспорта. Все это подвигло девелоперов (застройщиков), стремящихся повысить привлекательность продаваемого жилья, к строительству комплексов машиномест вместе с жилыми комплексами.

Более того, на расширение требований автомобильной обеспеченности направлены были и некоторые нормативно-правовые акты. Так, в Москве одним из условий для получения разрешения на строительство жилых помещений стала с 2005 года обязательность обеспечить каждое из помещений одним машино-местом (при этом расчет машиномест происходит не по числу квартир, а по числу жильцов – по минимальной жилой площади) [3]. Такой (уже законодательный) подход привел к тому, что в настоящее время лишь в 5% создаваемых жилищных комплексов отсутствуют подземные паркинги с машиноместами.

Уже в 2021 году специалисты (М. Хуснуллин) отмечали, что «рост количества автомобилей в России втягивает застройщиков в бесконечную гонку объемов парковочных пространств» [4]. С другой стороны, в среднем по РФ число строящихся квартир в 10 раз превышает число строящихся машино-мест [4], а следовательно, соотношение между общим числом жильцов и числом маши-

но-мест – в десятки раз меньше объективной потребности в машино-местах. Интересно, что эти данные «Единого ресурса застройщиков» опровергаются его же руководителем (К. Холопик), утверждающим, что обеспеченность квартир парковочным пространством в строящихся зданиях уже в 2020 году составляла 1 к 1. Во всяком случае, нельзя не признать и объективной потребности в машино-местах, и роста численности этих объектов гражданских прав на ближайшие годы, и роста числа гражданских (арбитражных) споров, возникающих по поводу этих объектов.

Особенностью тенденций 2023 года стало распределение спроса на машино-места по городам: при его некотором снижении в Москве, в целом по России он вырос за год на 6% [5, с. 3]. По мнению некоторых специалистов, это означает «желание россиян экономить», однако представляется, что речь идет об обратном: о распространении данной экономической модели хранения автомобиля – на регионы Российской Федерации, хотя и одновременно с достижением трендом растущих цен своего потолка, по Москве.

Распространение данных объектов было в предшествующие годы обусловлено также акционной политикой застройщиков (рост числа акций, подобных «машино-место – в подарок» – отмечается на главном российском статистическом сайте о недвижимости – ИРН [6]).

Основная часть

Свое закрепление машино-места как отдельные объекты субъективных гражданских прав получили в 2017 году (абзац третий пункта 1 статьи 130 Гражданского кодекса РФ [7]), когда данная проблема (как их использования, так и защиты прав на них) получила широкое распространение.

Однако за восемь лет существования данного – самостоятельного объекта гражданских прав – научные исследования по его правовой природе и гражданско-правовому режиму ограничиваются лишь публикациями в периодической печати. Ни на монографическом, ни на диссертационном уровне цивилистический (а равно и любой другой, в том числе – налогово-правовой) анализ этого объекта не проводился. Работы М.В. Аксеновой и В.Н. Попова показывают, что и в экономической и технической научных отраслях машино-местам как форме удовлетворения потребности граждан в хранении автомобилей – не уделялось достаточно внимания, но в сфере юриспруденции подобные исследования – и вовсе отсутствуют.

Согласно пункту 29 статьи 1 Градостроительного кодекса России [8], машино-место – предназначенная исключительно для размещения транспортного средства индивидуально-определенная часть здания или сооружения, которая не ограничена либо частично ограничена строительной или иной ограждающей конструкцией и границы которой описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке.

Таким образом, законодатель определил машино-место как часть здания или сооружения, при этом под зданием им понимается результат строительства, представляющий собой объемную строительную систему, имеющую надземную и (или) подземную части, включающую в себя помещения, сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения и предназначенную для проживания и (или) деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных (пункт 6 статьи 2 ФЗ от 30.12.2009 № 384-ФЗ [9]), а под сооружением – сооружение – результат строительства, представляющий собой объемную, плоскостную или линейную строительную систему, имеющую наземную, надземную и (или) подземную части, состоящую из несущих, а в отдельных случаях и ограждающих строительных конструкций и предназначенную для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов.

Из данного определения следует, что нельзя рассматривать в качестве машино-места взятый сам по себе земельный участок: машино-место обязательно должно быть частью более крупного строительного объекта. Однако первая из проблем правового режима данного объекта состоит в том, должен ли данный строительный объект, для установления на нем границ машино-места, пройти государственную регистрацию в качестве объекта недвижимости.

С одной стороны, государственная регистрация машино-места как объекта недвижимости должна обязательно содержать указание на здание (сооружение), частью которого оно является. Иначе говоря, для регистрации машино-места как части, например здания – должно быть зарегистрировано само здание. Этот тезис подтверждается и указанием законодателя на «индивидуальную определенность» машино-места (данная вещь, как разновидность недвижимого имущества, обладает индивидуальными, а не родовыми признаками), которая обусловлена индивидуальной определенностью, во-первых, самого объекта строительства (только при государственной регистрации данный объект получает собственный, индивидуально-неповторимый регистрационный номер), во-вторых, машино-местом как его конкретной выделенной частью. Иначе говоря, такое свойство этого объекта, как индивидуальная определенность, связана с индивидуальной определенностью прежде всего здания (сооружения), появляющейся при условии государственной регистрации этого здания в качестве объекта недвижимости.

С другой стороны, абзац третий пункта первого статьи 130 Гражданского кодекса РФ гласит, что машино-место может быть объектом недвижимости при условии, «если границы таких... частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке». Таким образом, Гражданский

кодекс РФ прямо не определяет необходимым государственную (правовую) регистрацию здания (сооружения), считая достаточным государственный кадастровый (фактический) учет расположения и границ машино-места.

Думается, что данный вопрос должен решаться так же, как он решается для объектов недвижимости, которые не являются частями других объектов недвижимости: государственный регистрационный (а не только кадастровый) учет должно пройти само здание (сооружение). Только после определения собственника здания (сооружения), после признания здания (сооружения) объектом зарегистрированного права (хотя бы и объектом незавершенного строительства), а не только после определения границ и технических параметров этого здания – возможным становится определение и собственника машино-места, а если собственник машино-места не является собственником здания (сооружения), то становится возможным определение правового основания для приобретения лицом машино-места конкретного вида права (собственности или пользования) на это машино-место.

Вторая из проблем правового режима данного объекта, вытекающая из его родового признака как части здания или сооружения, возникает в связи с тем, как соотносятся собственник здания или сооружения и собственник машино-места. Иначе говоря, возникает вопрос о том, становится ли собственник машино-места долевым сособственником в собственности на здание (сооружение) или не становится.

С ним связан и еще один вопрос – о распределении бремени расходов на поддержание здания (сооружения) в надлежащем состоянии (в частности, на капитальный ремонт, содержание инженерных коммуникаций и т.п.), на налогообложение.

Еще один вопрос правового режима данного объекта – о распоряжении зданием (сооружением) или его частью без ведома собственника машино-места. Актуальной, в частности, является ситуация, когда собственник здания или сооружения (застройщик), реализовав имеющиеся у него машино-места, выделяет в нём новые объекты, которые так же начинает продавать, но уже – вопреки интересам собственников уже приобретенных машино-мест (и чаще всего жильцов этого здания), которые не рассчитывали на появление в той или иной его части новых машино-мест. В этой ситуации возникает вопрос, требуется ли согласие жильцов и собственников уже приобретенных у застройщика машино-мест (или согласие, например, общего собрания жильцов, иных органов, созданных жильцами и выражающих их общую волю).

Все эти вопросы могут быть решены лишь на основе того, является ли собственник машино-места долевым собственником здания (сооружения), или его собственность ограничивается собственностью выделенной ему части здания (сооружения).

Если рассматривать право собственности на машино-место как основание для признания собственника этого машино-места сособственни-

ком здания (сооружения) в целом, то начинает действовать правило пункта 1 статьи 246 Гражданского кодекса РФ, согласно которому распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников. Иначе говоря, при выделении (в ЕГРН) новых машино-мест и при каждой новой продаже машино-места собственник здания должен испрашивать согласия также всех новых собственников машино-мест – как сособственников здания (сооружения) в целом. Если же рассматривать право собственности на машино-место как отдельное и самостоятельное, но – не дающее право быть признанным сособственником всего здания, то и бремя содержания этого здания (сооружения), его обслуживания и уплаты на него налогов (т.е. бремя собственности на здание (сооружение)) – также возлагаются исключительно на собственника этого здания (сооружения).

Вторым (помимо признака «часть здания или сооружения») признаком машино-места является строгое, «исключительное» (то есть исключающее все иные виды пользования) целевое назначение этого объекта: размещение транспортного средства. Это означает, что на данном объекте (части здания или сооружения) не могут быть размещены никакие другие вещи, кроме транспортных средств, он не может быть оборудован или переоборудован собственником (иным владельцем или пользователем) ни под хранилище (кладовку, подсобку), ни под какие-либо иные пользовательские нужды.

Третьим признаком в определении понятия машино-места назван фактический: «не ограниченность» или «частичная ограниченность» строительной или иной ограждающей конструкцией. Как видно, данный признак является в большей мере отрицательным, он требует отсутствия полного отграничения данного места какой-либо ограждающей конструкцией (максимально-допустимой признается лишь «частичная отграниченность»). Юридическим значением этого признака является то что машино-местом может быть признана лишь открытая площадка, поскольку «закрытие» ее полностью ограждающими конструкциями создает иной объект недвижимости – гараж. Основной недостаток данного признака очевиден: понятие «частично-отграниченный» вызывает вопрос о том, в какой именно части допустимо отграничение, чтобы признать ту или иную часть здания или сооружения машино-местом. С понятием «частичной отграниченности» связано и понятие ограждающей конструкции: не ясно, какой именно должна быть эта конструкция, какие она должна нести функции (и, главное, какие функции она не должна нести), чтобы не полностью, а «частично» отграничивать данную часть от остального здания (сооружения). В частности, не ясно, является ли «частичным отграничением» установка «стен» – легких панелей по периметру машино-места, но – без устройства крыши над автомобилем, или установка даже таких конструкций рассматривается как пол-

ное (недопустимое) отграничение машино-места. Неопределенность содержания, «каучуковость» данного понятия может стать причиной многих судебных разбирательств о признании той или иной части здания машиноместом.

Четвертым признаком в данном определении является описание его границ «в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке». Как видно, данное положение – повторяет положение абзаца третьего пункта 1 статьи 130 Гражданского кодекса РФ, допускающего признание машино-места объектом гражданских прав при условии, что его границы описаны в государственном кадастровом учете.

Анализ всех названных признаков позволяет заключить, что в полной мере правовую природу данного объекта отражают лишь первый, второй и третий признаки, что же касается четвертого признака, то он может рассматриваться, скорее, как условие постановки данного объекта (как и любого другого объекта недвижимости) на государственный учет прав, т.е. условие его внесения в Единый государственный реестр недвижимости (наряду со сведениями о его собственнике и иных управомоченных лицах).

Однако все эти признаки даже в совокупности – ещё не означают «автоматического» признания той или иной части здания (сооружения) особым самостоятельным объектом гражданских прав – машино-местом. Для признания его таковым необходима воля собственника этого здания (сооружения). Только волеизъявление собственника (обращение в Федеральную регистрационную службу (Росреестр) – на основе пунктов 5.1.1 и 5.1.2 Положения о Росреестре [10]) – требование о внесении данных о выделенной им части здания (сооружения) в качестве машино-места – юридически создает этот объект гражданских прав, одновременно отделяя (индивидуализируя) его от всех иных частей здания и сооружения. Соответствие части здания всем указанным выше признакам, является условием (совокупностью условий) для внесения сведений об этой части этой части машино-места в Единый государственный реестр недвижимости и регистрации права на него, но основанием для превращения фактически выделенного объекта недвижимости – в объект юридический – может быть только воля собственника здания (или иного управомоченного лица).

Заключение

Несмотря на формальное закрепление правовых основ машино-места как самостоятельного объекта недвижимости, необходимо его дальнейшего научно-теоретического осмысления с целью формулирования предложений законодотворческого характера направленных на совершенствование гражданско-правового оборота машино-места, устранения нарушений и предупреждения юридических споров хозяйствующих субъектов.

Выводы

Завершая настоящее исследование, сформулируем ключевые авторские предложения по совершенствованию правового режима машино-места как объекта гражданского оборота:

- гражданское законодательство не содержит нормы, определяющей возникновение права на общее имущество в здании или сооружении за лицом – собственником машино-места. Правовая неопределенность данного вопроса, связана с недостатками самой дефиниции машино-места поскольку действительная доктрина признаков объекта недвижимости не может быть применима в полном объеме к машино-месту с учетом характера и конституирующих данный объект, свойств.
- необходимо дополнение п. 29 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ положением, согласно которому машино – место как объект прав возникает не только после постановки на кадастровый учет здания или сооружения, но и регистрации прав в ЕГРН

Литература

1. Аксенова М.В. Определение эффективности развития гаражных комплексов в крупных городах: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Аксенова Майя Вячеславовна. – Москва, 2001. 174 с.
2. Попов В.Н. Совершенствование методов организации парковки легковых автомобилей на улично-дорожной сети городов с использованием теории конфликтных ситуаций: диссертация... кандидата технических наук: 05.22.10 / Попов Виталий Николаевич. – Москва, 2007. – 192 с.
3. О внесении изменений в МГСН 1.01–99 о нормировании расчетных показателей требуемого количества машиномест для объектов жилого, общественного и производственного назначения: Постановление Правительства Москвы от 04.10.2005 № 769-ПП (ред. от 04.10.2005) // Электронная Москва: [сайт]. – URL: http://mosopen.ru/document/769_pp_2005-10-04 (дата обращения: 15.03.2024)
4. Парковки в новостройках: нужно ли сокращать количество машино-мест // РБК: [сайт]. – URL: <https://realty.rbc.ru/news/614db1979a7947b-9fe414e3c?from=copy> (дата обращения: 15.03.2024)
5. Трубилина М. Интерес к покупке парковочных мест в России вырос за год незначительно, а в Москве спрос на машино-места упал на 40% / Марина Трубилина // Российская газета. – 2023. – 07 июля. – С. 3.
6. Не скидками едиными: машино-место, кладовка в подарок, а главное – ипотека // Индикаторы рынка недвижимости: [сайт]. – URL: <https://www.irn.ru/articles/42097.html?ysclid=ltue411-hl9360052007> (дата обращения: 15.03.2024)

7. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (посл. ред. от 24.07.2023 № 347-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.02.2024)
8. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (посл. ред. от 25.12.2023 № 627-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 16.03.2024)
9. Технический регламент о безопасности зданий и сооружений: федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ (посл. ред. от 02.07.2013 № 185-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95720/ (дата обращения: 20.01.2024)
10. О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии: Постановление Правительства РФ от 01.06.2009 N 457 (ред. от 08.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83009/ (дата обращения: 18.02.2024)

THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CIVIL LEGISLATION ON PARKING SPACE AS A REAL ESTATE OBJECT

Vronskaya M.V., Bavina E.M.
Vladivostok State University

The growth of public parking near apartment buildings (and the associated increase in social conflict) has led to a demand for the expansion of private property rights, i.e. for individual parking spaces for vehicles created during construction. All this has prompted developers (developers) seeking to increase the attractiveness of housing for sale to build parking complexes together with residential complexes. However, the legal regime of parking space complexes has not been clearly regulated in the legislation for a long time, and therefore both developers and citizens have a significant number of problems both in exercising their civil rights to parking spaces and in protecting them. The purpose of the publication is to analyze and summarize the legal situations arising in connection with the creation and involvement in civil circulation of a real estate object – a parking space, to identify common approaches to its research. The subject of the study was public relations related to the emergence of this object of civil rights, its state registration, civil turnover (purchase and sale, lease, inheritance, other succession), and

termination, as well as the protection and protection of civil rights to this object.

Keywords: real estate object, parking place, vehicle, building, structure, enclosing structure, object of state cadastral registration, object of subjective civil law, object of state registration.

References

1. Aksenova M.V. Determining the effectiveness of the development of garage complexes in large cities: dis. ... candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / Aksenova Maya Vyacheslavovna. – Moscow, 2001. 174 p.
2. Popov V.N. Improvement of methods for organizing parking of passenger cars on the urban street and road network using the theory of conflict situations: dissertation... Candidate of Technical Sciences: 05.22.10 / Vitaly Nikolaevich Popov. – Moscow, 2007. – 192 p.
3. On amendments to MGSN 1.01–99 on rationing the calculated indicators of the required number of parking spaces for residential, public and industrial facilities: Decree of the Government of Moscow dated 04.10.2005 No. 769-PP (ed. from 04.10.2005) // Electronic Moscow: [website]. – URL: http://mosopen.ru/document/769_pp_2005-10-04 (date of application: 03/15/2024)
4. Parking in new buildings: is it necessary to reduce the number of parking spaces // RBC: [website]. – URL: <https://realty.rbc.ru/news/614db1979a7947b9fe414e3c?from=copy> (accessed: 03/15/2024)
5. Trublina M. Interest in buying parking spaces in Russia increased slightly over the year, and in Moscow the demand for parking spaces fell by 40% / Marina Trublina // Rossiyskaya Gazeta. – 2023. – July 07. – p. 3.
6. Not single discounts: parking space, storage room as a gift, and most importantly – a mortgage // Real estate market indicators: [website]. – URL: <https://www.irm.ru/articles/42097.html?ysclid=ltue41lh9360052007> (accessed 03/15/2024)
7. The Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 51-FZ of 11/30/1994 (post-ed. dated 07/24/2023 No. 347-FZ) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 02/18/2024)
8. Urban Planning Code of the Russian Federation: Federal Law No. 190-FZ of 12/29/2004 (post-ed. dated 12/25/2023 No. 627-FZ) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (date of access: 03/16/2024)
9. Technical Regulations on the safety of buildings and structures: Federal Law No. 384-FZ dated 12/30/2009 (post-ed. dated 07/02/2013 No. 185-FZ) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95720/ (date of request: 01/20/2024)
10. About the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography: Resolution of the Government of the Russian Federation dated 06/01/2009 No. 457 (as amended on 02/08/2024) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83009/ (date of access: 02/18/2024)

Цифровой рубль как третья форма национальной валюты

Выборова Яна Евгеньевна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Байкальский государственный университет
E-mail: yana.38@list.ru

Статья посвящена исследованию цифрового рубля, как третьей формы национальной валюты. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Дается краткое обоснование его роли и значимости в Российской Федерации (далее РФ). Постулируется о том, что цифровой рубль – это форма российской национальной валюты, которую Центральный банк Российской Федерации планирует выпустить в дополнение к существующим формам валюты. Автор отмечает, что в настоящее время, согласно внесенным изменениям в законодательство, Центральный банк России будет основным оператором инфраструктуры цифрового рубля и будет нести ответственность за все хранящиеся активы. Цифровой рубль предназначен для использования в качестве способа оплаты и перевода денег. Он не предназначен для инвестиционных целей. Одновременно с этим, анализ опыта свидетельствует, что цифровой рубль должен стать третьей формой валюты, помимо наличных рублей и безналичных рублей. Анализ научной литературы позволил заключить, что цифровой рубль способен стать важным средством развития и укрепления национальной финансовой системы. Заключается о необходимости уделить больше внимания цифровому рублю по аналогии с национальной валютой, что позволит на данном этапе гармонизировать правовое регулирование общественных отношений такого типа. Таким образом, автор допускает, что введение цифрового рубля представляет собой многообещающую инициативу, которая может значительно улучшить финансовую систему страны, однако она также сопряжена с рядом рисков и трудностей, которые необходимо тщательно учитывать и анализировать. Четкая стратегия и осторожный подход к внедрению могут способствовать успешной интеграции цифрового рубля в экономику.

Ключевые слова: деньги, цифровой рубль, безналичные деньги, цифровизация, цифровые активы, Банк России, объект гражданских прав, цифровые права, смарт-контракты, правовой режим.

Как известно, на сегодняшний день, цифровизация проникла во все уголки жизни общества, и экономика не стала исключением. В настоящее время, остро стоит вопрос о сокращении времени на проведение расчётов и обеспечении безопасности при совершении транзакций. Банк России полагает, что внедрение цифрового рубля может стать эффективным решением этих проблем на финансовом рынке.

24 июля 2023 г. в России был принят Федеральный закон № 340ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5], которым внесены изменения в ряд федеральных законов, в том числе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», «О банках и банковской деятельности», «О национальной платёжной системе», «О валютном регулировании и валютном контроле» и ряд других. Указанные изменения в соответствии со ст. 8 вступили в силу с 1 августа 2023 г. (за исключением отдельных положений), после чего начали осуществляться первые операции с цифровым рублем.

Цифровой рубль эмитируется Банком России и по своему экономическому режиму близок к наличным деньгам, а в качестве информации, зафиксированной в цифровой системе, цифровой рубль близок к безналичным денежным средствам. Иными словами, цифровой рубль стал новой цифровой формой российской национальной валюты, которую выпускает Банк России. Непосредственно, первые тестовые операции с цифровым рублём были запущены 15 августа 2023 года, и в первом этапе приняли участие около 600 человек, включая сотрудников 12 банков. Второй этап тестирования начался 1 сентября 2024 года и был расширен, чтобы привлечь больше участников. Теперь к проекту присоединилось 9000 физических лиц, по сравнению с 600 в первом этапе, а также 1200 торговых сервисных компаний (TSCS), что на 600 больше, чем в предыдущем раунде. Ожидается, что еще 19 банков присоединятся ко второму этапу на более позднем этапе [3].

Как отмечают О.В. Пономарев и соавторы, в настоящее время, в пилотном проекте участвуют шесть системно значимых банков: Альфа-Банк, ВТБ, Промсвязьбанк, Росбанк, Газпромбанк и Совкомбанк. Во вторую группу войдут ещё три крупных банка – Сбербанк, Россельхозбанк и Т-Банк [4, с. 259–261].

Более того, представители Центрального банка, заявляют, что в 2025 году к пилотной программе цифрового рубля присоединятся ещё 14–15 банков. На данный момент их 12, однако в ближайшее время к платформе подключатся ещё три банка, а в следующем году ожидаются ещё 14–15. Также,

совокупная доля этих банков на рынке позволит предоставлять услуги цифрового рубля примерно 80% клиентов, пользующихся финансовыми услугами. Таким образом, ожидается, что цифровой рубль будет введён в широкое обращение с 1 июля 2025 года, что позволит всем гражданам и организациям воспользоваться его преимуществами. В тот же год, будет запущена уникальная технология оффлайн-платежей, которая может быть особенно востребована в условиях ограниченного доступа в интернет.

Следует заметить, что на платформе цифрового рубля также будут реализованы смарт-контракты, содержащие информацию об обязательствах сторон.

Таким образом, цифровой рубль должен стать альтернативой цифровой валюте, которые не обеспечены государством. Для Банка России (как главного экономического органа Российской Федерации) это означает более контролируемое обращение денег внутри страны.

На практике это позволит лучше контролировать расходы бюджета: будет сложнее тратить целевые цифровые рубли на взятки или на другие незаконные цели. Доступ к информации о транзакциях компаний и физических лиц должен повысить прозрачность системы, позволяя при этом контролировать реальный размер налоговой базы и законность транзакций.

Технологически это будет происходить с помощью смарт-контрактов – транзакций, которые выполняются автоматически при соблюдении условий, заранее определенных сторонами.

Кроме того, смарт-контракт будет содержать информацию о сторонах сделки, сумме и условиях ее совершения, о чем отмечается в Концепции цифрового рубля, опубликованного на сайте Банка России. Одним из дополнительных вариантов использования смарт-контрактов может быть также маркировка цифровых рублей, что позволит устанавливать условия их использования (например, определять конкретные категории товаров/услуг, которые можно приобрести за эти рубли) и отслеживать всю цепочку прохождения платежей.

В то же время, предполагается, что цифровой рубль, будет защищен Законом о банковской тайне, за исключением передачи информации органам власти для борьбы с отмытием денег и финансированием терроризма.

Ожидается, что к 2030 году цифровой рубль прочно войдет в оборот, став равноправным инструментом наравне с наличными и безналичными деньгами.

Однако, важно заметить, что нынешнее законодательство по теме цифрового рубля оставляет нерешенными ряд важных вопросов, которые могут привести к проблемам в процессе внедрения новой формы валюты.

Так, одной из ключевых проблем, связанных с исследованием функционирования цифрового рубля, является то, что он представляет собой

новый вид национальной валюты, который еще не полностью изучен.

Как отмечает А.С. Коваленко, в документах Банка России есть противоречия, касающиеся цифрового рубля. Например, в докладе для общественных консультаций «Цифровой рубль» он определяется как цифровая валюта, которая не может быть официальной денежной единицей какого-либо государства. Однако в Концепции цифрового рубля его уже рассматривают как форму национальной валюты [2]. Для того, чтобы устранить эти противоречия и избежать их в будущем, необходимо закрепить определение цифрового рубля в действующем законодательстве. Полагаем, что для эффективного внедрения цифрового рубля необходимо провести широкие обсуждения с участием экспертов, цивилистов и представителей финансовых учреждений, что в свою очередь позволит выработать единую и четкую терминологию, которая конкретизирует статус новой валюты.

Более того, важно учесть международный опыт в этой области, изучить, как различные страны регулируют свои цифровые валюты и какие подходы к законодательству они применяют. К примеру, в Китае цифровой юань рассматривают не только как национальную расчетную единицу, но и как альтернативу доллару. В настоящее время, более двадцати других государств также инициировали разработку своих цифровых валют (в частности, Индия, Германия, Франция, Италия, Испания, Бразилия, Канада, Турция, Австралия). Согласно исследованию, проведенному в 2023 году форумом валютно-финансовых учреждений (Official Monetary and Financial Institutions Forum, OMFIF), большинство центральных банков планируют запустить государственную цифровую валюту в ближайшие 5 лет, 41% государственных банков планирует запустить цифровые валюты к 2028 году. Иными словами, полагаю, что международный опыт поможет избежать ошибок и создать надежную основу для использования цифрового рубля.

Следует согласиться с мнением А.С. Коваленко о том, что цифровой рубль – это инновационная концепция, которая не только поможет модернизировать финансовую систему страны, но и станет ответом на глобальные изменения в финансовой сфере, где цифровые валюты стремительно набирают популярность [1, с. 192–201]. Таким образом, следует определить функциональные возможности новой валюты, ее интерфейс взаимодействия с другими формами денег, а также технические аспекты реализации.

Необходимо подчеркнуть, что платформа цифрового рубля – это высокозащищенная система, которая разработана для защиты средств от несанкционированного доступа, включая так называемые «хакерские» атаки. Это обеспечивается благодаря тому, что управление цифровым рублем находится под контролем Центрального банка Российской Федерации. Банк отвечает за безопасность средств пользователей на специализирован-

ных счетах, все транзакции с цифровыми рублями тщательно фиксируются.

Финансово-правовое регулирование цифрового рубля осуществляется в соответствии с действующими нормами финансового законодательства и федеральными законами, разработанными специально для этой цифровой валюты. Эти нормативные акты охватывают ключевые аспекты, такие как эмиссия, обмен и оборот цифрового рубля, а также порядок проведения платежей с его использованием. Все принятые меры направлены на создание надежной и стабильной основы для функционирования цифрового рубля, что обеспечивает его легитимность, прозрачность и безопасность использования.

Анализ современного опыта, публикуемого на различных профильных форумах, а также в научных журналах, позволяет сделать вывод о том, что, не менее важным аспектом является восприятие цифрового рубля массовым населением. Несмотря на многочисленные преимущества, которые внедрение цифрового рубля может принести как гражданам, так и стране в целом, такие как развитие цифровой инфраструктуры и предотвращение монополизации финансового рынка, оно также связано с определенными рисками. Снижение уровня анонимности граждан может создать угрозу для безопасности системы, поскольку цифровой след, оставляемый пользователями, может быть использован для совершения киберпреступлений, независимо от их намерений. Вопрос о надежности цифровой системы остается открытым, поскольку, в настоящее время, невозможно гарантировать абсолютную безопасность любой технологической системы. Так, проведение мероприятий по информационному просвещению и обучению позволит снизить уровень недоверия и повысить интерес к новому финансовому инструменту.

Вышесказанное позволяет сделать объективное заключение о том, что эффективное и безопасное внедрение цифрового рубля требует комплексного подхода, который охватывает правовые, экономические, технические и социальные аспекты. Только через открытое обсуждение и конструктивную работу всех заинтересованных сторон можно создать стабильную и надежную основу для использования цифрового рубля в будущем.

Таким образом, введение цифрового рубля представляет собой многообещающую инициативу, которая может значительно улучшить финансовую систему страны, однако она также сопряжена с рядом рисков и трудностей, которые необходимо тщательно учитывать и анализировать. Четкая стратегия и осторожный подход к внедрению могут способствовать успешной интеграции цифрового рубля в экономику.

Литература

1. Коваленко А.С. Цифровой рубль: отграничение от смежных понятий. // В книге: Развитие

отечественного права: преемственность и новизна. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 2024. С. 192–201.

2. Концепция цифрового рубля // Сайт Банка России [Электронный источник]. URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 17.10.2024).
3. Первые тестовые операции с цифровым рублём // Новости в России и мире – ТАСС [Электронный источник]. URL: <https://www.tass.ru> (дата обращения: 17.10.2024).
4. Пономарев О.В., Проваткина В.Е., Волошина Т.В. Правовые вопросы становления рынка цифрового рубля и иных цифровых финансовых активов в России и за рубежом. // Евразийский юридический журнал. 2024. № 3 (190). С. 259–261.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2023 N 340-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ, 31.07.2023, N 31 (Часть III), ст. 5766

THE DIGITAL RUBLE AS THE THIRD FORM OF THE NATIONAL CURRENCY

Vyborova Ya.E.

Baikal State University

The article is devoted to the study of the digital ruble as the third form of the national currency. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. A brief justification of its role and significance in the Russian Federation (hereinafter referred to as the Russian Federation) is given. It is postulated that the digital ruble is a form of the Russian national currency, which the Central Bank of the Russian Federation plans to issue in addition to existing forms of currency. The author notes that currently, according to the amendments to the legislation, the Central Bank of Russia will be the main operator of the digital ruble infrastructure and will be responsible for all stored assets. The digital ruble is intended to be used as a payment method and money transfer. It is not intended for investment purposes. At the same time, the analysis of experience shows that the digital ruble should become the third form of currency, in addition to cash rubles and non-cash rubles. An analysis of the scientific literature allowed us to conclude that the digital ruble can become an important means of developing and strengthening the national financial system. It is concluded that it is necessary to pay more attention to the digital ruble by analogy with the national currency, which will allow at this stage to harmonize the legal regulation of public relations of this type. Thus, the author admits that the introduction of the digital ruble is a promising initiative that can significantly improve the country's financial system, but it also involves a number of risks and difficulties that need to be carefully considered and analyzed. A clear strategy and a careful approach to implementation can contribute to the successful integration of the digital ruble into the economy.

Keywords: money, digital ruble, non-cash money, digitalization, digital assets, Bank of Russia, object of civil rights, digital rights, smart contracts, legal regime.

References

1. Kovalenko A.S. Digital ruble: differentiation from related concepts. // In the book: The development of domestic law: continuity and novelty. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. St. Petersburg, 2024. p. 192–201.
2. The concept of the digital ruble // The website of the Bank of Russia [Electronic source]. URL: <https://www.cbr.ru> (date of application: 17.10.2024).

3. The first test operations with the digital ruble // News in Russia and the world – TASS [Electronic source]. URL: <https://www.tass.ru> (date of application: 17.10.2024).
4. Ponomarev O.V., Provatkina V.E., Voloshina T.V. Legal issues of the formation of the digital ruble and other digital financial assets market in Russia and abroad. // Eurasian Law Journal. 2024. No. 3 (190). pp. 259–261.
5. Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 07/24/2023 N 340-FZ (latest edition) // NW RF, 07/31/2023, N 31 (Part III), art. 5766

Ограничения применения правовых моделей поддержки технологического предпринимательства

Иванов Василий Васильевич,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: vasya2018ivanov@yandex.ru

В статье исследуются правовые модели поддержки технологического предпринимательства в Российской Федерации, охватывая как государственные программы и частные формы поддержки, так и механизмы государственно-частного партнёрства (ГЧП). Подробно анализируются ключевые барьеры, с которыми сталкиваются технологические компании, включая трудности в доступе к льготам, инфраструктуре и различным формам финансовой поддержки на начальных стадиях развития. Особое внимание уделяется правовым аспектам венчурного инвестирования, таким как неопределённость правового статуса участников венчурных сделок и недостаточная защита прав инвесторов. Статья подчеркивает необходимость совершенствования законодательных механизмов для создания более благоприятной, гибкой и адаптивной правовой среды, способствующей ускорению инновационного и обеспечения устойчивого роста технологических компаний в условиях экономической и политической нестабильности.

Ключевые слова: технологическое предпринимательство, государственная поддержка, венчурное инвестирование, государственно-частное партнёрство, правовые барьеры.

В последние годы геополитическая нестабильность, глобальные вызовы, экономические санкции, влекущие изменения на энергетических и сырьевых рынках, создают новые вызовы для национальной экономики. Подобные «волнения на высоких уровнях» могут быть преодолены исключительно внутренними инновационными решениями, которые являются основой экономического выживания и дальнейшего развития. Именно поэтому технологическое предпринимательство является не только источником экономического роста, но и важнейшим инструментом обеспечения экономической и технологической независимости России.

В данной ситуации нельзя не согласиться с мнением Е.Б. Ленчук, которая писала о том, что основная цель беспрецедентных экономических санкций не только нанести удар по стратегическим отраслям (ОПК, ТЭК и т.д.), но и затормозить разработку и освоение ключевых технологий четвертой промышленной революции [5].

В положения Концепции технологического развития в период до 2030 г. одним из вызовов текущего десятилетия называется отставание от наиболее развитых стран в темпах инновационно ориентированного экономического роста, что обусловлено низкой мотивацией разработчиков технологических решений к созданию соответствующих производств в силу слабой защищенности технологических предпринимателей, недостатка финансовых ресурсов и относительно небольшой емкости внутреннего рынка высокотехнологичной продукции, а также компаний и корпораций – к исследованиям и технологическим инновациям.

Текущие условия требуют комплексного подхода к поддержке технологического предпринимательства, который включает не только развитие государственных программ поддержки и инструменты государственно-частного партнерства, но и венчурные фонды, бизнес-инкубаторы и акселераторы. При этом правовое регулирование таких механизмов также нуждается в адаптации под быстро изменяющиеся условия и требования современного технологического бизнеса. Таким образом, изучение существующих моделей поддержки, выявление их особенностей, преимуществ и недостатков в современных условиях представляет собой актуальную задачу для укрепления экономического потенциала страны и её технологической независимости.

Перед рассмотрением моделей поддержки технологического предпринимательства следует определиться с его понятием. А.Н. Барыкин и В.О. Ис-

крянников определяют технологическое предпринимательство как систематическую деятельность, которая основана на трансформации научных знаний в промышленно применимые и экономически востребованные технологии [1]. Однако данное определение вызывает сомнения, в первую очередь, из-за признака систематичности. Технологическое предпринимательство включает в себя инновационный аспект, которому не присущ признак системности. То есть предприятие может реализовать технологию или инновацию лишь единожды, а не систематически.

В исследовании Д.А. Ковалевича и П.Г. Щедровицкого технологическое предпринимательство является синонимом инновационного, а инновационное предпринимательство – это деятельность, направленная на получение прибыли на основе коммерциализации инновационных технологических разработок и решений [4]. Этот подход действительно подчеркивает важность технологических новшеств для предпринимательской деятельности, однако такое отождествление понятий представляется ограниченным и не отражает всей специфики технологического предпринимательства.

Технологическое предпринимательство охватывает более широкий спектр деятельности, нежели просто коммерциализацию технологических инноваций. Оно включает в себя как разработку новых технологий, так и их внедрение в различные отрасли экономики, тогда как инновационное предпринимательство может касаться и нематериальных инноваций, таких как организационные, маркетинговые или социальные нововведения. Например, инновации могут проявляться в новых бизнес-моделях, методах управления, логистических решениях, которые не обязательно связаны с созданием новых технологий, но всё же обладают высокой степенью новизны и экономической ценности. Технологическое предпринимательство же всегда связано с внедрением или созданием новых технических решений. В отличие от инновационного предпринимательства, которое может развиваться в любой области и не обязательно быть привязанным к высокотехнологичным секторам, технологическое предпринимательство связано с конкретными отраслями, где именно технология играет решающую роль (например, IT, робототехника, биотехнологии, нанотехнологии). То есть технологическое предпринимательство имеет более узкую фокусировку, связанную с технологической базой производства и научных исследований, что отличает его от более широкого понятия – инноваций.

Таким образом, технологическое предпринимательство можно определить как предпринимательскую деятельность, направленную на разработку, внедрение и коммерциализацию новых технологий, которые имеют промышленное или экономическое применение, отличаясь высоким уровнем инновационности и способностью привести к технологической трансформации отрасли или рынка.

Однако в процессе реализации своего потенциала технологические предприниматели сталкива-

ются с рядом сложностей [8]: высокие риски, необходимость значительных инвестиций в исследования, кадры и разработки и потребность в доступе к специализированной инфраструктуре и знаниям.

В этих условиях особенно важна разработка и внедрение эффективных моделей поддержки, обеспечивающих необходимые условия для устойчивого роста технологических компаний (далее – ТК). Рассмотрим основные модели поддержки, которые условно можно разделить на два вида: государственная и частная.

Государственная поддержка является составной частью «технологической (инновационной) экосистемы», которая на данный момент активно формируется различными государственными и частными структурами. Ее суть заключается в создании благоприятных условий для развития предпринимательства на всех стадиях технологического процесса – от первых идей до коммерциализации.

Элементами названной экосистемы являются: внешняя среда и участники.

Внешней средой выступает взаимосвязь нормативно-правового обеспечения, включая документы стратегического планирования, территориальные формы технологической инфраструктуры, институты финансовой поддержки. Под участниками же можно понимать взаимодействие разработчиков, организаций трансфера технологий и их потребителей.

Цели функционирования технологической экосистемы вытекают из Указа Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». В п. 47. Стратегии указывается, что в рамках ее реализации планируется перестройка системы управления в области науки, технологий и технологического предпринимательства в условиях мобилизационного режима, обусловленного долгосрочным характером политических, экономических и технологических санкций.

Одним из способов достижения указанной цели является создание эффективного государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) в рассматриваемой сфере. Под ГЧП (МЧП) законодатель понимает оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения, заключенного в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества. При этом глава 6.1. названного акта регулирует особенности ГЧП в технологической сфере, а точнее в информационно-технологической.

Эффективность ГЧП в сфере поддержки технологического предпринимательства можно рассмотреть, как с позиции государства, так и со сто-

роны предпринимательского сообщества. Таким образом:

1. С позиции государства, ГЧП обеспечивает привлечение разнообразных ресурсов и компетенций частного сектора, что способствует экономии бюджетных средств и эффективному цифровому развитию. Это позволяет комплексно реализовывать значимые технологические проекты, создавать новые рабочие места, увеличивать налоговые поступления и стимулировать конкуренцию на рынке информационных технологий. В результате повышается инвестиционная привлекательность территорий и общая конкурентоспособность страны.

2. Для бизнеса преимущества ГЧП заключаются в гарантиях возврата инвестиций, получении государственных преференций и стабильных доходов от реализации проектов. Это способствует расширению масштабов деятельности компаний, диверсификации их портфелей и развитию специфических компетенций в сфере ГЧП-проектов. Такое партнерство позволяет бизнесу эффективно распределять ресурсы и риски, усиливая свои конкурентные преимущества и устойчивость к кризисным явлениям.

Как было сказано, технологическая экосистема включает территориальные формы технологической инфраструктуры. Одной из ключевых форм государственной поддержки технологического предпринимательства в России является развитие особых экономических зон технико-внедренческого типа (далее – ОЭЗ ТВТ). Эти зоны создаются для привлечения высокотехнологичных компаний, предоставляя им льготные условия, включая налоговые преференции и таможенные льготы. В соответствии с Федеральным законом № 116-ФЗ от 22.07.2005 г. «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», ОЭЗ ТВТ обеспечивают резидентов особыми экономическими режимами, среди которых освобождение от налога на имущество, транспортного налога и сниженная ставка налога на прибыль. Ключевым преимуществом является режим «свободной таможенной зоны», позволяющий ввозить оборудование и ресурсы без уплаты таможенных пошлин, что критично для ТК, работающих с зарубежным оборудованием.

По данным Министерства экономического развития РФ (далее – Минэкономразвития) среди ОЭЗ ТВТ лидерами по эффективности в 2023 году стали площадки в «Технополис Москва», «Инополис», «Санкт-Петербург», «Дубна», «Исток», «Алмаз», «Томск».

Другим важным элементом государственной поддержки являются технопарки в сфере высоких технологий, которые создаются специально для содействия технологическим стартапам. Технопарки предоставляют предприятиям доступ к инфраструктуре, лабораториям и инжиниринговым центрам, а также оказывают консультационные и организационные услуги. Цель технопарков заключается в том, чтобы помочь стартапам в преобразовании научных разработок в коммерчески

жизнеспособные продукты и технологии, которые могут быть выведены на рынок. Согласно данным Минпромторга, в России действует 68 аккредитованных технопарков, многие из которых ориентированы на высокие технологии.

ОЭЗ ТВТ и технопарки являются наиболее крупными территориальными образованиями технологической экосистемы. Более мелкими ее элементами являются малые инновационные предприятия при ВУЗах (МИП), инновационные научно-технологические центры (технологические долины) и специализированные центры.

Само собой, нельзя не сказать о финансовых институтах поддержки. Все-таки технология начинается с идеи, а идея начинается с малого предприятия. Как отмечают И.В. Ершова и Е.В. Трофимова среди особенностей нормативно-правового регулирования деятельности, охватывающих все категории субъектов МСП, преобладают меры, обеспечивающие большую доступность малому и среднему бизнесу необходимых финансовых, имущественных и иных ресурсов, создание спроса на производимую ими продукцию (работы, услуги) и повышение степени их конкурентоспособности [3].

Например, в соответствии с постановлениями Правительства РФ № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 11.12.2014 г. и № 1442 от 25.12.2015 г. «О закупках инновационной продукции, высокотехнологичной продукции отдельными видами юридических лиц и внесении изменений в отдельные акты Правительства Российской Федерации», компании с государственным участием обязаны выделять не менее 25% закупок для малых и средних предприятий, включая ТК. Однако данная мера, вероятно, не очень хорошо справляется с функцией поддержки технологического предпринимательства. Видится, что причина этому то, что многие предприятия с госучастием стремятся минимизировать риски, закупая продукцию общего назначения, а не инновационные решения, даже если те предоставляются МСП. Это ограничивает спрос на инновационную продукцию, снижая стимулы для развития стартапов и малых ТК, ориентированных на высокие технологии. Можно предположить, что существующие программы закупок создают лишь формальный спрос на продукцию МСП, но не обеспечивают устойчивого развития спроса на инновации, что ведет к стагнации ТК на ранних стадиях развития.

В исследовании А.В. Охрименко и М.А. Гачегова показано, что поддержкой охвачены менее 10% от зарегистрированных субъектов МСП, а большая часть предприятий, которые смогли воспользоваться мерами поддержки, работают на рынке достаточно давно. В то же время более половины получателей поддержки (58,5%) обращается за консультационной поддержкой, а охват предприятий мерами имущественной и инновационной поддержки крайне мал (менее 0,7%) [6].

В августе 2023 г. в России был принят Федеральный закон № 478-ФЗ от 04.08.2023 г. «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О развитии ТК в РФ»). Данный акт закрепляет правовые основы деятельности и принципы государственной поддержки ТК. Анализ положений данного акта позволяет увидеть его сходство с ФЗ № 209-ФЗ от 24.07.2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» в части понятийного аппарата, порядка наделения компаний статусом (внесения в реестр) и формами поддержки.

Государственная поддержка малых ТК включает:

- предоставление льгот по уплате налогов, сборов, страховых взносов, по уплате таможенных платежей;
- предоставление информационной поддержки;
- предоставление консультационной поддержки;
- предоставление финансовой поддержки с учетом обоснованного риска ТК при недостижении результата такой поддержки;
- поддержка экспорта;
- формирование спроса на инновационную и (или) высокотехнологическую продукцию (работы, услуги).

Особого внимания заслуживает формулировка условий предоставления финансовой поддержки ТК. В частности, вызывает вопросы положение об «обоснованном риске ТК при недостижении результата такой поддержки». Отсутствие четких критериев определения «обоснованного риска» может привести к неоднозначной трактовке. Это создает потенциальную проблему для ТК в процессе планирования финансовых потребностей, так как интерпретация данного положения может варьироваться в зависимости от позиции государственных органов или финансовых институтов. Существует опасение, что неясность формулировки может стать препятствием для инновационного развития. ТК могут начать избегать рискованных, но потенциально прорывных проектов из-за опасений негативных последствий в случае недостижения ожидаемых результатов, что приведет к снижению активности в секторе технологического предпринимательства.

В контексте реализации ФЗ «О развитии ТК в РФ» важно отметить создание центров экспертизы для малых ТК (ст. 6.). Согласно информации, размещенной на официальном портале Министерства экономического развития, к таким центрам относятся Фонд «Сколково», Фонд содействия инновациям (известный как Фонд Бортника) и Центр поддержки инжиниринга и инноваций. Включение этих организаций в перечень центров экспертизы открывает новые возможности для взаимодействия между экспертным сообществом, академической средой и предпринимательским сектором в сфере технологических инноваций.

Центры экспертизы исследуют следующие показатели:

- наличие исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности;
- наличие опыта разработки новой или значительно улучшенной продукции;
- соответствие доли выручки от основного вида деятельности и реализации собственных товаров и услуг установленным критериям;
- оценка спроса на разрабатываемые решения;
- уровень квалификации сотрудников;
- наличие необходимых помещений и оборудования;
- наличие конкурентных преимуществ у проектов компании.

Однако сложность и объективность оценки названных критериев может быть вызвана неоднозначностью в их интерпретации со стороны центров экспертизы. Например, наличие опыта разработки новой продукции может подвергаться различной трактовке в зависимости от критериев, применяемых конкретным центром экспертизы. Это может привести к субъективным выводам в процессе оценки, что может повлечь отказ от внесения компании в реестр и невозможности получения поддержки.

Также сбор и предоставление информации для оценки может быть затратным и трудоемким для малых ТК, особенно при необходимости доказывать исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности или конкурентные преимущества. Экспертиза проводится за счет самих компаний, что указано в п. 4 и п. 5 названной нормы, и требует предоставления обширной документации.

Соответственно, государственная модель поддержки – это многоуровневая система, охватывающая различные аспекты поддержки технологически предпринимательства. Эта система включает в себя нормативно-правовое обеспечение, территориальные и организационные (налоговая, финансовая, информационная, льготная, грантовая) формы поддержки и специализированные центры экспертизы. Такой всеобъемлющий подход свидетельствует о стремлении государства создать целостную экосистему для развития технологического предпринимательства.

Основная проблема государственной модели поддержки – это системный фокус на крупные предприятия. Государственная поддержка, ориентированная на крупных игроков, обеспечивает высокие экономические результаты в краткосрочной перспективе, но игнорирует потребности малых и средних ТК, которые являются важными драйверами инноваций. Сложные административные процедуры также отражают стремление минимизировать государственные риски, однако это затрудняет доступ к поддержке для тех, кто в ней нуждается больше всего.

Постановлением Правительства Российской Федерации № 1847 от 02.11.2023 г. «Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических компаний, формировании и ве-

дении реестра малых технологических компаний и об информационном взаимодействии» к ТК были отнесены: стартапы с минимальными показателями выручки, стартапы, ранние компании, зрелые компании. По аналогии с малым и средним предпринимательством одним из основных критериев отнесения является объем выручки компании, который варьируется в диапазоне ниже 1 млн рублей до 4 млрд. рублей.

Установленные критерии для малых ТК, допускающие годовой доход до 4 млрд рублей, создают парадоксальную ситуацию в сфере поддержки технологического предпринимательства. Представленная градация существенно расширяет понятие «малой компании» в технологическом секторе. Такой подход потенциально может привести к неэффективному распределению государственных мер поддержки, оставляя действительно малые ТК, особенно на ранних стадиях развития, за рамками программ стимулирования. Возникает риск, что ресурсы, изначально предназначенные для поддержки наиболее уязвимых участников рынка, будут перенаправлены на более крупные и устойчивые компании, что может негативно сказаться на развитии инновационной экосистемы в целом.

Второй моделью была названа модель частной поддержки.

Частная поддержка ТК – это форма взаимодействия, при которой частные организации или инвесторы самостоятельно реализуют инициативы по развитию и поддержке технологического предпринимательства, но при этом используют отдельные элементы государственно-частного партнерства. Основной акцент в данной модели делается на независимую роль частных структур в реализации проектов, однако государство может участвовать в них в качестве пассивного партнера или предоставлять поддержку в виде ресурсов и регуляторных стимулов.

Для такой модели поддержки характерна направленность ее форм на каждую стадию развития технологического предприятия. Можно выделить такие источники финансирования технологий, как: гранты, бизнес-ангелы, венчурные фонды, инвестиционные товарищества. Примечательным фактом является то, что данные источники и государственная поддержка распределяются по стадиям развития малых ТК:

1. предпосевная и посевная стадия – бизнес-ангельская поддержка;
2. стартап – венчурное инвестирование;
3. ранний рост – грантовая и государственная поддержка.

Хотелось бы заострить внимание на бизнес-ангельском финансировании и венчурном инвестировании. Они являются главными источниками ресурсов для стартапов.

В российском законодательстве «бизнес-ангелы» чаще всего упоминаются в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства на период до 2030 года в разделе 6, посвященном созданию условий для роста малых ТК, где ука-

зано, что развитию высокотехнологичных малых и средних предприятий будет способствовать расширение практики применения инструментов прямого финансирования – венчурного финансирования, инвестиций бизнес-ангелов, гибридного (мезонинного) финансирования».

«Бизнес-ангелами» являются физические и юридические лица, являющиеся профессиональными инвесторами, которые вкладывают материальные ресурсы в ТК или в деятельность физических лиц. Являясь источником внешнего финансирования «бизнес-ангелы» более гибки в принятии решений и могут входить в технологический проект еще на стадии идеи, что не практикуется такими институциональными инвесторами как банки и инвестиционные фонды. Стоит сказать, что наиболее успешные бизнес-ангельские проекты – Apple Computer и Amazon.com – ТК, которые на сегодняшний день являются лидерами по капитализации во всем мире.

К сожалению, несмотря на огромный потенциал, деятельность бизнес-ангелов не нашла большого развития в России. На это есть несколько причин: историческое прошлое с отсутствием длительного инвестиционного опыта, недоверие к экономическим процессам внутри государства, отсутствие нормативного регулирования.

На сегодняшний день законодательство в сфере венчурного и бизнес-ангельского инвестирования сложно назвать единым. Вот один из примеров такой «разрозненности»: в плане мероприятий по направлению «нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» указана разработка проекта федерального закона в части введения налоговых вычетов по НДФЛ для бизнес-ангелов. Однако нормативная база России не содержит понятия «бизнес-ангел», поэтому вопрос о том, кто будет выступать получателями льготы и по каким критериям он будет определяться, остается открытым.

С учетом того, что бизнес-ангельская поддержка – это сверхрискованный сегмент инвестирования, отсутствие надлежащей поддержки со стороны государства и отсутствие четкой нормативно-правовой базы создают значительные препятствия для развития этой модели в России.

Несмотря на очевидную важность бизнес-ангельского инвестирования для технологического предпринимательства, существующие барьеры существенно ограничивают его потенциал в российских реалиях. Отсутствие законодательно закрепленного статуса бизнес-ангела не только затрудняет реализацию планируемых мер поддержки, таких как налоговые вычеты, но и создает неопределенность для потенциальных инвесторов.

Более того, недостаточная государственная поддержка этого сегмента инвестирования усугубляет проблему недоверия к экономическим процессам внутри государства, что было отмечено ранее как одна из основных причин слабого развития бизнес-ангельского инвестирования в России. Это создает замкнутый круг: отсутствие поддержки

приводит к недоверию, а недоверие, в свою очередь, снижает активность потенциальных бизнес-ангелов.

В результате, многие перспективные технологические проекты на ранних стадиях развития сталкиваются с существенными трудностями в привлечении необходимого финансирования. Это может приводить к замедлению темпов инновационного развития в стране, потере потенциально успешных идей и проектов, а также к «утечке мозгов» – когда талантливые предприниматели ищут более благоприятные условия для реализации своих идей за рубежом.

Кроме того, неразвитость института бизнес-ангелов в России ограничивает доступ технологических стартапов не только к финансовым ресурсам, но и к ценной экспертизе, менторской поддержке и деловым связям, которые обычно предоставляют опытные бизнес-ангелы. Это особенно критично для начинающих предпринимателей, которым часто не хватает опыта в управлении бизнесом и выводе инновационных продуктов на рынок.

Венчурное инвестирование в широком смысле – это инвестиции в стартапы и малые компании, обладающие хорошим потенциалом для роста. Поэтому ключевой особенностью таких инвестиций является их долгосрочный характер в сочетании с порядком предоставления средств.

Содействие развитию новых перспективных технологий в экономике России, поддержка несырьевого экспорта и импортозамещение обеспечиваются новыми источниками инвестирования, которыми чаще всего становятся венчурные фонды.

Сегодня в России существуют две основные формы организации венчурного фонда: закрытые паевые инвестиционные фонды (ЗПИФ) особо рискованных (венчурных) инвестиций и инвестиционные товарищества.

Стоит сказать, что Минэкономразвития отметило, что поддержка стартапов со стороны государства в виде предоставления грантов является недостаточно эффективной по сравнению с венчурным инвестированием. Однако несмотря на то, что эффективность венчурного инвестирования признается как в предпринимательском сообществе, так и на государственном уровне, венчурное инвестирование сталкивается практически с теми же проблемами, что и бизнес-ангелы.

Одной из центральных проблем является неопределённость правового статуса участников венчурного инвестирования. Проблемы возникают как при создании венчурных фондов, так и при формировании проектных компаний, которые часто выбирают менее подходящие организационно-правовые формы, такие как ООО и АО, что не обеспечивает необходимого уровня защиты для инвесторов.

Другой проблемой остаются механизмы реализации венчурных сделок. В российском праве присутствуют такие инструменты как опционы и конвертируемые займы, но их использование остаётся ограниченным и не всегда обеспечивает надёжную

защиту интересов инвесторов. Опционы, например, не обеспечивают достаточных гарантий, так как текущий владелец доли может распоряжаться своими активами до момента исполнения опциона. Это снижает правовую защиту инвесторов и усложняет продажу долей или акций при выходе из компании.

Венчурные фонды сталкиваются с неопределённостью в налоговой системе, что усложняет расчёт налогов и подачу отчетности. Отсутствие льгот для венчурных инвесторов, например, при реализации доли в инвестиционном товариществе, делает инвестиции в этот сектор менее привлекательными. Налоговые льготы, предлагаемые для других инновационных компаний, не всегда распространяются на венчурные проекты, что ограничивает их доступ к льготам и стимулам, предусмотренным для других субъектов технологического бизнеса.

К слову, наибольшую эффективность венчурное инвестирование показывает в совместной работе с бизнес-акселераторами и бизнес-инкубаторами, которые представляют собой тип инвесторов, активно поддерживающих стартапы через специализированные программы. Акселераторы и инкубаторы обеспечивают образовательную составляющую и доступ к сети контактов, в то время как венчурные фонды предоставляют инвестиции.

В отличие от государственных механизмов поддержки венчурный капитал обеспечивает гибкость и оперативность в принятии решений, что особенно важно для высокотехнологичных стартапов, нуждающихся в быстром финансировании. Однако наличие правовых барьеров значительно снижает эффективность венчурного инвестирования как механизма поддержки. Как отметил Р.М. Янковский: «совершенствование правового регулирования венчурного инвестирования требует модернизации гражданского, корпоративного, налогового, валютного и других отраслей законодательства» [7].

В итоге для развития технологического предпринимательства в России необходимо не только совершенствование правовых моделей, но и создание условий для полноценного участия малых и средних предприятий в технологической (инновационной) экосистеме. Это требует комплексного подхода к снижению барьеров, улучшению доступа к финансовым ресурсам и упрощению административных процедур.

Важно отметить, что без значительного усиления поддержки внутреннего рынка, интеграции в глобальные цепочки поставок и эффективного использования национальных ресурсов, потенциал технологического предпринимательства останется нереализованным. Это, в свою очередь, снижает конкурентоспособность страны в условиях ускоряющейся глобальной технологической гонки.

Таким образом, комплексное совершенствование законодательной базы, создание стимулов для внутреннего спроса и привлечение частных инвестиций должны стать основой для формирова-

ния устойчивой технологической (инновационной) экосистемы. Лишь сбалансированное взаимодействие государственных и частных инициатив позволит России укрепить позиции на международной арене и обеспечить долгосрочный экономический рост.

Литература

1. Барькин А. Н., Икрянников В.О. Белые пятна теории и практики технологического предпринимательства // Менеджмент инноваций. – 2010. № 3. С. 202–213.
2. Бичурина В.А. Управление развитием института технологического предпринимательства: дис. ...канд. эконом. наук: 08.00.05 / ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». – Санкт-Петербург, 2021. С. 39.
3. Ершова И. В., Трофимова Е.В. Специальный правовой режим малого и среднего бизнеса в контексте поиска перспективных направлений поддержки иных сегментов отечественной экономики // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 2 (147). С. 103–115.
4. Ковалевич Д. А., Щедровицкий П.Г. Конвейер инноваций // Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов URL: <https://asi.ru/news/49460/> (дата обращения: 29.19.2024)
5. Ленчук Е.Б. Научно-технологическое развитие России в условиях санкционного давления // Экономическое возрождение России. 2022. № 3 (73). С. 52–59.
6. Охрименко А.В., Гачегов М.А. Оценка эффективности поддержки малого и среднего предпринимательства // Вестник Московского университета. Серия 6. – Экономика. – 2023. – № 4. – С. 124–144/
7. Янковский Р.М. Правовое регулирование венчурного инвестирования: автореф. дисс. на соиск. ...канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 32.
8. Янченко Е.В. Устойчивая цифровизация в малом и среднем бизнесе: специфичные систем-

ные риски // Инновационная деятельность. 2023. № 1 (64). С. 43–55.

LIMITATIONS OF LEGAL MODELS FOR SUPPORTING TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURSHIP

Ivanov V.V.

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article explores legal models of support for technological entrepreneurship in the Russian Federation, covering both government programmes and private forms of support, as well as public-private partnership (PPP) mechanisms. The key barriers faced by technology companies are analysed in detail, including difficulties in accessing benefits, infrastructure and various forms of financial support at the initial stages of development. Particular attention is paid to the legal aspects of venture capital investment, such as the uncertainty of the legal status of participants in venture deals and insufficient protection of investors' rights. The article highlights the need to improve legislative mechanisms to create a more favourable, flexible and adaptive legal environment to accelerate innovation and ensure sustainable growth of technology companies in conditions of economic and political instability.

Keywords: technological entrepreneurship, state support, venture capital, public-private partnership, legal barriers.

References

1. Barykin A.N., Ikryanikov V.O. White Spots in the Theory and Practice of Technological Entrepreneurship // Innovation Management. 2010. No. 3. P. 202–213.
2. Bichurina V.A. Management of the Development of the Institute of Technological Entrepreneurship: Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / St. Petersburg State University of Economics. St. Petersburg, 2021. P. 39.
3. Ershova I.V., Trofimova E.V. Special Legal Regime for Small and Medium Businesses in the Context of Searching for Promising Areas to Support Other Segments of the Domestic Economy // Actual Problems of Russian Law. 2023. No. 2 (147). P. 103–115.
4. Kovalevich D.A., Shedrovitsky P.G. Innovation Conveyor // Agency for Strategic Initiatives for Promoting New Projects URL: <https://asi.ru/news/49460/> (accessed: 29.19.2024).
5. Lenchuk E.B. Scientific and Technological Development of Russia under Sanction Pressure // Economic Revival of Russia. 2022. No. 3 (73). P. 52–59.
6. Ochrimenko A.V., Gachegov M.A. Assessment of the Effectiveness of Support for Small and Medium Enterprises // Moscow University Bulletin. Series 6: Economics. 2023. No. 4. P. 124–144.
7. Yankovsky R.M. Legal Regulation of Venture Investment: Abstract of the Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2018. P. 32.
8. Yanchenko E.V. Sustainable Digitalization in Small and Medium-Sized Businesses: Specific Systemic Risks // Innovative Activity. 2023. No. 1 (64). P. 43–55.

Вопросы состязательности сторон в гражданских делах по спорам об авторстве на изобретение, полезную модель, промышленный образец

Ильин Игорь Вячеславович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры, кафедра гражданского права и процесса, ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: igor_ilyin@mail.ru

Цель: В статье обозначена цель реализации принципа состязательности сторон в отечественном гражданском и арбитражном процессах в делах по спорам об авторстве на изобретение, полезную модель, промышленный образец.

Методы: при подготовке статьи использовались документальный, формально-юридический, индуктивный, сравнительно-правовой, аналитический, системный, дедуктивный и практический методы.

Результаты: Равенство прав в процессе доказывания, предполагаемое состязательностью, остается недостижимым в абсолютном смысле, поскольку в противостоянии участвуют лицо, обладающее презумпцией авторства, и лицо, которое пытается его оспорить. Анализ направлен на выявление возможной применимости принципа состязательности в рассматриваемых делах.

Презумпция авторства в различных областях интеллектуальной собственности имеет свои особенности. В частности, презумпция авторства в искусстве и науке не дает абсолютной гарантии титульному автору. В таких спорах ответчику требуется предоставить доказательства создания технического решения, соответствующего содержанию оспариваемого патента. Вместе с тем признание авторства в области патентов требует от автора произведения давать объяснения и возражения по предоставленным доказательствам.

Оригинальность: в работе представлена авторская позиция сравнительного анализа рассматриваемой проблемы состязательности сторон в общем смысле, а также в делах по спорам об авторстве на объекты авторского права.

Ключевые слова: патентное право, право авторства, служебное изобретение, служебная полезная модель, промышленный образец, право интеллектуальной собственности, право авторства, презумпция авторства.

Одной из важнейших задач реализации принципа состязательности в арбитражном и гражданском процессе в контексте обеспечения отправления правосудия является достижение объективной истины. Не смотря на то, что правовые основы принципа состязательности закреплены в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, а также в ст. 12 ГПК РФ и ст. 9 АПК РФ, он не является абсолютным ввиду того, что какая либо из сторон процесса может иметь презумпцию добросовестности, преюдицию доказательств и другие стартовые юридические преимущества.

Динамика научного подхода к принципу состязательности заключается в том, что раньше он был нейтрализован принципом объективной истины, и суд был обязан собирать доказательства самостоятельно. Ныне в гражданском процессуальном законе такой нормы уже нет. Однако ученые отмечают, что суд по-прежнему активен: он помогает в сборе доказательств, может предложить сторонам представить дополнительные доказательства, проверяет подлинность предоставленных доказательств, назначает экспертизу и т.д.). [1, с.121].

Сейчас принцип состязательности обеспечен равноправием сторон при соблюдении которого стороны могут состязаться между собой. Принципы состязательности и равноправия взаимосвязаны и взаимообуславливающие, но при этом они независимы друг от друга. Оба принципа имеют конституционное значение и применяются в различных областях права. Нарушение хотя бы одного из этих принципов может привести к пересмотру судебного решения. [2, с.74].

Активная роль принадлежит также суду, который как правило, активно участвует в процессе, выходя за границы просто наблюдателя, учитывая все фактические обстоятельства дела. Кроме этого, суду принадлежит право выйти за пределы основания иска, изменить его или самому квалифицировать спорные отношения. Единственное, что не может сделать суд, это изменить предмет иска, что также вступает в конкуренцию с принципом диспозитивности. [3, с. 50]

Французский опыт применения принципа диспозитивности позволяет сделать вывод, что, если истец не указал основание для своего иска, суд должен сам его найти, иначе рассматривается возможность исправления неправильной юридической квалификации, предложенной одной из сторон спора. Когда стороны не предоставляют правового обоснования или неправильно классифицируют факты, суд должен инициативно использовать правовые средства. Однако, если для применения

нового правового основания требуется дополнительное рассмотрение фактов, на которые стороны не ссылались, судья может предложить сторонам новое правовое обоснование, но не обязан этого делать. [4, с.49–50].

Интересным представляется использование принципа пропорциональности в гражданском судопроизводстве Канады, который направлен на оптимизацию использования временных и материальных ресурсов для обеспечения эффективного правосудия в каждом конкретном случае. Введение данного принципа в процесс было признано важным и рекомендованным. Так, суд имеет право использовать процессуальные средства, соответствующие важности и сложности спорных вопросов, а также финансовой позиции сторон, чтобы обеспечить доступ к правосудию и предотвратить излишнее использование ресурсов судебной системы участниками процесса. [5, с.83–84].

Важнейшей опцией реализации российского принципа состязательности, на наш взгляд, является предложение Е.А. Наховой, которая считает, что в суде утверждения и возражения сторон требуют доказательств, каждая сторона должна подтвердить свои утверждения и опровергнуть возражения, все факты дела требуют доказательств, за исключением тех, которые исключены законом, частные правила распределения обязанностей по доказыванию могут изменить общие правила распределения доказательств (доказательные предположения, процессуальные вымыслы, специальные правила распределения обязанностей по доказыванию) [6, с.30–31].

Все это в совокупности позволяет сделать вывод, что принцип состязательности не может быть обеспечен без консолидации с принципами диспозитивности и равноправия сторон.

Что касается состязательности в части дел, по спорам об авторстве на изобретение, полезную модель, промышленный образец то с учетом описанного он имеет специфический характер.

Так, согласно п. 121 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» дела по спорам об авторстве на изобретение, полезную модель, промышленный образец (подпункт 1 пункта 1 статьи 1406 ГК РФ), на которые уже выдан патент, подлежат рассмотрению в судебном порядке путем оспаривания выданного патента на основании подпункта 5 пункта 1 статьи 1398 ГК РФ в связи с указанием в нем в качестве автора лица, не являющегося таковым в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, либо в связи с отсутствием в патенте указания на лицо, являющееся автором в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации.

В таком споре подлежит установлению, кто является автором изобретения, полезной модели или промышленного образца (статья 1357 ГК РФ).

Каждый работник, участвующий в создании служебного изобретения (полезной модели, про-

мышленного образца) совместно с другими коллегами, будет получать вознаграждение от работодателя через месяц после окончания каждого года, когда использовались соответствующие изобретения, модели или образцы. Вознаграждение будет выплачиваться каждому работнику в зависимости от того, какой вклад он внес в творческий процесс. Поэтому при разработке корпоративного изобретения (полезной модели, промышленного образца) через совместное творчество сотрудников, важно согласовать размер их творческого вклада.

В течение пяти дней после заключения соглашения, сотрудники должны сообщить работодателю о своем творческом вкладе в корпоративное изобретение и предоставить копию соответствующего документа. Для создания изобретения каждый член авторского коллектива должен определить свой индивидуальный вклад. Если соглашение отсутствует, вклады всех участников будут считаться равными до вынесения судебного решения о новых пропорциях [7, С. 81–93].

Разработанные работником технические решения могут вызывать затруднения в определении их статуса как служебных в практическом плане. Норма статьи 1370 ГК РФ кратка и не содержит точных указаний относительно признания изобретений как служебных. Одни специалисты утверждают, что связывать создание новшеств с выполнением трудовых обязанностей невозможно, поскольку нельзя заранее определить, что изобретение может быть разработано в контексте гражданско-правовых или трудовых соглашений. Вознаграждение работника за создание результатов интеллектуальной деятельности является предметом многочисленных юридических сложностей.

При этом важно заметить, что важным аспектом оценки труда работника является капитализация идей, а не размер вознаграждения работника. Даже если творческий продукт имеет успешную реализацию, вознаграждение также может не соразмерно из-за финансовой ситуации компании. Поэтому считается правильным устанавливать вознаграждение в виде процента от прибыли, полученной от продажи изобретения. [8, С. 56–64.].

При этом согласно ст. 1347 ГК РФ автором изобретения, полезной модели или промышленного образца считается, пока не доказано иное, является лицо, указанное в качестве автора в заявке на выдачу патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, дела об авторстве изобретения, полезной модели.

Таким образом автор изобретения, полезной модели или промышленного образца обладает презумпцией авторства, которая с учетом части 1 статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации означает, в частности, что бремя доказывания создания спорного технического решения творческим трудом иного лица (не ответчика) лежит на истце.

Презумпция авторства изобретения, полезной модели или промышленного образца отличается от презумпции авторства произведения науки,

литературы или искусства, которая заключается в признании автором произведения автора, указанного на оригинале или экземпляре произведения.

В то же время практика рассмотрения аналогичных споров, складывается так, что презумпция авторства абсолютно не освобождает титульного автора от обязанности давать объяснения и возражения в части представленных истцом доказательств, указанным в оспариваемом патенте. Ответчику также надлежит представить доказательства создания технического решения, совокупность признаков которого получила отражение в формуле изобретения.

Литература

1. Кройтор В.А. Сочетание состязательности и процессуальной активности суда как принцип гражданского судопроизводства // *Sciences of Europe*. 2016. № 8–2 (8). С. 119–128.
2. Попова Е.С., Митькова М.И. Реализация принципов состязательности и равноправия сторон в судебных прениях // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2022. № 1 (54). С. 72–75.
3. Зыбина О.С. К вопросу о реализации принципа состязательности органами судебной власти при отправлении правосудия по гражданским делам // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2018. № 3 (40). С. 47–52.
4. Аргунов А.В. Гражданский процесс России и Франции: принципы состязательности и диспозитивности // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 43–51.
5. Князев Д.В. Реформа гражданского судопроизводства в Канаде // *Российский юридический журнал*. 2015. № 5 (104). С. 81–96.
6. Нахова Е.А. Принцип раскрытия доказательств в гражданском судопроизводстве // *Цивилистика: право и процесс*. 2020. № 2 (10). С. 29–33.
7. Мамаджанов Х.А. Авторское вознаграждение: споры с работниками – авторами служебных результатов интеллектуальной деятельности // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2024. N 4. С. 81–93.
8. Губаева Е.А. Роль процедуры медиации в разрешении споров в сфере интеллектуальной собственности // *ИС. Авторское право и смежные права*. 2023. N 1. С. 56–64

ISSUES OF ADVERSARIAL NATURE OF THE PARTIES IN CIVIL CASES ON DISPUTES OVER AUTHORSHIP OF AN INVENTION, UTILITY MODEL, INDUSTRIAL DESIGN

Ilyin I.V.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Purpose: The article outlines the purpose of implementing the principle of adversarial parties in domestic civil and arbitration proceedings in cases of disputes over authorship of an invention, utility model, industrial design.

Methods: documentary, formal legal, inductive, comparative legal, analytical, systemic, deductive and practical methods were used in the preparation of the article.

Results: Equality of rights in the process of proof, assumed by adversarial nature, remains unattainable in an absolute sense, since a person with a presumption of authorship and a person who tries to challenge it participate in the confrontation. The analysis is aimed at identifying the possible applicability of the adversarial principle in the cases under consideration.

The presumption of authorship in various fields of intellectual property has its own characteristics. In particular, the presumption of authorship in art and science does not give an absolute guarantee to the titular author. In such disputes, the defendant is required to provide

The presumption of authorship in various areas of intellectual property has its own characteristics. In particular, the presumption of authorship in art and science does not provide an absolute guarantee to the title author. In such disputes, the defendant is required to provide evidence of the creation of a technical solution that corresponds to the content of the disputed patent. At the same time, recognition of authorship in the field of patents requires the author of the work to provide explanations and objections to the evidence provided.

Originality: the work presents the author's position on the comparative analysis of the problem of adversarial proceedings in the general sense, as well as in cases of disputes over authorship of copyright objects.

Keywords: patent law, right of authorship, service invention, service utility model, industrial design, intellectual property law, right of authorship, presumption of authorship.

References

1. Kroitor V.A. The combination of adversarial and procedural activity of the court as a principle of civil proceedings // *Sciences of Europe*. 2016. No. 8–2 (8). pp. 119–128.
2. Popova E.S., Mitkova M.I. Implementation of the principles of adversarial and equality of the parties in judicial debate // *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2022. No. 1 (54). pp. 72–75.
3. Zybina O.S. On the implementation of the principle of competition by judicial authorities in the administration of justice in civil cases // *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2018. No. 3 (40). pp. 47–52.
4. Argunov A.V. The civil process of Russia and France: principles of competition and dispositivity // *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*. 2022. No. 1 (48). pp. 43–51.
5. Knyazev D.V. Reform of civil procedure in Canada // *Russian Law Journal*. 2015. No. 5 (104). pp. 81–96.
6. Nakhova E.A. The principle of disclosure of evidence in civil proceedings // *Civil law: law and process*. 2
7. Mamadzhanov H.A. Author's remuneration: disputes with employees – authors of official results of intellectual activity // *Property relations in the Russian Federation*. 2024. N 4. pp. 81–93.
9. Gubaeva E.A. The role of mediation procedure in resolving disputes in the field of intellectual property // *IP. Copyright and related rights*. 2023. N 1. pp. 56–64

К вопросу о допустимости экзекватуры судебных решений об обращении в доход Российской Федерации имущества публичного должностного лица

Конев Денис Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»
E-mail: Konev80@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы признания и приведения в исполнение вынесенных на основании национального антикоррупционного законодательства решений российских судов об обращении в доход Российской Федерации имущества, находящегося на территории иностранного государства, в отношении которого публичным должностным лицом не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Автором анализируются основные предпосылки возможной экзекватуры соответствующих судебных актов. По итогу анализа данного вопроса в контексте положений Конвенции Организаций Объединенных Наций против коррупции и международных договоров Российской Федерации в сфере международного гражданского процесса был сформулирован общий вывод о принципиальной недопустимости трансграничного исполнения указанных решений российских судов в рамках существующей модели трансграничного оборота актов иностранной юстиции. Соответственно, в исследовании были обозначены возможные направления преодоления существующей ситуации.

Ключевые слова: международный гражданский процесс; экзекватура иностранных судебных решений; Конвенция ООН против коррупции; публичное должностное лицо; обращение в доход Российской Федерации.

Введение

Настоящая статья представляет собой расширенную с научно-практических позиций версию проведенного ранее автором исследования по вопросу возможной экзекватуры судебных актов об обращении в доход Российской Федерации принадлежащего российскому публичному должностному лицу недвижимого имущества, расположенного на территории иностранного государства [1, с. 29–32]. В соответствующей публикации проблематизировалась перспектива признания в Федеративной Республике Германия вынесенного в соответствии с положениями национального антикоррупционного законодательства решения российского суда об обращении в доход Российской Федерации расположенного на территории данного иностранного государства недвижимого имущества, в отношении которого публичным должностным лицом не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы.

По итогу исследования данного вопроса в контексте Конвенции ООН против коррупции 2003 года был сформулирован общий вывод о принципиальной недопустимости трансграничного исполнения соответствующих решений российских судов в рамках существующей модели трансграничного оборота актов иностранной юстиции.

Соответственно, вполне закономерно возникает необходимость более глубокого анализа соответствующих вопросов безотносительно к специфике российско-германской проблематики в целях формулирования предложений по преодолению сложившейся ситуации. Во многом это обусловлено тем, что борьба с коррупцией, являясь мейнстримом современной правовой политики различных государств, не всегда сопровождается наличием оптимальных процедур международного сотрудничества государств в соответствующей сфере. При этом отсутствие, по крайней мере на данный момент, адекватных международных уголовно-процессуальных или административных процедур трансграничного сотрудничества в области противодействия коррупции объективно смещает фокус проблемы в плоскость инструментария международного гражданского процесса.

Постановка проблемы

В качестве основной проблемы в приведенном выше исследовании выступал вопрос о допустимости признания и приведения в исполнение на территории иностранного государства вынесенного в со-

ответствии с положениями Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ) решения российского суда об обращении в доход Российской Федерации расположенного на территории данного иностранного государства недвижимого имущества, в отношении которого публичным должностным лицом не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы [2].

Не вдаваясь в подробный анализ выработанных в юридической науке и международной практике предпосылок признания и приведения в исполнение актов иностранной юстиции [3], отметим, что в контексте соответствующего вопроса основное значение приобретают, на наш взгляд, следующие предпосылки экзекватуры: а) наличие международного договора по вопросам взаимного признания судебных решений, б) характер дела, по которому вынесено решение и в) международная подсудность.

(А) Наличие международного договора по вопросам взаимного признания судебных решений

Как известно, отечественная модель трансграничного оборота актов иностранной юстиции в качестве общего правила базируется на принципе конвенциональной взаимности, в силу которого для признания и приведения в исполнение на российской территории иностранных судебных решений необходимо наличие соответствующего международного договора с иностранным государством (часть 3 статьи 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», часть 1 статьи 409 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)). Соответственно, отсутствие между Российской Федерацией и взаимодействующим государством международного договора по вопросам экзекватуры судебных актов зеркально порождает невозможность признания решения российского суда на территории соответствующего иностранного государства, включая и трансграничное признание рассматриваемых решений.

На текущий момент Российская Федерация является участницей Конвенции ООН против коррупции 2003 года. Исходя из преамбулы и положений Конвенции ООН против коррупции, в первую очередь статей 3 и 43, сферой действия соответствующего наднационального инструмента является международное уголовное сотрудничество в сфере противодействия транснациональной коррупции. В данном отношении предписания статьи 43 данной Конвенции о возможности международного сотрудничества в расследовании и производстве по гражданско-правовым и административным вопросам, связанным с коррупцией, не могут свидетельствовать, на наш взгляд, о наличии эффективного механизма признания и приведения в исполнение судебных актов по гражданским и административным делам в рамках названной

Конвенции, поскольку в действующее российское законодательство до настоящего момента не было внесено каких-либо изменений в части создания процедур трансграничного оборота актов иностранной юстиции гражданско-правового либо административного характера в сфере коррупции.

В свою очередь, ратифицируя Конвенцию ООН против коррупции, Российская Федерация в соответствии с положениями пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» также не включила в число своих обязательств (безусловных обязанностей) признание уголовно наказуемым указанного в статье 20 данной Конвенции умышленного незаконного обогащения публичного должностного лица.

Следовательно, учитывая уголовно-правовую направленность сотрудничества в рамках Конвенции ООН против коррупции, признание и приведение в исполнение вынесенных на основании национального антикоррупционного законодательства решений российских судов об обращении в доход Российской Федерации расположенных на территории иностранного государства имущественных активов публичного должностного лица, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, исключается из предметной сферы указанной Конвенции, поскольку соответствующая мера государственного принуждения не рассматривается в российской правовой системе в качестве уголовно-правовой санкции.

(Б) Характер дела, по которому вынесено решение

Тесно сопряженным с проанализированным ранее вопросом о допустимости экзекватуры рассматриваемых решений российских судов в рамках Конвенции ООН против коррупции является вопрос относительно возможности трансграничного исполнения соответствующих решений в рамках двусторонних либо многосторонних международных договоров Российской Федерации о правовой помощи и правовых отношениях с иностранными государствами.

В международном гражданском процессе предметная сфера действия международного договора, регламентирующего вопросы экзекватуры, традиционно рассматривается в качестве одной из предпосылок признания и приведения в исполнение актов иностранной юстиции. Вследствие этого вынесение иностранным судом решения, не подпадающего под предметную сферу действия определенного международного договора, исключает возможность его признания в рамках соответствующего международного инструмента [4, с. 246–251, 275–278]. Оставляя за рамками настоящей статьи дискуссию относительно предмета международного гражданского процесса, отметим, что в отечественной доктрине под международным гражданским процессом традиционно принято понимать трансграничное взаимодей-

стве государств по гражданским и торговым делам, то есть по делам частноправового характера [5, с. 766–769]. Сообразно этому гражданско-правовой характер дела, по которому вынесено решение (включая торговые и семейные дела), рассматривается в юридической науке в качестве одной из предпосылок признания и приведения в исполнение актов иностранной юстиции [6, с. 50–57]. В практике Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемому вопросу также сформировался аналогичный подход, в соответствии с которым заключенные международные договоры регламентируют исполнение судебных решений исключительно по частно-правовым спорам (сотрудничество в рамках международного гражданского процесса), вследствие чего из предмета таких соглашений исключены публично-правовые (налоговые, таможенные, иные административные) дела (пункт 29 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 года).

Соответственно, возникает необходимость в отраслевой квалификации такой меры юридической ответственности как обращение в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого публичным должностным лицом не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, в качестве правового основания применения которой выступают положения подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ и части 2 статьи 17 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ.

Действующее российское законодательство в сфере противодействия коррупции предусматривает различные отраслевые виды юридической ответственности за совершение коррупционных правонарушений: уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность (часть 1 статьи 13 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»).

Исходя из положений статьи 17 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ и подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ недвижимые и движимые активы публичного должностного лица, в отношении которых в соответствии с антикоррупционным законодательством не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, по решению суда подлежат обращению в доход Российской Федерации.

Согласно подходу, отраженному в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» (далее также – постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 26-П), обращение в доход Россий-

ской Федерации имущества, в отношении которого государственным (муниципальным) служащим не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, является, по существу, особой мерой государственного принуждения, применяемой в случае нарушения лицами, выполняющими публичные функции, антикоррупционного законодательства. При этом заявленные прокурором в порядке статьи 17 названного Федерального закона требования связаны с разрешением вопроса о судьбе права собственности на имущество, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, т.е. по своему характеру являются исковыми.

Из приведенных положений антикоррупционного законодательства следует, что, обращение в доход Российской Федерации активов публичного должностного лица в конституционно-правовом истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 29.11.2016 № 26-П, не рассматривается в российской правовой системе в качестве уголовно-правовой санкции, а представляет собой особую меру государственного принуждения, сочетающую элементы административного и гражданского права, применение которой осуществляется в порядке гражданского судопроизводства.

С учетом данной посылки смешанная (публично – и частноправовая) природа указанной антикоррупционной санкции, вне зависимости от используемых методов юридической квалификации (1) простая правовая квалификация *lege fori*; 2) правовая квалификация *lege fori* того государства, чей процесс должен быть признан; 3) двойная квалификация, сочетающая в себе вышеназванные правила; 4) правовая квалификация *lege causae*; 5) самостоятельная правовая квалификация содержащихся в международных соглашениях понятий [7, с. 21–22]), не позволит вписать решения российских судов по рассматриваемой категории дел в понятие «судебных актов по гражданским или торговым делам» в общепризнанном в международной практике значении.

(В) Международная подсудность

Как следует из изложенной выше ситуации, судом в доход Российской Федерации были обращены недвижимые активы российского публичного должностного лица, находящиеся на территории иностранного государства. С учетом «встроенности» соответствующей антикоррупционной санкции в систему гражданского законодательства (подпункт 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ) в рассматриваемом случае судом формально был разрешен спор о праве собственности на указанное недвижимое имущество.

Современные национальные правовые порядки, включая отечественную юрисдикционную систему (пункт 1 части 1 статьи 403 ГПК РФ) и международные договоры в сфере трансграничного гражданского процесса (например, статья 22 Кишиневской конвенции 2002 года, статья 5 «Судейской конвен-

ции» 2019 года), относят дела о правах на недвижимое имущество в большинстве случаев к исключительной международной подсудности судов государства, на территории которого находится такое имущество [8, с. 91–119]. Следствием нарушения исключительной подсудности судов признающего государства в отношении дел о вещных правах на объекты недвижимости является отказ в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения. В данном плане соблюдение иностранным судом соответствующего юрисдикционного критерия обеспечивает выполнение минимального стандарта взаимного признания и исполнения решений [9].

Сообразно этому, национальное правило определения внутренней территориальной подсудности по месту жительства ответчика (статья 28 ГПК РФ), в том числе в случаях, если прокурором заявлены требования об обращении в доход Российской Федерации недвижимого имущества (Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2017 года), в трансграничном измерении не могут служить обоснованием вторжения в сферу исключительной подсудности иностранного суда по месту нахождения недвижимого имущества.

Таким образом, трансграничное признание решения российского суда об обращении в доход Российской Федерации расположенного на территории иностранного государства недвижимого имущества публичного должностного лица исключается, в том числе и по причине нарушения исключительной международной подсудности суда признающего государства по месту нахождения объекта недвижимости. При этом, даже если и признать наличие международной подсудности российского суда по соответствующей категории дел по месту жительства ответчика, например, в случае, если речь идет об обращении в доход государства движимого имущества, находящегося в иностранном государстве, экзекватура данного решения также исключается в связи с описанной выше недопустимостью квалификации вынесенного судебного акта в качестве решения по гражданскому или торговому делу.

Основные выводы

Проведенный анализ допустимости в условиях действующей модели экзекватуры признания и приведения в исполнение в иностранных юрисдикциях рассмотренных антикоррупционных решений российских судов позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Квалификация соответствующих решений судов в качестве судебных актов, сочетающих в себе элементы административного и граж-

данского спора, исключает их трансграничный оборот из сферы действия Конвенции ООН против коррупции, выражающейся в международном сотрудничестве в области противодействия преступлениям коррупционной направленности.

2. Учитывая отсутствие предусмотренных национальным правом и международными инструментами предпосылок экзекватуры (наличие международного договора по вопросам взаимного признания; характер дела, по которому вынесено решение; международная подсудность), признание и приведение в исполнение рассматриваемых решений также исключается и в рамках соответствующих многосторонних и двусторонних договоров с участием Российской Федерации.
3. Принимая во внимание отсутствие трансграничной юридической силы у судебных решений об обращении в доход Российской Федерации расположенных на иностранной территории активов публичного должностного лица, фактически единственным вариантом их реального исполнения будет является изменение способа исполнения на взыскание с указанного лица денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, что само по себе не решает существа всей проблемы.
4. Отсутствие международных уголовно-процессуальных и административных инструментов экзекватурирования соответствующих решений предопределяет допустимость разработки процедуры трансграничного исполнения указанных актов в рамках инструментария международного гражданского процесса в связи с потенциальной сопоставимостью предпосылок их признания с общей моделью экзекватуры.

Литература

1. Конев Д.В. Трансграничное исполнение решений российских судов об обращении в доход Российской Федерации недвижимого имущества, находящегося на территории иностранного государства // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 8. С. 29–32.
2. Фактические обстоятельства анализируемой ситуации отражены в решении Куйбышевского районного суда города Омска от 20.11.2017 по гражданскому делу № 2–3936/2017 (СПС «Гарант»; дата обращения: 15.10.2024) и определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.03.2021 № 88–1691/2021 по гражданскому делу № 2–3936/2017 (СПС «КонсультантПлюс»; дата обращения: 15.10.2024).
3. Костин А.А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации. М.: Статут, 2020. – 207 с.

4. Литвинский Д.В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. С. 246–251, 275–278.
5. Лунц Л.А., Марышева Н.И. Международный гражданский процесс // Лунц Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 766–769.
6. Марышева Н. И., Шукин А.И. Иностранное судебное решение как объект признания и приведения в исполнение в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 50–57.
7. Шак Х. Международное гражданское процессуальное право: Учебник /Пер. с нем. – М.: Издательство БЕК, 2001. С. 21–22.
8. Елисеев Н.Г. Международная подсудность исков о правах на недвижимость // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. М.: Статут, 2008. С. 91–119.
9. Шукин А.И. Вопросы подсудности в международных договорах с участием России: монография. Москва: Проспект, 2015. – 184 с

ON THE ADMISSIBILITY OF EXEQUATUR OF COURT DECISIONS ALLOWING APPROPRIATION OF THE PROPERTY OF A PUBLIC OFFICIAL TO THE INCOME OF THE RUSSIAN FEDERATION ITSELF

Konev D.V.

Ural State Law University Named after V.F. Yakovlev

The article examines the issues of legal recognition and executions of decisions of Russian courts, based on its national anti-corruption legislation, allowing appropriation of property located in the territory of a foreign state to the income of the Russian Federation itself, in relation to which the public official has not provided information confirming its acquisition with legal income. The author analyzes the main prerequisites for the possible exequatur of the corresponding judicial acts. As a result of the analysis of this issue, in the context

of the provisions of the United Nations Convention against Corruption and international treaties, the Russian Federation formulated a general conclusion on the fundamental inadmissibility of cross-border execution of such decisions of Russian courts in the sphere of international civil procedure within the framework of the existing model of cross-border circulation of acts of foreign justice. Therefore, the study outlined possible directions for overcoming the existing situation.

Keywords: international civil procedure; exequatur of foreign judgments; UN Convention against Corruption; public official; appeal to the revenue of the Russian Federation.

References

1. Konev D.V. Trans-Border Enforcement of Russian Courts Judgements on Forfeiture of Real Estate Located in the Territory of Foreign States to the Russian Federation // Arbitration and Civil Proceedings. 2024. № 8. P. 29–32.
2. Decision of the Kuibyshevsky District Court of Omsk dated 20.11.2017 in civil case No. 2–3936/2017 (reference and legal system “Garant”; date of access: 15.10.2024) and the determination of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated 05.03.2021 No. 88–1691/2021 in civil case No. 2–3936/2017 (reference and legal system “ConsultantPlus”; date of access: 15.10.2024).
3. Kostin A.A. Legal grounds for recognition and enforcement of foreign judgments in the Russian Federation. Moscow, 2020. 207 p.
4. Litvinsky D.V. Recognition of foreign judgments in civil cases (comparative legal analysis of French legislation, judicial practice and legal doctrine). St. Petersburg, 2005. P. 246–251, 275–278.
5. Lunts L.A., Marysheva N.I. Course of Private International Law. In 3 vols. Vol. 3: International Civil Procedure]. Moscow: Spark, 2002. P. 766–769.
6. Marysheva N.I., Schukin A.I. (2020) Foreign Judgment as Object of Recognition and Enforcement in the Russian Federation. Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, no 2, P. 50–57.
7. Shak H. The International Civil Procedure Law: Textbook / Trans. by E.V. Grechishnikov. M.: Beck, 2001. P. 21–22.
8. Eliseev N.G. International Jurisdiction Concerning Actions In Rem, in: Lesnytskaya, L.F. and Rozhkova, M.A. (eds.) Topical Issues of Civil and Arbitrazh Procedure [Problemnye voprosy grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessov]. Moscow, 2008. P. 91–119.
9. Shchukin A.I. Issues of jurisdiction in international treaties with the participation of Russia: monograph. Moscow: Prospekt, 2015. 184 p.

Актуальность принципа состязательности в современном гражданском процессе

Кукушкин Роман Константинович,

аспирант кафедры «Гражданское, предпринимательское и транспортное право», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: roma.kukushkin.1998@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблематики принципа состязательности в гражданском процессе. Выделены преимущества и недостатки, а также трудности в реализации принципа состязательного процесса на практике. Проведен ретроспективный анализ для установления причины отхождения от принципа состязательности в советскую эпоху. Представлены взгляды и точки зрения советских и современных ученых-цивилистов. Акцентируется внимание на сравнение устройства принципа состязательности в мировой цивилистике, где уделено внимание как романо-германской, так и англосаксонской правовой семье. В ходе заключения будет дана оценка принципа состязательности в целом. Рассмотрена целесообразность идеи возвращения к розыскному процессу, а равно к установлению единоличных полномочий судьи, как это было в социалистическом гражданско-правовом законодательстве. Высказано мнение о том, каким образом можно решить данную проблематику и в каком направлении двигаться законодателю.

Ключевые слова: гражданский процесс, принцип состязательности, равноправие сторон, суд, розыск, советский гражданский процесс, собирание доказательств, предоставления доказательств, романо-германская правовая семья, англосаксонская правовая семья.

Правовые нормы российского гражданского процесса в ходе своего становления проделали внушительный путь, в том числе в своем развитии. Одним из итогов такого развития стало закрепление при осуществлении правосудия принципа состязательности в Гражданском процессуальном кодексе 2002 года (далее – ГПК РФ) [4, ст. 12]. Идея принципа состязательности характерна тем, что дарует непосредственно спорящим сторонам возможность самим осуществлять защиту своих интересов в процессе, а именно самостоятельно собирать необходимые доказательства, оспаривать те или иные факты. Роль суда в таком процессе представляется в качестве «независимого арбитра», который не должен отдавать предпочтение конкретной стороне, а оставаться максимально субъективным.

Подобный принцип процесса может показаться максимально демократическим и даже, во многом, справедливым. Действительно, именно в процессе укрепления демократизации современный гражданский процесс предстал перед нами в том виде, в каком мы его знаем, где у суда и сторон присутствуют взаимные права и обязанности в вопросах осуществления правосудия.

Но как не парадоксально, принцип состязательности в процессе был актуален ещё в период самого зарождения гражданского процесса на Руси. В одном из первых и древнейших памятников по руководству судебной практике Русской правде присутствовала состязательность.

Это состязательность выражалась в том, что сторонам принадлежала главная роль в суде перед судьями в разрешении своих жалоб, иными словами заявитель сам должен был доказать свою правоту [2, с. 279].

Примечательно, что никакого четкого разделения на гражданский и уголовный процесс не было. Более того, Русская Правда, несмотря на состязательность, была посвящена скорее уголовному процессу, поэтому совершенно не удивительно, что со временем в данном постулате появились нормы гражданского права, которые были заимствованы из Закона «Судный людем».

Постепенно с развитием процесса стало проглядываться увеличение значимости роли суда. Особенно сильно это проявилось с возникновением новейших постулатов того времени – Псковской и Новгородской судебных грамот (далее – ПСГ и НСГ). Так, например, ст. 24 ПСГ регламентировала следующее, если на основании предоставленных сторонами доказательств суд не мог правильно разрешить спор, то суд мог послать своих

людей на место для выяснения обстоятельств дела [14, с. 2–6].

Означало ли это, что законодатель уже тогда начал отходить от принципа состязательности в ПСГ и НСГ? Нет, в данных грамотах процесс продолжал носить состязательный характер, а стороны были равны друг перед другом и носили название по ст. 58 ПСГ – сутяжники. Однако, тот факт, что процесс по-прежнему не имел чёткого разделения на гражданский и уголовный, то волею-неволею законодателю приходилось использовать элементы так называемого розыскного процесса. Это стало заметно с принятием Соборного уложения Алексея Михайловича 1649 года, где судебный процесс был разделен на «суд» для гражданских дел и «розыск» для уголовных дел соответственно [10, с. 288].

Теперь суд мог на свое усмотрение принимать, либо не принимать предоставленные сторонами доказательства. Возрастание роли суда в процессе означало ещё и то, что роль государства укреплялось в процессуальной системе на Руси. И особенно сильно влияние государства укрепилось в судебной системе при Петре I.

Император-реформатор своим новым Указом от 21 февраля 1697 года [15], по большей части, исключил состязательность в процессе, в том числе и при рассмотрении гражданских дел. Это исключение выражалось в том, что суду была отведена ведущая роль в процессе, отодвинув спорящие стороны на дальний план. Причина такого коренного преобразования заключалась в неэффективности предыдущей модели процесса. Более того, непосредственно самому Петру был предпочтительнее розыск.

Но, как быстро показала практика, подобное переустройство не оправдало себя. Уже со следующего указа от 5 ноября 1723 года [16], было решено отказаться от полного доминирования розыскного характера процесса в сторону большей состязательности и активности сторон. Впрочем, на практике всё оставалось иначе, розыскной характер процесса продолжал доминировать ещё достаточно длительное время.

Доктор исторических наук С.В. Юшков высказал версию о том, что розыск был отменен в связи с его неэффективностью: «Эти процессуальные формы, связанные с канцелярской тайной и письменным производством, не только не устранили волокиты в судах, но даже в значительной степени способствовали ее развитию» [19, с. 378].

Эпоха реформ Александра II стала именно тем периодом, в котором коренным образом предстояло перестроить процессуальный порядок в том виде, в котором он существовал не одно столетие. Принятие Устава гражданского судопроизводства 1864 года (далее – УГС 1864 года) ознаменовало разделение гражданского и уголовного процесса.

Одной из главных задач УГС 1864 было устранение всех тех последствий по гражданским делам, что нёс за собой розыскной процесс. Поэтому очевиден тот факт, что законодатель пол-

ностью закрепил принцип состязательности. Тем самым в процессе стала преобладать устность и гласность. Именно сам истец должен доказать свой иск, а ответчик доказывает свое возражение на эти исковые требования. А суд, в свою очередь, основывает свой вердикт исключительно на тех доказательствах, что представили стороны, притом не собирая их самостоятельно.

Впрочем, реформы имели за собой неоднозначный характер. В целом, эпоха реформ Александра носила половинчатый характер. И даже не смотря на то, что суд не был пассивной стороной процесса, достаточно быстро усилились споры о состязательном процессе, его эффективности и справедливости. У противников реформ были свои многочисленные аргументы, среди них можно выделить следующие:

1) При полном доминировании принципа состязательности суд мог оставаться не только пассивной стороной процесса, но и удобным инструментом в руках одной из сторон, которая может действовать недобросовестно, и под влиянием которой суд будет действовать так, как она этого хочет. Это противоречило положению суда в статусе органа государственной власти, еще до разделения на законодательную, судебную и исполнительную ветвь власть.

2) Чтобы раскрыть материальную правду суду необходимо предоставить неограниченные полномочия в исследованиях фактического материала по делу. Принцип состязательности этому препятствует, причем, этот довод более актуален для уголовного процесса.

3) Если одна из сторон находится в неравном положении в сравнении с другой (например, обладает большим социальным статусом или теоретическими и практическими знаниями в вопросах судопроизводства, либо прибегает к помощи квалифицированного специалиста), то принцип состязательности полностью утрачивает смысл, так как он приведет к победе сильного над слабым, при безучастном председательствующем.

Подобные дискуссии времени сошли на нет, после прихода советской власти. Идея В.И. Ленина заключалась в полном отчуждении от старых буржуазных принципов в гражданском процессе и создание нового взамен старому [12].

С принятием Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР 1923 года (далее – ГПК РСФСР 1923) принцип состязательности целиком уступил место усилению активности суда как инициативного и самостоятельного субъекта [5, Ст. 5].

Советский ученый-цивилист Виктор Фомич Ковин в своей диссертации на тему «Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству» особенно выделял то, что суд был тем, кто содействовал собиранию доказательств истцу и ответчику [3, с. 10–12]. И если у суда отнять возможности собирать доказательства по собственной инициативе и оказывать помощь сторонам, то последствиями могло быть то, что в начале судебного заседания не были собраны и представлены необ-

ходимые доказательства. Помимо этого, учёный акцентировал внимание на важности и необходимости такой стадии, как подготовка гражданского дела к судебному разбирательству.

Гражданский процессуальный кодекс 1964 года (далее ГПК РСФСР 1964) концептуально стал полноправным приемником предыдущего ГПК РСФСР 1923, в том числе с концепцией активной роли суда над инициативой сторон. Но со временем, особенно с закреплением обязательного статуса стадии подготовки гражданского дела к судебному разбирательству, понимание о необходимости расширения возможностей сторон в доказывании только укреплялось. Особенно на фоне многочисленных пересмотров в апелляционной инстанции и загруженности судей.

Точкой отчёта возвращения состязательного процесса в России можно считать перестроечный период, а более точно со вступлением в законную силу Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» 30.11.1995 № 189-ФЗ [17]. Теперь процесс стал строиться на состязательных началах. Но состязательность не была возведена в абсолютный характер, ведь как у суда, так и у сторон появились взаимные права и обязанности.

Нынешний Гражданский процессуальный кодекс (далее – ГПК РФ 2002) продолжил идею концепции принципа состязательности, но при этом, включал в себя и активную роль суда в гражданском процессе. Законодатель понял, что без активной позиции суда процесс малоэффективен, ведь еще до принятия ГПК РФ 2002 ученый-правовед и специалист по гражданскому процессуальному праву Лесницкая Л.Ф. высказала следующую позицию: «активная разумная роль суда – основополагающее положение процесса, без этого вряд ли возможно существование самого гражданского судопроизводства» [13, с. 12].

Примечательно, что после распада Советского Союза нынешние страны СНГ пошли по аналогичному пути. Так действующий на сегодня ГПК Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V в ст. 15 [11, ст. 15] провозглашает состязательность и равноправие сторон с активной ролью суда. Схожим образом обстоят дела в Гражданском процессуальном кодексе Республике Беларусь 11 января 1999 г. № 238-З, где провозглашена состязательность с равноправием сторон [6].

В продолжении о рассуждении зарубежного опыта, нельзя не акцентировать внимание на такой важной составляющей, как принадлежность к определенной правовой семье. На сегодня Россию и страны СНГ можно причислить к романо-германской правовой семье, а точнее к группе германского права. Поэтому, особенно интересен опыт гражданского процесса в Германии, который, очевидно, относится к германскому праву. Там по сей день действует Гражданское процессуальное уложение 1877 года [7]. Германское уложение, в силу своего внушительного существования, подвергалось многократным изменениям и допол-

нениям. Поэтому на сегодня гражданский процесс в ФРГ носит состязательный характер, но с ограничениями, обеспечивающих эффективность судопроизводства, когда судебное содействие для выяснения обстоятельств по делу необходимо [8, с. 30–34].

Что касается романского права, в данном случае, мы более подробно остановимся на гражданском процессе во Франции. Очень долгое время во Франции доминировал чисто состязательный процесс с пассивным председательствующим. Лишь только в первой половине XIX века его доминирование было снижено. Гражданский процессуальный кодекс Франции от 1975 года конкретизировал, что здешний процесс основывается на состязательных началах, вместе с тем не предполагает полную пассивность суда в процессе доказывания [1, с. 87, 101].

В странах англосаксонской правовой семьи, несмотря на фундаментальные различия, прослеживаются схожие тенденции. В Англии, по аналогии с Францией, традиционный гражданский процесс был преимущественно состязательным при пассивном суде, но позднее ближе к концу XX века и начала нового тысячелетия были проведены реформы лорда Вулфа и Джексона, согласно которым для достижения цели справедливого рассмотрения споров суд должен активно руководить делом [9, с. 14–22, 193–194]. К такому же заключению пришли законодатели в США. Ранняя пассивность суда при состязательности постепенно трансформировалась в нечто большее, в целях достижения справедливого результата разрешения спора. Эта активность могла выражаться, например, содействием суда (по собственной инициативе) одной из сторон, которая самостоятельно представляет свои интересы в процессе.

Таким образом, на сегодня гражданский процесс в большинстве стран как с романо-германской, так и с англосаксонской правовой семьей отдают предпочтение принципу состязательности в гражданском процессе. В том числе и Российской Федерации. Это не удивительно, ведь по своей природе принцип состязательности гораздо ближе к гражданскому процессу, более того некоторые права (например частного характера) в гражданском процессе не предусматривают применения следственного принципа. Особенно отмечается, что при следственном характере гражданского процесса на председательствующего будет возложена не только роль суда, но и других участников процесса по сбору необходимых доказательств. Таким образом, это многократно увеличивает нагрузку на судей, что чревато последствиями в виде кадрового оттока специалистов, а также застою в рассмотрении дел, сопряжённых с многочисленными пересмотрами в апелляционной и кассационной инстанциях. Более того пропадает самостоятельность и инициатива самих спорящих сторон, в вопросах реализации своих прав и осуществлении обязанностей. А это значит, что характер розыска в гражданском процессе не только неэффективен

вен, как показала историческая практика в истории России, но и носит негативный характер.

Однако принцип состязательности не может быть реализован в идеальном виде, как это может представляться. Так как присутствует альтернативный вид опасности для процесса в виде безучастного судьи. В таком случае стороны, по большей части, будут брошены на произвол судьбы в процессе. Более того, абсолютная состязательность порождает неравенство, когда одна из сторон может чрезмерно злоупотреблять своими возможностями или способностями перед противоположной и заведомо слабой стороной. Поэтому многие страны как с романо-германской, так и с англосаксонской правовой семьей в ходе своего исторического развития отошли от такого принципа, усилив роль суда без перехода в излишний розыск, что стало успехом в современном процессе.

Подобное подтверждается и в Российской правовой системе. Нынешние нормы в гражданском процессе, по большей части, зарекомендовали себя с положительной точки зрения. Увы, практика показывает, что пересмотров в гражданском процессе остаётся достаточно внушительное количество. Законодатель со своей стороны предпринимал немало мер по улучшению законодательства. Одна из них, введенное в п. 20 Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.11.2018 № 451-ФЗ [18] изменение, касающееся ст. 49 ГПК РФ о лицах которые могут быть представителями в суде. Это способствовало обеспечению реального равенства сторон при состязательном процессе, когда представитель должен подтверждать свою дееспособность, либо профессиональную пригодность.

Поэтому законодателю следует двигаться в этом направлении, обеспечивая равное положение сторон в отстаивании своих интересов и активности суда, как гаранта. Особенно следует обратить внимание на стадию подготовки гражданского дела к судебному разбирательству, которая была выделена в отдельную и обязательную стадию процесса ещё в Советском процессе, так как ее надлежащее осуществление способствует успешному рассмотрению дела в процессе, и минимизирует риск пересмотра или затягивания процесса.

Литература

1. Боботов С.В. Правосудие во Франции: учеб. пособие. М., 1994. С. 13–14, 82–85; Гражданский процесс зарубежных стран / под ред. А.Г. Давтян. С. 87, 101.
2. Воронов А. Ф, Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее М.: Городец, 2009 С. 288.
3. В.Ф. Ковин «Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству» Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Свердловск, 1971. Ст. 10–12.

4. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). Ст. 12.
5. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. Ст. 5.
6. Гражданский процессуальный кодекс республики Беларусь 11 января 1999 г. № 238-З.
7. «Гражданское процессуальное уложение Германии» от 30.01.1877 (ред. от 05.12.2005) (с изм. и доп. по 30.06.2014).
8. Гражданский процесс зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. А.Г. Давтян. М., 2008. С. 30–34.
9. Гражданский процесс зарубежных стран / под ред. А.Г. Давтян. С. 176–178. Кудрявцева Е.В. Гражданское судопроизводство Англии. С. 14–22, 193–194.
10. Конституционные основы и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования. Саратов 2015. Галисултанова Линара Ирмухаметовна, Фаттахова Динара Расиховна «К вопросу об истории развития принципа состязательности в гражданском судопроизводстве в дореволюционной России». Ст. 279
11. Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024 г.).
12. Ленин В.И. письмо Д.И. Курскому «О задачах наркомюста в условиях новой экономической политике» 20.11.1922.
13. Лесницкая Л.Ф. Концепция развития гражданского процессуального законодательства // Журнал российского права. 1999. № 5/6. С. 12.
14. С. Серебрянников статья «Организация судебного процесса на Руси в период феодальной раздробленности (на материалах Новгорода и Пскова)» Ст. 2–6.
15. Указ 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» // ПСЗ-1. № 1572.
16. Указ 1723 г. «О форме суда» // ПСЗ-1. № 4344.
17. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» от 30.11.1995 № 189-ФЗ.
18. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.11.2018 № 451-ФЗ (последняя редакция).
19. Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1950. С. 378.

THE PROBLEMS OF THE PRINCIPLE OF CONSISTENCY IN THE CIVIL PROCESS

Kukushkin R.K.
Far Eastern State University of Railway Engineering

The article is devoted to the study of the problems of the principle of competition in civil proceedings. Advantages and disadvantages are highlighted, as well as difficulties in implementing the principle of an adversarial process in practice. A retrospective analysis was carried out to establish the reason for the departure from the principle of competition in the Soviet era. The views and points of view of Soviet and modern civil scientists are presented. Attention is focused on comparing the structure of the principle of competition in world civil law, where attention is paid to both the Romano-German and Anglo-Saxon legal family. The conclusion will assess the principle of competition in general. The expediency of the idea of returning to the search process, and precisely to the establishment of the sole powers of the judge, as it was in the socialist civil law legislation, is considered. The opinion was expressed on how to solve this problem and in which direction the legislator should move.

Keywords: Civil procedure, the principle of competition, equality of the parties, court, search, Soviet civil procedure, collection of evidence, provision of evidence, Romano-German legal family, Anglo-Saxon legal family.

References

1. Bobotov S.V. Justice in France: studies. handbook. M., 1994. pp. 13–14, 82–85; Civil procedure of foreign countries / ed. A.G. Davtyan. pp. 87, 101.
2. Voronov A. F., Principles of civil procedure: past, present, future M.: Gorodets, 2009 p.288.
3. V.F. Kovin «Preparation of civil cases for judicial proceedings» Dissertation for the degree of Candidate of Law. Sverdlovsk, 1971. Articles 10–12.
4. “The Civil Procedure Code of the Russian Federation” dated 11/14/2002 № 138-FZ (as amended on 08.08.2024) (with amendments and additions, intro. effective from 09/01/2024). Article 12.
5. The Civil Procedure Code of the RSFSR of 1923, Article 5.
6. The Civil Procedure Code of the Republic of Belarus on January 11, 1999 № 238-Z.
7. “The Civil Procedure Code of Germany” dated 30.01.1877 (ed. from 05.12.2005) (from amendments and additions to 30.06.2014).
8. Civil procedure of foreign countries: studies. handbook / edited by A.G. Davtyan. M., 2008. pp. 30–34.
9. Civil procedure of foreign countries / edited by A.G. Davtyan. pp. 176–178. Kudryavtseva E.V. Civil proceedings of England. pp. 14–22, 193–194.
10. Constitutional foundations and international standards of civil law: history, current state and ways of improvement. Saratov 2015. Galisultanova Linara Irmukhametovna, Fattakhova Dinara Rasikhovna «On the question of the history of the development of the principle of competition in civil proceedings in pre-revolutionary Russia». Article 279
11. Code of the Republic of Kazakhstan dated October 31, 2015 № 377-V «Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan» (with amendments and additions as of 08/20/2024).
12. Lenin V.I. letter to D.I. Kursky “On the tasks of the People’s Commissariat of Justice in the context of the new economic policy” 11/20/1922.
13. Lesnitskaya L.F. The concept of the development of civil procedural legislation // Journal of Russian Law. 1999. № 5/6. p. 12.
14. S. Serebryannikov article «Organization of the judicial process in Russia during the period of feudal fragmentation (based on the materials of Novgorod and Pskov)» Articles 2–6.
15. Decree of 1697 “On the abolition of confrontations in court cases, on being questioned and searched instead of them, on witnesses, on recusal of them, on oath, on punishment of false witnesses and on duty money” // PSZ-1. № 1572.
16. Decree of 1723 “On the form of the court” // PSZ-1. № 4344.
17. Federal Law “On Amendments and Additions to the Civil Procedure Code of the RSFSR” dated 11/30/1995 № 189-FZ.
18. Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 11/28/2018 № 451-FZ (latest edition).
19. Yushkov S.V. History of state and law of the USSR. Part 1. M., 1950. p. 378.

Кулаковский Владислав Вячеславович

аспирант, кафедра частного права Юридического факультета, ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук»
E-mail: vvkulakovskiy@gmail.com

В статье подробно рассматривается регулирование отрицательного сервитута в странах германской правовой семьи. Особое внимание уделяется специфике закрепления этого института в Германском гражданском уложении, а также в законодательстве некоторых бывших советских республик. Детально анализируются содержание сервитутных отношений в указанных юрисдикциях и их отличие от смежных институтов. Основная цель исследования – изучить историю и механизмы внедрения института отрицательного сервитута в правовые системы постсоветского пространства. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов регулирования отрицательного сервитута как в развитых правовых системах, так и в постсоветских странах, где этот институт только начинает развиваться. Анализ опыта других стран позволит выявить наиболее эффективные подходы к регулированию отрицательного сервитута и адаптировать их к условиям постсоветского пространства.

Ключевые слова: сервитут, отрицательный сервитут, вещные права, право Германии, право Грузии, право Эстонии.

Введение

Институт отрицательного сервитута на современном этапе в отечественном правовом дискурсе представляется умозрительной конструкцией [8, с. 37]. Подобная ситуация обусловлена не только отсутствием нормативного закрепления института, но и отсутствием полноценных доктринальных исследований, посвященных исключительно отрицательным сервитутам, несмотря на очевидный ренессанс данного института в научно-правовом дискурсе. В то же время многие страны постсоветского пространства прошли указанный путь регламентации отрицательного сервитута посредством закрепления соответствующих положений на основе рецепции Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) в части соответствующих положений. По нашему мнению, необходимо проследить развитие института отрицательного сервитута от его описания в ГГУ, до его имплементации в законодательстве стран, со схожим правовым регулированием.

Германия

После падения Византии многие государства континентальной Европы начали постепенный процесс рецепции римского частного права. Однако страны германской группы (Германия, Австрия) проходили путь имплементации римского права иным путем – так как Священная Римская империя считалась продолжательницей Римской империи, то и Кодекс Юстиниана, соответственно, должен был быть действующим нормативным актом, регламентирующим частноправовые отношения. Все это стало причиной того, что римское право обрело статус не субсидиарного источника норм, а самостоятельного, при этом положения Дигестов не требовали дополнительной юридической аргументации, в отличие от местных законов [14, с. 296].

К середине XVIII века Священная Римская империя начала распадаться на различные относительно небольшие государства, такие как Бавария, Пруссия, Австрия, что послужило толчком к дальнейшему развитию регулирования частноправовых отношений – создание кодифицированного акта, который бы мог объединить римское частное право и местные законы. Германия одной из последних завершила процесс кодификации гражданского законодательства, результатом чего стало ГГУ, вступившее в силу в 1900 году.

В соответствии со статьей 1018 ГГУ под сервитутом (В рамках данного исследования будут рассматриваться только земельные сервитуты по германскому праву, ограниченный личный сервитут не будет анализироваться) понимается обремене-

ние одного земельного участка в пользу собственника другого земельного участка, при этом Уложение устанавливает три возможных варианта содержания данного обременения: сервитуарий может ограниченно использовать служащий земельный участок (например, для прохода или прогона скота); сервитутодатель отказывается на будущее от совершения определенных действий на участке (например, сервитутом ограничивается строительство зданий выше 15 метров); сервитутодатель отказывается от реализации каких-либо прав, следующих из права собственности на служащий земельный участок (например, сервитут ограничивает возможность предъявления негаторного иска относительно служащего земельного участка).

В самом Уложении не дается классификация сервитутов на положительные и отрицательные, иной классификации земельных сервитутов также не предлагается. При этом на данный момент существует два основных подхода к делению указанных вариантов содержания земельного сервитута на положительные и отрицательные сервитуты.

Ряд исследователей считает, что в Уложении указаны исключительно отрицательные сервитуты, их позиция основывается на том факте, что все три варианта содержания сервитутного обременения предполагают претерпевание ограничений, либо воздействий со стороны сервитуария, такой позиции придерживается И.А. Емелькина [4, с. 80]. В соответствии со второй точкой зрения, немецкому праву известны как положительные сервитуты (содержанием которых является возможность ограниченно пользоваться служащим участком для удовлетворения нужд господствующего), так и отрицательные (содержанием которых является ограничение сервитутодателя в перечне допустимых вариантов использования служащего участка, либо же отказ от реализации каких-либо прав, возникающих в связи с правом собственности на служащий участок).

Данный подход можно назвать доминирующим, так как именно его наблюдаем в работах Г. Дернабурга [2, с. 197], Л. Эннекцеруса [11, с. 265], Л.Ю. Василевской [1, с. 353]. Таким образом, ГГУ хоть и не производит деление на положительные и отрицательные сервитуты, указанную классификацию можно вывести исходя из того содержания сервитутных обременений, которое закреплено в Уложении. Стоит также отметить, что в сравнении с ФГК, где деление на положительные и отрицательные сервитуты имеет по большей части доктринальное значение, так как особенностями в регулировании обладают конкретные виды, например инсоляционный сервитут или «эстетический» сервитут, противоположная ситуация в ГГУ – разделение сервитутов на положительные и отрицательные имеет практическое значение, которое возможно проследить при анализе судебных актов [13, с. 31].

Исходя из определения сервитута, закрепленного в ст. 1018 ГГУ, германское право не настолько категорично в вопросе исключительно вещной

природы сервитутного обременения. Из определения следует, что служащий участок обременяется в пользу сервитуария, а не господствующего участка. На наш взгляд именно такая формулировка позволила сформировать в немецком правопорядке большое разнообразие видов отрицательных сервитутов. Так, уже известный отрицательный сервитут, содержание которого состоит в отказе от определенных способов использования служащего земельного участка, в Германии может выражаться в виде следующих сервитутных конструкций [5, с. 92]. Помимо известных нам сервитутов, ограничивающих высоту застройки, сервитутов света вида) запрет сервитутодателю общего характера (возведения построек вообще, либо выше определенных параметров, либо построек определенной категории, например, мест питания) и специальный запрет в адрес сервитутодателя (строительства мест питания с определенной кухней, например, азиатской); запрет заниматься какой-либо деятельностью (продавать или производить алкоголь).

Стоит отметить, что о возможности устанавливать подобные отношения посредством отрицательных сервитутов предполагалась еще в XIX веке. Так Дернабург пишет, что есть такая группа сервитутов, как запретительные (наряду с домовыми и дорожными), к ним относятся уже упомянутые и известные сервитуты вида и света, а также сервитуты, позволяющие запретить определенную деятельность на служащем земельном участке, однако они могут быть установлены лишь в тех случаях, когда данная деятельность может быть потенциально опасна для самого господствующего участка, например, пожароопасная деятельность, которая может стать причиной существенного ущерба для сервитуария.

При этом, по его мнению, не могут быть установлены сервитуты, целью которых является ограничение конкуренции [5, с. 94]. Если же обратиться к актуальной судебной практике Федерального верховного суда Германии, то можно увидеть, что на территории Германии данный вид отрицательных сервитутов достаточно часто используется. В частности, в одном из дел рассматривались сразу два отрицательных сервитута (три земельных участка: на первом находился жилой дом, на втором – пивной завод, а на третьем – трактор). Первое соглашение (между собственником участка с жилым домом и собственником участка с заводом) предусматривало запрет производить пиво, а также любые иные безалкогольные напитки на территории служащего участка. Во втором соглашении сервитуарием был уже собственник участка с заводом, а сервитутодателем – владелец трактора, содержанием данного отрицательного сервитута была обязанность владельца трактора использовать у себя только пиво, произведенное на заводе сервитуария. Предметом исковых требований было расторжение первого соглашения об установлении отрицательного сервитута [17].

В результате анализа института отрицательного сервитута в Германии семьи можно сделать следующие выводы. Легального деления сервитутов на положительные и отрицательные в ГГУ не закрепляется. Вместе с тем подавляющее число исследователей сходятся на том, что отрицательный сервитут – это обременение служащего земельного участка в пользу сервитуария, при этом содержание данного обременения может быть как в ограничении возможностей сервитутодателя по использованию служащего участка (например, запретом строительства зданий выше трёх этажей или же запретом заниматься какой-либо деятельностью, например, производить пиво или другие напитки).

Особенностью регулирования исследуемых отношений в ГГУ является выделение, как одного из видов отрицательных сервитутов, обременения, заключающегося в запрете для сервитутодателя использовать права, возникающие в связи с наличием у него права собственности на служащий земельный участок (например, запрет предъявлять негативные иски в рамках данных сервитутных отношений). Анализ судебных актов немецких судов выявил то, что одной из основных сфер применения конструкции отрицательного сервитута является локальное ограничение конкуренции.

В силу отсутствия нормативной регламентации отрицательного сервитута в России, имеет существенное значение опыт стран «ближнего зарубежья», с которыми нас объединяет общее советское прошлое. Данный опыт, а также опыт имплементации позволит определить основные тенденции развития института в отечественном праве на ближайшие годы.

Грузия

Одной из первых постсоветских стран, которая нормативно регламентировала отрицательный сервитут в своем гражданском законодательстве является Грузия – в 1997 году был принят Гражданский кодекс Грузии (далее – ГК Грузии). При разработке кодекса были почти полностью использованы положения ГГУ, что является официальной позицией законодательной власти Грузии и подтверждается исследователями [6, с. 242]. В результате данной рецепции понятие сервитута в грузинском гражданском законодательстве, закрепленное ст. 247 ГК Грузии, звучит следующим образом: «Земельный участок или иное недвижимое имущество может быть использовано (обременено) в пользу собственника другого земельного участка или иного недвижимого имущества таким образом, чтобы этот собственник имел право в отдельных случаях пользоваться этим участком или было запрещено осуществлять на этом участке некоторые действия либо исключено пользование некоторыми правами собственника обремененного участка в отношении другого участка (сервитут). В отношении установления сервитута применяются правила, предусмотренные для приобретения недвижимых вещей».

Исходя из содержания указанной статьи, выделяются три типа сервитутных правоотношений, одно позитивного характера, два других негативного:

1. Право сервитуария пользоваться обремененным недвижимым имуществом (положительный сервитут);
2. Право сервитуария запретить совершать определенные действия на обремененном объекте (отрицательный сервитут);
3. Право сервитуария запретить использование некоторых права собственника обремененного объекта в отношении другого (отрицательный сервитут).

Таким образом, легальная классификация сервитутов по праву Грузии является тождественной той, которая предусмотрена ст. 1018 ГГУ [1, с. 353], вплоть до характерной особенности немецкого вещного права, позволяющей запретить предъявление сервитутодателем вещных исков сервитуарию. Также в п. 1 ст. 248 ГК Грузии закрепляется принцип сервитутного права, характерный для всех развитых правовых систем – обязательность наличия пользы для господствующего участка [7, с. 107]. Стоит заметить, что указанная рецепция была осуществлена без введения принципа абстракции, являющегося основополагающим для немецкой правовой доктрины [9, с. 228].

Таким образом, пример имплементации грузинским правовым порядком отрицательного сервитута в свое национальное законодательство, на наш взгляд является удачным механизмом решения проблемы закрепления описываемого института, также стоит отметить, что основное развитие классификация и содержания данного института (как и для других институтов вещного права) [9, с. 229] осуществляется в рамках судебного правоприменения. Однако ГК Грузии изначально воспринял основные положения и принципы ГГУ, сообразном с чем выстраивал дальнейшую регламентацию остальных правовых институтов; принципы отечественного гражданского права нельзя назвать полностью тождественными немецким. В то же время, понимание сервитута, в том числе и как возможности запретить одному лицу предъявлять вещные иски, будет противоречить положениям ст. 42 Конституции РФ о предоставлении всем судебной защиты их прав.

Эстония

На данный момент уже традиционной считается регламентация отрицательного сервитута в праве Эстонии [15, с. 73]. В соответствии со ст. 172 Закона о вещном праве Эстонии, под реальным сервитутом понимается: «Реальный сервитут обременяет служебную недвижимую вещь в пользу господствующей недвижимой вещи таким образом, что каждый очередной собственник господствующей недвижимой вещи правомочен использовать определенным способом служебную недвижимую вещь, или что каждый очередной собственник служебной недвижимой вещи обязан в определенной части воздер-

живаться от осуществления своего права собственности в пользу господствующей недвижимой вещи». Таким образом, предполагается деление реальных (в соответствии с существующей традицией, тождественными признаются понятия «земельный», «реальный» и «предиаальный» сервитуты.) сервитутов на положительные (позволяющие сервитутарию использовать служебную вещь) и отрицательные (обязывающие собственника служебной вещи частично воздерживаться от осуществления своих прав на вещь). Также в данном законе предусмотрен более серьезный стандарт связи содержания сервитутного обременения и вещей: помимо известной пользы, указанные действия (составляющие содержание сервитута) должны быть необходимы господствующей вещи. Однако важной особенностью характерной эстонскому вещному праву является необходимость нотариального удостоверения договора, в силу которого возникает отрицательный сервитут, п. 1.1 ст. 141 указанного закона, само же ограничение для третьих лиц возникает с момента внесения соответствующих сведений в крепостную книгу, п. 3 ст. 141 указанного закона, при этом ранее (до 2009 года) для возникновения отрицательного сервитута требовался также вещный договор [10, с. 5], что говорит нам также о рецепции немецкой модели регулирования отрицательного сервитута.

Важной особенностью вещного права Эстонии является нормативное объединение сервитутов и соседских прав в единую группу частноправовых ограничений собственности, регламентируемых Разделом 3, указанного выше закона. При этом положения соседских прав предполагают распространение своей «защиты» [4, с. 86] и на существующие сервитуты, п. 6 ст. 148 указанного закона, что в свою очередь свидетельствует о взаимодополняющей природе отношений данных смежных правовых институтов.

Заключение

Таким образом, после анализа примеров нормативной регламентации отрицательного сервитута в Германии, а также странах, имевших общее советское прошлое, а, соответственно, и схожее законодательство, мы пришли к следующим выводам. После распада Советского Союза, а также ослабления связей между странами бывшего советского блока, во многих государствах начался процесс реформирования законодательства о вещных правах, завершившейся принятием качественно новых нормативных правовых актов. Основное влияние на кодифицированные акты гражданского законодательства (или законодательства о вещных правах) оказало ГГУ. В каждом из исследованных правовых порядков существует регламентация отрицательного сервитута по немецкой традиции. Опыт Грузии подтверждает возможность соответствующей рецепции без имплементации принципа абстракции (Abstraktionsprinzip). Опыт стран «ближнего зарубежья» свидетельствует об универсальности категории сервитута, в том

числе и отрицательного сервитута. Соответственно, по нашему мнению, основной тенденцией развития института отрицательного сервитута в отечественном правовом дискурсе будет подробный анализ Грузии, как предполагающего внесение минимальных изменений в действующее позитивное гражданское законодательство.

Литература

1. Василевская Л.Ю. Вещные сделки по германскому праву: Методология гражданско-правового регулирования: диссертация ... док. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2004. С. 353.
2. Дернбург Г. Пандекты. Вещное право: Т. 1, ч. 2 / Под ред. А.Ф. Мейндорфа. СПб., 1905. С. 197.
3. Емелькина И.А. Институт ограничения права собственности в пользу соседей (соседское право) в российском праве и в праве отдельных европейских стран // Вестник гражданского права. 2016. № 2. С. 86.
4. Емелькина И.А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. Дис. канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 80.
5. Емелькина И.А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. 2-е изд. М., 2013. С. 92.
6. Зоидзе Б. Рецепция европейского частного права в Грузии [груз.]. Тб., 2005. С. 242.
7. Краснова Т.С. Отрицательный сервитут в российском праве // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 107
8. Кулаковский В.В. Право на вид: проблемы юридической регламентации и защиты // Имущественные отношения в РФ. 2020. № 7 (226). С. 37.
9. Курзински-Сингер Е., Зарандия Т. Рецепция немецкого вещного права в Грузии // Вестник гражданского права. 2012. № 1. С. 228.
10. Манько Е.А. Реальный сервитут: содержание, основания возникновения и прекращения // Право и политика. 2008. № 10. С. 5.
11. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права: Введение и общая часть. Т. 1. Полутом 1 / пер. с нем. М., 1949. С. 265.
12. Badenhorst, P.J. Extinction of a praedial servitude of light // 5 Property Law Review 49. 2015
13. Yiannopoulos A.N. Predial Servitudes; General Principles: Louisiana and Comparative Law // Louisiana Law Review. 1968. Vol. 29. № 1. P. 31.
14. История римского права / Покровский И.А.; Науч. ред.: Ем В.С. М.: Статут, 2004. С. 296.
15. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров; Ин-т законод. и сравнит. правоведения. М.: Статут, 2008. С. 73.
16. Закон о вещном праве Эстонии от 9 июня 1993 г. (в ред. от 30.01.2019) (Asjaõigusseadus (luhend-AOS)) // RT I, 22.02.2019, 11.
17. Bundesgerichtshof Urteil verkündet am 15.04.1998. VIII ZR 377/96 // URL: <https://www.>

NEGATIVE EASEMENT: FROM THE BGB TO THE LEGISLATION OF ESTONIA AND GEORGIA

Kulakovskii V.V.

The State Academic University for The Humanities (GAUGN)

The article deals in detail with the regulation of negative easement in the countries of the German legal family. Particular attention is paid to the specifics of fixing this institution in the German Civil Code, as well as in the legislation of some former Soviet republics. The content of easement relations in these jurisdictions and their difference from related institutions are analyzed in detail. The main purpose of the research is to study the history and mechanisms of introduction of the institute of negative easement in the legal systems of the post-Soviet space. The relevance of the study is conditioned by the need to study the mechanisms of negative easement regulation both in developed legal systems and in post-Soviet countries, where this institution is just beginning to develop. The analysis of the experience of other countries will allow to identify the most effective approaches to the regulation of negative easements and adapt them to the conditions of the post-Soviet space.

Keywords: easement, negative easement, property rights, legislation of German, legislation of Georgia, legislation of Estonia.

References

1. Vasilevskaya L. Yu. Real transactions under German law: Methodology of civil law regulation: dissertation ... doc. jurid. sciences: 12.00.03. Moscow, 2004. p. 353.
2. Dernburg G. Pandects. Real law: Vol. 1, part 2 / Ed. A.F. Meindorf. St. Petersburg, 1905. p. 197.
3. Emel'kina I.A. Institute of limitation of property rights in favor of neighbors (neighborly law) in Russian law and in the law of certain European countries // Bulletin of civil law. 2016. No. 2. p. 86.
4. Emel'kina. I.A. System of limited real rights to a land plot. Dis. cand. sciences. Moscow, 2010. Page 80.
5. Emel'kina I.A. System of limited property rights to a land plot. 2nd ed. Moscow, 2013. Page 92.
6. Zoidze B. Reception of European private law in Georgia [Georgian]. Tbilisi, 2005. Page 242.
7. Krasnova T.S. Negative easement in Russian law // Leningrad Law Journal. 2017. No. 1. Page 107
8. Kulakovskiy V.V. Right to view: problems of legal regulation and protection // Property relations in the Russian Federation. 2020. No. 7 (226). Page 37.
9. Kurzinski-Singer E., Zarandia T. Reception of German property law in Georgia // Bulletin of civil law. 2012. No. 1. P. 228.
10. Man'ko E.A. Real servitude: content, grounds for origin and termination // Law and Politics. 2008. No. 10. P. 5.
11. Enneckerus L. Course of German civil law: Introduction and general part. Vol. 1. Half-volume 1 / trans. from Germ. Moscow, 1949. P. 265.
12. Badenhorst, P.J. Extinction of a praedial servitude of light // 5 Property Law Review 49. 2015
13. Yiannopoulos A.N. Predial Servitudes; General Principles: Louisiana and Comparative Law // Louisiana Law Review. 1968. Vol. 29. No. 1. P. 31.
14. History of Roman law / Pokrovsky I.A.; Scientific ed.: Em V.S. Moscow: Statut, 2004. Page 296.
15. Ownership Law: Current Issues / ed. V.N. Litovkin, E.A. Sukhanov, V.V. Chubarov; Institute of Legislative and Comparative Law. Moscow: Statut, 2008. Page 73.
16. Property Law Act of 9 June 1993 (as amended on 30.01.2019) (Asjaõigusseadus (luhend-AOS)) // RT I, 22.02.2019, 11.
17. Federal Law on Property Approved on 15.04.1998. VIII ZR 377/96 // URL: https://www.judicialis.de/Bundesgerichtshof_VI-II-ZR-377-96_Urteil_15.04.1998.html.

Правовое регулирование продвижения лекарственных препаратов блогерами в социальных сетях

Луговенко Кирилл Антонович,

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права, Университет «Синергия»
E-mail: ugaluga1@yandex.ru

Гриб Владимир Григорьевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Р.Ф., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин и цифрового права Университет «Синергия»
E-mail: vg-profesor@yandex.ru

В статье рассмотрены актуальные проблемы, связанные с приобретением фармацевтическими компаниями услуг по продвижению лекарственных препаратов в социальных сетях. Речь пойдет о проблематике нормативного регулирования продвижения лекарственных препаратов через лидеров мнений (инфлюенсеров) в социальных сетях, то есть, используя терминологию маркетологов, продвижения через «P2P» (Person-to-Person) коммуникации, роль которых чрезвычайно возросла в последнее время. Авторы статьи рассматривают контекст ситуации, сложившейся на данном рынке услуг, основные тренды данного направления продвижения, анализ норм, регулирующих данную сферу правоотношений, нововведения законодательства, а также актуальные проблемы правового регулирования данного вида маркетинговых услуг: критерии, отличающие в социальных сетях информацию о товаре от его рекламы; критерии, отличающие личное мнение блогера – инфлюенсера (в том числе медицинского работника) о лекарственном препарате от оплаченного продвижения. Предлагаются практические и теоретические выводы.

Ключевые слова: социальные сети, лидер мнений (инфлюенсер), реклама, лекарственные препараты, информация, маркетинг.

Продвижение лекарственных препаратов через социальные сети, особенно в последнее время, весьма актуально. По мнению специалистов реалии сегодняшнего маркетинга таковы, что «человечность коммуникаций стала важнее, чем это было ранее. Согласно исследованиям McKinsey, 70% потребителей ожидают персонализированной коммуникации. Сейчас, чтобы говорить с потребителем на одном языке важно намного глубже понимать его ценности и стремления, привычки, образ мысли, восприятие и отношение к информации. Современных потребителей отталкивают агрессия и навязчивость, излишняя демонстрация уникальных свойств препаратов, драматизация проблем, призывы к срочной покупке. Пришло время вдумчивого, тактичного, «экологичного» маркетинга» [18].

По мнению исследователей маркетингового рынка «в настоящее время социальные сети можно назвать главным инструментом современного маркетинга...Поскольку реклама в традиционных СМИ рассчитана на широкую аудиторию телезрителей, слушателей или читателей, которым часто рекламируемый продукт или услуга неинтересны, то с помощью социальных сетей обеспечивается прямое таргетирование целевых аудиторий высшего приоритета» [7]. «В целом за 2023 год число пользователей социальных сетей увеличилось на 266 млн человек, то есть «количественное развитие» социальных сетей идет довольно быстрыми темпами, в отличие от правового регулирования данной сферы правоотношений» [14].

В действующем законодательстве встречаются словосочетание «социальная сеть» в различном контексте [16].

Исследователями высказаны различные мнения о правовой природе социальных сетей: как виде «иного имущества – нематериального блага, имеющего экономическую ценность, которое может использоваться исключительно в виртуальном мире» [13]; как о «виде интеллектуальной собственности» [5] – то есть о правовой природе, «сходной с «вторичными» произведениями: сложными объектами (ст. 1240 ГК РФ), составными произведениями (пп. 2 п. 2 ст. 1259 ГК РФ) или базами данных, как объектами смежных прав» [11]; как о «едином неделимом объекте, информационной системе, включающей в себя различные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности» [2]; как о «сложной информационной системе, предоставляющей и возможность взаимодействовать с иными пользователями в цифровом пространстве» [14], и оказывающей «услуги по созданию

профиля в своей ограниченной цифровой системе, при этом наполнение профиля осуществляется тем содержанием, которое определит сам пользователь этой социальной сети» [17]; как о «цифровом имуществе» [1]; как о «составной части имущественного комплекса» [10]; как о «мультимедийном продукте» [3].

При этом, остается нерешенным «ряд теоретико-правовых вопросов, связанных с правовой квалификацией социальных сетей и установлением для них, как для информационной системы, гражданско-правового режима» [2].

Учитывая указанную выше вариативность понимания согласимся с ранее высказанным мнением, что «в настоящий момент очевидна необходимость введения в законодательство ряда дефиниций, в том числе определения «страница пользователя социальной сети»» [17], определив ее правовую природу.

Регулирование социальных сетей государством осуществляется исходя из признания их интернет-площадками [4]. Соответственно, требования к рекламе лекарственных препаратов в сети Интернет распространяются и на их рекламу в социальных сетях.

Таким образом, реклама лекарственных препаратов в социальных сетях, помимо особенностей, предусмотренных законодательством для всякой интернет-рекламы, связанных с необходимостью направления Роскомнадзору сведений об интернет-рекламе и необходимостью маркировать интернет-рекламу, а также связанных с необходимостью соблюдения требований к способам размещения рекламы в сети Интернет, имеет следующие ограничения:

1. по ряду объектов и условий рекламирования, указанных в ст. 24 Федерального закона от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе» (далее по тексту настоящей статьи – «Федеральный закон «О рекламе»»);
2. по ряду рекламодателей, указанных в п. 10.4, п. 10.5 (с 01.01.2025 года – еще и п. 10.6) ст. 5 Федерального закона «О рекламе».

Следуя за изменениями законодательства, обратим внимание читателей настоящей статьи на увеличение перечня рекламодателей, у которых покупка услуг по продвижению, в том числе рекламных услуг, не допускается.

Согласно упомянутому выше п. 10.6 ст. 5 Федерального закона «О рекламе», вступающему в действие с 01.01.2025 года, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций будет вести перечень персональных страниц, имеющих объем аудитории более 10 000 пользователей. На пользователей, создавших такие страницы, возлагается обязанность предоставить сведения для такой регистрации. Отметим также, что данное предписание закона в полной мере распространяется и на страницы фармацевтических компаний в социальных сетях.

Дабы принудить к выполнению данного требования предусмотрены запретительные меры для покупки рекламодателями соответствующих услуг у незарегистрированных блогеров с десяти тысячной (и более) аудиторией, а также запрещен репост на своих страницах информации, которая была распространена на персональной странице блогера, нарушающего вышеуказанные требования. Последствием неисполнения описанных запретов будет привлечение рекламодателя к ответственности по ч. 1 ст. 14.3 КОАП РФ.

Информационно отметим, что в настоящее время планируется дальнейшее расширение списка запрещенных рекламодателей: в ст. 2 Проекта Федерального закона N 652920–8 «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и статьи 5 и 38 Федерального закона «О рекламе»» содержится запрет размещения рекламы у таких рекламодателей, как иностранные или международные неправительственные организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации, экстремистские и террористические организации, а также на информационных ресурсах, доступ к которым ограничен.

Особо следует описать правовую ситуацию, сложившуюся вокруг таких социальных сетей как Instagram [7] и Facebook [7]. Тверской районный суд г. Москвы в своем решении от 21.03.2022 г. по делу N 02–2473/2022 признал компанию Meta Platforms Inc., владеющую указанными социальными сетями, экстремистской организацией и запретил ее деятельность. Однако это решение не ограничивает физических и юридических лиц в отношении действий, не подпадающих под критерии запрещенной законом деятельности, по использованию программных продуктов компании Meta.

Таким образом, до введения норм, указанных в предыдущем абзаце, продвижение лекарств, в том числе их реклама, на страницах в указанных социальных сетях допустима, однако покупка платных услуг (например, платного продвижения страницы) непосредственно у самих запрещенных сетей подпадает под запрет финансирования экстремистской деятельности (статья 282.3 УК РФ).

Дальнейшее рассмотрение проблематики правового регулирования рекламы, распространяемой через блогеров, требует описание контекста ситуации на рынке.

Большее внимание инфлюенс-маркетингу связано особому росту его популярности, так как продвижение товаров/услуг, в том числе лекарственных препаратов через лидеров мнений, является самым быстрорастущим рынком. «По оценке IAB Russia, за 2020 год рынок Influencer Marketing вырос в среднем на 63,6%, и его объем составил 11,1 млрд рублей» [8].

Отметим основные тенденции данного вида продвижения, это: «систематизация и легализация работы блогеров; рост популярности нано- (до 10 тыс. подписчиков) и микроинфлюенсеров

(до 100 тыс. подписчиков); создание нативной рекламы у инфлюенсера; активное развитие сторителлинга; закрепление лидирующих позиций видеоконтента» [8].

Названные тенденции учитываются и фармацевтическими компаниями при планировании рекламных бюджетов.

Однако существует проблемы, связанные с развитием тенденций инфлюенс-маркетинга. Указанные тенденции направлены на сокращение психологической дистанции между блогером и его подписчиком, выстраивание между ними доверительных отношений. Открывая свою жизнь миллионам глаз, инфлюенсер эмоционально вовлекает своих зрителей в свои переживания, события, истории. Подобная «псевдооткрытость» создает более широкие возможности для манипулирования мнением аудитории. Эти возможности можно монетизировать. Таким образом, следует вывод, что «рекламная интеграция в блоге инфлюенсера не должна выглядеть как открытый призыв к покупке товара/услуги, по той причине, что материалы сильно отталкивают потребителя и вызывают раздражающий эффект. Реклама, которая не похожа на личное мнение, не выгодна ни брендам, так как серьезно снижается эффективность такой рекламной кампании, ни инфлюенсерам, так как они теряют доверие аудитории» [8].

Принцип «чем нативнее, тем эффективнее» зачастую приводит к тому, что невозможно отличить личное мнение блогера от рекламы или антирекламы. И если для рекламы установлены требования добросовестности и достоверности, то личная оценка всегда субъективна.

Например, неясно, как должно оцениваться высказывание того или иного блогера о том, что указанное лекарство ему помогло или не помогло. Если признавать данную информацию рекламой, то необходимо соблюдать помимо требований к ее добросовестности и достоверности, требования, предъявляемые к интернет-рекламе. Если же считать это частным мнением – то указанные требования будут излишними. Следует также учитывать, что медицина и фармакология являются вероятностными науками.

Таким образом, в рассматриваемом примере, если признавать данное сообщение рекламой, имеется правовой механизм защиты интересов потребителя, в противном случае потребителю остается только проявлять большую независимость своего мнения от мнения кумиров.

Особую проблему для фармацевтических производителей в данном контексте представляет сообщения, содержащие в себе антирекламу. У заинтересованных в продвижении своего товара компаний и, в частности, фармацевтических компаний, оказавшихся в такой ситуации, нет легальных рычагов воздействия для прекращения антирекламной компании, кроме жалоб собственникам социальных сетей или покупки у тех же инфлюенсеров так называемых «блоков на негатив» – оплаты отсутствия антирекламы на определенный срок.

Борьба с подобными злоупотреблениями лидеров мнений зачастую осложняется также тем, что многие блогеры ведут свои страницы инкогнито, не публикуя персональных данных, на основе которых можно было бы определить нарушителя при составлении жалобы в Федеральную Антимонопольную Службу (далее – «ФАС России») или ответчика при обращении в суд. Существует надежда, что указанную проблему решит упомянутая выше регистрация персональных страниц, объем аудитории которых составляет более десяти тысяч пользователей, вводимая с 01 января 2025 года [19, пп. «б» п. 2 ст. 3].

Соответственно, использовать правовые механизмы защиты от недобросовестной конкуренции в представленном примере пока не представляется возможным.

ФАС России выпустила руководство, попытавшись отделить творческий замысел от рекламы. Критерии разграничения данных понятий вводит Приказ от 14.11.2023 N 821/23 «Об утверждении руководства по соблюдению обязательных требований «Понятие рекламы».

П. 8 данного документа не относит к рекламе упоминания о товаре, средствах его индивидуализации, об изготовителе или о продавце товара, которые органично интегрированы в произведения науки, литературы или искусства.

Полагаем, что указанная выше степень органичности интеграции, при рассмотрении споров, основанных на данном вопросе, не сможет быть оценена судом, как относящаяся к области специальных знаний, и потребует проведение экспертиз, согласно ст. 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 82 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Еще один вопрос, возникающий при продвижении лекарственных препаратов через инфлюенс – маркетинг и относящийся скорее к этическим вопросам, состоит в том, что такое продвижение подталкивает людей к самолечению [17]. Здесь автору настоящей статьи видится угроза публичному интересу в виде снижения доверия к официальной медицине и распространения мракобесных, антинаучных суждений, что опосредованно влияет на уровень здоровья населения. Объединения фармацевтических организаций также признает существование данной проблемы. В своих корпоративных документах, они отмечают, что «необходимо учитывать риски, которым может быть подвержено общественное здоровье при отсутствии надлежащей регламентации порядка предоставления такой информации» [6, Преамбула].

Описывая круг объектов рекламирования, интересующих фармацевтические компании, отметим, что реклама через блогеров и инфлюенсеров подходит «в первую очередь ОТС-брендам [over-the-counter – «безрецептурные» – примечание авторов], но они могут быть полезны и производителям рецептурных препаратов – для повышения осведомленности аудитории о какой-то проблеме

и продвижения идеи своевременного обращения к врачу» [17]. Оценку степени идеалистичности такого подхода оставим читателю настоящей статьи.

Отдельно стоит рассмотреть ситуацию, когда инфлюенсер сам является действующим врачом или фармацевтическим работником и, как следствие, он располагает большим доверием аудитории в вопросах выбора лекарственных препаратов.

Если афишировать его коммерческую заинтересованность в продвижении того или иного препарата, то помимо указанных выше ограничений, такой блогер подпадает под запреты, установленные ст. 74 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Блогеры – медицинские работники, обходящие названные нормы, стараются замаскировать получение оплаты за производство соответствующего контента под педагогическую или научную деятельность, критерии которых в действующем праве весьма широки, либо наиболее органично интегрировать рекламу в сюжет своих видеороликов.

Завершая рассмотрение вопросов продвижения лекарственных препаратов в социальных сетях следует упомянуть, что социальные сети могут быть инструментом продвижения фармацевтических компаний не только посредством рекламы, но и посредством размещения информации, не относимой к рекламе.

ФАС России установил критерий разграничения информации и рекламы в социальных сетях для официальных сайтов компаний, согласно которому, «не является рекламой информация, размещенная ... на страницах производителя таких товаров (лица, оказывающего услуги, организатора таких мероприятий) в социальных сетях в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»... если указанные сведения предназначены для информирования посетителей ... соответствующей страницы в социальной сети ... об ассортименте своих товаров (услуг, организуемых мероприятиях), условиях их приобретения (участия в них), ценах и скидках, правилах пользования (участия)» [13, п. 9], но при этом «если на собственном Интернет-ресурсе организации размещаются собственные рекламные материалы, то такие рекламные материалы подлежат маркировке, а информация о рекламе должна направляться в Роскомнадзор» [9].

Приведем также примеры саморегулирования данных правоотношений корпоративными нормами. К примеру, Кодекс надлежащей практики Ассоциации международных фармацевтических производителей (АМФП/АИРМ) дополняет законодательные нормы следующими принципами:

- должно быть очевидно, от какой фармацевтической компании исходит информация и кому она адресована;
- содержимое должно соответствовать аудитории-адресату» [6, п. 2.5.1].

Добавим еще несколько практических рекомендаций для фармацевтических компаний, осуществ-

ляющих продвижение своих товаров в социальных сетях и взаимодействующих с блогерами:

1. провести внимательный мониторинг текущей активности компании в социальных сетях в свете имеющихся и предстоящих ограничений, включая анализ корпоративной страницы компании в социальной сети;
2. планировать свою маркетинговую активность с учетом ограничений круга рекламодателей, в том числе с учетом фактора включения персональных страниц блогеров в перечень персональных страниц, объем аудитории каждой из которых составляет более 10 000 пользователей;
3. разработать политику компании, включая чек-лист контрольных вопросов, по продвижению товара в социальных сетях, включая размещение рекламы.

Помимо приведенных выше практических соображений, выводом настоящей статьи будет теоретическое суждение, что правовое регулирование вопросов продвижения лекарственных препаратов через социальные сети, в том числе через лидеров мнений, основано на оценочных категориях, а значит неполно и нуждается в систематизации и развитии.

Отметим успешность в восполнении ряда законодательных пробелов корпоративными нормами, обусловленную хорошей юридической техникой изложения положений, наличием детально проработанного механизма контроля и санкций за их нарушение.

Однако членство в саморегулируемых фармацевтических организациях (и, соответственно, налагаемые ограничения) являются добровольными. Это обуславливает невысокую численность их членов [10].

Сказанное выше позволяет сделать вывод о необходимости проведения государственной политики по формированию привлекательности для фармацевтических организаций вступления в саморегулируемые объединения. Меры по привлечению в указанные объединения, по мнению авторов настоящей работы, допустимо позаимствовать из других областей, например строительной отрасли, где участие в саморегулируемой организации является условием для допуска к государственным заказам.

Литература

1. Белов В.А. Digital private law and rights: размышления о преобразованиях, уже произведенных в частном праве развитием глобальной компьютерной сети Интернет, и о реформах, его скоро и неминуемо по той же причине ожидающих // Право в сфере Интернета: Сборник статей / Под редакцией М.А. Рожковой. М.: Статут, 2018. с. 242// КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: полная версия.

2. Василевская Л.Ю. Понятие и признаки социальной сети: роль гражданского права в ее регулировании // Закон. 2023. N 3. С. 90–93. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: платная версия.
3. Гринь Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. N 2. С. 128–134 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: платная версия.
4. <Информация> Роскомнадзора от 22.09.2021 «Роскомнадзор приступил к формированию реестра социальных сетей» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: платная версия.
5. Калятин В.О. Социальные сети и исключительные права: свободное использование объектов // Закон. 2023. N 3. С. 101–104. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: платная версия.
6. «Кодекс надлежащей практики Ассоциации международных фармацевтических производителей (АМФП/AIPM)» [рус., англ.] (Вместе с «Процедурой рассмотрения заявлений и споров о нарушении Кодекса...», «Таблицей», «Вопросами и ответами к Кодексу, разделу VII») (Принят в 1998 году) (с изм. и доп. от 08.12.2021) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: платная версия.
7. Компания Meta Platforms Inc., владеющая указанными социальными сетями признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории России запрещена.
8. Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2023. 672 с. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: платная версия.
9. Письмо Роскомнадзора от 14.11.2022 N 03–100982 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2024). Режим доступа: платная версия.
10. По данным сайта <https://www.aipm.org/about/aipm-members/> членами АМФП являются 56 компаний, при этом всего на отечественном рынке работают 550 российских и 570 иностранных фармацевтических компаний (по данным: URL: <https://www.forbes.ru/biznes/479901-pochives-rossijskij-farmrynok-mozet-okazat-sa-podugrozoj-iz-za-importozavisimosti> (дата обращения 10.09.2024 года)).
11. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2018 N 13АП-30540/2017 по делу N A21–6695/2017 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: платная версия.
12. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.07.2018 N C01–201/2018 по делу N A40–18827/2017. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: платная версия.
13. Приказ ФАС России от 14.11.2023 N 821/23 «Об утверждении руководства по соблюдению обязательных требований «Понятие рекламы» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.09.2024). Режим доступа: платная версия.
14. Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 16.09.2024).
15. Сайфутдинова В.М. Социальные сети: некоторые вопросы правового регулирования // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. N 3. С. 60–67. // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: платная версия.
16. См. например, Постановление Правительства РФ от 15.07.2021 N 1191 «Об утверждении Правил и сроков рассмотрения обращений пользователей социальной сети об отмене мер по ограничению доступа к информации, выявленной в процессе осуществления мониторинга социальной сети или по результатам рассмотрения обращения о распространяемой с нарушением закона информации, а также Правил вынесения требования владельцу социальной сети об отмене мер по ограничению доступа к информации пользователя» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: платная версия.
17. Статья: Производители лекарств стали охотнее сотрудничать с блогерами. Фарминдустрия заводит блоги (Ахметзянов Ш., Погонцева Е.) («Фармацевтический вестник», 2020, N 12) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: платная версия.
18. Статья: Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения (Грачева Ю.В., Коробеев А.И., Маликов С.В., Чучаев А.И.) («Lex russica», 2020, N 1) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2024). Режим доступа: платная версия.
19. Федеральный закон от 08.08.2024 N 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

20. URL: <https://medpred.ru/articles/marketing-san-farma/> (дата обращения 05.08.2024 года).

LEGAL REGULATION OF PROMOTION OF MEDICINAL PRODUCTS BY BLOGGERS IN SOCIAL NETWORKS

Lugovenko K.A., Grib V.G.
Synergy University

The article discusses the current problems associated with the acquisition of pharmaceutical companies services for the promotion of medicines on social networks. We will talk about the problems of regulatory regulation of the promotion of medicines through opinion leaders (influencers) on social networks, that is, using the terminology of marketers, promotion through "P2P" (Person-to-Person) communication, the role of which has increased enormously recently. The authors of the article consider the context of the situation in this market of services, the main trends in this area of promotion, the analysis of the norms governing this sphere of legal relations, as well as current problems of legal regulation of this type of marketing services: criteria that distinguish information about a product from its advertising in social networks; criteria that distinguish the personal opinion of an influencer blogger (in including a medical worker) about a drug from a paid promotion.

Keywords: social networks, opinion leader (influencer), advertising, medicines, information, marketing.

References

1. Belov V.A. Digital private law and rights: reflections on the transformations already made in private law by the development of the global computer network Internet, and on the reforms that are expected soon and inevitably for the same reason // Law in the field of the Internet: A collection of articles / Edited by M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2018. p. 242// ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
2. Vasilevskaya L.Y. The concept and signs of a social network: the role of civil law in its regulation // Law. 2023. N 3. pp. 90–93. // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
3. Grin E.S. Inheritance of accounts in social networks: Russian and foreign experience // Actual problems of Russian law. 2022. N 2. P. 128–134 // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
4. <Information> Roskomnadzor dated 09/22/2021 "Roskomnadzor has started forming a register of social networks" // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
5. Kalyatin V.O. Social networks and exclusive rights: free use of objects // Law. 2023. N 3. pp. 101–104. // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
6. The "Code of Good Practice of the Association of International Pharmaceutical Manufacturers (AMPP/AIPM)" [Russian, English] (Together with the "Procedure for reviewing applications and disputes on violations of the Code...", "Table", <Questions and Answers to the Code, section VII>) (Adopted in 1998) (with changes and additions. from 08.12.2021) // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
7. Meta Platforms Inc., which owns these social networks, is recognized as an extremist organization, and its activities in Russia are prohibited.
8. Convergence of private law regulation of public relations through the prism of the effectiveness of law: monograph / K.A. Abdul-laeV, A.V. Abramova, E.A. Abyzova et al.; ed. A.N. Levushkin, E.H. Nadyseva. M.: Justicinform, 2023. 672 p. // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
9. Letter from Roskomnadzor dated 11/14/2022 N 03–100982 // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/15/2024). Access mode: paid version.
10. According to the website <https://www.aipm.org/about/aipm-members/> there are 56 companies that are members of the AMPP, with a total of 550 Russian and 570 foreign pharmaceutical companies operating in the domestic market (according to: URL: <https://www.forbes.ru/biznes/479901-poctives-rossijskij-farmrynok-mozet-okazat-sa-pod-ugrozj-iz-zaimportozavisimosti> (accessed 09/10/2024)).
11. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 17.01.2018 N 13AP-30540/2017 in the case N A21–6695/2017 // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
12. The decision of the Intellectual Property Rights Court dated 07/24/2018 N C01–201/2018 in the case N A40–18827/2017. // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
13. Order of the Federal Antimonopoly Service of Russia dated 11/14/2023 No. 821/23 "On approval of the guidelines for compliance with mandatory requirements "The concept of advertising"// ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/15/2024). Access mode: paid version.
14. Rozhkova M.A. Digital assets and virtual property: how the virtual correlates with the digital // <url> [Electronic resource]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (date of application: 09/16/2024).
15. Saifutdinova V.M. Social networks: some issues of legal regulation // IS. Copyright and related rights. 2024. N 3. pp. 60–67. // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
16. See, for example, the Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/15/2021 No. 1191 "On approval of the Rules and Deadlines for consideration of appeals from users of a social network on the abolition of measures to restrict access to information identified during monitoring of a social network or based on the results of consideration of an appeal about information disseminated in violation of the law, as well as the Rules for making a claim to the owner of a social network on the cancellation of measures to restrict access to user information" // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
17. Article: Drug manufacturers have become more willing to cooperate with bloggers. The pharmaceutical industry starts blogs (Akhmetzyanov Sh., Pogontseva E.) (Pharmaceutical Bulletin, 2020, N 12) // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
18. Article: Criminal law risks in the field of digital technologies: problems and suggestions (Gracheva Yu.V., Korobeev A.I., Malikov S.V., Chuchaev A.I.) (Lex russica, 2020, N 1) // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 09/17/2024). Access mode: paid version.
19. Federal Law No. 303-FZ dated 08.08.2024 "On Amendments to the Federal Law "On Communications" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation".
20. URL: <https://medpred.ru/articles/marketing-san-farma/> / (accessed 08/05/2024).

Правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов на современном этапе

Мотасова Дарья Даниловна,

соискатель, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет
E-mail: motasova_darya@mail.ru

Предмет исследования – правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в России. Цель работы – анализ современного состояния и тенденций развития нормативно-правовой базы в сфере БПЛА. Методология включает системный анализ законодательства и документов стратегического планирования. Результаты исследования показывают формирование комплексного межотраслевого института регулирования БПЛА в рамках воздушного права. Выявлены ключевые направления совершенствования правового регулирования: обеспечение безопасности, участие в гражданском обороте, ответственность. Новизна заключается в выявлении тенденции к расширению полномочий исполнительной власти в нормотворчестве по БПЛА. Сделан вывод о необходимости координации и согласования норм различных отраслей права для эффективного регулирования сферы БПЛА. Результаты применимы для совершенствования законодательства и государственной политики в области беспилотной авиации.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты; правовые подходы к регулированию БПЛА; институты воздушного права; развитие регулирования БПЛА; поддержка отечественных производителей БПЛА; БПЛА как объект гражданских прав.

На современном этапе развития беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) совершенно очевидна их исключительная значимость и востребованность в различных сферах жизни. Ввиду этого весьма важны хорошо проработанные и отвечающие потребностям времени правовые подходы к регулированию их статуса и общественных отношений, связанных с их использованием/эксплуатацией.

Современные государственные приоритеты включают активное продвижение автономных технологий. Это подтверждается, в частности, недавно принятой Концепцией технологического развития России до 2030 года. Документ, утвержденный правительственным распоряжением № 1315-р от 20 мая 2023 года¹, определяет ключевые мега-проекты на ближайшие семь лет. Среди них особо выделяется создание ряда гражданских воздушных судов, в том числе беспилотных авиационных комплексов. Этот факт подчеркивает значимость беспилотных систем в контексте национального технологического прогресса и их стратегическую важность для государства.

Технологии развиваются стремительно, и правовая мысль должна успевать за объективными процессами в этой сфере и даже несколько опережать их стремительный бег. Беспилотные системы, в том числе беспилотные летательные аппараты в силу своей специфики требуют особого внимания законодателя и правоприменителей. Многие авторы сходятся в понимании того, что «сущностно транспортное средство без водителя как относительно новое явление, объект ставит перед законодателем множество вопросов» [12]. Спектр этих вопросов простирается от применимости некоторых чисто теоретико-правовых конструкций (например, концепции квазисубъекта права, о чем будет подробно сказано в настоящей статье), до вполне конкретных вопросов регулирования тех или иных аспектов, например, ответственности при использовании/эксплуатации БПЛА, обеспечении безопасности тех или иных объектов от БПЛА и т.д.

Ведущие эксперты единодушно отмечают назревшую необходимость модернизации законодательной базы в сфере эксплуатации автономных транспортных систем. Современные реалии диктуют острую потребность как в усовершенствовании существующих правовых норм, так и в разработке инновационных законодательных инициатив, направленных на регулирование взаимоотношений, возникающих при использовании беспилотных летательных аппаратов.

¹Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 22. Ст. 3964.

лотного транспорта. Это мнение находит широкую поддержку в научных кругах и представляется неоспоримым в контексте текущих технологических тенденций [2]. Достаточно взглянуть на тенденции регулирования в сфере БПЛА за 2023 год, чтобы убедиться, что федеральный законодатель уделяет этой сфере все возрастающее внимание, и есть все основания полагать, что такой внимательный подход к соответствующим отношениям сохранится в перспективе.

Юридическое сообщество не может игнорировать проблемы, связанные с законодательным контролем дронов. Научный интерес к правовым нюансам эксплуатации беспилотных воздушных судов заметно возрос в последнее время. Тем не менее, эта область исследований все еще находится на начальной стадии развития и требует более глубокого изучения, особенно учитывая ее существенное влияние на экономику страны [1, 5, 8, 11]. Несмотря на растущее внимание ученых, тема остается недостаточно проработанной, что не соответствует ее фактической значимости для хозяйственной деятельности государства.

Несомненно, беспилотная техника, включая БПЛА, – один из наиболее перспективных кластеров развития высокотехнологичной промышленности в обозримой перспективе. В современных публикациях отмечается: «в России беспилотные авиационные системы широко используются в основном с целью экологического мониторинга; создания и обновления цифровой картографической информации; привязки изображений к географическим координатам и др.» [6]. Это – самые очевидные и распространенные сферы ввиду особенностей БПЛА, позволяющих осуществлять превосходную фото- и видеофиксацию. Исследователи справедливо обращают внимание, что «отличительной технической особенностью всех БПЛА является их возможность «зависать» в воздухе на некоторое время и производить фото- и видеосъемку с помощью установленной на них аппаратуры. Выполняемые с их помощью фотоснимки и видеозаписи мгновенно передаются на запоминающее устройство» [7]. Вместе с тем, набирают обороты и другие сферы использования БПЛА, например, связанные с доставкой тех или иных товаров и т.п. (не говоря уже об их задействовании в военной сфере, которую в настоящем исследовании мы специально не затрагиваем).

Ввиду обозначенной значимости темы, остановимся комплексно на ряде актуальных вопросов правового регулирования беспилотных летательных аппаратов на современном этапе развития соответствующей техники и обновления норм законодательства в данной сфере.

Прежде всего, подчеркнем, что общий подход к правовому регулированию в этой сфере должен выстраиваться с учетом необходимости целостной экономически обоснованной политики к развитию производства и оборота БПЛА, при этом исключительно важны и правоохранные начала, обуславливающие правовые механизмы, направленные

на защиту прав и свобод, которые могут быть нарушены при использовании/эксплуатации БПЛА.

Исследователи в области права подчеркивают необходимость законодательного определения ключевых направлений в регулировании беспилотных летательных аппаратов. Предлагается сбалансированный подход, при котором нормативная база обеспечивала бы защиту конституционных прав граждан и их безопасность, но при этом не создавала чрезмерных ограничений. Чрезмерно жесткое регулирование может негативно повлиять на интерес научных кругов и предпринимателей к разработке и производству дронов [3]. С подобным подходом, основанным на достижении разумного баланса публичных и частных интересов, следует согласиться.

Одним из актуальных вопросов правового регулирования беспилотных летательных аппаратов на современном этапе продолжает оставаться вопрос совершенствования терминологических основ в рассматриваемой сфере.

Действующие легальные дефиниции в российском законодательстве представляются в достаточной мере отражающими суть ряда определяемых понятий.

Воздушный кодекс РФ¹, в статье 32 предлагает ряд ключевых определений в сфере беспилотной авиации. Согласно документу, беспилотным воздушным судном считается летательный аппарат, управляемый дистанционно пилотом, находящимся вне борта (пункт 5).

Беспилотная авиационная система описывается как комплексное решение, включающее одно или несколько беспилотных судов, наземную станцию управления (станцию внешнего пилота), каналы связи для контроля полета, а также оборудование для взлета и посадки (пункт 6, обновленный Федеральным законом № 487-ФЗ от 04.08.2023)².

В августе 2023 года статья была дополнена пунктом 7, раскрывающим понятие линии управления и контроля беспилотной системы. Она определяется как коммуникационный канал между наземной станцией и летательным аппаратом, обеспечивающий передачу данных для управления полетом. Дополнительно этот канал может использоваться для радиосвязи и обмена информацией между внешним пилотом и службами воздушного движения.

Однако стоит отметить существенный пробел в законодательной базе. Несмотря на широкое распространение и общепринятость термина «беспилотный летательный аппарат», он не получил официального определения на федеральном уровне. Такое упущение в нормативно-правовой документации можно рассматривать как недостаток в текущем подходе к регулированию данной сферы. Отсутствие четкой дефиниции этого клю-

¹ Российская газета. № 59–60. 26.03.1997.

² Федеральный закон от 4 августа 2023 года № 487-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/>. Номер опубликования: 0001202308040089. Дата опубликования: 04.08.2023.

чевого понятия потенциально может привести к неоднозначности в интерпретации и применении соответствующих правовых норм.

Эволюция законодательства в сфере беспилотных летательных аппаратов привела к появлению терминологических расхождений. Несмотря на популярность термина «беспилотный летательный аппарат» (и неформального «дрон»), воздушное право России оперирует понятиями «беспилотное летательное судно» и «беспилотные авиационные системы» (статья 8 Воздушного кодекса РФ).

Такой подход имеет двоякий эффект. С одной стороны, он интегрирует БПЛА в существующую систему воздушного законодательства, подчеркивая необходимость соблюдения авиационных правил. С другой – создает трудности для пользователей при поиске и интерпретации соответствующих правовых норм.

Исторически право не только стимулировало прогресс, но и отражало сложившиеся модели взаимодействия в обществе. Его задача – адекватно фиксировать реалии, не препятствуя развитию новых отношений в меняющемся мире.

Данная ситуация иллюстрирует сложность баланса между юридической точностью и практическим удобством применения законов, особенно в быстро развивающихся технологических областях.

Представляется рациональным гармонизировать терминологию во всех сферах российского законодательства, касающихся беспилотных технологий. Предлагается ввести понятие «беспилотный летательный аппарат» в гражданское право, в частности, в разделы Гражданского кодекса РФ, регулирующие источники повышенной опасности.

Что касается детального определения БПЛА, его целесообразно включить в Воздушный кодекс РФ, учитывая специфику данного нормативного акта. При этом рекомендуется использовать именно формулировку «беспилотный летательный аппарат», а не альтернативные термины.

Полагаем, что в законодательстве может быть установлено следующее определение БПЛА:

Предлагается следующая дефиниция:

Беспилотный летательный аппарат – это техническое средство, сконструированное для осуществления как контролируемых, так и автономных полетов в земной атмосфере или за ее пределами. Ключевой особенностью данного устройства является его способность функционировать без непосредственного участия человека и отсутствия экипажа на борту.

На законодательном уровне в 2023 году сделаны новые шаги вперед по уточнению регулирования БПЛА.

Недавние законодательные изменения, внесенные Федеральным законом № 487-ФЗ от 04.08.2023, расширили понятие инфраструктуры воздушного транспорта. Теперь оно включает наземные технические средства, обеспечивающие функционирование каналов управления и мониторинга беспилотных авиационных комплексов. Это

дополнение отражено в новом подпункте пункта 1 статьи 7¹ Воздушного кодекса РФ.

Более того, статья 8 того же кодекса теперь предусматривает обязательную сертификацию упомянутого наземного оборудования. Процедура сертификации должна проводиться уполномоченным правительством органом в соответствии с федеральными авиационными правилами. Это требование распространяется на все наземные системы, задействованные в обслуживании линий связи и контроля беспилотных авиационных комплексов.

Новая статья 8³ Воздушного кодекса РФ, введенная упомянутым законом, устанавливает ряд важных положений в сфере регулирования беспилотных авиационных систем:

1. Процедура обязательной сертификации наземного оборудования для управления и контроля беспилотных авиасистем регламентируется федеральными авиационными правилами. Эти правила разрабатываются и утверждают федеральным органом исполнительной власти, ответственным за формирование государственной политики и нормативно-правовое регулирование в области гражданской авиации.
2. На юридические лица, занимающиеся разработкой наземного оборудования для обслуживания линий управления и контроля беспилотных авиационных систем, возлагается обязанность по созданию сертификационных базисов. Эти документы служат основой для проведения обязательной сертификации разработанного оборудования.

Кроме того, глава X Воздушного кодекса дополнена статьей 78¹, урегулировавшей вопросы организации и обеспечение функционирования линий управления беспилотными авиационными системами и контроля беспилотных авиационных систем.

Законодатель ввел принципиально новое обязательное требование, касающееся владельцев оборудования, создающего помехи для систем управления и контроля беспилотных летательных аппаратов. Согласно этой норме, физические и юридические лица, обладающие такими устройствами, должны по предписанию уполномоченного надзорного органа в сфере связи самостоятельно и за собственный счет устранить возникающие помехи. До момента полного устранения проблемы эксплуатация подобного оборудования должна быть прекращена.

Важно отметить, что данное правило не распространяется на государственные органы и организации, которым законодательно делегированы полномочия по пресечению несанкционированных полетов беспилотников. Это исключение обеспечивает баланс между потребностями гражданского использования воздушного пространства и задачами обеспечения безопасности. Это положение, затрагивающее права граждан и юридических лиц, представляется оправданным и обоснованным с точки зрения приоритетности обеспечения безопасности использования/эксплуатации БПЛА.

Анализ законодательных новелл показывает, что в сферу комплексного правового регулирования, в ядре которого лежит воздушное законодательство, вводятся новые объективно складывающиеся виды деятельности и отношения, обусловленные объективным развитием техники и фактических отношений в сфере использования/эксплуатации БПЛА и соответствующих инфраструктуры, оборудования.

Новые нормы воздушного законодательства предполагают разработку ряда подзаконных нормативных правовых актов уровня Правительства Российской Федерации и профильного федерального органа исполнительной власти.

Все это в совокупности с очевидностью демонстрирует, во-первых, возрастание внимания федерального законодателя и Правительства Российской Федерации к тематике регулирования БПЛА, во-вторых, рост комплексности регламентации данной сферы отношений при ключевом значении норм воздушного законодательства.

Динамично развивающиеся правовые нормы формируют **новеллизационный институт воздушного права** – блок норм об использовании беспилотных летательных аппаратов.

Значимыми составляющими этого института являются нормы, направленные на обеспечение безопасного производства и эксплуатации БПЛА; условий их участия в гражданском обороте; объема соразмерной гражданско-правовой ответственности.

В то же время в современных реалиях правового регулирования и стратегического планирования указанный институт в плоскости законодательства в широком смысле обретает явный комплексный межотраслевой характер, обусловленный, в том числе использованием различных правовых средств, характерных для регулирования норм разных сфер законодательства – собственного воздушного, гражданского, административного, финансового и др.

Ввиду разнородности правовой материи указанных сфер и заложенных в них подходов в дальнейшем требуется обеспечение большей скоординированности и взаимной согласованности правовых норм и механизмов, направленных на регулирование общественных отношений в исследуемой нами сфере.

Подтверждением тезиса о комплексном нормативном регуляторном подходе служит и анализ современных документов стратегического планирования, зафиксировавших цели, задачи, принципы, подходы и механизмы их реализации в сфере развития отношений по производству, использованию/эксплуатации, обороту БПЛА.

Особый приоритетный интерес государства к развитию исследуемой сферы БПЛА показывает принятие летом 2023 года концептуально нового комплексного документа стратегического планирования в данной сфере.

В соответствии со **Стратегией развития беспилотной авиации Российской Федерации на пе-**

риод до 2030 года и на перспективу до 2035 года и планом мероприятий по ее реализации, утвержденными распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 июня 2023 года № 1630-р¹ (далее – Стратегия), отечественные производители имеют ряд преимуществ:

1. Высококачественная продукция в определенных сегментах
2. Многопрофильность производства
3. Способность адаптироваться к выпуску ключевых компонентов в условиях санкций
4. Возможность использования опыта оборонной промышленности

В рамках анализа Стратегии развития беспилотной авиации выявлены существенные риски в данной области. Особого внимания заслуживает проблема обеспечения информационной безопасности систем управления и контроля БПЛА. Исследования показывают, что существующие системы, базирующиеся на зарубежных технологиях, сохраняют иностранные алгоритмы защиты данных. Это обстоятельство препятствует достижению необходимого уровня надежности даже при замещении иностранных компонентов отечественными аналогами, поскольку модификации подвергается преимущественно программное обеспечение, в то время как аппаратная архитектура остается неизменной.

Следует отметить, что полномасштабная модернизация систем управления и контроля БПЛА с использованием доверенного оборудования в краткосрочной перспективе представляется маловероятной. Данное обстоятельство обусловлено, в частности, дефицитом высококвалифицированных специалистов, способных осуществлять фундаментальные и прикладные исследования, разработку, имплементацию и техническое сопровождение инновационных информационно-телекоммуникационных технологий в области беспилотной авиации.

Ввиду этого, одним из исключительно актуальных вопросов регулирования в сфере БПЛА является поиск действенных и эффективных механизмов всесторонней поддержки и стимулирования деятельности отечественных производителей оборудования, комплектующих, программного обеспечения для БПЛА и т.д. с целью адекватного импортозамещения и обеспечения в данной сфере должного уровня технологического суверенитета страны.

Исключительно актуальным в настоящее время является **Национальный проект «Беспилотные авиационные системы»**, которому уделяется самое серьезное внимание на правительственном уровне. В его рамках должны решаться, в том числе и вопросы такой поддержки.

¹ Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и план мероприятий по ее реализации, утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 июня 2023 года № 1630-р. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/>. Номер опубликования: 0001202306280006. Дата опубликования: 28.06.2023.

Комплексный анализ современных тенденций развития регулирования БПЛА позволяет прийти к следующим ключевым выводам.

Во-первых, правовое регулирование деятельности и общественных отношений, складывающихся по поводу и в связи с производством и эксплуатацией беспилотных летательных аппаратов, осуществляется комплексными, межотраслевыми средствами правового регулирования, нуждающимися во внутренней координации и взаимосогласовании для обеспечения:

- их безопасного производства и эксплуатации;
- условий их участия в гражданском обороте;
- объема соразмерной гражданско-правовой ответственности.

Во-вторых, в структуре воздушного законодательства нормы об использовании беспилотных летательных аппаратов являются системообразующими в формировании одноименного новеллизационного института современного воздушного права, обеспечивающего удовлетворение разнообразных, в том числе и экономических интересов: перевозка, доставка товаров, фиксация и передача информации.

Весьма актуальными новыми направлениями регулирования в рассматриваемой сфере являются:

- Расширение полномочий исполнительной власти в области нормотворчества. Предлагается наделить Правительство Российской Федерации правом устанавливать альтернативные сроки вступления в силу нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования к разработке и эксплуатации БАС и их компонентов. Данное положение предусматривает отклонение от стандартных временных рамок, определенных Федеральным законом № 247-ФЗ от 31 июля 2020 года «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»¹;
- Совершенствование законодательной базы в сфере транспортной безопасности. Предлагается внести изменения в Федеральный закон № 16-ФЗ от 9 февраля 2007 года «О транспортной безопасности»² включив в него универсальное определение беспилотных аппаратов. Данное определение должно охватывать широкий спектр беспилотных систем, включая воздушные, подводные и надводные суда, наземные транспортные средства, а также иные автоматизированные комплексы, функционирующие без непосредственного участия человека;
- Закрепление права сотрудников подразделений транспортной безопасности на предотвращение работы беспилотных аппаратов с целью защиты транспортной инфраструктуры от незаконных вмешательств. Это включает в себя меры по подавлению или изменению сигналов дистанционного управления беспилотни-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5006.

² Собрание законодательства Российской Федерации, 12.02.2007, № 7, ст. 837.

ками, воздействие на их пульта управления, а также повреждение или уничтожение таких устройств. Данное регулирование необходимо для объектов транспортной инфраструктуры и аналогично изменениям, принятым в декабре 2023 года Федеральным законом от 21 июля 2011 года № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»³. Обозначенный закон, Федеральный закон от 25 декабря 2023 года № 666-ФЗ «О внесении изменений в статью 12 Закона Российской Федерации „О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации“ и Федеральный закон „О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса“», был дополнен статьей 61⁴. Эта статья предусматривает, что для обеспечения безопасности объектов ТЭК с присвоенной категорией опасности, сотрудники и находящиеся на этих объектах лица, а также подразделения и организации, привлеченные для физической защиты, имеют право блокировать работу беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и других автоматизированных беспилотных систем. Это осуществляется путем подавления или изменения сигналов дистанционного управления такими устройствами, воздействия на их пульта управления, а также повреждения или уничтожения данных беспилотных аппаратов. В современных условиях такое регулирование крайне необходимо для разработки эффективных механизмов не только предотвращения возможного использования БПЛА для совершения противоправных действий, связанных с незаконной доставкой различных грузов, но и для предотвращения действий, направленных на создание угрозы повреждения или уничтожения определенных объектов [6].

В научных кругах ведутся оживленные дебаты по поводу возможности рассматривать БПЛА в качестве квазисубъектов права. Эта концепция вызывает немало споров среди исследователей. Например, в работах Е.В. Пономаревой указывается на то, что юристы-теоретики проводят четкую грань между полноценным субъектом права и квазисубъектом. Последний, по их мнению, обладает лишь частью характеристик, присущих настоящему субъекту права. Отсутствие ряда ключевых признаков не позволяет квазисубъекту претендовать на полноценную правосубъектность [10]. Можно предположить, что квазисубъект может не обладать всем набором характеристик, присущих полноценному субъекту права. Однако законодатель имеет возможность наделить его определенными формальными и функциональными атрибутами в различных комбинациях. Тем не менее, существует один аспект, который никогда не может быть присущ квазисубъекту – это воля, а также

³ Собрание законодательства Российской Федерации, 25.07.2011, № 30 (ч. 1), ст. 4604.

⁴ Российская газета, № 297, 29.12.2023.

связанные с ней цели и интересы. Исследователи Н.И. Уздимаева и А.С. Козуров подчеркивают ключевую роль воли, утверждая, что она является квинтэссенцией, отражающей сущность любого субъекта права [13]. Хотя мы разделяем эту точку зрения, важно подчеркнуть, что наличие воли, будучи неотъемлемым атрибутом субъекта права, не является достаточным условием для автоматического признания любого волееспособного существа таковым. Яркий пример тому можно найти в античном римском законодательстве. Несмотря на то, что рабы, несомненно, обладали собственной волей на практике, юридически они не считались субъектами права. Напротив, правовая система Древнего Рима классифицировала их как объекты права, используя латинское выражение «res per personam» (вещь, а не личность) [9]» [14].

По мнению Е.А. Чаннова, концепция квазисубъекта представляет собой специфический юридический феномен. Этот термин применяется к сущностям, которым на официальном или теоретическом уровне приписывают отдельные аспекты правоспособности, при этом не наделяя их полноценным статусом субъекта права. Квазисубъект, таким образом, является искусственным правовым конструктом, созданным для оптимизации правоприменительной практики.

А.И. Пономарева, в свою очередь, акцентирует внимание на ключевом различии между полноценными субъектами права и квазисубъектами в контексте правовой коммуникации. Она подчеркивает, что истинные субъекты права не только обладают определенными правами, но и несут юридические обязательства. В противовес этому, квазисубъекты, как правило, наделяются исключительно правами без соответствующих обязанностей. Следовательно, с точки зрения коммуникативного подхода, они не могут рассматриваться как полноценные участники правовых отношений [10].

Однако мы полагаем, что вышеуказанное заключение основано на изучении традиционных квазисубъектов, таких как народности, рабочие объединения или семейные ячейки, для которых действительно важно закрепление их прав. Однако роботы и системы искусственного интеллекта (СИИ), которые Е.В. Пономарева также причисляет к квазисубъектам, представляют собой принципиально иную категорию. Для них наделение правами не является обязательным (хотя и возможным), в то время как установление обязанностей (неразрывно связанных с вопросами ответственности) представляется необходимым.

С нашей точки зрения, ключевое отличие квазисубъекта от полноценного субъекта права заключается в отсутствии у первого какого-либо из обязательных признаков последнего, причем конкретный отсутствующий признак зависит от специфики самого квазисубъекта. Это обусловлено тем, что правовая концепция квазисубъекта призвана заменять субъект права в ситуациях, когда это целесообразно для правоприменения, но при этом наделение квазисубъекта всеми элементами пра-

восубъектности либо нецелесообразно, либо объективно невыполнимо [14].

Анализ приведенных подходов показывает, что концепция квазисубъекта права в настоящее время к БПЛА неприменима в полной мере.

Подчеркнем, что в случае признания за БПЛА в перспективе статуса квазисубъекта гражданского права, владельцы БПЛА, например, не будут нести ответственность за вред, причиненный БПЛА вследствие решения, принятого искусственным интеллектом. Такой подход представляется не вполне верным. Напротив, БПЛА целесообразно рассматривать как источники повышенной опасности и сохранить за ними статус объекта гражданского права.

Мы придерживаемся мнения, что БПЛА, вне зависимости от их технологической сложности или уровня автономности, следует рассматривать исключительно как объекты гражданского права. Любые попытки приравнять их к субъектам или даже квазисубъектам права представляются необоснованными и несостоятельными. С точки зрения правового регулирования, БПЛА подпадают под категорию вещей и должны рассматриваться в рамках соответствующего правового режима. Их техническая изощренность или способность к самостоятельному функционированию не меняет их фундаментального статуса как объектов, а не субъектов правовых отношений.

Деятельность, связанная с их использованием и эксплуатацией, отвечает необходимым признакам источника повышенной опасности, создающей риск причинения вреда жизни, здоровья человека, имущества и частной жизни любого субъекта гражданского права. Беспрецедентные возможности причинения вреда и вмешательства в сферу частной жизни позволяют распространить на случаи причинения вреда использованием/эксплуатацией БПЛА режима безвиновной ответственности.

Представляется, что ограничения неприкосновенности частной жизни использованием БПЛА на случай причинения вреда позволяют презюмировать солидарную ответственность владельца и эксплуатанта БПЛА (в том числе компания, предоставившая профессиональный внешний экипаж управления БПЛА) и субсидиарную производителя использованных в механизмах БПЛА технологий, если их работа явилась причиной соответствующего причинения вреда.

Научное сообщество обоснованно подчеркивает, что одного лишь законодательного регулирования недостаточно для разрешения комплекса вопросов, связанных с эксплуатацией беспилотных технологий. Эффективное решение этой многогранной проблемы требует более глубокого и системного подхода. Необходимо не только внести соответствующие поправки в нормативно-правовую базу, но и создать, внедрить, а затем постоянно совершенствовать практические механизмы реализации этих норм [11]. На современном этапе необходимы не только новые правовые нормы как таковые, но и действенные механизмы,

обеспечивающие поддержку развития сферы БПЛА, в том числе финансовую.

Считаем нужным подчеркнуть, что в настоящее время особой актуальностью обладают вопросы надлежащего финансирования сферы производства и использования БПЛА, поскольку все заложенные в нормативных правовых актах механизмы способны быть реализованы с достойной эффективностью только при условии достаточного финансового обеспечения.

Упомянутый стратегический документ предполагает, что финансовое стимулирование сектора беспилотных летательных аппаратов будет осуществляться в соответствии с директивами и бюджетными ассигнованиями, предусмотренными в рамках федеральной инициативы «Беспилотные авиационные системы». Этот национальный проект станет ключевым инструментом для обеспечения экономической поддержки и развития индустрии беспилотной авиации, определяя как принципы, так и конкретные источники финансирования для данной отрасли.

С 2024 года начинается финансирование национального проекта «Беспилотные авиационные системы». В соответствии с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» на его реализацию предусмотрены бюджетные ассигнования в 2024 году в размере 45 496,6 миллионов рублей, в 2025 году – 9 582,8 миллионов рублей, в 2026 году – 8 781,4 миллионов рублей.

Национальная программа включает инициативу по развитию отечественного рынка БПЛА. Цель – создать новые сегменты рынка, отдавая приоритет российским БПЛА и комплектующим.

Проект предусматривает государственное финансирование следующих направлений:

1. Приобретение БПЛА и связанных услуг структурами:

- 2024: 493,3 млн руб.
- 2025: 986,0 млн руб.
- 2026: 184,6 млн руб.

2. Субсидирование эксплуатационных расходов БПЛА:

- 2024–2026: по 467,0 млн руб. ежегодно

3. Компенсация скидок на БПЛА для покупателей:

- 2024–2025: по 441,4 млн руб. ежегодно

Дополнительно планируется реализация проекта по разработке и производству БПЛА и комплектующих, включая их стандартизацию. Этот проект также предполагает бюджетное финансирование различных мероприятий.

Предусмотрен комплекс мер по стимулированию отрасли беспилотной авиации на 2024–2026 годы. Ежегодно планируется выделять:

- 5,3 млрд руб. на покрытие расходов по НИОКР в сфере передовых технологий БПЛА;
- 475 млн руб. для уменьшения затрат на сертификацию беспилотников;
- 1,3 млрд руб. на создание ключевых компонентов для БПЛА;

- 598 млн руб. на исследования по интеграции дронов в общее воздушное пространство.

В 2024 году предполагается направить 36,4 млрд руб. на развитие инфраструктуры, обеспечение безопасности, формирование системы сертификации БПЛА, подготовку кадров и разработку перспективных технологий.

В настоящий момент поддержка беспилотной авиации осуществляется, в частности, путем предоставления федеральных субсидий.

Правительство РФ утвердило порядок финансовой поддержки ФГУП «Госкорпорация по ОрВД» 28 февраля 2022 года. Цель – компенсировать расходы на приобретение оборудования для контроля полетов беспилотников¹.

Средства выделяются для закупки многопозиционных широкозонных систем наблюдения (МПСН-Ш). Эти системы будут использоваться для мониторинга дронов АО «Почта России».

График поставок МПСН-Ш:

- 2022 год: 25 штук
- 2023 год: 18 штук
- 2024 год: 6 штук

Данная мера направлена на совершенствование инфраструктуры управления воздушным движением с учетом растущего использования беспилотных летательных аппаратов.

Проведенный комплексный анализ, в том числе с учетом ключевых положений новых документов стратегического планирования в рассматриваемой сфере и законодательных новелл, показал, что деятельность, связанная с производством БПЛА, несомненно, является стратегически значимой для государства и чувствительной для сферы частных правовых отношений. Степень риска причинения ущерба правам, законным интересам, жизни/здоровью граждан и другим охраняемым законом ценностям при эксплуатации БПЛА исключает использование института саморегулирования и системы добровольной сертификации как методов обеспечения соблюдения обязательных требований при производстве БПЛА. Формирование эффективного механизма восстановления гражданских прав в этой сфере предполагает установление обязательности участия в процессе принятия в эксплуатацию БПЛА полномочных представителей государства и возложение на Российскую Федерацию как публично-правовое образование бремени солидарной гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный здоровью и имуществу гражданина, имуществу юридических лиц, если будет установлено, что причиной причинения вреда являлось существенное нарушение требований

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 28.02.2022 № 265 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета федеральному государственному унитарному предприятию «Государственная корпорация по организации воздушного движения в Российской Федерации» на возмещение затрат, понесенных при осуществлении закупки средств радиотехнического обеспечения полетов и авиационной электросвязи для полетов беспилотных воздушных судов». Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/>. Номер опубликования: 0001202203020012. Дата опубликования: 02.03.2022.

безопасности при производстве БПЛА, принятого в эксплуатацию полномочным представителем государства.

В дальнейшем такому подходу должен отдаваться приоритет в выстраивании государственной политики в сфере правового регулирования и развития деятельности в сфере производства и использования БПЛА.

Литература

1. Борисенко В.В. Политика государственного регулирования правового статуса применения беспилотных летательных аппаратов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. Т. 3. № 13.
2. Вавилин Е.В. Беспилотные транспортные средства: от терминологии к новым правовым режимам // Хозяйство и право. 2023. № 8.
3. Громова Е.А. Правовые аспекты регистрации и использования беспилотных летательных аппаратов в России и за рубежом // Право и экономика. 2019. № 7.
4. Зорин Д.Н. О некоторых вопросах применения и развития беспилотных летательных аппаратов // Административное право и процесс. 2022. № 12.
5. Зорина Н.С., Зорин Д.Н. Концептуальные подходы к изучению механизма регулирования беспилотных летательных аппаратов // Административное право и процесс. 2023. № 8.
6. Зорина Н.С., Зорин Д.Н. Противодействие использованию беспилотных летательных аппаратов над территориями учреждений ФСИН России // Административное право и процесс. 2023. № 6.
7. Костюченко О.Г. Криминалистические аспекты применения беспилотного летательного аппарата (БПЛА) // Российский следователь. 2023. № 10.
8. Парфенов В.А. Правовое регулирование правового статуса беспилотных летательных аппаратов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. Т. 3.
9. Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998.
10. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019.
11. Сазанова А.А. Сравнительный анализ российского и зарубежного опыта государственного регулирования беспилотных авиационных систем. Мир новой экономики // 2022. № 16 (4).
12. Степанян А.Ж. Проблемы регулирования беспилотных транспортных средств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4.

13. Уздимаева Н.И., Козуров А.С. Субъект права: основные подходы к пониманию // Контентус. 2020. № 4.
14. Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12 (145).

LEGAL REGULATION OF THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES AT THE PRESENT STAGE

Motasova D.D.

Kazan (Volga Region) Federal University

The subject of the research is the legal regulation of unmanned aerial vehicles (UAVs) in Russia. The aim of the work is to analyze the current state and trends in the development of the regulatory framework in the field of UAVs. The methodology includes a systematic analysis of legislation and strategic planning documents. The results of the study indicate the formation of a comprehensive intersectoral regulatory institution for UAVs within the framework of air law. Key areas for improving legal regulation have been identified: ensuring safety, participation in civil circulation, and liability. The novelty lies in the identification of a trend toward the expansion of the executive branch's powers in legislation concerning UAVs. It is concluded that coordination and harmonization of norms from various branches of law are necessary for effective regulation in the field of UAVs. The results are applicable for improving legislation and state policy in the field of unmanned aviation.

Keywords: Unmanned Aerial Vehicles, Legal Approaches to Regulating UAVs, Aviation Law Institutions, UAV Regulation Development, Support for Domestic UAV Manufacturers, UAVs as Objects of Civil Rights.

References:

1. Borisenko, V.V. (2017). State Regulation Policy of the Legal Status of Unmanned Aerial Vehicles Application. Actual Problems of Aviation and Cosmonautics, 3(13).
2. Vavilin, E.V. (2023). Unmanned Vehicles: From Terminology to New Legal Regimes. Economy and Law, 8.
3. Gromova, E.A. (2019). Legal Aspects of Registration and Use of Unmanned Aerial Vehicles in Russia and Abroad. Law and Economics, 7.
4. Zorin, D.N. (2022). On Some Issues of Application and Development of Unmanned Aerial Vehicles. Administrative Law and Process, 12.
5. Zorin, D.N., & Zorina, N.S. (2023). Conceptual Approaches to the Study of the Mechanism for Regulating Unmanned Aerial Vehicles. Administrative Law and Process, 8.
6. Zorin, D.N., & Zorina, N.S. (2023). Counteracting the Use of Unmanned Aerial Vehicles Over the Territories of the Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. Administrative Law and Process, 6.
7. Kostyuchenko, O.G. (2023). Forensic Aspects of the Use of Unmanned Aerial Vehicles (UAVs). Russian Investigator, 10.
8. Parfenov, V.A. (2017). Legal Regulation of the Legal Status of Unmanned Aerial Vehicles. Actual Problems of Aviation and Cosmonautics, 3.
9. Pokrovsky, I.A. (1998). History of Roman Law. Saint Petersburg.
10. Ponomareva, E.V. (2019). Subjects and Quasi-Subjects of Law: Theoretical and Legal Problems of Delimitation (Doctoral dissertation). Ekaterinburg.
11. Sazanova, A.A. (2022). Comparative Analysis of Russian and Foreign Experience of State Regulation of Unmanned Aircraft Systems. World of New Economy, 16(4).
12. Stepanyan, A.Zh. (2019). Problems of Regulating Unmanned Vehicles. Bulletin of Kutafin Moscow State Law University, 4.
13. Uzdimayeva, N.I., & Kozurov, A.S. (2020). Subject of Law: Main Approaches to Understanding. Contentus, 4.
14. Channov, S.E. (2022). Robot (Artificial Intelligence System) as a Subject (Quasi-Subject) of Law. Actual Problems of Russian Law, 12(145).

Правовые проблемы по антикоррупционным искам прокуратуры: вопросы теории и практики

Мулгачев Давид Николаевич,

преподаватель, кафедры гражданско-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»
E-mail: muldavnik@gmail.com

Статья посвящена теме антикоррупционных исков, подаваемых Генеральной прокуратурой РФ. Особое внимание уделяется исследованию противоречий, возникающих между требованиями прокуратуры и действующими нормами гражданского права, связанными с применением сроков исковой давности, сроков изъятия неверно задекларированного имущества государственных служащих, применения реституции в государственную собственность по сделкам с незаконной приватизацией.

Целью исследования является выявление справедливого гражданско-правового регулирования требований, связанных с гражданскими делами о незаконной приватизации, неверно задекларированным имуществом госслужащих.

При исследовании были использованы общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция. Среди частнонаучных методов были использованы формально-юридический, систематический методы.

В статье делаются выводы, что в делах о незаконной приватизации нераспространение сроков исковой давности в защиту личных неимущественных прав и других нематериальных благ ошибочно, изъятие у государственных служащих в государственную собственность имущества с нарушением подачи декларации не распространяется на отношения, возникшие до 1 января 2013 года. Для применения реституции в государственную собственность по сделкам с незаконной приватизацией и по сделкам, совершенным лицами, занимавшими государственные должности, необходимо вводить специальный закон, который будет содержать последствия такой ничтожности.

Ключевые слова: исковая давность, Генеральная прокуратура, незаконная приватизация, декларация, имущество, обратная сила, недействительность сделки.

Введение

В научном юридическом сообществе не первый год обсуждаются судебные разбирательства, основанные на исках Генпрокуратуры РФ по делам о «деприватизации». С каждым днем Генпрокуратура подает все больше исковых заявлений о конфискации собственности, полученной в результате незаконной приватизации, а также иски к бывшим госслужащим, которые не могут подтвердить происхождение своего имущества.

Возникли важные правовые вопросы о необходимости применения исковой давности, поскольку они выходили за общие пределы и затрагивали нарушения прав 90-ых, начала 2000-ых годов. «Если в настоящее время возможно истребование имущества, которое было отчуждено государством около 30 лет назад, то вполне реальна ситуация, что через 30 лет такие же иски будут удовлетворены и в отношении имущества, переданного из государственной собственности в наши дни, что негативно скажется на устойчивости гражданского оборота» [8, с. 53].

Суды либо не принимают во внимание срок давности, либо отказываются его учитывать, ссылаясь на то, что ГК РФ не предусматривает подобной возможности. Итоговые судебные акты, которые выносят суды первой и апелляционной инстанции, обычно удовлетворяют требования истца. Отмена некоторых решений происходит обычно при кассационном рассмотрении дела в Верховном Суде РФ. «Правовой проблемой является соблюдение баланса между правами государства, общества в целом и частных лиц, являющихся собственниками ранее приватизированного имущества» [4, с. 66]. Поэтому по таким категориям дел необходима правовая определенность в вопросах давности. При этом имеются проблемы использования ретроактивности при изъятии имущества госслужащих и создания закона, регулирующего последствия недействительности сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности..

Литературный обзор

По взятым для исследования вопросам посвящены работы следующих авторов: Бараданченкова Н.Е., Белова Н.В., Бочкарев С.А., Скловский К.И., Трунов И.Л. и др.

«Формирование судебной практики по обращению в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтвержда-

ющих его приобретение на законные доходы», активно формируется» [10, с. 151].

В научной литературе по указанной тематике ученые в большей степени согласны с тем, что сохранение давностного срока обосновано [2, с. 456]. Однако существует и обратное мнение, что практика отказа в подобных исках в связи с истечением трёхлетнего периода и механическим распространением положений об исковой давности ошибочна [3, с. 12].

Также существует идея создания спецсроков как неотъемлемого элемента любого дела о возмещении ущерба при рассмотрении дел об изъятии коррупционных доходов. Из-за важности защищаемых общественных интересов данный срок должен быть больше в сравнении со сроками давности по иным требованиям защиты субъективных прав [1, с. 43]. О законодательной и правоприменительной системе регулирования антикоррупционных нарушений в рамках гражданского права делается следующий вывод: «Недостатком российского законодательства и всей правовой системы является отсутствие разработанного и отлаженного алгоритма применения гражданско-правовых методов борьбы с коррупционными правонарушениями» [6, с. 112].

Результаты

Итоги анализа позволили сделать следующие выводы:

1. В делах, связанных с приватизацией, нераспространение сроков подачи иска в защиту личных неимущественных прав и других нематериальных благ не представляется верным, поскольку иск подается государством как стороной имущественных правоотношений. Однако представляется возможным принять увеличенный период времени, в течение которого можно предъявить иск по такой категории дел.

2. По делам о неверно задекларированном имуществе госслужащих при применении ст. 235 ГК РФ необходимо соблюдать отсутствие обратной силы данной нормы, то есть ее распространение только на правоотношения, возникшие с 01.01.2013.

3. Необходимо принять специальный закон для признания ничтожными сделок по незаконной приватизации, сделок, совершенных на государственных должностях, прямо предусмотренных ст. 169 ГК РФ. Такие запросы не должны удовлетворяться в судебной инстанции при отсутствии специально регулирования.

Обсуждение

Существуют две позиции по поводу временных рамок в делах о приватизации и истребовании недвижимости госслужащих и депутатов.

Например, при рассмотрении дела Иголкина о недействительности распоряжения, сотрудник прокуратуры ссылался на то, что временные рамки не применяются, поскольку они были направ-

лены на защиту личных неимущественных прав и других нематериальных благ, согласно части 2 статьи 208 ГК РФ. Но Верховный суд указал, что в данном случае сотрудницей прокуратуры заявлены требования о признании недействительными распоряжений, касающихся выдачи прав собственности на земельный участок и, соответственно, последующих сделок с данным земельным участком, применении последствий их недействительности в виде изъятия земельного участка из владения его последнего приобретателя, на которые временные рамки распространяются (Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 июля 2024 г. № 127-КГ24–4-К4).

Действительно, целью таких исков ставится возврат государственного имущества, однако расширительное толкование ч. 2 ст. 196 ГК РФ неверно, т.к. при таком понимании нормы бессрочный характер требования позволяет государству истребовать любое имущество без пресекательных сроков. Объяснять чьи именно личные неимущественные права нарушены, сторона прокуратуры не может, ссылаясь на общество в целом, без конкретных лиц. «Также не соответствует закону утверждение, что иски прокурора призваны охранять неимущественные блага», суд применяет к спорным правоотношениям положения п. 2 ст. 196 ГК РФ... Иски прокуратуры имеют имущественный характер и, как любой иной материальный, реализуемы в рамках времени, отведенного для защиты нарушенного права» [9, с. 126].

В другом разбирательстве об изъятии акций за нарушение требований антикоррупционного законодательства экс-депутатом Госдумы с 1995 по 2003 гг. отмечено, что время, установленное для предъявления искового заявления, применяется к искам об изъятии имущества у лиц, подозреваемых в коррупционных нарушениях. Позиции нижестоящих инстанций, поддержавших позицию обвинения, оказались неверными, так как исковое заявление касалось собственности в пользу государства, а значит, являлось материальным, к которому применимы общие правила исковой давности (Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 45-КГ24–6-К7/45-КФ23–1423-К7).

Дополнительно в данном разбирательстве были затронуты вопросы применения обратной силы закона об изъятии в государственную собственность имущества чиновников, нарушающих правила декларации, а также время, отведенное законодательством, для предъявления иска о конфискации имущества у лиц, подозреваемых в коррупции.

Также в судебной практике возник вопрос о применимости нормы ст. 169 ГК РФ для целей законодательства о борьбе с коррупцией [7, с. 175]. В ходе изучения вопроса о совмещении госслужбы и бизнеса, конфликте интересов, извлечении прибыли рассматривался вопрос о признании сделки недействительной в соответствии с законодательством РФ. Генпрокуратура РФ просила изъять недвижи-

мость, передать в собственность РФ земельные участки. ВС РФ указал, что использование ст. 169 ГК РФ ошибочно. В случае если были совершены противоправные действия, это не означает необходимости применять состав ничтожности. Для него нужна осознанное желание сторон достичь противоправной цели. Для применения реституции в государственную собственность по п. 2 ст. 167, ст. 146 ГК РФ надо, чтобы имелся нормативный акт, который бы содержал положение об именно таком последствии ничтожности.

Ни для приватизационных операций, ни для операций, совершенных чиновниками, подобного правового документа нет. ФЗ от 25 декабря 2008 г., содержащий положение о конфискации в пользу государства незадекларированного имущества не имеет обратной силы и не применяется к имуществу, приобретенному до его вступления в силу (Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2024 г. № 18-КГ24–51-К4).

Важно, чтобы государство и общество активно боролись с коррупцией, выявляя и пресекая подобные преступные действия как можно быстрее. Трехлетний срок исковой давности кажется достаточным, учитывая ежегодные декларации об имуществе, предоставляемые чиновниками. Если же декларации не соответствуют реальности, то компетентные органы должны немедленно предпринимать действия в соответствии с их полномочиями и инструментарием. Однако иски подаются лишь к бывшим чиновникам, причем за давние нарушения. Стоит отметить, что сроки давности в некоторых случаях направлены на стимулирование контролирующих и правоохранительных органов к более оперативной реакции на противоправные действия. Легко предположить обратное: отсутствие каких-либо сроков или даже их увеличение явно будет не стимулировать правоохранителей и контрольные органы реагировать оперативно и своевременно для пресечения коррупционных нарушений.

Лаптев подчеркивает, что в соответствии с нормами действующего законодательства к заявлениям прокуратуры применяется общий подход, обеспечивающий защиту прав добросовестных покупателей, приобретающих недвижимость по правилам, действующим в России [5, с. 95]. Поэтому важно сохранение установленных временных рамок, чтобы государственные функции осуществлялись продуктивно, оставляя стабильный порядок. Установленные сроки защищают людей от неопределенной угрозы изъятия имущества. Наличие этих сроков помогает людям понять, когда могут наступить негативные последствия взаимодействия с государством.

Заключение

В первую очередь стоит сказать, что Генеральная прокуратура РФ при приватизации имущества, полученного незаконным путем, подает имуществен-

ные иски и использует средства, которые предусмотрены законодательством. Срок исковой давности в имущественных спорах – это время, в течение которого можно защитить свои права через суд. Действующее законодательство предусматривает два временных периода: субъективный – 3 года и объективной – до 10 лет. Стандартный период применяется ко всем указанным правоотношениям. Если права были нарушены более десятилетия назад, то иск не будет рассмотрен. Федеральное законодательство включает временные ограничения для рассмотрения подобных дел. Генеральная прокуратура предлагает считать началом срока исковой давности дату проведения проверки ее органами. Однако временные ограничения должны считаться с момента, когда орган власти, уполномоченный распоряжаться федеральным имуществом на момент нарушения, должен был узнать о нем. Иное произвольное использование сроков недопустимо. Все это делается для того, чтобы защитить добросовестных приобретателей незаконно приватизированных активов.

Неверна и позиция Генеральной прокуратуры РФ, считающей, что иски по указанным делам защищают общественные интересы, а значит исковая давность не действует. В соответствии с действующим законодательством в таких исках государство выступает как участник гражданско-правовых отношений, защищающий собственные имущественные интересы.

Также следует заметить, что изъятие неверно задекларированного имущества, которое находилось в собственности у госслужащих, должно распространяться на правоотношения, возникшие с 01.01.2013, без обхода срока. Неприменение таких подходов позволит находить ошибки в приватизации, неверно задекларированном имуществе спустя неограниченное время и возвращать право собственности публичной власти, нарушать права добросовестных собственников. Но именно органы публичной власти должны применять своевременные меры по проверкам при наличии ограничительного срока. Иное понимание позволяет проводить свободную процедуру изъятия имущества в любое время без каких-либо ограничений.

Литература

1. Бараданченкова Н.Е. Практика обращения взыскания на коррупционные доходы в Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. – 2022. – № 3. – С. 36–45.
2. Белова Т.В. Защита права частной собственности при обращении в доход государства имущества, приобретенного в нарушение антикоррупционного законодательства // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. – 2022. – С. 447–458.
3. Бочкарев С.А. Коррупция вне сроков исковой давности // Законность. – 2021. – № 2. – С. 8–12.

4. Гурченко Е. В., Кеворкова Д.А. Деприватизация: актуальная судебная практика //Юридические исследования. – 2024. – № . 4. – С. 65–86.
5. Лаптев В.А. Участие прокурора в гражданском процессе в интересах публично-правовых образований // Вестник гражданского процесса. – 2023. – Т. 5. – С. 89–112.
6. Насиров, Э.З. Меры противодействия коррупции и их отражение в гражданском кодексе Российской Федерации // Проблемы противодействия коррупции в современном обществе: Сборник научных трудов по материалам докладов V ежегодной открытой молодежной дискуссионной площадки, Волгоград, 25 марта 2022 года. – Волгоград: Волгоградский технологический колледж, 2022. – С. 112–115.
7. Скловский К.И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № . 11. – С. 156–186.
8. Ступин П. А. О защите права собственности добросовестного приобретателя в спорах по искам органов прокуратуры // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – Т. 7. – № . 3 (23). – С. 51–57.
9. Трунов И.Л. Противодействие коррупции, деприватизация, национализация. Как работает закон о противодействии коррупции. Механизмы реализации и инструменты защиты // Государственная служба и кадры. – 2024. – № . 1. – С. 119–127.
10. Цирин А. М., Севальнев В.В. Совершенствование порядка осуществления контроля за расходами и механизма обращения в доход государства имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы // Журнал российского права. – 2020. – № . 9. – С. 144–156.

LEGAL PROBLEMS WITH ANTI-CORRUPTION LAWSUITS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Mulgachev D.N.

I.N. Ulianov Chuvash State University

The article is devoted to the topic of anti-corruption lawsuits filed by the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Special attention is paid to the study of contradictions arising between the requirements of the prosecutor's office and the current norms of civil law related to the application of the statute of limitations, the timing of the seizure of incorrectly declared property of civil servants, the

application of restitution to state ownership in transactions with illegal privatization.

The purpose of the study is to identify a fair civil law regulation of requirements related to civil cases of illegal privatization, incorrectly declared property of civil servants.

Research methods include both general scientific and private scientific methods. The general scientific methods used in this article include analysis, synthesis, induction, and deduction. Among the private scientific methods, formal legal and systematic methods were used.

The article concludes that in cases of illegal privatization, the non-proliferation of the statute of limitations for the protection of personal non-property rights and other intangible benefits is erroneous, the seizure of property from state employees in violation of the declaration does not apply to relations that arose before January 1, 2013. In order to apply restitution to state property for transactions with illegal privatization and for transactions made by persons who held public office, it is necessary to introduce a special law that will contain the consequences of such insignificance.

Keywords: statute of limitations, Prosecutor General's Office, illegal privatization, declaration, property, retroactive effect, invalidity of the transaction.

References

1. Baradanchenkova N.E. Practice of foreclosure on corruption proceeds in the Russian Federation // Russian law: education, practice, science. – 2022. – No. 3. – P. 36–45.
2. Belova T.V. Protection of private property rights when appropriating property acquired in violation of anti-corruption legislation to the state // Protection and defense of rights and legitimate interests in modern law. – 2022. – P. 447–458.
3. Bochkarev S.A. Corruption outside the limitation period // Legality. – 2021. – No. 2. – P. 8–12.
4. Gurchenko E. V., Kevorkova D.A. Deprivatization: current judicial practice // Legal research. – 2024. – No. 4. – P. 65–86.
5. Laptev V.A. Participation of the prosecutor in the civil process in the interests of public-law entities // Bulletin of civil process. – 2023. – Vol. 5. – P. 89–112.
6. Nasirov, E.Z. Anti-corruption measures and their reflection in the civil code of the Russian Federation // Problems of combating corruption in modern society: Collection of scientific papers based on the materials of reports of the V annual open youth discussion platform, Volgograd, March 25, 2022. – Volgograd: Volgograd Technological College, 2022. – P. 112–115.
7. Sklovsky K.I. Application of legislation on the conversion of property received as a result of violation of anti-corruption legislation into state income // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2021. – No. 11. – P. 156–186.
8. Stupin P.A. On the protection of the property rights of a bona fide purchaser in disputes over claims of the prosecutor's office // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. – 2024. – Vol. 7. – No. 3 (23). – P. 51–57.
9. Trunov I.L. Anti-corruption, de-privatization, nationalization. How the anti-corruption law works. Implementation mechanisms and protection tools // Civil service and personnel. – 2024. – No. 1. – P. 119–127.
10. Tsirin A. M., Sevalnev V.V. Improving the procedure for exercising control over expenses and the mechanism for turning over to the state property acquired with unconfirmed income // Journal of Russian Law. – 2020. – No. 9. – P. 144–156.

Законные интересы заказчика на результаты разработки программ для ЭВМ

Находкин Александр Александрович,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с разграничением законных интересов от прав заказчика на результаты разработки программ для ЭВМ, а также анализу особенностей особенности некоторых способов использования, наиболее характерных для программ для ЭВМ.

Ключевые слова: программное обеспечение, разработка, авторское право, законные интересы заказчика, права заказчика.

Права заказчика на результаты разработки программ для ЭВМ определяются законодательством и договором, в то время как законные интересы заказчика представляют собой более широкий спектр включений. Права заказчика конкретно описывают его юридические возможности и привилегии в отношении программного продукта, в то время как интересы заказчика отражают его общие цели, ожидания и потребности, включая качество, функциональность, безопасность и соответствие требованиям.

Вопреки различиям, интересы и права часто переплетаются и взаимосвязаны. Во многих ситуациях права служат для закрепления и защиты определенных интересов.

Л.К. Климович и Д.Г. Кожевников указывают, что интересы охватывают более широкий спектр потребностей и целей индивида, в то время как права определяют юридические рамки и ограничения, обеспечивающие защиту и осуществление этих интересов [5, с. 67–73]. По их мнению, интересы могут меняться и противоречить друг другу, в то время как права имеют более постоянный и официальный характер.

А.В. Залесов говорит, что интересы и права тесно переплетены и взаимосвязаны [4, с. 45–50]. Он отмечает, что права являются утверждением и обеспечением определенных интересов, которые закреплены и защищены законом.

Согласно законодательству Российской Федерации, законные интересы заказчика в отношении результатов разработки программного обеспечения для компьютеров защищены специальными нормами. Согласно статье 1229 Гражданского кодекса РФ, при заключении договора на создание программы для компьютеров заказчик обычно получает исключительное право на использование этой программы, если иное не оговорено. Таким образом, заказчики обеспечиваются юридической защитой, которая дает им преимущество в праве использования разработанного программного обеспечения.

Более того, статья 1229.1 Гражданского кодекса Российской Федерации защищает интересы заказчика, утверждая, что передача исключительных прав на программу для ЭВМ возможна только посредством заключения письменного соглашения между разработчиком и заказчиком. В этом документе должны быть ясно определены условия передачи, включая объем прав, передаваемых заказчику.

Также в соответствии с статьей 1229.2 Гражданского кодекса РФ, заказчик имеет право вне-

сти изменения в программу для ЭВМ в рамках условий, установленных в договоре. Это положение подтверждает возможность клиента настраивать программное обеспечение под свои нужды, улучшая его функциональность и эффективность в соответствии с индивидуальными требованиями.

В дополнение, статья 1231 Гражданского кодекса Российской Федерации учитывает интересы заказчика при разрешении вопросов о требованиях третьих лиц. В соответствии с данным положением, исполнитель разработчик обязан компенсировать любые убытки, которые могут возникнуть из-за нарушения исключительных прав третьих лиц заказчиком. Это правило подчеркивает важность тщательного контроля за процессом разработки программного обеспечения, чтобы избежать нарушения прав других лиц и обеспечить защиту интересов заказчика.

Статья 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит список различных способов использования произведений, при этом каждый из них представляет собой отдельное право, включенное в категорию исключительных прав [2]. В данной статье далее будут рассмотрены особенности некоторых способов использования, что является наиболее типичным для программ для ЭВМ.

Главным методом применения компьютерных программ является их размножение, что означает создание одиночных или множественных копий программного обеспечения или его компонентов в любой физической форме, включая запись в память компьютера (согласно пункту 1 статьи 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Помимо упомянутых способов использования, следует отметить, что сохранение компьютерной программы в памяти компьютера также считается формой воспроизведения, хотя это не упоминается в полном списке способов использования.

Как отмечено в решении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2016 года под номером 308-ЭС14–1400 в рамках дела № А20–2391/2013 [3], в рамках судебного процесса между корпорацией Microsoft и ООО «Элси-Трек» было отмечено, что статья 1279 Гражданского кодекса РФ не исчерпывает всех возможных способов использования творческого произведения. Это означает, что нарушение авторских прав владельца может происходить не только по перечисленным в законе способам, но и другими альтернативными путями. Ссылаясь на международные документы, такие как Бернская конвенция, Договор ВОИС и Директива ЕС 2009/24/ЕС, Верховный Суд РФ пришел к выводу, что использование компьютерных программ может быть охвачено различными способами записи и структурами.

В рамках понятия «воспроизведение», как определено законодательством, исключаются случаи, когда запись программы для ЭВМ имеет временный характер и является неотъемлемой частью технологического процесса с единственной целью

законного использования или распространения передачи для общественного доступа (пункт 2 статьи 1270 ГК РФ).

Согласно пункту 96 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10, использование произведения без нарушения исключительного права на него возможно после исчерпания этого права.

Значительно стоит выделить, что принцип исчерпания права ограничивается только распространением копий программного обеспечения для компьютеров, и не распространяется на другие права. Правоизъявлений правообладателю принадлежат все права на программное обеспечение, что подтверждается законодательством Российской Федерации. Таким образом, все прочие права, предусмотренные Гражданским кодексом, остаются у правообладателя программного обеспечения.

В настоящий момент вызывает повышенный интерес в контексте доктрины исчерпания права возможность ее применения к компьютерным программам, которые можно приобрести онлайн, например, через сеть Интернет путем покупки и последующей загрузки с официального веб-сайта правообладателя.

Сейчас особенно актуальным становится вопрос применения доктрины исчерпания права к программам для ЭВМ, которые можно приобрести онлайн через сеть Интернет (например, путем приобретения и загрузки программы с официального веб-сайта правообладателя). В современном контексте доктрины исчерпания прав возникает особый интерес к ее применению к программам для ЭВМ, которые распространяются онлайн через сеть Интернет (например, путем приобретения программы и последующей загрузки с официального веб-сайта правообладателя). В настоящее время вызывает особый интерес возможность применения доктрины исчерпания права к программам для ЭВМ, которые распространяются онлайн через Интернет. Например, через приобретение программы и последующую загрузку с официального веб-сайта правообладателя.) [7, с. 102–128].

Некоторые авторы высказывают мнение о возможности применения доктрины исчерпания прав при покупке программы в электронном виде. Они утверждают, что отказ от признания исчерпания прав на распространение цифровых объектов фактически ограничивает возможности законного владельца сохранять и распространять программу для ЭВМ в том же формате без нарушения авторских прав [8, с. 579–583].

Программные продукты могут быть использованы путем процесса, который называется обработкой или изменением. Этот способ использования программ имеет большое значение и заслуживает внимания. В соответствии с Гражданским кодексом РФ, в частности пунктом 9 статьи 1270, термины «переработка» или «модификация» в отношении программ для ЭВМ охватывают ряд изменений. Эти изменения включают в себя внесение

изменений в программу, такие как перевод ее с одного языка программирования на другой. Важно отметить, что понятие адаптации выходит за рамки обработки или модификации.

Эти законы соответствуют мнению специалистов, которые подчеркивают важность внесения изменений в компьютерные программы [9, с. 163–167]. Важную роль в улучшении работы программного обеспечения играет модификация компьютерных программ, которая позволяет адаптировать их к различным условиям, улучшить функциональность и обеспечить совместимость с различными системами. Специалисты в данной области подчеркивают, что возможность вносить изменения в программы позволяет настраивать, оптимизировать и решать проблемы совместимости, что в конечном итоге повышает общую эффективность и удобство использования компьютерного программного обеспечения [6].

Кроме того, специалисты в области информационных технологий отмечают значимость исключения адаптации из определения обработки или изменения [10]. Адаптация – это процесс внесения изменений в программу для ее соответствия определенной среде или запросам пользователя. Когда мы исключаем адаптацию из определения, мы понимаем, что это отдельный и самостоятельный процесс, который может вызвать различные юридические вопросы или требования.

Как ученые в области информатики и законодатели, действующие на основе Гражданского кодекса Российской Федерации, признают важность переработки или модификации программного обеспечения. Юридическое определение, представленное в законе, соответствует научному пониманию и подчеркивает разнообразие изменений, которые могут быть применены при обработке или модификации, отличая их от процесса адаптации.

В соответствии с определением, приведенным в Гражданском кодексе Российской Федерации, процесс трансформации программного обеспечения направлен на создание нового продукта, который базируется на уже существующей программе для компьютера. В то же время, адаптация означает внесение изменений в программу с целью ее корректной работы на конкретном оборудовании пользователя или в рамках определенных программных средств, используемых им.

Таким образом, основное различие между модификацией и адаптацией программного обеспечения для компьютеров заключается в их целях и объеме изменений. Модификация представляет собой процесс изменения программы для добавления новых функций или свойств, которых изначально не было. Это приводит к созданию нового объекта. С другой стороны, адаптация программы обычно связана с ее приспособлением к работе на конкретном компьютере или в определенных условиях, при этом изменения ограничены сохранением ее изначального функционала.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 96. 06.05.2019.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.06.2016 № 308-ЭС14–1400 по делу № А20–2391/2013 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.
4. Залесов А.В. Замена правила «первого изобретателя» на правило «первого заявителя» как основа современного патентного права // Право и экономика. 2021. № 12. С. 45–50.
5. Климович Л.К. Подходы к определению стратегии развития организации на основе высоких технологий в инновационной среде // Молодежь и наука: сборник научных статей XII международного форума молодых ученых, Гомель, 19 мая 2023 г.: научное электронное текстовое издание / Белкоопсоюз, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации; под науч. ред. Н.В. Кузнецова; редкол.: С.Н. Лебедева [и др.]. Гомель, 2023. С. 67–73.
6. Корнеев В.А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. М.: Статут, 2010.
7. Савельев А.И. Отдельные вопросы применения норм об исчерпании прав в отношении программ для ЭВМ // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 102–128.
8. Трошкина С.М. Правовая охрана программ для ЭВМ: российский и зарубежный опыт // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 1(77). С. 579–583.
9. Сажина А.А. Мобильное приложение как объект авторского права // Вестник научной мысли. 2022. № 3. С. 163–167.
10. Адаптация и модификация программного обеспечения и баз данных: обзор нормативных документов, публикаций и судебной практики // СПС КонсультантПлюс. 2022.

THE LEGITIMATE INTERESTS OF THE CUSTOMER ON THE RESULTS OF COMPUTER SOFTWARE DEVELOPMENT

Nakhodkin A.A.
St. Petersburg State Economic University

The article discusses the issues related to distinguishing between legitimate interests and the rights of customers to the results of computer program development, as well as analyzing some of the most common methods of using computer programs.

Keywords: software, development, copyright, customer's legitimate interests, customer rights.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 01.07.2021, as amended on 08.07.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.
2. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. No. 96. 06.05.2019.
3. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.06.2016 No. 308-ES14–1400 in case No. A20–2391/2013 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. No. 2.
4. Zalesov AV Replacing the "first inventor" rule with the "first applicant" rule as the basis of modern patent law // Law and Economics. 2021. No. 12. Pp. 45–50.
5. Klimovich LK Approaches to determining the development strategy of an organization based on high technologies in an innovative environment // Youth and Science: collection of scientific articles of the XII International Forum of Young Scientists, Gomel, May 19, 2023: scientific electronic text publication / Belkoop-soyuz, Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives; under scientific ed. N.V. Kuznetsov; editorial board: S.N. Lebedeva [et al.]. Gomel, 2023. pp. 67–73.
6. Korneev V.A. Computer programs, databases and topologies of integrated circuits as objects of intellectual property rights. Moscow: Statut, 2010.
7. Saveliev A.I. Certain issues of application of rules on exhaustion of rights in relation to computer programs // Bulletin of civil law. 2011. no. 3. pp. 102–128.
8. Troshkina S.M. Legal protection of computer programs: Russian and foreign experience // Skif. Issues of student science. 2023. no. 1 (77). pp. 579–583.
9. Sazhina A.A. Mobile application as an object of copyright // Bulletin of scientific thought. 2022. No. 3. P. 163–167.
10. Adaptation and modification of software and databases: a review of regulatory documents, publications and judicial practice // SPS ConsultantPlus. 2022.

Опционные конструкции: правовая природа и значение для финансового рынка

Парилова Елена Владимировна,

аспирант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: eparilova@yandex.ru

В статье исследуется правовая природа цивилистических конструкций «опционный договор» и «опцион на заключение договора», введенных в российское гражданское законодательство в 2015 году. Выявляется соотношение между категориями «опционный договор», «опцион на заключение договора» и «опцион эмитента». Анализируется отечественный подход к регулированию правоотношений, в рамках которых стороны применяют опционы. Рассматриваются терминологические и правоприменительные проблемы, существующие применительно к опционным конструкциям и сложности их толкования. Классифицируются различные модели опционных конструкций, устоявшиеся в зарубежной деловой практике и приводится наиболее релевантный опыт систем, входящих в романо-германскую и англо-саксонскую правовые семьи с сфере регулирования опционов и связанных с ними юридических конструкций. Прогнозируются перспективы популяризации опционов в корпоративной и финансовой практике для оформления сделок, наделяющих кредитора вторичными правами.

Ключевые слова: опцион, опционный договор, опцион на заключение договора, вторичное право, опцион эмитента, корпоративное право, финансовый рынок.

Опционные конструкции – относительная новелла российской цивилистики, введенная в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [1] на основании положений Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 42-ФЗ) [3].

По итогам практически десяти лет правоприменения в этой области можно констатировать, что опционные конструкции не являются столь востребованными для субъектов гражданского права.

В различных правовых системах опцион в том или ином виде существовал, особенно данная правовая конструкция характерна для романо-германской правовой семьи [8]. Удачный зарубежный опыт и развивающиеся гражданско-правовые отношения потребовали от российского законодателя принятия мер по рецепции данной правовой конструкции [7].

Легальная дефиниция «опциона на заключение договора» изложена в пункте 1 статьи 429.2 ГК РФ, а «опционного договора» – в пункте 1 статьи 429.3 ГК РФ.

С учетом того, что опционные конструкции структурно включены законодателем в главу 27 ГК РФ, справедливо констатировать, что они относятся к числу организационных договорных конструкций наряду с предварительным договором, рамочным договором и иными сходными цивилистическими конструкциями.

В свою очередь, анализ судебной практики позволяет разграничить правовую природу опционных конструкций от смежных гражданско-правовых конструкций, например, от предварительного договора. Как следует из обобщения судебной практики судов кассационной инстанции, предметом предварительного договора является условие о заключении основного договора, а в силу опционного договора сторона предоставляет за плату безотзывную оферту на заключение одного или нескольких договоров.

В свою очередь, опционный договор в соответствии с пунктом 1 статьи 429.3 ГК РФ де-факто наделяет одну из сторон вторичным правом на требование об исполнении по уже заключенному опционному договору. Кредитор вправе воздержаться от реализации своего вторичного права, в таком случае договор считается прекратившим свое действие.

Разграничивая опционные конструкции, предусмотренные гражданским законом, начнем с классификации, которая напрямую нормативно не установлена. Это опционная модель put, при

которой управомоченной стороной является лицо, осуществляющее решающее исполнение (например, продавец, исполнитель услуг, подрядчик и т.д.), и опционная модель call, наделяющая секундарными правами благополучателя (покупателя, заказчика).

Опционные конструкции охватывают широкий круг гражданско-правовых договоров, структурируя правоотношения, в том числе связанные с интеллектуальной собственностью.

А.Г. Карапетов указывал, что в зарубежной цивилистической практике допускаются две разновидности опционных сделок, каждая из которых имела бы право на существование в российской действительности с учетом Закона № 42-ФЗ [6].

Первая опционная модель предполагает заключение соглашения о предоставлении безотзывной оферты на заключение определенного гражданско-правового договора. Таким образом, вторая сторона наделяется секундарным правом по своему усмотрению в определенный период времени акцептовать предоставленную на основании соглашения оферту и инициировать возникновение правоотношений, вытекающих из основного договора.

Вторая опционная модель исходит из того, что при заключении опционного соглашения уже сразу заключается и основное соглашение, но исполнение по нему обязательств ставится на паузу до момента востребования со стороны, которая наделена соответствующим секундарным правом. То есть договор наличествует, подписан и действует, но находится в «спящем режиме».

Иными словами, в первом случае секундарное право кредитору предоставляется на выдвигание притязания на заключение договора, а во втором случае – на истребование исполнения обязательств от должника по уже заключенному договору.

Примечательно, что изначально российские законодатели в ходе обсуждения и доработки проекта федерального закона, который впоследствии был принят в качестве Закона № 42-ФЗ, исходили из первой приведенной модели опциона (секундарное право на заключение договора).

При этом нецелесообразность второй модели опциона обосновывалась тем, что в таком случае правовая природа опциона якобы не будет отличаться от цивилистической конструкции исполнения обязательства по востребованию кредитора, закрепленной в пункте 2 статьи 314 ГК РФ.

Однако уже ко второму чтению возобладала вторая модель, которая в итоге и была легитимирована в положениях гражданского закона, посвященных опциону. Во многом это можно считать победой прагматичного подхода над догматическим.

Отметим, что четкое определение понятий «опционный договор» и «опцион на заключение договора» в гражданском законе не приводится, что влечет возникновение определенных терминологических неточностей.

Так, в статье 429.2 ГК РФ указывается, что опцион «предоставляется», и в то же время законодатель отмечает, что у опциона есть «условия». В ГК РФ, на наш взгляд, необоснованно смешивается понимание опциона как права, которое «предоставляют», и опциона как договора, в котором излагаются те или иные условия. Уже на протяжении длительного времени ведутся споры касательно соотношения данных значений, их дихотомии в правовом и доктринальном пространстве.

Несколько иначе представляется ситуация с опционным договором, закрепленным в статье 429.3 ГК РФ. Стоит отметить, что актуальная зарубежная законодательная и правоприменительная практика соответствуют данной опционной конструкции, которая была рецептирована российской правовой мыслью.

Резкий догматический поворот, избранный законодателями при рассмотрении проекта федерального закона, впоследствии принятого в качестве Закона № 42-ФЗ, привел к фрагментации терминологии об опционах в отечественной литературе. Так, в изначально принятой редакции законопроекта к первому чтению «опционный договор» был выстроен по первой модели (секундарное право на акцепт неотзывной оферты). А сама же первая модель тоже была утверждена в гражданском законе, но уже под наименованием «опцион на заключение договора».

В результате такой неоднородности существует большой риск использования неверной и устаревшей терминологии, особенно в доктринальных источниках, датирующихся переходным периодом между 2012 и 2015 годами.

С учетом ограниченной сферы применения опционных конструкций в отечественной экономике, рассмотрим ту роль, которую они играют в упорядочивании порядка совершения сделок на финансовом рынке.

Исторический экскурс в опционные конструкции в России показывает, что они де-факто существовали как непоименованные гражданско-правовые договоры еще до вступления в силу Закона № 42-ФЗ. В частности, они фигурировали в разъяснениях Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации еще в 2007 году [4]. Однако до принятия Закона № 42-ФЗ правовая природа опционных конструкций прояснена не была.

Наиболее часто в финансовой и корпоративной практике опционы используются для оформления договора купли-продажи долей в обществах с ограниченной ответственностью или акций акционерных обществ.

Например, венчурный инвестор, вкладывающий в новые корпорации, на основании опционного соглашения выражает готовность приобрести часть акций компании, а оставшиеся акции намерен приобретать лишь при достижении определенных показателей деловой активности эмитента таких акций. В таком случае эмитент наделяется секундарным правом, но полноценная его реализация возможна лишь при наступлении условий,

связанных с хозяйственной жизнью и финансовым положением организации, которые будут детализированы в соглашении.

В иных ситуациях опционная конструкция способна преодолеть даже кажущийся на первый взгляд неразрешимый корпоративный конфликт. К примеру, два равноправных акционера компании, которые владеют по 50% ее акций, могут опционным соглашением установить вторичное право одного из владельцев бизнеса на приобретение 1% акций у совладельца корпорации. Исполнение опционного соглашения при наступлении корпоративного конфликта позволяет сдвинуть с мертвой точки процесс принятия деловых решений (например, назначение директора), поскольку соотношение акций в результате исполнения опционного соглашения установится на отметке 51/49. При этом цена такого опциона зачастую носит символический характер, она может быть меньше рыночной. Это объясняется каузой (причиной) заключения такой сделки, цель которой – не извлечение прибыли в результате продажи доли, а разрешение возникшего корпоративного спора.

При этом нельзя не отметить, что в отдельных случаях заключения опционных соглашений, исключающих корпоративные конфликты, могут возникнуть риски признания таких договоров недействительными по причине их мнимости (статья 170 ГК РФ), поскольку у сторон нет намерения действительно осуществить отчуждение и приобретение 1% акций компании.

С учетом многообразия гражданско-правовых договоров, которые могут быть опосредованы опционным соглашением, полагаем, что перспективы его внедрения в практику финансового рынка достаточно многообещающие. В частности, опционными соглашениями могут быть оформлены сделки по отчуждению долей в обществах с ограниченной ответственностью, акций в акционерных обществах, а также иных финансовых инструментов, которые как обращаются на централизованных финансовых рынках, так и оборотоспособны в децентрализованных и внебиржевых форматах.

Также определенную роль в популяризации опционных конструкций может сыграть Банк России, являющийся мегарегулятором банковского и финансового сектора, который не только устанавливает нормативные требования своими нормативными правовыми актами, но и разрабатывает мягко-правовые рекомендации и стандарты, добровольно и проактивно используемые поднадзорными Банку России профессиональными участниками рынка ценных бумаг.

Однако в очередной раз необходимо затронуть многообразие и некую несинхронность терминологии, описывающей опционные соглашения. В частности, в статье 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [2], приводится определение «опцион эмитента», который вопреки положениям гражданского закона не представляет собой договорную конструкцию (будь то опционный договор или опцион на заклю-

чение договора), а специальный вид эмиссионной ценной бумаги.

Учитывая изложенное, отметим, что правовая природа опционных соглашений в российском порядке определена пока лишь в общих чертах с учетом исторических, международно-правовых и догматических предпосылок, но она недостаточна обрамлена устойчивой практикой использования этих цивилистических конструкций в практике гражданского оборота.

При этом согласимся с Л.А. Емелиной и А.Е. Ермолаевым в том, что не всем гражданско-правовым договорам суждено быть универсальными регуляторами экономических отношений – некоторые из них показывают редкую распространенность вне некоторых обособленных сфер экономики [5].

Основное свойство опционных конструкций – предоставление управомоченной стороне вторичного права на заключение основного договора или же на истребование исполнения от должника по уже ранее заключенному договору.

Полагаем, что впоследствии опционные соглашения более прочно укоренятся в практике финансового рынка России, в частности – в биржевой торговле. При этом уже сейчас можно проследить их использование в отдельных сегментах корпоративных и финансовых сегментах отечественной экономики.

Литература

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.
2. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства Российской Федерации от 22 апреля 1996 г. № 17 ст. 1918.
3. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. № 10 ст. 1412.
4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 06.03.2007 № 13999/06 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2007 г., № 5.
5. Емелина Л.А., Ермолаев А.Е. Актуальные проблемы правового регулирования счетов эскроу // Банковское дело. 2024. № 3. С. 10–13.
6. Карапетов А.Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия. 2016. № 3. С. 49–72.
7. Митченкова О.И. Конфликт понятий «опцион на заключение договора» и «опционный договор» в российском праве // Цивилистика: право и процесс. 2019. № 2. С. 40–44.
8. Юнусова А.Н. Анализ правового регулирования опционного договора в странах романо-

германской правовой системы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 329–341.

OPTION CONSTRUCTIONS: LEGAL NATURE AND SIGNIFICANCE FOR THE FINANCIAL MARKET

Parilova E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the legal nature of the civil constructions “option agreement” and “option to conclude a contract”, introduced into Russian civil legislation in 2015. The relationship between the categories “option agreement”, “option to conclude an agreement” and “issuer’s option” is revealed. The article analyzes the domestic approach to the regulation of legal relations in which the parties apply options. The terminological and law enforcement problems that exist in relation to option designs and the complexity of their interpretation are considered. Various models of option structures that are well-established in foreign business practice are classified and the most relevant experience of the systems belonging to the Romano-German and Anglo-Saxon legal families in the field of options regulation and related legal structures is given. The prospects for the popularization of options in corporate and financial practice for the execution of transactions granting the lender second rights are predicted.

Keywords: Option, option agreement, option to conclude an agreement, second law, issuer’s option, corporate law, financial market.

References

1. First part of the Civil law of the Russian Federation 30.11.1994 No 51-FZ // Collection of the legislation of the Russian Federation 1994. No 32 art. 3301.
2. Federal Law dtd 22.04.1996 No 39-FZ «About securities market» // Collection of the legislation of the Russian Federation dtd 22 April, 1996. No 17 art. 1918.
3. Federal law dtd 08.03.2015 No 42-FZ « On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation » // Collection of the legislation of the Russian Federation dtd 9 March 2015, No 10 art. 1412.
4. Decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dtd 06.03.2007 No 13999/06 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2007, No 5.
5. Emelina L.A., Ermolaev A.E. Actual Problems of Legal Regulation of Escrow Accounts // Banking. 2024. 2024. № 3. P. 10–13.
6. Karapetov A.G. Option to conclude a contract and an option agreement according to the new edition of the Civil Code of the Russian Federation. 2016. № 3. P. 49–72.
7. Mitchenkova O.I. Conflict of concepts “option to conclude a contract” and “option contract” in Russian law. // Civics: law and process 2019. № 2. P. 40–44.
8. Yunusova A.N. Analysis of the legal regulation of an option agreement in the countries of the Romano-German legal system // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2019. . 5 (71). Book No. 3. p. 329–341.

Плохих Сергей Александрович,

магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета
E-mail: sergeiploh22@gmail.com

В настоящее время доктриной сформировано обширное число классификаций цифровых платформ. Между тем, крайне актуальным остается вопрос о признаках публичных цифровых платформ, служащих одновременно критериями, которые позволяли бы разграничивать между собой публичные и частные цифровые платформы при условии, что позиция о рыночной природе цифровых платформ является доминирующей в литературе. В связи с наличием такого вопроса в настоящей работе приводятся основные признаки цифровых платформ публичного типа как самостоятельного вида цифровых платформ.

Цель: определение критериев разграничения публичных цифровых платформ со смежными понятиями на основе выделения значимых признаков таких платформ.

Методы: абстрагирование, сравнительно-правовой, системный.

Результаты и выводы: определены основные признаки цифровой платформы публичного типа, выделено основание классификации цифровых платформ на частные и публичные.

Ключевые слова: цифровая платформа, публичная цифровая платформа.

Процесс цифровизации общественной жизни, начавшийся относительно недавно, в настоящее время приобрел значительный масштаб, «захватив» практически все сферы человеческой деятельности.

Ответ на вопрос «почему так происходит» довольно прост и невзрачен – смысл использования цифровых механизмов заключается в облегчении процесса производства и взаимодействия между различными субъектами в самых разнообразных сферах человеческой деятельности.

Одним из способов цифрового взаимодействия является обмен товарами, работами, услугами, финансовыми средствами и информацией посредством цифровых платформ.

При этом цифровые платформы активно внедряются не только в рыночной, но и в публичной сфере. Соответственно, возникает потребность определения критериев (оснований) классификации цифровых платформ на платформы частные (частного типа) и публичные (публичного типа) в целом и определения признаков и видов публичных цифровых платформ в частности.

Публичные цифровые платформы уже становились предметом исследования ряда авторов. [1] В качестве центральной для рассматриваемой темы работы можно привести статью Стырина Е.М., Дмитриевой Н.Е. и Синятуллиной Л.Х. [2], в которой коллектив авторов в крайне пространной форме решил три основные задачи: выделение оснований классификаций цифровых платформ в целом (по признакам функциональному, технологическому, организационному и нормативно-правовому); определение критериев разграничения государственных информационных систем и публичных цифровых платформ; установление оснований разграничения частных и публичных цифровых платформ путем указания соответствующих признаков

Так, авторами выделены следующие значимые признаки публичных цифровых платформ на основе сравнения последних с цифровыми платформами частного типа:

1. Цифровая платформа публичного типа есть инструмент, обеспечивающий деятельность государственных органов;

2. При создании публичной цифровой платформы в новой сфере, в отличие от частных платформ, круг участников будущей публичной платформы уже определен – то есть, публичная платформа (или направление ее функционирования) создается в целях упорядочения деятельности заранее определенного круга участников;

3. Отсутствие конкурирующих между собой публичных цифровых платформ в различных сферах деятельности власти;

4. Некоммерческое использование цифровой платформы ее владельцем – при этом не исключается возможность предоставления компенсации операционных издержек;

5. Длительный жизненный цикл, который определяется законодательством;

6. Специфические методы оценки эффективности внедрения платформенного подхода, предполагающие применение теорий общественной ценности.

Среди общих признаков частных и публичных платформ авторами выделяются их ориентированность на решение определенных проблем и персонализацию нужд пользователей при параллельном анализе изменения сведений о нуждах и поведении соответствующих субъектов.

Ряд признаков публичных платформ сформулирован авторами путем сопоставления публичных платформ с государственными информационными системами. Главным из таких признаков, представляется, необходимо считать более широкий спектр функций, решаемых цифровой платформой публичного типа в отличие от обычной информационной системы, которой признается лишь совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств (пункт 3 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Таким образом, являясь по мнению авторов системой формальных и неформальных правил и алгоритмов сетевого взаимодействия пользователей (потребителей), функционируя на основе открытых и масштабируемых архитектурных стандартов программно-аппаратного обеспечения, необходимого для хранения, анализа и передачи цифровых данных об участниках взаимодействия, государственная цифровая платформа призвана к внедрению и осуществлению следующего функционала:

1. Снижение издержек государственного регулирования в различных отраслях государственного управления на основе цифровизации соответствующих процессов;

2. Формирование, обновление и анализ цифровых профилей участников ключевого взаимодействия;

3. Создание комплексной системы оценки эффекта, то есть общественной ценности, от внедрения цифровой платформы;

4. Реализация оптимальной, в соответствии со сферой применения, модели монетизации публичной платформы;

5. Агрегация и обеспечение доступа к структурированной информации о деятельности определенной отрасли по различным аспектам, включая обратную связь с пользователем.

Далее, к числу признаков публичной цифровой платформы Терещенко Л.К. также причисляет наличие отраслевой специфики, что означает ориентацию на потребности и задачи отрасли (например, государственная цифровая платформа в со-

циальной сфере, в сфере занятости и так далее), под реализацию конкретных государственных или муниципальных функций, [3] с чем нельзя не согласиться.

На практике данный признак означает наличие цифровых платформ, функционирующих по схеме «отрасль-платформа».

В частности, специфической отраслью реализации публичных цифровых платформ является сфера судебных отношений.

Руководствуясь приведенной Стыриным Е.М., Дмитриевой Н.Е. и Синятуллиной Л.Х. классификацией, Кабацкой Е.А. выделяются следующие значимые признаки судебной цифровой платформы, которые являются специальными по отношению к общим признакам публичной платформы, выделенным указанными авторами:

1. По функциональному признаку судебная цифровая платформа представляет установленную для участников судопроизводства последовательность действий в цифровой среде, поскольку последняя устанавливает правила цифрового судопроизводства, цифрового делопроизводства, а также цифрового внутриведомственного и межведомственного взаимодействия;

2. По технологическому признаку судебная цифровая платформа есть цифровая инфраструктура судебной системы, так как состоит из совокупности информационных технологий, организационных компонентов, модулей и средств, необходимых для осуществления судебной деятельности;

3. По организационному признаку судебная цифровая платформа является виртуальной площадкой, на которой все участники судопроизводства, включая суд и судебный аппарат, реализуют свои права и обязанности в цифровом пространстве;

4. С точки зрения нормативно-правового основания судебная цифровая платформа является объектом правового регулирования – работа цифровой платформы упорядочивается совокупностью правовых норм и технических требований, составляющих правовой институт дистанционного доступа к правосудию. [4]

При этом владельцем цифровой судебной платформы, к примеру, Государственной автоматизированной системы «Правосудие», исходя из того, что суды общей юрисдикции являются федеральными судебными органами, следует считать Российскую Федерацию. Оператором же является Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации исходя из его полномочий, установленных пунктом 4.1. Положения об организации эксплуатации Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие», утвержденного приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 17 марта 2014 года № 52.

В настоящее время ведется работа по обоснованию потребности и целесообразности применения публичных судебных цифровых платформ для досудебного разрешения споров. [5]

Далее, к приведенным признакам цифровой платформы публичного типа можно добавить следующий – в качестве владельца цифровой платформы выступает властный субъект или же субъект, наделенный определенным набором публичных полномочий, для реализации которых и функционирует соответствующая цифровая платформа публичного типа.

Целесообразным представляется считать владельцем цифровой платформы публично-правовое образование, которое ответственно за наполнение цифрового ресурса, его финансовое и материально-техническое обеспечение, в лице соответствующего сфере деятельности платформы государственного или местного органа власти.

В качестве примера можно привести единую цифровую платформу в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», владельцем (оператором) по смыслу норм Федерального закона от 12 декабря 2023 года № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» является Российская Федерация в лице оператора цифровой платформы, то есть федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере труда, занятости, альтернативной гражданской службы. В рамках дискреции публичных полномочий владельцами могут выступать также и органы государственной власти субъектов и органы местного самоуправления (статьи 10, 11 указанного Федерального закона).

С определенной долей условности к формальным признакам рассматриваемого типа цифровых платформ можно отнести специфическое правовое регулирование публичными отраслями права, в котором преобладают подзаконные акты владельцев платформ, устанавливающие порядок их функционирования и взаимодействия с внешними субъектами (гражданами и юридическими лицами).

Наконец, цифровая платформа публичного типа может являться составной частью цифровой экосистемы определенного государственного органа.

Иллюстрацией подобного соотношения может, к примеру, считаться государственный аудит Счетной палаты Российской Федерации – к соответствующей цифровой экосистеме относятся следующие элементы:

1. Цифровое пространство, которое работает по принципу «одного окна», предоставляющее доступ к совокупности различных сервисов и услуг, может быть «материализовано» в качестве единой цифровой публичной платформы, имеющей сложную структуру, объединяющей множество элементов, либо единого кабинета.

2. Совокупность информации и данных в оцифрованном формате, причем объем таких данных позволяет использовать термин «Big Data», аккумуляция данных осуществляется в рамках единого цифрового пространства.

3. Инфраструктура, представляющая собой совокупность различных программных продуктов, сервисов, информационных систем, аналитических систем, новых технологий (искусственный интеллект, роботизацию процессов, аналитику данных и иных новейших технологий), способных взаимодействовать между собой, т.е. быть интегрированными, а также способных самостоятельно предоставлять конкретные услуги, осуществлять сбор, обработку и обмениваться информацией и данными.

4. Сфера функционирования, которой может являться определенный рынок либо направление.

5. Нормы, правила, стандарты, договоры, которые регулируют отношения между всеми субъектами, взаимодействующими с экосистемой, а также функционирование самой экосистемы. [6]

Таким образом, публичная цифровая платформа существенно отличается от цифровой платформы частного типа целью создания и деятельности – вопреки приведенному выше мнению исследователей, именно целью, поскольку функциональное назначение у обоих типов платформ по сути одинаковое – обеспечение взаимодействия различных субъектов. Между тем данное взаимодействие осуществляется в различных целях: для публичных платформ – создание общественной ценности; для частных – систематическое получение прибыли от организации посредничества между частными субъектами.

Помимо цели при разграничении цифровых платформ следует также руководствоваться критерием публичности, означающего с формальной точки зрения наличие властного субъекта в качестве участника соответствующего отношения, урегулированного публичными отраслями права и с сущностной – функционирование в целях обеспечения наиболее оперативного и беспрепятственного осуществления конституционных прав граждан (создание общественной ценности).

Исходя из таких целей цифровую платформу публичного типа можно определить, в частности, как одну из форм реализации своих полномочий органами публичной власти в целях формирования общественной ценности в виде реализации конституционных прав путем обеспечения взаимодействия органов власти с гражданами и юридическими лицами.

Соответственно приведенному выводу цифровая платформа публичного типа отличается от государственной информационной системы прежде всего обязательным элементом платформы – наличием материально-воплощенного полезного результата взаимодействия владельца платформы и стороннего субъекта, который может выражаться, к примеру, в виде предоставления государственной или муниципальной услуги. В случае же с ГИС мы имеем дело с прямолинейным предоставлением информации без возможности какого-либо значимого для адресата информации взаимодействия с владельцем платформы.

Литература

1. Митрофанов В. А., Шоханова О.С. Цифровые платформы государственных услуг: проблемы, возможности, иллюзии // Вестник ГУУ. 2018. № 7;
2. Стырин Е. М., Дмитриева Н.Е., Синятуллина Л.Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4;
3. Терещенко Л.К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // «Журнал российского права», 2024, № 9;
4. Кабацкая Е.А. Цифровая платформа в сфере судебной деятельности: понятие, признаки, обеспечение надлежащего функционирования // «Российский судья», 2024, № 8;
5. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е.Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022;
6. Антропцева И.О. Цифровая экосистема государственного аудита Счетной палаты Российской Федерации «Финансовое право», 2024, № 2.

ISSUE OF PUBLIC DIGITAL PLATFORMS

Plokhikh S.A.

National Research Tomsk State University

Currently, the doctrine has formed an extensive number of classifications of digital platforms. Meanwhile, the question of the characteristics of public digital platforms remains extremely relevant, serving at the same time as criteria that would allow distinguishing between public and private digital platforms, provided that the position on the market nature of digital platforms is dominant in the literature. Due to the presence of such a question, this paper presents the main features of public-type digital platforms as an independent type of digital platforms.

Objective: to define criteria for distinguishing public digital platforms with related concepts based on the identification of significant features of such platforms.

Methods: abstraction, comparative legal, systemic.

Results and conclusions: the main features of a public-type digital platform are identified, the basis for classifying digital platforms into private and public ones is highlighted.

Keywords: digital platform, public digital platform.

References

1. Mitrofanov V. A., Shokhanova O.S. Digital platforms of public services: problems, opportunities, illusions // Bulletin of the State University of Management. 2018. No. 7;
2. Styryin E. M., Dmitrieva N.E., Sinyatullina L. Kh. State digital platforms: from concept to implementation // Issues of public and municipal administration. 2019. No. 4;
3. Tereshchenko L.K. Digital platforms: approaches to regulation // "Journal of Russian Law", 2024, No. 9;
4. Kabatskaya E.A. Digital platform in the field of judicial activity: concept, features, ensuring proper functioning // "Russian judge", 2024, No. 8;
5. Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects / ed. E.G. Streltsova. M.: Infotropic Media, 2022;
6. Antroptseva I.O. Digital ecosystem of state audit of the Accounts Chamber of the Russian Federation "Financial Law", 2024, No. 2.

Регулирование имущественных правоотношений собственников инвестиционного пая и управляющей компании

Пожидаев Юрий Петрович,

аспирант, кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
E-mail: Y.p.pozhidaev@gmail.com

Статья посвящена анализу правовой природы инвестиционного пая и паевого инвестиционного фонда (ПИФ) в свете современных правовых норм.

В статье рассматривается изменение понятия документарности ценных бумаг и его влияние на юридическое восприятие формы инвестиционного пая, а также признаки формальности и презентации.

Далее автор анализирует права, удостоверяемые инвестиционным паем, и его сходство с долей в праве собственности. В статье делается вывод, что инвестиционный пай представляет собой согласие инвестора на присоединение к договору доверительного управления ПИФом и подтверждает право на долю в имуществе, но не удостоверяет право общей долевой собственности.

В заключении автор рассматривает правовую природу паевого инвестиционного фонда (ПИФ) как имущественного комплекса, анализируя особенности доверительного управления имуществом ПИФ и взаимоотношения между управляющей компанией и пайщиками. В статье отмечается, что ПИФ, являясь самостоятельной правовой категорией, требует дальнейшего развития законодательного регулирования.

Ключевые слова: паевой инвестиционный фонд, ценные бумаги, инвестиционный пай, долевая собственность, закрытый паевой инвестиционный фонд.

Анализ правовой природы инвестиционного пая в контексте эволюции законодательства о ценных бумагах Российской Федерации требует детального рассмотрения, особенно учитывая изменения, внесенные в Гражданский кодекс в 2013 году. Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» определяет инвестиционный пай как именную ценную бумагу, удостоверяющую право на долю в имуществе паевого инвестиционного фонда, право на доверительное управление со стороны управляющей компании, а также право на получение денежной компенсации при прекращении договора доверительного управления. Однако, чтобы полноценно понять правовую сущность инвестиционного пая, необходимо оценить, насколько он соответствует критериям классической ценной бумаги в свете современных правовых норм. В соответствии с статьей 143 ГК РФ (в редакции до 2 июля 2013 года), ценная бумага характеризовалась тремя ключевыми признаками: документарная форма, формальность и удостоверение имущественных прав. Реализация или передача прав, удостоверенных ценной бумагой, была возможна только при ее предъявлении. В 2013 году, Федеральным законом № 142 была изменена классификация ценных бумаг на документарные и бездокументарные, каждому виду были присвоены отдельные определения и критерии. Несмотря на то, что законодательное определение инвестиционного пая относит его к ценным бумагам, обеспечивая формальное соответствие, требуется проведение более глубокого анализа и оценки того, насколько он соответствует всем признакам классической ценной бумаги в свете изменений, внесенных в законодательство в 2013 году. Только такой подход позволит определить истинную правовую природу инвестиционного пая и обеспечить его эффективное регулирование в современных условиях.

Рассматривая признак документарности ценной бумаги, важно отметить консенсус среди ученых: ценная бумага, прежде всего, является письменным документом. Некоторые авторы подчеркивают, что в раннем законодательстве термин «документ» использовался для обозначения как материального носителя информации, так и самой информации, зафиксированной в ценной бумаге. В настоящее время, согласно статье 1 Федерального закона от 29 декабря 1994 года № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», документ определяется как физический носитель, содержащий информацию, оформленную в соответствии с установленными реквизитами и формой [19, с. 43–44].

Это изменение в понимании термина «документ» повлияло на юридическое восприятие формы ценных бумаг.

Ранее различными учеными обсуждался вопрос о разделении этих объектов [20, с. 37], но в последствии проблема была решена на законодательном уровне с принятием новой редакции статьи 142 ГК РФ.

При изменениях статьи 142 ГК РФ законодателем была принята позиция, согласно которой то, что способ регистрации это вторичный, а первичным выступает факт того, что ценная бумага удостоверяет права. С этого момента становится очевидным что ценная бумага стала не самим правом а отражением определенного вида обязательства.

Отдельного внимания заслуживает признак презентации ценной бумаги, означающий, что она должна предъявляться для осуществления или передачи прав по ней. Этот признак тесно связан с ранее рассмотренными признаками документарности. В случае с бездокументарными ценными бумагами, признак презентации частично утрачивает свою актуальность, поскольку самой по себе бездокументарной ценной бумаги в материальном смысле не существует, а формальные признаки такие как, имя эмитента бездокументарной ценной бумаги зафиксировано, а также имя владельца ценной бумаги зафиксировано исключительно в специализированном реестре на основании этого становится очевидным, что признаком бездокументарной инвестиционный пай не обладает и обладать не может поскольку не могут быть предъявлены в материальном плане [16, С. 273–275].

Главный признак ценной бумаги – удостоверение ею обязательственных и иных прав. Во время действия старой редакции ГК РФ в научном сообществе велись дискуссии.

В то же время, согласно настоящей редакции статьи 142 ГК, так как ценные бумаги удостоверяют обязательственные и иные права на основании данной позиции законодателя можно сделать вывод, что, справедливо предположить, что они могут удостоверить в том числе и вещные права [6, с. 30].

Однако в текущем законодательстве не обращено прямого внимания на закрепления за ценными бумагами вещных прав, ряд авторов упоминает о невозможности закрепления абсолютного права по отношению к любому виду ценных бумаг [10, с. 12].

Поскольку инвестиционный пай является ценной бумагой считаем важным рассмотреть, какие именно права могут быть удостоверены с помощью инвестиционного пая.

Надо отметить, что в науке по поводу правовой природы инвестиционных паев сосуществуют противоположные точки зрения.

Некоторые авторы сходятся во мнении что инвестиционный пай отражает имущественное право, через имущество входящее в паевой инвестиционный фонд.

Ряд других авторов что инвестиционный пай является исключительно правом требования по отно-

шению к имуществу переданному под управление управляющей компанией.

Законодателем было определено, что имущество ПИФа принадлежит владельцам инвестиционных паев на основании режима общей долевой собственности.

Но в этот же момент законодателем установлен ряд ограничений для этой конструкции в рамках инвестиционного пая поскольку по логике законодателя они являются владельцами имущественного комплекса в связи с чем ограничены в следующих правомочиях: разделить имущество паевого инвестиционного фонда и правом преимущественной покупки в случае, если один из участников захочет продать свой инвестиционный пай.

Профессор Липановский подчеркивает, что специфика бездокументарных ценных бумаг лишает смысла право общей долевой собственности вещного характера, поскольку право на раздел имущества и выдел доли в натуре неотделимо от концепции института долевой собственности как вещно-правовой конструкции.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что инвестиционный пай удостоверяет исключительно обязательственные права, суть которых определяется договором с управляющей компанией, заключенным при образовании паевого фонда.

Однако необходимо отметить, что не все авторы придерживаются этой точки зрения. Некоторые считают, что инвестиционный пай все же представляет вещные права по отношению к паевому инвестиционному фонду [8, с. 16–35].

Таким образом становится очевидным что правовая природа инвестиционного пая как ценной бумаги скорее приближена к трактовке В.А. Белова чем к классическому легальному определению данному в Российском законодательстве потому что его создание и существование направлено исключительно на получение прибыли и уменьшает процесс распоряжения имуществом до минимума.

Суть концепции инвестиционного пая заключается в создании паевого инвестиционного фонда для привлечения средств от разнообразных инвесторов, с целью дальнейшей их аккумуляции и минимизации инвестиционных рисков. Основываясь на данном факте мы понимаем, что огромную роль в Паевом инвестиционном фонде играет договор доверительного управления. А отношения всех остальных участников фонда, инвесторов регулируются через долевую собственность, таким образом мы понимаем, что в правовой основе паевого инвестиционного фонда лежит 2 основных института.

Следовательно, возникает вопрос о схожести между инвестиционным паем и долей в праве собственности в структуре Паевого инвестиционного фонда.

И, хотя законодатель Российской Федерации классифицирует инвестиционный пай как прямую ценную бумагу, он не соответствует основным признакам таких бумаг, нам необходимо проанализировать, насколько концепция доли в праве соб-

ственности соответствует предоставляемому инвестиционному паю [17, с. 269–272].

На первый взгляд ответ на этот вопрос кажется очевидным, исходя из самого определения слова «пай», которое означает долю, а также из легального определения, которое также включает в себя понятие доли в праве собственности. Согласно этим определениям, инвестиционный пай можно рассматривать как документ, подтверждающий право на долю в собственности.

Законодательство Российской Федерации рассматривает долю в праве собственности как объект гражданского права. Исходя из этого, можно сделать вывод, что можно называть инвестиционный пай долей в праве собственности только в том случае, если все признаки, характеризующие долю в праве собственности, действительно совпадают.

В зависимости от вида паевого фонда, паи разных инвестиционных паев предполагают разный объем и содержание прав, удостоверяемых ими. Можно сказать, что объем прав, удостоверяемых паем, определяет вид паевого инвестиционного фонда: открытый, закрытый, биржевой или интервальный.

Инвестиционный пай открытого инвестиционного фонда представляет из себя совокупность из специальных правомочий.

Владельцы инвестиционного пая наделены ограниченным рядом прав такими как право требования погашения пая и получения компенсации, которая по размеру соответствует имуществу, находящемуся на доверительном управлении у управляющей компании, данное требование можно предъявить в любой рабочий день.

Отличие же интервальных фондов в условиях возможности предъявления требований эти ограничения становятся очевидными исходя из самого понятия слово интервальный.

Если рассматривать правомочия владельцев паев биржевых инвестиционных фондов, специфика заключается в том, что управляющая компания назначает уполномоченное лицо, которое по требованию владельца пая в любой рабочий день продаёт лицу то или иное количество инвестиционных паев, а также покупает их по его же требованию в рамках требований, установленных договором доверительного управления имуществом биржевого ПИФа.

Рассмотренные права, которые удостоверяет инвестиционный пай, по своей природе являются либо имущественными, либо неимущественными, но связанными с последними. Можно утверждать, что инвестиционный пай в контексте исследования тяготеет к акции, хотя сам не является эмиссионной ценной бумагой [11, с. 269–272], так как для акции характерны похожие удостоверяемые права: право получать дивиденды, право участвовать в управлении, право получить компенсацию в случае ликвидации.

Некоторые права, удостоверяемые паем, вытекают из условий договора, сторонами которого является учредитель паевого инвестиционного

фонда и управляющая компания. Такими правами являются право требования управления имуществом должным образом и право участия на общих собраниях. Так как присоединение к договору доверительного управления ПИФом происходит путем приобретения пая, в основе процедуры удостоверения прав лежит сам инвестиционный пай. Возможно, такой механизм не совсем сочетается с нормами законодательства (п. 2 ст. 432 ГК РФ), так как права учредителя доверительного управления по модели такого договора в ГК возникают на основании заключенного в письменном виде договора, среди способов письменного заключения не указано присоединение к договору путем приобретения пая.

Таким образом, анализ правовой природы инвестиционного пая на предмет соответствия требованиям ГК к ценным бумагам позволяет прийти к выводу о том, что инвестиционный пай отнюдь не по всем признакам относится к ценным бумагам как правовая конструкция. Анализ показал, что инвестиционный пай не обладает признаками документарности, формальности и презентации. Можно сказать, что инвестиционный пай является соглашением его приобретателя и владельца на присоединение к договору доверительного управления ПИФом и является подтверждением права на долю в имуществе, не удостоверяя в то же время право общей долевой собственности на имущество, находящееся в составе активов, предоставляя лишь право на получение от этого имущества выгоды или получения компенсации этого имущества при ликвидации паевого инвестиционного фонда.

Из легального определения паевого инвестиционного фонда (ПИФ), предоставленного пунктом 1 статьи 10 Федерального закона «Об инвестиционных фондах», вытекает, что ПИФ не является юридическим лицом, но при этом представляет собой обособленный имущественный комплекс, состоящий из имущества, переданного в доверительное управление специализированной аккредитованной управляющей компании.

Данная квалификация частично соотносится с положениями Гражданского кодекса РФ, а именно с пунктом 1 статьи 1013, устанавливающим, что предприятия и другие имущественные комплексы могут быть объектами доверительного управления.

Однако, несмотря на длительность существования данной правовой структуры, четкого представления о правовой природе ПИФ в Российском законодательстве так и не сформировано.

В соответствии со статьей 132 ГК РФ, под имущественным комплексом понимается предприятие, которое как объект прав представляет собой имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности.

Также имущественный комплекс не нашел отражения в ст. 128 ГК РФ, в которой поименованы и установлены объекты гражданских прав. Возможно отсутствие прямого указания на такой объект прав как имущественный комплекс допуще-

но специально, так как законодатель относит его к категории «иного имущества», но данное предположение противоречит с фактом существования ст. 132.

Закрытый фонд обычно представляет собой публично торгуемую инвестиционную компанию, которая привлекает фиксированную сумму капитала посредством первичного публичного предложения путем выпуска ограниченного количества акций. Поскольку фонд структурирован как юридическое лицо, он котируется на фондовой бирже, что позволяет продавать его акции (в отличие от открытого фонда) на бирже.

В этой ситуации акционеры, желающие выкупить или сдать акции, не могут продать акции обратно Компании, но должны договориться о продаже акций напрямую третьему лицу. Точно так же потенциальный инвестор может приобрести именные акции закрытого фонда только у продающего акционера.

В правовой науке сосуществуют множество различных концепций понимания правовой природы ПИФа.

Как было верно отмечено Е.А. Сухановым, российский законодатель в поисках новых источников финансирования, экономики которые смогли бы заменить и дополнить стандартные и привычные банковские вклады и акции использовал довольно неудачно скопированный правовой институт паевых инвестиционных фондов, который в видоизмененном виде попал в российское право и так и не смог в полной мере приспособиться к общим положениям национального законодательства [18, с. 161].

Одним из подходов к определению правовой природы паевого инвестиционного фонда (ПИФ) является рассмотрение его как совокупности обязательственных и вещных отношений, формирующих общую долевую собственность. Данная концепция основывается на формальном толковании законодательства, в частности, определения инвестиционного пая как ценной бумаги, удостоверяющей право на долю в имуществе ПИФа.

В этом контексте, ПИФ представляет собой не просто набор активов, а сложную систему взаимоотношений между участниками инвестиционного процесса. Инвесторы, владеющие инвестиционными паями, обладают правом на долю в имуществе фонда, но при этом не являются собственниками конкретных активов, входящих в состав фонда. Их права определяются обязательственными отношениями с управляющей компанией, которая несет ответственность за управление активами фонда.

Таким образом, концепция ПИФ как совокупности обязательственных и вещных отношений, формирующих общую долевую собственность, предполагает комплексный подход к анализу правовой природы фондов, учитывая как вещные права инвесторов на долю в имуществе фонда, так и обязательственные отношения с управляющей компанией.

Вторую позицию можно сформулировать так: ПИФ приравнивается к имущественному комплексу, на который не действуют положения ст. 132 ГК. В то же время ученые подчеркивают, что было бы нецелесообразно допускать в правовом поле приравнивание недвижимого имущества к предпринятию [12, с. 222].

Однако ПИФ как единый имущественный комплекс является объектом лишь обязательно-го права, как уточняет Е.А. Суханов, поэтому эта позиция даже с внесением изменений в ГК РФ не состоятельна.

Согласно третьей позиции [10, с. 157], инвестиционные фонды следует рассматривать как самостоятельную правовую категорию, отдельных объектом гражданских прав наряду с имущественным комплексом. На наш взгляд, данная позиция наиболее верна и «полезна» для дальнейшего развития законодательства, ведь признание самостоятельного характера ПИФа как правовой категории позволяет законодателю регулировать данный объект гражданских прав на основе специального законодательства.

Подводя итог анализа правовой природы паевого инвестиционного фонда очевидным образом, напрашивается ряд выводов:

Паевой инвестиционный фонд, который квалифицируется как имущественный комплекс целиком и полностью отвечает всем существующим и потенциально образованным признакам термина имущественный комплекс, а также отвечает всем общим признакам объекта гражданского права.

Таким образом возникает проблема в праве собственности пайщика(инвестора) по отношению к имуществу паевого инвестиционного фонда ведь при передаче имущества в созданный фонд, пайщик теряет право на объект, переданный в паевой инвестиционный фонд, и получает долю на весь имущественный комплекс.

Пайщик по факту теряет право на долю в первоначальном объекте, а имеет только право на долю во всем имущественном комплексе, и реально существующим объектом гражданского права выступает уже не первоначальный объект а доля на весь имущественный комплекс, таким образом реальным объектом гражданского права уже выступает право требования на денежную компенсацию инвестиционного пая.

Смысл существования Паевого инвестиционного фонда и как следствие инвестиционного пая заключается в возможности привлечения финансирования от множества различных инвесторов с последующей диверсификацией данных инвестиций для минимизации риска инвесторов.

Огромную роль в управлении паевого инвестиционного фонда играет договор доверительного управления. А отношения всех остальных участников фонда, инвесторов регулируются через долевую собственность [7, с. 10–13].

Особый порядок регистрации прав на недвижимое имущество входящее в состав паевого инвестиционного фонда регулируется Приказом Феде-

ральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр).

Имущество, внесенное в паевой инвестиционный фонд, принадлежит инвесторам на праве общей долевой собственности. Управляющая компания в интересах инвесторов осуществляет доверительное управление этим имуществом [15, с. 70].

С точки зрения обратимости процесса внесения имущества в инвестиционный фонд имеет минус для инвесторов, желающих выделения имущества в натуральном выражении своей доли из имущества фонда. Выдел в натуре доли пайщика невозможен. При этом держатели инвестиционных паев солидарно несут риск убытков, возникающий в связи со снижением рыночной стоимости активов, из которых сформирован паевой инвестиционный фонд.

Статья 15 Федерального закона «Об инвестиционных фондах» закрепляет принцип обособленности активов ПИФ, обеспечивая их отдельное управление и предотвращая возможность несанкционированного использования или смешения с другими активами. Это является важным элементом защиты интересов инвесторов и обеспечения прозрачности функционирования ПИФ.

Для активов, внесенных в паевой инвестиционный фонд, управляющей компанией ведется самостоятельный учет на основании организованного компанией отдельного баланса.

Существуют определенные тонкости в организации доверительного управления имуществом паевых инвестиционных фондов, которые необходимо рассмотреть для общего понимания достоинств доверительного управления и рисков, связанных с этим процессом.

Субъекты определенных исключительных корпоративных прав, к которым можно отнести уполномоченных лиц по бездокументарным ценным бумагам или патентообладателей могут стать учредителями доверительного управления. Так же учредителями могут выступить и иные обладатели обязательственных прав, в частности это относится к вкладчикам банков и других финансовых учреждений, акционеры, соответственно, акционерных обществ, обладатели авторских прав. Это обосновано тем, что они владеют активами, которые представляют корпоративные права, права требования и исключительные объекты прав могут передаваться в доверительное управление. Такие возможности имеют закрепление в Гражданском кодексе РФ в части первой статьи 1013.

Взаимоотношения между управляющими и доверившими им активы пайщиками регулируются условиями договора, заключенного между сторонами. Договор должен содержать основополагающие условия, касающиеся прав и взаимных обязанностей [13, с. 79–82].

Пай действительно представляет долю не только в чистых активах ПИФа, которые могут быть не тождественны и не аналогичны реальному размеру ПИФа, из данного момента вытекает, что пай скорее служит для исчисления денежного требо-

вания к ПИФу, чем показателем реальной доли в этом ПИФе и скорее напоминает право требования, чем право собственника [13, с. 143].

Учитывая вышесказанное напрашивается очевидный вывод, что несмотря на большое количество преобразований в законодательстве, которое касается паевых инвестиционных фондов, дальнейшая переработка данного института – это скорее вопрос времени, чем надобности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
2. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации 2001. № 49. ст. 4562.
3. Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации 8.07.2013 г. № 27. ст. 3434.
4. Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (ред. от 01.05.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 02.01.1995 г. № 1 ст. 1
5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 20.07.2015 г. № 29. ст. 4344.
6. Абдулкадыров С.С. Ценная бумага как объект гражданского оборота // Рос. судья. 2009. № 6. С. 30.
7. Аглиева Ю.Р. Особенности правового положения паевых инвестиционных фондов на современном этапе // правовая мысль. 2020. № 11. С. 10–13.
8. Бевзенко Р.С. Система способов передачи прав на ценные бумаги // Вестник ВАС РФ. 2008. № 7. С. 16–35.
9. Белов В.А. Общие положения о ценных бумагах: некоторые юридические заблуждения // Законодательство. 2009. № 2. С. 12.
10. Биджиев А.Х. Паевой инвестиционный фонд как имущественный комплекс // Юриспруденция. 2010. № 3 С. 157.
11. Богданов А. Переход на «единый инвестиционный пай» // Рынок ценных бумаг. 2016. № 19. С. 50.
12. Доронина Н. Г., Семилютина Н.Г. Проблемы и пути развития российского инвестиционного законодательства // Журнал российского права. 2015. № 6 С. 222.

13. Емакулова Д.У. Коллективные инвестиции в России // научные диалоги в эпоху инновационных преобразований общества. 2023. С. 79–82.
14. Ефимова Ю.С. Паевой инвестиционный фонд в системе вещных и обязательственных правоотношений // дис. ... канд. юрид. наук. В., 2019. С. 143.
15. Лукьянченко Д.В. Паевые инвестиционные фонды в гражданских правоотношениях // дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 70.
16. Митченко Д.А. Инвестиционные паи и их характеристика // Евразийское научное объединение № 63/2020 С. 273–275.
17. Митченко Д.А. Коллективное инвестирование: паевые инвестиционные фонды // Евразийское научное объединение № 69/2020 С. 269–272.
18. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. // М.: Статут, 2017. С. 161.
19. Шеховцев Д.С. Залог инвестиционных паев // Право и экономика. 2002. № 12. С. 43–44.
20. Юлдашбаева Л.Р. Правовое регулирование оборота эмиссионных ценных бумаг (акции, облигации). // М.: «Статут». 1999. С. 37.

REGULATION OF PROPERTY RELATIONS BETWEEN OWNERS OF INVESTMENT SHARES AND THE MANAGEMENT COMPANY

Pozhidaev Yu.P.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article explores the legal nature of investment shares and mutual investment funds (MIFs) in light of contemporary legal norms. The article examines the change in the concept of documentarity of securities and its impact on the legal perception of the form of investment shares, as well as the characteristics of formality and presentation.

The author then analyzes the rights conferred by investment shares and their resemblance to shares in property rights. The article concludes that investment shares represent an investor's agreement to join a trust agreement for a MIF, confirming the right to a share in the property, but not establishing the right of joint ownership. Finally, the author considers the legal nature of mutual investment funds (MIFs) as property complexes, analyzing the specifics of trust management of MIF property and the relationship between the management company and investors. The article highlights that MIFs, as an independent legal category, require further development of legislative regulation.

Keywords: mutual fund, securities, investment unit, equity ownership, closed-end mutual fund.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 № 51-FZ (ed. from 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 32. art. 3301.
2. Federal Law of 29.11.2001 № 156-FZ 'On Investment Funds' (with amendments and additions, effective from 08.08.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. art. 4562.
3. Federal Law of 02.07.2013 № 142-FZ 'On Amending Subsection 3 of Section I of Part I of Part I of the Civil Code of the Russian Federation' // Collected Legislation of the Russian Federation 8.07.2013. № 27. art. 3434.
4. Federal Law of 29.12.1994 № 77-FZ 'On the compulsory copy of documents' (ed. of 01.05.2022) // Collected Legislation of the Russian Federation of 02.01.1995 № 1 art. 1
5. Federal Law of 13.07.2015 № 218-FZ 'On State Registration of Real Estate' (ed. of 08.08.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation of 20.07.2015 № 29. art. 4344.
6. Abdulkadyrov S.C. Securities as an object of civil turnover // Ros. judge. 2009. № 6. С. 30.
7. Aglieva Y.R. Peculiarities of the legal status of unit investment funds at the present stage // legal thought. 2020. № 11. С. 10–13.
8. Bevzenko R.C. System of ways of transferring rights to securities // Vestnik VAS RF. 2008. № 7. С. 16–35.
9. Belov V.A. General provisions on securities: some legal misconceptions // Legislation. 2009. № 2. С. 12.
10. Bidzhiev A.H. Unit investment fund as a property complex // Jurisprudence. 2010. № 3 С. 157.
11. Bogdanov A. Transition to the 'single investment unit' // Securities Market. 2016. № 19. С. 50.
12. Doronina N. G., Semilyutina N.G. Problems and ways of development of the Russian investment legislation // Journal of Russian Law. 2015. № 6 С. 222.
13. Emakulova D.U. Collective investments in Russia // Scientific dialogues in the era of innovative transformations of society. 2023. С. 79–82.
14. Efimova Y.S. Unit investment fund in the system of proprietary and obligatory legal relations // Dis. ... kand. jurid. nauk. B., 2019. С. 143.
15. Lukyanchenko D.V. Mutual funds in civil legal relations // Dis. ... kand. juridical sciences. M., 2014. С. 70.
16. Mitchenko D.A. Investment shares and their characteristics // Eurasian scientific association № 63/2020 P. 273–275.
17. Mitchenko D.A. Collective investment: unit investment funds // Eurasian Scientific Association № 69/2020 P. 269–272. 269–272.
18. Sukhanov E.A. Vestnoe pravo: nauchno-cognitive sketch. // M.: Statut, 2017. С. 161.
19. Shekhovtsev D.S. Pledge of investment units // Law and Economics. 2002. № 12. С. 43–44.
20. Yuldashbaeva L.R. Legal regulation of the turnover of equity securities (shares, bonds). // M.: 'Statute'. 1999. С. 37.

Расширение пределов гражданско-правовой ответственности владельца агрегатора: на примере нарушения интеллектуальных прав при реализации контрафактной продукции

Сомова Ольга Владимировна,

студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)
E-mail: o.somova@g.nsu.ru

Моисеенко Светлана Андреевна,

студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ)
E-mail: s.moiseenko@g.nsu.ru

Статья посвящена проблеме ограниченного характера гражданско-правовой ответственности владельца агрегатора информации о товарах (услугах). Актуальность выбранной темы обусловлена большим количеством законодательных инициатив, а также многочисленными нарушениями прав продавцов и покупателей, что подтверждается российской правоприменительной практикой. В рамках исследования детально проанализирован вопрос о разграничении гражданско-правовой ответственности владельца агрегатора и продавца в случае нарушения интеллектуальных прав. Основной акцент в работе сделан именно на случаях реализации контрафактной продукции на маркетплейсах. В целях исследования проведен широкий анализ судебной практики, а также рассмотрен зарубежный опыт правового регулирования защиты интеллектуальных прав на примере Китайской Народной Республики. Выводы исследования заключаются в том, что существует необходимость расширения пределов гражданско-правовой ответственности владельца агрегатора в рамках защиты интеллектуальных прав правообладателей. Авторами предложены конкретные меры совершенствования законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: владелец агрегатора, интеллектуальные права, интеллектуальная собственность, гражданско-правовая ответственность, информационный посредник, контрафакт.

В настоящее время можно констатировать, что правовое регулирование субъектов цифровых правоотношений является актуальной темой. Особый интерес к данным субъектам гражданского права обусловлен как динамичным развитием отрасли электронной торговли, так и тем, что их правовой режим основан на законах, возникших задолго до их появления. Владельцы агрегаторов информации о товарах (услугах) также входят в категорию данных субъектов права, а вопрос об их ограниченном характере гражданско-правовой ответственности до сих пор носит дискуссионный характер в правовой доктрине.

Фактическая безответственность владельца агрегатора и связанные с ней проблемы в судебной практике по поводу распределения бремени ответственности между ним и продавцом обусловлены двумя основными факторами.

Во-первых, это недостаточность правового регулирования деятельности владельца агрегатора в отношении его гражданско-правовой ответственности. Так, согласно п. 2.1 ст. 12 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [1], его ответственность связана лишь с обязанностью по предоставлению полной и достоверной информации потребителям. За исполнение договора, по общему правилу, ответственность несут продавцы, даже в случае, когда убытки возникли по вине владельца агрегатора. Данная особенность обусловлена также тем, что владельцы агрегаторов зачастую самостоятельно ограничивают свою ответственность посредством закрепления соответствующих условий в оферте [2, с. 233].

Во-вторых, это сложная правовая природа взаимоотношений владельца агрегатора с остальными участниками данных правоотношений. Такая особенность, главным образом, связана с трансформацией основных принципов гражданского оборота в условиях стремительной цифровизации общества [3, с. 131], которые применяются в договорных отношениях между владельцем агрегатора, продавцами и покупателями. Так, анализируя судебную практику, можно наблюдать определенное нивелирование принципа добросовестности, которое связано как с широкой властью и доминирующим статусом владельца агрегатора, так и автоматизацией самого процесса сделки. Ввиду данного обстоятельства в настоящее время до сих пор остались неурегулированными многие вопросы, касающиеся правового статуса владельца агрегатора,

в том числе по поводу определения его ответственности за нарушение прав на интеллектуальную собственность.

Несмотря на длительный процесс выработки сбалансированного правового регулирования деятельности владельцев агрегаторов, количество нарушений прав потребителей растет в геометрической прогрессии. В последнее время наиболее актуальной темой является распространение контрафактной продукции на платформе владельца агрегатора. В судебной практике можно выделить два подхода, касающихся привлечения владельца агрегатора к ответственности в сфере интеллектуальной собственности.

Итак, первый подход заключается в том, что владелец агрегатора в случае нарушения интеллектуальных прав признается информационным посредником в соответствии со ст. 1253.1 Гражданского Кодекса РФ [4]. Стоит отметить, что данная норма предполагает особые условия освобождения информационного посредника от ответственности. Поэтому в большом количестве случаев бремя гражданско-правовой ответственности полностью возлагается на продавца. Отнесение владельца агрегатора к категории информационного посредника является довольно дискуссионным вопросом, поэтому в доктрине существуют различные точки зрения по поводу квалифицирующих признаков данного субъекта. Например, Д.В. Лоренц выделяет три основных признака информационного посредника:

- 1) создание условий, обеспечивающих гражданский оборот;
- 2) пассивность в отношении контента;
- 3) наличие технологической возможности по удалению нелегального контента путем его удаления или прекращения доступа к нему [5, с. 161].

С учетом того, что данные характеристики вполне присущи владельцу агрегатора, можно сделать вывод, что он является информационным посредником в данных правоотношениях. Кроме того, это подтверждает многочисленная судебная практика, например, распространенность признания информационными посредниками таких крупных владельцев агрегаторов, как «Wildberries» (ООО «Вайлдберриз») и «Ozon» (ООО «Интернет Решение»). Суд по интеллектуальным правам прокомментировал такое признание следующим образом: владелец агрегатора – это «витрина», выполняющая функцию посредника между продавцом и покупателем [6].

Однако признание владельца агрегатора информационным посредником может различаться в зависимости от конкретных обстоятельств судебного дела. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 10 (абз. 2 п. 78) обратил внимание на то, что наделение владельца агрегатора статусом информационного посредника зависит от его активной роли в размещении контента о товаре, а также от наличия непосредственного дохода от неправомерного размещения такого контен-

та [7]. Исходя из этого, существенная переработка контента, а также получение доходов владельцем агрегатора лишают его статуса информационного посредника и в таком случае стоит рассмотреть вторую позицию относительно характера ответственности владельца агрегатора.

Второй подход в судебной практике подразумевает солидарную ответственность владельца агрегатора и продавца. Реализация данного подхода является редкой в сфере правоприменительной практики и зависит от особых обстоятельств конкретного дела. Например, привлечение судом ООО «Wildberries» к солидарной ответственности было мотивировано тем, что владелец агрегатора был осведомлен о неправомерности использования товарного знака [8]. Еще один случай, связанный с привлечением владельца агрегатора и продавца в качестве соучастников к солидарной ответственности, был сопряжен с тем, что в публичной оферте ООО «Вайлдберриз» был указан в лице продавца [9]. В то же время стоит отметить, что второй подход, сложившийся в судебной практике, является скорее исключением из правил, нежели распространенной практикой.

Итак, неоднозначный характер судебной практики по данному вопросу показал, что привлечение владельца агрегатора к ответственности непосредственно зависит от конкретных обстоятельств дела и соответствующих доказательств, а также от степени его участия в процессе сделки. Однако в настоящее время заметна тенденция урегулирования данного вопроса в целях формирования единообразного подхода судов. Стоит отметить, что потребность в унификации государственных стандартов, касающихся цифровых платформ владельцев агрегаторов, обусловлена также распространением специальных инструментов разрешения споров, таких как «Цифровой Арбитраж» и «личные кабинеты брендов» [10]. Безусловно, данные способы урегулирования споров, связанных с нарушением права интеллектуальной собственности, являются более оперативными, однако степень реагирования владельцев агрегаторов на такие требования правообладателей также не является единообразной, что вызывает недовольство у большого количества правообладателей, а впоследствии и покупателей.

Наряду с этими условиями необходимо проанализировать гражданско-правовую ответственность владельца агрегатора в условиях параллельного импорта. Регулирование данных правоотношений является новым явлением в силу своего недавнего закрепления в рамках правового поля. Так, в связи с общественными изменениями, произошедшими в 2022 году и введением санкций в отношении Российской Федерации, у нашего государства возникла потребность в стабилизации экономики и укреплении сферы малого и среднего бизнеса. Одним из проявлений таких мер была легализация параллельного импорта в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 213-ФЗ [11]. Данную новеллу законодательства можно охарактеризо-

вать как проявление видоизмененного принципа исчерпания исключительного права, имея в виду, что, по сравнению с традиционным принципом, закрепленном в ст. 1487 ГК РФ, товары вводятся в гражданский оборот именно с согласия государства и без согласия правообладателя. В данной ситуации возникает вопрос: обязан ли владелец агрегатора самостоятельно мониторить нарушения прав третьих лиц и осуществлять блокировку продавцов-правонарушителей?

В судебной практике можно найти следующий ответ на поставленный вопрос, опираясь на Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 июня 2023 г.: обязанность владельца агрегатора по мониторингу всех потенциальных нарушений прав на товарные знаки третьих лиц не предусмотрена законодательством, а значит не соответствует его статусу как информационного посредника [12]. Однако в данный момент обсуждается идея о предоставлении владельцам агрегаторов доступа к Государственному реестру товарных знаков и знаков обслуживания в рамках разработки законопроекта «О платформенной экономике» [13]. При реализации данных мер пределы гражданско-правовой ответственности владельца агрегатора будут значительно расширены.

Для того, чтобы оценить необходимость привлечения владельца агрегатора к ответственности за нарушение интеллектуальных прав, стоит рассмотреть зарубежный опыт правового регулирования. Примером активного развития правового регулирования цифровых правоотношений является Китайская Народная Республика. В законодательстве данной страны особое внимание уделено правовому режиму владельцев агрегаторов, которые имеют статус операторов цифровых платформ. Так, в соответствии с Законом КНР «Об электронной коммерции» закреплен солидарный характер ответственности оператора цифровой платформы и продавца, подкрепленный требованием к оператору о недопущении продажи контрафактных товаров. Как и в России, помимо судебного порядка разрешения споров с правообладателями, в Китае предусмотрены досудебные механизмы защиты интеллектуальных прав на платформе, однако отличительной особенностью является закрепление обязанности оператора платформы по контролю и активному пресечению правонарушений, связанных с контрафактом [14, с. 296]. Представляется, что данное законодательное требование является эффективным инструментом в защите интеллектуальных прав как в порядке досудебного производства, так и непосредственно в ходе судебного процесса, так как значительно сокращает ситуации незаконного использования чужих товарных знаков.

В заключение следует отметить назревшую необходимость расширения пределов гражданско-правовой ответственности владельца агрегатора. Данная идея обусловлена не только большим количеством нарушений прав правообладателей, но и потребителей, являющихся слабой стороной

в рассматриваемых отношениях. Предоставление доступа к Государственному реестру товарных знаков владельцам агрегаторов без закрепления четкой обязанности по контролю и активному пресечению правонарушений в сфере интеллектуальной собственности представляется малоэффективным способом решения данной проблемы. Поэтому отечественному законодателю следует также добавить обязанность по мониторингу за контрафактной продукцией на своей платформе. Опираясь на опыт Китая, привлечение владельцев агрегаторов к солидарной ответственности кажется наиболее разумным решением в связи с острой необходимостью снижения рисков всех участников цифровых правоотношений.

Литература

1. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
2. Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8. № 2. С. 231–240.
3. Волос А.А. Проблемы реализации принципа добросовестности в условиях цифровизации гражданского оборота // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 6 (199). С. 128–137.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
5. Лоренц Д.В. Информационные посредники (провайдеры) в России и зарубежных странах: природа, сущность и типология // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 5. С. 136–163.
6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 июня 2022 г. № С01–712/2022 по делу № А40–154619/2020 [Электронный ресурс]. URL: Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 18.10.2024).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Рос. газета. 2019. 6 мая.
8. Решение Арбитражного суда Московской области от 1 сентября 2021 г. по делу № А41–85375/20 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/f2NsbKKEK1Y3/> (дата обращения: 18.10.2024).
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06 ноября 2020 г. по делу А40–302888/2019 [Электронный ресурс]. URL: Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 19.10.2024).
10. Цифровой арбитраж на Wildberries: что делать, если вы получили жалобу от правообладателя.

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/gardium/guide/obrashchenie-pravoobladatelya-wildberries/> (дата обращения: 20.10.2024).

11. Федеральный закон от 28.06.2022 № 213-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2022. № 27. Ст. 4614.
12. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 июня 2023 г. № С01–921/2023 по делу № А41–25531/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ywY5c5UzRFJv/> (дата обращения: 19.10.2024).
13. Минэк определил ответственность маркетплейсов за нарушение интеллектуальных прав [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/10/16/1068942-minek-opredelil-otvetstvennost-marketpleisov-zanarushenie-intellektualnih-prav> (дата обращения: 21.10.2024).
14. Алексеенко, А.П. Правовой статус оператора платформы электронной коммерции в КНР // *Правоведение*. 2024. Т. 68, № 2. С. 284–302.

EXPANDING THE LIMITS OF CIVIL LIABILITY OF THE OWNER OF AN AGGREGATOR: USING THE EXAMPLE OF VIOLATION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS IN THE SALE OF COUNTERFEIT PRODUCTS

Somova O.V., Moiseenko S.A.
Novosibirsk State University

The article is devoted to the problem of the limited nature of the civil liability of the owner of the aggregator of information about goods (services). The relevance of the chosen topic is due to the large number of legislative initiatives, as well as numerous violations of the rights of sellers and buyers, which is confirmed by Russian law enforcement practice. The study analyzes in detail the issue of distinguishing the civil liability of the owner of the aggregator and the seller in case of violation of intellectual property rights. The main focus of the work is on cases of sale of counterfeit products on marketplaces. For the purpose of the study, a broad analysis of judicial practice was carried out, as well as the foreign experience of legal regulation of intellectual property rights protection on the example of the People's Republic of China was considered. The conclusions of the study are that there is a need to expand the limits of civil liability of the owner of the aggregator within the framework of protecting the intellectual rights of copyright holders. The authors propose specific measures to improve legislation in the field of intellectual property.

Keywords: owner of the aggregator, intellectual rights, intellectual property, civil liability, information intermediary, counterfeit.

References

1. Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-I “On the Protection of Consumer Rights” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 3. Art. 140.
2. Abrosimova E.A. On the issue of contractual liability of marketplaces // *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 8. No. 2. Pp. 231–240.
3. Volos A.A. Problems of implementing the principle of good faith in the context of digitalization of civil circulation // *Lex Russica (Russian Law)*. 2023. Vol. 76, No. 6 (199). Pp. 128–137.
4. Civil Code of the Russian Federation. Part Four. Federal Law of December 18, 2006 No. 230-FZ // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 52 (Part 1). Art. 5496.
5. Lorenz D.V. Information intermediaries (providers) in Russia and foreign countries: nature, essence and typology // *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2020. No. 5. Pp. 136–163.
6. Resolution of the Intellectual Property Court of June 15, 2022 No. S01–712/2022 in case No. A40–154619/2020 [Electronic resource]. URL: Reference legal system “Garant” (date of access: 10/18/2024).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 “On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation” // *Ros. newspaper*. 2019. May 6.
8. Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region of September 1, 2021 in case No. A41–85375/20 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/f2NsbKKEK1Y3/> (date of access: 10/18/2024).
9. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of November 6, 2020 in case A40–302888/2019 [Electronic resource]. URL: Reference legal system «Garant» (date of access: 10/19/2024).
10. Digital arbitration on Wildberries: what to do if you received a complaint from the copyright holder. [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/gardium/guide/obrashchenie-pravoobladatelya-wildberries/> (date of access: 20.10.2024).
11. Federal Law of 28.06.2022 No. 213-FZ “On Amending Article 18 of the Federal Law “On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2022. No. 27. Art. 4614.
12. Resolution of the Intellectual Property Court of June 16, 2023 No. S01–921/2023 in case No. A41–25531/2022 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ywY5c5UzRFJv/> (date of access: 19.10.2024).
13. The Ministry of Economic Development determined the liability of marketplaces for violating intellectual property rights [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/10/16/1068942-minek-opredelil-otvetstvennost-marketpleisov-zanarushenie-intellektualnih-prav> (date of access: 21.10.2024).
14. Alekseenko, A.P. Legal status of an e-commerce platform operator in the PRC // *Jurisprudence*. 2024. Vol. 68, No. 2. P. 284–302.

Стебаев Александр Александрович,

аспирант, кафедра интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: tvoyiurist@mail.ru

Владелец правомерно введенного в гражданский оборот экземпляра программы для ЭВМ в силу факта его приобретения наделяется установленным статьей 1280 ГК РФ объемом прав по использованию программы (право пользователя), который определяется не только через императивные, но и через диспозитивные нормы. Поскольку последние предполагают возможность, как сужения, так и расширения установленного законом объема правомочий по использованию программы, право пользователя представляет собой неоднозначную юридическую категорию, правовая квалификация которой вызывает особый научный интерес. В этой связи в рамках настоящей статьи раскрывается вопрос о сути и содержании права пользователя программы как правовой категории. Итогом настоящего исследования стал вывод автора о том, что право пользователя представляет собой особое интеллектуальное право, которое может быть отнесено к группе иных интеллектуальных прав.

Ключевые слова: права пользователя, пользователь программы, компьютерная программа, экземпляр программы, лицензионный договор.

Обеспечение баланса публичных и частных интересов, определенно, является одной из ключевых задач законодателя, что особо актуально применительно к интересам по поводу объектов, охраняемых в режиме авторского права (в том числе, программ для ЭВМ). Правовой основой охраны частного интереса является сформулированное в абзаце третьем пункта 1 статьи 1229 ГК РФ правило, устанавливающее общий запрет на использование объектов авторского права, который преодолевается получением согласия правообладателя. Функцию обеспечения охраны публичных интересов общества в лице субъектов, не являющихся правообладателями, выполняет регламентированный статьями 1273–1279 ГК РФ перечень исключений из правила об общем запрете. Баланс публичных и частных интересов в данном случае построен по юридической формуле «использование не допускается, если иное не предусмотрено законом». Закрепление в законе ряда исключений из общего правила о запрете использования позволяет в рамках правоприменительной деятельности обосновано разграничить правомерное (направленное на удовлетворение публичного интереса) и неправомерное (представляющее собой посягательство на частный интерес) поведение субъектов.

Конкретным случаем исключения из правила об общем запрете является основание использования, сформулированное в пункте 1 статьи 1273 ГК РФ, которое может быть применено субъектами лишь в случае правомерного, то есть санкционированного самим правообладателем обнародования объекта авторского права. Несмотря на то, что именно санкционированное правообладателем обнародование объекта в данном случае выступает в качестве ключевого юридического факта, безусловно, его недостаточно для сохранения баланса публичных и частных интересов. В этой связи законом регламентирован набор из четырех квалифицирующих признаков, к которым помимо факта правомерного обнародования объекта авторского права относится правовой статус использующего такой объект субъекта (гражданин), способ использования (воспроизведение) и цель использования (удовлетворение личного (некоммерческого) интереса). В случае отсутствия хотя бы одного из указанных признаков использование объекта авторского права без согласия правообладателя не будет являться правомерным.

Очевидно что законодатель регламентируя способы свободного использования в обязательном порядке учитывает специфику того или иного объекта авторского права, поскольку иное повлекло бы за собой нарушение баланса публичных

и частных интересов. В этой связи законодатель абсолютно справедливо в подпункте третьем пункта 1 статьи 1273 ГК РФ прямо исключил применимость рассмотренного выше исключения из общего правила к случаям использования программ для ЭВМ. Представляется, что иное повлекло бы за собой, по сути, лишение правообладателя программы исключительного права на нее, поскольку главная ценность программы как раз таки и заключается в ее использовании по функциональному назначению, что в полной мере охватывается личной целью, в связи с чем, применительно к программам законодателем выбран кардинально иной подход. Функцию обеспечения публичных интересов в данном случае выполняет регламентированное статьей 1280 ГК РФ право пользователя владельца экземпляра программы.

Правовая квалификация такой конструкции как «право пользователя» до сих пор остается не до конца понятной. С одной стороны, право пользователя может быть квалифицировано как частный случай свободного использования, однако системный анализ применимых норм позволяет констатировать возможность квалификации «права пользователя» в качестве самостоятельного интеллектуального права.

Правомерное владение выступает в качестве ключевого основания для возникновения права пользователя. Данное условие будет соблюдено в случае, когда приобретенный пользователем экземпляр программы для ЭВМ был введен в гражданский оборот самим правообладателем или с согласия последнего. В этом смысле такой юридический факт как «правомерное введение экземпляра программы в гражданский оборот» выступает в качестве правового основания для наделения лиц, которые в дальнейшем такой экземпляр приобрели, регламентированным законом объемом правомочий по его использованию.

В соответствии с правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации регламентированной статьей 1280 ГК РФ объем правомочий принадлежит только правомерно владеющему экземпляром программы лицу, в связи с чем, в случае отчуждения экземпляра прежний его владелец должен удалить программу из памяти принадлежащей ему ЭВМ [4, пункт 101]. Таким образом, поскольку право пользователя закрепляется лишь за одним лицом (владельцем экземпляра) и лишь на период владения таким экземпляром, срок владения установленным статьей 1280 ГК РФ объемом правомочий (то есть срок обладания правом пользователя) равен сроку владения пользователем самим экземпляром.

Обозначенное выше обстоятельство дает вполне разумное основание для того, чтобы усомниться в абсолютной правильности и однозначности квалификации права пользователя в качестве частного случая свободного использования объекта авторского права. Ведь ни один из иных случаев свободного использования не предполагает в своей диспозиции настолько тесную связь объекта ав-

торского права с его материальным выражением в форме экземпляра, которым владеет конкретное лицо. Напротив, в случае с правом пользователя именно факт обладания самим экземпляром программы выступает в качестве юридического обоснования возможности использовать программу в установленном законом объеме правомочий. Кроме того, в качестве дополнительного аргумента выступает то обстоятельство, что ни один из иных случаев свободного использования не устанавливает временные границы их реализации, а вот право пользователя такие границы имеет. Наконец, поскольку экземпляр программы представляет собой вещь, в случае смерти его владельца соответствующий экземпляр программы также так и иное имущество входит в состав наследственной массы и, соответственно, переходит к наследнику вместе с правом пользователя, которое с таким экземпляром неразрывно связано.

Принимая во внимание, что законом перечень интеллектуальных прав исчерпывающим образом не ограничен, право пользователя можно квалифицировать в качестве самостоятельного интеллектуального права, которое неразрывно связано с экземпляром программы для ЭВМ, а потому может переходить от одного лица к другому по предусмотренным законом основаниям, но лишь вместе с правом собственности на экземпляр.

Представляется, что выше было приведено более чем достаточно аргументов для квалификации права пользователя в качестве самостоятельного интеллектуального права. Однако вместе с тем следует признать и тот момент, что право пользователя в отличие от иных интеллектуальных прав (в частности, в отличие от права следования и права доступа), далеко не характеризуется своей абсолютностью, поскольку границы такого права в определенной части подвижны и определяются исходя из воли правообладателя.

Использование законодателем в статье 1280 ГК РФ формулировок «если иное не предусмотрено договором» позволяет констатировать, что с пользователем может быть заключен договор, условиями которого границы права пользователя могут быть смещены в сторону сужения или расширения правомочий по использованию программы. Чаще всего соответствующий договор заключается в упрощенном, то есть регламентированном пунктом 5 статьи 1286 ГК РФ порядке с особым правилом о сроке действия договора, который также как и право пользователя по общему правилу действует до отчуждения экземпляра программы [4, пункт 103].

В объем правомочий пользователя (владельца) правомерно введенного в гражданский оборот экземпляра программы для ЭВМ входит:

1) осуществление действий, необходимых для функционирования программы, в том числе, в ходе ее использования в соответствии с функциональным назначением (включая ее запись и хранение в памяти ЭВМ, осуществление действий по адаптации, исправление явных ошибок) (подпункт 1 пункта 1 статьи 1280 ГК РФ);

2) изготовление копии программы для архивных целей или замены непригодного либо утерянного экземпляра (подпункт 2 пункта 1 статьи 1280 ГК РФ);

3) осуществление действий по изучению, исследованию или испытанию функционирования программы в целях определения идей и принципов, лежащих в основе ее элементов (пункт 2 статьи 1280 ГК РФ);

4) осуществление действий по декомпилированию программы (пункт 3 статьи 1280 ГК РФ).

Последние три упомянутых выше правомочия регламентированы императивными нормами закона, что означает невозможность их ограничения условиями заключаемого с пользователем договора. Что касается первого правомочия, то оно регламентировано диспозитивной нормой закона, а потому его предметные границы во многом зависят от условий заключаемого между пользователем и правообладателем договора, что может создавать определенные проблемы.

Возможность использования программы по ее функциональному назначению выступает в качестве главной причины приобретения пользователем экземпляра соответствующей программы. Согласитесь, для обычного пользователя нет абсолютно никакого смысла в приобретении программы, которая не может выполнять те функции, ради которых она и приобреталась (например, антивирус или удаленный ассистент). Приобрести программу, которая не выполняет свой функционал, все равно, что приобрести машину, на которой не заводится двигатель. В этой связи представляется, что условия, ограничивающие возможность использования пользователем программы по ее функциональному назначению, соответствующему самому роду такой программы, должны признаваться ничтожными, однако с учетом того, что такой вывод не следует из действующей редакции подпункта 1 пункта 1 статьи 1280 ГК РФ, потребуются соответствующие корректировки законодательства.

В заключение следует сказать, что наличие в составе права пользователя (владельца) экземпляра программы диспозитивного элемента, который предполагает определимость части правомочий исходя из условий договора с правообладателем, совсем не означает, что данная часть правомочий «выпадает» из права пользователя как самостоятельного интеллектуального права. Как раз таки наоборот, определяемые исходя из условий договора с правообладателем правомочия, точно также как и регламентированные императивными нормами закона абсолютными правомочиями, составляют незаменимую часть права пользователя и на этом основании переходят в составе права пользователя лишь вместе с переходом права собственности на экземпляр соответствующей программы.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: Феде-

ральный закон от 30 ноября 1994 г., № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.: подписан Президентом России 30 ноября 1994 г.: в ред. от 24 июля 2023 года // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.08.2024);

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26 января 1996 г., № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 декабря 1995 г.: подписан Президентом России 26 января 1996 г.: в ред. от 24 июля 2023 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2024);

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г., № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 ноября 2006 г.: подписан Президентом России 18 декабря 2006 г.: в ред. от 30 января 2024 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2024);

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2024).

REGULATION OF THE CONTENT OF THE USER'S RIGHT TO A COMPUTER PROGRAM

Stebaev A.A.

Kutafin Moscow State Law University

The owner of a copy of a computer program lawfully put into civil circulation, by virtue of the fact of its acquisition, is endowed with the scope of rights to use the program established by Article 1280 of the Civil Code of the Russian Federation (user's right), which is determined not only through imperative, but also through dispositive norms. Since the latter imply the possibility of both narrowing and expanding the scope of legal powers to use the program, the user's right is an ambiguous legal category, the legal qualification of which is of particular scientific interest. In this regard, within the framework of this article, the question of the essence and content of the right of the user of the program as a legal category is disclosed. The result of this study was the author's conclusion that the user's right is a special intellectual right that can be attributed to a group of other intellectual rights.

Keywords: user rights, user of the program, computer program, copy of the program, license agreement.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) [Electronic resource]: Federal Law of November 30, 1994, N 51-FZ: adopted by the State Duma on October 21, 1994: signed by the President of Russia on November 30, 1994: as amended. dated July 24, 2023 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 25/08/2024);
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) [Electronic resource]: Federal Law of January 26, 1996, N 14-FZ: adopted by the State Duma on December 22, 1995: signed by the President of Russia on January 26, 1996: as amended. dated July 24, 2023 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 25/08/2024);
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four) [Electronic resource]: Federal Law of December 18, 2006, N 230-FZ: adopted by the State Duma on November 24, 2006: signed by the President of Russia on December 18, 2006: as amended. dated January 13, 2023 // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 25/08/2024);
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/23/2019 N 10 "On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 25/08/2024).

Модель регулирования цифровых экосистем кредитных организаций в целях обеспечения экономического суверенитета Российской Федерации

Туманова Анна Евгеньевна,

аспирант, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

E-mail: tumanova_ann@mail.ru

Исследование посвящено анализу моделей регулирования цифровых экосистем, формируемых кредитными организациями, с акцентом на их влияние на экономический суверенитет Российской Федерации. В работе освещается актуальность создания и развития цифровых экосистем кредитных организаций, обусловленная быстрым темпом технологических изменений и потребностью в адаптации финансовой сферы к современным условиям. Цифровые экосистемы, содействующие интеграции различных сервисов и платформ, способствуют повышению операционной эффективности и улучшению качества обслуживания клиентов, что ведет к снижению издержек и укреплению финансовой стабильности государства. В рамках исследования рассматриваются теоретические основы формирования цифровых экосистем кредитных организаций, анализируются существующие модели их регулирования, а также выявляются и обсуждаются основные проблемы, связанные с реализацией этих моделей в целях обеспечения экономического суверенитета государства.

Ключевые слова: модели регулирования, цифровые экосистемы, кредитные организации, цифровые технологии, экономический суверенитет, цифровая экономика.

Введение

Актуальность формирования цифровых экосистем кредитных организаций обусловлена быстрым развитием технологий и цифровизацией общества, где банки, преобразуя свои операции и расширяя спектр услуг, обеспечивают клиентам удобный и эффективный доступ к финансовым продуктам. Содействуя интеграции различных сервисов и платформ, экосистемы повышают операционную эффективность, что ведёт к улучшению пользовательского опыта и снижению издержек. Становясь ключевым элементом в реализации экономической стратегии государства, цифровые экосистемы кредитных организаций способствуют укреплению финансовой стабильности, развитию частного предпринимательства и обеспечению экономического суверенитета, что особенно важно в условиях глобальных экономических вызовов и политической нестабильности.

Целью работы является исследование моделей регулирования цифровых экосистем кредитных организаций в целях обеспечения экономического суверенитета Российской Федерации на современном этапе.

Для достижения цели были поставлены **задачи исследования:**

- исследовать теоретические основы формирования цифровых экосистем кредитных организаций;
- рассмотреть различные модели регулирования цифровых экосистем, формируемых кредитными организациями;
- проанализировать проблемы реализации модели регулирования цифровых экосистем на базе кредитных организаций в целях обеспечения экономического суверенитета государства.

Объект исследования составляют правовые отношения в сфере регулирования деятельности цифровых экосистем, формируемых кредитными организациями.

Предмет исследования составляют правовые нормы, регламентирующие данные отношения, а также позиции ученых, исследователей данной проблематики.

Методология исследования включает в себя общенаучные и научно-исследовательские методы познания такие как анализ, синтез, методы дедукции и индукции, а также формально-логический и системно-структурный методы.

Научная новизна состоит в исследовании моделей регулирования цифровых экосистем кредитных организаций в целях обеспечения экономического суверенитета государства.

Значимость результатов исследования состоит в том, что теоретико-правовые положения могут способствовать выработке рекомендаций по совершенствованию регулирования деятельности цифровых экосистем на базе кредитных организаций в целях обеспечения экономического суверенитета Российской Федерации.

Теоретические основы формирования цифровых экосистем кредитных организаций

Современный банковский сектор характеризуется рядом тенденций, среди которых выделяется усложнение принципов построения бизнес-структур, однако наиболее значимым направлением является акцент на создание экосистем. Эти экосистемы представляют собой комплексно организованные сети взаимосвязанных сервисов и продуктов, которые интегрируются в единую платформу, предоставляющую широкий спектр услуг от финансовых до непосредственно коммерческих и даже образовательных функций [9, с. 143].

Принципиальное новшество данных структур заключается в их способности охватывать различные аспекты жизни и бизнеса, создавая таким образом условия для устойчивого развития и синергии между участниками экосистемы. Организации всех масштабов и отраслей, от технологических гигантов до региональных банков, стремятся развивать свои экосистемы, поскольку это позволяет им не только удерживать клиентов в рамках одного «пространства» предложений, но и генерировать новые источники дохода за счет кросс-продаж и оптимизации внутренних процессов.

Концептуально экосистемы банков и корпораций трансформируют традиционное взаимодействие между финансовыми учреждениями и клиентами, переопределяя его в контексте «всеобъемлющей сервисной модели», где финансовые услуги интегрируются с коммерческими предложениями, укрепляя таким образом лояльность клиентов и их вовлечённость.

В перспективе эти экосистемы могут выступать в качестве ключевых системных субъектов экономики, оказывая значительное влияние на социально-экономический ландшафт страны, поскольку они формируют новые модели потребления, предпринимательства и социального взаимодействия, что позволяет предположить, что развитие и интеграция экосистем будет продолжаться оставаться в фокусе стратегического развития не только банков, но и других секторов экономики.

Анализируя текущее состояние банковской отрасли, обнаруживается, что она находится на пути глубокой трансформации, обусловленной влиянием стремительно развивающихся цифровых технологий. Проникающие в каждый сегмент повседневной жизни, эти технологии вынуждают кредитные организации не только пересмотреть существующие подходы к ведению бизнеса, но и осуществлять адаптацию к новым реалиям. Цифровая трансформация, опираясь на передовые техноло-

гии, включая блокчейн, искусственный интеллект, машинное обучение и анализ больших данных, радикально меняет подходы к обслуживанию клиентов и финансовому мониторингу.

Трансформация финансовых учреждений, наблюдаемая в последнее время, приводит к смещению ранее стабильных позиций, вследствие чего традиционные операционные методы становятся недостаточными для соответствия возрастающим требованиям клиентов к доступности, скорости и персонализации услуг. Это, в свою очередь, стимулирует кредитные организации не просто к внедрению нововведений в сфере технологий, но и к стремлению разрабатывать и внедрять всеобъемлющие экосистемы, способные объединять множество сервисов. Становление таких экосистем позволяет создавать мультифункциональные платформы, предоставляющие клиентам возможность проведения разнообразных финансовых и смежных с ними операций.

В контексте цифровой революции и изменений в предпочтениях потребителей, банковская система не только приспособляется к изменениям, но и играет активную роль в создании новой экономической среды. В этом новоиспеченном экономическом ландшафте цифровые экосистемы набирают статус ключевых двигателей экономического развития, ускоряя темпы роста и предоставляя инновационные решения для всестороннего удовлетворения потребностей клиентов.

Рыночная реакция в сфере банковских услуг, преобразованная под воздействием меняющихся потребительских ожиданий и появления инновационных технологических участников, ведет к заметным корректировкам в привычных методах предоставления финансовых сервисов. Замечается, что ключевым фактором в этой динамике является создание экосистем, которые, по мнению экспертов, открывают революционные перспективы не только для банковской, но и для корпоративной среды в общем масштабе. Составляя сложные сетевые конструкции взаимозависимых услуг и продуктов, экосистемы предоставляют компаниям стратегические преимущества, удерживая клиентов внутри собственных платформ и одновременно расширяя ассортимент доступных им предложений.

Интегрируя различные бизнес-модели и технологии в единый организм, эти экосистемы не просто укрепляют маркетинговые позиции участвующих в них фирм, но и повышают доходность за счёт кросс-продаж и улучшения пользовательского опыта. Это не только помогает бизнесу адаптироваться к текущим рыночным изменениям, но и активно формировать новые стандарты, что значительно расширяет его конкурентные преимущества.

Перед лицом подобных масштабных изменений в банковском секторе, необходимо осуществлять не только технологический переворот, но и глубокий пересмотр корпоративной культуры и бизнес-стратегий. Подобные действия становятся неотъемлемой частью стратегического развития компаний, что критически важно для удержания лидиру-

ющих позиций в нестабильных условиях современного экономического пространства.

Как отмечает Ш.Ш. Узденов, термин «экосистема» встречается в правовых актах, но его толкование существенно зависит от контекста применения [10, с. 46]. Проведенный анализ указывает на то, что экосистему можно определить как:

- совокупность услуг и решений, предоставляемых в рамках федерального проекта; включает сервисы, организационные и правовые механизмы, работающие в единой системе с целью повышения производительности труда и уровня «цифровой зрелости» предприятий за счет внедрения отечественного программного обеспечения, включая инженерное и промышленное [6];
- совокупность финансовых услуг, продуктов и инфраструктуры, которые взаимодействуют между собой [4];
- совокупность в определённой степени интегрированных цифровых сервисов и/или цифровых платформ [5];
- комплексные структуры, которые включают различные финансовые и нефинансовые услуги, предоставляемые на платформах, созданных крупными компаниями или банками [7];
- партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ [1];
- комплекс цифровых сервисов и инфраструктур [2];
- комплекс сервисов и инфраструктуры, создаваемых на базе цифровой платформы [3];
- клиентоцентричная бизнес-модель, которая создает дополнительную ценность, предлагая пользователям удобство и/или финансовую привлекательность за счет использования одной или более технологических платформ [8].

В юридических документах понятие «экосистема», не обладая строгостью и унификацией определения, тем не менее, допускает выделение ключевых атрибутов, которые можно обнаружить в многочисленных толкованиях термина. Экосистема обычно воспринимается как комплексная интегрированная сеть услуг и платформ, объединяющая сервисы, структурные элементы организации, юридические инструменты и технологические инновации, действующие согласованно в достижении таких целей, как усиление эффективности и продвижение цифровой зрелости компаний.

Отличительной чертой экосистем является их способность предоставлять всеобъемлющие и удобные решения для конечных пользователей, снабжённые такими атрибутами, которые упрощают возможность идентификации и ассоциации предлагаемых услуг с данной экосистемой. Способствуя формированию ценности для клиента, они обеспечивают удобство и экономическую выгоду, используя клиентоцентричный подход и объединяя в себе разнообразие цифровых платформ и технологических решений, что позволяет дости-

гать высокого уровня пользовательского удовлетворения и лояльности.

Обобщая вышеизложенное, экосистема в контексте банковских и корпоративных услуг может быть определена как многоуровневая и мультифункциональная платформа, состоящая из интегрированной сети сервисов и решений, нацеленных на удовлетворение комплексных потребностей различных групп пользователей и обеспечивающая устойчивое взаимодействие между всеми участниками для достижения общих экономических и социальных целей.

Модель регулирования цифровых экосистем кредитных организаций

Слово «модель» означает абстрактное представление реальных объектов, процессов или концепций, которое используется для их изучения, понимания и прогнозирования поведения. В экономике и управлении такая модель помогает имитировать и анализировать сложные системы, упрощая их до основных компонентов и взаимодействий, что облегчает разработку стратегий управления. В юридической области термин «модель» применяется для описания систематизированной концепции правового регулирования. Эта модель, охватывая комплекс принципов и инструментов, служит для упорядочения отношений между субъектами права, создавая предсказуемые условия для их деятельности. В контексте регулирования цифровых экосистем кредитных организаций модель представляет собой набор правил и стандартов. Разработанная для управления правоотношениями в цифровой экономике, она включает защиту прав потребителей и предотвращение рисков, что способствует финансовой стабильности и поддержанию конкуренции.

Под «моделью регулирования цифровых экосистем кредитных организаций» подразумевается методика, которую применяют государственные регуляторы и другие участники для управления такими системами. Они ищут способы совместить защиту пользователей, стабильность финансов и инновации. Эти модели могут быть разными: от жёсткого контроля до гибкого саморегулирования и сотрудничества. В каждой из них крайне важно обеспечить, чтобы цифровые финансовые практики соответствовали законодательным, безопасным и этическим стандартам. Разные модели регулирования фокусируются на поддержании стабильности и защите прав потребителей, при этом давая простор для развития.

В сфере регулирования цифровых экосистем кредитных организаций выделяют несколько ключевых моделей, каждая из которых ориентирована на удержание стабильности финансовой системы и защиту интересов потребителей, обеспечивая при этом необходимое пространство для развития.

Представим основные подходы к определению моделей регулирования цифровых экосистем кредитных организаций – см. Рисунок 1.

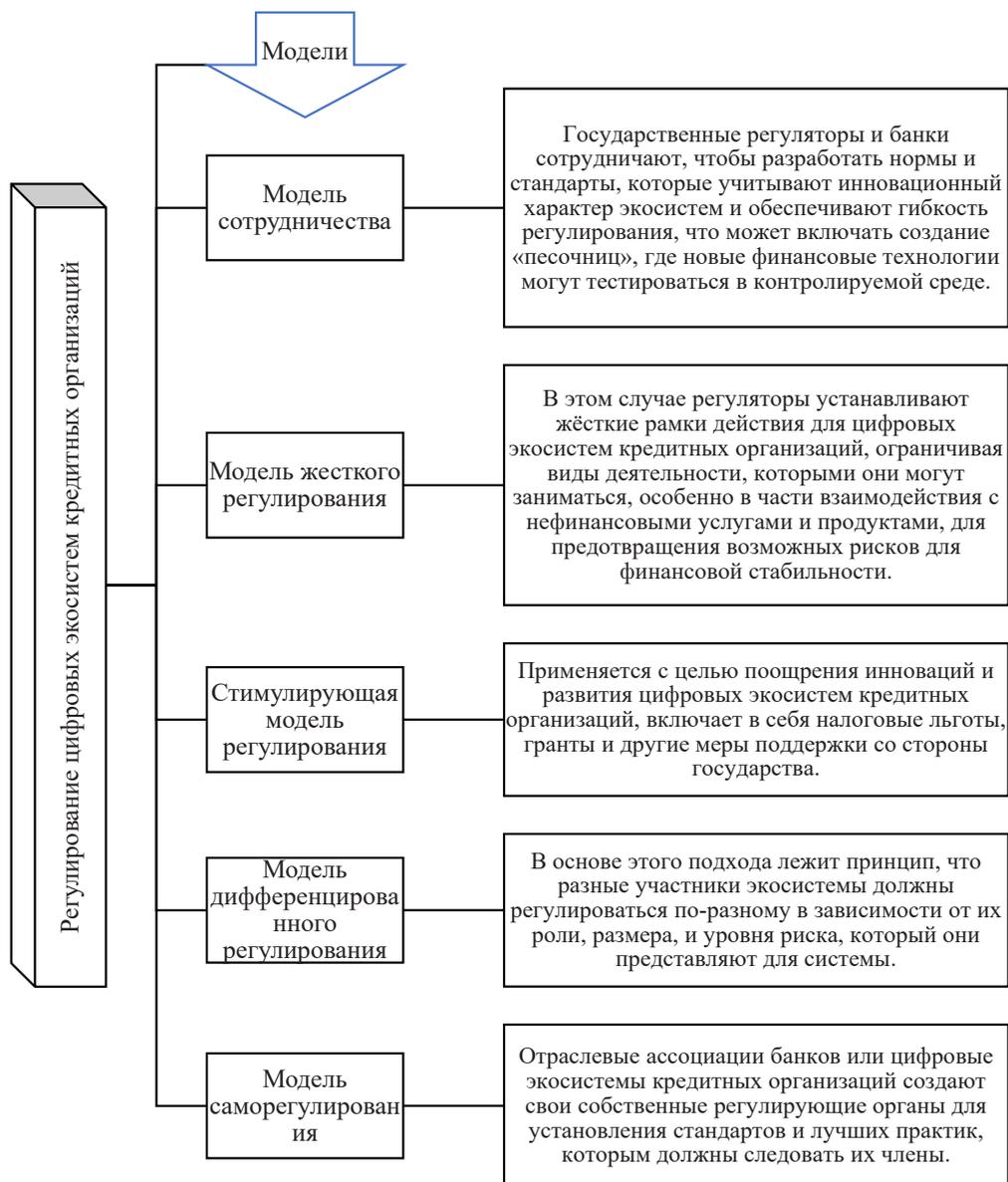

Рис. 1. Модели регулирования цифровых экосистем кредитных организаций

Выбор конкретной модели регулирования зависит от различных факторов, включая структуру экономики, законодательную базу страны, уровень развития финансового рынка, а также цели и задачи государственной политики в области регулирования финансовых инноваций и цифровизации.

Рассмотрим указанные модели подробнее применительно к банковской сфере.

1. Модель сотрудничества в регулировании цифровых экосистем кредитных организаций, отличающаяся адаптивностью к изменяющимся рыночным условиям, служит инструментом баланса между стимулированием инноваций и поддержанием стабильности финансовой системы. Основным элементом этой модели является взаимодействие между регуляторами и финансовыми институтами, направленное на создание правовых рамок и стандартов; модель предусматривает разработку рекомендаций и проведение консультаций с отраслью, что способствует прозрачности и установлению стандартов защиты прав потребителей. Регуляторы, следуя этому подходу, обеспечивают

актуальность нормативной базы, соответствующей требованиям быстроразвивающегося цифрового ландшафта, включая применение передовых технологий.

2. Модель жесткого регулирования цифровых экосистем кредитных организаций, воплощающая принципы консерватизма, подразумевает установление строгих рамок для банковских операций, особенно в секторе нефинансовых услуг и продуктов. Государственные институты, активно предотвращая системные риски, возникающие из-за неконтролируемого применения инновационных, но рискованных финансовых практик, играют ключевую роль в этом процессе. Несмотря на стремление обеспечить высокий уровень безопасности, данная модель может ограничивать инновационный потенциал и снижать конкурентоспособность банков на международном уровне, поскольку излишне строгий надзор тормозит технологическое развитие.

Характерные признаки рассматриваемой модели представим в виде следующей схемы – см. Рисунок 2.

Рис. 2. Ключевые признаки модели жесткого регулирования

3. Стимулирующая модель регулирования в контексте цифровых экосистем кредитных организаций является одним из ключевых подходов, направленных на поддержку инноваций и технологического прогресса в финансовом секторе; подход разрабатывается с целью создания благоприятных условий для развития новых технологий, продуктов и услуг, которые могут способствовать увеличению конкурентоспособности и операционной эффективности финансовых учреждений. Основные аспекты стимулирующей модели регулирования включают в себя следующие элементы:

- налоговые льготы – предоставление налоговых преференций для компаний, занимающихся разработкой и внедрением инновационных финансовых технологий;
- гранты и иные варианты финансирования – государство имеет возможность оказывать финансовую поддержку путем предоставления грантов и инвестиций в стартапы и инновационные проекты в финансовом секторе;
- упрощение процессов лицензирования – в некоторых случаях регуляторы могут упростить или ускорить процедуру получения лицензий для новых финансовых услуг, что снижает административные барьеры для новых игроков рынка.

Стимулирующая модель регулирования стремится к созданию экосистемы, где возможны исследования и инновации, активно поддерживаемые государством. В конечном счете, это способствует устойчивому развитию финансовой индустрии и повышению общей экономической эффективности.

4. Модель дифференцированного регулирования в контексте цифровых экосистем кредитных организаций базируется на понимании, что универсальный подход к регулированию может не всегда эффективно адресовать уникальные риски и потребности различных участников финансовой системы. Рассматриваемая модель предусматривает применение разнообразных регулятивных стандартов, адаптированных к специфике деятельности каждого участника, что позволяет более точно управлять рисками и способствует повышению общей стабильности финансовой системы. Вот основные аспекты этой модели – см. Рисунок 3.

Модель дифференцированного регулирования, таким образом, обеспечивает баланс между необходимостью обеспечения финансовой стабильности и поддержанием здоровой конкурентной среды, способствующей экономическому росту.

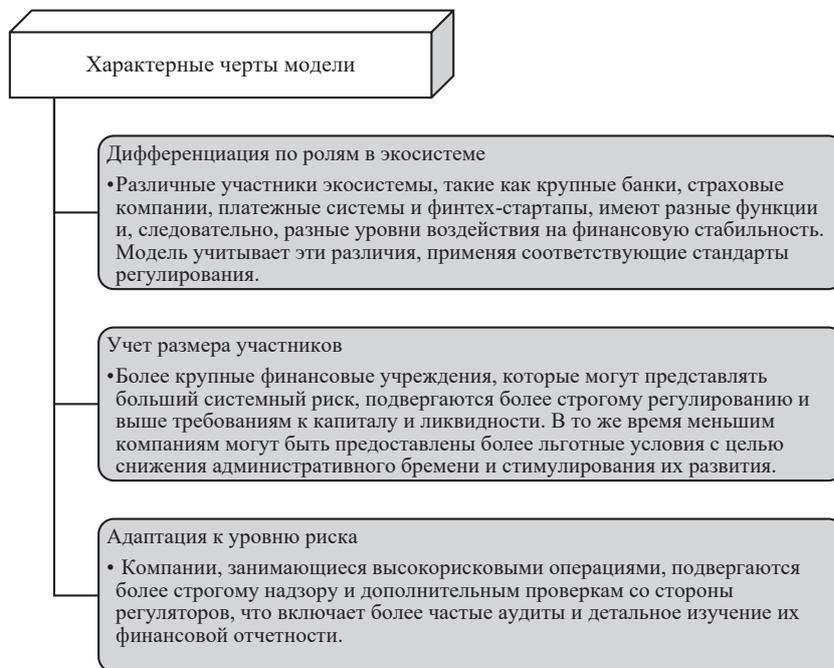

Рис. 3. Характерные черты модели дифференцированного регулирования

5. Модель саморегулирования в банковском секторе представляет собой подход, при котором регулирование осуществляется не на государственном уровне, а на уровне самой отрасли через создание и функционирование специализированных организаций – отраслевых ассоциаций или консорциумов. Рассматриваемые организации берут на себя роль разработки стандартов, кодексов поведения, а также руководящих принципов, которые должны соблюдать все их члены.

Ключевые характеристики представленной модели можно охарактеризовать так:

во-первых, отраслевые ассоциации самостоятельно устанавливают стандарты и практики, что позволяет учесть уникальные особенности и потребности банковской деятельности;

во-вторых, данная модель обеспечивает высокую гибкость и оперативность в вопросах реагирования на изменения в отрасли, что способствует адаптации к текущим рыночным условиям;

в-третьих, саморегулирование снижает регуляторную нагрузку на государственные структуры;

в-четвертых, оно способствует повышению стандартов ответственности в деятельности финансовых учреждений;

в-пятых, саморегулирование способствует развитию профессионального сообщества, его участники могут обмениваться опытом в целях повышения качества работы.

В заключение данного параграфа можно отметить, что разные подходы к регулированию цифровых экосистем кредитных организаций не конкурируют, а, скорее, дополняют друг друга, воплощаясь в сложной иерархической системе управления. В реальной практике регулирования банковской деятельности эти модели обычно применяются комплексно, с учетом специфических задач, стоящих перед каждым конкретным финансовым рынком и его участниками.

Реализация модели регулирования цифровых экосистем кредитных организаций в целях обеспечения экономического суверенитета государства

Суверенитет, олицетворяя высшую власть и независимость государства, находит своё отражение в экономической сфере, где он предполагает не только управление национальной экономикой, но и экономическими ресурсами, контроль над финансовыми рынками, осуществление самостоятельной торговой политики и валютной регуляции, не подверженной внешнему влиянию. Обеспечивая защиту внутреннего рынка и стремясь к технологической независимости, государство способствует укреплению собственных позиций в мировой экономике, что сопровождается развитием национальных инновационных систем и инфраструктур.

В контексте динамично развивающихся цифровых технологий актуальность регулирования цифровых экосистем кредитных организаций в целях экономического суверенитета усиливается в связи с тем, что контроль над цифровой инфраструктурой и данных систем обеспечивает не только стабильность финансовых потоков, но и повышает уровень экономической защищённости. Расширяя функционал платформ электронной коммерции и интегрируя их с финансовыми услугами, государство открывает новые перспективы для малого и среднего бизнеса. Замещение иностранных компаний на внутреннем рынке создает уникальные возможности для развития национальных проектов.

Учитывая наложенные санкционные ограничения и необходимость адаптации к новым вызовам, государство активно занимается разработкой правовой базы для развития цифровой экономики. Такой подход способствует стимуляции роста креди-

тования и восстановлению экономической активности. Соединяя усилия с дружественными странами и развивая международное сотрудничество, особенно в использовании национальных валют, государство укрепляет свои позиции, обеспечивая при этом баланс между рыночной автономией и регулирующим воздействием для достижения национальных экономических целей.

Сегодня развитие платформ электронной коммерции в России заметно трансформирует сферу бизнеса, особенно для малого и среднего предпринимательства. Платформы становятся конкурентами традиционных банков, расширяя свои услуги до финансовых операций, таких как расчетные обслуживания и кредитование. Создание собственных банковских структур на платформах электронной коммерции позволяет им предлагать полноценные финансовые услуги, что делает их более привлекательными для бизнеса, особенно в контексте упрощения доступа к финансовым ресурсам и операциям.

Такое расширение сервисов подталкивает к формированию мощных экосистем, где компании могут получить все необходимые услуги в одном месте, что упрощает и оптимизирует их операционную деятельность.

Еще одним важным фактором формирования цифровых экосистем кредитных организаций со современным этапом является сокращение присутствия иностранных компаний на российском рынке, вызванное различными ограничительными мерами, создало уникальные возможности для национальных платформ. Так, развитие государственных платформенных сервисов и политика в этой области в России направлены на создание удобных и доступных электронных сервисов для граждан и бизнеса. При этом, государство, используя рычаги цифровизации, стремится обеспечить прозрачное и эффективное взаимодействие между гражданами и органами власти, а также способствовать развитию экономики через интеграцию технологических решений. В частности, следует отметить активное развитие таких сервисов, как Система передачи финансовых сообщений (СПФС) – играет ключевую роль в обеспечении платежной независимости страны, особенно в контексте действующих санкций; Единая биометрическая система (ЕБС) – повышает доступность финансовых услуг для потребителей, обеспечивая удаленную идентификацию граждан.

Формирования цифровых экосистем кредитных организаций происходит в русле проводимой государством финансовой политики. Прозрачность политики государства в отношении платформенных сервисов позволяет бизнесу стратегически планировать свои инвестиции, определять направления для разработки собственных решений, и понимать, какие ниши могут быть заняты государственными сервисами и какие останутся открытыми для частных инициатив.

Цифровые сервисы и платформы, разрабатываемые на государственном уровне, ориентирова-

ны на обеспечение необходимых условий для реализации эффективного и включенного государственного управления и предоставления услуг, что включает в себя всестороннюю поддержку различных аспектов жизнедеятельности граждан и предприятий, в том числе и в таких сферах, как здравоохранение, образование, электронная торговля, интеллектуальная собственность.

В контексте регулирования платформенного и экосистемного бизнеса, государство призвано создавать условия для поддержки развития цифровой экономики, с одновременным обеспечением конкурентной среды и защитой прав потребителей и бизнеса.

Таким образом, актуальность водораздела с государственными платформами заключается в необходимости четкого определения ролей и ответственности частного и государственного секторов в сфере цифровизации, что обеспечивает баланс интересов и способствует синергии усилий для достижения общенациональных целей развития.

В ответ на санкционные ограничения 2022 года были временно введены ограничения на движение капитала, целью которых была стабилизация финансового рынка. С нормализацией обстановки данные ограничения начали постепенно сниматься. Важным аспектом текущей политики является развитие правовой базы для новых видов финансовых услуг и интеграция современных технологий.

Тенденции, характерные для 2023 года, в частности, рост кредитования, особенно ипотечного, способствовал экономическому восстановлению, при этом корпоративное кредитование выросло благодаря замещению внешнего долга и восстановлению деловой активности.

Банк России активно отменяет регуляторные послабления, введенные в ответ на санкции, и стимулирует банковское регулирование для поддержки проектов технологического суверенитета. Рынок капитала восстанавливается, с ростом облигационного рынка и акций, при этом увеличивается роль розничных инвесторов из-за ухода иностранных инвесторов.

Банк России и Правительство Российской Федерации продолжают работу по улучшению инфраструктуры финансового рынка, включая цифровой рубль и систему быстрых платежей, что укрепляет платежную независимость России. Вовлечение дружественных стран и развитие международного взаимодействия остаются приоритетными, с фокусом на использование национальных валют в международных расчетах.

Цифровизация и дальнейшее развитие платежной инфраструктуры играют непроходимо важную роль в приспособлении финансового рынка к новым вызовам, учитывая потребности экономики и поддерживая устойчивость в мире глобальных изменений.

Реализация моделей регулирования цифровых экосистем кредитных организаций в целях обеспечения экономического суверенитета государства

представляет собой комплекс мероприятий, направленных на формирование стабильной и самодостаточной финансовой системы.

Развитие платформ электронной коммерции в России, начинающих конкурировать с традиционными банками, предполагает активное регулирование государством. Учитывая особенности национальной экономики и стадию рыночного развития, а также стратегические цели в сфере безопасности и суверенитета, государство должно принимать комплексный подход. Государство, обеспечивая экономический суверенитет через регулирование, должно выбрать модель, которая дифференцирует подходы к разным рыночным игрокам, учитывая их уникальный вклад и риски, и одновременно способствует сотрудничеству частного и государственного секторов для обеспечения динамичного роста экономики.

Стимулируя инновации налоговыми льготами и грантами, государство уменьшает зависимость от иностранных сервисов, укрепляя экономическую независимость. Предоставляя отраслям возможность саморегулирования, оно снижает регуляторную нагрузку и вовлекает ассоциации в процесс установления стандартов, увеличивая ответственность и качество рыночных практик.

В результате, регулирование цифровых экосистем кредитных организаций в России должно идти в направлении создания устойчивой и сбалансированной системы, поддерживающей экономическую стабильность и суверенитет в условиях глобальной трансформации.

Заключение

На основании проведенного исследования стало возможным построить следующие выводы.

1. Анализ теоретических основ цифровых экосистем кредитных организаций подчеркивает важность разработки унифицированного правового поля, учитывающего особенности цифровизации и способствующего интеграции традиционных и новых финансовых услуг. Оптимальное регулирование этих экосистем требует гибкости, масштабируемости и прозрачности, гарантируя равные условия для всех игроков рынка, что ведет к инновационному развитию, защите прав потребителей и общей стабильности системы.

2. Рассмотрение вопросов регулирования цифровых экосистем кредитных организаций для укрепления экономического суверенитета страны указывает на необходимость государственной поддержки независимости внутреннего и международного финансового сектора, развитие национальной платежной системы, стимулирование отечественных инноваций и укрепление связей с союзными государствами.

3. При выборе модели регулирования государству необходимо учитывать широкий спектр факторов: от национально-экономических особенностей до глобальных стратегических задач. Одно из потенциальных решений может заключаться

в использовании комплексного подхода, который объединяет различные модели и создает синергетическую регулятивную среду. Это может способствовать развитию рыночной экономики и активной роли государства в обеспечении стабильности и суверенитета. Более того, такой подход может стимулировать инновации и предпринимательство, при соблюдении баланса интересов всех заинтересованных сторон.

Для обеспечения экономического суверенитета, представляется предпочтительным комплексный подход, сочетающий в себе элементы различных моделей. Государству следует стремиться к созданию синергетической регулятивной среды, где принципы рыночной экономики эффективно сочетаются с активной ролью регулятора в обеспечении экономического суверенитета и стабильности, при этом не подавляя инновационный потенциал и предпринимательскую активность, что предполагает балансирование между поддержкой инноваций, защитой интересов потребителей и предприятий, и поддержанием устойчивого экономического развития.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.01.2023 № 8 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета на обеспечение создания цифровой экосистемы Северного морского пути» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2022 № 2439 (ред. от 08.09.2023) «О государственной поддержке акционерного общества «Российский экспортный центр», г. Москва, в целях создания на базе его цифровой платформы сервисов цифровой экосистемы «Одно окно» в рамках инициативы социально-экономического развития Российской Федерации «Цифровая экосистема «Одно окно» экспортера», внесении изменений в Правила предоставления из федерального бюджета субсидии акционерному обществу «Российский экспортный центр», г. Москва, в целях развития инфраструктуры повышения международной конкурентоспособности и признании утратившими силу некоторых положений актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой ин-

формации.- URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 01.04.2024).

4. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен Правительством Российской Федерации 23.09.2020, протокол № 36, раздел VII) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс».- URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
5. Приказ Росстата от 22.08.2022 № 583 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за использованием цифровых платформ» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс».- URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
6. Приказ Минэкономразвития России от 15.12.2020 № 828 (ред. от 01.09.2023) «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Системные меры по повышению производительности труда», входящего в структуру национального проекта «Производительность труда» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс».- URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
7. Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы (утв. Банком России) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
8. Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы» (Минэкономразвития России, май 2021 г.) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 01.04.2024).
9. Бунова А.Ю. Цифровые экосистемы: необходимость и содержание законодательного регулирования // Журнал российского права. 2024. N 1. С. 143–155.
10. Узденов Ш.Ш. Понятие «банковская экосистема» // Банковское право. 2022. N 3. С. 46–54.

A MODEL FOR REGULATING DIGITAL ECOSYSTEMS OF CREDIT INSTITUTIONS IN ORDER TO ENSURE THE ECONOMIC SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tumanova A.E.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The research is devoted to the analysis of models of regulation of digital ecosystems formed by credit institutions with an emphasis on their impact on the economic sovereignty of the Russian Federation. The paper highlights the relevance of the creation and development of digital ecosystems of credit institutions, due to the rapid pace of

technological change and the need to adapt the financial sector to modern conditions. Digital ecosystems that facilitate the integration of various services and platforms help to increase operational efficiency and improve the quality of customer service, which leads to lower costs and strengthen the financial stability of the state. The research examines the theoretical and legal foundations of the formation of digital ecosystems of credit institutions, analyzes existing models of their regulation, and identifies and discusses the main problems associated with the implementation of these models in order to ensure the economic sovereignty of the state.

Keywords: regulatory models, digital ecosystems, credit institutions, digital technologies, economic sovereignty, digital economy.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030” [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (date of access 01.04.2024).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of 12.01.2023 No. 8 “On approval of the Rules for providing a subsidy from the federal budget to ensure the creation of a digital ecosystem of the Northern Sea Route” [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (date of access 01.04.2024).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 26.12.2022 No. 2439 (as amended on 09/08/2023) “On state support for the Russian Export Center Joint-Stock Company, Moscow, in order to create, on the basis of its digital platform, the One-Stop-Shop digital ecosystem services within the framework of the initiative of the socio-economic development of the Russian Federation “Digital Ecosystem One-Stop-Shop of the Exporter”, amending the Rules for providing a subsidy from the federal budget to the Russian Export Center Joint-Stock Company, Moscow, in order to develop infrastructure for enhancing international competitiveness and recognizing as invalid certain provisions of acts of the Government of the Russian Federation” [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (date of access 04/01/2024).
4. National action plan to ensure the restoration of employment and incomes of the population, economic growth and long-term structural changes in the economy (approved by the Government of the Russian Federation on September 23, 2020, Protocol No. 36, Section VII) [Electronic resource] // Reference legal system “Consultant Plus”. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access 04/01/2024).
5. Order of Rosstat dated August 22, 2022 No. 583 “On approval of the form of federal statistical monitoring for the organization of federal statistical monitoring of the use of digital platforms” [Electronic resource] // Reference legal system “Consultant Plus”. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access 04/01/2024).
6. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 15.12.2020 No. 828 (as amended on 01.09.2023) “On approval of methods for calculating indicators of the federal project “Systemic measures to improve labor productivity”, included in the structure of the national project “Labor Productivity” [Electronic resource] // Reference legal system “Consultant Plus”.- URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access 01.04.2024).
7. Strategy for the development of the national payment system for 2021–2023 (approved by the Bank of Russia) [Electronic resource] // Reference legal system “Consultant Plus”.- URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access 01.04.2024).
8. The concept of general regulation of the activities of groups of companies developing various digital services based on one “ecosystem” (Ministry of Economic Development of Russia, May 2021) [Electronic resource] // Reference legal system “Consultant Plus”. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access 04/01/2024).
9. Buнова A. Yu. Digital ecosystems: the need and content of legislative regulation // Journal of Russian Law. 2024. N 1. pp. 143–155.
10. Uzdenov Sh.Sh. The concept of “banking ecosystem” // Banking law. 2022. N 3. pp. 46–54.

Штраубэ Владимир Леонидович,

начальник службы охраны труда, ООО «1520 Сигнал»
E-mail: 6944772@mail.ru

Статья посвящена анализу актуальных проблем правового регулирования охраны труда в Российской Федерации. Рассматривается современное состояние законодательства в данной сфере, выявляются ключевые проблемы, требующие решения. Особое внимание уделяется вопросам несовершенства понятийного аппарата, проблемам сертификации работ по охране труда, отсутствию единой информационной системы, а также неэффективности действующей системы охраны труда в условиях новой экономики. Анализируются статистические данные по производственному травматизму. На основе проведенного исследования обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования охраны труда с учетом современных экономических реалий и новых форм занятости.

Ключевые слова: охрана труда, правовое регулирование, трудовое законодательство, производственный травматизм, профессиональные риски, цифровизация экономики, новые формы занятости, сертификация работ по охране труда, информационная система охраны труда.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что охрана труда является важнейшим элементом социальной политики государства и неотъемлемым условием обеспечения безопасности работников в процессе их трудовой деятельности. Несмотря на развитие законодательства в сфере охраны труда, в России сохраняется высокий уровень производственного травматизма и профессиональных заболеваний, что свидетельствует о наличии проблем в правовом регулировании данной сферы. Кроме того, стремительное развитие новых форм занятости, цифровизация экономики и появление нетипичных трудовых отношений требуют совершенствования правовых механизмов защиты трудовых прав работников. Целью исследования является комплексный анализ актуальных проблем правового регулирования охраны труда в Российской Федерации и выработка предложений по совершенствованию трудового законодательства в данной сфере. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть современное состояние правового регулирования охраны труда в РФ; выявить основные проблемы в сфере охраны труда, требующие законодательного урегулирования; проанализировать влияние цифровизации и новых форм занятости на институт охраны труда; изучить международный опыт правового регулирования охраны труда; разработать конкретные предложения по совершенствованию трудового законодательства в части охраны труда.

Основопологающим документом в сфере охраны труда является Трудовой кодекс Российской Федерации [1] (далее – ТК РФ), в частности его раздел X «Охрана труда». С 1 марта 2022 года вступила в силу новая редакция этого раздела, которая внесла существенные изменения в регулирование охраны труда.

Ключевыми нормативно-правовыми актами также являются:

1. Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 N 125-ФЗ [2].
2. Федеральный закон «О специальной оценке условий труда» от 28.12.2013 N 426-ФЗ [3].
3. Постановление Правительства РФ от 26.02.2022 N 255 «О разработке, утверждении и изменении нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих государственные нормативные требования охраны труда» [4].
4. Приказ Минтруда России от 29.10.2021 N 776н «Об утверждении Примерного положения о системе управления охраной труда» [5].

5. Приказ Минтруда России от 29.10.2021 N 774н «Об утверждении общих требований к организации безопасного рабочего места» [6].

В научной литературе отмечается, что введение новых нормативно-правовых актов в сфере охраны труда сопряжено с рядом проблем правоприменительного характера. Во-первых, наблюдаются сложности адаптации работодателей к новым требованиям, что выражается, в частности, в необходимости существенных временных и финансовых затрат на реализацию обязательной оценки профессиональных рисков [10]. Во-вторых, имеет место неоднозначность трактовки некоторых новых положений трудового законодательства, например, понятия «опасность» в обновленной редакции ТК РФ [7]. В-третьих, отмечается несоответствие ряда подзаконных актов новым положениям ТК РФ, что обусловлено несвоевременным приведением ведомственных приказов в соответствие с изменениями в кодексе [11]. В-четвертых, возникают сложности с практической реализацией новых норм, особенно для субъектов малого и среднего предпринимательства, что проявляется, например, в трудностях создания комитетов (комиссий) по охране труда в небольших организациях [8]. Наконец, специалисты указывают на недостаточную проработанность механизмов контроля за исполнением вновь введенных требований в сфере охраны труда [13].

Анализ правового регулирования охраны труда в современной России выявляет ряд ключевых проблем, требующих комплексного решения. Данные проблемы охватывают широкий спектр аспектов, от концептуальных вопросов законодательства до практических аспектов реализации норм охраны труда в условиях меняющейся экономической реальности.

Несовершенство понятийного аппарата в законодательстве об охране труда отражает фундаментальную проблему, связанную с отсутствием единообразия в терминологии и определениях, используемых в различных нормативно-правовых актах.

Во-первых, наблюдается отсутствие единообразия в определениях и терминологии, используемых в различных нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы охраны труда. Это приводит к неоднозначности толкования ряда ключевых понятий, что в свою очередь затрудняет правоприменительную практику и создает предпосылки для возникновения правовых коллизий. Например, понятие «опасный производственный фактор» имеет различные трактовки в ТК РФ и в Федеральном законе «О специальной оценке условий труда» от 28.12.2013 N 426-ФЗ. В ТК РФ это понятие определяется как фактор, воздействие которого на работника может привести к его травме, тогда как в ФЗ N 426 оно трактуется шире и включает также вероятность профессионального заболевания. Такое расхождение в определениях может привести к разночтениям при реализации мер по обеспече-

нию охраны труда на предприятиях и при проведении специальной оценки условий труда.

Во-вторых, некоторые термины, используемые в законодательстве об охране труда, не имеют четкого и исчерпывающего определения, что создает пробелы в правовом регулировании и затрудняет их практическое применение. Это особенно актуально для новых или быстро развивающихся сфер трудовой деятельности, где традиционные понятия могут не в полной мере отражать специфику рисков и требований к безопасности труда.

Например, в ТК РФ отсутствует четкое определение понятия «рабочее место», что создает неопределенность в контексте удаленной работы или работы на цифровых платформах. Статья 209 ТК РФ определяет рабочее место как «место, где работник должен находиться или куда ему необходимо прибыть в связи с его работой и которое прямо или косвенно находится под контролем работодателя», но это определение не учитывает специфику современных форм занятости.

Другим примером является отсутствие в законодательстве четкого определения «психосоциальных рисков» на рабочем месте, несмотря на растущее признание их влияния на здоровье работников. Это затрудняет разработку и внедрение мер по предотвращению стресса и эмоционального выгорания, особенно в сфере умственного труда и сервисной экономики.

Отсутствие четких дефиниций может приводить к различным интерпретациям норм охраны труда работодателями, работниками и контролирующими органами, что снижает эффективность системы охраны труда в целом. Например, неоднозначность в определении «вредных производственных факторов» может привести к тому, что работодатели будут по-разному оценивать риски и применять меры защиты, а контролирующие органы – по-разному интерпретировать соблюдение норм охраны труда.

Научные эксперты в области трудового права связывают наблюдаемые проблемы с недостаточным уровнем квалификации в законодательном процессе при разработке и принятии нормативных актов в сфере охраны труда. Ряд исследователей, включая Л.А. Чернышеву, выдвигают предложение о внесении дополнений в статью 209 ТК РФ [14]. Предлагаемые изменения направлены на включение в данную статью положений, которые бы исчерпывающим образом детализировали ключевые мероприятия, подлежащие реализации в рамках охраны труда, а также раскрывали их существенное содержание. Предполагается, что имплементация данной инициативы могла бы значительно оптимизировать правоприменительную практику и способствовать устранению неопределенности в рассматриваемой области трудового законодательства.

Проблемы сертификации работ по охране труда указывают на недостатки в системе оценки соответствия деятельности организаций требованиям охраны труда.

В 2006 году ТК РФ претерпел изменения, касающиеся терминологии в области охраны труда. Прежняя формулировка «сертификация работ по охране труда» была заменена на «сертификация организации работ по охране труда». Эта модификация повлекла за собой ряд юридических неясностей.

Во-первых, законодательная база не предоставила четкого разъяснения термина «организация работ по охране труда». Отсутствие ясной дефиниции создало почву для разночтений и интерпретаций.

Во-вторых, возникли препятствия в процессе привлечения работодателей к ответственности за нарушения в сфере организации охраны труда. Это связано с тем, что статья 209 ТК РФ ограничилась лишь упоминанием понятия «сертификат соответствия организации работ по охране труда», не предоставив более широкого контекста для правоприменения.

В-третьих, нет ясности в отношении того, что именно подлежит сертификации – сами работы по охране труда или их организация.

В-четвертых, возникло противоречие между понятиями «сертификат соответствия организации работ по охране труда» и «сертификат соответствия» из ФЗ «О техническом регулировании».

Несмотря на длительный период существования данной проблемы, качественного нормативного решения она так и не приобрела. Данная ситуация указывает на недостатки в системе оценки соответствия деятельности организаций требованиям охраны труда и затрудняет правоприменительную практику в этой сфере. Необходимо уточнение и гармонизация понятийного аппарата в законодательстве об охране труда в части, касающейся сертификации.

Отсутствие единой информационной системы по охране труда препятствует эффективному обмену данными между различными субъектами трудовых отношений и контролирующими органами. Анализ существующего информационного обеспечения в сфере охраны труда выявляет отсутствие консолидированного и всеобъемлющего источника достоверных сведений о реализуемых и планируемых мероприятиях. Функционирующая в настоящее время Единая общероссийская справочно-информационная система по охране труда, созданная с целью формирования унифицированного информационного пространства в данной области, не в полной мере решает поставленную задачу. Данная система демонстрирует ограниченную эффективность в обеспечении надлежащего уровня осведомленности населения о текущем положении дел и осуществляемых мерах в рассматриваемой сфере, что обусловлено ее опорой на данные, предоставляемые ограниченным кругом министерств и ведомств, упомянутых ранее.

Высокий уровень производственного травматизма и профессиональных заболеваний свидетельствует о недостаточной эффективности существующих механизмов обеспечения безопасности

труда. Анализ статистических данных показывает, что в 2022 году произошло 5563 несчастных случая на производстве, из них 1269 – со смертельным исходом [12]. Наиболее травмоопасными отраслями являются обрабатывающие производства (31,2% всех несчастных случаев), транспортировка и хранение (15%), здравоохранение (13,8%) и строительство (9,1%).

Основные причины травматизма включают падения на ровной поверхности (20%), воздействие движущихся предметов и механизмов (16%), падения с высоты (15,7%) и транспортные происшествия (13%). Мужчины чаще получают травмы на производстве – 12 из 10000 работающих мужчин против 7 из 10000 работающих женщин. Лидируют по числу производственных травм северные и дальневосточные регионы России.

Статистика последних лет демонстрирует увеличение продолжительности периодов нетрудоспособности работников вследствие производственных травм в полтора раза. Около 27,8% несчастных случаев происходит из-за личной неосторожности работников. Сохраняется проблема сокрытия несчастных случаев работодателями – в 2022 году выявлено на 32,6% больше скрытых случаев, чем годом ранее.

Текущая ситуация не способствует прогрессивному развитию сферы охраны труда и не обеспечивает должный уровень безопасности работников в процессе осуществления трудовой деятельности. Вышеизложенное обуславливает необходимость оперативной разработки и внедрения инновационных подходов к правовому регулированию охраны труда, отвечающих актуальным потребностям и вызовам современного динамично развивающегося общества.

Неэффективность действующей системы охраны труда в условиях новой экономики действительно указывает на необходимость адаптации правового регулирования к современным реалиям, что подтверждается рядом фактов из источника. В связи с внедрением цифровизации, появлением новых форм занятости и изменением характера труда возникает потребность в обновлении нормативно-правовой базы, что привело к разработке и реализации мер по реформированию надзорно-контрольной деятельности и совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере охраны труда в рамках «регуляторной гильотины» в 2019–2020 гг. Существующая система не в полной мере учитывает современные изменения в сфере труда, что проявляется в высоком уровне производственного травматизма со смертельным и тяжелым исходом в России по сравнению с развитыми странами. Отмечается необходимость адаптации правового регулирования к таким новым реалиям, как цифровизация экономики, появление новых форм занятости (дистанционной, комбинированной, гибкой и т.д.), а также потребность в совершенствовании методов выявления и оценки профессиональных рисков в новых условиях, что привело к внесению изменений в ТК

РФ, устанавливающих обязанность работодателя вести системную работу по управлению профессиональными рисками. Подчеркивается важность развития новых подходов к обеспечению безопасности рабочих мест с учетом современных технологий и форм организации труда [9].

Проведенное исследование актуальных проблем правового регулирования охраны труда в Российской Федерации позволяет сделать ряд существенных выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение для совершенствования законодательства и правоприменительной практики в данной сфере. Прежде всего, следует отметить, что современное состояние правового регулирования охраны труда в России характеризуется наличием комплекса взаимосвязанных проблем, требующих системного подхода к их решению. К числу ключевых проблем относятся несовершенство и неоднозначность понятийного аппарата в законодательстве об охране труда, сложности в сфере сертификации работ по охране труда, отсутствие эффективной единой информационной системы, сохраняющийся высокий уровень производственного травматизма и профессиональных заболеваний, а также трудности адаптации работодателей и работников к новым законодательным требованиям. Особо следует подчеркнуть, что существующая система правового регулирования охраны труда не в полной мере учитывает современные трансформации в сфере трудовых отношений, обусловленные процессами цифровизации экономики, появлением новых форм занятости и изменением характера труда в целом.

В свете выявленных проблем представляется необходимым осуществление комплекса мер по адаптации правового регулирования охраны труда к новым социально-экономическим реалиям. В частности, требуется совершенствование методологии выявления и оценки профессиональных рисков, разработка инновационных подходов к обеспечению безопасности рабочих мест с учетом специфики современных форм организации труда. Важнейшим направлением совершенствования нормативно-правовой базы в сфере охраны труда должно стать уточнение и гармонизация понятийного аппарата, оптимизация системы сертификации и оценки соответствия, а также создание эффективной единой информационной системы, обеспечивающей оперативный обмен данными между всеми субъектами трудовых отношений и контролирующими органами. Кроме того, необходима разработка новых правовых механизмов обеспечения безопасности труда, учитывающих современные технологические возможности и организационные формы трудовой деятельности.

В заключение следует подчеркнуть, что повышение эффективности правового регулирования охраны труда требует продолжения системной работы по управлению профессиональными рисками, развитию культуры безопасного труда и совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в данной сфере. Реализация комплексных

мер по модернизации нормативно-правовой базы и правоприменительной практики в области охраны труда будет способствовать повышению уровня защищенности работников, снижению показателей производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, а также созданию более благоприятных и безопасных условий труда в Российской Федерации. Таким образом, совершенствование правового регулирования охраны труда представляется важнейшим фактором обеспечения социально-экономического развития страны и повышения качества жизни граждан.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 10.10.2024).
2. Федеральный закон от 24.07.1998 N 125-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2024).
3. Федеральный закон от 28.12.2013 N 426-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О специальной оценке условий труда» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2024).
4. Постановление Правительства РФ от 26.02.2022 N 255 «О разработке, утверждении и изменении нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих государственные нормативные требования охраны труда» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2024).
5. Приказ Минтруда России от 29.10.2021 N 776н «Об утверждении Примерного положения о системе управления охраной труда» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2024).
6. Приказ Минтруда России от 29.10.2021 N 774н «Об утверждении общих требований к организации безопасного рабочего места» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2024).
7. Бондаренко Э.Н. Благоприятные условия труда как цель трудового законодательства / Э.Н. Бондаренко, А.С. Кашлакова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2023. – № 2. – С. 26–28.
8. Вопрос-ответ [Электронный ресурс] // Онлайн-инспекция.РФ. – 2019. – URL: <https://онлайн-инспекция.рф> (дата обращения: 03.10.2019).

9. Елин А.М. Охрана труда как сфера воздействия на экономику на современном этапе ее развития / А.М. Елин, А.С. Соколова // Экономика труда. – 2022. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-truda-kak-sfera-vozdeystviya-na-ekonomiku-na-sovremennom-etape-ee-razvitiya> (дата обращения: 10.10.2024).
10. Теzieв Т.М. Основные изменения законодательства по организации охраны труда / Т.М. Теzieв, С.Ч. Савхалова // Вестник МАНЭБ. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 106–109.
11. Удальцова Н.В. Охрана труда по Трудовому кодексу Российской Федерации / Н.В. Удальцова, А.Л. Бредихин // Актуальные проблемы частного права: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 20 мая 2022 года / Пред. редколлегии К.В. Карпов. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 46–49.
12. Условия труда, производственный травматизм (по отдельным видам экономической деятельности) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/working_conditions (дата обращения: 10.10.2024).
13. Федоров П.М. Охрана труда: практическое пособие / П.М. Федоров. – 4-е изд. – Москва: РИОР, ИНФРА-М, 2022. – 156 с.
14. Чернышева Л.А. Правовые аспекты охраны труда в современных условиях / Л.А. Чернышева // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 3 (61). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-ohrany-truda-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 10.10.2024).

CURRENT ISSUES IN LABOR PROTECTION LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Shtraube V.L.
1520 Signal Russia

This article is dedicated to the analysis of current issues in labor protection legal regulation in the Russian Federation. It examines the current state of legislation in this area and identifies key problems that require resolution. Particular attention is given to the shortcomings of the conceptual framework, issues related to the certification of labor protection activities, the absence of a unified information system, and the inefficiency of the existing labor protection system in the context of a new economy. Statistical data on workplace injuries are analyzed. Based on the conducted research, the necessity of improving labor protection legal regulation is justified, taking into account modern economic realities and new forms of employment.

Keywords: labor protection, legal regulation, labor legislation, workplace injuries, professional risks, digitalization of the economy, new forms of employment, certification of labor protection activities, labor protection information system.

References

1. Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001, No. 197-FZ (as amended on August 8, 2024) [Electronic resource] // Access: SPS “Consultant Plus Prof” (Date of access: October 10, 2024).
2. Federal Law dated July 24, 1998, No. 125-FZ (as amended on May 29, 2024) “On Mandatory Social Insurance Against Accidents at Work and Occupational Diseases” [Electronic resource] // SPS “Consultant Plus Prof”. – URL: <http://www.consultant.ru/> (Date of access: October 10, 2024).
3. Federal Law dated December 28, 2013, No. 426-FZ (as amended on July 24, 2023) “On the Special Assessment of Working Conditions” (with amendments effective from September 1, 2023) [Electronic resource] // SPS “Consultant Plus Prof”. – URL: <http://www.consultant.ru/> (Date of access: October 10, 2024).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation dated February 26, 2022, No. 255 “On the Development, Approval, and Amendment of Regulatory Legal Acts of Federal Executive Authorities Containing State Normative Requirements for Labor Protection” [Electronic resource] // SPS “Consultant Plus Prof”. – URL: <http://www.consultant.ru/> (Date of access: October 10, 2024).
5. Order of the Ministry of Labor of Russia dated October 29, 2021, No. 776n “On the Approval of the Sample Provision on the Labor Protection Management System” [Electronic resource] // SPS “Consultant Plus Prof”. – URL: <http://www.consultant.ru/> (Date of access: October 10, 2024).
6. Order of the Ministry of Labor of Russia dated October 29, 2021, No. 774n “On the Approval of General Requirements for the Organization of a Safe Workplace” [Electronic resource] // SPS “Consultant Plus Prof”. – URL: <http://www.consultant.ru/> (Date of access: October 10, 2024).
7. Bondarenko E.N. Favorable Working Conditions as a Goal of Labor Legislation / E.N. Bondarenko, A.S. Kashlakova // Labor Law in Russia and Abroad. – 2023. – No. 2. – P. 26–28.
8. Question-Answer [Electronic resource] // Online Inspection. RF. – 2019. – URL: <https://онлайнинспекция.рф> (Date of access: October 3, 2019).
9. Yelin A.M. Labor Protection as a Sphere of Impact on the Economy at the Current Stage of Its Development / A.M. Yelin, A.S. Sokolova // Labor Economics. – 2022. – No. 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-truda-kak-sfera-vozdeystviya-na-ekonomiku-na-sovremennom-etape-ee-razvitiya> (Date of access: October 10, 2024).
10. Teziev T.M. Main Changes in Legislation on Labor Protection Organization / T.M. Teziev, S. Ch. Savkhalova // Bulletin of MANEB. – 2023. – Vol. 28, No. 3. – P. 106–109.
11. Udaltsova N.V. Labor Protection According to the Labor Code of the Russian Federation / N.V. Udaltsova, A.L. Bredikhin // Current Problems of Private Law: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Omsk, May 20, 2022 / Chairman of the Editorial Board K.V. Karpov. – Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. – P. 46–49.
12. Working Conditions, Occupational Injuries (by specific types of economic activity) [Electronic resource] // Federal State Statistics Service. – URL: https://rosstat.gov.ru/working_conditions (Date of access: October 10, 2024).
13. Fedorov P.M. Labor Protection: Practical Guide / P.M. Fedorov. – 4th ed. – Moscow: RIOR, INFRA-M, 2022. – 156 p.
14. Chernyshova L.A. Legal Aspects of Labor Protection in Modern Conditions / L.A. Chernyshova // Leningrad Legal Journal. – 2020. – No. 3 (61). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-ohrany-truda-v-sovremennyh-usloviyah> (Date of access: October 10, 2024).

Основания уголовно правового запрета склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте

Агафонов Александр Владимирович,

кандидат юридических наук, Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: aleksandravagafonov@yandex.ru

В статье автором рассмотрены и проанализированы как само понятие «основания криминализации», так и принципы этой законодательной деятельности; виды оснований, так и частные основания, т.е. основания необходимости криминализации склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Установлено, что в качестве наиболее социально значимого условия в этом случае выступает именно общественная опасность подобного склонения. Выявлены и проанализированы автором и такие основные признаки последней, как вредоносность и прецедентность.

В ходе анализа такого криминологического понятия как «основания криминализации» автором была установлена их крайняя полифоничность, а, следовательно и наличие в криминологической литературе весьма различных точки зрения касаемых их сути и содержания.

Относительно самого склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, автор поддерживает мнение тех коллег, которые считают, что настоящее общественно опасное деяние криминализовано весьма обоснованно, так объект последнего весьма широк и крайне объемён, так как затрагивает не только жизнь и здоровье самого спортсмена как человеческого индивидуума, но и спортивный престиж всего российского государства.

Отсутствие официальной регистрации преступлений возбужденных по признакам преступления предусмотренного ст. 230.1 УК РФ автор объясняет латентностью анализируемого им преступления, что в свою очередь вызвано относительно существенной изолированностью спортивного сообщества от окружающих его людей.

К числу детерминант склонения спортсмена к приему допинга, по мнению ряда специалистов, к числу которых присоединяется в том числе и сам автор, необходимо относить всеобъемлющее желание спортсмена победить, а так же искренняя уверенность последнего, что без приема допинга последнее осуществить изначально не представляется возможным, что явно необходимо учитывать при проведении со спортсменами профилактической работы.

В конце работы автором сформулирован ряд выводов, которые в свою очередь, отражают только его личную точку зрения и не более.

Ключевые слова: криминализация, основания, общественно опасное деяние, спортсмен, использование, склонение, субстанции и методы запрещенные в спорте, допинг, спорт, спортивная преступность, криминология.

Введение

Социально обусловленную потребность противодействия использованию допинга в спортивной деятельности: «...представляет собой целую серию проблем профессионального спорта, которые рассматриваются учеными неоднозначно» [35. С. 151].

При этом Александр Жуков- первый вице-спикер Госдумы, президент Олимпийского комитета России отмечал довольно высокую роль закона как способа противостояния допинговой преступности в России.[31]

Цель исследования – анализ современных доктринально обусловленных правовых точек зрения по поводу такого криминологического понятия как «основания уголовно правового запрета», вычленение и систематизация основополагающих признаков данного понятия, установление и анализ его видов, фиксация и анализ видов склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, выявление их особенностей, предложение собственного варианта разрешения настоящей проблемы.

Задачи – выявить и осуществить доктринально обусловленное исследование различных существующих ныне гипотез, в том числе и семантической направленности, выявить как достоинства, так и недостатки настоящих доктринально правовых конструкций, установить социально правовую обусловленность наличия основания криминализации такого общественно опасного деяния как склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте спортсмена, сформулировать собственное видения разрешения поднятых в ходе исследования проблем и вопросов.

Гипотеза – определение содержания всех оснований криминализации и их дальнейшая систематизация такого социально негативного деяния как склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте спортсмена, что позволит российскому законодателю оптимально реформировать, а правоприменителю более успешно применять уголовно правовую норму, закреплённую в ст. 230.1 УК РФ.

Материалы и методы исследования

При проведении настоящего исследования его автором были использованы следующие теоретические

методы: сравнительный анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция и моделирование.

Эмпирическая база исследования: доктринально правовые источники.

Результаты обсуждения

Приступая к выявлению оснований, обосновывающих саму необходимость решения российского законодателя о криминализации такого, безусловно, социально негативного явления как склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, вначале, как мы считаем, крайне необходимо разобратся как с самим содержанием, так и значением используемых законодателем при конструировании соответствующей нормы терминов и понятий.

В качестве первого из которых выступает такой криминологически обусловленный термин как «основание (основания)».

Согласно нормам современного русского языка смысловое содержание указанного термина относится к числу явно полифоничных, а, следовательно, и крайне синонимичных.

В современной философской литературе большинство авторов к числу оснований вполне традиционно относят такую предпосылку какого-либо явления или следствия, которая изначально выступает в качестве наиболее сущностного условия его наличия и, более того, выступает в качестве основания его объяснения с целью последующего уяснения его содержания.[34.С. 1352]

По весьма обоснованному, по нашему мнению, мнению В.Д. Филимонова, изложенному им в криминологической литературе последних лет издания, в качестве основания криминализации может и должно выступать и такое социальное явление, которое конкретизируется в результате его предметной обусловленности с иными подобными ему проявлениями социального бытия.

Последнее тем самым репродуктурирует собой наличие сущностного единства отдельно взятых их свойств и характеристик. [33. С. 15]

Далее необходимо отметить и то обстоятельство, что под криминализацией, по общему принятому в современной уголовно правовой доктрине, мнению, следует понимать процесс выявления с последующей материальной фиксацией и перечислением определенных видов социально негативного поведения членов вполне конкретного социума внутри последнего и обоснование в дальнейшем социально обусловленной необходимости противодействия последним именно с помощью уголовно правовых норм.

Придание статуса уголовно наказуемого деяния склонению к использованию современными атлетами субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте и понуждает современных российских криминологов прийти к выводу о том, что настоящее преступное деяние должно признаваться в качестве не только самостоятельного, но и вполне самостоятельного сектора общей спортивной пре-

ступности, именно последнее неизбежно и предопределяет непосредственную интеграцию состава настоящего преступления в предмет исследования со стороны современной криминологической науки.[27.С. 49]

Исследуя с научно обусловленных позиций, сам процесс криминализации, необходимо также указать и на его возможные пределы или определенные границы, которые, в свою очередь, закреплены в Конституции РФ.

Основание криминализации изначально обладает той наиболее сущностной чертой, в качестве которой и выступает явная социально обусловленная необходимость в последующем функционировании вполне конкретной уголовно правовой нормы.[1.С. 139]

Это положение, довольно обстоятельно разработанное М.Э. Авдаляном, следует, по нашему мнению, полностью поддержать.

В качестве оснований криминализации А.Д. Антонов предлагал понимать обстоятельства, имеющие место быть в вполне конкретной социальной действительности и с определенной долей неизбежности материализующих объективную необходимость именно в уголовно правовой регуляции вполне конкретных человеческих взаимоотношений.[2.С. 18]

Следовательно, все основания криминализации, используя при этом такой критерий как их социальная обусловленность, следует сгруппировать на две основные группы. А именно:

1. Социального типа, т.е. те, которые напрямую обусловлены определенными социально негативными процессами, напрямую связанными, в свою очередь, как с экономикой, так и с политикой.
2. Криминологического типа. Эти основания порождены не только наличием, но и вполне достаточной распространенностью в индивидуально определенном человеческом сообществе неких форм поведения или деятельности его членов.

Впрочем, некоторые из числа современных российских исследователей приводят в свою очередь и иные, т.е. индивидуально подготовленные классификации этих оснований.

Проблема определения содержания и структуры видов, социально обусловленных обстоятельств, обосновывающих саму необходимость последующей криминализации общественно опасных деяний, вызывает к жизни вполне определенные проблемы.

Так, в современный момент отсутствует в наличии даже их предметно обусловленное конкретизированное терминологическое обозначения. В результате чего, одни авторы предлагают именовать последние – принципами. [15.С. 200], другие – условиями, а иные и – задачами. Кроме того каждый из них причисляет к основаниям уголовно-правовой регуляции общественных отношений различные факторы и проявления общественного бытия.

Таким образом, в качестве оснований криминализации вполне конкретного и, более того, предметно определенного общественно опасного деяния явно необходимо, по нашему мнению, понимать определенную совокупность причин настоящего социально обусловленного и более того, явно необходимого для индивидуально определенного социума процесса.

Из этого, в свою очередь, вытекает и то, что в качестве последнего в силах выступать исключительно социальная негативность или опасность вполне конкретного акта человеческого поведения или его деятельности.[1.С. 140]

Указанный вывод в последнее время находит свое полное подтверждение в работах многих отечественных правоведов.[1.С. 140]

Так, например, на него в своих исследованиях прямо указывают такие довольно известные ныне отечественные правоведы как Н.А. Лопашенко.[19. С. 237], П.С. Тоболкин [30. С. 58] и П.А. Фефелов. [32. С. 58]

Настоящий вывод, кстати, находит свое отражение и в ч. 1 ст. 14 УК РФ, согласно содержанию, которой именно общественная опасность признается в качестве обязательного признака любого преступления.

При этом, по нашему мнению, необходимо подчеркнуть и то, что вопрос о самом содержании такого, безусловно, уголовно правового понятия как «общественная опасность» относится ныне к числу крайне дискуссионных.

В современной доктрине уголовного права, содержание этого понятия раскрывается в основном через призму понятия уголовно наказуемого деяния.

Однако, для оценки наличия общественной опасности в конкретном виде человеческой деятельности в современной уголовной правовой литературе имеет место быть и иной способ. Он заключается в насущной потребности законодателя разрешить некий круг вполне определенных вопросов.

В частности к ним относятся:

- 1) Имеется ли в конкретном социально значимом казусе наличие общественной опасности.
- 2) В чем именно состоит ее суть и значение.
- 3) Каким именно взаимоотношениям людей причиняется существенный вред.
- 4) В чем именно он состоит.
- 5) Какова динамика настоящей опасности.
- 6) В связи, с чем возникает ее крайняя актуальность.

Насколько она социально значима, что вызывает потребность именно в уголовно правовом запрете.[14.С. 218]

Характер социальной опасности напрямую опосредован ценностью того социально значимого блага или интереса, которому наносится ущерб вполне конкретным проявлением человеческого поведения.

Ныне общепризнанно и то, что именно посредством уголовно правовых норм подлежат охране

и регуляции наиболее социально значимые человеческие отношения.

Общественная опасность как основание криминализации, как обоснованно подчеркивает М.А. Авдалян, обусловлена не только воздействием индивидуально обусловленного человеческого поведения на порядок функционирования общественных отношений в своем логически обусловленном единстве, но так же и криминологической характеристикой этого вида человеческой деятельности.

К числу основных характеристик, к числу которых традиционно относятся: распространенность, динамика, особенности субъекта и др., в первую очередь, следует отнести именно учет типовой степени общественной опасности. [1. С. 140]

«Типовая степень общественной опасности, – указывает Т.А. Лесниевски-Костарева, – отличается тем, что она характеризует степень опасности в рамках определенной меры, вследствие чего она может быть типизирована, регламентирована в законе. ...В законе невозможно отразить индивидуальные черты содеянного и опасность конкретной личности. ...». [18.С. 57]

Общественную опасность уголовно наказуемого деяния можно попытаться так же проанализировать и через такие ее основополагающие признаки, как: вредоносность, прецедентность, а так же, впрочем, и через ряд других социально значимых факторов.

Сущность вредоносности, возможно, следует, попытаться сканировать через три ее основных проявления, или через три ее аспекта. К числу, которых относятся: медицинский, социальный и психологический.

Медицинский аспект вредоносности общественной опасности такого уголовно наказуемого деяния как склонение спортсмена к использованию субстанции и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, заключается в неизбежности возникновения, причем не одного, а целого ряда и даже комплекса заболеваний. Последние влекут за собой в дальнейшем и вполне определенные социально негативные биологические изменения в организме спортсмена.

К числу, которых медики относятся: инсульт, бессонницу, нарушение координации движения, различного рода заболевания и т.д. [29. С. 213]

Социальный аспект вредоносности преступления предусмотренного ст. 230.1 УК РФ заключается в самых разнообразных последствиях, которые вполне автоматически наступают для российского общества в целом.

При этом социальный негатив склонения атлета к использованию субстанции и (или) методов, запрещенных для использования в спорте обусловлен следующими моментами.

К числу первого из которых относится экономический. Современный спорт, причем как профессиональный (в основе своем), так и любительский (довольно относительно) напрямую связан, а следовательно, и обусловлен распределением доволь-

но значительных финансовых ресурсов. Следовательно, факты применения спортсменом допинга могут повлиять и на получение, формально ничем не обусловленной экономической выгоды какому либо лицу.

Второй аспект касается репутации, причем не, только самого спортсмена или спортивного общества, которое он собой представляет. Под удар свою репутацию вынуждено ставить и само государство, как субъект международных отношений. [17.С. 3]

Психологический аспект общественной опасности склонения российского атлета к приему допинга напрямую связан с ведением дезактивного образа жизни человеческого индивида.

Прецедентность общественной опасности любого преступного деяния свидетельствует о наличии угрозы совершения данных или подобного рода преступлений в будущем и тем самым обладает таким свойствами человеческой практики, как способность к повторяемости.[21.С. 87–88]

Распространенность склонения, распространения и применения субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте выявляется через учет того, как часто на уровне правоохранительных органов последними выявляются и регистрируются подобного рода преступные деяния.

Систематизированных данных о числе случаев склонения спортсменов к приему к допингу на настоящий момент в современной юридической литературе нет. [38]

Следовательно, в качестве одной из наиболее злободневных проблем, связанных с противодействием склонения атлета к приему допинга выступает ее повышенная латентность.

Наличеству еще одно довольно важное криминологическое основание криминализации. Под которой понимается наличие необходимости использования для регуляции общественных отношений именно мер уголовно-правового характера.

Именно данное основание и вызывает к жизни принцип экономии репрессии.

Появлению в действующем законодательстве нашей страны уголовной ответственности за нарушение антидопинговых правил способствовали именно масштабные допинговые скандалы с участием спортсменов Российской Федерации.

Федеральным законом от 22.11.2016 № 392-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации были введены статьи 230.1и 230.2. Они были призваны минимизировать употребление запрещенных веществ и субстанций в спортивной среде нашей страны, а так же и показать стремление Российской Федерации вести бескомпромиссную борьбу с нарушениями антидопинговых правил, в том числе с использованием уголовно правовых норм

Более того, согласно исследованиям, проведенным в свое время А.Р. Кутуевым, по мнению 118 опрошенных им практикующих юристов, 75% из них на вопрос эксперта «Считаете ли Вы возможным эффективное воздействие на негативные явления, связанные с допингом, без применения

уголовно-правовых средств?» ответили явно отрицательно [16. С. 19]

Таким образом, считаем, что все перечисленные нами факты, безусловно, свидетельствуют о довольно социально значимой опасности склонения спортсмену к употреблению допинга, характерной именно для уголовно наказуемого деяния.

Данный тезис полностью подтверждается результатами проведенного А.Р. Кутуевым опроса практикующих юристов, который в свою очередь, показал, что 82% респондентов считают, что общественная опасность склонения, распространение и применения субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, является характерной именно для преступного деяния¹[16.С. 201]

Выводы

Использованные нами результаты нашего исследования позволяют сформулировать несколько основных тезисов или выводов:

- факты склонения атлетов к приему допинга в Российской Федерации не являются единичными и в значительной мере обладают определенной распространенностью;
- зачастую применение запрещенных в медицине препаратов в качестве допинга напрямую связано с определенными видами спорта и даже с конкретными спортивными школами и тренерами внутри последних, что свидетельствует о весьма организованном характере подобного рода преступной деятельности.

Таким образом, вполне очевидно, что рассматриваемое нами общественно опасное деяние в целом вполне соответствует критерию криминализации и в этом нас поддерживают большинство отечественных исследователей. [16.С. 201]

Литература

1. Авдалян М.Э. Основание криминализации // Экономика и право. Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 3. С. 35–38.
2. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ...канд. юрид. наук. М, 2001. С. 17–20.
3. Горошилова А. Ключевые события российского допингового скандала // Коммерсант. № 241. Декабрь 2018 г.
4. Грошев А.В. Правосознание в системе оснований криминализации общественно опасных деяний // Российский юридический журнал. 2003. № 5. С. 54–58.
5. Доклад ВАДА. Все самое важное [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sportecspress.ru.
6. Допинг как феномен искажённой самодетерминации молодых спортсменов: системный

¹ Всего в ходе исследования было опрошено 118 практикующих юристов (адвокаты, сотрудники прокуратуры и Следственного комитета РФ).

- анализ, пути профилактики: моногр. // Под ред. О.В. Кариной, Н.Е. Шустовой, М.А. Киселевой, Г.Н. Малюченко, А.В. Тимушкина. Саратов: Саратовский источник, 2013. – 148 с.
7. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948. – 311 с.
 8. Жалинский А.З. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного право творчества // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 января 2009 г. М., 2009. С. 48–52.
 9. Злобин Г.А. Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение нормотворчества // Советское государство и право. 1976. № 8. С. 46–49.
 10. К вопросу об общественной опасности преступности, связанной со спортом // <http://elibrary.ru>.
 11. Кенни К.С. Основы уголовного права Англии. Cambridge. 1947. – 599 с.
 12. Красикова Ю.А. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2000. – 589 с.
 13. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. – 213 с.
 14. Кудрявцев В.Н. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982. – 303 с.
 15. Кутуев А.Р. К вопросу о криминализации склонения, распространения и применения субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте // Образование и право. № 10. 2017. С. 61–64.
 16. Кутуев А.Р. Уголовная ответственность за склонение, распространение и применение субстанций и (или) методов запрещенных для использования в спорте. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. – 236 с.
 17. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости. М., ВЛАДОС. 2006. – 63 с.
 18. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. М., 2000. – 287 с.
 19. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., Волтерс Клувер, 2009. – 579 с.
 20. Мальков С.М. Криминология и предупреждение преступлений. Красноярск, СибЮИ МВД России. 2020. – 210 с.
 21. Мальцев В.В. Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве. М., Юрлитинформ, 2014. – 646 с.
 22. Медведева Л.Е., Грушко А.И., Грушко Н.В. Психологические аспекты употребления допинга в спорте // Омский научный вестник. Психологические и педагогические науки. № 4 (131). 2014. – С. 85–89.
 23. Никулин С.И., Яцеленко Б.В. Уголовное право. Общая и Особенная части / под общ. ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. М., Проспект, 2017. – 895 с.
 24. Пермяков Ю.Е. Категория «общественно опасное поведение» в советском уголовном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. – 178 с.
 25. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб, Юрид. центр Пресс, 2003. – 293 с.,
 26. Савичев А.А. Криминологический анализ противодействия допинговой преступности // Вестник криминологии. 2020. № 1 (23). С. 35–38.
 27. Соломоненко И.Г. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., ИНФРА-М, 2013. – 332 с.
 28. Сулейманова С.Т. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов запрещенных для использования в спорте // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5, № 3 (19). С. 98–102.
 29. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. – 177 с.
 30. Тренеров лишат свободы за склонение спортсмена к приему допинга // Известия. 27.09.2024.
 31. Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны: Основные методологические проблемы. М.: Наука, 1992. – 229 с.
 32. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. – 213 с.
 33. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. М., Политиздат, 1991. – 559 с.
 34. Хиневич К.И. Проблемы предупреждения склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, закрепленных для использования в спорте (допинг) // Вестник МУ МВД России. № 6. 2019. С. 151–154.
 35. Ehruborg C. The psychology behind doping in sport / C. Ehruborg, T. Ross // Growth Hormone & IGF Research. 2009. № 19. С. 285–287.
 36. cyberleninka.ru.
 37. spravochnick.ru.
 38. uslovku.ru.

GROUNDS FOR CRIMINAL PROHIBITION OF PERSUADING AN ATHLETE TO USE SUBSTANCES AND (OR) METHODS PROHIBITED FOR USE IN SPORT

Agafonov A.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the article the author examines and analyzes both the concept of “grounds for criminalization” and the principles of this legislative activity, types of grounds, and particular grounds, i.e. grounds for the need to criminalize the inducement of an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports.

It has been established that the most socially significant condition in this case is precisely the public danger of such inducement. The author also identifies and analyzes such main features of the latter as harmfulness and precedent.

In the course of analyzing such a criminological concept as “grounds for criminalization”, the author established their extreme polyphony, and, consequently, the presence in criminological literature of very different points of view concerning their essence and content. Regarding the very inclination of an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports, the author supports the opin-

ion of those colleagues who believe that this socially dangerous act is criminalized quite reasonably, since the object of the latter is very broad and extremely voluminous, since it affects not only the life and health of the athlete himself as a human individual, but also the sports prestige of the entire Russian state.

The author explains the absence of official registration of crimes initiated on the grounds of a crime provided for by Art. 230.1 of the Criminal Code of the Russian Federation by the latency of the crime he is analyzing, which in turn is caused by the relatively significant isolation of the sports community from the people around it.

According to a number of experts, to whom the author himself joins, it is necessary to include among the determinants of inclination of an athlete to take doping the all-encompassing desire of the athlete to win, as well as the sincere confidence of the latter that without taking doping the latter is initially impossible to achieve, which clearly must be taken into account when carrying out preventive work with athletes. At the end of the work, the author formulated a number of conclusions, which in turn reflect only his personal point of view and nothing more.

Keywords: Criminalization, grounds, socially dangerous act, athlete, use, inducement, substances and methods prohibited in sports, doping, sports, sports crime, criminology.

References

1. Avdalyan M.E. The basis of criminalization // Economics and law. Bulletin of the Udmurt University. 2015. Vol. 25. Issue 3. pp. 35–38.
2. Antonov A.D. Theoretical foundations of criminalization and decriminalization: dis. ...candidate of Law. sciences. M., 2001. pp. 17–20.
3. Goroshilova A. Key events of the Russian doping scandal // Kommersant. No. 241. December 2018
4. Groshev A.V. Legal awareness in the system of grounds for criminalization of socially dangerous acts // Russian Law Journal. 2003. No. pp. 54–58.
5. WADA Report. All the most important things [Electronic resource]. Mode доступа: www.sportecspress.ru.
6. Doping as a phenomenon of distorted self-determination of young athletes: a systematic analysis, ways of prevention: monograph. // Edited by O.V. Karina, N.E. Shustova, M.A. Kiseleva, G.N. Malyuchenko, A.V. Timushkin. Saratov: Saratov source, 2013. – 148 p.
7. Durmanov N.D. The concept of crime. M., 1948. – 311 p.
8. Zhalinsky A.Z. Assessment of the public danger of an act in the process of criminal lawmaking // Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the 6th International Scientific and Practical Conference, January 29–30, 2009, Moscow, 2009. pp. 48–52.
9. Zlobin G.A. Social conditionality of the criminal law and scientific provision of rulemaking // The Soviet State and law. 1976. No. 8. pp. 46–49.
10. On the issue of the public danger of crime related to sports // <http://elibrary.ru>
11. Kenny K.S. Fundamentals of the criminal law of England. Cambridge. 1947. – 599 p.
12. Krasikova Yu.A. Criminal law of Russia. General part / edited by A.N. Ignatov, Yu.A. Krasikov. M., 2000. – 589 p.
13. Criminological foundations of criminal law. Tomsk, 1981. – 213 p.
14. Kudryavtsev V.N. Grounds for a criminal law ban. Criminalization and decriminalization. M., 1982. – 303 p.
15. Kutuev A.R. On the issue of criminalization of the declension, distribution and use of substances and (or) methods prohibited for use in sports // Education and Law. No. 10. 2017. pp. 61–64.
16. Kutuev A.R. Criminal liability for the incantation, distribution and use of substances and (or) methods prohibited for use in sports. Dis. ... cand. Jurid. M., 2019. –236 p.
17. Leontiev D.A. Test of resilience. M., VLADOS. 2006. – 63 p.
18. Lesnievsky-Kostareva T.A. Differentiation of criminal responsibility. M., 2000. – 287 p.
19. Lopashenko N.A. Criminal policy. M., Walters Kluwer, 2009. – 579 p.
20. Malkov S.M. Criminology and crime prevention. Krasnoyarsk, SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. – 210 p.
21. Maltsev V.V. The category of “socially dangerous behavior” in criminal law. M., Yurlitinform, 2014. – 646 p.
22. Medvedeva L.E., Grushko A.I., Grushko N.V. Psychological aspects of doping in sports // Omsk Scientific Bulletin. Psychological and pedagogical sciences. No. 4 (131). 2014. – pp. 85–89.
23. Nikulin S.I., Yatselenko B.V. Criminal law. General and Special parts / under the general editorship of M.P. Zhuravlev, S.I. Nikulin. M., Prospekt, 2017. – 895 p.
24. Permyakov Yu.E. The category of “socially dangerous behavior” in Soviet criminal law. Dis. ... cand. Jurid. M., 1989. – 178 p.
25. Plokhova V.I. Nonviolent crimes against property: criminological and legal validity. St. Petersburg, Legal Center Press, 2003. – 293 p.,
26. Savichev A.A. Criminological analysis of countering doping crime // Victimology. 2020. No. 1 (23). pp. 35–38.
27. Solomonenko I.G. Criminal law of the Russian Federation. General part / edited by L.V. Inogamova-Hegai. M., INFRA-M, 2013. – 332 p.
28. Suleymanova S.T. Criminal liability for inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports // Electronic scientific journal “Science. Society. State. 2017. Vol. 5, No. 3 (19). pp. 98–102.
29. Tobolkin P.S. Social conditionality of criminal law norms. Sverdlovsk, 1983. – 177 p.
30. Coaches will be imprisoned for inducing an athlete to take doping // Izvestia. 27.09.2024.
31. Fefelov P.A. The mechanism of criminal law protection: Basic methodological problems. M.: Nauka, 1992. – 229 p.
32. Filimonov V.D. Criminological foundations of criminal law. Tomsk, 1981. – 213 p.
33. Philosophical Dictionary / edited by I.T. Frolov. M., 1991. M., Politizdat, 1991. – 559 p.
34. Khinevich K.I. Problems of preventing an athlete's inclination to use substances and (or) methods fixed for use in sports (doping) // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 6. 2019. pp. 151–154.
35. Ehruborg C. Thepsychologybehinddopinginsport / C. Ehruborg, T. Ross // GrowthHomont&IGFResearch. 2009. № 19. C. 285–287.
36. cyberleninka.ru.
37. spravochnick.ru.
38. uslovku.ru.

Понятие и правовое регулирование учетно-регистрационной деятельности органов предварительного расследования

Аринкина Регина Радиковна,

адъюнкт кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России капитан внутренней службы, Отдел статистики ГУ МВД РОССИИ по Краснодарскому краю
E-mail: Arinkina.rr@yandex.ru

В статье раскрыта сущность организационно-правовых основ учетно-регистрационной деятельности органов предварительного расследования. Проанализированы научные подходы к пониманию терминов «криминалистическая регистрация», «криминалистический учет». Автором предложены собственные дефиниции данных явлений. Рассмотрены основные нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы осуществления учетно-регистрационной деятельности органов предварительного расследования. Сделан вывод о несогласованности норм в части регулирования электронной формы заявления о преступлении. Приведены аргументы в пользу того, что закрепление возможности подачи электронного заявления о преступлении в большей степени соответствует уровню цифровизации современного общества в России.

Ключевые слова: криминалистическая регистрация, криминалистический учет, органы предварительного расследования, учетно-регистрационная деятельность, цифровизация.

Полагаем, что для наиболее полного раскрытия организационно-правовых основ учетно-регистрационной деятельности органов предварительного расследования первоначально необходимо определиться со смысловым значением термина «учетно-регистрационная деятельность». Для его системного анализа целесообразно учитывать то, что «учетно-регистрационная деятельность» включает в себя два важных элемента: 1) «криминалистическую регистрацию»; 2) «криминалистический учет».

Стоит отметить, что в настоящее время не существует единого подхода к определению упомянутых выше элементов. Например, А.А. Беляков, Р.А. Усманов считают, что криминалистическая регистрация представляет собой специальную систему, которая учреждается государством для сбора, учета и обработки криминогенной информации [3]. По нашему мнению, это определение требует детализации и расширения, поскольку данные авторы склоняются к отождествлению криминалистической регистрации и учета, не указывая на процессуальный аспект регистрации, в частности на использование данных, полученных в результате такой регистрации.

Р.С. Белкин рассматривал криминалистическую регистрацию в двух аспектах: 1) регистрационных баз данных; 2) непосредственной регистрационной деятельностью. Следовательно, по мнению Р.С. Белкина, криминалистическая регистрация представляет собой единство системы средств регистрации и системы действий [2].

На наш взгляд, вышеупомянутая дефиниция не может быть признана вполне удачной, поскольку, исходя из ее содержания, складывается впечатление, что криминалистическая регистрация оперирует не данными о лице и о других криминалистически значимых объектах, а самими средствами и приборами, которые используются для процесса фиксации данных, для наполнения соответствующего учета. Таким образом, полагаем, что Р.С. Белкин использовал не совсем точную формулировку объектов, которые включены в систему криминалистической регистрации.

Более правильной нам представляется позиция ученых, которые рассматривают регистрацию не как систему информационных ресурсов, а как «технологический процесс» фиксации, учета и хранения документированной информации, основанной на определенной методологии [1].

С точки зрения В.О. Давыдова, криминалистическая регистрация – это принципы и правила функционирования системы учетов лиц, предме-

тов и других объектов и сведений по ним, имеющих криминалистическое значение. Она является хранилищем и источником поступления актуальной и потенциальной криминалистически значимой информации. Систему криминалистической регистрации составляют централизованные учеты, картотеки, коллекции, базы данных органов МВД России, а также вспомогательные учеты, ведомственные хранилища и регистрационно-справочная документация других учреждений, организаций и органов [4].

А.А. Курин считает, что криминалистическая регистрация – это система получения, учета и хранения данных о лицах, предметах и других объектах, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений [8].

Что касается криминалистических учетов, то здесь также доминирует плюралистический подход к определению этой дефиниции. Так, Н.А. Корниенко считает, что криминалистический учет является системой регистрации информации об объектах для раскрытия и профилактики преступлений [6].

По мнению С.С. Ржанниковой, криминалистические учеты – это информационно-поисковые системы, созданные и функционирующие в органах правопорядка с целью обеспечения процесса расследования преступлений определенной информацией о преступлениях и объектах повышенного криминогенного риска, которая составляет их массивы [15].

Приведенные определения, по своей сути обозначают одно явление, однако акцентируют внимание на различных его аспектах. Так, Н.А. Корниенко и С.С. Ржанникова идентифицируют учет как определенную систему, в частности, первый ученый акцентирует внимание на внутренней организации учета (сосредоточение зарегистрированных и систематизированных объектов), происхождении объектов (научные знания и практика противодействия преступности) и цели, с которой используются сведения (раскрытие и предупреждение преступлений), а второй – на его назначении (поиск информации), субъектах, осуществляющих учет (органы правопорядка) и цели, которая сужена лишь до обеспечения процесса расследования преступлений, но не их предупреждения.

Еще одним определением, заслуживающим внимания, является определение анализируемого нами понятия, которое приводят В.В. Кубанов, В.В. Степанов. Согласно их позиции, криминалистический учет – это научная система регистрации определенных объектов для предупреждения преступлений, их раскрытия, розыска и опознания объектов, взятых на учет [7].

В вышеуказанном определении учет отождествляется с научной системой и при этом расширяется перечень назначения такой системы для предупреждения преступлений, их выявления, розыска и опознания объектов, которые берутся на учет. Вместе с тем, на наш взгляд, на научных методах базируется именно криминалистическая регистра-

ция, как процесс сбора информации, которая объединена в определенном учете, сам же учет, хоть и создан на основе достижений науки, однако является, прежде всего, информационной базой данных, а не научной системой.

По мнению А.В. Морозова, криминалистический учет представляет собой один из структурных элементов криминалистической регистрации, который отличает специфическая криминалистически значимая информация и специфические способы и формы ее накопления и систематизации [9].

В приведенном определении А.В. Морозова, несмотря на логичность предложенной дефиниции, по нашему мнению, нужно более подробно раскрыть сущность самого учета, поскольку, учитывая развитие общественных отношений, не указано, какое содержание заложено в формулировку «специфические способы и формы накопления и систематизации криминалистически значимой информации». Кроме того, способы и формы накопления информации целесообразнее соотносить с процессом криминалистической регистрации, а не с содержанием понятия «криминалистический учет», поскольку именно процесс криминалистической регистрации обеспечивает информационное наполнение учета. Полагаем, что целесообразным является также разграничение криминалистической регистрации и системы учетов, поскольку регистрация, прежде всего, – это процесс сбора и фиксации криминалистически значимой информации.

Для идентификации, априори, необходимо оперировать определенной информацией об объекте, а потому базовым процессом функционирования криминалистического учета является сбор и фиксации информации о соответствующем объекте учета. Из этого можно сделать вывод, что учет – это всегда определенный массив информации или информационная база данных. Информация в такой базе данных предназначена для того, чтобы оперируя ею, органы правопорядка смогли осуществить анализ определенного объекта, полученного в процессе оперативно-розыскной деятельности и/или расследования преступления и идентифицировать его или сравнить с другими похожими объектами, о которых имеется информация в учете. Итак, криминалистический учет действительно является информационно-поисковой базой данных.

Суммируя вышесказанное, предлагаем следующие дефиниции криминалистической регистрации, криминалистического учета:

1. криминалистическая регистрация – это совокупность криминалистических учетов и комплексная деятельность, заключающаяся в сборе, обработке и использовании в рамках уголовного производства, оперативно-розыскной деятельности и осуществления криминалистических экспертиз информации об объектах с целью выявления (раскрытия) или предупреждения преступления, установления лиц, совершивших преступление, идентификации предметов, орудий, средств преступления и пр.;

2. криминалистический учет – это специальная информационная база данных, которая содержит информацию об объектах, полученных в процессе криминалистической регистрации, а сама информация в учете направлена на использование во время оперативно-розыскной деятельности и уголовного производства с целью расследования, раскрытия и предупреждения преступлений, установления лиц, совершивших преступление, идентификации предметов, орудий, средств преступления.

Организационно-правовую основу учетно-регистрационной деятельности образуют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, акты МВД России и иные ведомственные акты.

В Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [5] нет норм, которые бы прямо регулировали учетно-регистрационную деятельность органов предварительного расследования. Однако в ней есть основополагающие положения, которыми должны руководствоваться и органы предварительного расследования, осуществляя учетно-регистрационную деятельность. Прежде всего, нами имеются в виду ст. ст. 2, 33, 49, 50 Конституции РФ.

К федеральным законам, регламентирующим вопросы осуществления учетно-регистрационной деятельности, в первую очередь могут быть отнесены: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [17], Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) [18], Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – Закон об СК РФ) [19].

В УПК РФ раскрываются требования к форме, способам подачи заявлений о преступлении. Так, в ст. 141 УПК РФ сказано, что заявление о преступлении может быть как устную, так и письменную форму. Кроме того, в этой же норме обращено внимание на то, что заявление о преступлении не может быть подано анонимно.

Закон о полиции, в частности ст. 12, возлагает обязанность по приему и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях на полицию. При этом в данном законоположении есть особое указание на то, что заявления и сообщения о преступлениях могут иметь и электронную форму.

Таким образом, наблюдается определенное расхождение между нормами УПК РФ и Закона о полиции, поскольку ст. 141 УПК РФ допускает подачу заявлений о преступлениях только в устной или письменной формах. Об электронной форме подачи заявлений о преступлениях ст. 141 УПК РФ ничего не говорит.

Для учетно-регистрационной деятельности также имеет значение ст. 13 Закона о полиции, которой устанавливается объем прав полиции. В частности, помимо прочего, там закрепляется право полиции получать, учитывать дактилоскопическую информацию и геномную информацию.

В Законе об СК РФ также есть нормы, которые регулируют учетно-регистрационную деятельность органов предварительного расследования. Нами в первую очередь имеется в виду ст. 11, где сказано, что в СК РФ, в пределах его компетенции, рассматриваются заявления и иные обращения, содержащие сообщения о преступлениях.

Акты МВД РФ имеют, пожалуй, наибольшее практическое значение для регулирования учетно-регистрационной деятельности органов предварительного расследования. Это объясняется тем, что именно в этих актах подробно раскрывается и детализируется порядок осуществления данного рода деятельности. Среди таких актов необходимо назвать Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» (далее – Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736) [13], Приказ МВД России от 10.02.2006 № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» [12].

Кроме того, среди ведомственных актов можно выделить те, что носят совместный характер. Главной целью их разработки и принятия было обеспечение эффективного взаимодействия между органами предварительного расследования и другими государственными органами в рамках реализации учетно-регистрационной деятельности. В качестве наглядного примера здесь следует назвать Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» [11].

Итак, можно констатировать, что в Российской Федерации имеется достаточно обширная нормативно-правовая база, регламентирующая учетно-регистрационную деятельность органов предварительного расследования. Между тем, регулирование вопросов осуществления учетно-регистрационной деятельности органов предварительного расследования не лишено определенных проблем.

Прежде всего, как ранее нами было отмечено, есть несоответствие между законодательными актами, регламентирующими форму заявлений о преступлениях. На наш взгляд, любые нормы законодательства должны в первую очередь соответствовать уровню развития общества на конкретном временном промежутке. Поэтому очевидно, что сегодня возможность электронной подачи заявлений о преступлениях, предусмотренная Законом о полиции, Приказом МВД России от 29.08.2014 № 736, в большей степени согласуется с усиливающейся тенденцией цифровизации современного общества.

В настоящее время усовершенствование учетно-регистрационной деятельности органов

предварительного расследования, улучшение ее показателей невозможно без цифровизации. Многие изменения в частной сфере, связанные с развитием искусственного интеллекта, информационных технологий, также происходят и в публично-правовой сфере. Полагаем, цифровизация учетно-регистрационной деятельности может происходить за счет применения новых технологий и продуктов. Новые технологии помогут органам предварительного расследования усовершенствовать методы проверки и наблюдения. Современные компьютерные продукты содержат в себе возможности по сбору более объемных и развернутых сведений, требующихся для всестороннего и качественного рассматривания и разрешения правоохранительными органами заявлений о преступлениях, их последующего расследования.

Чтобы эти новые технологии привели к повышению эффективности учетно-регистрационной деятельности органов предварительного расследования, необходимо, чтобы они сопровождалась организационными изменениями, высокой прозрачностью в их использовании и массовым использованием цифровых услуг гражданами. В этой области цифровизации Россия значительно продвинулась в последние годы. Однако необходимо сделать еще много шагов, чтобы Россия стала ведущей страной в области электронного уголовного правосудия.

Для всестороннего участия в электронном производстве по уголовным делам, безусловно, следует обучить как можно больше российских граждан применять информационные технологии. Кроме того, работники органов предварительного расследования, как и другие должностные лица, должны иметь высокий уровень знаний в сфере информационных технологий. Для этого целесообразно массово привлекать ИТ-специалистов, программистов к работе в данной сфере [14].

В связи со сказанным огромный интерес вызывает казахстанский опыт внедрения цифровых технологий в работу органов предварительного расследования. В этой стране были внесены существенные изменения в уголовно-процессуальный закон, который позволил внедрить в уголовный процесс электронный формат. Так, в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V [16] была введена ст. 42–1, которая закрепила возможность электронного производства по уголовному делу, наряду с бумажным. Выбор соответствующего формата отнесен к компетенции органов предварительного расследования. Разработанная и принятая казахстанским законодателем инструкция от 3 января 2018 г. [10] урегулировала вопросы, связанные с использованием специального нового модуля «Электронное уголовное дело» в Едином реестре досудебных расследований.

Электронный документооборот способен усилить быстроту и эффективность учетно-регистрационной деятельности органов предварительного расследования, поскольку нет необходи-

мости трудоемких операций по составлению и обработке традиционной бумажной документации.

На основании вышеизложенного, можем констатировать, что правовое регулирование учетно-регистрационной деятельности органов предварительного расследования нуждается в совершенствовании. В частности, предлагаем изложить ч. 1 ст. 141 УПК РФ в следующей редакции: «Заявление о преступлении может быть сделано в устном, письменном или электронном виде».

Литература

1. Аминев Ф.Г. Криминалистическая регистрация: учебно-методическое пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 127 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: Юристъ, 1997. Т. 2. 464 с.
3. Беляков А.А., Усманов Р.А. Криминалистическая регистрация: научно-практическое руководство. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 189 с.
4. Давыдов В.О. Информация в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений: теория, практика, инновации: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 244 с.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
6. Корниенко Н.А. Российские и международные криминалистические учеты. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 335 с.
7. Кубанов В.В., Степанов В.В. Криминалистические учеты огнестрельного оружия и следов его применения. М.: Юрлитинформ, 2008. 162 с.
8. Курин А.А. Криминалистическая регистрация: концептуальные основы единой телекоммуникационной системы: монография. Волгоград: Волгоградская акад. МВД РФ, 2011. 186 с.
9. Морозов А.В. Использование экспертно-криминалистических учетов в расследовании преступлений прошлых лет: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 252 с.
10. Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 «Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» // Эдilet. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268> (дата обращения: 20.01.2024).
11. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» // Российская газета. 2006. 25 янв.

12. Приказ МВД России от 10.02.2006 № 70 (ред. от 11.09.2018) «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // Сборник приказов МВД России, признанных не нуждающимися в государственной регистрации 2005–2007 гг. М., 2007.
13. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 09.10.2019) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета. 2014. 14 нояб.
14. Пшава В.В., Соколов А.Б., Галдина Э.О. К вопросу о цифровизации уголовного процесса // Право и практика. 2022. № 2. С. 135–138.
15. Ржанникова С.С. Основы экспертно-криминалистической деятельности в МВД России: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический ин-т МВД России, 2021. 131 с.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 01.04.2019) // Эдilet. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 20.01.2024).
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
18. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
19. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 27.11.2023) «О Следственном комитете Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES OF ACCOUNTING AND REGISTRATION ACTIVITIES OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES

Arinkina R.R.

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article reveals the essence of the organizational and legal foundations of the accounting and registration activities of the preliminary investigation bodies. The scientific approaches to understanding the terms «forensic registration» and «forensic accounting» are analyzed. The author offers his own definitions of these phenomena. The main normative legal acts regulating the issues of accounting and registration activities of the preliminary investigation bodies are considered. The conclusion is made about the inconsistency of the norms regarding the regulation of the electronic form of a crime statement. Arguments are given in favor of the fact that the consolidation of the possibility of filing an electronic statement about a crime is more consistent with the level of digitalization of modern society in Russia.

Keywords: forensic registration, forensic accounting, preliminary investigation bodies, accounting and registration activities, digitalization

References

1. Aminev F.G. Forensic registration: a teaching aid. Ufa: RIC BashSU, 2020. 127 p.
2. Belkin R.S. Forensic science course. Moscow: Yurist, 1997. Vol. 2. 464 p.
3. Belyakov A.A., Usmanov R.A. Forensic registration: a scientific and practical guide. Rostov-on-Don: Phoenix, 2006. 189 p.
4. Davydov V.O. Information in crime detection and investigation activities: theory, practice, innovation: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2021. 244 p.
5. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
6. Kornienko N.A. Russian and international forensic records. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. 335 p.
7. Kubanov V.V., Stepanov V.V. Forensic records of firearms and traces of their use. Moscow: Yurlitinform, 2008. 162 p.
8. Kurin A.A. Forensic registration: conceptual foundations of a unified telecommunications system: monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2011. 186 p.
9. Morozov A.V. Use of forensic records in the investigation of crimes of past years: monograph. M.: Yurlitinform, 2017. 252 p.
10. Order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan dated January 3, 2018 No. 2 “On approval of the Instruction on the conduct of criminal proceedings in electronic format” // Edilet. Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268> (date of access: 01/20/2024).
11. Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 39, the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1070, the Ministry of Emergency Situations of Russia No. 1021, the Ministry of Justice of Russia No. 253, the FSB of Russia No. 780, the Ministry of Economic Development of Russia No. 353, the Federal Drug Control Service of Russia No. 399 of 12/29/2005 (as amended on 10/15/2019) “On the Unified Registration of Crimes” // Rossiyskaya Gazeta. 2006. January 25.
12. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 10.02.2006 No. 70 (as amended on 11.09.2018) “On the organization of the use of forensic records of the internal affairs bodies of the Russian Federation” // Collection of orders of the Ministry of Internal Affairs of Russia, recognized as not requiring state registration 2005–2007. Moscow, 2007.
13. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 29.08.2014 No. 736 (as amended on 09.10.2019) “On approval of the Instruction on the procedure for accepting, registering and resolving in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation applications and reports on crimes, administrative offenses, and incidents” // Rossiyskaya Gazeta. 2014. November 14.
14. Pshava V.V., Sokolov A.B., Galdina E.O. On the issue of digitalization of criminal proceedings // Law and Practice. 2022. No. 2. P. 135–138.
15. Rzhannikova S.S. Fundamentals of forensic activity in the Ministry of Internal Affairs of Russia: a tutorial. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 131 p.
16. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated 04.07.2014 No. 231-V (as amended and supplemented as of 01.04.2019) // Edilet. Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (date of access: 20.01.2024).
17. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 25.12.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.
18. Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ (as amended on 04.08.2023) “On Police” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Art. 900.
19. Federal Law of 28.12.2010 No. 403-FZ (as amended on 27.11.2023) “On the Investigative Committee of the Russian Federation” (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Art. 15.

Обеспечение допустимости доказательств при получении образцов для сравнительного исследования в уголовном процессе

Бельшков Дмитрий Сергеевич,

аспирант кафедры публичного права Государственного академического университета гуманитарных наук
E-mail: dsbelyshkov@gaugn.ru

Предмет исследования непосредственно связан с вопросами получения образцов для сравнительного исследования (в частности голоса) в уголовном процессе в свете необоснованного их использования в качестве доказательства. Целью исследования является недостаточное урегулирование данной процедуры процессуальным законом, что влечет применение на практике иных нормативно-правовых актов при изъятии данных образцов. Проведенный анализ с применением логического и сравнительно-правового методов показал, что использование в ходе изъятия образцов правовых норм, регулирующих оперативно-розыскную деятельность, в настоящее время не позволяет обеспечить соблюдение конституционного права подсудимых лиц, такого как право на помощь адвоката, а также процессуальных прав на заявление ходатайств, подачу заявлений и замечаний. Новые выводы, полученные в правоприменительной практике, требуют внесения изменений в отраслевое законодательство, поскольку разъяснения высших судебных органов по названной проблеме не способны урегулировать досудебную стадию производства по уголовному делу.

Ключевые слова: доказывание, образец, недопустимые доказательства, уголовный процесс, конституционное право, следственные действия.

Доказательства – важнейший элемент уголовного процесса, на их основе определяется виновность подсудимого и мера его ответственности. Одной из составляющих, необходимых для полноценного осуществления судебной экспертизы, становится получение так называемых сравнительных образцов. Но при их получении необходимо обеспечить полное и всеобъемлющее соблюдение прав и интересов всех участников уголовного судопроизводства.

Существующие случаи получения образцов без соблюдения императивных норм, либо с их явным нарушением, либо проведение таких действий для получения определенных выводов по результатам экспертизы способствует искажению, как самого процесса в целом, так и подрывает веру в справедливое разбирательство.

Основной закон нашей страны в статье 50 вводит запрет на использование доказательств, которые получены путем, не предусмотренным федеральным законодательством. Тем не менее, на практике зачастую встречаются решения судов различных инстанций, которые вызывают полемику, в связи с отсутствием отражения и реализации конституционных норм в принимаемых решениях.

Представляется, что сложившийся в последнее время в российском судопроизводстве обвинительный уклон при отправлении правосудия, позволяет следователям и дознавателям допускать ошибки на стадии предварительного расследования, на которые суды должным образом не реагируют, в связи с необходимостью обеспечения принципа неотвратимости наказания.

Пренебрежение принципом состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе приводит к ущемлению прав, как самих его участников, так и их профессиональных защитников.

Состояние законности при отправлении правосудия является безусловным показателем работы судей, государственных обвинителей, следователей и дознавателей. В то же время нарушение закона в уголовном процессе, влекущее отмену процессуального решения может повлечь неблагоприятные последствия не только для указанных лиц, в виде привлечения их к ответственности за нарушение закона, но и для потерпевших, когда нарушается их конституционное право на доступ к правосудию.

Вопрос о запрете использования «недопустимых» доказательств в уголовном процессе неоднократно поднимался в юридической прессе.

Бахта А.С. и Нуриев И.Н. утверждают, что прерогатива выбора средств и способов получения

нужных образцов исследования полностью принадлежит следователю или дознавателю, но это «вызывает большие сомнения в легитимности осуществления данных действий» [1].

Должностное лицо, в рамках выполнения профессиональных обязанностей по сбору и оценке доказательств в уголовном процессе может изъять образцы, которые в дальнейшем, будут представлены экспертам (специалистам) для их дальнейшего изучения в рамках проводимой судебной экспертизы, выводы которой зачастую имеют решающее значение для исхода дела.

Вопросы производства такой экспертизы урегулированы положениями целого ряда статей с 195 по 207 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ). В них обозначены императивные требования, к алгоритмам действий, направленных на первоначальное назначение, а затем организацию и проведение судебных экспертиз.

Важность применения императивных норм в ходе отбора образцов, заключается в безусловной необходимости соблюдения закона на всех стадиях судопроизводства, включая сбор доказательств в ходе предварительного расследования.

Как следует из нижеприведенной позиции Конституционного Суда РФ, нельзя относить полученные образцы непосредственно к самостоятельному доказательству в уголовном деле, так как данные образцы имеют совсем иную природу возникновения и не отвечают требованиям относимости доказательства.

Однако на практике встречаются решения о признании образцов доказательствами, а после исследования таких «доказательств» в судебных инстанциях, в приговорах встречаются фразы о том, что такие «доказательства» получены с соблюдением норм закона, и не имеется оснований признавать их недопустимыми, несмотря на природу и источник их возникновения.

В тоже время полученные образцы используются при производстве судебной экспертизы, заключение которой зачастую составляет основу приговора. Таким образом, являясь необходимой частью производства судебной экспертизы, стадия получения образцов требует соблюдения всех процессуальных норм, чтобы проведенные на их основе в дальнейшем экспертные исследования стали законно полученным доказательством.

Нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные на всех стадиях, связанных с началом и завершением судебной экспертизы и оценке заключения экспертов как источника доказательств, напрямую влияют на исход дела, поскольку заключением экспертов, помимо прочего, может быть идентифицирована личность подсудимого, потерпевшего, дана зачастую субъективная оценка их действиям.

Такое доказательство, следует оценивать вкупе с иными доказательствами стороны обвинения. Но их особенность заключается в том, что оно может быть положено, а зачастую безотлагательно

кладется в основу выводов суда о виновности подсудимого.

Статья 202 УПК РФ обязывает следователя «при получении образцов для сравнительного исследования вынести постановление» [11], а также он должен составить соответствующий делу протокол получения образцов. Все эти действия направлены на реализацию прав лиц, у которых такие образцы изымаются.

Как следует из положений Конституции РФ (ст. 48) и Уголовно-процессуального Кодекса, лицо, находящееся в статусе обвиняемого, имеет право:

- на оказание ему квалифицированной юридической помощи;
- на подачу заявлений,
- быть предупрежденным о применении конкретных технических средств;
- делать замечания и дополнения, подлежащие занесению в протокол (ч. 1 ст. 166 УПК РФ).

На практике, всех данных прав подсудимый лишается, как только в отношении него начинается производство скрытого оперативного мероприятия.

Чем же грозит для участников уголовного процесса, несоблюдение столь незначительной, как может показаться, процедуры изъятия образцов в порядке ст. 202 УПК РФ?

Обратим свое внимание на Постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции» [9], в нем оговорено, что если при сборе доказательственной базы со стороны сотрудников были допущены существенные нарушения, то такие доказательства будут считаться недопустимыми. В случае если такие нарушения воспрепятствуют принятию постановления о вынесении приговора, суд вправе возвратить уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Представив на данной стадии возможное выявление целого ряда недопустимых доказательств, которые могут обусловить в дальнейшем вынесение оправдательного приговора, роль доказательств, полученных с явным или косвенным нарушением требований процессуального закона обретает решающее значение для судьбы и последующего итога всего уголовного дела.

Логичную позицию по этому вопросу мы можем найти в «Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2009 года», ее смысл в том, что «доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения» [10].

Указанным в обзоре решением признано обоснованным исключение судом из числа доказательств целого ряда заключений фоноскопических экспертиз, в связи с тем, что органами предварительного следствия не были осуществлены соответствующим образом и не исполнены требования

ст. 202 УПК РФ в части получения образцов голосов обвиняемых для проведения сравнительного исследования.

В данном случае, образцы голосов обвиняемых были получены скрытно от них, в отсутствие их защитников, без разъяснения им процессуальных прав, результаты проведенных записей бесед с обвиняемыми были сразу же переданы для производства фоноскопических экспертиз, что «противоречит положениям ст. ст. 47, 166 УПК РФ (Определение № 83-О09–34)» [10].

И главное, что они получены обманным путем, так как подозреваемый не знал о том, что осуществляется запись с целью дальнейшего сравнительного исследования его голоса.

Так возможно ли на практике, вопреки императивному порядку, обойдя требования ст. 202 УПК РФ и заполучить необходимые образцы, подменив требования, изложенные в УПК РФ, опираясь на положения другого ФЗ?

Сложность получения образца голоса вызвана двойственностью ситуации, когда с одной стороны лицо отказывается предоставлять образцы голоса, а изъять их в принудительном порядке не только невозможно, но и неосуществимо.

Гриненко А.В. указывает, что если лицо отказывается предоставить образцы для сравнительного исследования, а их изъятие принудительно невозможно (например, фоноскопические образцы), то их получение в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий осуществлять нельзя. Проведение в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом, в частности ст. 202 УПК РФ, установлена специальная процедура [2].

Как показывает практика в настоящее время образцы голоса могут быть получены не только в порядке, императивно установленном ст. 202 УПК РФ, а например, на основании норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», даже если дело находится в производстве должностного лица, к которому функции оперативно-розыскных мероприятий не отнесены на законодательном уровне.

Так, как же может следователь или дознаватель обойти данные требования процессуального закона? К примеру, указанные должностные лица могут дать поручение органу, осуществляющему оперативно-розыскные мероприятия с просьбой получить вместо них данные образцы.

Так, по уголовному делу № 5-УД22–72-К2 Верховный суд РФ, отказывая осужденному в передаче направленной им жалобы для рассмотрения в судебное заседание суда кассационной инстанции, вынес 29.06.2022 постановление которым фактически признал законным отказ следователя от соблюдения императивных норм, отраженных в ст. 202 УПК РФ, и обязывающих последнего вынести постановление и составить протокол, в от-

ношении образцов, которые были признаны вещественным доказательством.

По данному уголовному делу следователь в ходе расследования не стал соблюдать порядок получения образцов, и не предложив обвиняемому их предоставить, сразу же направил поручение в органы полиции о получении образцов в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Оперативные сотрудники, исполняя поручение следователя пригласили обвиняемого на беседу, якобы не связанную с расследуемым делом, после чего тайно осуществили запись его голоса, предоставив затем ее следователю.

Важным, и имеющим решающее значение в данном деле являлся тот неоспоримый факт, что осужденный не отказывался от дачи образцов в установленном законом порядке, и имел полное право на соблюдение конституционных прав при осуществлении в отношении него уголовного преследования.

Следователь приобщил данную запись с образцами голоса в качестве вещественного доказательства, которые по своей природе таковыми не являются, а суд первой, апелляционной и кассационной инстанций признали такое доказательство допустимым.

Теперь предлагается рассмотреть эволюцию выводов Конституционного суда РФ по данному вопросу.

Наиболее логичной представляется позиция, изложенная в Определении от 25.02.2010 № 261-О-О [4], смысл которой заключается в том, что ст. 202 УПК РФ не допускает возможности получения образцов путем подмены установленного ею порядка данной процедуры.

Ссылаясь на Определение от 24.01.2008 № 104-О-О[3], суд обращает внимание, что оперативные мероприятия не могут подменять установленную ст. 202 УПК РФ специальную процедуру.

В решении от 24.01.2008, высший судебный орган прямо указывает, что Конституция РФ гарантирует право каждому обвиняемому пользоваться помощью адвоката, а нормы ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не могут применяться к обвиняемому без учета процессуального статуса, в котором он находится, а иное противоречило бы Конституции, а также умаляло достоинство личности, его права и свободы гарантированные государством.

Спустя 7 лет Конституционный Суд РФ вынес Определение № 2211-О от 28.09.2017 согласно которому «образцы голоса подозреваемого, обвиняемого в силу их специфичности не могут быть получены в рамках предусмотренной процессуальной процедуры, даже принудительным путем, если лицо отказывается от их предоставления следователю, что делает невозможным реализацию положений ст. 202 УПК РФ и препятствует эффективно-му решению задач уголовного судопроизводства, защите прав потерпевших от преступлений. В этих условиях получение образцов голоса для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиня-

емого допустимо с помощью иных процедур, предусмотренных действующим законодательством и не противоречащих требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ».

В определении № 320-О от 27.02.2020, Конституционный Суд РФ приходит к выводу, что в условиях невозможности принудительного получения образцов голоса или отказа от их представления, допустимо использовать иные способы их получения, не противоречащие ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Другими словами, допускается ограничение прав обвиняемого в целях защиты интересов других лиц [6].

Конституционный Суд РФ подчеркивает право следователя нарушить императивные нормы УПК РФ и обратиться за помощью в получении образцов к органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, которые в свою очередь должны обеспечить законность, а также защиту прав и свободу граждан, что также отражено в упомянутом ранее Определении № 2211-О от 28.09.2017[5].

Приоритетность общественных интересов над частными еще раз подтверждена в Определении № 1055-О от 23.04.2020[7].

В Определении Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1856-О[8], изложена позиция, согласно которой обвиняемый вправе пользоваться помощью защитника в рассматриваемом случае. Однако обязательное обеспечение такого права в данном случае не требуется, из-за угрозы уничтожения или утраты доказательств.

Анализируя принятые Конституционным Судом РФ решения, необходимо задать несколько вопросов, касающихся соблюдения конституционных прав подследственного лица.

Можно ли распространить данную позицию на случай получения образцов голоса для проведения фоноскопической экспертизы, мотивируя это тем, что доказательства могут быть утрачены? Представляется, что нет, ведь получая образец голоса, следователь зачастую уже имеет спорную запись, подлежащую исследованию, которую вряд ли можно отнести к «скоропортящимся» доказательствам.

Будет ли считаться соблюдением законности введение в заблуждение или обман лица при получении образцов обманным путем, например, скрытая запись голоса при беседе с сотрудником? Есть ли право у следователя на совершение подобных действий в рамках уголовно-процессуального закона?

Как быть с процессуальными правами лица, у которого берут образцы, без соблюдения процедуры, установленной законом? Ведь конституционное право обвиняемого на оказание ему юридической помощи никто не отменял, это касается и при осуществлении следственных и процессуальных действий.

Ст. 51 Конституции нашей страны, включает в себя возможность отказаться от предоставления доказательств своей виновности в совершении

преступления, однако оно не исключает использование образцов, полученных от лица, которые сами по себе доказательством по делу не являются, а по своей природе служат объектом исследования и сопоставления.

Но почему тогда в некоторых случаях, таких как описанный выше, суды всех инстанций соглашались с решением о признании образцов в качестве доказательств? На сегодняшний день, процессуальный закон описывает один порядок выполнения процедуры получения образцов, и не указывает на возможность применения иных нормативных актов в рамках данной процедуры.

Важность соблюдения императивных норм при получении образцов для сравнительного исследования, заключается в безусловной необходимости соблюдения именно отраслевого закона на всех стадиях судопроизводства, включая стадию сбора доказательств в ходе предварительного расследования.

Являясь необходимой частью производства судебной экспертизы, данная стадия требует соблюдения всех процессуальных норм, дабы полученные в дальнейшем экспертные заключения не стали «плодами отравленного дерева».

Обозначенные проблемы, требуют разрешения на законодательном уровне, путем внесения соответствующих изменений в процессуальный закон.

Если правоприменитель видит необходимость в получении образцов с использованием оперативно-розыскных мероприятий, то наиболее оптимальным для соблюдения интересов всех сторон уголовного процесса представляется дополнение статьи 202 УПК РФ положениями о получении таких образцов оперативными сотрудниками, но с соблюдением прав, предоставленных лицу, как Конституцией, так и процессуальным законом.

Литература

1. Бахта, А.С. Нуриев, И.Н. Правовое регулирование получения образцов для сравнительного исследования в принудительном порядке в ходе досудебного производства. // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2022 – № 2 – С. 127–131.
2. Гриненко, А.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий // М.: Проспект. – 2021. – 1288 с.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2008 № 104-О-О // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=53374#YX61x5UYPIYJydVB3> (дата обращения: 03.03.2024).
4. Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2010 № 261-О-О // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=144193#4Wf0x5UOOTiAiavm> (дата обращения: 03.03.2024).
5. Определение Конституционного Суда РФ № 2211-О от 28.09.2017 // URL: <https://>

www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=517162#QyFzw5UKoAGjmcvT1 (дата обращения: 03.03.2024).

6. Определение Конституционного Суда РФ № 320-О от 27.02.2020 // URL: <https://base.garant.ru/73740322/> (дата обращения: 03.03.2024).
7. Определение Конституционного суда РФ № 1055-О от 23.04.2020 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=628884#XzXzw5UPtbiVerA5> (дата обращения: 03.03.2024).
8. Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1856-О // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=638602#lq80x5UoOdNOVwRK> (дата обращения: 03.03.2024).
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 г. Москва «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/ (дата обращения: 03.03.2024).
10. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2009 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 10.03.2010) (ред. от 29.12.2010) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98498/ (дата обращения 06.10.2024).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 06.10.2024).

ENSURING THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE IN OBTAINING SAMPLES FOR COMPARATIVE RESEARCH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Belyshkov D.S.

State Academic University for Humanities

The subject of the study is directly related to the issues of obtaining samples for comparative research, in particular voice samples in criminal proceedings in the light of their unjustified use as evidence. The purpose of the study is the insufficient regulation of this procedure by the procedural law, which entails the application in practice of other normative legal acts when withdrawing these samples. Following the logic of the author and comparing the documents of judicial practice, the researcher proves that modern norms of criminal law, which regulate investigative activities, are not adapted to

ensure that they do not violate the rights of persons under investigation, guaranteed to them by the basic law, such as the right to legal counsel, as well as procedural rights to petition, submit applications and comments. The new conclusions obtained by the author on the basis of a thorough analysis of the definitions of the Supreme Court of the Russian Federation indicate the need to include changes in the legislation of this area, since the explanations of the higher judicial authorities are not able to regulate the pre-trial stage of criminal proceedings.

Keywords: proof, sample, inadmissible evidence, criminal procedure, constitutional law, investigative actions.

References

1. Bakhta, A.S. Nuriev, I.N. Legal regulation of obtaining samples for comparative study in a compulsory manner in the course of pre-trial proceedings. // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022 – № 2 – С. 127–131.
2. Grinenko, A.V. Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Scientific and practical commentary // М.: Prospect. – 2021. – 1288 с.
3. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation from 24.01.2008 № 104-О-О // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=53374#YX61x5UYPIYJydVB3> (date of address: 03.03.2024).
4. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.02.2010 № 261-О-О-О // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=144193#4Wf0x5UOOTiAiavm> (date of address: 03.03.2024).
5. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation № 2211-О of 28.09.2017 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=517162#QyFzw5UKoAGjmcvT1> (date of address: 03.03.2024).
6. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation № 320-О of 27.02.2020 // URL: <https://base.garant.ru/73740322/> (date of address: 03.03.2024).
7. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1055-О of 23.04.2020 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=628884#XzXzw5UPtbiVerA5> (date of address: 03.03.2024).
8. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation from 23.07.2020 № 1856-О // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=638602#lq80x5UoOdNOVwRK> (date of address: 03.03.2024).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2017, No. 51, Moscow “On the practice of application of legislation in the consideration of criminal cases in the court of first instance (general order of legal proceedings)” // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/ (date of circulation: 03.03.2024).
10. Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the fourth quarter of 2009 (approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.03.2010) (ed. of 29.12.2010) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98498/ (access date: 06.10.2024).
11. Criminal Procedure Code of the Russian Federation” of 18.12.2001 No. 174-FZ (ed. of 02.10.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of address 06.10.2024).

Развитие правовой модели определения категории незаконной миграции на основании оценки последствий для безопасности общества

Бояндина Валерия Вячеславовна,

студент Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: v.boyandina@g.nsu.ru

Сыровацкая Юлия Евгеньевна.

студент Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: syrovatskaya.ru@yandex.ru

Авторы ставят перед собой **цель** рассмотреть понятие незаконной миграции, подходы к нему, а также степень общественной опасности. **Методологической основой** исследования выступают формально-юридический, системный методы. Незаконная миграция – это сложное явление, которое требует глубокого анализа и поиска действенных методов борьбы с ним. Своевременное обнаружение и предотвращение нелегальной миграции помогает усилить безопасность, уменьшить уровень преступности и защитить права и свободы граждан. Исследователи предлагают различные определения миграции, основанные на различных подходах: географический, юридический, социологический. Пресечение незаконной миграции играет большую роль в обеспечении национальной безопасности и регулирования миграционных потоков в целях развития экономики и поддержания общественного порядка. Авторы делают вывод, что миграционная политика была и остаётся актуальным вопросом для России.

Ключевые слова: уголовное законодательство, миграция, общественная опасность миграции, пересечение границы, безопасность.

Миграция, как неотъемлемый атрибут человеческой истории, представляет собой процесс перемещения людей через границы определенных территорий с изменением постоянного или временного места жительства. Это многогранное явление, которое на протяжении веков оказывает существенное влияние на развитие и функционирование человеческих сообществ.

Миграционные потоки возникают под воздействием широкого спектра причин – экономических, социальных, политических, экологических и семейных. В поисках лучшей жизни, экономической возможности и политической стабильности люди пересекают границы стран и континентов.

Это стремление к улучшению нередко ведет к формированию новых сообществ, идей и культур [1].

Понятие «миграция населения» неоднозначно, поскольку его изучают различные науки, такие как экономика, социология, политология и право.

Наиболее распространенное определение миграции – законченный и продолжительный территориальный переезд, приводящий к смене постоянного места жительства.

Исследователи разработали множество определений миграции, основанных на разных подходах. Эти определения можно разделить на три категории:

- Социологический подход: миграция определяется как перемещение населения, сопровождающееся значительными экономическими, демографическими и социальными изменениями.
- Географический подход: миграция рассматривается в первую очередь как территориальное перемещение. Мотивы и последствия переезда не учитываются.
- Юридический подход: миграция определяется как смена места жительства на постоянной основе, что исключает временные перемещения.

П.Н. Кобец рассматривает миграцию как объективное явление, обусловленное экономическими, политическими, социальными, демографическими, и другими причинами, и подверженное динамике общественных отношений, регулируемых нормами права [2].

Кроме того, он выделяет правовое значение миграции, которое определяется как последовательная деятельность государственных органов, общественных организаций и физических лиц, направленная на перемещение людей через административные или государственные границы на долгосрочной или временной основе. Результатом ми-

грации является изменение места жительства или постоянного проживания.

По сути, конституционно-правовой смысл миграции подчеркивает, что миграция является фундаментальным правом, защищаемым конституцией, и что государственные органы обязаны обеспечивать и регулировать этот процесс в соответствии с принципами законности, гуманности и уважения прав человека.

Рассмотрим точки зрения на понятие и содержание незаконной миграции.

Исходя из уголовного законодательства, незаконная миграция – это

незаконный въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконное пребывание в России или незаконный транзитный проезд через территорию Российской Федерации.

Определение незаконной миграции, данное Е.В. Филашовым, является кратким и емким. Оно отражает суть данного явления и соответствует общепринятому пониманию незаконной миграции. Согласно определению Е.В. Филашова, незаконная миграция – это нарушение установленных законодательством принимающего или транзитного государства правил въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда через территорию этих государств [3].

Таким образом, незаконная миграция включает в себя следующие действия:

- Незаконный въезд в страну – въезд без надлежащих документов или разрешений.
- Незаконный выезд из страны – выезд без надлежащих документов или разрешений.
- Незаконное пребывание в стране – нахождение в стране сверх установленного срока или без надлежащих документов.
- Незаконный транзитный проезд через страну – проезд через страну без надлежащих документов или разрешений.

Такая миграция несёт в себе множество негативных последствий для

общества и государства. Нелегальные мигранты часто остаются без защиты со стороны законодательства, что может привести к эксплуатации и нарушению их прав. Кроме того, они могут стать источником преступности, нелегальной трудовой деятельности и других правонарушений.

Борьба с незаконной миграцией должна включать в себя не только меры контроля и наказания, но и работу над созданием условий для законной миграции. Необходимо разработать механизмы для легального трудоустройства мигрантов, создания образовательных и культурных программ, которые помогут интегрировать мигрантов в общество и предотвратить их вовлечение в преступную деятельность.

Также следует уделить внимание просвещению населения о важности соблюдения законов и правил, регулирующих миграцию.

В настоящее время международное сообщество работает над созданием более эффективных механизмов борьбы с незаконной миграцией. Важно, чтобы эти усилия были направлены не только на борьбу с последствиями, но и на предотвращение самого явления. Только в этом случае можно обеспечить безопасность и порядок в обществе, а также создать условия для развития экономики и улучшения качества жизни всех граждан.

Определение незаконной миграции, данное Д.Ю. Гончаровым и С.Г. Гончаровой, является более подробным и раскрывает различные аспекты данного явления. Оно соответствует определению, данному Е.В. Филашовым, но дополняет его, указывая на конкретные действия, которые могут привести к незаконной миграции.

Определение включает в себя следующие элементы:

1. Въезд на территорию Российской Федерации с нарушением действующих норм, что может быть связано с отсутствием документов, удостоверяющих личность, или с подделкой таких документов. В некоторых случаях иностранные граждане пытаются проникнуть в страну незаконно, обходя пограничные пункты или используя фальшивые документы.
2. Отсутствие документов, подтверждающих законность пребывания (проживания) в России – является нарушением российского законодательства и может привести к привлечению к административной или уголовной ответственности. Документы, подтверждающие законность пребывания, включают визу, разрешение на временное проживание или вид на жительство.
3. Утрата таких документов и бездействие в форме не обращения с соответствующим заявлением в территориальный орган федерального органа исполнительной власти, ответственного за контроль и надзор в области миграции. Потеря документов является серьёзным нарушением, которое может повлечь за собой негативные последствия для мигрантов, в этом случае необходимо обратиться в соответствующие органы для восстановления бумаг или получения временных разрешений.
4. Невыезд из Российской Федерации по окончании срока пребывания (проживания) в стране. Пребывание на территории РФ сверх положенного времени считается незаконным и влечёт за собой привлечение к ответственности в соответствии с российским законодательством. Мигранты обязаны соблюдать установленные сроки и своевременно оформлять документы для продления своего пребывания.
5. Нарушение правил транзитного проезда через территорию Российской Федерации. Во время транзитного проезда через страну важно соблюдать установленные требования и нормы, чтобы избежать проблем с законом.

Кроме того, Д.Ю. Гончаров и С.Г. Гончарова отмечают, что въезд или проникновение на террито-

рию России может быть законным, но пребывание из законного может превратиться в незаконное. Это часто случается с иностранцами, которые прибывают в Россию на учебу, в командировку, деловую поездку или по туристической визе, а затем осуществляют различные действия, чтобы остаться в стране. Например:

- Подделка заменяющих паспорт документов (справок об изъятии, утере документов и др.).
- Подделка штампов о временной регистрации и для въезда в ближайший регион.
- Умышленная утеря документов.
- Проживание без документов.

Миграционные правовые отношения играют значительную роль в контексте миграционной политики государства, особенно в России. Мигранты вступают в специфические правоотношения с государством во время процесса миграции. Одним из ключевых аспектов этих отношений является выполнение требований миграционного контроля и миграционного режима. Нарушение мигрантом данных требований также рассматривается как незаконная миграция [5].

Незаконная миграция может иметь серьезные последствия как для мигрантов, так и для государства, что подчеркивает важность соблюдения законодательства в сфере миграционных правоотношений. Одним из наиболее опасных аспектов незаконной миграции является криминальная миграция – когда иностранные граждане и лица без гражданства въезжают в страну с целью совершения различных преступлений или преступной деятельности на ее территории. Этот вид миграции представлен несколькими типами, что усложняет эффективную борьбу с ним.

Некоторые исследователи отмечают, что незаконная миграция представляет собой сложную высокоорганизованную криминальную деятельность, требующую комплексного подхода к предотвращению и борьбе с ней. Для России важно предотвращать незаконный въезд и управлять незаконной деятельностью тех, кто уже присутствует на территории страны.

Значительный поток незаконных мигрантов является вызовом для государства. А решению миграционных проблем уделяется внимание на высшем уровне государственного управления.

Незаконная миграция может создавать различные угрозы и приводить к следующим последствиям:

1. Увеличение рисков для безопасности: незаконное проникновение мигрантов через границу или другими путями может повысить потенциальные угрозы для безопасности страны и ее граждан.
2. Дестабилизация социально-экономической обстановки: незаконная миграция может перегружать социально-экономическую инфраструктуру в определенных регионах, а конкуренция мигрантов с местным населением за рабочие места и ресурсы может вызывать социальную и экономическую нестабильность.

3. Экономические и социокультурные проблемы: проблемы, связанные с незаконной миграцией, могут способствовать росту экстремистских настроений и уровня преступности в обществе.

4. Развитие теневой экономики: использование труда нелегальных мигрантов способствует росту теневого сектора, что негативно влияет на экономическую стабильность и развитие страны.

Таким образом, незаконная миграция представляет собой многоаспектную проблему, оказывающую существенное влияние на социально-экономическую стабильность, правопорядок и безопасность государства и общества.

Под незаконной миграцией в нашей стране следует понимать нарушение установленного законодательством Российской Федерации порядка въезда на территорию Российской Федерации, выезда с территории Российской Федерации, пребывания на территории Российской Федерации и транзитного проезда через территорию Российской Федерации. Рассматриваемое криминальное явление способно привести к негативным последствиям как для государства, общества, так и для самих мигрантов.

В условиях глобализации важно совершенствовать механизмы контроля за миграцией, создавать условия для легальной миграции, а также бороться с преступной деятельностью, связанной с миграционными процессами. Выработка комплексного подхода к управлению миграцией – это ключевой шаг для обеспечения безопасности, социального порядка и защиты прав человека.

Литература

1. Степенко В.Е., Пацевич В.С. Юридическая конструкция миграции как совокупность ее характерных признаков // *Право и государство: теория и практика* – 2020 – № 6 (186). – С. 171–173.
2. Кобец П.Н. Характерные особенности криминальной иммиграции в России в начале второго десятилетия XXI столетия // *Юридическая наука*. – 2014. – № 1. – С. 79–86.
3. Филашов Е.В. Понятие миграции, незаконной миграции и борьбы с незаконной миграцией // *Образование и право*. – 2020. – № 3. – С. 160–163.
4. Гончаров Д. Ю., Гончарова С.Г. Общественная опасность фиктивного миграционного учета иностранных граждан или лиц без гражданства // *Правопорядок: история, теория, практика*. – 2021. – № 3 (30). – С. 56–59.
5. Андрюшенков В.А., Фокин М.С. Круглый стол «Ответственность за незаконную миграцию по российскому законодательству» // *Вестник ОмГ У. Серия. Право*. – 2012. – № 3 (32). – С. 308–310.

DEVELOPMENT OF A LEGAL MODEL FOR DETERMINING THE CATEGORY OF ILLEGAL MIGRATION BASED ON AN ASSESSMENT OF THE CONSEQUENCES FOR PUBLIC SECURITY

Boyandina V.V., Syrovatskaya Yu.E.
Novosibirsk State Universitet

The authors aims to consider the concept of illegal migration, approaches to it, as well as the degree of social danger. The methodological basis of the study is the formal-legal, systemic methods. Illegal migration is a complex phenomenon that requires deep analysis and the search for effective methods of combating it. Timely detection and prevention of illegal migration helps to strengthen security, reduce crime rates and protect the rights and freedoms of citizens. Researchers offer various definitions of migration based on different approaches: geographical, legal, sociological. Suppression of illegal migration plays a major role in ensuring national security and regulating migration flows for the purpose of economic development and maintaining public order. The authors conclude that migration policy has been and remains a pressing issue for Russia.

Keywords: criminal law, migration, social danger of migration, border crossing, security.

References

1. V.E. Stepenko, V.S. Patsevich The legal construction of migration as a set of its characteristic features // Law and the state: theory and practice – 2020 – № 6 (186). – P. 171–173.
2. Kobets P.N. Characteristic features of criminal immigration in Russia at the beginning of the second decade of the XXI century // Legal Science. – 2014. – № 1. – P. 79–86.
3. Filashov E.V. The concept of migration, illegal migration and the fight against illegal migration // Education and law. – 2020. – № 3. – P. 160–163.
4. Goncharov D. Yu., Goncharova S. City Public danger of fictitious migration registration of foreign citizens or stateless persons // Law and order: history, theory, practice. – 2021. – № 3 (30). – P. 56–59.
5. Andryushenkov V.A., Fokin M.S. Round table “Responsibility for illegal migration under Russian legislation” // Bulletin of Omsk State University. Series. Right. – 2012. – № 3 (32). – P. 308–310.

Выявление законодательных подходов уголовно-правового регулирования защиты патентных прав в странах Ближнего Востока

Гантемиров Казбек Рустамович,

независимый исследователь, секретарь судебного заседания
Краснодарский краевой суд
E-mail: kazbek.27@yandex.ru

В статье рассмотрено нормативное правовое регулирование уголовно-правовой защиты патентных прав в странах Ближнего Востока. Использован всеобщий метод познания в виде диалектического подхода, общенаучные методы познания, а также частнонаучными методами в виде логического и системного анализа. На основании проведенного исследования выявлено, что уголовно-правовая защита патентных прав в странах Ближнего Востока характеризуется значительными различиями в законодательных подходах нормативного правового регулирования. Понимание этих различий и особенностей играет ключевую роль в эффективном сотрудничестве и обмене опытом между Россией и странами Ближнего Востока. Это сотрудничество может способствовать выработке более согласованных подходов к защите интеллектуальной собственности, что, в свою очередь, укрепит экономические и научные связи со странами данного региона.

Ключевые слова: Ближний Восток, изобретения, патентное право, уголовная ответственность, уголовно-правовая защита.

Ближний Восток, известный своим богатым культурным разнообразием и многовековой историей, является колыбелью многочисленных религиозных и философских течений. Однако, с точки зрения уголовно-правовой защиты патентных прав, он сталкивается с относительно новым явлением. В условиях современного мира, где инновации и технологические достижения становятся основными двигателями экономического роста и конкурентоспособности стран, защита патентных прав приобретает особую значимость.

Страны Ближнего Востока, обладающие значительным экономическим потенциалом и богатыми природными ресурсами, сталкиваются с необходимостью защиты своих интеллектуальных прав. Это необходимо для успешного развития инновационной экономики и привлечения инвестиций. Тем не менее, несмотря на важность этой задачи, правовая защита патентных прав в регионе остается недостаточно изученной и требует более глубокого анализа и адаптации международного опыта.

В данной статье мы рассмотрим нормативное правовое регулирование уголовно-правовой защиты патентных прав в таких странах, как Израиль, Ирак, Иран, Ливан, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, что может оказать влияние на эффективное сотрудничество и обмен опытом между Россией и указанными странами в данной сфере.

В вопросах регулирования патентного права страны Ближнего Востока в значительной степени опираются на опыт и практики, разработанные в странах Глобального Севера. Поэтому классификация стран по правовым семьям в данном контексте не столь значима. Более показательным различием является то, как каждая страна формирует законодательные меры для защиты изобретений и технических решений. Примечательно, что ни одна из рассматриваемых стран не включает уголовно-правовую защиту патентных прав в свои кодифицированные законодательные акты. Соответственно, рассматриваемые страны можно разделить на три группы в зависимости от способа нормативного правового регулирования.

В первой группе стран действуют специализированные законодательные акты, которые детально регулируют вопросы защиты патентных прав. Данные акты содержат исчерпывающий список правонарушений, связанных с патентными объектами, за которые предусмотрена уголовная ответственность. Такой подход позволяет четко определить границы допустимого поведения в сфере

патентного права и установить конкретные меры наказания за их нарушение.

В Пакистане уголовно-правовая защита патентных прав регулируется Постановлением о патентах 2000 года, которое предусматривает ряд преступлений в главе 19 «Наказания». Среди них выделяются преступления, касающиеся обороны страны и общественной безопасности, а также нарушения, связанные с подачей заявок на патенты. В частности, статья 71 предусматривает ответственность за подачу или требование подачи заявки на патент в нарушение положений Постановления. Статья 72 касается внесения или требования внесения заведомо ложной информации в любой реестр или запись. Ложное представление изделия как предмета патентной заявки регулируется статьей 73. Статья 75 устанавливает наказание за отказ или непредоставление необходимой информации, а также за предоставление ложных данных Контролеру. Кроме того, статья 74 запрещает использование в коммерческих целях словосочетаний, таких как «патентное ведомство», которые могут ввести в заблуждение относительно официального статуса предприятия. Нарушение ограничений на деятельность незарегистрированных патентных поверенных и рецидив таких действий регулируется статьей 77 [6].

В Ираке уголовно-правовая защита патентных прав регулируется Законом № 65 1970 года «Патент и промышленные модели». К преступлениям в сфере патентного права относится подделка запатентованных предметов и промышленных моделей, на которые государством выданы соответствующие сертификаты. Также преступными считаются действия, связанные с продажей, предложением к продаже, импортом из-за рубежа и хранением с целью сбыта поддельных продуктов или материалов. Кроме того, закон запрещает незаконное использование данных на продуктах, в рекламе или на товарных знаках, которые могут ввести в заблуждение относительно наличия патента или регистрации промышленной модели [4]. Эти положения направлены на защиту прав владельцев патентов и промышленных моделей, предотвращение обмана потребителей и поддержание честной конкуренции на рынке.

В Ливане уголовно-правовая защита патентных прав регулируется Патентным законом, который перечисляет признаки преступлений в виде контрафакции в статье 40. К таким преступлениям относится предложение, сбыт, использование или хранение контрафактной продукции с намерением её использования или сбыта лицом, не являющимся производителем данного продукта. Статья 41 охватывает действия, связанные с подделкой, а статья 43 предусматривает ответственность за подстрекательство, пособничество или участие в таких действиях. Кроме того, статья 47 устанавливает наказание за незаконное раскрытие или использование секретной промышленной или коммерческой информации должностным лицом для личной выгоды или выгоды третьих лиц. Важно от-

метить, что законодательство Ливана не считает преступлением использование изобретения в некоммерческих, непромышленных личных целях или для научных исследований [5].

Пакистанское законодательство фокусируется на охране процессуальных аспектов патентной деятельности. Этот подход несколько отличается от того, который более привычен для отечественного законодателя. В Ливане и Ираке, наоборот, делается упор на защиту непосредственно патентообладателей от различных видов контрафакции. Это более традиционный подход, который направлен на предотвращение незаконного использования и распространения запатентованных изобретений. Кроме того, в Ливане особое внимание уделяется охране секретности информации о патентах.

В других странах Ближнего Востока устанавливают либо в общем виде посягательства на объекты патентных прав, либо указывают конкретные деяния в специальных правовых актах.

В Израиле уголовно-правовая защита патентных прав регулируется Патентным законом, который содержит статью 193, посвященную действиям, наносящим ущерб национальной безопасности или экономической мощи государства, а также разглашению секретов. Особенностью израильского законодательства является акцент на обеспечение государственной тайны в патентной сфере, секретности сведений в патентах и режима секретности в отношении изобретений, связанных с ядерной энергией. Это отличает Израиль от других зарубежных стран, где законодательство фокусируется на защите частных интересов патентообладателей. В Израиле законодательство направлено на защиту национальных интересов, запрещая публикацию и передачу информации, которая может нанести ущерб национальной безопасности или экономической мощи государства [7].

В Иране уголовно-правовая защита патентных прав регулируется Законом 2008 года «О регистрации патентов, промышленных образцов и товарных знаков». Данный закон признает преступлениями нарушения прав владельцев патентов и промышленных образцов, связанные с изготовлением, продажей и импортом соответствующих изделий [4].

Израиль и Иран демонстрируют различные подходы к защите патентных прав. Израиль делает акцент на обеспечение государственной тайны и секретности сведений в патентах, особенно в отношении изобретений, связанных с ядерной энергией. Это отражает приоритет национальной безопасности и экономической мощи государства. Иран, наоборот, направлен на защиту прав владельцев патентов и промышленных образцов, на предотвращение нарушений и злоупотреблений в области патентного права.

Некоторые страны Ближнего Востока при установлении гражданско-правовой защиты объектов патентных прав признают возможность применения как гражданских, так и уголовных санкций в случае выявления необходимых на то обстоя-

тельств. Это означает, что нарушители патентных прав могут быть привлечены к ответственности не только в гражданском, но и в уголовном порядке.

В Саудовской Аравии установлен запрет на репликацию изобретения или продукта, полученного в результате производственного процесса, не уполномоченным лицом. К запрещенным действиям относятся производство, продажа, предложение о продаже, использование изобретения или продукта, а также хранение и импорт продукта для указанных целей [8].

В Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) законодательство признает преступлением любое нарушение прав владельца патента, включая незаконное использование, производство, продажу или импорт запатентованных изобретений без разрешения владельца патента [1]. Кроме того, в ОАЭ предусмотрена уголовная ответственность за предоставление заявителем ложной или поддельной информации в Министерство Экономики для получения патентного свидетельства [2].

В Турции установлены гражданские и уголовные санкции по защите объектов патентных прав от недобросовестной конкуренции. Торговый кодекс № 6102 предусматривает ответственность за незаконную выгоду от использования чужих изобретений, промышленных образцов и товарных знаков [9]. Отметим, что ранее действовавший Уголовный кодекс 1926 года содержал нормы об уголовной ответственности за разглашение сведений. Однако на данный момент действует Уголовный кодекс 2004 года, который не содержит норм о преступлениях против объектов патентных прав.

В Саудовской Аравии и ОАЭ уголовно-правовая защита патентных прав установлена в отношении прав патентообладателя либо изобретения или продукта от контрафактных действий в случае выявления серьезных обстоятельств. Турция, наоборот, выделяется из этой группы, поскольку она защищает владельцев патентов от недобросовестной конкуренции, при этом ранее устанавливала уголовно-правовую охрану объектов патентных прав в уголовном кодексе.

В отечественных научных работах теме уголовно-правовой защиты патентных прав в странах Ближнего Востока уделяется мало внимания, исследования в этой области носят фрагментарный характер. Это создает пробелы в понимании особенностей правовой защиты патентных прав в странах Ближнего Востока, что ограничивает возможности для эффективного сотрудничества и обмена опытом между Россией и указанными странами.

В заключение, проведенное исследование выявляет три основных подхода к уголовно-правовой защите патентных прав в странах Ближнего Востока.

Первая группа стран, таких как Пакистан, Ливан и Ирак, использует специализированные законодательные акты, которые детально регулируют вопросы защиты патентных прав и содержат ис-

черпывающий список преступлений против патентных прав. В Пакистане акцент делается на охрану процессуальных аспектов патентной деятельности, в Ливане и Ираке, напротив, основной упор делается на защиту патентообладателей от контрафакции.

Вторая группа стран в лице Израиля и Ирана демонстрирует различные подходы к защите патентных прав через установление либо общих, либо конкретных правонарушений в специальных правовых актах. Израиль делает акцент на обеспечение государственной тайны и секретности сведений в патентах, особенно в отношении изобретений, связанных с ядерной энергией. Иран, напротив, сосредоточен на защите прав владельцев патентов и промышленных образцов от нарушений.

Третья группа стран, таких как Саудовская Аравия, ОАЭ и Турция, признает возможность применения как гражданских, так и уголовных санкций в случае выявления нарушений патентных прав в зависимости от наличия необходимых обстоятельств.

Таким образом, различия в этих подходах подчеркивают необходимость более глубокого понимания и анализа для эффективного сотрудничества. Россия и страны Ближнего Востока могут извлечь значительные выгоды из обмена опытом, что позволит укрепить уголовно-правовую защиту патентных прав и стимулировать инновационное развитие в регионе.

Литература

1. Intellectual Property: UAE Patent Law | Q&A [Electronic resource]. – URL: <https://www.stalawfirm.com/en/blogs/view/patent-laws-in-the-uae-1-of-2.html> (Дата обращения: 01.10.2024)
2. Q&A | Patent Litigation in UAE (Part 2 of 2) [Electronic resource]. – URL: <https://www.stalawfirm.com/en/blogs/view/patent-laws-in-the-uae-2.html> (Дата обращения: 01.10.2024)
3. Law No. (65) of year 1970. Law Patent and Industrial Models [Electronic resource]. – URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/world/middle_east/ip/law/iraq_patent_law_EN-2.pdf (Дата обращения: 01.10.2024)
4. Patents, Industrial Designs and Trademarks Registration Act Of the Islamic Republic of Iran (2008) [Electronic resource]. – URL: <https://wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ir/ir003en.html> (Дата обращения: 01.10.2024)
5. Patents Law of Lebanon [Electronic resource]. – URL: https://www.economy.gov.lb/public/uploads/files/6061_8660_6573.pdf (Дата обращения: 01.10.2024)
6. Patents Ordinance, 2000 [Electronic resource]. – URL: https://ipo.gov.pk/system/files/%28112%29PatentsOrdinance2000_Amendmentsfinal_0.pdf (Дата обращения: 01.10.2024)
7. State of Israel. Patents Law 5727–1967 as consolidated 2014 // <https://www.jpo.go.jp/e/system/>

laws/gaikoku/document/index/israel-e_tokkyo.pdf (Дата обращения: 01.10.2024)

8. The Kingdom of Saudi Arabia Intellectual Property Information [Electronic resource]. – URL: https://www.harakenzo.com/en/rising_nation/saudi.html (Дата обращения: 01.10.2024)
9. Turkish Intellectual Property Law – An Overview [Electronic resource]. – URL: <https://www.legal500.com/developments/thought-leadership/turkish-intellectual-property-law-an-overview/> (Дата обращения: 01.10.2024)

IDENTIFICATION OF LEGISLATIVE APPROACHES TO CRIMINAL LAW REGULATION OF THE PROTECTION OF PATENT RIGHTS IN THE COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST

Gantemirov K.R.

Krasnodar Regional Court

This article examines the legal framework for criminal protection of patent rights in the Middle East. The article uses a general method of cognition in the form of a dialectical approach, general scientific methods of cognition, and specific scientific methods in the form of logical and systemic analysis. Based on the study, it was found that criminal protection of patent rights in the Middle East is characterized by significant differences in legislative approaches to legal regulation. Understanding these differences and features plays a key role in effective cooperation and exchange of experience between Russia and the Middle East. This cooperation can contribute to the development of more coordinated approaches to the protection of intellectual property, which, in turn, will strengthen economic and scientific ties with the countries of this region.

Keywords: Middle East, inventions, patent law, criminal liability, criminal protection.

References

1. Intellectual Property: UAE Patent Law I Q&A [Electronic resource]. – URL: <https://www.stalawfirm.com/en/blogs/view/patent-laws-in-the-uae-1of-2.html> (Accessed: 01.10.2024)
2. Q&A I Patent Litigation in UAE (Part 2 of 2) [Electronic resource]. – URL: <https://www.stalawfirm.com/en/blogs/view/patent-laws-in-the-uae-2.html> (Accessed: 01.10.2024)
3. Law No. (65) of year 1970. Law Patent and Industrial Models [Electronic resource]. – URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/world/middle_east/ip/law/iraq_patent_law_EN-2.pdf (Accessed: 01.10.2024)
4. Patents, Industrial Designs and Trademarks Registration Act Of the Islamic Republic of Iran (2008) [Electronic resource]. – URL: <https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ir/ir003en.html> (Accessed: 01.10.2024)
5. Patents Law of Lebanon [Electronic resource]. – URL: https://www.economy.gov.lb/public/uploads/files/6061_8660_6573.pdf (Accessed: 01.10.2024)
6. Patents Ordinance, 2000 [Electronic resource]. – URL: https://ipo.gov.pk/system/files/%28112%29PatentsOrdinance2000_Amendmentsfinal_0.pdf (Accessed: 01.10.2024)
7. State of Israel. Patents Law 5727–1967 as consolidated 2014 // https://www.jpo.go.jp/e/system/laws/gaikoku/document/index/israel-e_tokkyo.pdf (Accessed: 01.10.2024)
8. The Kingdom of Saudi Arabia Intellectual Property Information [Electronic resource]. – URL: https://www.harakenzo.com/en/rising_nation/saudi.html (Дата обращения: 01.10.2024)
9. Turkish Intellectual Property Law – An Overview [Electronic resource]. – URL: <https://www.legal500.com/developments/thought-leadership/turkish-intellectual-property-law-an-overview/> (Accessed: 01.10.2024)

Проблемы производства отдельных следственных действий в условиях военного положения

Горюнов Игорь Владимирович,

адъюнкт кафедры уголовного процесса, Краснодарский университет МВД России

E-mail: goryunov2014@yandex.ru

В статье исследуются особенности следственных действий в условиях военного времени. Рассматривается работа военных следователей, включая организацию, ресурсы и информационную поддержку. Анализируется деятельность специального подразделения Следственного комитета РФ по расследованию преступлений военнослужащих в зонах конфликтов. Рассматриваются нормативные аспекты создания следственных команд, вопросы их оснащения необходимыми ресурсами, а также координация работы с другими органами охраны правопорядка. Компаративный анализ позиций ведущих криминалистов позволяет выявить ключевые факторы, влияющие на эффективность расследования насильственных преступлений, совершенных военнослужащими. Рассматриваются вопросы обеспечения безопасности следователей при работе в зоне боевых действий, а также проблемы сохранения и транспортировки вещественных доказательств в полевых условиях. В заключение предложены рекомендации по совершенствованию организации и проведению следственных действий в военных условиях для повышения качества и результативности расследований.

Ключевые слова: военное положение, организация расследований, следственные действия, криминалистика, методики расследования, освидетельствование, эффективность расследований.

Введение

В условиях военного положения организация и проведение следственных действий приобретают особую значимость и сложность, требуя адаптации традиционных криминалистических методик к экстремальным условиям боевых действий. Настоящая статья рассматривает ключевые особенности организации следственных мероприятий в военной среде, анализируя современные научные подходы и практические рекомендации для повышения эффективности расследования насильственных преступлений среди военнослужащих.

При изучении методологии проведения следственных процедур в военное время важно подчеркнуть, что управление криминальными расследованиями, являясь ключевым элементом правоохранительной науки, затрагивает множество административных факторов. Эти факторы включают архитектуру следственной системы, её материально-техническое и информационное снабжение, а также особенности организации следственных действий при расследовании различных преступлений в особых условиях [9].

Тем не менее, в зонах активных боевых столкновений все вышеупомянутые аспекты работы военных следователей приобретают уникальные черты. Кроме того, в этом контексте возникает ряд фундаментальных вызовов, без преодоления которых проведение полноценного расследования становится практически неосуществимым.

Необходимо сосредоточиться на нескольких критических элементах, определяющих создание и результативную деятельность военных следственных структур в период военного положения. Среди них выделяется работа специализированного отдела быстрого реагирования при Главном военном следственном управлении СК РФ, являющегося краеугольным камнем в системе расследования преступлений, совершенных военными в зонах вооруженных столкновений [1].

Равную значимость имеют аспекты, касающиеся постановлений о создании следственных групп, их оснащения и логистической поддержки. Кроме того, крайне важно обеспечить налаженное сотрудничество с другими органами охраны правопорядка и ведомствами. Отдельного внимания заслуживает проблематика применения специальных знаний в полевых условиях, что требует особого подхода и адаптации существующих методик к экстремальным условиям проведения следственных действий.

Материалы и методы

В процессе подготовки настоящего исследования были использованы как теоретические, так и эмпирические методы анализа, направленные на изучение особенностей проведения следственных действий в условиях военного положения. Основные материалы исследования включают нормативно-правовые акты, специализированную литературу по военно-полевой криминалистике, а также результаты анализа уголовных дел, связанных с насильственными преступлениями, совершенными военнослужащими.

Криминалистическая методология в военной обстановке имеет дуалистическую природу. Она сочетает в себе как стандартные подходы к расследованию, так и специфические техники, применяемые в условиях вооруженных конфликтов. Этот инструментарий охватывает широкий спектр правонарушений, от дисциплинарных проступков и дезертирства до насильственных преступлений и хищений, совершаемых в рамках воинской службы. С другой стороны, важнейшей составляющей является нетипичная, максимально обобщенная методология, принимающая во внимание специфику проведения следственных действий в районах вооруженных конфликтов. Данная методология подразумевает использование группового подхода для быстрого расследования по горячим следам в экстраординарных обстоятельствах, обусловленных ходом военных операций.

Результаты и обсуждение

В контексте научного исследования проблематики производства следственных действий в условиях военного положения необходимо обратить внимание на ряд ключевых аспектов. Согласно исследованию И.Ю. Рагулина, выбор и планирование первоначальных следственных действий должны осуществляться следователем или дознавателем с учетом временного интервала между совершением преступления и началом расследования, локации преступного деяния, а также его характера и способа совершения [7]. Данный подход позволяет оптимизировать процесс расследования и повысить эффективность следственных мероприятий в условиях ограниченных ресурсов и времени.

В научном сообществе существуют различные точки зрения относительно обязательности, безотлагательности и целей проведения осмотра места происшествия.

В научных кругах, обсуждающих особенности следственных процедур в военное время, существует неоднозначность мнений. Традиционно считается критически важным незамедлительное обследование места инцидента военными дознавателями или следователями по получении сведений о правонарушении. Однако некоторые эксперты оспаривают универсальность этого подхода, полагая, что в определенных ситуациях такой осмотр может быть избыточным или нецелесообразным

[6]. Данная позиция требует дальнейшего научного осмысления и практической верификации.

В криминалистике процедура обследования места происшествия разбивается на три фазы: предварительную, основную и финальную. Такое разделение способствует систематичности и эффективности исследования. На начальной стадии военный следователь или дознаватель обязан обеспечить логистическую и техническую базу, очертить область осмотра, сформировать команду и наладить её слаженную работу. Такой системный подход способствует повышению результативности следственного действия и оптимизации процесса сбора доказательственной базы в условиях военного положения [8].

В контексте научного исследования проблематики производства следственных действий в условиях военного положения особое внимание следует уделить подготовительному этапу осмотра места происшествия. Этот этап становится решающим при расследовании правонарушений в пределах военных объектов или на охраняемых территориях под надзором караульных служб. Изучение предварительных мероприятий перед обследованием места инцидента выявляет два основных сегмента, каждый из которых отличается уникальным комплексом мер, реализуемых военными дознавателями или следственными органами.

Первая стадия охватывает комплекс мероприятий, реализуемых до выезда на место преступления. Приоритетной задачей данного этапа является собирание и анализ первичных сведений об инциденте, включая подтверждение источника информации, квалификацию деяния и его пространственно-временную локализацию. Особое внимание уделяется установлению наличия пострадавших лиц, их местонахождения и вictimологических характеристик. Полученные данные служат фундаментом для планирования последующих процессуальных действий и оптимизации тактики осмотра места происшествия. [9].

Вторая стадия подготовительного этапа начинается непосредственно по прибытии на место совершения преступления. В рамках данной стадии осуществляется верификация выполнения поручений, отданных на предыдущем этапе. Ключевым аспектом является подтверждение факта оказания помощи потерпевшим (при необходимости) и оценка их текущего состояния. В условиях военного положения особую значимость приобретает обеспечение дополнительных мер по охране места совершения преступления и сохранности следов и предметов, имеющих потенциальное доказательственное значение. Реализация данного комплекса мероприятий создает необходимый фундамент для проведения качественного и результативного осмотра места происшествия, что в свою очередь способствует повышению эффективности всего процесса расследования в специфических условиях военного положения [4].

В рамках научного исследования проблематики производства следственных действий в условиях

военного положения особое внимание следует уделить рабочему этапу осмотра места происшествия. Данный этап представляет собой ключевую фазу следственного действия, в ходе которой реализуется комплекс мероприятий, направленных на всестороннее изучение обстановки места происшествия и сбор доказательственной информации.

Первоочередной задачей рабочего этапа является формирование целостного представления об обстановке места происшествия. Это предполагает детальный анализ пространственного расположения участников инцидента и релевантных предметов, а также выявление всех потенциальных следов преступления. На основе полученных данных осуществляется реконструкция механизма совершения противоправного деяния, с особым акцентом на процесс применения физического насилия подозреваемым в отношении потерпевшего. В контексте данной реконструкции критическое значение приобретает идентификация локаций, где, в соответствии с установленным механизмом преступления, наиболее вероятно образование явных следов воздействия подозреваемого [3].

Особое внимание следует уделить заключительному этапу осмотра места преступления. Данная стадия имеет критическое значение для фиксации и документирования результатов следственного действия, а также для создания комплексной информационной базы, необходимой для дальнейшего расследования.

На заключительном этапе дознаватель или следователь военно-следственного органа осуществляет ряд ключевых мероприятий. Первостепенное значение имеет составление протокола осмотра места происшествия, который является основным процессуальным документом, отражающим ход и результаты следственного действия. Параллельно с этим, формируется план или схема места происшествия, что способствует более глубокому пониманию и оценке расследуемого события на последующих этапах следствия.

Важным аспектом заключительного этапа является применение технических средств фиксации информации. В частности, производится фотосъемка и видеозапись места происшествия. Данные материалы выполняют функцию визуального дополнения к протоколу, существенно облегчая интерпретацию его содержания. Более того, использование фото- и видеофиксации позволяет эффективно решить проблему отображения в материалах дела сложных для вербального описания объектов осмотра. Технические средства обеспечивают возможность детального запечатления всех аспектов объекта с различных ракурсов, что значительно повышает информативность собранных материалов [5].

Не меньшего внимания заслуживает анализ процедуры освидетельствования. Данное следственное действие приобретает особую значимость при расследовании насильственных преступлений, совершенных военнослужащими, резуль-

татом которых является причинение физического вреда потерпевшему или группе потерпевших.

Особенности проведения освидетельствования лиц, совершивших насильственные преступления или ставших их жертвами, обусловлены несколькими отличительными факторами. Учет данных факторов играет ключевую роль в обеспечении эффективности и результативности освидетельствования в условиях военного положения, что, в свою очередь, существенно влияет на качество всего процесса расследования насильственных преступлений, совершенных военнослужащими [2].

В рамках научного анализа проблематики производства отдельных следственных действий в условиях военного положения особого внимания заслуживает комплексное рассмотрение процедуры освидетельствования, которая включает в себя три ключевых этапа: подготовительный, рабочий и заключительный.

Подготовительный этап освидетельствования включает принятие решения о его проведении, определение исследовательских вопросов, разработку тактики и выбор методов фиксации результатов. Тщательная подготовка обеспечивает эффективность и результативность следственного действия.

Рабочий этап заключается в непосредственном проведении освидетельствования, требующем высокой профессиональной компетентности специалиста. Важно точно определить объекты поиска и их возможное расположение на теле освидетельствуемого, а также оптимизировать время проведения процедуры для предотвращения утраты доказательств. Методология освидетельствования подбирается в зависимости от характера преступления и предполагаемых следов, с особым вниманием к выявлению гематом, ссадин, кровоподтеков, припухлостей, пятен, частиц веществ и других физических доказательств [10].

Заключительный этап освидетельствования представляет собой процесс документирования и фиксации результатов следственного действия. Ключевым элементом данного этапа является составление протокола, в котором детально отражаются все действия, произведенные дознавателем или следователем. Параллельно осуществляется изъятие и надлежащая упаковка выявленных объектов с целью их последующего направления на различные виды судебных экспертиз. Корректное проведение заключительного этапа обеспечивает процессуальную значимость полученных в ходе освидетельствования данных и создает основу для их дальнейшего использования в процессе расследования.

Заключение

Исследование охватило комплексный анализ процедур и стратегических нюансов осуществления следственных мероприятий, включая обследование места инцидента и медицинское освидетельствование в военное время. Акцент был сделан на ста-

диях подготовки, реализации и фиксации итогов следственных действий, что способствовало идентификации ключевых детерминант, определяющих результативность расследования насильственных правонарушений, совершенных лицами, находящимися на военной службе.

Исследование подчеркнуло значимость профессиональной компетентности следователей военно-следственных органов, использование современных технических средств фиксации информации, а также необходимость строгого соблюдения нормативных актов и процессуальных требований. Компаративный анализ позиций ведущих криминалистов подтвердил, что интеграция традиционных методик с адаптированными под военные условия подходами способствует повышению качества собираемых доказательств и улучшению общей результативности расследований.

Выявлено, что тщательная организация и системный подход к проведению следственных действий на месте происшествия являются фундаментальными для успешного раскрытия преступлений. В условиях военного режима, сопровождающегося повышенной опасностью и дефицитом ресурсов, становится особенно критичным эффективно планировать и быстро реагировать на возникающие инциденты.

Таким образом, правильное проведение освидетельствования и осмотра места преступления, основанное на продуманных методических подходах и высокой квалификации следователей, значительно повышает вероятность установления истины и привлечения виновных к ответственности. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего совершенствования криминалистической методики в военной сфере, а также для разработки обучающих программ, направленных на повышение профессионального уровня сотрудников военно-следственных органов.

Литература

1. Валова, П.А. Правовые основы создания военных следственных органов / П.А. Валова // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики: Сборник статей XXI ежегодной международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 31 марта – 01.04.2022 года. Том Часть 2. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2023. – С. 695–701.
2. Глазунова, И.В. Освидетельствование как способ обнаружения и фиксации следов при расследовании преступлений / И.В. Глазунова, П.А. Кудрявцев // Вестник Российской таможенной академии. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvidetelstvovanie-kak-sposob-obnaruzheniya-i-fiksatsii-sledov-pri-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 17.10.2024).
3. Духно, Н.А. Осмотр места происшествия / Н.А. Духно // Вестник Академии права и управления. – 2018. – № 1 (50). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmotr-mesta-proisshestiya> (дата обращения: 17.10.2024).
4. Иванов, А.В. Осмотр места происшествия: понятие и содержание / А.В. Иванов // Вестник КРУ МВД России. – 2024. – № 1 (63). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmotr-mesta-proisshestiya-ponyatie-i-soderzhanie> (дата обращения: 17.10.2024).
5. Ковтун, Ю.А. Применение технических средств фото и видеофиксации в ходе производства осмотра места происшествия: тактические основы и процессуальные аспекты / Ю.А. Ковтун, Р.М. Шевцов, Э.А. Винокуров [и др.] // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnicheskikh-sredstv-foto-i-videofiksatsii-v-hode-proizvodstva-osmotra-mesta-proisshestiya-takticheskie-osnovy-i> (дата обращения: 17.10.2024).
6. Ордоков, М.Х. Проблемы процессуального оформления осмотра места происшествия / М.Х. Ордоков // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-protsessualnogo-oformleniya-osmotra-mesta-proisshestiya> (дата обращения: 17.10.2024).
7. Рагулин, И.Ю. Следственная ситуация: понятие и содержание / И.Ю. Рагулин // Закон и право. – 2014. – № 7. – С. 133–134.
8. Степанов, С. А. К вопросу о производстве осмотра места происшествия и обстоятельствах, подлежащих доказыванию, при расследовании преступлений, совершенных военнослужащими / С.А. Степанов, А.В. Гуцалюк // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические аспекты: Сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития», Новосибирск, 22 мая 2019 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 169–172.
9. Трубчик, И.С. Первоначальный этап расследования преступлений в особых условиях / И.С. Трубчик // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2024. – № 1(43). – С. 100–105. – DOI 10.54217/2411–1627.2024.43.1.013.
10. Харзинова, В.М. Проблемы производства освидетельствования / В.М. Харзинова, Г.Г. Небрятенко // ЮП. – 2015. – № 5 (72). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-proizvodstva-osvidetelstvovaniya> (дата обращения: 17.10.2024).

PROBLEMS OF CONDUCTING INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS IN A STATE OF MARTIAL LAW

Goryunov I.V.

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article examines the challenges and procedures associated with conducting individual investigative actions during martial law. The study focuses on the unique aspects of military investigative bodies' operations, including the structure of the investigative system, resource allocation, and information management. Particular emphasis is placed on the complexities of investigating crimes committed by military personnel in conflict zones.

The research delves into the operations of the special investigative unit for rapid response within the Main Military Investigative Department of the Russian Federation's Investigative Committee. It analyzes the protocols for forming investigative teams, their logistical support, and their collaborative efforts with other law enforcement agencies.

The paper explores the adaptations necessary in investigative procedures under martial law conditions, highlighting the importance of efficient resource utilization and inter-agency cooperation. By examining these aspects, the study aims to provide insights into the effective functioning of military investigative bodies in challenging environments. Methodological approaches to the examination of crime scenes and forensic examinations in combat conditions are discussed, including the adaptation of forensic methodologies to extreme environments. Finally, recommendations for improving the organization and conduct of investigative actions in military conditions are proposed to enhance the quality and effectiveness of investigations.

Keywords: martial law, organization of investigations, investigative actions, forensics, investigative techniques, examination, effectiveness of investigations.

References

1. Valova, P.A. Legal Foundations for the Creation of Military Investigative Bodies / P.A. Valova // Regulation of Legal Relations: Problems of Theory and Practice: Collection of Articles from the XXI Annual International Student Scientific and Practical Conference, Moscow, March 31 – April 1, 2022. Volume Part 2. – Moscow: Russian State University of Justice, 2023. – P. 695–701.
2. Glazunova, I.V. Examination as a Means of Detecting and Fixing Evidence in Criminal Investigations / I.V. Glazunova, P.A. Kudryavtsev // Bulletin of the Russian Customs Academy. – 2017. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvidetelstvovanie-kak-sposob-obnaruzheniya-i-fiksatsii-sledov-pri-rassledovanii-prestupleniy> (accessed: 17.10.2024).
3. Dukhno, N.A. Scene Examination / N.A. Dukhno // Bulletin of the Academy of Law and Management. – 2018. – No. 1 (50). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmotr-mesta-proisshestiya> (accessed: 17.10.2024).
4. Ivanov, A.V. Scene Examination: Concept and Content / A.V. Ivanov // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 1 (63). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmotr-mesta-proisshestiya-ponyatie-i-soderzhanie> (accessed: 17.10.2024).
5. Kovtun, Y.A. The Use of Technical Means of Photo and Video Recording During the Scene Examination: Tactical Foundations and Procedural Aspects / Y.A. Kovtun, R.M. Shevtsov, E.A. Vinokurov [et al.] // Gaps in Russian Legislation. – 2018. – No. 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenienie-tehnicheskikh-sredstv-foto-i-videofiksatsii-v-hode-proizvodstva-osmotra-mesta-proisshestiya-takticheskie-osnovy-i> (accessed: 17.10.2024).
6. Ordokov, M. Kh. Problems of Procedural Registration of Scene Examination / M. Kh. Ordokov // Theory and Practice of Public Development. – 2015. – No. 16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protseessualnogo-oformleniya-osmotra-mesta-proisshestiya> (accessed: 17.10.2024).
7. Ragulin, I. Yu. Investigative Situation: Concept and Content / I. Yu. Ragulin // Law and Right. – 2014. – No. 7. – P. 133–134.
8. Stepanov, S.A. On the Issue of Conducting Scene Examinations and Circumstances to be Proved in Investigating Crimes Committed by Military Personnel / S.A. Stepanov, A.V. Gutsalyuk // Combating Offenses in the Economic Sphere: Legal, Procedural, and Forensic Aspects: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference as part of the International Legal Forum "Law and Economics: National Experience and Development Strategies," Novosibirsk, May 22, 2019. – Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH", Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, 2019. – P. 169–172.
9. Trubchik, I.S. The Initial Stage of Investigating Crimes in Special Conditions / I.S. Trubchik // Investigation of Crimes: Problems and Solutions. – 2024. – No. 1(43). – P. 100–105. – DOI 10.54217/2411–1627.2024.43.1.013.
10. Kharsinova, V.M. Problems of Conducting Examinations / V.M. Kharsinova, G.G. Nebratenko // YP. – 2015. – No. 5 (72). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-proizvodstva-osvidetelstvovaniya> (accessed: 17.10.2024).

Трансформация уголовно-правового противодействия финансовым пирамидам в Российской Федерации

Дерябин Александр Сергеевич,

аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета (МГЮА) им. О.Е. Кутафина.
E-mail: alexander.deryabin@mail.ru

Проблема уголовно-правовой борьбы с финансовыми пирамидами до сих пор однозначно не решена. Причем финансовые пирамиды наносят ущерб не только гражданам, но и государству, препятствуя нормальному функционированию и развитию рыночных отношений, особенно инвестиционным институтам. Данное исследование направлено на изучение истории уголовно-правовой борьбы с финансовыми пирамидами, что позволит разграничить данный состав преступления с составом мошенничества, а также выявить недочеты в законодательстве, которые используют преступники, чтобы избежать ответственности. Автор делает вывод об отсутствии отношения между составами преступления по статье 159 УК РФ и статье 1722 УК РФ как общего и специального состава преступления соответственно. И выделяет основную цель введения статьи 1722 УК РФ – пресечение деятельности финансовых пирамид на ранних стадиях.

Ключевые слова: финансовые пирамиды, история финансовых пирамид, разграничение финансовых пирамид и мошенничества, финансовые мошенничества, уголовно-правовая борьба с финансовыми пирамидами.

Проблема уголовно-правовой борьбы с финансовыми пирамидами носит общемировой характер. Это связано, как с возможностью финансовых пирамид вовлекать в свою деятельность граждан различных стран и тем самым наносить вред более, чем одному государству и его гражданам, так и с недостаточной проработкой проблем, связанных с уголовным законом, в различных странах мира. В России и странах СНГ данная проблема появилась относительно недавно, а именно с распадом СССР, когда у людей появилась возможность инвестировать свой капитал.

Так, в 90-х годах прошлого столетия получило широкое распространение мошенничество путем создания финансовых пирамид. Злоумышленники создавали коммерческие организации, далее путем различных маркетинговых стратегий создавали видимость успешности бизнеса, затем на основании этого привлекали вкладчиков, обещая им несоразмерно высокую отдачу на их инвестиции. Причем целью таких организаций выступает не предпринимательская деятельность, а привлечение денежных средств населения с целью последующего хищения таковых путем обмана и злоупотребления доверием соответственно. Примером подобных организаций может служить такие финансовые пирамиды как «МММ», «Хопер Инвест», «Селенга», «Властелина».

Б.В. Волженкин в одной из своих работ отмечает, что на рынке частных инвестиций с 1991 по 1995 годы от подобной преступной деятельности пострадало 735 тысяч граждан РФ, в общей сложности ущерб от такой деятельности составил 1.9 триллионов рублей[1].

Согласно другим источникам, подобные организации обманули 40 миллионов вкладчиков, а размер ущерба составил около 50 триллионов рублей[2].

Данные потрясения были вызваны финансовой неграмотностью населения и отсутствия адекватных мер по противодействию данным видам мошенничества. Первыми попытками государства противостоять данной проблеме был Федеральный закон № 10-ФЗ от 01.07.1994, введивший в УК РФ статью 1483, которая под угрозой наказания в виде 1 года лишения свободы криминализовала причинение имущественного ущерба собственнику путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения.

В последствии совершение преступления в форме финансовых пирамид стало подпадать под состав мошенничества статьи 159 УК РФ. Но, чтобы избежать ответственности, злоумышленники в ря-

де случаев напрямую предупреждают вкладчиков о риске потерять свои вложения. Таким образом, подобные деяния оказываются за рамками состава преступления статьи 159 УК РФ. В результате чего были случаи привлечения к ответственности за такие деяния по статье за незаконную банковскую деятельность, что по мнению Клепицкого И.А. является неверным. Закон не запрещает вести учет своих доходов и расходов, а незаконная банковская деятельность связана с договором банковского счета, на основании которого осуществляются безналичные платежи[3].

Но все же фактором, который сподвиг законодателя к новым изменениям в законе с целью борьбы с финансовыми пирамидами, было создание финансовой пирамиды «МММ-2011». У вновь воссозданной «МММ» не было счета в банке, не было зарегистрированного юридического лица: участники финансовой пирамиды продавали виртуальные ценные бумаги данной компании друг другу. Причем представители МВД заявляли, что без заявлений о совершении преступления со стороны граждан или организаций, нет оснований для привлечения организаторов «МММ-2011» к уголовной ответственности[4], то есть деятельность, которая с высокой вероятностью привела бы к общественно опасным последствиям, не могла быть пресечена в момент пока «мыльный пузырь» еще не раздулся и не рухнул. Об очевидности «краха лавины», анализируя механизм работы финансовых пирамид, еще в XX в. писал советский ученый Перельман Я.И.[5].

Причем надо отметить, что ФАС в отношении «МММ-2011» так же заблаговременно выносила заключение о признании данной организации финансовой пирамидой, но из-за пробелов в уголовном законе, МВД было не в состоянии принять своевременные меры. После чего тогдашний заместитель руководителя ФАС Андрей Кашеваров так же призывал законодателя принять нормы, направленные на борьбу с финансовыми пирамидами[6].

В итоге Сергей Мавроди не был привлечен к уголовной ответственности. Во-первых, он предупреждал вкладчиков о высоких рисках таких инвестиций и признавал «МММ-2011» финансовой пирамидой. Как и было отмечено выше, эти действия были совершены с целью избежания наказания по ст. 159 УК РФ. Во-вторых, не было нормы, на основании которой правоохранительные органы могли возбудить уголовное дело в отношении Сергея Мавроди и его пособников.

В результате этих обстоятельств Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ Кодекс дополнен статьей 1594 за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. За преступные деяния в форме финансовых пирамид начали вменять именно эту статью пока постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П положения статьи 1594 настоящего Кодекса не были признаны

несоответствующими Конституции РФ в той мере, в какой эти положения устанавливают несоразмерное его общественной опасности наказание, позволяющее отнести данное преступления к преступлениям средней тяжести, в то время как за совершение преступления, предусмотренного общей нормой статьи 159 предусматривается ответственность, как за совершение тяжкого преступления. Такое положение вещей не соответствовало конституционному принципу равенства различных форм собственности.

Следующей мерой в борьбе с финансовыми пирамидами стал федеральный закон от 30.03.2016 № 78-ФЗ, которым была введена статья 1722 УК РФ предусматривающая ответственность за создание финансовых пирамид. После вступления нормы в законную силу уменьшилась реклама финансовых пирамид в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», злоумышленники стали явно опасаться наступления ответственности по этой норме, но в полной мере в правоприменительную практику статья 1722 УК РФ не вошла. В правоприменении глубоко укоренилось представление о создании финансовых пирамид как о мошенничестве. Но это представление верно только в случае, если организаторы обещали возврат инвестиций, то есть был признак обмана и злоупотребления доверием. По мнению И.А. Клепицкого, в таких случаях дополнительной квалификации по статье 1722 УК РФ не требуется, ведь статья 1722 УК РФ не является специальной нормой по отношению к норме о мошенничестве[3]. Представляется, что статья 1722 УК РФ направлена на борьбу со случаями, когда злоумышленники пытаются уйти от ответственности, предупреждая инвесторов о высоком риске потере денежных средств или вовсе признавая свое предприятие финансовой пирамидой. Также статья 1722 УК РФ дает возможность еще на ранних стадиях пресечь деятельность финансовых пирамид, что с учетом опыта борьбы с «МММ-2011» является немаловажным.

Новой вехой в борьбе с финансовыми пирамидами, на которую стоит обратить внимание, стало принятие Государственной Думой в январе 2024 года законопроекта, ограничивающего возможности потребительских кооперативов в привлечении средств от физических лиц, не являющихся пайщиками[7]. Так Федеральный закон от 08.08.2024 N 278-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» и Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» содержит положение, в соответствии с которым, в частности, привлечение инвестиций физических лиц путем заключения договоров на условиях публичной оферты допускается только посредством встречного предоставления определенных законодательством ценных бумаг. Помимо этого, закреплен круг лиц, которые

могут оказывать услуги по публичному привлечению инвестиций.

Видимо законодатель решил бороться с злоупотреблением правами путем отмены этих прав. Но вместе с тем встает вопрос о целесообразности введения таких мер, ведь, если обратиться к статистике, которая нам показывает, что финансовые пирамиды, маскирующиеся под видом потребительских кооперативов, составляют всего 0.5% от общего числа выявленных финансовых пирамид за первое полугодие 2024 года[8], причем такая же ситуация наблюдалась и в 2023 году. Представляется, что это первые шаги к комплексной борьбе с финансовыми пирамидами, которая должна вестись не только уголовно-правовыми, но и гражданско-правовыми мерами, а также путем повышения финансовой грамотности населения.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что эффективной борьбе с финансовыми пирамидами в уголовно-правовом аспекте мешает неверное понимание статьи 1722 УК РФ. Данная статья – это не специальный состав мошенничества, а норма, направленная на пресечение общественно опасной деятельности, пока она не привела к серьезным экономическим последствиям, либо когда злоумышленники пытаются уйти от ответственности по статье 159 УК РФ, признавая деятельность финансовой пирамидой или предупреждая о высоком риске.

Литература

1. Волженкин Б.В. Мошенничество: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998. – 35с.
2. Преступность и реформы в России / под ред. А.И. Долговой. М., 1998. – 407с.
3. Клепичский, И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. – Москва: Проспект, 2021. – 984 с.
4. Полиции не за что привлекать к ответственности Сергея Мавроди / «Вести.ру» URL: <https://www.vesti.ru/article/1905804> (дата обращения: 01.10.2024)
5. Перельман, Я.И. Живая математика. Математические рассказы и головоломки / Я.И. Перельман. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 163 с. – (Открытая наука). – ISBN 978-5-534-12291-6. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/447197> (дата обращения: 29.09.2024).
6. ФАС в СМИ: MMM привлекла обвинение / официальный сайт ФАС России URL: <https://fas.gov.ru/publications/9007> (дата обращения: 01.10.2024)

fas.gov.ru/publications/9007 (дата обращения: 01.10.2024)

7. Граждан дополнительно защитят от действий финансовых мошенников / официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации URL: <http://duma.gov.ru/news/58727/> (дата обращения 05.10.2024)
8. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке. / официальный сайт Банка России URL: https://www.cbr.ru/analytics/inside/2024_1/ (дата обращения 05.10.2024)

TRANSFORMATION OF CRIMINAL-LEGAL COUNTERACTION TO FINANCIAL PYRAMIDS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Deryabin A.S.

Kutafin Moscow State Law University

The problem of criminal-legal fight against financial pyramids has not yet been unambiguously solved. Moreover, financial pyramids cause damage not only to citizens, but also to the state, preventing the normal functioning and development of market relations, especially investment institutions.

This research is aimed at studying the history of the criminal-legal struggle against financial pyramids, which will allow to distinguish this crime from frauds, as well as to identify shortcomings in the legislation, which are used by criminals to avoid responsibility. The author concludes that there is no relationship between the corpus delicti under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 1722 of the Criminal Code of the Russian Federation as a general and special corpus delicti respectively. And emphasizes the main purpose of the introduction of article 1722 of the Criminal Code of the RF – to suppress the activities of financial pyramids at early stages.

Keywords: financial pyramids, the history of financial pyramids, distinction between financial pyramids and fraud, financial fraud, financial pyramids crimes prevention,

References

1. Volzhenkin B.V. Fraud: Series “Modern Standards in Criminal Law and Criminal Procedure”. SPb., 1998. – 35c.
2. Crime and reforms in Russia / ed. by A.I. Dolgova. M., 1998. – 407c.
3. Klepitskij, I.A. New economic criminal law: a monograph. – Moscow: Prospect, 2021. – 984 p.
4. Police have nothing to prosecute Sergei Mavrodi for / “Vesti.ru” URL: <https://www.vesti.ru/article/1905804> (accessed on 01.10.2024)
5. Perelman, Ya. I.I. Living mathematics. Mathematical stories and puzzles / Ya.I. Perelman. – Moscow: Yurait Publishing House, 2020. – 163 c. – (Open Science). – ISBN 978-5-534-12291-6. – Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. -URL: <https://urait.ru/bcode/447197> (accessed on 29.09.2024).
6. FAS in mass media: MMM attracted prosecution / official website of FAS of Russia URL: <https://fas.gov.ru/publications/9007> (accessed on 01.10.2024)
7. Citizens will be additionally protected from the actions of financial fraudsters / official website of the State Duma of the Russian Federation URL: <http://duma.gov.ru/news/58727/> (accessed on 05.10.2024)
8. Countering illegal activities in the financial market. / Official website of the Bank of Russia URL: https://www.cbr.ru/analytics/inside/2024_1/ (accessed on 05.10.2024)

Егоров Андрей Николаевич,

аспирант кафедры уголовного права Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: 8120@apmo.ru

В статье рассматривается качественный признак соучастия в преступлении – признак совместности, который требует пересмотра в условиях изменения характера групповых преступлений и развития новых философских концепций о причинности. Эволюция преступных схем, включающая использование кибертехнологий и анонимных платформ, усложняет взаимодействие соучастников, что делает традиционные признаки совместности, такие как физическая координация и прямой контакт, менее применимыми. Автор подчеркивает необходимость пересмотра понятия совместности для учета специфики удаленного и анонимного взаимодействия в рамках преступных схем, действующих в киберпространстве. В статье также рассматриваются современные философские подходы к причинности, такие как вероятностный детерминизм и системный подход, которые предполагают более гибкое и многозвенное понимание причинных связей. Внимание уделяется как объективным (единое деяние и результат), так и субъективным (осознание взаимной обусловленности действий и единого умысла) свойствам совместности, подчеркивается их значение для правильной квалификации преступлений. Исследование направлено на формирование более точного и комплексного подхода к оценке действий соучастников в современных условиях.

Ключевые слова: соучастие, совместность, уголовное право, киберпреступления, детерминизм, причинность, философия права

Качественному признаку соучастия в преступлении или же признаку совместности в юридической литературе посвящено немало работ, что могло бы значить, что данная тема раскрыта достаточно, однако количество исследований продолжает расти с годами, что неудивительно: существует сразу несколько причин, по которым исследователи вновь и вновь возвращаются к данной теме.

Первым доводом к несостоятельности современного понимания признака совместности в частности и общей теории соучастия в целом является эволюция групповых преступлений. Знаковым примером эволюции таких преступлений являются составы, охватываемые статьями 228 и 228.1 УК РФ.

Ранее, еще 20 лет назад, преступления, предусмотренные статьями 228 и 228.1 УК РФ (например, хранение, перевозка, производство и сбыт наркотических средств), в основном совершались в «очных» условиях. Это означало, что участники преступлений физически взаимодействовали друг с другом: обмен наркотическими веществами и деньгами происходил в одном месте и в одно время, что обеспечивало прямую связь между соучастниками. В такой ситуации признаки совместности деяний и субъектного состава были очевидными, поскольку все участники осознавали действия друг друга и действовали координированно.

Однако с развитием цифровых технологий и интернета преступления с наркотическими средствами постепенно перешли в киберпространство, став частью киберпреступлений. Это изменение коренным образом повлияло на характер взаимодействий между соучастниками и усложнило цепочку их связей, а значит изменило и *содержание признака совместности*. Эти изменения выражаются в том, что современные преступные схемы включают использование теневого сегмента сети, анонимных мессенджеров и криптовалют для организации незаконного оборота наркотиков.

Применение этих технологий правонарушителям привело, во-первых, к **удаленному взаимодействию** (соучастники могут находиться в разных городах или даже странах, не зная друг друга лично и не контактируя физически: все операции, от приобретения до доставки и оплаты, могут проходить через цифровые платформы, обеспечивая анонимность), во-вторых, к **усложнению цепочек взаимодействия** (один участник может отвечать за покупку наркотиков в даркнете, другой – за их доставку через закладки, третий – за получение оплаты в криптовалюте: каждый из них действует в своем сегменте и может не знать всей структуры преступления, а также личностей других участников).

Можно заключить: указанные изменения привели к тому, что традиционные признаки соучастия стали менее очевидными. Поскольку в данном исследовании нас интересует именно признак совместности соучастия, касательно него отметим: в условиях киберпреступлений совместность становится более абстрактной. Действия участников координируются не через физическое присутствие и общение, а через цифровые средства и инструкции, передаваемые анонимно. Такая модель соучастия требует переосмысления содержания совместности в условиях удаленного и анонимного взаимодействия соучастников киберпреступлений.

Пример изменения признака совместности и конструкции соучастия касается и других эволюционирующих посредством сети групповых преступлений, таких как:

- Статья 222 УК РФ – Незаконный оборот оружия;
- Статья 223 УК РФ – Незаконное изготовление оружия;
- Статья 174 УК РФ – Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем;
- Статья 174.1 УК РФ – Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных самим преступником;
- Статья 242.1 УК РФ – Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних;
- Статья 163 УК РФ – Вымогательство.

Вторым проблемным аспектом является философское осмысление качественного признака соучастия. Сегодняшние представления о причинной связи по-прежнему опираются на старые концепции детерминизма, которые сложились в середине прошлого века [11, 3, 5]. В контексте соучастия в преступлении это означает, что до сих пор доминирует представление о линейной и однозначной связи между действиями соучастников и преступным результатом.

Отметим, что традиционный подход к соучастию предполагает, что если несколько лиц участвуют в преступлении, то предполагается существование четкой и однозначной связи между действиями каждого из них и наступившим преступным результатом. Например, в классическом понимании, если один человек совершает убийство, а второй предварительно передает первому оружие убийства, то оба признаются соучастниками, и их действия рассматриваются как имеющие прямую причинную связь с наступлением преступного результата. Этот подход основан на предположении, что каждое действие конкретного участника можно непосредственно связать с последствиями.

Однако, с учетом современных философских концепций причинности и детерминизма, такой подход к соучастию может быть слишком упрощенным. Современные теории детерминизма признают, что в реальности причинно-следственные связи могут быть сложнее и многозвенными, и влия-

ние отдельных участников на преступный результат может быть не столь прямолинейным [4, 6, 9].

Например, вероятностный детерминизм предполагает, что действия каждого соучастника могут лишь увеличивать или уменьшать вероятность наступления определенного результата, но не обязательно напрямую приводить к нему. Системный подход, в свою очередь, рассматривает преступление как результат сложного взаимодействия множества факторов и действий, что затрудняет установление единственной и четкой связи между действиями конкретного участника и преступным результатом.

В этой связи считаем, что существующее правовое регулирование и доктринальное восприятие признаков соучастия (в частности, качественного признака – совместности) требуют глубинного пересмотра, который имел бы цель учитывать более сложные и гибкие философские представления о причинности. Такой пересмотр мог бы привести к более дифференцированному подходу к оценке действий соучастников, где роль каждого лица в преступлении не рассматривалась бы как нечто однозначно и линейно связанное с наступлением результата, а анализировалась бы с учетом вероятностных и системных факторов.

После рассмотрения фундаментальных вызовов, сопровождающих задачу раскрытия качества совместности в рамках соучастия в преступлении, детальнее обратим внимание на его содержание. У совместности, согласно определению, содержащемуся в статье 32 УК РФ, есть объективные и субъективные свойства, остановимся на первых.

Объективные свойства совместности соучастия заключаются в том, что действия всех соучастников образуют единое целое – общее деяние, направленное на достижение единого результата. Причинная связь в данном случае не рассматривается отдельно для каждого участника, а связывает их действия в комплексе с преступным результатом. То есть, действия всех участников преступления неразрывно связаны, и их вклад невозможно отделить друг от друга без нарушения целостности преступного замысла [10, с. 234–235].

Представим сложное преступление, такое как похищение человека с целью выкупа. В этой ситуации участвуют несколько человек, каждый из которых выполняет свою конкретную роль:

- Участник А планирует похищение, разрабатывает маршрут и распределяет роли между остальными.
- Участник Б следит за жертвой и выбирает подходящий момент для похищения.
- Участник В непосредственно захватывает жертву и перевозит её в подготовленное место.
- Участник Г организует охрану жертвы и обеспечивает её удержание в тайном месте.
- Участник Д связывается с родственниками жертвы и выдвигает требования о выкупе.

Все эти действия, хотя и различны по своей фактической стороне, направлены на достижение единого результата – получение выкупа. Каждый

участник вносит вклад, без которого преступление не могло бы быть совершено, и все они действуют согласованно в рамках единого плана. Причинная связь существует между их действиями в совокупности: каждый шаг напрямую зависит от действий других участников, и успех операции невозможен без вклада всех. В этом примере соблюдены все объективные свойства совместности: деяние является общим, результат – единым, и причинная связь существует между всеми участниками как одной целостной группы.

В противоположность этому можно привести пример продажи наркотических средств, где несколько лиц действуют разрозненно. Один участник (А) производит наркотические вещества в одной части города, другой (Б) продает наркотики через интернет-платформу и координирует поставки, не зная при этом, откуда поступает товар. Третий участник (В) выполняет функции курьера, доставляя закладки, но не знает личностей других участников и масштабов всей операции. В данной ситуации действия участников не составляют общего деяния, так как они не координируются напрямую и не объединены единым замыслом, связывающим их всех. Результат их действий не является единым: каждый отвечает за свою часть операции, и эффективность действий одного участника не зависит от действий другого. Причинная связь между действиями участников и результатом (распространением наркотиков) не является целостной, так как каждый может и, вероятнее всего, действует относительно независимо, не зная о конкретных действиях других.

Ещё одним примером сложного группового преступления, в котором соблюдены все объективные свойства совместности, является групповое изнасилование, в условиях которого несколько лиц используют беспомощное состояние потерпевшей. В такой ситуации действия участников могут различаться, но они направлены на достижение единого преступного результата. Одни участники непосредственно совершают половой акт против воли потерпевшей, а другие содействуют им, применяя физическое или психологическое насилие, чтобы подавить сопротивление и обеспечить условия для совершения преступления.

В данном случае соблюдаются все объективные свойства совместности:

Общее деяние – все участники действуют в рамках единого плана, распределяя свои роли и усилия для достижения общей цели. Действия одного участника поддерживают и дополняют действия другого.

Единый результат – изнасилование потерпевшей – является общим для всех участников. Их действия объединены в достижении этой цели, и без участия каждого результат не был бы достигнут.

Причинная связь существует между совокупностью действий всех участников, а не между действиями каждого из них по отдельности и преступным результатом. Взаимодействие всех

участников определяет «успех» преступления, что обуславливает их взаимозависимость.

Данный пример был предметом рассмотрения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», где ВС РФ указал на особенности действий соучастников и классифицировал их в соответствии с уголовным законодательством [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»].

Вторыми составляющими свойствами совместности являются субъективные, которые можно объединить в такую категорию, как совместность умысла между соучастниками преступления. Компонентами совместного умысла являются, во-первых, **факт осознания всеми участниками взаимосвязи и взаимообусловленности их действий**, во-вторых, **прогнозирование общего результата** в виде общего умысла, в-третьих, **понимание каждым участником своих действий как компонентов общего усилия** всей группы. Принципиальный момент заключается в том, что в рамках совместности необходимо наличие между участниками двухсторонней субъективной связи, которая заключается не просто в осведомленности о действиях друг друга, но и в осознании возможности достичь умысла, соединив усилия в разнородных или однородных действиях.

Таким образом, в качестве субъективных свойств совместности выступают:

Взаимная обусловленность действий участников;

Единый результат, к которому стремятся все соучастники;

Причинная связь между их общими действиями и этим результатом.

Такой уровень осознания и формирует двустороннюю субъективную связь, при которой каждый соучастник понимает, что действия остальных участников являются необходимыми для достижения результата, и их действия взаимозависимы.

В научной литературе, которая посвящена субъективной стороне совместности, можно встретить альтернативное мнение, которое допускает существование лишь односторонней субъективной связи. В понимании этих исследователей допустимо, чтобы исполнитель преступления не знал о содействии других лиц, которые ему помогли [2, с. 96]. Например:

- Исполнитель планирует угнать автомобиль и действовать в одиночку. Однако, третье лицо, не ставя его в известность, отключает сигнализацию, чтобы облегчить угон.
- Лицо собирается совершить кражу, но не знает, что кто-то заранее оставил двери объекта открытыми, зная о его намерении, чтобы кража прошла легче.

- Преступник планирует поджог, но сторонний участник тайно оставляет легковоспламеняющиеся материалы, чтобы увеличить ущерб, не сообщая об этом исполнителю.

В указанных примерах исполнитель действует самостоятельно, без координации или договоренности с лицами, которые фактически оказали ему содействие. В таком случае, с точки зрения сторонников данной позиции, можно говорить о соучастии, несмотря на то что исполнитель не знал о действиях других лиц.

На наш взгляд, такая позиция несостоятельна, потому что она не отвечает основным требованиям к совместности умысла и отсутствию субъективной взаимосвязи. Для соучастия важно, чтобы все участники осознавали не только общий преступный замысел, но и роль каждого в этом преступлении. Если исполнитель не знает о содействии, он не осознает двусторонней связи с другими участниками, и это противоречит концепции соучастия.

Вопрос соучастия после достижения умысла в российском уголовном праве является одной из сложнейших проблем, требующей глубокого анализа. Это объясняется тем, что нормы, регулирующие участие в преступлениях, обладают разнообразными толкованиями в судебной практике и сложной структурой.

Например, пособничество квалифицируется на основе содействия преступлению до или в момент его совершения. В судебной практике подчеркивается, что лицо, заранее пообещавшее оказать содействие, например, скрыть следы преступления или устранить препятствия, признается пособником, даже если его действия имели место только на этапе завершения преступления. Согласно пункту 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о преступлениях против собственности», такие действия, как предоставление транспортных средств для бегства после ограбления, квалифицируются как пособничество [12].

Далее, судебная практика обращает внимание на трансформацию умысла в ходе преступления. Например, если преступная группа планировала кражу, но в процессе умысел изменился на грабеж, лица, присоединившиеся на этом этапе, могут быть признаны соучастниками, если будет доказано, что они осознавали и поддерживали новый умысел. Квалификация в таких случаях основывается на осознании нового характера преступных действий и умышленном участии в них [7, с. 85].

Важно учитывать, что границы соучастия и помощь, оказываемая после завершения преступления, разграничиваются на законодательном уровне. В частности, Постановление Пленума Верховного Суда РФ разъясняет, что помощь после завершения преступления не является соучастием, а квалифицируется как укрывательство в соответствии со статьей 316 УК РФ. В таких случаях умысел преступника исчерпывается на момент окончания преступного деяния, и последующие действия,

такие как сокрытие исполнителя или уничтожение улик, не входят в общий преступный замысел [8, с. 79].

Ключевые выводы, достигнутые по результатам исследования:

1. Современные технологии и цифровизация преступных схем, такие как использование даркнета и анонимных мессенджеров, привели к изменению характера взаимодействия между соучастниками. Это делает классические признаки совместности, основанные на физическом взаимодействии и координации, менее актуальными. Совместность становится более абстрактной и требует учета новых форм цифрового взаимодействия, где участники могут не знать друг друга лично, но при этом действуют в рамках единой преступной схемы.
2. В философии причинности произошли значительные изменения. Современные теории, такие как вероятностный детерминизм и системный подход, показывают, что причинно-следственные связи могут быть сложными и многозвенными. Это подчеркивает необходимость пересмотра уголовного законодательства, так как традиционные модели соучастия, основанные на линейной причинности, не учитывают комплексность и взаимозависимость действий участников в современных преступлениях.
3. Объективные свойства совместности включают в себя общее деяние, единый результат и причинную связь, существующую между действиями всей группы. Эти свойства сохраняются в сложных преступлениях, таких как похищение человека, где действия участников координируются и зависят друг от друга. Субъективные свойства предполагают осознание взаимосвязанности действий и двустороннюю связь между соучастниками, что требует осознанного участия каждого в преступном замысле. Односторонние связи, когда исполнитель не знает о содействии, не соответствуют концепции соучастия и скорее характеризуют стечение лиц в преступлении.
4. В российском праве соучастие после достижения умысла регулируется с учетом разницы между содействием преступлению и помощью после его завершения. Помощь, оказанная после завершения преступного деяния, квалифицируется как укрывательство (ст. 316 УК РФ), а не как соучастие, так как умысел преступников исчерпывается в момент окончания основного деяния.

Литература

1. Ashworth A. Principles of Criminal Law. – Oxford: Clarendon Press, 2009.
2. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные криминологические и правовые проблемы. – Киев: Вища школа, 1986.

3. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / Ин-т права Акад. наук СССР. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941.
4. Гарден Х., Майнард Д. Causality in Law and Legal Practice. – Лондон: Routledge, 2011.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве. – Вена, 1934.
6. Махер П. Causation and Responsibility: An Essay in Law, Morals, and Metaphysics. – Кембридж: Cambridge University Press, 2008.
7. Мелешко Д.А. Участие в преступлении после его окончания: прикосновенность или соучастие? // Lex Russica. 2024. № 4. С. 83–89.
8. Пудовочкин Ю.Е. Судебная практика квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Российская академия правосудия. 2011. № 2 (16).
9. Рид М. Verities of Causation. – Оксфорд: Oxford University Press, 1995.
10. Шеслер А.В. Содержание совместности при соучастии в преступлении // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 3.
11. Штаммлер Р. Право и справедливость. – Берлин: Юридическое издательство Штаммлер, 1919.

Судебная практика

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о преступлениях против собственности».
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

THE QUALITATIVE FEATURE OF COMPLICITY: THEORY AND JUDICIAL PRACTICE

Egorov A/N.

Kutafin University (MSAL)

The article explores the qualitative feature of complicity in crime – the feature of unity – which needs reconsideration in light of the

evolving nature of group crimes and the development of new philosophical concepts of causation. The evolution of crime schemes, including the use of cyber technologies and anonymous platforms, complicates the interaction among accomplices, making traditional indicators of unity, such as physical coordination and direct contact, less applicable. The author emphasizes the need to revise the notion of unity to account for the specifics of remote and anonymous interactions within cybercrime frameworks. The article also discusses modern philosophical approaches to causation, such as probabilistic determinism and systems theory, which suggest a more flexible and multi-layered understanding of causal connections. Attention is given to both objective (common act and result) and subjective (awareness of mutual dependency and shared intent) properties of unity, emphasizing their importance for accurate crime qualification. The research aims to develop a more precise and comprehensive approach to evaluating accomplices' actions under contemporary conditions.

Keywords: complicity, unity, criminal law, cybercrime, determinism, causation, philosophy of law.

References

1. Ashworth A. Principles of Criminal Law. – Oxford: Clarendon Press, 2009.
2. Burchak F.G. Complicity: Social Criminological and Legal Problems. – Kyiv: Vishcha Shkola, 1986.
3. Vyshinsky A. Ya. Theory of Judicial Evidence in Soviet Law / Institute of Law of the USSR Academy of Sciences. – Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1941.
4. Garden H., Maynard D. Causality in Law and Legal Practice. – London: Routledge, 2011.
5. Kelsen G. The Pure Doctrine of Law. – Vienna, 1934.
6. Maher P. Causation and Responsibility: An Essay in Law, Morals, and Metaphysics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
7. Meleshko D.A. Participation in a Crime after Its Completion: Implication or Complicity? // Lex Russica. 2024. No. 4. P. 83–89.
8. Pudovochkin Yu.E. Judicial Practice of Qualification of Crimes Committed in Complicity // Russian Academy of Justice. 2011. No. 2 (16).
9. Reed M. Verities of Causation. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
10. Shesler A.V. The Content of Jointness in Complicity in a Crime // All-Russian Criminological Journal. – 2022. – Vol. 16. – No. 3.
11. Stammer R. Law and Justice. – Berlin: Stammer Legal Publishing House, 1919. Case Law
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 “On Case Law in Cases of Crimes against Property”.
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 4, 2014 No. 16 “On Case Law in Cases of Crimes against Sexual Inviolability and Sexual Freedom of the Individual”.

К вопросу об особенностях процессуального порядка окончания дознания с обвинительным актом и обвинительным постановлением

Иванов Антон Андреевич,

соискатель, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
E-mail: ivanton1501@yandex.ru

Рассмотрены вопросы, касающиеся проблем правового регулирования уголовного судопроизводства при окончании дознания с обвинительным актом и обвинительным постановлением. До настоящего времени отсутствует единый подход к процедуре окончания дознания как в общем порядке, так и в сокращенной форме, что не позволяет признать эффективным правовое регулирование процессуального порядка окончания дознания с обвинительным актом и с обвинительным постановлением. Если для окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения порядок ознакомления заинтересованных участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела подробно урегулирован, то для окончания дознания исчерпывающая законодательная регламентация отсутствует. В соответствии с ч. 1 ст. 223 УПК РФ дознание производится в порядке, установленном главами 21, 22 и 24–29 УПК РФ, которые включают общие условия предварительного расследования, правила производства следственных действий, процедуру производства самих следственных действий, основания и порядок приостановления и прекращения предварительного расследования. Однако глава 30, регулирующая порядок направления уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, в данный перечень не попадает и, следовательно, ее положения не подлежат применению при производстве дознания.

Выявлены некоторые приоритетные направления, требующие изменений на законодательном уровне. Рассмотрены теоретические вопросы процессуального порядка окончания дознания с обвинительным актом и обвинительным постановлением и проведен анализ научной литературы по затронутой проблеме и научные дискуссии.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, дознание, процессуальный порядок окончания дознания с обвинительным актом и обвинительным постановлением, уголовно-процессуальная форма, уголовное судопроизводство, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель.

Уголовно-процессуальное право определяет процедуру расследования, рассмотрения и разрешений уголовных дел для решения задач, определенных уголовным законом, в ходе которой решаются вопросы о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, вопросы восстановления в правах потерпевшего от преступного посягательства и возмещения ему причиненного вреда и целый ряд иных вопросов [1].

Сферу уголовного судопроизводства отличает строго установленная уголовно-процессуальная форма.

Строгович М.С. обозначал, что уголовно-процессуальную форму принято рассматривать как регламентированный уголовно-процессуальным законом порядок производства по уголовному делу. Это, прежде всего, последовательность стадий и условия перехода уголовного дела из одной стадии в другую [2].

Якуб М.Л. в своих учениях писал, что сущность процессуальной формы в том, что она создает детально урегулированный, устойчивый, юридически определенный, строго обязательный, стабильный правовой режим производства по уголовным делам [3].

Для уголовно-процессуальной формы в целом характерно единство производства по уголовным делам, единые установленные уголовно-процессуальным законом требования, обязательные для суда, органов прокуратуры, предварительного расследования, а также иных участников уголовного судопроизводства.

При законодательном закреплении дознания в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предполагался его ускоренный порядок, заключавшийся, в том числе, в отсутствии длительных сроков расследования, в производстве минимального количества процессуальных (следственных) действий, что позволило бы значительно сократить период времени от возбуждения уголовного дела, до разрешения его по существу в суде.

Современный уровень развития дознания позволяет констатировать, что данная форма предварительного расследования является одной из важных, но сложных для практической реализации по целому ряду объективных причин, в том числе и в связи с повсеместно возникающими трудностями, связанными с неоднозначным толкованием и применением целого ряда регламентирующих его уголовно-процессуальных норм.

Ряд ученых-процессуалистов считают, что существующая модель дознания как форма предварительного расследования в российском уголовном процессе не эффективна и не имеет перспективы. Однако законодатель не только сохранил, но и существенно модернизировал дознание, добавив главу 32.1 «Дознание в сокращенной форме». Кроме того, процессуальный статус получили такие должностные лица, как начальник подразделения дознания и начальник органа дознания, полномочия которых закреплены в статьях 40.1 и 40.2 УПК РФ.

Все это говорит о том, что дознание как форма предварительного расследования развивается, свидетельствуя о формировании новых правоотношений и о совершенствовании уже имеющихся.

В то же время обращает на себя внимание ряд проблем правового регулирования производства дознания, которые до настоящего времени остаются неразрешенными.

Результаты анализа правоприменительной практики свидетельствуют о повсеместном увеличении длительности производства дознания, в связи с чем назрела необходимость в принятии мер, позволяющих осуществлять расследование своевременно и качественно, обратив должное внимание на правовое регулирование деятельности на этапе окончания дознания с обвинительным актом и обвинительным постановлением.

Так, до настоящего времени отсутствует единый подход к процедуре окончания дознания как в общем порядке, так и в сокращенной форме, что не позволяет признать эффективным правовое регулирование процессуального порядка окончания дознания с обвинительным актом и с обвинительным постановлением. Если для окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения порядок ознакомления заинтересованных участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела подробно урегулирован, то для окончания дознания исчерпывающая законодательная регламентация отсутствует. В соответствии с ч. 1 ст. 223 УПК РФ дознание производится в порядке, установленном главами 21, 22 и 24–29 УПК РФ, которые включают общие условия предварительного расследования, правила производства следственных действий, процедуру производства самих следственных действий, основания и порядок приостановления и прекращения предварительного расследования. Однако глава 30, регулирующая порядок направления уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, в данный перечень не попадает и, следовательно, ее положения не подлежат применению при производстве дознания.

Отсутствие прямых предписаний вынуждает правоприменителя использовать аналогию закона и применять порядок окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения на этапе окончания дознания с составлением обвинительного акта и обвинительного постановления. В связи с этим органы дознания

испытывают трудности, связанные с отсутствием правового регулирования порядка уведомления об окончании следственных действий участников уголовного судопроизводства, соответствующих процессуальных полномочий начальника подразделения дознания.

Кроме того, не определен порядок возобновления производства дознания после составления обвинительного акта (обвинительного постановления), в том числе при возникновении необходимости в производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий.

Нуждаются в конкретизации на законодательном уровне порядок разъяснения прав обвиняемому после составления обвинительного акта (постановления), порядок ознакомления обвиняемого и его защитника с обвинительным актом (постановлением) и материалами уголовного дела, условия ограничения времени ознакомления с обвинительным актом (постановлением) и материалами уголовного дела.

Обращает на себя внимание отсутствие надлежащего правового регулирования правоотношений, возникающих в связи с разъяснением обвиняемому его права на применение особого порядка судебного разбирательства и проведение предварительного слушания.

Многочисленные вопросы возникают у дознавателей в процессе ознакомления потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей с обвинительным актом (постановлением) и материалами уголовного дела. Кроме того, не определен порядок разрешения ходатайств.

Существующая редакция процессуальных норм затрудняет единообразное толкование их содержания применительно к порядку исчисления и установления процессуальных сроков.

Полагаем, что существующие пробелы и недостатки в правовом регулировании окончания дознания с обвинительным актом и обвинительным постановлением затрудняют реализацию прав и исполнение процессуальных обязанностей участниками уголовного судопроизводства, отрицательно сказываясь на обеспечении качества дознания, что приводит к необходимости исследования возникающих проблем и выработки направлений их разрешения.

Литература

1. Актуальные проблемы уголовного процесса: учебник / под науч. ред. к.ю.н. О.В. Логинова, к.ю.н. А.В. Кикотя, д.ю.н., профессора Э.К. Кутуева. Санкт-Петербург: Астерион. 2022. С. 54 (944 с.)
2. Строгович М.С. Уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальная форма // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Отв. Ред. В.М. Савицкий. М., 1979. С. 17.

3. Якуб М.Л. Уголовно-процессуальная форма в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 8.
4. Уголовный процесс: учебник / под редакцией д.ю.н., профессора В.П. Божьева. Москва-Юрайт. 2014. 573 с.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция» / под редакцией д.ю.н., профессора А.С. Шаталова, д.ю.н., доцента А.А. Крымова – Москва: Проспект, 2019. – 864 с. Насонова И.А., Арепьева Т.А. Начальник подразделения дознания как участник уголовного судопроизводства: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. О.А. Зайцева. М. Юрлитинформ. 2014. 224 с.

ON THE ISSUE OF THE SPECIFICS OF THE PROCEDURAL ORDER OF THE END OF THE INQUIRY WITH THE INDICTMENT AND THE INDICTMENT

Ivanov A.A.

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The issues related to the problems of legal regulation of criminal proceedings at the end of the inquiry with the indictment and the indictment are considered. To date, there is no unified approach to the procedure for ending an inquiry, both in a general manner and in an abbreviated form, which does not allow us to recognize the effective legal regulation of the procedural procedure for ending an inquiry with an indictment and with an indictment. If, in order to complete the preliminary investigation with the preparation of an indictment, the procedure for familiarizing interested participants in criminal proceedings with the materials of the criminal case is regulated in detail, then there is no exhaustive legislative regulation for the end of the inquiry. In accordance with Part 1 of art. 223 of the CPC of the Russian Federation, an inquiry is conducted in accordance with the

procedure established by Chapters 21, 22 and 24–29 of the CPC of the Russian Federation, which include the general conditions of the preliminary investigation, the rules for conducting investigative actions, the procedure for conducting investigative actions themselves, the grounds and procedure for suspending and terminating the preliminary investigation. However, chapter 30, which regulates the procedure for sending a criminal case with an indictment to the prosecutor, does not fall into this list and, therefore, its provisions are not subject to application during the investigation.

Some priority areas requiring changes at the legislative level have been identified. The theoretical issues of the procedural order of the end of the inquiry with the indictment and the indictment resolution are considered and the analysis of scientific literature on the problem and scientific discussions are carried out.

Keywords: criminal proceedings, inquiry, procedural procedure for the end of an inquiry with an indictment and an indictment, criminal procedure form, criminal proceedings, head of the body of inquiry, head of the department of inquiry, inquirer.

References

1. Actual problems of the criminal process: textbook / under the scientific editorship of Ph.D. O.V. Loginov, Ph.D. A.V. Kikotya, Ph.D., Professor E.K. Kutuev. St. Petersburg: Asterion. 2022. p. 54 (944 p.)
2. Strogovich M.S. Criminal procedure law and criminal procedure form // Soviet criminal procedure law and problems of its effectiveness / Ed. V.M. Savitsky. M., 1979. p. 17.
3. Yakub M.L. The criminal procedural form in the Soviet criminal process. M., 1981. p.8.
4. Criminal procedure: textbook / edited by Doctor of Law, Professor V.P. Bozhyev. Moscow-Yurait. 2014. 573 p.
5. Criminal Procedure law of the Russian Federation: an academic course in the field of Jurisprudence / edited by Doctor of Law, Professor A.S. Shatalov, Doctor of Law, Associate Professor A.A. Krymov – Moscow: Prospekt, 2019. – 864 p. Nasonova I.A., Arepyeva T.A. Head of the inquiry unit as a participant in criminal proceedings: monograph / under scientific ed. Jurid. Sciences, prof. O.A. Zaitseva. M. Yurлитinform. 2014. 224 p.

Необходимость квалификации ущерба, причинённого кражей юридическому лицу, как значительного

Крюков Антон Владимирович

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы квалификации ущерба, причиняемого кражей юридическому лицу. В статье приводятся соответствующие примеры судебной практики, в том числе мнение главы крестьянско-фермерского хозяйства о последствиях причинённого юридическому лицу ущерба. По мнению автора, при разрешении вопроса о размере ущерба, причиняемого юридическому лицу при краже, необходимо квалифицировать данный ущерб как значительный, несмотря на то, что современная редакция ст. 158 УК РФ предусматривает возможность причинения значительного ущерба только гражданину, то есть физическому лицу. Автор указывает, что практически во всех комментариях к УК РФ оставляется без внимания вопрос о том, возможно ли причинение значительного ущерба не отдельному гражданину как физическому лицу, а организации, являющейся юридическим лицом. По мнению автора, несмотря на то, что статья 167 УК РФ предусматривает возможность причинения значительного вреда организации, ст. 158 УК РФ, также относящаяся к преступлениям против собственности, такой возможности не предусматривает. В статье отмечается, что такие юридические лица как индивидуальные предприниматели или товарищества с ограниченной ответственностью зачастую имеют незначительной уставной капитал, небольшое имущество в собственности и малые коммерческие обороты, в связи с чем причинение подобным организациям имущественного ущерба на сумму до 250 000 рублей, то есть на сумму, не превышающую крупного размера, может явиться для них достаточно серьёзным, то есть значительным ущербом. Данное обстоятельство делает необходимым возможность признания причинённого юридическому лицу кражей ущерба значительным.

Ключевые слова: кража, чужое имущество, значительный ущерб, причинение ущерба, возмещение ущерба, уничтожение или повреждение чужого имущества, небольшая тяжесть, повлекшее тяжкие последствия.

Пункт «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ устанавливает ответственность за кражу – тайное хищение чужого имущества с причинением значительного ущерба гражданину.

Примечание к ст. 158 УК РФ устанавливает размер значительного ущерба в сумме не менее 5 000 рублей с обязательным учётом при этом имущественного положения потерпевшего.

Это же примечание устанавливает крупный ущерб при краже в размере свыше 250 000 рублей.

Теория уголовного права исходит из того, что в случае причинения ущерба на сумму свыше 250 000 рублей деяние квалифицируется по ст. 158 ч. 3 п. «в» УК РФ – кража, причинившая крупный ущерб. Квалифицировать подобное деяние также как причинение значительного ущерба гражданину в таких случаях не нужно.

При этом практически во всех комментариях к УК РФ оставляется без внимания вопрос о том, возможно ли причинение значительного ущерба не отдельному гражданину как физическому лицу, а организации, являющейся юридическим лицом.

Традиционно в судебной практике причинение организации ущерба, не превышающего 250 000 рублей и не оцениваемого как крупный ущерб, квалифицируется по ст. 158 ч. 1 УК РФ. Данное преступление является преступлением небольшой тяжести, предусматривающим наказание не свыше двух лет лишения свободы. Лицу, совершившему подобное деяние впервые, реальное лишение свободы фактически никогда не назначается.

Например, Златоустовский городской суд Челябинской области 29.01.2024 г. [1] признал ФИО виновным по ст. 158 ч. 1 УК РФ. Суд установил, что ФИО в салоне сотовой связи «Билайн» (ПАО «Вымпел – Коммуникации»), пока никто не видел его действий, взял с кассового прилавка принадлежащий ПАО «Вымпел – Коммуникации» мобильный телефон «Смартфон Apple iPhone 11 128 GB/Black Japan» по цене 40 708,33 рубля, спрятал телефон под надетые на нем бриджи и через кассовую зону вышел из магазина, не оплатив взятый телефон, скрылся с похищенным товаром, которым в дальнейшем самостоятельно распорядился, причинив юридическому лицу – ПАО «Вымпел – Коммуникации» материальный ущерб на соответствующую сумму.

Здесь хищение имущества юридического лица на сумму в несколько десятков тысяч рублей квалифицировано судом как простая кража без отягчающих обстоятельств.

Однако при этом ст. 167 УК РФ («Умышленное уничтожение или повреждение имущества»), которое, как и кража, является преступлением против собственности, имеет в качестве обязательного условия причинение значительного ущерба, без чего состав этого преступления отсутствует. Поскольку потерпевшим по данной статье может быть и юридическое лицо, то, следовательно, по закону причинение значительного ущерба юридическому лицу возможно.

Например, Кузьминский районный суд г. Москвы установил виновность Х. по ст. 167 ч. 2 УК РФ. Х в подъезде жилого дома, желая повредить чужое имущество вследствие неприязни к У., поджег одеяло в помещении консьержа, вызвав пожар. Вследствие обгорания юридическому лицу – ГУП ДЕЗ «Выхино» района «Выхино – Жулебино» причинен ущерб на общую сумму 147 119 рублей 45 копеек. [2]

Можно сделать вывод, что статья 167 УК РФ предусматривает возможность причинения значительного вреда организации, а ст. 158 УК РФ, также относящаяся к преступлениям против собственности, – не предусматривает.

Необходимо учесть, что такие юридические лица как индивидуальные предприниматели или товарищества с ограниченной ответственностью зачастую имеют незначительный уставной капитал, небольшое имущество в собственности и малые коммерческие обороты. Поэтому причинение подобным организациям имущественного ущерба на сумму до 250 000 рублей, то есть на сумму, не превышающую крупного размера, может являться для них достаточно существенным ущербом.

Как следует из Определения Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 323-О «По жалобе гражданина Газаряна Сурена Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 167 Уголовного кодекса Российской Федерации», [3] размер значительного ущерба, причиненного юридическим лицам (коммерческим и некоммерческим организациям) в каждом конкретном случае должен оцениваться судом с учетом стоимости поврежденного или уничтоженного имущества, его хозяйственной и иной ценности, затрат на восстановление поврежденного имущества, последствий его выведения из использования (эксплуатации), экономического положения собственника или иного законного владельца этого имущества, а также иных существенных обстоятельств.

Для некоторых малых предприятий, например, похищение различного торгового оборудования, стоимость которого не превышает 250 000 рублей, может повлечь приостановление торговой деятельности. Подобное же приостановление, в свою очередь, неизбежно повлечет за собой ухудшение уровня жизни сотрудников предприятий и членов их семей.

Это же относится и к различным видам сельскохозяйственных товаров и продукции, себестоимость которых не превышает указанного предела:

различных домашних животных и птицы, культивируемых растений и семян, сельскохозяйственного оборудования. При этом непосредственно в фермерском хозяйстве стоимость скота сравнительно невысока. Например, в Волгоградской области стоимость целого стада овец в 15 голов – 150 000 рублей, [4] что значительно меньше предусмотренного законом крупного размера.

Зачастую хищение подобных предметов собственности и их отсутствие с затратами на последующее восстановление могут очень существенно отразиться на деятельности фермерского хозяйства. Однако при этом закон лишает и потерпевшего и правоприменителя возможности признать подобный причиненный ущерб значительным, соответственно предъявить виновному обвинение по соответствующей статье и по результатам рассмотрения уголовного дела назначить соответствующее квалификации деяния наказание.

Например, хищение 200 рулонов сена стоимостью 225 000 рублей, по словам главы крестьянско-фермерского хозяйства Ленинградской области Д. Колесникова, может привести к гибели всего имеющегося в хозяйстве скота и банкротству. [5]

Также невозможность в подобных случаях признать причиненный ущерб значительным влияет и на размер гражданского иска по уголовному делу. Так, предъявление обвинения по ст. 158 ч. 1 УК РФ, относящейся к категории небольшой тяжести, автоматически уменьшает размер гражданского иска в части недополученной выгоды и в части причиненного морального вреда.

Поэтому полагаем, что целесообразно введение в практику судов возможности квалификации ущерба при кражах имущества юридических лиц на сумму менее 250 000 рублей как значительного. Для этого возможно внести соответствующие дополнения в пункт 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

Следует признать, что, при наличии условий и факторов, приведенных в вышеуказанном Постановлении Конституционного Суда РФ, возможна оценка как значительного причиненного кражей юридическому лицу ущерба с соответствующей квалификацией преступного деяния.

Помимо этого, даже при предъявлении обвинения по ст. 158 ч. 1 УК РФ возможно указание в тексте обвинения на то, что для юридического лица причиненный ущерб является значительным. Подобное обстоятельство должно быть учтено судом как общая характеристика совершенного преступного деяния, влияющая на характер и размер назначаемого наказания.

Кроме того, в случаях, подобных приведенной ситуации с фермерским хозяйством в Ленинградской области, возможно учесть причинение подобного имущественного ущерба, в соответствии со ст. 63 ч. 1 п. «б» УК РФ, как отягчающее наказание обстоятельство «Наступление тяжких последствий в результате совершения преступления», что повлияет на размер назначаемого наказания.

Таким образом, квалификация причинённого кражей юридическому лицу ущерба как значительного, влекущего существенный ущерб охраняемым законом интересам или же тяжкие последствия, безусловно, существенно расширит возможности правоприменителя и улучшит качество правовой охраны собственности юридических лиц.

Литература

1. Приговор Златоустовского городского суда Челябинской области от 29.01.2024 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nqwxHYnN38Z4/> (дата обращения 20.10.2024 г.).
2. Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 28.07.2011 г. URL: https://pg-doverie.ru/content_8432 (дата обращения 20.10.2024 г.).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 323-О. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05032013-n-323-o-po/> (дата обращения 20.10.2024 г.).
4. Статья «Под Волгоградом задержали 23-летнего похитителя 15 овец». Информационное агентство Волгограда «Городские вести» URL: <https://gorvesti.ru/accidents/pod-volgogradom-zaderzhali-23-letnego-pokhititelya-15-ovets-169596.html> (дата обращения 20.10.2024 г.).
5. Статья «Такие хищения могут привести к гибели стада и банкротству». Газета «Комсомольская правда» от 15.12.2020 г. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/21712100/4338951/> (дата обращения 20.10.2024 г.).

THE NEED TO QUALIFY THE DAMAGE CAUSED BY THEFT TO A LEGAL ENTITY AS SIGNIFICANT

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of qualification of damage caused by theft to a legal entity. The article provides relevant examples of

judicial and investigative practice, including the opinion of the head of a peasant farm on the consequences of damage caused to a legal entity. According to the author, when resolving the issue of the amount of damage caused to a legal entity during theft, it is necessary to qualify this damage as significant, despite the fact that the modern version of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for the possibility of causing significant damage only to a citizen, that is, an individual. The author points out that almost all comments on the Criminal Code of the Russian Federation ignore the question of whether it is possible to cause significant damage not to an individual citizen as an individual, but to an organization that is a legal entity. According to the author, despite the fact that Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for the possibility of causing significant harm to an organization, Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, also relating to crimes against property, does not provide for such a possibility. The article notes that such legal entities as individual entrepreneurs or limited liability partnerships often have insignificant authorized capital, small property in ownership and small commercial turnover, and therefore causing property damage to such organizations in the amount of up to 250,000 rubles, that is, in an amount not exceeding a large amount, may be for they are quite serious, that is, significant damage. This circumstance makes it necessary to recognize the damage caused to a legal entity by theft as significant.

Keywords: theft, other people's property, significant damage, causing damage, compensation for damage, destruction or damage to other people's property, minor severity, which entailed grave consequences.

References

1. The verdict of the Zlatoust City Court of the Chelyabinsk region dated 01/29/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nqwxHYnN38Z4/> (date of appeal 10/20/2024).
2. The verdict of the Kuzminsky District Court of Moscow dated 07/28/2011. URL: https://pg-doverie.ru/content_8432 (date of appeal 10/20/2024).
3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 5, 2013 No. 323-O. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05032013-n-323-o-po/> (date of appeal 10/20/2024).
4. Article «A 23-year-old thief of 15 sheep was detained near Volgograd.» Volgograd News Agency «City News» URL: <https://gorvesti.ru/accidents/pod-volgogradom-zaderzhali-23-letnego-pokhititelya-15-ovets-169596.html> (date of appeal 10/20/2024).
5. Article «Such theft may lead to the death of the herd and bankruptcy.» Komsomolskaya Pravda newspaper dated 12/15/2020 URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/21712100/4338951/> (accessed 10/20/2024).

Процессуальные особенности расследования организованной преступности во Франции

Кучерков Иван Александрович,

к.ю.н, доцент ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: 19kucherkov77@mail.ru

В статье рассматриваются процессуальные особенности расследования преступлений и проступков, связанных с организованной преступностью. Отмечается, что в отличие от Российской Федерации, в уголовно-процессуальном законодательстве Франции, досудебное производство по делам, связанным с организованной преступностью предполагает специальную юрисдикцию органов уголовной юстиции, а также особые правила проведения процессуальных действий и наличие специальные технических действий дознания, допустимых только по данной категории дел. Рассматриваются особенности производства отдельных процессуальных действий, основания и процедура их проведения.

Делается вывод, что использование во Франции специальной процедуры расследования существенно повышает эффективность расследования преступлений, связанных с организованной преступностью.

Ключевые слова: уголовный процесс, организованная преступность, дознание, предварительное следствие, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, наблюдение, обыск, задержание

Современная организованная преступность является одной из основных угроз обществу и государству. Контролируя значительные ресурсы, активно используя научно-технические информационные достижения, организованная преступность умело противодействует правоохранительной деятельности государства и, в отдельных регионах мира, пытается конкурировать с ним за влияние в обществе.

Одним из важнейших направлений контроля за организованной преступности является установление уголовно-правовых запретов и уголовно-процессуальной процедуры, направленной на пресечение, расследование и судебное разбирательство данных преступлений. В одних странах как, в Российской Федерации производство по делам об организованной преступности осуществляется в рамках общей уголовно-процессуальной процедуры, в других же устанавливаются специальные уголовно-процессуальные нормы.

Так, во Французской Республике специальная процедура, применимая к организованной преступности была введена Законом «Об адаптации правосудия к изменениям преступности» от 9 марта 2004 года[2]. Данный закон с последующими изменениями и дополнениями составил раздел 25 Книги 4 УПК (ст.ст. 706–73–706–106 УПК)[1].

Одной из особенностей французского подхода является установление специальной юрисдикции органов уголовной юстиции, осуществляющих расследование, уголовное преследование и судебное разбирательство уголовных дел, относящихся к сфере организованной преступности. Так, на территории каждого апелляционного судебного округа, включающего несколько департаментов, определяется суд ассизов и судебный трибунал, уполномоченный рассматривать дела данной категории. В каждом таком судебном трибунале Генеральный прокурор при апелляционном суде и первый председатель суда назначают одного или нескольких прокуроров, следственных судей и судей по свободам и заключению, специально уполномоченных проводить дознание, уголовное преследование, предварительное следствие по делам организованной преступности, а в суде ассизов первый председатель апелляционного суда назначает судей, которые должны председательствовать на судебных заседаниях по данным делам.

Кроме того, существует параллельная юрисдикция по делам данной категории. Так, судебный трибунал и суд ассизов Парижа осуществляют параллельную юрисдикцию на всей территории страны в отношении дознания, уголовного пресле-

дования, предварительного следствия и судебного разбирательства в отношении преступлений и проступков, связанных с организованной преступностью, если они являются или будут иметь очень высокий уровень сложности, в частности, из-за географического района деятельности, на который они распространяются. В частности, в настоящее время, парижские суды рассматривают все дела, связанные с организованной преступностью на острове Корсика.

Специализация распространяется и на сами апелляционные суды. Так, согласно ст. 706–75–1 УПК, в каждом апелляционном суде первый председатель и Генеральный прокурор назначают соответственно судебных магистратов и магистратов Генеральной прокуратуры, специально уполномоченных выносить решения по уголовным делам и рассматривать дела об организованной преступности.

Важной особенностью производства по делам, связанным с организованной преступностью является наличие **специальных процессуальных правил производства некоторых процессуальных действий**.

В частности, такие специальные правила устанавливаются применительно к наблюдению, операциям под прикрытием, обыску и удаленному доступу к корреспонденции, хранящейся с помощью электронных средств связи.

Так, согласно ст. 706–80 УПК офицеры и агенты судебной полиции после уведомления прокурора Республики вправе осуществлять **наблюдение** за лицами, в отношении которых есть основание подозревать их в совершении преступления или проступка, связанного с организованной преступностью, а также наблюдать за транспортировкой или перемещением предметов, имущества или доходов, полученные в результате совершения таких уголовных деяний или используемых для их совершения. В рамках данного процессуального действия они имеют право с разрешения прокурора Республики или следственного судьи, передавать или поставлять вместо поставщиков почтовых услуг и грузовых операторов предметы, товары или продукты, запрещенные к обороту. Такое разрешение должно быть оформлено в письменной форме, обосновано и приобщено к материалам процесса.

Всего в 2023 году по данным Национальной комиссии по контролю за разведывательной техникой наблюдение было установлено за 7058 лицами, подозреваемыми в организованной преступной деятельности[4].

По общему правилу, согласно ч. 1 ст. 62–1 УПК Франции офицер или агент судебной полиции обязан задержать лицо «в отношении которого существует одно или несколько вероятных оснований подозревать, что оно совершило или пыталось совершить преступление или проступок наказываемый лишением свободы» [1]. Вместе с тем, по делам, связанным с организованной преступностью, данные должностные лица в рамках действия по наблюдению могут с разрешения проку-

рора Республики, ответственного за дознание, или следственного судьи, требовать от любого должностного лица или государственного служащего не проводить проверку и задержание этих лиц, а также при наблюдении за транспортировкой или перемещением предметов, имущества или доходов – не проводить их проверку и изъятие чтобы не ставить под угрозу продолжение расследования (ст. 706–80–1 УПК).

Специфическим процессуальным действием при расследовании преступлений, связанных с организованной преступностью, является **операция под прикрытием**, сущность которого состоит в том, чтобы офицер или агент судебной полиции, следили за лицами, подозреваемыми в совершении преступления или проступка, выдавая себя за этих лиц, в качестве одного из соучастников или сообщников. С этой целью офицер или агент судебной полиции уполномочен использовать вымышленное имя, а также приобретать, хранить, перевозить, или выдавать предметы, документы или информацию, полученные в результате совершения преступления, или используемых для их совершения и использовать или предоставлять в распоряжение лиц, совершающих такие преступления, финансовые средства, транспорт, помещения для хранения и размещения средств преступления и объектов преступного посягательства, сохранения, средства связи (ч. 2 ст. 706–81 УПК).

Разрешение на операцию под прикрытием выдается по мотивированному постановлению прокурора Республики или, в случае, производства предварительного следствия – следственного судьи, после уведомления прокурора Республики.

Продолжительность операции под прикрытием, которая не может превышать четырех месяцев. Магистрат, выдавший разрешение, может в любое время распорядиться о ее прекращении до истечения установленного срока. При этом, агент под прикрытием может продолжать свои действия, в течение времени, строго необходимого для того, чтобы позволить ему безопасно для себя прекратить операцию, но этот срок не может превышать четырех месяцев.

По результатам операции офицер судебной полиции, участвовавший в ней или координировавший её, составляет отчет, который включает обстоятельства необходимые для констатации уголовных деяний и не ставящие под угрозу безопасность агента под прикрытием (ч. 3 ст. 706–81 УПК).

Следует отметить, что согласно ст. 706–87 УПК ни один обвинительный приговор не может быть вынесен только на основании показаний, сделанных офицерами или агентами судебной полиции, проводившими под прикрытием, за исключением случаев, когда они были допрошены в суде под своим подлинным именем.

При производстве **осмотров, обысков и изъятий** по делам, связанным с организованной преступностью также устанавливаются специальные правила. Так, в отличие от общих правил производства обыска (ст. 59 УПК), обыски и изъятие ве-

ществительных доказательств по делам, связанным с организованной преступностью могут проводиться в ночное время (с 21 до 6 часов), в том числе, в жилых помещениях. Кроме того, обыски в ночное время могут проводиться в жилых помещениях:

Постановление об обыске в ночное время выносится судьёй по свободам и заключению по ходатайству прокурора Республики. В постановлении должны быть указаны: квалификация уголовного деяния, доказательства которого ищутся, а также адреса мест, в которых могут быть произведены осмотры, обыски и изъятия, а также мотивировка со ссылкой на фактические и правовые обстоятельства преступления, подтверждающая, что эти действия необходимы и что они не могут быть выполнены в дневные часы (ч. 1 ст. 706–92 УПК). При необходимости обыска в жилом помещении в постановлении должно быть также указано наличие условий, подтверждающих обоснованность обыска в жилом помещении, предусмотренных ст. 706–91 УПК. Указанное постановление не подлежит обжалованию.

Вместе с тем, когда в ходе расследования, связанного с организованной преступностью, лицо, в доме которого проводится обыск, задержано или содержится под стражей в другом месте, и, когда его перевозку на место обыска следует избегать из-за серьезных рисков, общественного порядка или побега или исчезновения улик в течение времени, необходимого для транспортировки, обыск может быть произведен с предварительного согласия прокурора Республики или следственного судьи, в присутствии двух свидетелей, или представителя, назначенного лицом, в месте жительства которого проводится обыск (ст. 706–94 УПК). Вместе с тем, как разъяснил Кассационный суд Франции в своём постановлении от 7 июня 2023 года, отсутствие свидетелей и представителя обыскиваемого не является существенным нарушением закона при наличии у прокурора достаточных сведений о сокрытых в доме подозреваемого предметах[5].

Данные правила также могут применяться и при первоначальном дознании, когда обыск проводится без согласия лица в месте жительства которого проводится обыск. Затем согласие дает судья по свободам и заключению.

Кроме того, при расследовании деяний, связанных с организованной преступностью, судья по свободам и заключению при судебном трибунале может по запросу прокурора Республики разрешить **перехват, регистрацию и запись и расшифровку корреспонденции, отправленной с помощью электронных средств коммуникации** на срок до одного месяца, Кроме того, в соответствии с ст.ст. 706–95–1 – 706–95–2 УПК судья по свободам и заключению может по запросу прокурора Республики разрешить мотивированным постановлением удаленный доступ без ведома наблюдаемого лица, к переписке, хранящейся с помощью электронных средств связи, к которой можно получить доступ с помощью компьютерного

идентификатора. Данные, к которым был разрешен доступ, могут быть введены и сохранены или скопированы на любой носитель. Данные действия осуществляются под руководством и контролем судьи, который санкционировал их, и не могут, под угрозой недействительности полученных доказательств, преследовать какую-либо иную цель, кроме розыска и констатации уголовных деяний, указанных в решении этого судьи.

Специальные правила по делам, связанным с организованной преступностью установлены также для **задержания подозреваемых**. Так, в ходе дознания преступлений и проступков, связанных с организованной преступностью, задержание лица в может быть дополнительно продлено 2 раза: с 48 часов – до 72 и 96 часов соответственно на основании письменного и мотивированного решения либо, по запросу прокурора Республики, судьёй по свободам и заключению, либо следственным судьёй.

Когда принимается решение о первом продлении срока содержания под стражей, задержанное лицо осматривает врач, назначенный прокурором Республики, следственным судьёй или офицером судебной полиции. Врач выдает медицинскую справку, с помощью которой он, в частности, должен принять решение о пригодности для дальнейшего содержания под стражей, которая приобщается к материалам дела. Офицер судебной полиции уведомляет лицо о праве потребовать повторного медицинского обследования. Эти медицинские осмотры являются заведомо законными. Упоминание об этом уведомлении заносится в протокол и выдается заинтересованным лицам; в случае отказа в расписке об ознакомлении с документом об этом упоминается в протоколе.

Кроме того, если из первоначальных материалов дознания или самого задержания следует, что существует серьезный риск неминуемой террористической акции во Франции или за рубежом, или что этого настоятельно требуют потребности международного сотрудничества, судья по свободам и заключению может в порядке исключения и в зависимости от обстоятельств дела, продлить срок задержания еще два раза, до 120 и 144 часов (ст. 706–88–2 УПК). При этом, помимо возможности медицинского осмотра, проводимого по инициативе задержанного, в начале каждого из двух дополнительных сроков его обязательно осматривает врач, назначенный прокурором Республики, следственным судьёй или офицером судебной полиции, с целью дачи заключения о совместимости продления задержания с состоянием здоровья подозреваемого.

При этом, согласно ч.ч.6 и 7 ст. 706–88 УПК, задержанный может быть ограничен в праве на помощь адвоката. Если по общему правилу (ст. 63–3–1 УПК) задержанный может ходатайствовать воспользоваться помощью адвоката с самого начала задержания, то по делам, связанным с организованной преступностью, вступление в дело адвоката может быть отложено до 48 часов (а при

расследовании отмыывания денег – до 72 часов) прокурором Республики по собственной инициативе или по ходатайству офицера судебной полиции, по уважительным причинам, связанным с конкретными обстоятельствами дознания или предварительного следствия, либо для того, чтобы позволить обеспечить сбор или хранение доказательств либо для предотвращения серьезного посягательства на жизнь, здоровье или свободу какого-либо лица.

Еще одной особенностью процессуального регулирования производства по делам о преступлениях и проступках, связанных с организованной преступностью, является проведение **специальных технических действий дознания**, допустимых только по данной категории уголовных дел. Данные действия являются аналогом российских технических оперативно-розыскных действий. Как отметил Ж. Прадель «общим основанием их возникновения стала констатация французским законодателем невозможности раскрывать преступления и достигать целей уголовного судопроизводства только при помощи «обычных» следственных действий» [3, 612].

К ним относятся:

1. Использование специального аппарата или технического устройства для сбора технических данных для установления соединения, позволяющих идентифицировать оборудование терминала или абонентского номера его пользователя, а также данные, относящиеся к местоположению используемого оборудования.

2. Установка или использование специального аппарата или технического устройства для перехвата корреспонденции, отправленной или полученной терминальным оборудованием.

3. Установка технического устройства, целью которого является, улавливание, фиксация, передача и запись слов, произнесенных одним или несколькими лицами в частном порядке или конфиденциально, в частных или общественных местах, или транспортных средствах, или изображение одного или нескольких лиц, находящихся в частном месте.

4. Использование технического устройства для доступа в любом месте к компьютерным данным, для их записи, хранения и передачи, в том виде, в каком они хранятся в компьютерной системе или отображаются на экране для пользователя автоматизированной системы обработки данных.

Применение специальных технических действий дознания допускается с разрешения судьи по свободам и заключению по ходатайству прокурора Республики, либо, при производстве предварительного следствия следственным судьей после уведомления прокурора Республики. Данное разрешение оформляется письменным мотивированным постановлением со ссылкой на фактические и юридические основания, оправдывающие необ-

ходимость этих действий. Оно не носит судебного характера и не подлежит обжалованию.

Разрешение, выдаваемое судьей по свободам и заключению, выдается на срок до одного месяца и может быть продлено один раз на тот же срок.

В свою очередь, разрешение, выдаваемое следственным судьей, выдается на срок до четырех месяцев, который может быть неоднократно продлен, но общая продолжительность специальных технических действий не может превышать двух лет.

В экстренных случаях, возникающих в результате наличия опасности уничтожения доказательств или нанесения серьезного ущерба лицам или имуществу, разрешение следственного судьи может быть выдано без предварительного уведомления прокурора Республики. В таком случае, следственный судья должен включить в постановление изложение фактических обстоятельств, устанавливающих существование неминуемой опасности.

При выдаче разрешения на применение специальных технических действий дознания судья по свободам и заключению или следственный судья, могут разрешить проникновение в транспортное средство или частное место, в том числе в ночное время, для установки технического устройства без уведомления их собственника или пользователя.

Непосредственно специальные технические действия дознания осуществляет офицер судебной полиции, помощник по дознанию или эксперт, включенный в один из списков, назначенный прокурором Республики или следственным судьей.

По окончании специальных технических действий дознания прокурор Республики должен незамедлительно проинформировать судью по свободам и заключению о совершенных действиях и передать ему протоколы, составленные во исполнение его решения.

Если судья по свободам и заключению считает, что действия не были проведены в соответствии с его разрешением или что не были соблюдены применимые положения УПК, он приказывает уничтожить протоколы и сделанные записи, о чём выносит мотивированное постановление, о котором уведомляет прокурора Республики. Прокурор Республики может подать апелляцию председателю следственной камеры в течение десяти дней с момента уведомления.

Таким образом, использование во Франции специальной процедуры расследования уголовных деяний, связанных с организованной преступностью, хотя и существенно ограничивает права подозреваемых, однако существенно повышает эффективность расследования преступлений данной категории.

Литература

1. Code de procedure penale de France de 08 Avril 1958. Version au 01 septembre 2024. Режим доступа: URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/>

texte_lc/LEGITEXT000006071154/ (дата обращения 19.09.2024)

2. Loi n° 2004–204 du 9 mars 2004 portant adaptation de la justice aux évolutions de la criminalité (1). Режим доступа <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGISCTA000006136957> (дата обращения 19.09.2024)
3. Pradel J. Procédure pénale. / Paris: Éditions Cujas. 20 édition revue et augmentée. 2018
4. Thierry G. Plus de personnes surveillées au titre de la « crim org », des techniques plus intrusives et les enjeux autour du recueil de données informatiques: la CNCTR publie son 8e rapport annuel <https://www.dalloz-actualite.fr/flash/plus-de-personnes-surveillees-au-titre-de-crim-org-des-techniques-plus-intrusives-et-enjeux-au>
5. Cour de cassation – Chambre criminelle – 7 juin 2023 – n° 22–84.442

PROCEDURAL FEATURES OF THE INVESTIGATION OF ORGANIZED CRIME IN FRANCE

Kucherkov I.A.
RUDN University

The article examines the procedural features of the investigation of crimes and misdemeanors related to organized crime. It is noted that, unlike the Russian Federation, in the criminal procedure of France, pre-trial procedure in cases related to organized crime

presuppose special jurisdiction of criminal justice, as well as special rules for conducting procedural actions and the presence of special technical inquiry actions permissible only in this category of cases. Peculiarities of separate procedural actions, grounds and procedure of their performance are considered.

It is concluded that the use of a special investigation procedure in France significantly increases the effectiveness of the investigation of crimes related to organized crime.

Keywords: criminal procedure, organized crime, inquiry, preliminary investigation, investigative actions, operational-search measures, surveillance, search, detention.

References

1. Code de procedure penale de France de 08 Avril 1958. Version au 01 September 2024. Access mode: URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/ (access date 09/19/2024)
2. Loi n° 2004–204 du 9 mars 2004 portant adaptation de la justice aux évolutions de la criminalité (1). Access mode <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGISCTA000006136957> (accessed September 19, 2024)
3. Pradel J. Procédure pénale. / Paris: Editions Cujas. 20 edition revue et augmentée. 2018
4. Thierry G. Plus de personnes surveillées au titre de la « crim org », des techniques plus intrusives et les enjeux autour du recueil de données informatiques: la CNCTR publie son 8e rapport annuel <https://www.dalloz-actualite.fr/flash/plus-de-personnes-surveillees-au-titre-de-crim-org-des-techniques-plus-intrusives-et-enjeux-au>
5. Cour de cassation – Chambre criminelle – 7 June 2023 – n° 22–84.442

Условия применения единообразного подхода к конструированию квалифицирующего признака публичной демонстрации совершения преступлений против личности

Левандовская Мария Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: mglevandovskaja@msal.ru

В статье анализируется введенный Федеральным законом от 08.08.2024 № 218-ФЗ квалифицирующий признак публичной демонстрации для ряда преступлений против личности. Рассматривается обоснованность криминализации данного деяния, его объективные и субъективные признаки. Проводится сравнительный анализ формулировок данного признака в различных составах преступлений. Выявляются проблемы квалификации и разграничения со смежными составами. Предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Обосновывается необходимость единообразного подхода к конструированию данного квалифицирующего признака. Делается вывод о повышенной общественной опасности публичной демонстрации насильственных преступлений и обоснованности усиления ответственности за такие деяния. Особое внимание уделяется анализу способов публичной демонстрации с использованием современных информационно-коммуникационных технологий. Рассматриваются вопросы установления причинно-следственной связи между публичной демонстрацией и наступившими последствиями. Исследуются проблемы доказывания умысла на публичную демонстрацию преступления. Предлагаются критерии отграничения публичной демонстрации от смежных деяний.

Ключевые слова: публичная демонстрация преступлений; преступления против личности; квалификация преступлений; квалифицирующий признак; способы публичной демонстрации; уголовная ответственность.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей тенденцией публичной демонстрации совершения преступлений против личности, в том числе с использованием современных информационных технологий и социальных сетей. Данное явление представляет повышенную общественную опасность, поскольку не только причиняет непосредственный вред жертвам преступлений, но и оказывает негативное влияние на неопределенный круг лиц, способствуя росту агрессии и насилия в обществе. В связи с этим возникает необходимость комплексного уголовно-правового анализа публичной демонстрации совершения преступлений против личности и выработки эффективных мер противодействия данному явлению.

Материалы и методы

В исследовании используются материалы российского и зарубежного уголовного законодательства, включая Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] с внесенными изменениями и дополнениями Федеральным законом от 08.08.2024 № 218-ФЗ [2]. Для анализа нормативно-правовых актов применялись методы системного и сравнительного правоведения, позволяющие выявить структурные и содержательные особенности квалифицирующего признака публичной демонстрации преступлений против личности.

Методологической основой исследования является доктринальный метод, позволяющий осуществлять теоретический анализ правовых норм и их интерпретацию в контексте современных общественных и информационных процессов. Для выявления тенденций и практики применения квалифицирующего признака публичной демонстрации использовался анализ судебной практики, включая решения федеральных судов и арбитражных судов.

В работе также применялся историко-правовой метод, который позволяет проследить эволюцию законодательства в сфере публичной демонстрации преступлений и оценить эффективность внесенных изменений.

Для систематизации и обобщения полученных данных использовались методы структурного анализа и синтеза, что обеспечило целостное понимание исследуемого явления. Кроме того, в работе задействованы методы нормативно-правового

анализа, позволяющие оценить соответствие действующего законодательства международным стандартам и выявить пробелы в нормативно-правовой базе.

Целью настоящего исследования является разработка теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на совершенствование уголовно-правовых мер борьбы с публичной демонстрацией совершения преступлений против личности.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1. Раскрыть понятие и признаки публичной демонстрации совершения преступлений против личности.

2. Проанализировать уголовно-правовую характеристику преступлений против личности, совершаемых с публичной демонстрацией.

3. Исследовать зарубежный опыт противодействия публичной демонстрации совершения преступлений.

4. Выявить проблемы квалификации и наказания за преступления против личности, совершенные с публичной демонстрацией.

5. Разработать предложения по совершенствованию уголовного законодательства в данной сфере.

Результаты и обсуждение

Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ представляет собой значимую веху в развитии российского уголовного законодательства, направленную на противодействие новым формам преступной деятельности в условиях цифровизации общества. Принятие данного нормативно-правового акта было обусловлено комплексом факторов, среди которых особо следует отметить увеличение количества преступлений против личности, совершаемых с публичной демонстрацией, в том числе посредством социальных сетей и иных интернет-платформ. Повышенная общественная опасность подобных деяний, связанная не только с причинением вреда непосредственным жертвам, но и с негативным влиянием на социум в целом, потребовала адекватного законодательного ответа. Существовавшие ранее уголовно-правовые меры оказались недостаточными для эффективного противодействия данному явлению, что в совокупности с необходимостью гармонизации российского законодательства с международными стандартами в области защиты прав человека и борьбы с преступностью послужило катализатором для разработки и принятия рассматриваемого закона.

Ключевые изменения, внесенные Федеральным законом от 08.08.2024 № 218-ФЗ в УК РФ, носят системный характер и затрагивают как его Общую, так и Особенную части. В частности, в статью 63 УК РФ было введено новоеотягчающее обстоятельство – совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-

телекоммуникационной сети «Интернет». Данное нововведение подчеркивает особую общественную опасность подобных деяний и создает правовую основу для более строгого наказания виновных лиц [5]. Кроме того, законодатель дополнил квалифицирующим признаком «с публичной демонстрацией» ряд составов преступлений против личности, включая убийство, умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести, побои, истязание, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, похищение человека, незаконное лишение свободы и использование рабского труда. Это позволило дифференцировать уголовную ответственность за указанные преступления в зависимости от наличия или отсутствия публичной демонстрации их совершения.

Наряду с расширением перечня квалифицирующих признаков, Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ предусмотрел ужесточение наказания за преступления, совершенные с публичной демонстрацией. В частности, было введено дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что направлено на предотвращение рецидива подобных преступлений и ограничение возможностей виновных лиц использовать свое служебное положение или профессиональные навыки для совершения новых противоправных деяний. Особое внимание законодатель уделит составам побоев и угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, расширив диспозицию статьи 116 УК РФ путем включения признака публичной демонстрации в основной состав преступления и изменив редакцию части 2 статьи 119 УК РФ с введением нового квалифицирующего признака. Таким образом, Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ существенно усилил уголовную ответственность за преступления против личности, совершаемые с публичной демонстрацией, что направлено на повышение эффективности борьбы с данным видом общественно опасных деяний и обеспечение адекватной защиты прав и законных интересов граждан в современных условиях.

Анализ квалифицирующего признака публичной демонстрации в составах преступлений против личности представляет собой важный аспект в понимании новелл уголовного законодательства, введенных Федеральным законом от 08.08.2024 № 218-ФЗ. Данный признак, являясь отражением современных реалий информационного общества, существенно влияет на квалификацию деяний и назначение наказания за преступления против личности. Комплексное рассмотрение объективных и субъективных признаков публичной демонстрации, а также способов ее осуществления позволяет сформировать целостное представление о данном правовом явлении и его значении в системе уголовно-правовых норм [4].

Объективные признаки публичной демонстрации характеризуются рядом ключевых элементов, определяющих сущность данного квалифицирующего

щего обстоятельства. Прежде всего, следует отметить, что публичная демонстрация предполагает доступность информации о совершаемом преступлении неопределенному кругу лиц. Это может выражаться в непосредственном наблюдении за преступным деянием группой людей или в распространении сведений о нем через различные информационные каналы [3]. Важным аспектом является также временной фактор: публичная демонстрация может осуществляться как в момент совершения преступления, так и после его завершения путем распространения записей или иных материалов, фиксирующих противоправное деяние (при условии возникновения умысла на такое распространение до момента юридического окончания преступления). Кроме того, объективная сторона публичной демонстрации включает в себя действия, направленные на привлечение внимания аудитории к совершаемому преступлению, что может выражаться в использовании специальных технических средств, выборе места и времени совершения преступления, а также в применении иных способов, обеспечивающих максимальный охват аудитории [9].

Субъективные признаки публичной демонстрации преступлений против личности характеризуются спецификой психического отношения виновного к факту обнародования своих противоправных действий. Ключевым элементом здесь выступает осознание лицом публичного характера совершаемого деяния, предполагающее понимание того, что информация о преступлении станет достоянием широкой общественности. При этом мотивы, побуждающие преступника к публичной демонстрации своих действий, могут быть различными: от стремления к самоутверждению и получению известности до желания запугать определенные группы лиц или общество в целом. Важно отметить, что для квалификации деяния по признаку публичной демонстрации не имеет значения, достигло ли лицо желаемого эффекта от обнародования информации о преступлении. Достаточным является сам факт направленности умысла на публичность совершаемых действий [3]. Кроме того, публичная демонстрация совершаемого преступления характеризуется особой циничностью и пренебрежением к общественной морали, что усиливает общественную опасность деяния в целом и обосновывает необходимость более строгого наказания [7]. Дополнительным объектом преступлений, совершающихся с публичной демонстрацией процесса их совершения становится общественная нравственность.

Способы публичной демонстрации преступлений против личности в современных условиях отличаются значительным разнообразием, что обусловлено стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий. Наиболее распространенным способом является использование сети «Интернет», в частности, социальных сетей, видеохостингов и мессенджеров, позволяющих быстро распространять информа-

цию среди широкой аудитории. Преступники могут вести прямые трансляции своих противоправных действий, размещать видеозаписи или фотографии в открытом доступе, а также использовать различные онлайн-платформы для привлечения внимания к совершаемым преступлениям [8]. Помимо интернет-ресурсов, публичная демонстрация может осуществляться через традиционные средства массовой информации, такие как телевидение, радио или печатные издания, хотя подобные случаи встречаются значительно реже ввиду наличия редакционного контроля. Нельзя исключать и непосредственную демонстрацию преступных действий в общественных местах, например, на улицах, площадях или в других локациях с высокой концентрацией людей. Выбор конкретного способа публичной демонстрации зависит от целей преступника, имеющихся у него технических возможностей и особенностей совершаемого преступления.

Общие черты в формулировках квалифицирующего признака публичной демонстрации прослеживаются во всех модифицированных статьях УК РФ, что свидетельствует о системном подходе законодателя к решению проблемы. Ключевым элементом, присутствующим во всех рассматриваемых составах, является указание на публичный характер демонстрации преступного деяния. Это выражается в использовании формулировки «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)». Такая унифицированная формулировка обеспечивает единообразное понимание сущности квалифицирующего признака и облегчает его применение на практике. Важно отметить, что во всех случаях законодатель использует открытый перечень способов публичной демонстрации, указывая на СМИ и интернет лишь в качестве примеров, что позволяет охватить и иные, возможно, еще не известные на момент принятия закона способы публичного распространения информации о преступлении. Кроме того, общей чертой является размещение данного признака в частях соответствующих статей с более строгими санкциями, что указывает на его повышенную общественную опасность по сравнению с основным составом преступления.

Несмотря на наличие общих черт, анализ формулировок квалифицирующего признака публичной демонстрации в различных составах преступлений выявляет ряд существенных различий, обусловленных спецификой конкретных видов противоправных деяний. Одним из наиболее заметных различий является вариативность в использовании дополнительных уточняющих элементов. Например, в статье 105 УК РФ (убийство) наличие квалифицирующего признака, предусмотренного п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ, предполагает демонстрацию процесса лишения жизни, что подчеркивает особую циничность и общественную опасность такого деяния. В статьях, устанавливающих

ответственность за причинение вреда здоровью (ст. 111, 112, 115 УК РФ), речь идет о демонстрация процесса причинения вреда здоровью, акцентирующая внимание на динамическом аспекте преступления. В статье 116 УК РФ (побои) законодатель счел необходимым включить признак публичной демонстрации в основной состав побоев, влекущих уголовную ответственность без административной преюдиции. Статья 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) содержит формулировку «с публичной демонстрацией, в том числе в виде публичного обращения, публично демонстрируемого произведения или в средствах массовой информации», что отражает специфику данного преступления, часто совершаемого путем публичных заявлений или демонстрации угрожающих действий.

Отграничение преступлений с признаком публичной демонстрации от смежных составов является одной из ключевых проблем квалификации, требующей внимательного рассмотрения всех обстоятельств дела. Прежде всего, следует отметить необходимость разграничения между публичной демонстрацией как квалифицирующим признаком и самостоятельными составами преступлений, связанными с распространением информации. Например, может возникнуть вопрос о соотношении убийства с публичной демонстрацией (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) [6], если демонстрация убийства сопровождалась соответствующими призывами. Такие случаи образуют реальную совокупность преступлений, поскольку, несмотря на возможно совпадение во времени, совершаются разными деяниями.

Другой аспект проблемы отграничения связан с необходимостью различать публичную демонстрацию преступления и его совершение в присутствии посторонних лиц. Для квалификации деяния по признаку публичной демонстрации требуется активное действие по привлечению внимания аудитории, а не просто наличие случайных свидетелей. Кроме того, важно отличать реальную публичную демонстрацию от угрозы такой демонстрации, которая может образовывать самостоятельный состав преступления (например, вымогательство с угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего).

В целом, установление совокупности преступлений при наличии признака публичной демонстрации может представлять значительную сложность для правоприменительной практики. Одной из основных проблем может стать определение необходимости дополнительной квалификации действий по статьям, предусматривающим ответственность за незаконное распространение информации [10]. Например, если лицо, совершившее убийство с публичной демонстрацией, также распространило информацию, содержащую сцены сексуального насилия, может возникнуть вопрос о необходимости дополнительной квалификации по ст. 242 УК РФ (Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов). В таких слу-

чаях следует руководствоваться принципом недопустимости двойного вменения и учитывать, что публичная демонстрация уже охватывается квалифицирующим признаком основного преступления. Однако если распространение информации выходит за рамки непосредственной демонстрации преступления и приобретает самостоятельный характер, возможна квалификация по совокупности. Другой аспект проблемы совокупности связан с ситуациями, когда в ходе публичной демонстрации одного преступления совершается другое. Как уже отмечалось, если при демонстрации процесса убийства или причинения тяжкого вреда здоровью виновный высказывает публичные призывы к экстремистской деятельности, необходимо решать вопрос о квалификации по совокупности ст. 111 и ст. 280 УК РФ. При этом важным критерием будет выступать наличие самостоятельного умысла на совершение каждого из преступлений.

Заключение

Проведенный анализ квалифицирующего признака публичной демонстрации в составах преступлений против личности позволяет сделать следующие выводы:

1. Введение данного признака является обоснованной и своевременной мерой, отвечающей современным реалиям информационного общества и возросшей общественной опасности подобных деяний.

2. Унифицированная формулировка квалифицирующего признака обеспечивает единообразное понимание его сущности при наличии некоторых различий в его содержании для разных составов преступлений, обусловленных их спецификой.

3. Субъективная сторона преступлений с публичной демонстрацией характеризуется прямым умыслом, направленным на привлечение внимания широкой аудитории к совершаемому деянию.

4. Способы публичной демонстрации разнообразны и постоянно эволюционируют с развитием информационных технологий, что требует гибкого подхода к их оценке со стороны правоприменителей.

5. Квалификация преступлений с признаком публичной демонстрации сопряжена с рядом проблем, в частности, с необходимостью отграничения от смежных составов и решения вопросов совокупности преступлений.

6. Для эффективного противодействия данному явлению необходимо дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики, а также разработка методических рекомендаций для следственных и судебных органов.

В целом, введение квалифицирующего признака публичной демонстрации в составы преступлений против личности является важным шагом в развитии уголовного законодательства, направленным на усиление защиты прав граждан и противодействие новым формам преступной деятельности в цифровую эпоху.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 20.10.2024).
2. Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 20.10.2024).
3. Бавсун М.В. Влияние признака публичности на криминализацию деяний и дифференциацию уголовной ответственности // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 426–433. DOI 10.18255/2306–5648–2023–3–426–433.
4. Гребеньков А.А. Интернет-трансляция совершения преступления в российском уголовном законодательстве и судебной практике // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1(69). С. 121–128. DOI 10.26456/vtpravo/2022.1.121.
5. Кравцова Е.А. Общественная опасность как основной критерий признания деяний преступными // Наука и общество – 2020: материалы международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 18 сентября 2020 года. Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2020. С. 135–140.
6. Лаптова Н.Е. Разграничение преступлений, предусмотренных ст. 280 и ст. 282 УК РФ // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей: материалы X Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 31 марта – 01 апреля 2016 года / Научный редактор И.А. Шаралдаева. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2016. С. 174–177.
7. Лобанова Л.В., Рожнов А.П. Объективное и субъективное в общественной опасности преступления // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 4. С. 51–60. DOI 10.15688/lp.jvolsu.2018.4.6.
8. Мосин И.В. Детерминанты преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2(42). С. 79–84.
9. Мякишев А.А. Общественная опасность как признак преступления // Современная наука: проблемы, идеи, инновации: Материалы Международной научно-практической конференции, Чистополь, 21 декабря 2019 года / Под общей редакцией Е.А. Назарова. Чистополь: ООО Полиграфическая компания «Астор и Я», 2019. С. 152–157.
10. Суденко В.Е. Проблемные вопросы квалификации общественно опасных деяний // Военное право. 2021. № 1(65). С. 204–209.

CONDITIONS FOR APPLYING A UNIFORM APPROACH TO CONSTRUCTING A QUALIFYING FEATURE FOR PUBLIC DEMONSTRATION OF THE COMMISSION OF CRIMES AGAINST A PERSON

Levandovskaya M.G.

Kutafin Moscow State Law University (MGU)

The article analyzes the qualifying feature of public demonstration introduced by Federal Law No. 218-FZ dated August 8, 2024, for a number of crimes against the individual. It examines the justification for criminalizing this act, along with its objective and subjective characteristics. A comparative analysis of the formulations of this feature in various offenses is conducted. The article identifies problems in qualification and differentiation from adjacent offenses. Recommendations for improving legislation and law enforcement practices are proposed. The necessity of a uniform approach to constructing this qualifying feature is substantiated. The conclusion is made regarding the increased social danger of public demonstrations of violent crimes and the justification for enhancing responsibility for such acts. Special attention is given to analyzing methods of public demonstration using modern information and communication technologies. Issues concerning the establishment of causation between public demonstration and the resulting consequences are discussed. The article explores the challenges of proving intent to publicly demonstrate a crime. Criteria for distinguishing public demonstration from related acts are proposed.

Keywords: public demonstration of crimes; crimes against the person; qualification of crimes; qualifying feature; methods of public demonstration; criminal liability.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 08.08.2024) [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 20.10.2024).
2. Federal Law of 08.08.2024 № 218-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 20.10.2024).
3. Bavsun M.V. The influence of the publicity feature on the criminalization of acts and the differentiation of criminal liability // Demidov Law Journal. 2023. Vol. 13, No. 3. P. 426–433. DOI 10.18255/2306–5648–2023–3–426–433.
4. Grebenkov A.A. Online broadcast of the commission of a crime in Russian criminal legislation and judicial practice // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2022. No. 1(69). P. 121–128. DOI 10.26456/vtpravo/2022.1.121.
5. Kravtsova E.A. Social danger as the main criterion for recognizing acts as criminal // Science and Society – 2020: materials of the international scientific conference, Rostov-on-Don, September 18, 2020. Moscow: Moscow University named after S. Yu. Witte, 2020. P. 135–140.
6. Laptova N.E. Distinction between crimes under Art. 280 and Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation // Modern problems of the theory and practice of law through the eyes of young researchers: materials of the X All-Russian youth scientific and practical conference, Ulan-Ude, March 31 – January 01, 2016 / Scientific editor I.A. Sharaldaeva. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management, 2016. Pp. 174–177.
7. Lobanova L.V., Rozhnov A.P. Objective and subjective in the social danger of a crime // Logos et Praxis. 2018. Vol. 17, No. 4. Pp. 51–60. DOI 10.15688/lp.jvolsu.2018.4.6.
8. Mosin I.V. Determinants of crimes committed using computer and telecommunication technologies // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (42). P. 79–84.
9. Myakishev A.A. Social danger as a sign of a crime // Modern science: problems, ideas, innovations: Materials of the International scientific and practical conference, Chistopol, December 21, 2019 / General editorship of E.A. Nazarov. Chistopol: LLC Printing company "Astor and Ya", 2019. P. 152–157.
10. Sudenko V.E. Problematic issues of qualification of socially dangerous acts // Military law. 2021. No. 1 (65). P. 204–209.

К вопросу об уголовной ответственности за использование технологий deepfake в криминальных целях

Чупрова Antonina Юрьевна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России)

E-mail: criminallaw_rpa@mail.ru

Целью работы является исследование вопросов уголовной ответственности за использование генеративного искусственного интеллекта для воспроизводства персональных биометрических данных (изображения и голоса человека) без его согласия в криминальных целях. В статье проводится анализ современного уровня компьютерной преступности, ее видов, совершаемых с использованием возможностей генеративного искусственного интеллекта, вопросов их правовой оценки, проблем правового регулирования использования услуг генеративного искусственного интеллекта и правовых мер защиты персональных биометрических данных. В результате проведенного исследования и анализа законопроектов, предусматривающих усиление защиты персональных данных, были сделаны выводы о нецелесообразности усиления уголовной ответственности за использование технологии deepfake при совершении преступлений и предложено запретить в уголовном законодательстве воспроизводство биометрических персональных данных с использованием любых технологий, в том числе с использованием возможностей генеративного искусственного интеллекта.

Ключевые слова: компьютерная преступность, уголовная ответственность, административный регламент, генеративный искусственный интеллект, deepfake.

Проблемы киберпреступности традиционно находятся в центре внимания криминологов, правоприменителей и законодателей. Опасность этого вида правонарушений стала очевидна с момента внедрения компьютеров в экономику и повседневную жизнь. Американские криминологи уже в семидесятых годах прошлого века прогнозировали, что массовое использование компьютеров в различных сферах неизбежно вызовет рост соответствующих махинаций и такую волну преступности, которая многократно превзойдет результаты «сухого закона». Такие точные прогнозы во многом были обусловлены отмеченными исследователями особенностями компьютерных преступлений, связанными со спецификой их совершения, основанной на специальных познаниях, появлении новых нематериальных активов, не обеспеченных правовой защитой, и, соответственно, криминальных новелл, запрет на которые отсутствует в уголовных кодексах большинства государств, чрезвычайно высоким уровнем латентности преступных проявлений, их транснациональным характером, быстрыми темпами роста [1].

Советские криминологи также обращали внимание на то, что в наших условиях компьютерные преступления вполне могут принять еще более массовый характер, чем за рубежом [2].

На современном этапе очевидно, что прогнозы, сделанные несколько десятилетий назад, оказались весьма верными. В структуре российской преступности экономический блок всегда занимал ведущее место. Вместе с тем на протяжении многих десятилетий на лидирующих позициях находились различные виды краж, составляющие около половины всех совершенных за отчетный период преступлений. Однако статистические данные МВД России в настоящее время демонстрируют иные тенденции в структуре преступности.

В январе – декабре 2022 г. зарегистрировано 522,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился до 26,5%. В январе – декабре 2023 г. выявлено 677,0 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 29,7% больше, чем за предыдущий период. В общем числе зарегистрированных преступлений их объем возрос до 34,8%. В январе – июне 2024 г. – 368,8 тыс. преступлений, сопряженных с применением информационно-телекоммуникационных технологий, что на 15,8% выше, чем в предыдущем сопоставимом периоде.

В общей структуре преступности они составили 38,5%. От трех четвертей до восьмидесяти процентов таких преступлений совершалось в сети Интернет [3].

В США также наблюдается неуклонный рост компьютерной преступности. Центр Федерального бюро расследований по рассмотрению жалоб на преступления в сети Интернет (Crime Complaint Center (IC3), созданный в мае 2000 г., получил более 6,5 млн жалоб за время своего существования. В последние годы поток заявлений только увеличивается. Согласно отчетам ФБР за 2020–2023 гг., число киберпреступлений выросло с 407 тыс. в 2019 г. до 880 тыс. в 2023 г., соответственно, ущерб от этих преступлений с 3,5 млрд долларов в 2019 г. достиг 12,5 млрд долларов в 2023 г. [4].

Как в России, так и в США, ландшафт компьютерных преступлений чрезвычайно разнообразен. Вместе с тем, выделяются преступления, базирующиеся на новых возможностях искусственного интеллекта генерировать персональные биометрические данные, такие как голос или видеоизображение конкретного лица с целью ввести в заблуждение других лиц, причем не имеет значение, кого-то одного или их неопределенный круг – *deepfake*. В ряде стран технология создания *deepfake* получила значительное распространение в политических целях, для производства порнографических материалов, а также для извлечения имущественной выгоды путем обмана. Мошенничество с использованием *deepfake* является своего рода криминальной новеллой в нашей стране, но в ряде государств отмечается его стремительный рост: в их число входят Китай (2800%), Турция (1533%), Сингапур (1100%), Гонконг (1000%), Бразилия (822%), Вьетнам (541%), В США число мошенничеств с применением данной технологии выросло на 1740%. В 2023 г. 80% американцев выразили серьезную обеспокоенность по поводу дипфейков – большую, чем по поводу любого другого риска, связанного с искусственным интеллектом. Увеличение числа *deepfake* можно наблюдать в разных отраслях. По сравнению с прошлым годом количество случаев *deepfake* увеличилось на 1520% в *iGaming*, на 900% на торговых площадках, на 533% в финтехе, на 217% в сфере обращения криптовалюты, на 138% в консалтинге и на 68% в онлайн-СМИ. Вместе с тем, технологии синтетического контента чаще всего (88% случаев) применяются в сфере обращения криптовалют [5].

Но это не означает, что обычные граждане остаются вне интересов компьютерных мошенников. Благодаря таким сайтам как Facebook, Instagram и YouTube, мошенники могут найти множество изображений и аудиозаписей, с помощью которых совершают хищения денежных средств граждан и компаний. Большинство мошенников заинтересовано в получении персональных данных и формировании финансовой выгоды [6], однако ряд мошенников используют компьютерные технологии и для получения доступа к банковской тайне [7].

В нашей стране мошенники пока чаще всего используют технологию генерирования голоса, обращаясь к потенциальным жертвам от имени их попавших в беду родственников, либо, что стало знаковым трендом в 2022–2023 гг. – от руководителей организаций, в которых трудится гражданин.

В других странах помимо подобных методик используются и более сложные. Рассмотрим несколько примеров. Так, Королевская полиция Ньюфаундленда сообщила, что восемь граждан Канады потеряли в общей сложности более 200 000 долл. США, поверив, что их близкие попали в беду или совершили правонарушение. Пожилой чете позвонил внук с просьбой о помощи, и сообщил, что попал в автокатастрофу, в которой пострадал человек, был задержан полицией, обнаружившей в машине наркотики и сейчас использует свое право на звонок, чтобы решить вопрос о залоге, более точную информацию о котором им сообщит полицейский. Поговорив с псевдополицейским, родственники молодого человека расстались с суммой в 58 тыс. долл. У бабушки, с которой разговаривал внук, не было ни малейших сомнений в том, что она ведет беседу именно со своим родственником.

Многие преступления, потерпевшими от которых могут стать как рядовые граждане, так и крупные компании, совершаются с использованием синтезированного видеоконтента. Известный эпизод произошел в Гонконге. По данным полиции Гонконга финансовый работник многонациональной компании был обманут и выплатил 25 млн долларов мошенникам, применяющим технологию *deepfake*, чтобы синтезировать видеобраз финансового директора и других сотрудников компании во время видеоконференции. Работника вовлекли в участие в видеосовещании, в процессе которого все сомнения относительно того, что распоряжение о переводе денежных средств на указанный счет поступило ему непосредственно от финансового руководителя компании, у него рассеялись, и приказ начальника был им выполнен. Обман вскрылся спустя неделю после банковской транзакции [8].

В мошенническом видео используются и известные медийные персонажи. Так видеобразом Илона Маска воспользовались злоумышленники в классической романтической схеме, повлекшей ущерб для потерпевшей в пятьдесят тысяч долларов. Илон Маск добавил потерпевшую в друзья в Instagram. В следующем фейковом видео он сказал ей, что любит ее, и убедил положить деньги на счет в южнокорейском банке, пообещав, что это принесет ей большой доход [9].

Как видно из этих примеров, новые технологии с использованием генерированного искусственного интеллекта позволяют злоумышленникам вводить в заблуждение и причинять ущерб практически неограниченному кругу лиц, поэтому не удивительно, что они привлекают внимание не только правоприменителей, но и законодателей, поскольку в большинстве стран, в том числе и в нашей

стране, отсутствует правовое регулирование использования этих технологий.

В сентябре 2024 г. в Государственную Думу поступил законопроект № 718538–8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности)». Содержание подобного законопроекта и целесообразность его принятия вызывает определенные сомнения.

Во-первых, несмотря на значимую социальную роль уголовного права, вряд ли можно согласиться с тем, что наряду с другими отраслями права, в частности, административным правом, оно становится средством организации общественной жизни [8], тем более в ситуациях, когда речь идет о новых видах общественных отношений, связанных с внедрением в повседневную жизнь технологий, статус которых (социально значимый или социально опасный) однозначно не определен, само понятие не сформулировано, применение не урегулировано правом.

Во-вторых, не совсем понятно, почему презюмируется, что использование генерированного искусственного интеллекта для подмены личности столь существенно повышает степень общественной опасности вполне традиционных преступлений. Тем более, что используемый злоумышленниками способ введения в заблуждение потерпевших отличается от иных вариантов обмана с использованием заведомо ложной информации лишь новизной технологии и шириной охвата аудитории.

В-третьих, вызывает возражение перечень преступлений, указанный в законопроекте. Упомянутые в нем деяния посягают на отношения собственности и интересы личности. Однако использование технологий deepfake представляется гораздо более опасным, если применяется для дискредитации руководителей и политики государства, совершения террористических преступлений и распространения негативного контента экстремистского характера, вербовки наших граждан для выполнения диверсий и шпионажа, особенно когда предложения исходят от лидеров общественного мнения.

В этом аспекте интерес представляют законодательные решения Китая, в которых основной акцент сделан на административные процедуры и государственный надзор за деятельностью операторов, предоставляющих услуги генеративного искусственного интеллекта. Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта («Меры ИИ»), являющиеся итогом совместной деятельности нескольких государственных структур, в частности, Министерства образования, Министерства науки и технологий, Министерства промышленности и информационных технологий, Министерства общественной безопасности и представляют собой первый административный регламент, вступивший в силу 15 августа 2023 г., в правилах генеративная технология искусственного интеллекта трактуется достаточно широко, ее относят к моделям, включающим се-

бя текст, изображения, аудио, видео или другой контент. Правила распространяются на всю территорию государства и адресованы в первую очередь поставщикам интернет-услуг вне зависимости от их регистрации. В соответствии с мерами в области искусственного интеллекта основные требования к поставщику услуг генеративного включают в себя: законное использование (обработка данных на законных основаниях, соблюдение прав интеллектуальной собственности и получение согласия на использование информации личного характера); ответственность за содержание онлайн-информации и защиту личной информации; установление правил и обеспечение точности маркировки контента, чтобы можно было любому пользователю отличить подлинные материалы от синтезированных; отказ от создания любого запрещенного контента, например контента, который подстрекает «к подрыву государственной власти или свержению социалистической системы, создает угрозы национальной безопасности, наносит ущерб имиджу государства, подстрекает к расколу страны, подрывает национальное единство и стабильность, пропагандирует терроризм, экстремизм, этническую ненависть и дискриминацию, содержит порнографические материалы, а также ложную и вредоносную информацию; уважение законных прав и интересов других лиц, в том числе, уважение «права на их изображение, репутацию, честь, неприкосновенность частной жизни и личной информации»; обеспечение модерации контента, удаление любого незаконного вида контента, сообщение о каждом случае в соответствующие органы.

Непосредственно в Правилах установлены санкции за их нарушения такие как, например предупреждение, приостановление предоставления определенных услуг, обязанность устранить нарушение в определенные сроки. В более серьезных случаях – применение штрафных санкций до 50 млн юаней, конфискация доходов (до 5%) годового дохода или приостановление бизнеса. Если нарушение содержит признаки преступления, применяются соответствующие положения уголовного закона [10].

В Государственную Думу в сентябре направлен еще один законопроект, касающийся условий применения технологий генерированного искусственного интеллекта. В законопроекте № 718834–8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» предлагается установить охрану голоса как объекта личных неимущественных прав гражданина, допустив возможность обнародования и дальнейшего использования записи, в которой содержится воссозданный с помощью специальных технологий голос гражданина, только с согласия этого гражданина.

Вместе с тем, усилив ограничения использования конкретного вида биометрических персональных данных (голоса и изображения человека), данный законопроект не предлагает усилить охрану других биометрических данных, которые, в соот-

ветствии со ст. 11 ФЗ 27.07.2006 № 152 «О персональных данных» представляют собой сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность. Использование биометрических данных нашло широкое применение во многих сферах, в том числе банковской, в сфере обеспечения безопасности на закрытых промышленных и научных объектах. Биометрия необходима операторам для установления личности субъекта, и позволяет существенно повысить уровень безопасности, доступность и скорость оказания услуг. Однако распространенность биометрических данных, несмотря на то, что их обработка допускается исключительно на основе письменного согласия лица, не устраняет риски их незаконного применения и, как результат, наступления негативных последствий. Современные технологии существенно упростили синтезирование изображения лица или его голоса.

В связи с этим нельзя исключить, что применение искусственного интеллекта позволит злоумышленникам синтезировать и отпечатки пальцев (что уже достигнуто хакерами с помощью изображений с высоким разрешением, позволяющим создавать макеты отпечатков пальцев), и радужную оболочку и сетчатку глаз, которые нередко являются ключом для получения доступа к определенным услугам, к особо охраняемым объектам, где требуется обеспечить высокий уровень безопасности. Хотя иногда можно услышать от специалистов, что рисунок радужной оболочки подделать сложно, а рисунок сетчатки глаза – невозможно, но современные темпы развития искусственного интеллекта позволяют усомниться в этом. Получение вышеозначенных персональных данных вполне может быть как результатом нарушений правил обработки и хранения информации, что приведет к ее компрометации или несанкционированному использованию, так и результатом глубокого синтеза, что повлечет аналогичные и иные негативные последствия в зависимости от целей злоумышленников.

В связи с чем, представляется более целесообразным установить охрану персональных данных, в том числе и биометрических персональных данных, в рамках уголовного законодательства, что предлагается в законопроекте № 502113–8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», принятом в первом чтении Государственной Думой. Вместе с тем, данный законопроект не запрещает воссоздание биометрических данных с помощью информационных технологий без согласия лица, что существенно сужает сферу их охраны.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что, во-первых, вряд ли целесообразно устанавливая уголовную ответственность за применение технологии deepfake, не имея, хотя бы общего, определения этого явления и разработанных государством соответствующих административных регламентов, устанавливающих пра-

ва и обязанности поставщиков услуг генеративно-искусственного интеллекта и их потребителей.

Во-вторых, уголовно-правовая охрана персональных биометрических данных – давно назревшая необходимость, однако помимо незаконного использования, передачи, сбора, хранения компьютерной информации, содержащей персональные данные, учетом развития технологий генеративного искусственного интеллекта, было бы целесообразно запретить синтезирование любых биометрических данных конкретного человека без его согласия в преступных целях.

В-третьих, хотелось бы привести подходящую к случаю цитату английского правоприменителя, хотя и произнесенную четверть века назад. Сэр Дж. Смит, заместитель руководителя Скотланд Ярда, в 2000 г. на конференции в Нижнем Новгороде заметил, что позиции правоохранителей и законодателей не всегда совпадают. «Наш (полицейский) опыт работы показывает, что некоторые виды деятельности, даже если большинство людей считает их нежелательными или оскорбительными, на практике не могут быть остановлены. Нет уверенности, что очень суровые наказания смогут их подавить. Спрос на это всегда будет. Что здесь необходимо, так это найти правильный баланс, добиться уровня контроля, приемлемого для общества и, в то же время, работающего на практике».

Литература

1. Whiteside Th. Computer capers. N.Y., 1978; Parker D. Computer abuse. Crime and justice/Vol.1.Criminal in society. N.Y., 1977; Borrell C. and Cashinella B. Crime in Britain today. London, 1975; McKnight G. Computer crime. New York 1978. Проведенное в США в 1973 году исследование «Компьютерные злоупотребления» содержало данные о 148 способах совершения компьютерных хищений, совершенных на фирмах США, Канады и стран Евросоюза.
2. Кольско А.Ю. Злоупотребление служебным положением как форма хищения государственного и общественного имущества: дис... канд. юрид. наук. – М., 1991.- С. 26.
3. МВД Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022, 2023 гг. Состояние преступности в России за январь-июнь 2024 года//<https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/дата обращения 12 сентября 2024 года>.
4. Federal Bureau of Investigation Internet Crime Report 2020, 2021, 2022, 2023//ic3.gov/Media/PDF/AnnualReport/2023_IC3Report.pdf
5. <https://sumsub.com/newsroom/deepfake-cases-surge-in-countries-holding-2024>: www-statista-com, 11 мая 2024 г.
6. Восканян Р.О. Финансовые угрозы национальной безопасности государства // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 61–65.

7. Восканян Р.О. Проблемы регламентации уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны / Р.О. Восканян, Н.Г. Вольдимарова // Безопасность бизнеса. – 2021. – № 3. – С. 34–39.
8. Ryan Cook How scammers likely used artificial intelligence to con Newfoundland seniors out of \$200K// CBC News.· March 22, 2023: K. Magramo Finance worker pays out \$25 million after video call with deepfake 'chief financial officer'// CNN, February 4, 2024
9. C. Conn, Z.M. Kelley The flawless fraud of real-time deepfakes// Fraud Magazine. July/August 2024 | Vol. 39 | No. 4
10. Лановая Г.М. Природа уголовного права и его современное назначение: проблема совместимости // Современное право. – 2013. – № 11. – С. 19–23.
11. Interim Administrative Measures for Generative Artificial Intelligence (AI) Services// <https://www-cac-gov-cn./2023-07/13/>.

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE USE OF DEEPFAKE TECHNOLOGY FOR CRIMINAL PURPOSES

Chuprova A.Yu.

VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The aim of the work is to study the issues of criminal liability for the use of generative artificial intelligence for the reproduction of personal biometric data (images and human voices) without his consent for criminal purposes. The article analyzes the current level of computer crime, its types committed using the capabilities of generative artificial intelligence, issues of their legal assessment, problems of legal regulation of the use of generative artificial intelligence services and legal measures to protect personal biometric data. As a result of the conducted research and analysis of draft laws providing for enhanced protection of personal data, conclusions were drawn about the inexpediency of increasing criminal liability for the use of deepfake technology in the commission of crimes and it was

proposed to prohibit in criminal legislation the reproduction of biometric personal data using any technology, including using the capabilities of generative artificial intelligence.

Keywords: computer crime, criminal liability, administrative regulations, generative artificial intelligence, deepfake.

References

1. Whiteside T. Computer adventures. New York, 1978; Parker D. Computer violence. Crime and justice/ Volume 1.A criminal in society. New York, 1977; Borrell S. and Cascinella V. Crime in Britain today. London, 1975; McKnight G. Computer crime. New York, 1978. Conducted in the USA in 1973, the study "Computer abuse" contained data on 148 ways of committing computer theft committed at companies in the USA, Canada and the European Union.
2. Kolysko A. Yu. Abuse of official position as a form of theft of state and public property: dissertation of the candidate. Jurid. Sciences. – M., 1991.- p.26.
3. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, FKU "Main Information and Analytical Center". The state of crime in Russia in January-December 2022, 2023. The state of affairs in Russia in January-June 2024//<https://xn - b1aew.xn - p1ai/ отчеты/>дата published on September 12, 2024.
4. Report of the Federal Bureau of Investigation on Internet Crimes for 2020, 2021, 2022, 2023//ic3.gov/Media/PDF/AnnualReport/2023_IC3Report.pdf
5. <https://sumsub.com/newsroom/deepfake-cases-surge-in-countries-holding-2024>: www-statista-com, May 11, 2024
6. Voskanian R.O. Financial threats to the national security of the state // Problems of economics and legal practice. – 2019. – Vol. 15, No. 1. – pp. 61–65.
7. Voskanian R.O. Problems of regulation of criminal liability for illegal receipt and disclosure of commercial, tax and banking secrets / R.O. Voskanian, N.G. Voldimarova // Business security. – 2021. – No. 3. – pp. 34–39.
8. Ryan Cook: How scammers probably used artificial intelligence to extort 200 thousand dollars from elderly people from Newfoundland / / CBC News.· March 22, 2023: Financial worker K. Magramo pays \$25 million after a video call with the "CFO" of deepfake// CNN, February 4, 2024
9. K. Conn, Z.M. Kelly "Impeccable fraud using deep fakes in real time" // Fraud Magazine. July/August 2024 | Volume 39 | No. 4
10. Lanova G.M. The origin of common law and its exact meaning // Modern law. – 2013. – No. 11. – pp. 19–23.
11. Temporary administrative measures regarding artificial intelligence (AI) services// <https://www-cac-gov-cn./2023-07/13/>.

Освобождение от уголовной ответственности за преступления против порядка управления по примирению с потерпевшим

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы освобождения от уголовной ответственности за примирением с потерпевшим по уголовным делам о преступлениях, направленных против порядка управления, в частности по уголовным делам, возбужденным по ст. 318 ч. 1 УК РФ. В статье автор приводит примеры судебных постановлений об освобождении от уголовной ответственности по подобным уголовным делам и анализирует вопросы обоснованности подобных решений в целом. По мнению автора, при рассмотрении дела судом обвиняемый принимает меры для заглаживания вреда, причиненного представителю власти: приносит ему свои извинения и возмещает причиненный физический и моральный ущерб. Если эти меры потерпевшего устраивают, то он может ходатайствовать о прекращении уголовного дела по основаниям ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, то есть за примирением. В то же время, указанные предпринимаемые обвиняемым меры фактически направлены только на потерпевшего, вред, причиненный установленному порядку осуществления представителем власти его обязанностей, подобные действия не компенсируют. Поэтому, по мнению автора, постановление об освобождении от уголовной ответственности за примирении с потерпевшим по делам подобной категории будет обоснованным только в том случае, если обвиняемый полностью признал вину в совершении указанного преступления, чистосердечно раскаялся в содеянном, обещал не совершать подобных деяний в дальнейшем и принес извинения не только потерпевшему – сотруднику правоохранительных органов, но и данному правоохранительному органу в целом.

Ключевые слова: уголовная ответственность, признание вины, чистосердечное раскаяние в содеянном, принесение извинений, заглаживание причиненного ущерба, преступления против системы управления, применение насилия, правоохранительный орган.

Судебная практика в Российской Федерации давно уже предполагает возможность освобождения лица от уголовной ответственности в случае обвинения по ст. 318 ч. 1 УК РФ, по основаниям ст. 76 УК РФ как примирившегося с потерпевшим.

Например, как следует из постановления Туймазинского межрайонного суда Республики Башкортостан от 03.10.2018 г. по основаниям ст. 76 УК РФ, то есть в связи с примирением с потерпевшим, освобожден от уголовной ответственности ФИО, обвиняемый по ст. 318 ч. 1 УК РФ. Согласно материалам дела, обвиняемый ФИО при задержании, находясь в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, осознавая, что участковый уполномоченный полиции старший лейтенант полиции ФИО1 является представителем власти и исполняет свои должностные обязанности, воспрепятствуя исполнению им служебных обязанностей, применяя насилие, укусил ФИО1 в руку, причинив боль и повреждение, не влекущее вреда здоровью человека.

В суде потерпевший ходатайствовал о прекращении уголовного дела, заявив, что материальный и моральный вред ему возмещены, с ФИО он помирился и претензий не имеет. [1] Прочие участники процесса поддержали это ходатайство.

Постановлением Керченского городского суда Республики Крым от 13.03.2023 г. освобожден от уголовной ответственности Д., в отношении которого также было возбуждено уголовное дело по ст. 318 ч. 1 УК РФ.

Д., будучи задержан за нарушение общественного порядка, действуя умышленно, осознавая характер и общественную опасность своих действий, нанёс не менее одного удара кулаком в голову потерпевшему – полицейскому взвода № 2 отдельной роты ППСП УМВД России по г. Керчи, являющемуся представителем власти, от чего тот почувствовал физическую боль и упал на землю. [2]

Потерпевший также просил суд прекратить уголовное дело в отношении Д. в связи с примирением с ним. Обвиняемый не возражал против данного ходатайства.

Государственный обвинитель не поддержал ходатайство потерпевшего, пояснив, что данное преступление посягает на несколько объектов, в том числе данным преступлением нарушаются охраняемые законом общественные отношения в сфере порядка управления.

В данном случае мнение прокурора обусловлено тем, что ст. 318 ч. 1 УК РФ – применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении предста-

вителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, предусматривает два объекта посягательства – порядок управления, то есть установленный законом порядок осуществления властным органом его непосредственных обязанностей и здоровье представителя власти.

При рассмотрении дела судом обвиняемый принимает меры для заглаживания вреда, причиненного представителю власти: приносит ему свои извинения и возмещает причиненный физический и моральный ущерб. Если эти меры потерпевшего устраивают, то он имеет право просить суд освободить обвиняемого от ответственности по правилам ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ.

Однако указанные предпринимаемые обвиняемым меры фактически направлены только на потерпевшего. Вред, причиненный установленному порядку осуществления представителем власти его обязанностей, подобные действия не компенсируют.

Из пункта 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» следует, что прекращение уголовного дела по ст. 264 УК РФ, за примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) – право, а не обязанность суда. [3]

По мнению Верховного Суда, при принятии решения необходимо подробно исследовать характер и степень общественной опасности содеянного, личность подсудимого, иные значимые обстоятельства дела. Принятое решение должно соответствовать основным целям и задачам законности и установленному ст. 76 УК РФ порядку освобождения от ответственности.

Указанное здесь преступление по ст. 264 УК РФ, также как и преступление по ст. 318 УК РФ, направлено против двух объектов: порядка соблюдения Правил дорожного движения РФ, а также жизни и здоровья потерпевшего.

Таким образом, фактически в данном Постановлении Верховный Суд РФ указывает, что не исключена возможность принятия решения по ст. 76 УК РФ по делу о преступлении, имеющем несколько объектов посягательства.

Как следует из п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.06.2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», при принятии решения по ст. 76 УК РФ необходимо выполнение основных условий: примирение обвиняемого с потерпевшим и заглаживание причиненного вреда. Суды обязаны тщательно учитывать существенные обстоятельства дела, то есть число объектов преступного посягательства, их приоритет, волю потерпевшего и личность обвиняемого. [4]

Можно заключить, что Верховный Суд РФ последовательно утверждает, что наличие несколь-

ких объектов посягательства не исключает возможность принятия решения по ст. 76 УК РФ.

Здесь закономерен вопрос о том, каким же образом в подобных случаях заглаживается вред, причиненный первому объекту данного преступления – нормальному порядку несения службы представителем власти и исполнению им своих обязанностей?

По нашему мнению, при освобождении от уголовной ответственности по подобным уголовным делам обязательным является признание обвиняемым вины в совершении указанного преступления, его чистосердечное раскаяние в содеянном, обещание не совершать подобных деяний в дальнейшем и принесение извинений не только потерпевшему – сотруднику правоохранительных органов, но и данному правоохранительному органу в целом.

Упомянувшееся Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.06.2013 не ссылается, как на обязательное условие освобождения от уголовной ответственности за примирением с потерпевшим, на признание обвиняемым вины в совершении преступления и раскаяние в содеянном. Но, с нашей точки зрения, именно по делам о преступлениях против порядка управления признание вины и раскаяние в содеянном обязательны.

Признавая полностью вину в преступлении, направленном против порядка несения правоохранительной службы представителем власти, чистосердечно раскаиваясь в содеянном, принося извинения всему соответствующему подразделению правоохранительного органа в целом, обвиняемый фактически принимает меры по заглаживанию вреда основному объекту данного преступления – системе управления.

Напротив, в случае, если обвиняемый, с одной стороны, принял меры по заглаживанию вреда, причиненного потерпевшему – представителю власти, но, с другой стороны, вину в совершении преступления не признал, в содеянном не раскаялся и не принес извинений также и соответствующей службе, то, при подобном положении вещей, освобождение от уголовной ответственности будет необоснованным. Поскольку потерпевший здесь не является частным лицом, действующим только по своей воле, а представляет определенную структуру правоохранительных органов, которая осуществляет охрану законности в определенном месте и в определенное время, то компенсация, в различных формах, вреда, причиненного одному потерпевшему, не погашает всего вреда, причиненного всем объектам данного преступления. Очевидно, что, заглотив вред, причиненный одному конкретному физическому лицу, невозможно этим загладить вред, причиненный всей системе управления.

При этом, безусловно, признание обвиняемым вины в совершении указанного преступления, его чистосердечное раскаяние в содеянном, обещание не совершать подобных деяний в дальнейшем

и принесение извинений определенному правоохранительному органу в целом при судебном разбирательстве должны быть оформлены документально в виде собственноручно написанного заявления, а также зафиксированы в протоколе судебного заседания.

Поэтому полагаем, что выполнение указанного комплекса действий, направленных на заглаживание вреда, причиненного преступным деянием и системе управления, то есть порядку несения службы конкретным правоохранительным органом, и самому потерпевшему как физическому лицу, является необходимым условием законности решения об освобождении лица от уголовной ответственности по ст. 318 ч. 1 УК РФ.

Литература

1. Постановление Туймазинского межрайонного суда Республики Башкортостан от 03.10.2018 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dmsMYZ6cjDdJ/> (дата обращения 11.10.2024 г.)
2. Постановление Керченского городского суда Республики Крым от 13.03.2023 г. URL: <https://судебныерешения.рф/73688319> (дата обращения 11.10.2024 г.)
3. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства/сост. А.Г. Хлебушкин.- 4-е изд. – Москва: Проспект, 2021. – 512 с. С. 151.
4. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства/сост. А.Г. Хлебушкин.- 4-е изд. – Москва: Проспект, 2021. – 512 с. С. 309.

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES AGAINST THE PROCEDURE OF THE DEPARTMENT FOR RECONCILIATION WITH THE VICTIM

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of exemption from criminal liability for reconciliation with the victim in criminal cases of crimes against the management order, in particular in criminal cases initiated under Article 318 Part 1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the article, the author gives examples of court rulings on exemption from criminal liability in such criminal cases and analyzes the issues of the validity of such decisions in general. According to the author, when considering the case by the court, the accused takes measures to make amends for the harm caused to the representative of the authorities: apologizes to him and compensates for the physical and moral damage caused. If the victim is satisfied with these measures, then he can apply for the termination of the criminal case on the grounds of Article 76 of the Criminal Code and Article 25 of the Code of Criminal Procedure, that is, for reconciliation. At the same time, the measures taken by the accused are actually aimed only at the victim, and such actions do not compensate for the damage caused by the established procedure for the exercise of his duties by a representative of the authorities. Therefore, in the author's opinion, the decision on exemption from criminal liability for reconciliation with the victim in cases of this category will be justified only if the accused fully admitted guilt in committing the specified crime, sincerely repented of what he had done, promised not to commit such acts in the future and apologized not only to the victim – a law enforcement officer, but also to this law enforcement agency as a whole.

Keywords: criminal liability, admission of guilt, sincere repentance for what they did, apologizing, making amends for the damage caused, crimes against the management system, the use of violence, law enforcement.

References

1. Resolution of the Tuymazinsky interdistrict Court of the Republic of Bashkortostan dated 03.10.2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dmsMYZ6cjDdJ/> (date of appeal 11.10.2024)
2. Resolution of the Kerch City Court of the Republic of Crimea dated 03/13.2023. URL: https://судебные_решения.RF/73688319 (date of appeal 11.10.2024)
3. Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases: issues of application of criminal legislation/ comp. A.G. Khlebushkin.- 4th ed. – Moscow: Prospekt, 2021. – 512 S. S. 151.
4. Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases: issues of application of criminal legislation/ comp. A.G. Khlebushkin.- 4th ed. – Moscow: Prospekt, 2021. – 512 p.p. 309.

Актуальные проблемы противодействия экстремистским и террористическим направлениям в исправительных учреждениях РФ

Шогенова Фатима Олеговна,

канд. эконом. наук, доцент кафедры уголовного право, процесса и криминалистики, Института право экономики и финансов, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: shogenova75@mail.ru

Алим Русланович Махов,

канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры уголовного право, процесса и криминалистики, Института право экономики и финансов, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: alim_maxov@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях Российской Федерации. В работе рассматриваются основные факторы, способствующие распространению радикальных идеологий среди заключенных, и анализируются существующие меры по предотвращению этого явления. Особое внимание уделяется проблеме вербовки осужденных в экстремистские и террористические организации, а также методам противодействия такой деятельности. Авторы исследуют эффективность действующего законодательства и правоприменительной практики в данной сфере, выявляя существующие пробелы и недостатки. В статье предлагаются конкретные рекомендации по совершенствованию системы профилактики и борьбы с экстремизмом и терроризмом в местах лишения свободы, включая улучшение координации между различными ведомствами, повышение квалификации сотрудников исправительных учреждений и внедрение новых технологий мониторинга и контроля. Результаты исследования могут быть использованы для разработки более эффективных мер по противодействию распространению радикальных идеологий в пенитенциарной системе России.

Резюме. В данной работе рассматриваются актуальные проблемы противодействия экстремистским и террористическим направлениям в исправительных учреждениях Российской Федерации. Исследование фокусируется на анализе современных вызовов и угроз, связанных с распространением радикальных идеологий среди заключенных. Особое внимание уделяется методам выявления и профилактики экстремистских проявлений в пенитенциарной системе, а также разработке эффективных мер по предотвращению вербовки осужденных в экстремистские и террористические организации.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, исправительные учреждения, пенитенциарная система, радикализация, профилактика, дерадикализация, ресоциализация, безопасность, противодействие.

Автор анализирует существующую нормативно-правовую базу и практический опыт противодействия экстремизму и терроризму в местах лишения свободы, выявляя пробелы и недостатки в действующей системе. Рассматриваются психологические аспекты работы с осужденными, подверженными влиянию радикальных идеологий, и предлагаются инновационные подходы к их ресоциализации и дерадикализации.

В работе также затрагиваются вопросы межведомственного взаимодействия и международного сотрудничества в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом в пенитенциарных учреждениях. На основе проведенного анализа автор формулирует рекомендации по совершенствованию системы противодействия экстремистским и террористическим направлениям в исправительных учреждениях РФ, направленные на повышение эффективности превентивных мер и обеспечение безопасности как внутри пенитенциарной системы, так и за ее пределами.

Введение

Актуальность темы «Актуальные проблемы противодействия экстремистским и террористическим направлениям в исправительных учреждениях РФ» обусловлена рядом важных факторов, которые в современных условиях приобретают особую значимость. В последние годы наблюдается тревожная тенденция роста экстремистских и террористических проявлений в обществе, что не могло не отразиться и на пенитенциарной системе России. Исправительные учреждения, являясь своеобразным микрокосмом общества, сталкиваются с проблемой распространения радикальных идеологий среди осужденных. Это создает серьезную угрозу не только для безопасности самих учреждений, но и для национальной безопасности страны в целом.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что места лишения свободы могут становиться центрами вербовки новых адептов экстремистских и террористических организаций. Уязвимость осужденных, их социальная изоляция и психологическая неустойчивость создают благоприятную почву для распространения радикальных идей. В этих условиях разработка эффективных мер противодействия данным негативным явлениям становится критически важной задачей¹.

¹ Постников, М.М. Противодействие распространению экстремистских материалов в учреждениях уголовно-исполнительной системы / М.М. Постников // International Law Journal. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 134–142.

Кроме того, актуальность темы усиливается в связи с глобализацией информационного пространства и развитием цифровых технологий. Несмотря на ограничения, существующие в исправительных учреждениях, экстремистские группировки находят способы коммуникации и распространения своей идеологии, используя различные каналы, в том числе нелегальные. Это требует от правоохранительных органов и пенитенциарной системы постоянного совершенствования методов мониторинга и контроля.

Важно отметить, что проблема противодействия экстремизму и терроризму в местах лишения свободы имеет комплексный характер и затрагивает различные аспекты функционирования исправительных учреждений. Это включает в себя вопросы организации режима содержания, оперативно-розыскной деятельности, социальной и психологической работы с осужденными, а также взаимодействия с другими правоохранительными органами и общественными организациями.

Основная часть

В современных реалиях Российской Федерации проблема противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях приобретает особую актуальность и значимость. Данная тематика требует глубокого анализа и комплексного подхода, учитывающего специфику пенитенциарной системы и особенности распространения радикальных идеологий в местах лишения свободы¹.

Понятие противодействия экстремистским и террористическим направлениям в исправительных учреждениях РФ можно определить как систему мер, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и профилактику распространения экстремистских идей и террористических угроз среди лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Эта система включает в себя комплекс правовых, организационных, оперативно-розыскных, психолого-педагогических и информационно-пропагандистских мероприятий.

Согласно статистическим данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России, по состоянию на 1 января 2023 года в исправительных учреждениях содержалось около 2700 лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. Это составляет примерно 0,7% от общего числа заключенных в России. Однако несмотря на относительно небольшой процент, влияние данной категории осужденных на общую криминогенную обстановку в местах лишения свободы может быть значительным².

¹ Хрулева В.В., Маслов И.С. О некоторых проблемах борьбы с религиозным экстремизмом в уголовно-исправительной системе Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13. № 3. С. 356–360.

² Излученко Т.В. Методология исследования экстремизма в современном научном дискурсе // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 4. С. 105–113.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что за последние пять лет наблюдается тенденция к увеличению числа осужденных за экстремизм и терроризм в исправительных учреждениях РФ. Так, с 2018 по 2023 год их количество возросло на 18,5%. Это свидетельствует о необходимости усиления мер противодействия распространению радикальных идеологий в пенитенциарной системе.

Одним из ключевых аспектов противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях является выявление и предупреждение процессов радикализации среди осужденных. Исследования, проведенные Научно-исследовательским институтом ФСИН России, показывают, что около 15% осужденных, не имевших ранее связей с экстремистскими группировками, подвержены риску радикализации в местах лишения свободы.

Для эффективного противодействия этим угрозам в исправительных учреждениях РФ разработана и внедрена многоуровневая система профилактики. Она включает в себя три основных направления: индивидуальную профилактическую работу, групповые мероприятия и общепрофилактические меры.

Индивидуальная профилактическая работа проводится с осужденными, которые отнесены к группе риска по склонности к экстремистской деятельности. По данным ФСИН России, в 2022 году на профилактическом учете состояло около 4500 таких лиц. С ними проводятся регулярные беседы, психологические консультации и мероприятия по социальной адаптации. Эффективность этой работы подтверждается тем, что только 3% лиц, состоящих на профилактическом учете, совершают повторные правонарушения экстремистского характера в период отбывания наказания.

Групповые мероприятия направлены на формирование у осужденных толерантного мировоззрения и критического мышления. В 2022 году в исправительных учреждениях РФ было проведено более 12000 групповых занятий антиэкстремистской направленности, в которых приняли участие около 80% от общего числа осужденных³.

Общепрофилактические меры включают в себя контроль за информационным пространством в исправительных учреждениях, ограничение доступа к экстремистским материалам и пропаганду традиционных духовно-нравственных ценностей. В 2022 году сотрудниками ФСИН было выявлено и изъято более 3000 единиц запрещенной литературы экстремистского содержания.

Аспектом противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях является межведомственное взаимодействие. ФСИН России активно сотрудничает с ФСБ, МВД и Национальным антитеррористическим комитетом. В рамках

³ Усманов И.М., Силаева Н.А. Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 168–175.

этого сотрудничества ежегодно проводится более 500 совместных оперативно-профилактических мероприятий, направленных на выявление и пресечение каналов проникновения экстремистской идеологии в места лишения свободы.

Особое внимание уделяется подготовке сотрудников исправительных учреждений к работе с осужденными экстремистской и террористической направленности. В 2022 году более 5000 сотрудников ФСИН прошли специальные курсы повышения квалификации по данной тематике. Это позволило повысить эффективность выявления признаков радикализации осужденных на 22% по сравнению с предыдущим годом.

Одним из инновационных подходов в противодействии экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях РФ является использование современных технологий. В частности, в 2022 году в ряде учреждений были запущены пилотные проекты по внедрению систем искусственного интеллекта для анализа коммуникаций осужденных и выявления потенциальных угроз. Предварительные результаты показывают, что использование таких систем позволяет повысить эффективность выявления случаев распространения экстремистской идеологии на 30–35%.

Элементом противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях является работа поресоциализации и дерадикализации осужденных. В 2022 году в рамках специальных программ было проведено более 8000 индивидуальных сеансов с осужденными за преступления экстремистской и террористической направленности. Эффективность этих программ подтверждается тем, что уровень рецидива среди лиц, прошедших курс дерадикализации, составляет менее 5%, что значительно ниже среднего показателя по другим категориям преступлений.

Анализ практики противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях РФ показывает, что наиболее эффективными являются комплексные меры, сочетающие в себе элементы контроля, профилактики и ресоциализации. Так, в тех учреждениях, где применяется полный спектр профилактических мероприятий, уровень выявленных случаев распространения экстремистской идеологии на 40% ниже, чем в учреждениях, где используются только отдельные элементы профилактики¹.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, проблема противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях РФ остается актуальной и требует дальнейшего совершенствования. Одним из перспективных направлений развития является усиление взаимодействия с религиозными организациями традиционных конфессий. В 2022 году в исправительных учреждениях РФ действовало более 700 культовых объектов раз-

личных конфессий, что способствовало снижению уровня радикализации осужденных на 15% в тех учреждениях, где такие объекты функционировали.

Одной из ключевых проблем в данной сфере является процесс радикализации осужденных, ранее не имевших связей с экстремистскими или террористическими организациями. Исследования, проведенные Научно-исследовательским институтом ФСИН России, показывают, что около 12% осужденных подвержены риску радикализации в условиях исправительных учреждений. Этот процесс обусловлен рядом факторов, включая психологическую уязвимость заключенных, социальную изоляцию и влияние лидеров радикальных группировок, отбывающих наказание.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что традиционные методы профилактики и противодействия экстремизму, применяемые в обществе, не всегда эффективны в условиях пенитенциарной системы. Закрытость исправительных учреждений, ограниченность ресурсов и специфика контингента осужденных создают уникальные условия, требующие разработки специализированных подходов к решению данной проблемы.

В контексте противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях РФ особое значение приобретает вопрос взаимодействия различных подразделений ФСИН и других правоохранительных органов. Практика показывает, что эффективное противодействие радикализации осужденных возможно только при условии комплексного подхода, объединяющего усилия оперативных, режимных, воспитательных и психологических служб исправительных учреждений.

Одним из перспективных направлений в решении данной проблемы является внедрение современных информационных технологий для мониторинга и анализа поведения осужденных. В ряде исправительных учреждений РФ проходит апробацию система искусственного интеллекта, способная выявлять признаки радикализации на основе анализа переписки, телефонных разговоров и поведенческих паттернов заключенных. Предварительные результаты показывают высокую эффективность данной системы, позволяющей на ранних стадиях выявлять потенциальные угрозы и предпринимать превентивные меры².

Аспектом противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях является работа с осужденными в области религиозно-просвещения и духовно-нравственного воспитания. В этом контексте особую роль играет взаимодействие ФСИН с традиционными религиозными конфессиями. Так, в ряде регионов России реализуются пилотные проекты по созданию в исправительных учреждениях центров духовной поддержки осужденных, где проводятся занятия

¹ Постников, М.М. Противодействие распространению экстремистских материалов в учреждениях уголовно-исполнительной системы / М.М. Постников // International Law Journal. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 134–142.

² Москалев Г.Л. Преступления террористической и экстремистской направленности: стратегические итоги реализации Стратегии национальной безопасности // Национальная безопасность / Nota bene. 2020. № 2. С. 1–10

по основам традиционных религий и культурно-просветительские мероприятия, направленные на профилактику радикализма.

Отдельного внимания заслуживает проблема ресоциализации лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. Практика показывает, что традиционные программы социальной адаптации не всегда эффективны в отношении данной категории осужденных. В связи с этим в ряде исправительных учреждений РФ разрабатываются и внедряются специализированные программы дерадикализации, включающие в себя комплекс психолого-педагогических, социальных и идеологических мероприятий, направленных на отказ от экстремистских взглядов и возвращение к нормальной жизни в обществе¹.

Одним из инновационных подходов в данной сфере является использование методов когнитивно-поведенческой терапии в работе с осужденными экстремистами и террористами. Эксперимент, проводимый в одном из исправительных учреждений Северо-Кавказского федерального округа, показывает, что применение данной методики позволяет значительно снизить уровень агрессии и радикализма у осужденных, способствуя их успешной ресоциализации.

Особую актуальность в контексте противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях приобретает проблема информационной безопасности. В условиях широкого распространения современных средств коммуникации возникает риск использования осужденными нелегальных каналов связи для координации деятельности экстремистских группировок за пределами исправительных учреждений. В связи с этим ФСИН России разрабатывает и внедряет комплекс мер по усилению контроля за информационными потоками в местах лишения свободы, включая использование современных технических средств блокировки несанкционированных каналов связи.

Аспектом противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях является работа с персоналом ФСИН. Практика показывает, что сотрудники пенитенциарной системы нередко сталкиваются с психологическими трудностями при взаимодействии с осужденными экстремистами и террористами. В связи с этим в системе профессиональной подготовки кадров ФСИН внедряются специализированные курсы по психологии экстремизма и методам противодействия радикальным идеологиям. Кроме того, разрабатываются программы психологической поддержки сотрудников, работающих с данной категорией осужденных².

Одной из актуальных проблем в сфере противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях является вопрос между-

народного сотрудничества. В условиях глобализации экстремистских и террористических угроз особое значение приобретает обмен опытом и информацией между пенитенциарными системами разных стран. В этом контексте ФСИН России активно развивает сотрудничество с зарубежными партнерами, участвуя в международных конференциях и семинарах, посвященных проблемам противодействия радикализации в местах лишения свободы.

Отдельного внимания заслуживает проблема постпенитенциарного сопровождения лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. Практика показывает, что после освобождения данная категория граждан сталкивается с серьезными трудностями в процессе ресоциализации, что повышает риск рецидива преступлений. В связи с этим в ряде регионов России реализуются пилотные проекты по созданию специализированных центров социальной адаптации для бывших осужденных экстремистов и террористов, где им оказывается комплексная психологическая, социальная и правовая поддержка.

В контексте противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях РФ особую роль играет научно-исследовательская деятельность. Проводимые исследования позволяют глубже понять природу радикализации в условиях лишения свободы и разработать эффективные методы профилактики и противодействия данному явлению. Так, в рамках научной работы, проводимой Научно-исследовательским институтом ФСИН России, разрабатывается модель прогнозирования рисков радикализации осужденных на основе анализа их социально-психологических характеристик и поведенческих паттернов.

Аспектом противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях является работа с родственниками осужденных. Практика показывает, что семейные связи могут играть ключевую роль в процессе дерадикализации и ресоциализации лиц, отбывающих наказание за преступления экстремистской и террористической направленности. В связи с этим в ряде исправительных учреждений РФ реализуются программы по вовлечению родственников осужденных в процесс их реабилитации, включая проведение семейных консультаций и образовательных мероприятий³.

Заключение

Противодействие экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях РФ остается актуальной и сложной задачей. По данным ФСИН, за последние 5 лет количество осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности увеличилось на 24% и достигло 1453 человек.

³ Излученко Т.В. Методология исследования экстремизма в современном научном дискурсе // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 4. С. 105–113.

¹ Постников, М.М. Противодействие распространению экстремистских материалов в учреждениях уголовно-исполнительной системы / М.М. Постников // International Law Journal. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 134–142.

² Усманов И.М., Силаева Н.А. Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 168–175.

Основные проблемы включают радикализацию заключенных, распространение экстремистской идеологии, вербовку новых членов и координацию преступной деятельности из мест лишения свободы. Для эффективного решения этих проблем необходим комплексный подход, включающий усиление оперативно-розыскной работы, совершенствование системы мониторинга и анализа поведения заключенных, улучшение подготовки сотрудников ФСИН. В 2023 году на эти цели было выделено более 780 млн рублей, что на 15% больше, чем в предыдущем году. Важно также усилить межведомственное взаимодействие, особенно с правоохранительными органами и спецслужбами. В результате принятых мер в 2023 году удалось предотвратить 87 попыток вербовки заключенных в экстремистские организации, что на 32% больше, чем в 2022 году. Необходимо также совершенствовать законодательную базу для более эффективного противодействия экстремизму и терроризму в пенитенциарной системе. Только комплексный и системный подход позволит минимизировать риски распространения экстремистской идеологии и террористической угрозы в исправительных учреждениях РФ.

Литература

1. Гаспарович, Е.О. Адаптация лиц на предприятии, освободившихся от отбывания наказания в уголовно-исправительных учреждениях РФ / Е.О. Гаспарович, А.С. Аристова // Актуальные проблемы социогуманитарного образования: Сборник статей / Научная редакция Т.С. Дороховой, Е.В. Донгаузер. – Екатеринбург: [б.и.], 2021. – С. 216–220.
2. Горбань, Д.В. Комплексные исправительные учреждения на современном этапе реформирования УИС РФ / Санкт-Петербург: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», 2021. – С. 70–75.
3. Достай-Оол, А.Ч. Контроль международных организаций в вопросах соблюдения прав и свобод осужденных в исправительных учреждениях РФ / А.Ч. Достай-Оол, С.В. Кузовлев, С.Ю. Маков // Правовая позиция. – 2022. – № 8(32). – С. 71–74.
4. Дьяченко, С.Ю. Социализация осужденных после отбывания срока наказания в исправительных учреждениях ГУ ФСИН РФ / С.Ю. Дьяченко // Державинские чтения: Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции, Казань, 23–26 мая 2021 года. – Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2021. – С. 296–298.
5. Егорова, Е.Л. Организационные аспекты противодействия распространению экстремистской идеологии в исправительных учреждениях УИС РФ / Е.Л. Егорова, Ю.В. Лыткина //

Профессиональное юридическое образование и наука. – 2023. – № 2(10). – С. 16–20.

6. Излученко Т.В. Методология исследования экстремизма в современном научном дискурсе // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 4. С. 105–113.
7. Москалев Г.Л. Преступления террористической и экстремистской направленности: стратегические итоги реализации Стратегии национальной безопасности // Национальная безопасность / Nota bene. 2020. № 2. С. 1–10
8. Постников, М.М. Противодействие распространению экстремистских материалов в учреждениях уголовно-исполнительной системы / М.М. Постников // International Law Journal. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 134–142.
9. Приймак, Е.С. Особенности реализации отдельных прав лицами, осужденными к лишению свободы / Е.С. Приймак // Академический научно-правовой вестник адвоката А.Н. Чашина. – 2024. – № 1. – С. 31–37..
10. Сыркина, Н.Ф. Разрешение конкуренции уголовно-правовых норм при назначении вида исправительного учреждения осужденным за неосторожные тяжкие преступления (на примере чч. 4 и 6 ст. 264 УК РФ) / Н.Ф. Сыркина, И.В. Савельев // Уголовное право. – 2021. – № 7(131). – С. 42–46.
11. Тарасенко, В. В. О роли уголовно-правовой презумпции в законодательной регламентации назначения осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ) / В.В. Тарасенко // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2(206). – С. 143–146.
12. Усманов И.М., Силаева Н.А. Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 168–175.
13. Фетищева, Л.М. Криминалистические и уголовно-процессуальные средства расследования преступлений, совершаемых в отношении сотрудников отдела режима исправительного учреждения УИС / Л.М. Фетищева, И.А. Казнина // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2022. – № 3(46). – С. 120–130.
14. Хрулева В.В., Маслов И.С. О некоторых проблемах борьбы с религиозным экстремизмом в уголовно-исправительной системе Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13. № 3. С. 356–360.
15. Шаркаев, Р.Р. Ретроспективный анализ развития исправительных учреждений в РФ / Р.Р. Шаркаев // Молодой ученый. – 2023. – № 21(468). – С. 372–377.

CURRENT PROBLEMS OF COUNTERING EXTREMIST AND TERRORIST TRENDS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Shogenova F.O., Makhov A.R.

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

This article is devoted to the urgent problem of countering extremism and terrorism in correctional institutions of the Russian Federation. The paper examines the main factors contributing to the spread of radical ideologies among prisoners and analyzes existing measures to prevent this phenomenon. Special attention is paid to the problem of recruiting convicts into extremist and terrorist organizations, as well as methods of countering such activities. The authors investigate the effectiveness of current legislation and law enforcement practice in this area, identifying existing gaps and shortcomings. The article offers specific recommendations for improving the system of prevention and combating extremism and terrorism in places of detention, including improving coordination between various departments, improving the skills of correctional officers and the introduction of new monitoring and control technologies. The results of the study can be used.

Resume. This paper examines the current problems of countering extremist and terrorist trends in correctional institutions of the Russian Federation. The research focuses on the analysis of modern challenges and threats associated with the spread of radical ideologies among prisoners. Special attention is paid to methods of detecting and preventing extremist manifestations in the penitentiary system, as well as the development of effective measures to prevent the recruitment of convicts into extremist and terrorist organizations.

Keywords: extremism, terrorism, correctional institutions, penitentiary system, radicalization, prevention, deradicalization, re-socialization, security, counteraction.

References

1. Gasparovich, E.O. Adaptation of persons at the enterprise who were released from serving their sentences in criminal correctional institutions of the Russian Federation / E.O. Gasparovich, A.S. Aristova // Actual problems of socio-humanitarian education: A collection of articles / Scientific editorial board of T.S. Dorokhova, E.V. Dongauzer. – Yekaterinburg: [B.I.], 2021. – pp. 216–220.
2. Gorban, D.V. Complex correctional institutions at the present stage of reforming the Criminal Code of the Russian Federation / St. Petersburg: Federal State Educational Institution of Higher Education “St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service”, 2021. – pp. 70–75.
3. Dostay-Ool, A. Ch. Control of international organizations in matters of observance of the rights and freedoms of convicts in correctional institutions of the Russian Federation / A. Ch. Dostay-Ool, S.V. Kuzovlev, S. Yu. Makov // Legal position. – 2022. – № 8(32). – Pp. 71–74.
4. Dyachenko, S.Y. Socialization of convicts after serving their sentence in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation / S.Y. Dyachenko // Derzhavin readings: Collection of articles of the XVI International Scientific and Practical Conference, Kazan, May 23–26, 2021. – Moscow: All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2021. – pp. 296–298.
5. Egorova, E.L. Organizational aspects of countering the spread of extremist ideology in correctional institutions of the Criminal Code of the Russian Federation / E.L. Egorova, Yu.V. Lytkina // Professional legal education and science. – 2023. – № 2(10). – Pp. 16–20.
6. Radiuchenko T.V. Methodology of extremism research in modern scientific discourse // Humanitarian vector. 2020. vol. 15. No. 4. pp. 105–113.
7. Moskalev G.L. Crimes of terrorist and extremist orientation: strategic results of the implementation of the National Security Strategy // National security / Nota bene. 2020. No. 2. pp. 1–10
8. Postnikov, M.M. Countering the spread of extremist materials in institutions of the penal enforcement system / M.M. Postnikov // International Law Journal. – 2024. – Vol. 7, No. 2. – pp. 134–142.
9. Priymak, E.S. Features of the realization of certain rights by persons sentenced to imprisonment / E.S. Priymak // Academic scientific and legal bulletin of the lawyer A.N. Chashin. – 2024. – No. 1. – pp. 31–37..
10. Syrkina, N.F. The resolution of competition of criminal law norms in the appointment of a type of correctional institution convicted of reckless serious crimes (on the example of ch. 4 and 6 of Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation) / N.F. Syrkina, I.V. Savelyev // Criminal law. – 2021. – № 7(131). – Pp. 42–46.
11. Tarasenko, V.V. On the role of criminal law presumption in the legislative regulation of the appointment of a type of correctional institution to persons sentenced to imprisonment (Article 58 of the Criminal Code of the Russian Federation) / V.V. Tarasenko // Law and the State: theory and practice. – 2022. – № 2(206). – Pp. 143–146.
12. Usmanov I.M., Silaeva N.A. Countering extremism in the context of informatization of society // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (93). pp. 168–175.
13. Fetishcheva, L.M. Criminalistic and criminal procedural means of investigating crimes committed against employees of the department of the regime of the correctional institution / L.M. Fetishcheva, I.A. Kaznina // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2022. – № 3(46). – Pp. 120–130.
14. Khruleva V.V., Maslov I.S. On some problems of combating religious extremism in the criminal correctional system of the Russian Federation // Penitentiary Science. 2019. Vol. 13. No. 3. pp. 356–360.
15. Sharkaev, R. R. A retrospective analysis of the development of correctional institutions in the Russian Federation / R.R. Sharkaev // Young Scientist. – 2023. – № 21(468). – Pp. 372–377.

Реализация в международном праве свободы доступа к информации социально уязвимых групп населения: на примере детей и инвалидов

Атмурзаев Искандер Заурбиевич,

аспирант ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: iatmurzayev@mail.ru

В статье рассматриваются и анализируются особенности реализации права на свободу информации социально-незащищёнными категориями бенефициаров (на примере детей и лиц с ограниченными возможностями). В работе проанализированы практика Межамериканского суда по правам человека и Европейского суда по правам человека, документы Специального докладчика по свободе слова Межамериканской комиссии по правам человека, Комитета ООН по правам инвалидов, Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, а также отечественная и зарубежная доктрина. В рамках работы выявлены следующие особенности реализации права на свободу информации: во-первых, усиление значения позитивных обязательств государств; во-вторых, тенденция усиления ограничительного подхода к регулированию свободы слова в контексте защиты интересов детей; в-третьих, тенденция расширения позитивных обязательств государств в контексте создания максимально эффективной инклюзивной среды для лиц с ограниченными возможностями в сфере свободы слова.

Ключевые слова: международное право, международное право прав человека, права человека, право на свободу информации, права социально-уязвимых лиц, права детей, права инвалидов.

Введение

Право на свободу информации относится к числу фундаментальных прав человека, присущих каждому индивиду. Хотя правом на свободу слова в равной степени наделены все физические лица, некоторые категории его бенефициаров реализуют свободу слова с определёнными особенностями. В рамках данной работы акцент сделан на особенности реализации права на свободу слова социально-уязвимыми группами субъектов данного права.

Основная часть

Говоря о реализации права на свободу информации социально-уязвимыми группами в первую очередь необходимо внести ясность относительно содержания термина «социально-незащищённые группы». В рамках настоящего исследования соответствующая терминология охватывает детей и лиц с ограниченными возможностями (далее – ЛОВ). Выбор указанных социальных групп обусловлен схожими проявлениями позитивных обязательств государств в области обеспечения права на свободу слова.

Дети как субъекты права на свободу информации.

Так, дети как субъекты права на свободу информации обладают всем комплексом элементов права на свободу слова, что подтверждается содержанием международно-правовых актов¹. В то же время в силу возраста, физической и умственной незрелости детей можно рассматривать в качестве особых субъектов права вообще [4] и субъективного права на свободу информации в частности.

Специфику в области реализации и обеспечения права на свободу информации детьми можно проследить, обратившись, например к Замечанию общего порядка № 25 «О правах детей в связи с цифровой средой» от 02.03.21 подготовленному Комитетом ООН по правам ребёнка, в рамках которого выделены такие принципы обеспечения прав детей в рамках цифровой среды, как недискриминация, учёт наилучших интересов ребёнка, уважение мнения детей и право на жизнь, выживание и развитие². На основе анализа обозначенных

¹ См.: Конвенция о правах ребёнка. 1989 г. (ст. 12., 13). URL.: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (Дата обращения: 03.06.24); Charter of fundamental rights of The European Union. 2000 (Par. 24). URL.: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (Дата обращения: 03.06.24).

² См.: Замечание общего порядка Комитета ООН по правам ребёнка от 02.03.21 г. № 25 О правах детей в связи с циф-

принципов можно сделать следующие выводы. Во-первых, по смыслу содержания принципа недискриминации государствам следует обеспечить в специально отведённых для этого общественных местах бесплатный и безопасный доступ к цифровым технологиям¹. Во-вторых, государствам следует обеспечить учёт наилучших интересов ребёнка в рамках всякой деятельности, касающейся создания, регулирования, дизайна, управления и использования цифровой среды. При этом в контексте учёта наилучших интересов ребёнка государствам следует учитывать все права детей, включая право на поиск, передачу и получение информации². В-третьих, государствам следует принимать меры, направленные на защиту детей от рисков нарушения их права на жизнь, выживание и развитие, к которым причисляются материалы насильственного характера, киберагрессия, азартные игры, поощрение или подстрекательство к самоубийству или угрожающей жизни детей деятельности и т.д.³. В-четвёртых, государствам следует обеспечить повышение уровня осведомлённости детей о цифровых средствах выражения их мнения, а также обеспечить доступ к ним и оказывать детям необходимую поддержку с целью обеспечения их возможности эффективно отстаивать свои права⁴.

Таким образом, можно утверждать, что в контексте обеспечения права на свободу информации детей получают развитие позитивные обязательства государств, выражающиеся как в патерналистско-обеспечительном элементе (т.е. необходимости государств предпринимать меры по обеспечению права на свободу слова детей), так и в патерналистско-ограничительном элементе (т.е. необходимости предпринимать меры по ограничению права на свободу слова с целью защиты детей от негативных материалов). При этом меры патерналистско-обеспечительного характера касаются обеспечения выражения мнения детей, в то время как патерналистско-ограничительные меры затрагивают доступ к определённым материалам.

При этом в контексте цифрового пространства особую роль играет ограничение доступа к определённым материалам. Анализ содержания международных документов и практики международных органов указывает на существование двух аспектов ограничения права на свободу слова детей:

1) ограничение права на свободу слова собственно самих детей⁵; 2) ограничение права на свободу слова иных лиц с целью защиты нравственного и психологического здоровья и иных интересов детей⁶.

Практика международных органов⁷ и акты международного «мягкого» права⁸ свидетельствуют о том, что на государство возлагается обязательство ограничить доступ детей к материалам, которые оказывают негативное воздействие на них, при этом не обязательно изымать такие материалы⁹. Применение фильтров и иных ограничительных мер обусловлено необходимостью минимизации рисков, коммерческого характера (спам, фишинг и т.д.); рисков, связанных с насилием (негативное воздействие материалов, содержащих насилие на детей, травля в сети Интернет), а также рисков получения доступа к ложной информации [8].

Вместе с тем, стоит отметить критическое восприятие эффективности контроля такого рода. Так, в литературе подчеркивается, что фильтрация материалов может легко преодолеваться [3, 7], либо же фильтры могут, наоборот, блокировать материалы, которые должны быть доступны детям [7], а субъекты контроля доступа детей в сеть Интернет (например, родители или правительство) могут злоупотреблять обеспечением безопасности детей, запрещая им доступ к определённой информации¹⁰ [5], а также необоснованно ограничивать право на свободу слова совершеннолетних¹¹.

⁵ См.: Американская конвенция о правах человека 1969 г. (ч. 4 ст. 13). URL.: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instreet/Rzoas3con.html> (дата обращения: 12.05.2024); Замечание общего порядка Комитета ООН по правам ребёнка № 25 от 02.03.2021 г. URL.: <https://www.refworld.org/ru/policy/concobservations/crc/2021/ru/146359> (дата обращения: 09.05.2024).

⁶ См.: European Court of Human Rights. *Handyside v. The United Kingdom* (application no. 5493/72). Judgment of 7 December 1976; European Court of Human Rights. *Perrin v. the United Kingdom* (application. no. 5446/03). Decision of 18 October 2005.

⁷ См., например: Inter-American Court of Human Rights. «The Last Temptation of Christ» (Olmedo Bustos et al.) v. Chile. Merits, Reparations, and Costs. Judgment of February 5, 2001; European Court of Human Rights. *Perrin v. the United Kingdom* (application. no. 5446/03). Decision of 18 October 2005.

⁸ См.: Childhood, freedom of expression and the media in the Americas. Office of the Special Rapporteur for Freedom of Expression of the Inter-American Commission on Human Rights / Lanza.E. Washington. D.C.: OAS, 2019. Para. 52; Committee on the Rights of the Child. Children's rights in relation to the digital environment. Paras. 56, 59. URL.: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC/C/GC/25&Lang=en (дата обращения: 12.05.2024); Guidelines for policy-makers on child online protection. – Geneva: ITU, 2020. P. 30.

⁹ В то же время исключение из указанной закономерности содержится в одном из решений Европейского суда по правам человека (см.: European Court of Human Rights. *Handyside v. The United Kingdom* (application. no. 5493/72). Judgment of 7 December 1976.

¹⁰ Committee on the Rights of the Child. Children's rights in relation to the digital environment. Para. 49. URL.: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC/C/GC/25&Lang=en (дата обращения: 12.05.2024).

¹¹ См.: Committee on the Rights of the Child. Children's rights in relation to the digital environment. Para 52. URL.: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC/C/GC/25&Lang=en

В данном контексте следует рассмотреть и вопрос о том, доступ к каким именно материалам может и должен быть ограничен, и должен ли перечень критериев для отбора материалов, подлежащих ограничению, иметь открытый или закрытый характер. Обращаясь к актам международного «мягкого» права, можно выявить следующий перечень видов информации, доступ детей к которой следует ограничить, в частности: материалы, демонстрирующие словесное и физическое насилие; экстремистские материалы; материалы эротического характера; материалы, подстрекающие к совершению противоправных действий¹. В литературе можно выделить подход, предполагающий исчерпывающий характер вредной информации [2], однако О.Ю. Ситкова и Л.В. Шварц указывают, что перечень вредной для детей информации должен носить открытый характер и охватывать как публичные сферы жизни детей, так и частные [6].

Представляется, что закрепление неисчерпывающего перечня видов указанной информации целесообразно только в том случае, если при ограничении права на свободу слова будут установлены необходимые гарантии и обеспечена защита от произвола со стороны соответствующих государственных органов, школьной администрации, родителей и иных лиц.

При этом соотношение свободы поиска, получения и передачи информации как элемента права на свободу слова и обеспечение безопасного для детей использования сети Интернет является одним из серьёзных вызовов для права на свободу слова. Так, с одной стороны, в целях реализации права детей на жизнь, выживание и развитие необходимо ограничивать свободный оборот некоторых материалов в сети Интернет и, следовательно, свободу слова совершеннолетних лиц. С другой стороны, необходимо также принимать во внимание принцип недискриминации и учитывать принцип наилучших интересов ребёнка и избегать несоразмерных ограничений.

Таким образом, проблемными аспектами и особенностями ограничения права детей на свободу слова являются: 1) допущение ограничения доступа детей к материалам определённого характера; 2) фильтрация материалов должна иметь эффективный характер и должна приводить к чрезмерным ограничениям права детей на информацию; 3) при ограничении права на свободу слова

ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC/C/GC/25&Lang=en (дата обращения: 12.05.2024).

¹ См., например: Childhood, freedom of expression and the media in the Americas. Office of the Special Rapporteur for Freedom of Expression of the Inter-American Commission on Human Rights / Lanza.E. Washington. D.C.: OAS, 2019. Para. 104; Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression. The right of the child to freedom of expression. Para. 48. URL.: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/512/72/pdf/n1451272.pdf?token=AIEGwxDyZMI8w-B7Fdn&fe=true> (дата обращения: 12.05.2024); Committee on the Rights of the Child. General comment No. 25 on children's rights in relation to the digital environment. Para. 54. URL.: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC/C/GC/25&Lang=en (дата обращения: 12.05.2024).

должны быть установлены необходимые гарантии и обеспечена защита от произвола со стороны соответствующих государственных органов, школьной администрации, родителей и иных лиц.

Лица с ограниченными возможностями как субъекты права на информацию

Несколько иную ситуацию можно наблюдать в рамках реализации права на свободу слова ЛОВ. Формально лица с ограниченными возможностями в полной мере пользуются своими субъективными правами, включая право на свободу информации. В то же время они могут сталкиваться с барьерами, препятствующими полноценно реализовать такие права и свободы, в частности, ограничения доступа к необходимым услугам, транспортным и информационным системам, малодоступность средств коммуникации и т.д. [1]. В связи с этим, как отмечает Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, обязательства по обеспечению прав инвалидов требует реализации не только негативных, но и позитивных обязательств². В частности, возникают обязательства: 1) по обеспечению лиц с ограниченными возможностями без дополнительной платы информацией, предназначенной для широкой публики, в доступных форматах и с использованием технологий, учитывающих разные формы инвалидности; 2) по содействию со стороны государств использованию в официальных отношениях подходящих для лиц с ограниченными возможностями средств коммуникации и восприятия информации (азбука Брайля, жестовые языки и т.д.); 3) по принятию мер, направленных на поощрение использования частными компаниями, оказывающими услуги широкому кругу лиц, информации и услуг в доступных и пригодных для лиц с ограниченными возможностями форматах; 4) по воздействию на СМИ с целью предоставления последними услуг в подходящих для инвалидов форматах³.

Как можно заметить, в отношении данной категории доминирует патерналистско-обеспечительный элемент, в то время как патерналистско-ограничительный элемент не проявляется

Указанные конвенционные обязательства распространяются на государства, однако опосредованно соответствующие положения обязывают и частный сектор предпринимать меры по их реализации⁴. В то же время отметим, что данные обязательства государств не носят абсолютный харак-

² См.: The Committee on Economic, Social and Cultural Rights General Comment No. 5: Persons with Disabilities. Para. 9. URL.: <https://www.refworld.org/legal/general/cescr/1994/en/20796> (дата обращения: 11.05.24).

³ См.: Конвенция о правах инвалидов 2006 г. (ст. 21). URL.: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 09.05.24). Схожие обязательства возникают и в рамках, например, Межамериканской системы защиты прав и свобод человека. См.: Inter-American Convention on the elimination of all forms of discrimination against persons with disabilities, 1999 (art. 3). URL.: <https://www.oas.org/en/iachr/mantate/Basics/disability.asp> (дата обращения: 11.05.24).

⁴ См.: The Committee on Economic, Social and Cultural Rights General Comment No. 5: Persons with Disabilities. Para. 11. URL.:

тер, например, правительства не обязаны автоматически переводить все документы в формат, доступный для лиц с ограниченными возможностями, однако доступ к содержанию документов должен обеспечиваться по запросу таких лиц [9, Р. 393].

Как отмечает Комитет ООН по правам инвалидов, хотя некоторые государства по большей части смогли обеспечить доступ инвалидов к праву на информацию¹, другие правительства не смогли полностью преодолеть возникающие в данном контексте сложности². В частности, отмечается наличие проблем, связанных с интеграцией жестовых языков в сферу медиа и в сферу государственного оказания услуг³.

Таким образом, при реализации права на свободу информации лиц с ограниченными возможностями, как и при реализации данного права детьми, возникают позитивные обязательства государств. При этом если в отношении реализации права на свободу слова детей имеют место как патерналистско-обеспечительный элемент, так и патерналистско-запретительный, то при реализации права на свободу слова ЛОВ явно доминирует патерналистско-обеспечительный элемент, что вытекает из существующих позитивных обязательств государств. При этом отметим, что основной акцент делается на обеспечение доступа к информации.

Заключение

Отличительной особенностью реализации свободы информации социально-уязвимыми группами

<https://www.refworld.org/legal/general/cescr/1994/en/20796> (дата обращения: 11.05.24).

¹ См.: Committee On The Rights of Persons with Disabilities. Concluding observations on the initial periodic report of Hungary. 22 Oct 2012. Paras. 7–8. URL.: <https://digitallibrary.un.org/record/736932?v=pdf> (дата обращения: 12.05.24); Committee on the rights of persons with disabilities. Concluding observations on the initial report of Austria. 30 Sep 2013. Para. 5. URL.: <https://digitallibrary.un.org/record/767045?v=pdf> (дата обращения: 12.05.24).

² См, например: Committee On The Rights of Persons with Disabilities. Concluding observations on the initial periodic report of Argentina. 7 December 2023. Para. 41. URL.: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRPD%2FC%2FARG%2FCO%2F2-3&Lang=en (дата обращения: 12.05.24); Committee On The Rights of Persons with Disabilities. Concluding observations on the initial periodic report of Peru. 29 November 2023. Para.42. URL.: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRPD%2FC%2FPER%2FCO%2F2-3&Lang=en (дата обращения: 12.05.24).

³ См, например: Committee On The Rights of Persons with Disabilities. Concluding observations on the initial periodic report of Greece. 29 October 2019. Para. 32. URL.: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRPD%2FC%2FGRC%2FCO%2F1&Lang=en (дата обращения: 12.05.24); Committee On The Rights of Persons with Disabilities. Concluding observations on the initial periodic report of India. 29 October 2019. Para. 44. URL.: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRPD%2FC%2FIND%2FCO%2F1&Lang=en (дата обращения: 12.05.24); Committee On The Rights of Persons with Disabilities. Concluding observations on the initial periodic report of Canada. Para. 39. URL.: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRPD%2FC%2FCAN%2FCO%2F1&Lang=en (дата обращения: 12.05.24).

является усиление позитивных обязательств государств, имеющих патерналистско-обеспечительную и патерналистско-ограничительную формы. При этом проявление указанных элементов носит различный характер: если в контексте реализации права на свободу слова детей доминирует патерналистско-ограничительный нарратив, то в рамках обеспечения права на свободу информации ЛОВ прослеживается доминирование патерналистско-обеспечительных мер.

Из указанных различий вытекает и проблематика реализации права на свободу информации. Если в контексте обеспечения права на свободу слова детей основным проблемным аспектом является соразмерность и разумность ограничительных мер, то в рамках обеспечения аналогичного права ЛОВ проблематика концентрируется вокруг обеспечения доступа к информации как элемента права на свободу слова.

Литература

1. Абашидзе А.Х., Маличенко. В.С. Международно-правовые основы защиты прав инвалидов // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2014. № 1. С. 32–36.
2. Буданов С.А., Гаврилов С.Т., Махина С.Н. К вопросу о понятии вредной для несовершеннолетних информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 1. С. 92–94.
3. Букалерева Л.А., Остроушко А.В. Защита прав детей в информационной сфере требует внимания // Вестник Московского университета им.С.Ю.Витте.Серия.2. Юридические науки. 2019. № 4 (22). С. 57–65.
4. Колобаева Н.Е. Несмеянова С.Э. Информационная безопасность несовершеннолетних и право на доступ в сеть Интернет // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 14–21.
5. Международная защита прав ребёнка. Учебное пособие / под.ред. А.Х. Абашидзе., А.А. Белоусовой – М.: Российский университет дружбы народов, 2021. 469 с
6. Ситкова О.Ю., Шварц. Л.В. Развитие и современное состояние российских исследований о реализации права ребёнка на доступ к информации и легального его ограничения в целях защиты детей от вредоносной информации, поступающей из информационно-коммуникационной среды // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 207–219
7. Kranich N. Why filters won't protect children or adults // Library Administration and Management. 2004. Vol. 18. № 4. Pp. 14–18.
8. Powell A., M. Hills., V. Nash Child protection and freedom of expression online // Oxford Internet Institute Forum Discussion Paper No. 17, 1 March 2010. URL.: <https://www.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/old-docs/FD17.pdf> (Дата обращения: 03.06.24).
9. The United Nations Convention on the Rights of Persons with disabilities: a commentary / ed.by. Finna D.V., Cera R., Palmisano G. – Cham.: Springer. A.G., 2017. 769. P

IMPLEMENTATION OF FREEDOM OF ACCESS TO INFORMATION FOR SOCIALLY VULNERABLE GROUPS IN INTERNATIONAL LAW: THE EXAMPLE OF CHILDREN AND DISABLED PEOPLE

Atmurzaev I.Z.

Saratov State Law Academy

The article considers and analyzes the peculiarities of realization of the right to freedom of speech by socially unprotected categories of beneficiaries (on the example of children and persons with disabilities). The paper analyzes the practice of the Inter-American Court of Human Rights and the European Court of Human Rights, documents of the Special Rapporteur on Freedom of Expression of the Inter-American Commission on Human Rights, the UN Committee on the Rights of Persons with Disabilities, the UN Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression, as well as domestic and foreign doctrine. The work reveals the following features of the realization of the right to freedom of speech: first, the strengthening of the importance of positive obligations of states; second, the tendency to strengthen the restrictive approach to the regulation of freedom of speech in the context of protecting the interests of children; third, the tendency to expand the positive obligations of states in the context of creating the most effective inclusive environment for persons with disabilities in the field of freedom of speech.

Keywords: international law, international human rights law, human rights, right to freedom of information, rights of socially vulnerable persons, rights of children, rights of persons with disabilities.

References

1. Abashidze A.H., Malichenko V.S. International Legal Framework of Disabled Persons Rights Protection // Medical and social expertise and rehabilitation. 2014. № 1. Pp. 32–36.
2. Budanov S.A., Gavrilov S.T., Makhina S.N. On the Concept of Information Harmful to Minors // Bulletin of Bulletin of the Voronezh Institute of the MVD of Russia. . 2007. № 1. . Pp.92–94
3. Bukalerova L.A., Ostroushko A.V. Protection of children's rights in the information sphere requires attention // Bulletin of The Moscow University named after S.Y. Witte. Series.2. Legal Sciences 2019. № 4 (22). Pp. 57–65.
4. Kolobaeva N., Nesmeyanova S. Information security of minors and the right to access the Internet // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2020. № 6. Pp. 14–21
5. International Protection Of The Rights Of The Child / ed. by A. Kh. Abashidze., A.A. Belousova. Moscow: RUDN University, 2021. 469.p
6. Sitkova O. Yu., Shvarts L.V. Development and Current Status of Russian Scientific Research On The Implementation of Child's Rights to Access To Information And It's Legal Restrictions In Oder To Protect Children From Harmful Information Coming From The Information And Communication Environment // Saratov State Law Academy Bulletin. 2020. № 4 (135). Pp. 207–219.
7. Kranich N. Why filters won't protect children or adults // Library Administration and Management. 2004. Vol. 18. № 4. Pp. 14–18.
8. Powell A., Hills M., Nash V. Child protection and freedom of expression online // Oxford Internet Institute Forum Discussion Paper. 2010. No. 17. Pp. 2–17.
9. The United Nations Convention on the Rights of Persons with disabilities: a commentary / ed.by. Finna D.V., Cera R., Palmisano G. – Cham.: Springer. A.G., 2017. 769. P

Генезис международного сотрудничества в сфере обеспечения продовольственной безопасности

Горбунов Никита Сергеевич,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации

E-mail: ns.gorbunov@inbox.ru

В статье проанализированы исторические этапы становления института сотрудничества в сфере обеспечения продовольственной безопасности, в рамках которой автор приводит свою собственную этапизацию (разделение) на периоды. Описана эволюция международно-правовых актов и международных организаций, а также причина их создания, преимущества и недостатки их деятельности и содержания. Помимо этого автор, приводит актуальные проблемы стоящие перед институтом сотрудничества в сфере обеспечения продовольственной безопасности на современном этапе.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, международное сотрудничество, ФАО, борьба с голодом, продовольственный кризис, этапизация.

В последние годы международное сотрудничество в сфере продовольственной безопасности претерпевает существенные изменения под влиянием трёх основных факторов: трансформации современной системы международных отношений, прежде всего, на фоне децентрализации существующего миропорядка, в том числе, в контексте геополитического противостояния Россия-коллективный Запад, ожидаемым следствием которого стало снижение эффективности ранее сложившихся межгосударственных форм и направлений сотрудничества; появления новых международно-правовых и институциональных механизмов взаимодействия государств, а также частичное изменения географии сотрудничества, например, расширение взаимодействия со странами Африки; повышение значения продовольственной безопасности в обеспечении безопасности государств и всего международного сообщества и, параллельно, появление новых вызовов и угроз продовольственной безопасности. Как отмечал А.Д. Насиров, обеспечение продовольственной безопасности становится все более важным элементом глобальной политики, особенно в условиях роста населения и изменения климата [1, с. 421–438]. В настоящее время эффективное обеспечение международной продовольственной безопасности требует поиска новых решений. Эти решения, безусловно, должны учитывать, в том числе, уже имеющийся опыт международного сотрудничества, который стал результатом длительного процесса взаимодействия государств, начиная с создания Международного института сельского хозяйства.

Международное сотрудничество в сфере продовольственной безопасности прошло в своем развитии несколько основных этапов:

Первый этап связан с созданием институционализацией международного сотрудничества в сфере продовольственной и сельскохозяйственной деятельности. Идея учреждения международной организации, занимающейся развитием сельского хозяйства, была выдвинута Дэвидом Любином (1849–1919 гг.) в начале XX века. Любин полагал, что фермеры, сталкивающиеся с неустойчивыми ценами, низким общественным престижем работы в сельском хозяйстве и слабой рыночной позицией, смогут успешно защищать свои интересы только через международную организацию. Благодаря поддержке короля Италии Виктора Эммануила II, в 1905 году итальянское правительство организовало первую конференцию Международного института сельского хозяйства (МИСХ) [2, с. 120], который выбрал для своей штаб-квартиры

Рим. Главным документом в этой связи является Устав организации, закрепляющий особенности продовольственной безопасности того времени [3, с. 45]. Основной задачей МИСХ было содействие фермерам в обмене знаниями и опытом, создание системы сельских кредитных союзов и контроль над торговлей сельскохозяйственной продукцией. Таким образом, МИСХ стал первой международной организацией, которая объединила усилия различных государств для улучшения сельского хозяйства, что создало прецедент для создания последующих организаций. Помимо прочего, МИСХ помогал фермерам из разных стран обмениваться практическими знаниями и передовыми методами ведения сельского хозяйства, что улучшило уровень сельскохозяйственного производства и укрепило международные связи в аграрной сфере.

Массовый голод и неурожай после окончания Второй мировой войны поставили под угрозу глобальную продовольственную безопасность. Стало очевидно, что усилий МИСХ для эффективного межгосударственного сотрудничества недостаточно, поэтому в 1943 году на Международной конференции по вопросам продовольствия и сельского хозяйства в Хот-Спрингс, США государства приняли решение о создании международной универсальной организации, полномочия которой включали не только контроль над развитием сельского хозяйства, но и содействие в обеспечении продовольствием населения.

16 октября 1945 года на первой Конференции ФАО в Квебеке, Канада, представители 34 государств подписали Устав – учредительный акт о создании в системе ООН новой постоянно действующей международной организации в области продовольствия и сельского хозяйства [4]. Согласно Уставу, ФАО наделялась широкими полномочиями в области распространения знаний о сельском хозяйстве и улучшении питания.

В 1945 году МИСХ передал свои полномочия по международной координации усилий в области сельского хозяйства ФАО. Именно ФАО ввела в международный оборот понятие «продовольственная безопасность».

Второй этап развития международного сотрудничества в сфере продовольственной безопасности связан с формированием концепции продовольственной безопасности. Изначально продовольственная безопасность рассматривалась скорее как часть более общих программ по борьбе с голодом, бедностью и улучшением качества жизни. В первые годы своего существования ФАО, а также другие международные организации занимались разработкой программ, направленных на повышение сельскохозяйственного производства и обеспечение доступа к продовольствию нуждающихся регионов. Борьба с голодом и недоеданием была основополагающим направлением их деятельности, и продовольственная безопасность рассматривалась преимущественно через призму повышения доступности и качества продовольствия.

Постепенно, с увеличением числа мировых кризисов, связанных с нехваткой продовольствия, вопрос обеспечения продовольственной безопасности выделился в самостоятельное направление межгосударственного сотрудничества, дав толчок к разработке концепции, согласно которой понятие «продовольственная безопасность» охватывает не только количество продовольствия, но и его доступность, качество, устойчивость производства и способность государств справляться с непредвиденными сложностями. Впервые на международном уровне указанная концепция была формализована на Всемирной продовольственной конференции ФАО 1974 года, участники которой одобрили Всеобщую декларацию о ликвидации голода и недоедания [5, с. 53]. Тогда же термин «продовольственная безопасность» был впервые использован в международных правовых актах, а именно в документе под названием «Международное обязательство по обеспечению всемирной продовольственной безопасности» (International Undertaking on World Food Security): «Конференция признает необходимость обеспечения всемирной продовольственной безопасности путем принятия политических и практических мер как на национальном, так и на международном уровнях, направленных на устранение голода и недоедания и обеспечение того, чтобы все народы во все времена имели доступ к достаточному количеству продовольствия» [6]. Таким образом, на втором этапе международного регулирования в области продовольственной безопасности произошел переход от фокусировки на краткосрочных мерах по борьбе с голодом к более долгосрочным и структурированным подходам, обеспечивающим устойчивое развитие и продовольственную стабильность в глобальном масштабе.

Переход на следующий уровень сотрудничества в сфере продовольственной безопасности связан с проблемой «изобилие на фоне нужды». Невзирая на то, что риски голода, а также массового нашествия вредителей на урожай сохраняли свою актуальность, в развитых странах образовались накопленные излишки продовольствия. Решение нашлось в направлении избыточной продукции в нуждающиеся страны. После создания ФАО, в 1961 году была создана Всемирная продовольственная программа ООН (ВПП), утвержденная Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН о создании ВПП [7], для предоставления продовольственной помощи через систему ООН. Впервые такая помощь была предоставлена в 1963 году нубийцам в Судане.

ВПП действует и по сей день, являясь ведущей гуманитарной организацией по борьбе с голодом. Основные направления деятельности ВПП охватывают улучшение питания матерей и детей, обеспечение школьного питания, а также предоставление продовольственной помощи в чрезвычайных ситуациях. Организация помогает жертвам военных и гражданских конфликтов, землетрясений, урага-

нов, засух, наводнений и неурожаев, особенно тем, кто проживает в труднодоступных районах.

Проблемы с продовольствием требовали существенного увеличения инвестиций, формируется новое направление международного сотрудничества – предоставление грантов, а также субсидий для собственного автономного развития развивающихся стран с низким уровнем жизни. С 1977 года сотрудничество стран в сфере продовольственной безопасности во имя борьбы с голодом и бедностью в сельских районах развивающихся стран начинает осуществляться в рамках Международного фонда сельскохозяйственного развития (МФСР) [8]. МФСР, учрежденный Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 32/107, занимается мобилизацией ресурсов и предоставляет прямое финансирование в виде займов и грантов. В сотрудничестве со Всемирным банком, региональными банками развития и другими финансовыми учреждениями МФСР привлекает дополнительные ресурсы для реализации своих проектов и программ. Основная задача МФСР – ликвидация бедности в сельской местности развивающихся стран. Так, Фонд поддерживает инициативы, которые помогают бедным сельским жителям получить доступ к рынкам и услугам, способствуя экономической и социальной трансформации сельских сообществ [9].

С момента своего создания МФСР привлек около 28 миллиардов долларов США в виде софинансирования и внутренних ресурсов для развития сельских районов, а также предоставил дополнительно 20,9 миллиарда долларов США в виде займов и грантов. Организация поддержала более 1000 программ и проектов в партнерстве со 125 правительствами стран-получателей. Среди финансируемых проектов – ирригация и управление водными ресурсами, комплексное развитие сельских районов, кредиты мелким фермерам и их обучение [10]. Среди прочего, параллельно наблюдается развитие технологической оснащенности и с 1996 года ФАО начала вести ежегодный мониторинг, который обеспечивает актуальный анализ продовольственной безопасности во всем мире [11]. Таким образом, на этом этапе международного регулирования происходит переход от экстренной помощи к более системным мерам поддержки, включая финансовую помощь, технологии и инициативы, направленные на развитие сельских районов и борьбу с бедностью в долгосрочной перспективе.

Следующий этап сотрудничества берет свое начало в 2000-ые годы и связан с тяжелыми последствиями особенно для развивающихся стран мирового продовольственного кризиса. Мировой экономический кризис серьезно повлиял на международное сотрудничество в сфере продовольственной безопасности. В результате кризиса количество голодающих в мире значительно возросло, что привело к усилению давления на международные организации и развитые страны с целью оказания помощи. В 2008 году наблюдался значительный рост мировых цен на продукты питания,

что усугубило проблему продовольственной безопасности. Одной из причин стало непродовольственное использование сельскохозяйственных ресурсов, например, для производства биотоплива. Увеличение спекулятивных сделок на рынках продовольственного сырья также способствовало росту цен. Спекулянты переориентировали свои портфели на покупку активов в этом секторе, что привело к нестабильности и увеличению цен. Кроме того, по данным ФАО, численность людей, страдающих от недоедания, превысила 1 миллиард человек в 2009 году [12, с. 149].

Эти события послужили катализатором для скоординированных и активных действий государств в сфере обеспечения продовольственной безопасности, в частности, создания Целевой группы высокого уровня по глобальному кризису в области продовольственной безопасности, учрежденной согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/63/235 [13]. Новелла учредительного акта обусловлена тем, что целевая группа высокого уровня не просто координирует усилия стран, но объединяет различные сектора – государственный, частный, гуманитарный и финансовый – для комплексного подхода к решению проблем продовольственной безопасности. Новшество заключалось в том, что раньше продовольственные вопросы рассматривались в более узком контексте, тогда как новая группа поднимала вопросы и экономической, и гуманитарной, и социальной стабильности.

Именно в этот период начинается переход к агроглобализации или, иными словами, к увеличению взаимодополняемости стран и их аграрных экономик. Важно также отметить рост усилий по международному общественному разделению труда, ввиду чего начали образовываться факторы сравнительного преимущества, обусловленные интенсификацией мировой торговли продовольствием. Благодаря выбранному курсу на глобализацию выросли продовольственные силы во всем мире в целом, особенно в сельском хозяйстве. Среди прочего, была сделана ставка на усиление внедрения научно-технических достижений в аграрную сферу, в частности, речь идет о биотехнологиях, в том числе производстве ГМО продуктов.

Европейский Союз принимает курс на расширение площадей земли под сельское хозяйство вместо стимулирования вывода земель из сельскохозяйственного оборота, как это активно практиковалось до кризиса.

Кроме того, возрос спрос на покупку, а также долгосрочную аренду земель, предназначенных для сельского хозяйства, государствами-импортерами продовольствия у стран, которые не имеют финансовых возможностей интенсивно осваивать такие территории в обмен на средства, покрывающие кредиты бедных стран. Более того, со стороны МФСР было выделено порядка 200 млн долл. с целью содействия быстрому росту сельскохозяйственного производства в развивающихся го-

сударствах дабы снизить высокие цены на продовольствие.

В 2011 году была создана открытая база данных (ФАОСТАТ), позволяющая систематизировано отслеживать информацию, полученную в ходе мониторинга продовольственной безопасности во всем мире.

Таким образом, справиться с мировым кризисом в моменте стало возможным только благодаря объединению усилий многих стран и верно выбранной стратегии консолидации сил в борьбе с кризисом. Тем не менее, познать всю палитру последствий глобализации и скупки земель развитыми странами у развивающихся, что в свою очередь грозит усугублением голода для беднейших государств, вроде Африки или Таиланда, еще предстоит в недалеком будущем. К тому же, стоит помнить, что мировое сообщество на регулярной основе нуждается в увеличивающемся количестве сырья для производства, чтобы не допустить хронический дефицит продовольствия. На основе вышеизложенного видится целесообразным переход от оказания продовольственной поддержки к управлению отдельными рисками путем усиления уровня государственной ответственности.

Достигло ли целей международное сотрудничество в связи с вышеуказанными проблемами обеспечения продовольственной безопасности? Представляется, что ответ на этот вопрос двоякий. Так, с одной стороны, активизация международных усилий и создание новых институтов действительно привели к частичному снижению последствий мирового продовольственного кризиса, а также заложили основы для более устойчивого глобального аграрного сектора. Внедрение новых технологий и расширение международного сотрудничества позволили повысить производительность сельского хозяйства и улучшить доступ к продовольствию в ряде регионов. С другой стороны, возникли новые вызовы, такие как усиление зависимости развивающихся стран от импорта продовольствия и земельных ресурсов, что в перспективе может усугубить неравенство и уязвимость этих государств перед внешними экономическими шоками. Кроме того, агроглобализация и рост спекуляций на продовольственных рынках усилили волатильность цен, что создает дополнительные риски для продовольственной безопасности в долгосрочной перспективе.

Следующий (современный) этап связан с пандемией COVID-19. Вызванная пандемией экономическая нестабильность оказала значительное влияние на экономики многих стран, в том числе российскую. Пандемия привела к росту спроса на продукты длительного хранения, такие как консервы и различные виды круп, в результате чего многие поставки сырья были отменены, что вызвало рост цен на продовольствие [14]. Меры по сдерживанию распространения вируса, такие как закрытие границ и ограничение передвижения, привели к значительным сбоям в международных цепочках поставок продовольствия, что вызвало задержки

и дефицит продовольствия в различных регионах мира, это особенно негативно отразилось на развивающихся восточных странах, например, Индии. Сбои в производстве и логистике способствовали росту цен на основные продукты питания. Повышение стоимости транспортировки и дефицит рабочей силы усугубили ситуацию, особенно в развивающихся странах, зависимых от импорта продовольствия. Помимо прочего, экономические последствия пандемии, такие как рост безработицы и снижение доходов, привели к увеличению числа людей, страдающих от голода и недоедания.

Вследствие перечисленных сложностей от международных организаций потребовалось принятие ответных мер по снижению уровня вредоносных последствий пандемии на продовольственную безопасность. Кроме того, в условиях пандемии увеличилось использование цифровых технологий. Онлайн-платформы и мобильные приложения стали важными инструментами для координации поставок продовольствия и помощи фермерам. В ответ на пандемию многие регионы и страны разработали собственные инициативы и программы для поддержки продовольственной безопасности. Например, в Африке была запущена инициатива по улучшению доступа к продовольствию и поддержке местного сельского хозяйства [15]. В условиях кризиса особое внимание было уделено поддержке мелких фермеров, которые являются основными производителями продовольствия в развивающихся странах. Международные организации и правительства разработали программы по предоставлению семян, удобрений и финансовой помощи фермерам. В том числе речь идет и о «Стратегической рамочной программе на 2022–2030 годы» [16]. Таким образом, происходит укрепление международного сотрудничества и координация действий, фокус направляется на устойчивое развитие и продовольственную автономию, а также увеличиваются инвестиции в продовольственные системы и устойчивость.

Также современным (седьмым) этапом представляется возможным считать глобальный продовольственный кризис, усугубившийся специальной военной операцией на Украине, которая привела к введению антироссийских санкций, в результате чего возник дефицит продовольствия во многих странах. В частности, санкции, ограничившие импорт морепродуктов, удобрений, а также зерна, существенно повлияли на общую продовольственную безопасность [17, с. 90]. Кроме того, введенная блокировка международных транспортных путей, арест крупнотоннажных судов, проблемы со страхованием морских перевозок и исключение ряда российских банков из системы SWIFT разрушили существующие на тот момент логистические и финансовые цепочки в мировой торговле продовольствием.

Вместе с тем рост цен на энергоресурсы и топливо, вызванный санкциями, также оказал значительное давление на продовольственную безопасность. Ввиду трудностей с приобретением необхо-

димых энергоресурсов фермеры были вынуждены сокращать площади посевов, что привело к уменьшению объемов агропродукции на фоне растущего спроса. Данную ситуацию усугубляют и другие факторы, такие как нехватка продовольственных запасов, неблагоприятные погодные условия и недостаток инвестиций в агропромышленный сектор. Главные источники продовольствия охватывают сельское, лесное, рыбное хозяйство и пищевую промышленность. Больше всего это затронуло страны Восточной Африки, где цены на продукты питания часто колеблются, иногда увеличиваясь на 30% за период с 2022 по 2024. В то же время в Западной Африке колебания цен могут достигать 67%.

Основополагающими международными актами в этой связи стали Резолюции ООН о глобальной продовольственной безопасности 2022–2023 годов [18], направленные на поддержку глобальной продовольственной безопасности, особенно для стран Африки, Азии и Ближнего Востока. Указанные резолюции включали призывы к усилению гуманитарной помощи, улучшению доступа к продовольствию и смягчению последствий санкций для стран с наибольшей уязвимостью.

Ряд стран, которые первоначально ввели санкции против поставок российских удобрений, кормов для животных, некоторых видов углеводородов, древесины, цемента, угля, а также любых форм финансового содействия этим поставкам, включая страхование, уже вскоре осознали урон для Европейского Союза от принятых решений [19]. Так, в сентябре 2022 года данные санкции были сняты и, кроме того, зафиксирована покупка перечисленного продовольствия через третьи государства. Представляется, что европейские страны не были готовы к восполнению санкционного сырья и дабы не допустить продовольственный кризис сначала европейского, а потом и мирового масштаба, отменили обозначенные меры.

Принятие нового пакета санкционных мер ухудшило экономическое положение многих стран и привело к необходимости принятия отдельного обязательства на 12-й министерской конференции Всемирной торговой организации в июне 2022 года о выводе закупок продовольствия в гуманитарных целях, осуществляемых ВПП, из-под таких ограничений [20].

Таким образом, ситуация на востоке Украины ясно продемонстрировала, что введение санкций против крупного экспортера природных ресурсов и продуктов питания может усугубить экономические проблемы даже в странах, инициировавших эти санкции. Все перечисленные выше проблемы могут привести к сокращению финансирования, выделяемого странами на помощь развивающимся регионам, как на обеспечение продовольственной безопасности, так и на другие проекты, способствующие борьбе с голодом. Например, удалось собрать лишь 46% необходимых средств – 23,8 миллиарда из 51,7 миллиарда долларов [21]. Существенный дефицит финансирования наблю-

дается и в странах, особенно страдающих от голода и находящихся под санкциями, а также в регионах с вооруженными конфликтами и насилием различной интенсивности. Так, для Афганистана и Йемена удалось собрать чуть более половины требуемой суммы, а для Сирии – лишь около 40%. Перспективы исправления обозначенной ситуации в ближайшем будущем также остаются маловероятными.

С учетом всех изложенных факторов можно сделать вывод, что международное сотрудничество по обеспечению продовольственной безопасности в последние годы сталкивается с серьезными проблемами и не всегда достигает своих целей. Несмотря на значительные усилия, предпринимаемые на глобальном уровне, введение санкций и нарушенные логистические цепочки привели к усилению продовольственного кризиса в наиболее уязвимых регионах, таких как Африка и Ближний Восток. Введение санкций против ключевых экспортеров продовольствия и ресурсов продемонстрировало, что такие меры могут негативно отразиться не только на целевых странах, но и на инициаторах санкций, вызывая дестабилизацию мировой продовольственной системы.

Выделенные этапы развития международного сотрудничества в области продовольственной безопасности, являются прямым следствием возникающих угроз и ответа на них со стороны международного сообщества, начиная с последствий Второй мировой войны и заканчивая недавним продовольственным кризисом в связи с усложнившейся ситуацией на востоке Украины.

Каждому выделенному этапу соответствует новая тенденция, развитие которой и знаменует переход на каждый новый уровень развития международного сотрудничества в сфере продовольственной безопасности: 1) формирование системы специальных международных институтов, усложнение их внутренней структуры и диверсификация деятельности 2) расширение и трансформация глобальных задач мирового сообщества в сфере продовольственной безопасности, 3) внедрение и развитие технологических подходов, 4) фокус на устойчивое развитие уязвимых групп, 5) ориентация на стандартизацию и унификацию норм, регламентирующих отношения в сфере продовольствия.

На современном этапе серьезной проблемой является уменьшение объемов помощи нуждающимся в рамках действующих программ. Представляется, что решение этой проблемы связано не только с отсутствием политической воли ключевых акторов международных отношений, но и с несовершенством международно-правового регулирования. Международные правовые акты могут сыграть важную роль в укреплении многостороннего сотрудничества, в частности через заключение соглашений о поставках продовольствия, разработку стандартов продовольственного качества, защиту прав на доступ к продовольствию и водным ресурсам. Кроме того, международные соглашения мо-

гут стать основой для комплексных систем мониторинга и оценки соблюдения государствами своих обязательств в сфере продовольственной безопасности, что позволит оперативно реагировать на возникающие вызовы и поддерживать устойчивость мировых продовольственных систем.

Литература

1. Насиров, А.Д. Продовольственная безопасность в региональном измерении / А.Д. Насиров, Н.С. Юсупов // Экономика Центральной Азии. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 421–438.
2. Хобсон А. Международный институт сельского хозяйства. – Беркли: Издательство Калифорнийского университета, 1931. – С. 120.
3. Международный институт сельского хозяйства. Устав Международного института сельского хозяйства. – Рим: МИСХ, 1905. – 45 с.
4. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО). Устав [Электронный ресурс]: принят в г. Квебеке 16.10.1945 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901967876> (дата обращения: 12.09.2024).
5. Быстров Г.Е. Мировой и российский опыт правового регулирования продовольственной безопасности в условиях глобализации и присоединения России к ВТО // Аграрное и земельное право. – 2013. – № 4 (100). – С. 53.
6. Международное обязательство по обеспечению всемирной продовольственной безопасности // Отчет Всемирной продовольственной конференции, Рим, 5–16 ноября 1974 года. Организация Объединенных Наций, 1975. Документ ООН E/CONF.65/20.
7. Организация Объединённых Наций. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1714 (XVI) о создании Всемирной продовольственной программы [Электронный ресурс]. – Нью-Йорк: ООН, 1961. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/ga-resolutions/> (дата обращения: 12.09.2024).
8. Соглашение о создании Международного фонда сельскохозяйственного развития (ИФАД) от 13 июня 1976 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203005510&page=1&rdk=0&link_id=68#I0 (дата обращения: 12.09.2024).
9. Продовольственная безопасность и контроль качества продовольствия: Учеб. материалы / В.В. Карпузов [и др.]. М., 2012 – С. 200. // URL: https://sarud.uni-hohen-heim.de/fileadmin/einrichtungen/sarud/downloads/RUDECO_Modules/M11_RU_Goryachkin.pdf (дата обращения: 06.08.2024)
10. Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР). Годовой отчет 2023 года. Рим: МФСР, 2023 // URL: <https://www.ifad.org/en/annual-report-2023/> (дата обращения: 29.09.2024).
11. Global Strategic Framework for Food Security and Nutrition (GSF). Комитет по всемирной продовольственной безопасности, 2017. URL: <https://www.fao.org/cfs/policy-products/gsf/en/> (дата обращения: 30.09.2024).
12. Яркова Т.М. Продовольственная безопасность: российский опыт и зарубежная практика: монография / Т.М. Яркова; Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова». – Пермь: ИПЦ «Прокрость», 2019. – С. 149.
13. Организация Объединенных Наций. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о создании Целевой группы высокого уровня по глобальному кризису в области продовольственной безопасности [Электронный ресурс]. – Нью-Йорк: ООН, 2008. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/ga-resolutions/> (дата обращения: 29.09.2024).
14. Фадеев А. Мировой финансово-экономический кризис и его влияние на экономику России // URL: <http://www.imperiya.ru/economics.html> (дата обращения: 30.07.2024).
15. African Union, FAO, World Bank. The African Food Security Leadership Dialogue (AFSLD): Response to COVID-19. 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/events/2019/11/06/africa-food-security-leadership-dialogue> (дата обращения: 30.09.2024).
16. Стратегическая рамочная программа на 2022–2030 годы // URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/8ef8fd4-82d6-45da-a686-c9fd1c42f37c/content> (дата обращения: 06.08.2024)
17. Стуканова И.П. Продовольственная безопасность // Стандарты и качество. 2017. № 7. С. 90.
18. Организация Объединенных Наций. Резолюции о глобальной продовольственной безопасности, принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 2022–2023 гг. [Электронный ресурс]. – Нью-Йорк: ООН, 2022–2023. URL: <https://www.un.org/ru/documents/ga-resolutions/> (дата обращения: 30.09.2024).
19. Import, Purchase and Transfer of Listed Good. Related Articles: Article 3g, Article 3i, Article 3j Of Council Regulation 833/2014. Frequently Asked Questions – as of 7 October 2022. European Council Doc. // URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2022-10/faqs-sanctions-russia-listed-goods_en.pdf (дата обращения 06.08.2024).
20. Office of Financial Sanctions Implementation. Her Majesty's Treasury. General Licence – INT/2022/2349952. // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1115732/Publication_Notice_INT.2022.2349952.pdf. (дата обращения 06.08.2024).

21. Продовольственный кризис и санкции // Международный дискуссионный клуб «Валдай»: анонсы. 09.06.2022. // URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/prodovolstvennyy-krizis-i-sanktsii> (дата обращения: 06.08.2024).

THE GENESIS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF FOOD SECURITY

Gorbunov N.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In this article, the historical stages of the formation of the institute of cooperation in the field of food security are analyzed, within the framework of which the author gives his own stage (division) into periods. The evolution of international legal acts and international organizations is described, as well as the reason for their creation, advantages and disadvantages of their activities and content. In addition, the author cites the actual problems facing the Institute of cooperation in the field of food security at the present stage.

Keywords: food security, international cooperation, FAO, fight against hunger, food crisis, phasing.

References

1. Nasirov, A.D. Food security in the regional dimension / A.D. Nasirov, N.S. Yusupov // *Economy of Central Asia*. – 2021. – Vol. 5, No. 4. – P. 421–438.
2. Hobson, A. *International Institute of Agriculture*. – Berkeley: University of California Press, 1931. – P. 120.
3. *International Institute of Agriculture. Statute of the International Institute of Agriculture*. – Rome: IASH, 1905. – 45 p.
4. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Charter [Electronic resource]: adopted in Quebec on 16.10.1945. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901967876> (date of access: 12.09.2024).
5. Bystrov G.E. Global and Russian experience of legal regulation of food security in the context of globalization and Russia's accession to the WTO // *Agrarian and land law*. – 2013. – No. 4 (100). – P. 53.
6. International obligation to ensure world food security // Report of the World Food Conference, Rome, 5–16 November 1974. United Nations, 1975. UN document E/CONF.65/20.
7. United Nations. UN General Assembly Resolution 1714 (XVI) on the establishment of the World Food Programme [Electronic resource]. – New York: UN, 1961. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/ga-resolutions/> (date of access: 12.09.2024).
8. Agreement establishing the International Fund for Agricultural Development (IFAD) of June 13, 1976 [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203005510&page=1&rdk=0&link_id=68#10 (date of access: 12.09.2024).
9. Food safety and food quality control: Textbook. materials / V.V. Karpuzov [et al.]. M., 2012 – P. 200. // URL: https://sarud.uni-hohenheim.de/fileadmin/einrichtungen/sarud/downloads/RUDECO_Modules/M11_RU_Goryachkin.pdf (date of access: 06.08.2024).
10. International Fund for Agricultural Development (IFAD). Annual Report 2023. Rome: IFAD, 2023 // URL: <https://www.ifad.org/en/annual-report-2023/> (date of access: 29.09.2024).
11. Global Strategic Framework for Food Security and Nutrition (GSF). Committee on World Food Security, 2017. URL: <https://www.fao.org/cfs/policy-products/gsf/en/> (date of access: 30.09.2024).
12. Yarkova T.M. Food security: Russian experience and foreign practice: monograph / T.M. Yarkova; Ministry of Agriculture of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Perm State Agrarian-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov". – Perm: IPC "Prokrost", 2019. – P. 149.
13. United Nations. UN General Assembly resolution on the establishment of a High-Level Task Force on the Global Food Security Crisis [Electronic resource]. – New York: UN, 2008. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/ga-resolutions/> (date of access: 09/29/2024).
14. Fadeev A. The global financial and economic crisis and its impact on the Russian economy // URL: <http://www.imperiya.ru/economics.html> (accessed: 30.07.2024).
15. African Union, FAO, World Bank. The African Food Security Leadership Dialogue (AFSLD): Response to COVID-19. 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/events/2019/11/06/africa-food-security-leadership-dialogue> (accessed: 30.09.2024).
16. Strategic Framework for Food Security 2022–2030 // URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/8ef8fd4-82d6-45da-a686-c9fd1c42f37c/content> (date of access: 06.08.2024).
17. Stukanova I.P. Food Security // *Standards and Quality*. 2017. No. 7. P. 90.
18. United Nations. Resolutions on global food security adopted by the UN General Assembly in 2022–2023. [Electronic resource]. – New York: UN, 2022–2023. URL: <https://www.un.org/ru/documents/ga-resolutions/> (date of access: 30.09.2024).
19. Import, Purchase and Transfer of Listed Goods. Related Articles: Article 3g, Article 3i, Article 3j Of Council Regulation 833/2014. Frequently Asked Questions – as of 7 October 2022. European Council Doc. // URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2022-10/faqs-sanctions-russia-listed-goods_en.pdf (accessed 08/06/2024).
20. Office of Financial Sanctions Implementation. Her Majesty's Treasury. General License – INT/2022/2349952. // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1115732/Publication_Notice_INT.2022.2349952.pdf. (Accessed on 06.08.2024).
21. Food crisis and sanctions // Valdai International Discussion Club: announcements. 09.06.2022. // URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/prodovolstvennyy-krizis-i-sanktsii> (Accessed on 06.08.2024).

Недова Наталья Сергеевна,

к.ю.н., доцент кафедры «Экономическая теория и менеджмент» РУТ (МИИТ)
E-mail: nedova-roat@bk.ru

Захарья Ильяс Тюлюгенович,

старший преподаватель кафедры криминалистической техники УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России
E-mail: ils1701@mail.ru

На сегодняшний день коррупция имеет способность адаптироваться развитию в политической, социальной и экономической областях. В связи с этим тема международного опыта противодействия коррупции является актуальной. Проводится анализ противодействия коррупции за рубежом. Здесь освещены основные пути борьбы с коррупцией, которые имеют прямую связь с целями и задачами государства, что очень важно на сегодняшний день. Оценка международного опыта в данном направлении представлена двумя подходами: институциональным и системным. В данной статье проводится анализ основных способов борьбы с коррупцией в разных странах по всему миру. В статье представлены основные рекомендации по модернизации данной деятельности. В данной статье освещен вопрос применения опыта различных стран по борьбе с коррупцией в различных направлениях стран зарубежья. Предложена классификация различных моделей деятельности, направленной против коррупции, в рамках имеющегося опыта на сегодняшний день.

Ключевые слова: коррупция, международный опыт, антикоррупционная деятельность, борьба с коррупцией, антикоррупционные меры, зарубежный опыт.

По причине широкого распространения негативного влияния коррупции, актуальной становится повсеместная борьба с ней. Это происходит потому, что коррупция может нарушить стабильное положение системы в политике.

По последним данным в данной области можно заключить, что на сегодняшний день проблема коррупции рассматривается с разных сторон, но основное внимание в литературе русских авторов уделяется изменениям коррупционной ситуации в разных странах мира.

Все страны мира делятся на два блока относительно борьбы с коррупцией: первая группа справляется со всеми проблемами, стоящими на пути борьбы с коррупцией отлично, а у второй группы на пути борьбы постоянно возникают различного рода трудности.

К странам, в которых борьба с коррупцией имеет положительную тенденцию, являются Норвегия, Австрия, Германия, Ирландия, Исландия, Израиль и др.

Принципы деятельности, в данном направлении следующие и представлены ниже:

1. Вопросы, касающиеся коррупции в данных странах, принимаются за угрозу национальной безопасности;
2. Коррупция это угроза, как для самого государства, так и за ее пределами;
3. Способы против коррупции в данных странах направлены на широкое распространение. По данным проблемам и вопросам является актуальным создание специализированных институтов.

В Нидерландах, продвинутой стране, применяют следующие меры в отношении коррупции:

1. Особый контроль тех мест в организациях государственного и общественного характера, где могут быть обнаружены коррупционные точки, а также постоянный контроль лиц, работающих в данных организациях.
2. Строгий набор и отбор персонала в тех местах, которые являются опасными с точки зрения коррупции.
3. Четко отлаженная система наказаний за осуществление коррупции в государственных и общественных местах (запрет на льготы, запрет на работу в данном месте).
4. Материальное поощрение чиновников и высокопоставленных лиц с целью стимуляции их честной работы.
5. Наличие специальной полиции, которая имеет полномочия на принятие мер при обнаружении факта совершения коррупции.

Израиль принимает меры, которые очень похожи на политику борьбы с коррупцией в Нидерлан-

дах, но как дополнительную меру Израиль использует систему «определенного дублирования мониторинга». Мониторинг проводится организациями от Правительства, ведомствами государственного контроля, имеющими самостоятельность. Организации предназначены для поиска коррупционных точек, если они обнаружены, информация передается в расследуемые органы управления. Ответственности также все известно о случившемся. В Израиле, благодаря существенным социальным привилегиям чиновников и безжалостной их ответственности за коррупцию, почти нет коррупции низовой. Количество коррупционных случаев в Израиле составляет менее пяти процентов.

В Канаде согласно Уголовному Кодексу взяточничество приравнивается к преступлениям против Конституции, а также к нарушениям закона о гос. измене. За получение и дачу взятки полагается наказание уголовного характера.

В основном во всех странах используются два направления по противодействию коррупции:

1. Вертикальная стратегия: характеризуется скорым получением эффекта.

2. Горизонтальная стратегия: направлена на осуществление политики поступательного характера. Базой выступает выработка стимулов антикоррупционного характера. Данную политику используют Сингапур, Швеция, страны Скандинавии.

Мнения о том, что сильное государство, диктатура и репрессии могут привести страну к отсутствию коррупции, являются неверными. Опыт страны Китай показывает совершенно противоположное. Количество людей, которые берут взятки, уменьшается на очень маленький процент, а суммы взяток увеличиваются в несколько раз, так как риск растет. Превышение полномочий чиновников приводит к их личному решению: кого наказать, а кого отпустить [3].

Если в обществе царит демократия, это далеко не всегда гарантирует свободу от коррупции, а всего лишь дает больше возможностей: благодаря свободе выражения своих мыслей журналисты могут контролировать чиновников государства; гражданское общество может сделать выше эффективность деятельности комиссий по вопросам, не касающимся правительства.

В Ботсване высокая степень коррупции была снижена:

1) повышением уровня заработных плат чиновникам;

2) наказанием за коррупцию санкциями больших масштабов.

«Культура открытости» является на сегодняшний день очень актуальной. Вся информация является открытой для посторонних лиц, государственная власть ведет деятельность, которая находится на виду, печать имеет свободный формат, общество активно следит за тем, чем занимается государство, в результате всего перечисленного выше коррупция идет на спад. Яркий пример внедрения «культуры открытости» – Сеул. Программа ОПЕН делает свое дело с 1999 года, выглядит она как

контроль в режиме онлайн, создана она для рассмотрения заявок, которые направляют обычные граждане, желающие видеть работу чиновников. Личного контакта с высокопоставленными лицами нет. В результате ОПЕН, исключая прямую связь общения с гражданами как необходимого условия коррупции, выполняет главную задачу: предупреждать коррупционные.

Япония оказывает большое внимание противодействию коррупции. Подтверждение их эффективности можно найти Transparency International за 2018 год. Основная роль борьбы со коррупцией Японии заключается в воспитании общественности Японии. Коррупция в Японии – это ужасное преступление. Япония переводит «коррупцию» как «грязную работу». Тень коррупции падает на семью человека, который совершил коррупционное преступление. Согласно статье 197 Кодекса Японии для получения, требования или предварительного получения взятки, участвующий в этом в Японии получает наказание до 7 лет, выраженное трудом физического характера [1].

Законодательство в Японии обращает особое внимание на этику политиков-служащих, которые выполняют свою работу. В главе Закона о парламенте сказано, о «политической этике». Депутаты, состоящие в парламенте, с особой строгостью подходят к Программе политической этики и правилам поведения. Каждая палата имеет специальный контроль в виде комиссии, сформированной из представителей каждой фракции партии в зависимости от их числа.

Япония известна законом о госэтике, который накладывает ограничения и определенные правила о строгом запрете на получение предпринимателями подарков и услуг по профессиональной деятельности сотрудников. Выполнение закона находится под строгим контролем [2].

В процессе изучения данной темы было выделено несколько основных моделей борьбы с коррупцией:

1. Скандинавская модель: на двух уровнях, исполнительном и законодательном, властями установлены высокие нравственные стандарты, достигаемые благодаря антикоррупционным стимулам.

Здесь производится транспортировка процесса политического характера. О внутриведомственной документации может получить данные любой желающий. Под запретом военная тайна.

Модель, работающая в Великобритании, предполагает работу в парламенте, которая идентична «общественно полезной деятельности». Для того, чтобы вступить в данную партию, необходимо обладать высоким имущественным цензом. Такая стратегия также реализуется в модели Скандинавии.

Благодаря применению скандинавских моделей в борьбе с коррупцией Швеция на сегодняшний день является одной из наиболее низких коррумпированных стран в мире. Конечно, это очень хороший результат, к которому следует стремиться многим странам.

2. Западноевропейская модель: в данном случае механизм борьбы против коррупции основан на следующих принципах:

- 1) охраны казны государства;
- 2) принципа создания стимулов против коррупции с помощью повышения норм этики;
- 3) запрета в участии в структурах бизнеса должностным лицам, оказывавшим услуги протекции, в течение 5 лет.

На сегодняшний день в данной модели:

- 1) ликвидируются пробелы в законодательстве;
- 2) ведется контроль телефонных разговоров должностных лиц;
- 3) ведется уголовное преследование лиц, осуществляющих коррупционную деятельность.

Так, западноевропейская модель осуществляет превентивные и реагирующие меры по борьбе с коррупцией.

Каждая страна, использующая данную модель, добавляет свои мероприятия по борьбе с коррупцией. В Саудовской Аравии политика государства в отношении противостояния коррупции строится на авторитетах религии, ценностях семьи, отсутствия коррупции при обучении молодого населения.

В стране России преобладают реактивные способы борьбы со взяточничеством и казнокрадством, они являются мерой противодействия против взяточничества, а также казнокрадства. В действительности в России меры не работают. Создаются структуры от государства с новыми характеристиками, такие как Антикоррупционный Комитет, после закон ужесточается. Рост оплаты труда чиновников имеет тенденцию к росту, а его разница со средними доходами населения за последний пятилетний период выросла в разы [4].

Выводы: 1. Систематический анализ антикоррупционных мероприятий позволяет выявить основные методологические подходы к борьбе с коррупционной преступностью в разных странах.

2. Горизонтальная и вертикальная модели противостояния коррупции помогают отреагировать на коррупцию с разных уровней системы политики. Отличия моделей состоят в скорости достижения желаемого результата.

3. Опыт разных стран по противодействию коррупции доказывает необходимость внедрения превентивных и профилактических мер по коррупционным делам и схемам коррупции [5].

Методы противодействия коррупции в разных странах можно применять в Российской Федерации, но с некоторыми условиями: при глубокой перестройке всей огромной системы и изменениях всех критериев и характеристик данной системы, начиная от изменения принципов разграничения высокопоставленного общества и заканчивая механизмом распределения госзаказов.

Литература

1. Михеев, Р.И. Морозов, Н.А. Коррупция в современной Японии и меры борьбы // Коррупция и борьба с ней. – М., 2000. – С. 225.
2. Моисеев В.В. Борьба с коррупцией в России. М.: Директ-медиа, 2014. –С.400
3. Гудошников Л.М. Об опыте борьбы с коррупцией в Гонконге: информ. материалы. Сер. «Общество и государство в Китае в ходе реформ» //Институт Дальнего Востока. Центр науч. информ. и банка данных. – 1999,–№ 4. С. 96.
4. Лопатин В.Н. О системном подходе в антикоррупционной политике //Государство и право. – 2001. – № 23. – С. 32.
5. Международный комитет по борьбе с преступностью ИКОКРИМ (ICOCRIM). Электронный ресурс. URL: <http://ria.ru/spravka/20130522/938759950.html> (дата обращения: 20.20.2024)

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN COMBATING CORRUPTION

Nedova N.S., Zakharya I.T.

Russian University of Transport (MIIT); Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Today, corruption has the ability to adapt to development in the political, social and economic fields. In this regard, the topic of international experience in combating corruption is relevant. The main ways to combat corruption are highlighted here, which have a direct connection with the goals and objectives of the state, which is very important today. The assessment of international experience in this area is presented by two approaches: institutional and systemic. This article analyzes the main ways to combat corruption in different countries around the world. The article presents the main recommendations for the modernization of this activity. This article highlights the issue of applying the experience of various countries in combating corruption in various areas of foreign countries. The classification of various models of anti-corruption activities is proposed within the framework of the existing experience to date.

Keywords: corruption, international experience, anti-corruption activities, fight against corruption, anti-corruption measures, foreign experience.

References

1. Mikheev, R.I. Morozov, N.A. Corruption in modern Japan and measures to combat it // Corruption and the fight against it. – М., 2000. – P. 225.
2. Moiseev V.V. Fight against corruption in Russia. M.: Direct-media, 2014. -P.400
3. Gudoshnikov L.M. On the experience of fighting corruption in Hong Kong: information materials. Series. " Society and state in China during reforms" // Institute of the Far East. Center for scientific information and data bank. – 1999,-No. 4. P. 96.
4. Lopatin V.N. On a systems approach to anti-corruption policy // State and Law. – 2001. – No. 23. – P. 32.
5. International Committee on Crime Control ICOCRIM (ICOCRIM). Electronic resource. URL: <http://ria.ru/spravka/20130522/938759950.html> (date of access: 20.20.2024)

Взаимодействие Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ) с региональными группами по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем в области национальных правовых практик по борьбе с отмыванием доходов

Рахманов Роман Арсланович,

аспирант, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В работе осуществляется анализ актуальной проблематики, связанной с сотрудничеством между Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма и Рабочей группой по формированию финансовых механизмов противодействия отмыванию денег (ФАТФ) в рамках разработки глобальных стандартов по борьбе с отмыванием денег (ПОД) и финансированием терроризма (ФТ), рассматривается использование национальными стандартами в этой сфере. Автор декодирует аббревиатуры международных и региональных группировок; выделяет ключевые международные и национальные аспекты работы в области ПОД/ФТ; излагаются основания, цели, задачи и характеристики сотрудничества между международными и национальными органами, вовлеченными в деятельность в изучаемой сфере.

Цель: проанализировать характер взаимодействия между Евразийской ассоциацией, занимающейся борьбой с легализацией нелегальных доходов и поддержкой терроризма, Финансовой группой по разработке механизмов противодействия легализации средств (ФАТФ) и национальными структурами, задействованными в борьбу против легализации преступных доходов.

Методы: в статье применены методологические подходы анализа, синтеза, сопоставления, историографические методы и другие теоретические стратегии исследования.

Результаты: изучены формы кооперации между международными и региональными ассоциациями для противодействия легализации преступных доходов, а также с национальными органами по борьбе с этим явлением, определены методы обмена информацией между данными структурами, выявлены направления будущего развития национальных систем противодействия легализации доходов на базе анализа используемой литературы.

Выводы: Региональные объединения играют ключевую роль в формулировании стратегий по борьбе с отмыванием средств, и, кроме этого, способствуют повышению осознания важности неуклонных усилий в отношении борьбы с легализацией незаконных средств, что создает основу для развития необходимых специализированных органов в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: ФАТФ, ЕАГ, национальные органы, ПОД/ФТ, отмывание доходов.

Финансовая деятельная группа (ФАТФ) является международной организацией, задачей которой является разработка стратегий по осуществлению финансового регулирования в целях предотвращения мошенничества с нелегальным капиталом на основе принципов устойчивого развития. Данная организация способствует созданию эффективных мер и региональных подходов к проблемам, связанным с отмыванием денежных средств, применяя выработанные самой ФАТФ методологии.

Задача созданных ФАТФ региональных объединений заключается в интеграции в национальное правоприменение продвинутых методов борьбы с легализацией доходов, полученных незаконным путем. Эти методики, соответствующие указаниям ФАТФ, имеют целью их реализацию в определенных географических районах с учетом специфики каждого конкретного региона [1].

На сегодняшний день активно действуют 9 подобных региональных ассоциаций, созданных по образцу ФАТФ, и объединяющих в своем составе 198 стран-участниц на всех континентах [2]. Государства, присоединившиеся к этим объединениям, структурированным подобно ФАТФ, обладают статусом полноправных членов и участвуют на равных правах в сессиях и мероприятиях, организуемых ФАТФ. Обмен обширной информацией между ФАТФ и её региональными филиалами крайне важен для эффективности деятельности как региональных группировок, так и самой ФАТФ, поддерживающей обновление базы данных о мерах по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма в разных государствах.

Критерии для присоединения к ФАТФ, установленные организацией в 2008 году, создают основу для взаимодействия и обмена опытом между её членами и членами региональных групп. Присоединяясь к ФАТФ, страны должны соответствовать определенным ключевым критериям, включая масштаб экономики, её влияние на мировую финансовую структуру, а также готовность поддерживать инициативы по предотвращению отмывания денег и финансированию терроризма. Однако, кроме этих требований, для полноценного членства важно активное участие в деятельности одной из региональных групп, созданных по модели ФАТФ. [3].

В состав Финансовой группы по противодействию отмыванию денег (ФАТФ) входят 16 стран, которые также являются членами одной или не-

скольких ассоциированных с ФАТФ региональных организаций, среди которых находятся Австралия, Бразилия, Гонконг (относящийся к КНР), Индия, Канада, сама КНР, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Республика Корея, Российская Федерация, Сингапур, Соединенные Штаты Америки, Южно-Африканская Республика и Япония. По словам Луиса Урруция Коррала, который возглавлял ФАТФ в период 2010–2011 годов, критически важную функцию в налаживании стандартов и повышении общей эффективности деятельности ФАТФ играет слаженная работа и координация между ФАТФ и её ассоциированными членами. Региональные организации, формируемые по образцу ФАТФ, способствуют укреплению и прогрессу систем, направленных на борьбу с отмыванием денег и финансированием террористической деятельности в соответствующих регионах. Они занимаются анализом эффективности ПОД/ФТ мер в странах входящих в их численный состав, формулированием предложений по совершенствованию данных систем, а также изучением традиционных моделей и схем, применяемых в целях легализации противоправных доходов. Итоги подобных исследований обогащают практическую базу и фундамент для обмена наилучшим опытом среди представителей бизнеса различной масштабности, контрольно-надзорных и регуляторных органов, стражей порядка, а также академических кругов.

Региональные объединения играют важную роль в достижении целей по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, установленных Группой действий по финансовым мерам (ФАТФ). Один из ярких примеров – Евразийская группа (ЕАГ). Это крупное объединение, созданное по российской инициативе в Москве в 2004 году, сегодня включает в себя девять стран Евразии. ЕАГ способствует сотрудничеству стран-участников, помогая им соответствовать международным стандартам ФАТФ и укреплять региональную и глобальную систему противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

Активность Евразийской группы по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма (ЕАГ) характеризуется предоставлением целенаправленной технической поддержки странам региона с целью синхронизации их внутренних механизмов противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) с международно признанными нормами. Инициативы группы охватывают разработку стандартизированных регулятивных документов и законодательных актов, связанных с ПОД/ФТ, реализацию образовательных проектов для экспертов в домене финансовой разведки и сотрудников надзорных и правопорядковых структур. ЕАГ также активизирует согласованное взаимодействие между своими участниками с целью усиления общей эффективности в области борьбы с этими угрозами на региональном уровне, а также стимулирует создание обширного информационного поля, упрощающего коммуникационные процессы между членами группы и анали-

тическим сообществом. Взаимодействие в данной сфере осуществляется посредством организации и проведения специализированных мероприятий, включая конференции, семинары и круглые столы [9].

На протяжении своего существования, ключевым элементом миссии Евразийской группы является проведение и развитие совместных образовательных инициатив, направленных на борьбу с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма. В это направление включено активное участие более чем тысячи лиц из государственного аппарата, частных секторов, а также образовательных и научных учреждений стран-членов ЕАГ в обучающих программах и обмене опытом. Ресурсы Международного учебно-методического центра финансового мониторинга (МУМЦФМ), созданного под эгидой Росфинмониторинга в ноябре 2005 года, используются для детализированного и комплексного обучения специалистов, а также для поднятия профессиональных стандартов в сфере ПОД/ФТ. Реализация этих задач достигается через разработку обширного комплекса учебных курсов и программ, целенаправленно адаптированных для различных специализированных категорий специалистов.

Информационный Бюллетень, выпускаемый в рамках учебной инициативы ЕАГ, играет ключевую роль в публикационной стратегии организации, нацелен на распространение информации о том, как страны-участники адаптируют свои системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) к мировым стандартам, а также об основных событиях и успехах в этой сфере. Информационная и коммуникационная политика ЕАГ направлена на усиление внимания к вопросам ПОД/ФТ, стимулирование общения с общественностью и углубление понимания этих вопросов через применение современных методик и стандартов ФАТФ.

Также ЕАГ активно консультирует представителей регионального бизнеса по снижению рисков вовлечения в противоправные финансовые активности. На консультациях участники знакомятся с глобальными и местными тенденциями в области ПОД/ФТ, анализируют существующие риски и разрабатывают стратегии для их предотвращения, а также обсуждают результаты исследований, выполненных экспертами группы.

В ходе реализации указанных мероприятий формируются специфицированные рекомендации, которые целятся на минимизацию опасностей, связанных с отмыванием денег и финансированием терроризма (ПОД/ФТ), и наращивание контроля в этой области. Сотрудничество между частными компаниями и государством помогает создать хорошую систему для борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. Это важно для экономики страны и банков. Когда местные компании следуют международным правилам, это улучшает их репутацию и делает их более привлекательными для инвестиций [11].

Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов (ЕАГ) предоставляет участникам не только техническую поддержку, но и методологическую. Это способствует повышению уровня информированности участников и более эффективному обмену информацией через установленные каналы на принципах равноправия и взаимоподдержки. Кроме того, ЕАГ играет ключевую роль в разъяснении рекомендаций и формировании конструктивного диалога между всеми сторонами на пленарных сессиях, организуемых с равным участием стран-членов.

Оттого является очевидным, что Евразийская группа по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, занимает стратегическую позицию в усилении глобальных усилий по повышению осведомленности о важности постоянной борьбы с отмыванием денежных средств. ЕАГ выделяется как замечательный пример специализированной организации, работающей с долгосрочной перспективой.

Благодаря инициативам ЕАГ и других региональных объединений с аналогичными целями, страны, которые не являются частью Финансовой группы действий против отмывания денег, присоединяются к общемировым усилиям, направленным на предотвращение легализации незаконных финансовых активов.

Литература

1. Рахманов Р.А. Взаимодействие Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма и Федеральной службы по финансовому мониторингу как составная часть системы формирования международных стандартов ПОД/ФТ // *International Law Journal*. 2023. Том 6. № 8. С.
2. FATF Members and Observers [Электронный ресурс] // FATF. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/countries/fatf.html> (дата обращения: 05.10.2024)
3. About EAG [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: <https://eurasiangroup.org/en/about-eag> (дата обращения: 05.10.2024)
4. Информация о ЕАГ [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: <https://eurasiangroup.org/ru/general-information> (дата обращения: 05.10.2024)
5. Годовой отчет ЕАГ – 2015 г. [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/about_eag/annual_reports/PLEN_2016_2_rus.pdf (дата обращения: 05.10.2024)
6. Техническое содействие и обучение [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: <https://eurasiangroup.org/ru/technical-assistance-and-training-itmcfm> (дата обращения: 05.10.2024)
7. Информационно-коммуникационная стратегия Евразийской группы. [Электронный ресурс] // ЕАГ. 2022 г. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2021\)_24_rus.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2021)_24_rus.pdf) (дата обращения: 05.10.2024)

8. Консультации с частным сектором [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: <https://eurasiangroup.org/ru/konsul-tacii-s-chastnym-sektorom-eag> (дата обращения: 05.10.2024)
9. Итоги 37-го Пленарного заседания ЕАГ [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: <https://eurasiangroup.org/ru/results-of-the-37th-eag-plenary-meeting> (дата обращения: 05.10.2024)
10. Improving Global AML/CFT Compliance: On-going Process – 18 October 2019 Paris, France, 18 October 2019 // Официальный сайт Центрального Банка РФ. URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/85874/IGCOct2019.pdf> (дата обращения: 05.10.2024)
11. The 29th annual Egmont Group (EG) Plenary took place from July 3–7, 2023, in Abu Dhabi, UAE // ЭГМОИТ. URL: <https://egmontgroup.org/news-and-events/> (дата обращения: 05.10.2024)
12. Годовой отчет ЕАГ – 2016 г. [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/about_eag/annual_reports/PLEN_2017_2_rus.pdf (дата обращения: 05.10.2024)
13. Годовой отчет ЕАГ – 2017 г. [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/other_docs/other_docs/PLEN_\(2018\)_2_rus.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/other_docs/other_docs/PLEN_(2018)_2_rus.pdf) (дата обращения: 05.10.2024)
14. Годовой отчет ЕАГ – 2018 г. [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2019\)_2_rus_2.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2019)_2_rus_2.pdf) (дата обращения: 05.10.2024)
15. Годовой отчет ЕАГ – 2019 г. [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2020\)_2_rev_1_rus_2.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2020)_2_rev_1_rus_2.pdf) (дата обращения: 05.10.2024)
16. Годовой отчет ЕАГ – 2020 г. [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2021\)_7_rev_1_rus.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2021)_7_rev_1_rus.pdf) (дата обращения: 05.10.2024)
17. Годовой отчет ЕАГ – 2021 г. [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2022\)_7_rev_1_rus.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2022)_7_rev_1_rus.pdf) (дата обращения: 05.10.2024)
18. Годовой отчет ЕАГ – 2022 г. [Электронный ресурс] // ЕАГ. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2023\)_7_rev_1_rus_\(1\).pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2023)_7_rev_1_rus_(1).pdf) (дата обращения: 05.10.2024)

INTERACTION OF THE FINANCIAL ACTION TASK FORCE ON MONEY LAUNDERING (FATF) WITH REGIONAL GROUPS ON COMBATING THE LAUNDERING OF PROCEEDS OF CRIME IN THE FIELD OF NATIONAL LEGAL PRACTICES TO COMBAT MONEY LAUNDERING

Rakhmanov R.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This study examines critical issues surrounding collaboration between the Eurasian Group on Combating the Legalization of Criminal Proceeds and the Financing of Terrorism and the Financial Action Task Force (FATF) in formulating global standards to counter money laundering (AML) and terrorism financing (CFT). It explores the integration of national standards within this context. The paper clarifies the acronyms for international and regional coalitions; highlights key international and national dimensions of AML/CFT efforts;

and delineates the principles, goals, tasks, and features of cooperation among global and national entities engaged in this sector.

Objective: To investigate the dynamics of interaction between the Eurasian Association, focused on combating the legitimization of illicit funds and terrorism financing, the Financial Action Task Force (FATF), and national frameworks involved in thwarting the legitimization of criminal finances.

Methods: This research employs methodological approaches encompassing analysis, synthesis, comparison, historiographical methods, and other theoretical investigative techniques.

Results: The study analyzes forms of collaboration between international and regional bodies in preventing the legitimization of criminal funds as well as engagement with national authorities combating this issue. It identifies methods for exchanging information among these entities and proposes future directions for developing national systems to prevent income legalization, based on a review of relevant literature.

Conclusions: Regional associations play a key role in formulating strategies against money laundering, and furthermore, contribute to raising awareness of the importance of consistent efforts in fighting the legalization of illicit funds, which lays the foundation for the development of necessary specialized bodies in the long term.

Keywords: FATF, EAG, national bodies, AML/CFT, legalization of criminal proceeds.

References

1. Rakhmanov R.A. Interaction of the Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism and the Federal Financial Monitoring Service as an Integral Part of the System for Forming International AML/CFT Standards // International Law Journal. 2023. Vol. 6. No. 8. P.
2. FATF Members and Observers [Electronic resource] // FATF. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/countries/fatf.html> (accessed: 05.10.2024)
3. About EAG [Electronic resource] // EAG. URL: <https://eurasiangroup.org/en/about-eag> (accessed: 05.10.2024)
4. Information about EAG [Electronic resource] // EAG. URL: <https://eurasiangroup.org/ru/general-information> (date of access: 05.10.2024)
5. EAG Annual Report – 2015 [Electronic resource] // EAG. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/about_eag/annual_reports/PLEN_2016_2_rus.pdf (date of access: 05.10.2024)
6. Technical assistance and training [Electronic resource] // EAG. URL: <https://eurasiangroup.org/ru/technical-assistance-and-training-itmcfm> (date of access: 05.10.2024)
7. Information and communication strategy of the Eurasian Group. [Electronic resource] // EAG. 2022 URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2021\)_24_rus.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2021)_24_rus.pdf) (accessed: 05.10.2024)
8. Consultations with the private sector [Electronic resource] // EAG. URL: <https://eurasiangroup.org/ru/konsul-tacii-s-chastnym-sektorom-eag> (accessed: 05.10.2024)
9. Results of the 37th Plenary Session of the EAG [Electronic resource] // EAG. URL: <https://eurasiangroup.org/ru/results-of-the-37th-eag-plenary-meeting> (date of access: 05.10.2024)
10. Improving Global AML/CFT Compliance: On-going Process – 18 October 2019 Paris, France, 18 October 2019 // Official website of the Central Bank of the Russian Federation. URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/85874/IGCOct2019.pdf> (date of access: 05.10.2024)
11. The 29th annual Egmont Group (EG) Plenary took place from July 3–7, 2023, in Abu Dhabi, UAE // EGMONT. URL: <https://egmontgroup.org/news-and-events/> (access date: 05.10.2024)
12. EAG Annual Report – 2016 [Electronic resource] // EAG. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/about_eag/annual_reports/PLEN_2017_2_rus.pdf (access date: 05.10.2024)
13. EAG Annual Report – 2017 [Electronic resource] // EAG. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/other_docs/other_docs/PLEN_\(2018\)_2_rus.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/other_docs/other_docs/PLEN_(2018)_2_rus.pdf) (access date: 05.10.2024)
14. EAG Annual Report – 2018 [Electronic resource] // EAG. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2019\)_2_rus_2.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2019)_2_rus_2.pdf) (date accessed: 05.10.2024)
15. EAG Annual Report – 2019 [Electronic resource] // EAG. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2020\)_2_rev_1_rus_2.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2020)_2_rev_1_rus_2.pdf) (date accessed: 05.10.2024)
16. EAG Annual Report – 2020 [Electronic resource] // EAG. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2021\)_7_rev_1_rus.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2021)_7_rev_1_rus.pdf) (access date: 05.10.2024)
17. EAG Annual Report – 2021 [Electronic resource] // EAG. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2022\)_7_rev_1_rus.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2022)_7_rev_1_rus.pdf) (access date: 05.10.2024)
18. EAG Annual Report – 2022 [Electronic resource] // EAG. URL: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2023\)_7_rev_1_rus\(1\).pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2023)_7_rev_1_rus(1).pdf) (access date: 05.10.2024)